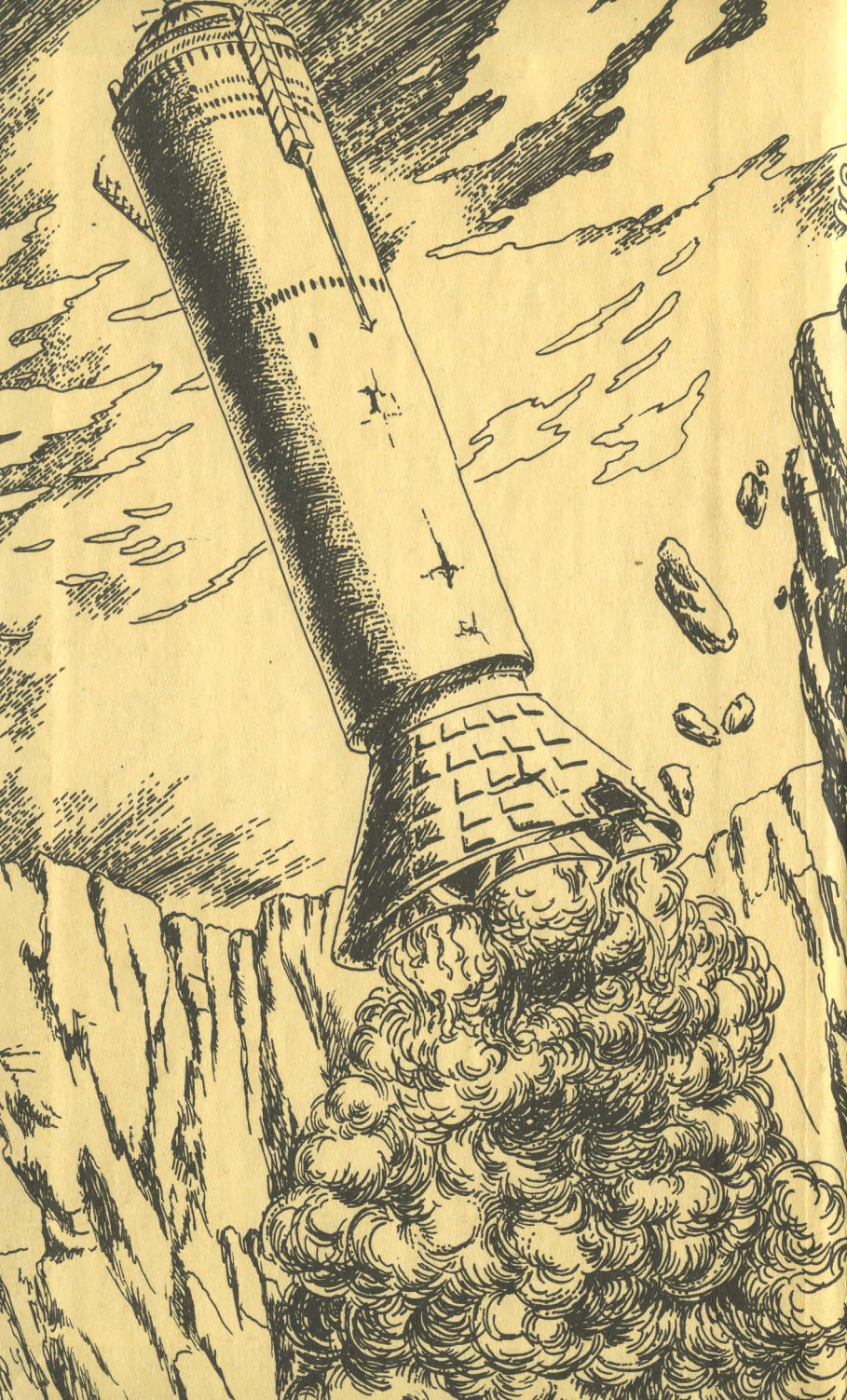

A dynamic comic book illustration featuring a Wookiee in a yellow and black armor, roaring with its mouth open, showing sharp teeth. The Wookiee is holding a blaster in its right hand. To the left, a purple, tentacle-like creature is visible. The background is a dark, starry space. The title 'Осколок империи' is written vertically on the right side, and 'ЛАРРИ НИВЕН' is written in large, bold letters at the bottom left. A small, stylized logo is in the bottom right corner.

Осколок империи

ЛАРРИ
НИВЕН

ЛАРРИ НИВЕН

Осколок империи

ЛАРРИ
НИВЕН

Бег иноходца

Нейтронная звезда

Подарок с Земли

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«СЕВЕРО-ЗАПАД»

1994

Перевод с английского:

С. Миролюбов,

Виктор Емец,

Сергей Чехоян

Нивен Л.

Н 60 Осколок Империи: Роман, рассказы / Пер. с
англ. — СПб.: Северо-Запад, 1994. — 639 с.

ISBN 5-8352-0352-7

Ларри Нивен — выдающийся американский писатель-фантаст — известен российскому читателю по издававшемуся ранее сериалу «Мир—Кольцо», а также по совместным работам с Джерри Пурнэллем «Соринка в зените Господней» и «Молот Люцифера». Настоящее издание представляет сборник новелл «Нейтронная звезда» и «Бег иноходца» — великолепный ряд небольших произведений, связанных общими героями. Новеллы написаны превосходным языком, динамичны и пронизаны тонкой иронией. Также в книгу вошел роман «Подарок с Земли» — захватывающая космическая эпопея. Перед читателем разворачивается удивительная, яркая картина мира будущего — путешествия во времени, космические странствия, битвы с чудовищами, контакт с неземным разумом.

© С. Миролюбов, В. Емец, С. Чехоян, перевод, 1994

© «Северо-Запад», подготовка текста, 1994

© В. Каневец, обложка, 1994

ISBN 5-8352-0352-7

© А. Куташов, иллюстрации, 1994

Было время, когда я рассказывал свои истории людям, чтобы проверить, стоит ли эти истории записывать. Мне нужно было знать, где нарушается логика повествования, что следует объяснить подробнее, понимает ли слушатель, что я хотел сказать, и стоит ли вообще говорить о том, о чем я завел рассказ. Сколько ушей я прожужжсал в те дни!

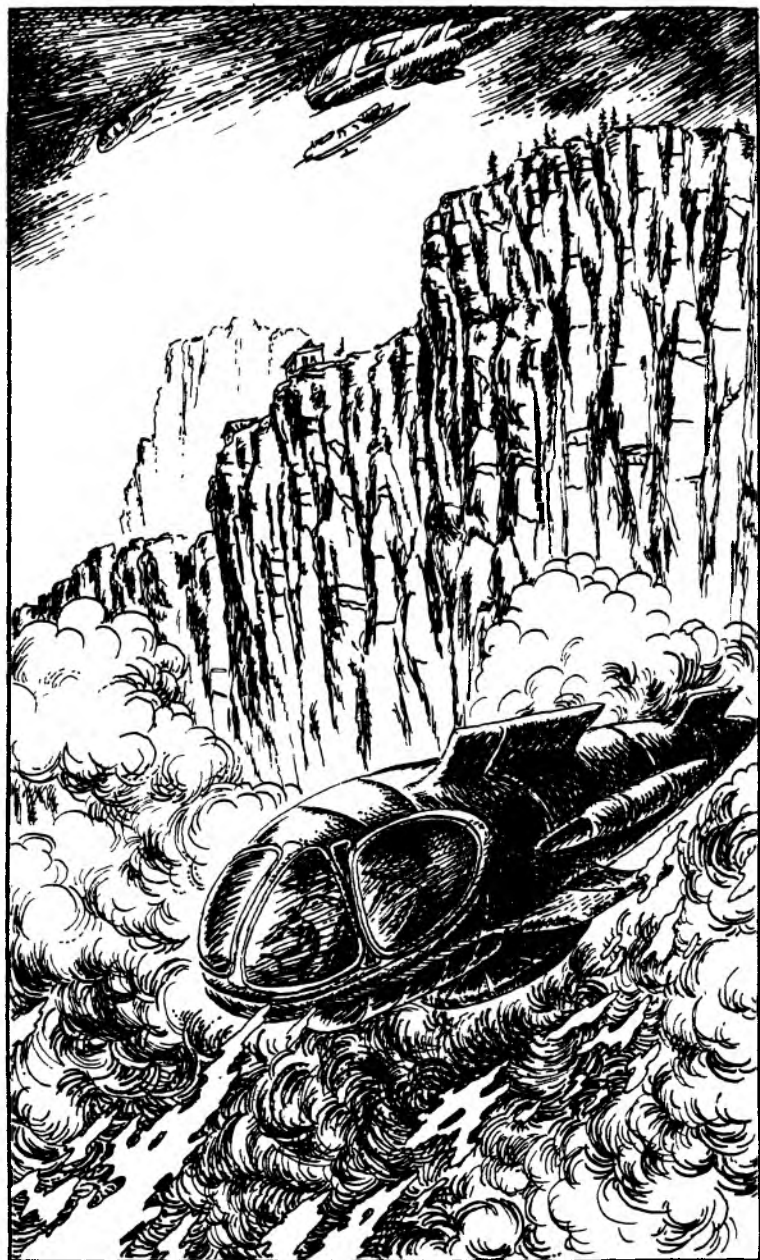
Эту книгу я посвящаю тем, кто не отказывался меня слушать, и в первую очередь — моему брату Майку.

рассказы

Бег

И Н О Х О Д Ц А

БЕГ ИНОХОДЦА

Шел семьсот пятидесятый год доатомной эры, или, приблизительно, тысяча двухсотый год христианской эры. Энвил Светц вышел из камеры расширения и огляделся.

Для него тысячу сто лет назад родилась атомная бомба и тысячу лет назад умер конь. Светц впервые путешествовал в прошлое. Тренировки не в счет: их стоимость оценивается отдельно от затрат на настоящее путешествие во времени, которое обошлось в несколько миллионов коммерческих единиц. Светца пошатывало: сказывались побочные гравитационные эффекты, сопровождающие перемещение во времени. Его оцепенял воздух прединдустриальной эры и сознание неотвратимости судьбы, и в то же время он не был уверен, что совершил какое-либо перемещение во времени или даже в пространстве. Издержки профессии.

Светц вышел без анестезирующего ружья. Ему поручено добыть коня, но вряд ли животное встретится ему у двери камеры. Какой оно величины? Где его искать? Институту не на что было опереться в расчетах, кроме как на две-три картинки из детской книги, сохранившейся с древних времен, и старое предание — которому едва ли можно верить, — о том, что когда-то коней использовали как транспортное средство!

Светцу пришлось опереться рукой о выпуклую стену камеры: кружилась голова. Он не сразу понял, что перед ним конь.

Животное стояло в пятнадцати ярдах от камеры расширения, глядя на Светца большими, умными карими глазами. Оно оказалось гораздо больше, чем предполагал Светц. Кроме того, у коня на картинке была лоснящаяся темно-рыжая шкура и короткая грива, а это животное было совершенно белое, и грива его волновалась на ветру, как длинные женские волосы. Имелись и другие отличия. И все же животное так походило на изображение в книге, что не оставалось сомнений — это конь.

Светцу показалось, что конь наблюдает за ним, давая возможность опомниться и понять происходящее. Светц

потратил еще несколько секунд на сожаления о том, что не взял анестезирующее ружье. И тут конь, засмеявшись, убежал прочь. Он пропал из виду невероятно быстро.

Светца охватила дрожь. Его предупреждали, что конь — разумное существо, но как по-человечески звучал его смех!

Теперь можно не сомневаться: он в далеком-далеком прошлом. Доказательством служило не столько появление коня, сколько пустота, в которой остался Светц, когда конь исчез. Он стоял посреди пустынной равнины, под опрокинутым небом, не продырявленным небоскребами и не исполосованным следами самолетов. Его окружала девственная природа: деревья, цветы, поросшие травой холмы.

И тишина... Светц словно оглох. После того как затих смех коня, он не слышал ни звука. В тысяча сотом году атомной эры на Земле не осталось уголка, где было бы так тихо. Вслушиваясь в тишину, Светц наконец убедился, что попал на Британские острова, какими они были до прихода цивилизации. Он на самом деле совершил путешествие во времени.

Камера расширения — это та часть машины времени, которая непосредственно перемещается во времени. В ней имеется запас воздуха. В пути воздух необходим, но здесь, на заре цивилизации, он не нужен. Здесь есть свой воздух, не оскверненный отходами реакций ядерного распада или сгорания угля, углеводов, табака, древесины...

В страхе спеша укрыться от мира древности в знакомом мире камеры, Светц все же не закрыл за собой дверь.

В камере он почувствовал себя лучше. Снаружи — неисследованная планета, пугающая своей неизвестностью. Внутри — все как на тренировке. Светц провел несколько месяцев в точно такой же камере. Компьютер моделировал ситуацию. Создавались даже особые гравитационные условия, чтобы Светц мог испытать побочные гравитационные эффекты, неизбежные при путешествии во времени.

Конь, наверное, уже далеко. Но Светц теперь знает, какой он величины, и знает, что в этой местности есть кони. Что ж, за дело...

Светц отстегнул от стены анестезирующее ружье и зарядил его анестезирующей иглой из растворимого кристаллического вещества, подходящей (по его мнению) для коня по величине. В наборе имелись иглы разных размеров. Самая маленькая вызывала безобидный обморок у землеройки, самая большая — у слона. Светц повесил ружье на плечо и поднялся на ноги.

У него потемнело в глазах. Чтобы не упасть, Светц ухватился рукой за скобу на стене, в которой держалось ружье.

Вот уже двадцать минут, как камера остановилась. Слабость должна пройти. Еще ни разу Институт Времени не запускал камеру расширения в доатомную эру. Путешествие было долгим и мучительным. Искаженное тяготение стремилось собрать массу всего тела Светца к его солнечному сплетению.

Когда в голове прояснилось, Светц вновь занялся сборами. Он отстегнул от стены летучий посох — пятифутовую трубу, в которую вмонтированы генератор антигравитационного поля и двигатель. На верхнем ее конце располагается руль, на нижнем — кистевой разрядник, а у середины — сиденье в форме люльки и привязной ремень. Техническая новинка даже для того далекого будущего, откуда прибыл Светц. Продукт космической промышленности.

При всей своей компактности посох с выключенным двигателем весил тридцать фунтов. Светц выбился из сил, высвобождая его из зажимов. Ему становилось все хуже.

Светц наклонился, чтобы поднять посох, и вдруг почувствовал, что еще чуть-чуть — и он упадет в обморок. Он нажал кнопку «дверь» и потерял сознание.

— Мы не знаем, куда ты попадешь, когда вернешься, — говорил Ра Чен, директор Института Времени, высокий, солидный человек с грубоватыми чертами и вечно недовольным выражением лица. — Дело в том, что мы не можем сфокусироваться на определенном моменте времени. Ты не окажешься под землей или под водой — это невозможно при том способе расходования энергии, который используется в нашей машине. Если ты появишься на высоте тысячи футов над землей, ты не упадешь. Камера будет опускаться очень медленно — с великолепным презрением к необходимости экономить энергию и деньги...

В ту ночь Светцу снились кошмары. Раз за разом камера расширения оказывалась в толще скальной породы и взрывалась с грохотом и ослепительной вспышкой.

— По официальной версии, мы добываем коня для Исторического Бюро, — говорил Ра Чен, — в действительности он нужен Генеральному Секретарю к двадцать восьмому дню рождения. Интеллект у него на уровне шести лет: королевская семья вырождается. Мы показали парню детскую книжку сто тридцатого года пост-атомной эры, и теперь ему вынь да положь коня.

Светцу снилось, что за участие в подобной беседе его обвинили в государственной измене и приговорили к расстрелу.

— Иначе мы не добились бы одобрения проекта. Прежде чем сдать коня в ООН, мы снимем с него кое-какую информацию. Потом... гены — это код, а в кодах бывают ошибки. Привези самца, тогда мы наштамбуем столько разных коней, сколько понадобится.

Кому может понадобиться хоть один конь, недоумевал Светц. Он долго смотрел на копию рисунка из детской книжки, сделанную компьютером. Конь не произвел на него впечатления.

Зато Ра Чен нагонял страх.

— Мы еще никого не посылали в такое далекое прошлое, — сказал Ра Чен накануне путешествия, когда отступить с честью было уже невозможно. — Помни об этом. Если что-то случится, не надейся ни на справочники, ни на приборы. Работай головой, Светц, собственной головой. Одному Богу известно, как это мало...

В ту ночь Светц не мог заснуть.

— Да ты сам не свой от страха! — заметил Ра Чен, когда Светц входил в камеру. — Но ты хорошо держись, Светц. Кроме меня, никто не видит, что ты боишься. Именно поэтому я отправляю в это путешествие тебя: ты боишься, но идешь вперед. Без коня не возвращайся.

Директор повысил голос:

— Слышишь, не возвращайся без коня. И работай головой! Го-ло-вой.

Светц пришел в себя. Воздух! Нужно закрыть дверь, иначе — смерть! Дверь была закрыта. Светц сидел на полу, обхватив голову руками, страдая от головной боли.

Систему кондиционирования воздуха в камеру расширения пересадили из марсианского вездехода без единого изменения. Светц взглянул на датчики — показания нормальные. Конечно, ведь дверь закрыта.

Собравшись с духом, Светц открыл дверь. Когда в камеру хлынул сладкий, густой воздух Британии двенадцатого века, Светц задержал дыхание и снова взглянул на датчики. Показания изменились. Светц закрыл дверь и, обливаясь потом, стал ждать, когда система кондиционирования заменит этот сладкий яд привычной смесью газов, пригодной для дыхания.

На этот раз, выходя из камеры, Светц воспользовался еще одним достижением космической техники. Он надел на голову баллон, сделанный из материала, обладающего избирательной проницаемостью по отношению к газам. Баллон пропускал какие-то газы внутрь, другие наружу, и благодаря этому в нем всегда содержался воздух, пригодный для дыхания.

Баллон был почти прозрачный, виднелся только контур: там свет преломлялся наиболее сильно. Над головой Светца висел тоненький золотой обруч, как у святых на средневековых картинках, впрочем Светц не видел средневековых картин.

На нем была длинная свободная белая рубаша, без всяких украшений, перехваченная в талии поясом. В Институте решили, что такой наряд не нарушит ничьих обычаев и не оскорбит ничьих чувств. К поясу Светц пристегнул сумку с торговым снаряжением — миниатюрной термопресс-камерой, запасом корунда и красящих добавок. Вид у Светца был обиженный и унылый — как вышло, что он не может дышать чистым воздухом собственного прошлого?

В камере расширения Светц дышал воздухом своего времени, в котором содержалось почти четыре процента углекислого газа. Воздух семьсот пятидесятого года доатомной эры содержал менее одной десятой доли этого количества. В это время человек был редким животным в том месте, где оказался Светц. Сквозь человеческие легкие прошло еще не много воздуха, человеческие руки срубили не много деревьев и зажгли не много костров.

А промышленная цивилизация немыслима без жи-

гания топлива. В результате углекислый газ накапливается в атмосфере быстрее, чем зеленые растения успевают превратить его в кислород. За две тысячи лет, отделяющих Светца от его времени, человек приспособился к воздуху, богатому углекислым газом.

Для того чтобы автономный нерв, расположенный в левой подмышке, возбудил у человека дыхательный рефлекс, нужна определенная концентрация углекислого газа в воздухе. Светц потерял сознание потому, что не дышал.

Он надел баллон и почувствовал себя отверженным.

Светц оседлал летучий посох и дернул ручку на верхнем конце. Посох приподнялся над землей, и Светц, поудобнее устроившись на сиденье, еще раз дернул ручку и взлетел, как воздушный шарик.

Светц летел над живописной равниной, зеленой и пустынной. Жемчужно-серое небо еще не знало, что такое самолет. Через какое-то время Светц увидел полуразрушенную стену и полетел над ней. Стена привела его к селению. Если то, что говорится в древней легенде, — правда (а конь достаточно велик, чтобы тащить повозку), то рядом с конями должны быть и люди.

Вдоль стены тянулась полоса голой ровной земли, достаточно широкая для того, чтобы по ней мог пройти человек, а рядом земля то горбилась, то проваливалась. Светц понял, хотя не сразу, что это дорога. Конечно, утоптанная грязь мало похожа на автостраду, но сущность та же. Светц полетел над дорогой, держась на высоте десяти метров, и вскоре догнал человека в старом темном плаще с капюшоном. Тот шагал по дороге босиком, устало опираясь на посох.

Светц хотел спуститься к нему и расспросить о конях, но раздумал, так как не знал, куда попадет камера расширения, и не учил древних языков. Он вспомнил о комплекте торгового снаряжения, предназначенном не для общения, а для замены общения. Термопресс-камеру еще не испытывали в реальных условиях. Нет, это не для случайных встреч, мешочек с корундом слишком мал.

Снизу до Светца донесся крик. Он глянул на дорогу и увидел, что человек в капюшоне бежит со всех ног, забыв о посохе и об усталости.

Чего-то испугался, решил Светц. Оглядевшись, он не

увидел ничего, что могло бы внушить страх. Наверное, это что-то маленькое, но очень опасное.

В Институте подсчитали, что за период времени между настоящим и далеким будущим человек — случайно или с умыслом — истребил более тысячи видов млекопитающих и птиц. Трудно сказать, чего здесь сейчас следует опасаться. Светц вздрогнул. Этот человек с заросшим волосами лицом мог спастись от какой-нибудь жалящей твари, которой судьбой назначено убить Энвила Светца.

Светц раздраженно дернул ручку управления. Вылазка затягивалась. Кто мог подумать, что населенные пункты расположены так далеко друг от друга!

Через полчаса, отгородившись от ветра параболическим силовым полем, Светц несся над дорогой со скоростью шестьдесят миль в час.

Ему ужасно не везло. Люди, которые ему встречались, тут же убегали. Селения больше не попадались.

Он увидел скалу необычной формы. Ни один из известных Светцу геологических процессов не мог породить это прямоугольное безобразие с плоскими гранями. Светц сделал над скалой круг и с удивлением обнаружил, что она изрешечена прямоугольными тонелями.

Неужели здесь человеческое жилище? Светц не хотел этому верить. Жить в этих каменных норах — все равно что жить в подземелье. Но люди обыкновенно возводят прямоугольные постройки, а здесь — именно прямые углы.

У подножия изрытой норами каменной глыбы лепились лохматые холмики сухой травы с проемами в рост человека. Должно быть, это гнезда гигантских насекомых. Светц поскорее улетел.

Дорога поворачивала на большой зеленый холм. Светц замедлил полет. С вершины холма, журча, сбегал ручеек и пересекал дорогу. Какое-то крупное животное склонилось к ручью напиться.

Светц резко затормозил. Открытая вода — смертельный яд! Он не мог понять, чего испугался больше: коня или того, что конь на его глазах совершил самоубийство.

Конь поднял голову и увидел Светца. Это был тот же конь. Белый, как молоко, с роскошной белоснежной гривой и развевающимся на лету хвостом. Да, тот самый конь, что посмеялся над ним и убежал. Светц узнал его по злобному блеску глаз.

Как скоро он здесь оказался! Светц потянулся за ружьем, но тут обстоятельства неожиданно переменялись.

Девушка была совсем молоденькая, не старше шестнадцати лет. Длинные темные волосы были заплетены в косы и уложены в замысловатое сооружение. Из-под платья, сшитого из удивительно жесткого голубого полотна, виднелись только ступни. Она сидела в тени дерева, на темном покрывале, разостланном по темной земле. Светц мог ее и не заметить.

Он увидел девушку только тогда, когда конь подошел к ней, согнул ноги и положил свою крупную голову к ней на колени. Девушка еще не видела Светца.

— Ксенофилия! — В устах Светца это было самое страшное ругательство: он ненавидел представителей чуждых цивилизаций.

Очевидно, конь принадлежит девушке. Нельзя просто так выстрелить в него и присвоить. Его следует каким-то образом купить. Нужно подумать, но нет времени: девушка может в любой момент его заметить. А пока что конь не сводит с него мрачного взгляда темных глаз.

Светц не решился продолжить поиски дикого коня. В математике путешествий сквозь время всегда присутствует какая-то неопределенность, фактор Файнэгла. Она проявляется в неопределенности запаса энергии камеры расширения и возрастает с течением времени. Если Светц задержится в прошлом слишком долго, по дороге в будущее он сгорит заживо в разогревшейся камере.

Кроме того, конь пил воду из открытого источника. Он должен умереть, и умрет очень скоро, если Светц не перенесет его в 1100 год постатомной эры. Таким образом, похищение животного из этого времени не повлияет на ход истории. Все очень кстати, остается только преодолеть страх перед животным.

Конь ручной — бояться нечего. Девушка, такая юная и тоненькая, легко подчиняет его себе. Однако у животного имеется естественное оружие, о котором в злополучной книжке Ра Чена не сказано ни слова. Светц предположил, что более поздние поколения людей удаляли коням рога, не давая животным достигнуть возраста, в котором те становятся опасными. Ему следовало остановиться несколькими столетиями позднее.

А какой у коня взгляд! Животное испытывает к Светцу ненависть и понимает, что тот боится его.

Может, выстрелить из укрытия? Нельзя: увидев своего любимца бездыханным, девушка встревожится и будет не в состоянии воспринимать то, что ей будет говорить Светц. Придется действовать в открытую.

Светц не сомневался: конь убьет его, если перестанет доверять хозяйке или если девушка не сумеет удержать его.

Конь поднял голову навстречу Светцу. Девушка тоже взглянула вверх и удивленно округлила глаза. Она что-то сказала, наверное, задала вопрос.

Светц в ответ улыбнулся, приближаясь к коню и его хозяйке, медленно плывя по воздуху на высоте фута над землей. Он вел единственный в этом мире летательный аппарат и понимал, что производит потрясающее впечатление. Девушка не ответила на улыбку Светца. Она настороженно следила за ним. Когда до него оставалось несколько ярдов, она вскочила на ноги.

Светц тут же остановил летучий посох, опустил на землю и, просительно улыбаясь, вынул из сумки термопресс-камеру. Он старался не делать резких движений, чтобы девушка не испугалась и не бросилась бежать.

В комплект торгового снаряжения, кроме термопресс-камеры, входил мешочек с корундом (окисью алюминия) и несколько флаконов с красящими добавками. Светц насыпал в термопресс-камеру корундового порошка, прибавил щепотку оксида хрома и нажал на поршень. Цилиндр начал нагреваться. Через некоторое время на ладони Светца оказался кроваво-красный звездообразный рубин. Светц покатал его в пальцах, подставляя солнечным лучам. Красный, как густая кровь, сверкающий, как звезда, камень обжигал пальцы.

Глупец! Улыбка застыла на лице Светца. Почему Ра Чен не предупредил? Что подумает девушка, ощутив неестественную теплоту камня? Какой обман заподозрит?

Придется рисковать. Кроме термопресс-камеры, у него ничего нет. Светц нагнулся и пустил камень по мокрой земле. Девушка наклонилась за камнем. Одной рукой она поглаживала коня по холке, успокаивая его. Светц заметил у нее на запястье браслеты из желтого металла, не укрылась от его взгляда и грязь.

Девушка поднесла камень к лицу, заглянула в его огненно-красную глубину.

— О-о-о! — выдохнула она с восторгом и изумлением и улыбнулась Светцу.

Он тоже улыбнулся, подошел к ней поближе и подкатил к ее ногам желтый сапфир.

Как могло случиться, что один и тот же конь встретился Светцу дважды?

Он отдал девушке три камня и, держа на ладони еще три, жестом предложил ей оседлать летучий посох. Она покачала головой и села верхом на коня.

Конь и его хозяйка выжидательно глядели на Светца. Светц сдался. Он хотел, чтобы девушка летела на посохе, а конь шел следом. Если же они оба пойдут следом за Светцем, в принципе ничего не изменится.

Конь держался чуть сбоку и позади Светца, летящего на посохе. По-видимому, животное не испытывало неудобств оттого, что на его спине сидел человек. Любопытно! Наверное, коня приучали возить людей. Светц увеличил скорость полета, желая проверить, насколько быстро передвигается животное.

Светц летел все быстрее и быстрее. Где же предел силам коня?

Дойдя до восьмидесяти миль в час, Светц прекратил состязание. Девушка тесно прижалась к шее коня, пряча от ветра лицо в его гриве. А конь бежал, вызываясь глядя на Светца.

Какими словами описать его бег? Светц не видел балета. Он знал, как движутся части механизмов, но здесь было другое. Единственное сравнение, которое пришло ему в голову, — мужчина и женщина, предающиеся любви. Плавное, скользящее, ритмичное движение, цель которого — движение. Колдовски-прекрасное движение — полет коня.

Наверное, слова, которые люди говорили о бегущем коне, забылись, когда не стало коней.

Конь еще бежал бы и бежал, но девушка устала. Она потянула коня за гриву, и тот остановился. Светц отдал девушке камни, которые держал в руке; изготовил еще четыре и один из них тоже отдал.

Ее глаза слезились от ветра, но, беря камни, она улыбалась. Улыбалась в благодарность за камни или от

радости, которую доставил ей полет? Тяжело дыша, она опиралась спиной о теплый, то вздымающийся, то опадающий бок животного. Ее пальцы перебирали серебряную гриву коня, а конь наблюдал за Светцем злобными карими глазами.

Девушка была некрасива. Не потому, что Светц не увидел на ней привычной косметики, а потому, что ей недоставало витаминов. Она была маленького роста — едва ли в ней было пять футов, — худенькая, на лице следы детской болезни. Но в глазах светилось счастье, и от этого она казалась почти красавицей.

Дав ей отдохнуть, Светц вновь оседлал свой посох. Они полетели дальше.

Когда они добрались до камеры расширения, у Светца почти не осталось корунда. Тут-то и начались неприятности. Девушка была очарована камнями, которые ей дарил Светц, его высоким ростом и способностью летать. При виде камеры расширения она испугалась. Светц ее понимал. На стену, в которой располагалась дверь, еще можно было смотреть — цельное сферическое зеркало; а противоположная уходила в направлении, которого человеческое зрение не может воспринять. Светц сам испугался чуть не до смерти, когда первый раз увидел машину времени в действии.

Можно купить коня здесь, выстрелить в него, поднять с помощью летучего посоха и погрузить в камеру. Но гораздо лучше будет, если...

Стоит попытаться. Светц высыпал в термопресс-камеру остатки корундового порошка и вошел в камеру, отметив свой путь цепочкой разноцветных камешков.

Он тревожился: в камере не получались граненые камни. Они были похожи на маленькие птичьи яйца. Однако Светц мог изготавливать камни разных цветов: добавляя оксид хрома, он получал красный цвет; добавляя оксид железа — желтый; титан давал голубой цвет. Изменяя плоскости приложения давления, Светц получал каплеобразные или звездообразные камни.

Он оставил след из маленьких камешков: красных, желтых, голубых. И девушка пошла по этом следу. Искушение оказалось сильнее страха. Она набрала полный платочек камней. Вслед за хозяйкой в камеру расширения вошел конь.

Оказавшись в камере, девушка увидела, что Светц держит на ладони четыре больших камня: красный,

желтый, светло-голубой и черный. Это были самые крупные, что ему удалось сделать. Светц указал сначала на коня, потом на камни.

Девушка была в отчаянии. Светц покрылся испариной. Ей не хотелось расставаться с конем, а у Светца не осталось больше корунда.

Девушка порывисто кивнула. Светц, не давая ей опомниться, поспешно пересыпал камни ей на ладонь. Она прижала добычу к груди и, рыдая, выбежала из камеры. Конь поднялся, чтобы последовать за хозяйкой.

Светц схватил ружье и выстрелил. На шее животного выступила капелька крови. Конь отпрянул назад, потом устремился на Светца, направив на него свое естественное оружие.

Бедная девочка, подумал Светц, поворачиваясь к двери. Она так или иначе осталась бы без коня: он пил ядовитую воду из открытого источника. Теперь забрать летучий посох — и готово!

Уголком глаза он заметил движение.

Ошибка может стоить жизни. Светц не стал дожидаться, пока конь упадет. Овернувшись, он поразился: конь не собирался падать, он собирался проткнуть Светца рогом, как креветку.

Светц ударил рукой по кнопке, которая закрывает дверь, и пригнулся. Сказочно красивый и невероятно острый витой рог ударился о выдвигающееся полотно двери. Животное метнулось, как белая молния, и снова Светцу пришлось спасаться.

Острые рога прошло в полудюйме от него и вонзилось в приборную доску. Посыпались искры, раздался треск. И снова конь нацеливал свое естественное копые на Светца. Тот не придумал ничего лучше, чем дернуть рычаг «домой».

Ощувив невесомость, конь заржал. Рог, направленный Светцу в живот, просвистел над ухом и разорвал дыхательный баллон.

Вскоре тяготение вернулось, но это было тяготение, искаженное продвижением камеры расширения в будущее. Оно стремилось размазать Светца и коня по стенам камеры. Светц облегченно вздохнул и тут же встревоженно принялся. Запах был сильный и необычный, ни на что не похожий. Наверное, конь своим ужасным рогом повредил кондиционер. Вполне возможно, что Светц вдыхает яд. Если камера не вернется вовремя...

А вернется ли она вообще? Куда она движется? Какой путь прочертил во времени и пространстве грозный конский рог, перехлестнув провода? Камера может путешествовать за конец света, туда, где жизнь угасла, оттого что ей нечем было питаться, кроме скудного излучения черных инфразвезд.

Может, и некуда возвращаться. Светц оставил в прошлом летучий посох. Как его там используют? Что станут делать первобытные люди с шестом, на одном конце которого ручка управления, на другом — кистевой разрядник, а посередине — седло? Может быть, девушка попробует взлететь. Светц представил, как она летит по ночному небу в свете полной луны. Как это повлияет на ход истории?

Конь был близок к агонии. Он судорожно дышал, дико вращая глазами. Наверное, ему душно, ведь в воздухе камеры много диоксида углерода. А может, это оттого, что он пил яд из открытого источника.

Снова невесомость. Светц и конь поплыли по камере, и конь опять пытался проткнуть Светца рогом.

Тяготение вернулось. Светц был к этому готов и приземлился на ноги. Кто-то уже открывал снаружи дверь. Светц преодолел расстояние до двери одним прыжком. Конь, крича от ярости, ринулся следом. Он не оставил намерения убить Светца.

Конь выскочил в институтский Центр управления полетом, и двое сотрудников разлетелись в разные стороны.

— На него не действуют анестетики! — крикнул Светц через плечо.

Среди столов и светящихся экранов конь двигался не так легко. Кроме того, на него действовала гипервентиляция. Он то и дело натывался на столы и на людей. Светц без труда уворачивался от его рогов.

В Институте началась паника.

— Мы не справились бы с ним, если бы не Зира, — рассказывал после Ра Чен. — Твой проклятый конь перевернул вверх дном весь Институт. И вдруг присмирел, подошел к этой фригидной твари Зире, и она его увела.

— Вы успели доставить его к врачу?

Ра Чен угрюмо кивнул. Угрюмость была его любимой

миной, которая не соответствовала его истинному настроению.

— В крови зверя найдено около пятидесяти видов неизвестных бактерий, но его трудно назвать больным. Он здоров, как... как... у него невероятная жизнестойкость. Мы спасли не только его самого, но сохранили для зоопарка большую часть бактерий.

Светц сидел на больничной кровати, засунув руку по локоть в диагностический аппарат. Вполне возможно, что и в его теле поселились какие-нибудь давно вымершие бактерии. Светц осторожно пошевелился, стараясь не двигать исследуемой рукой, и спросил:

— Вы нашли анестетик, который подействовал бы на него?

— Нет. Прости, Светц. Мы до сих пор не поняли, почему твоя игла не сработала. Этот проклятый зверь просто невосприимчив к транквилизаторам. Кстати, кондиционер работал нормально. Это был запах коня.

— Предупредили бы заранее. Я думал, умираю.

— Да, от этого запаха кишки выворачиваются наизнанку. А какой стойкий, до сих пор из Центра не выветрился. — Ра Чен присел на край кровати. — А больше всего меня беспокоит этот рог во лбу. На картинке у коня рога нет.

— Точно, сэр.

— Значит, это другой биологический вид. Это не конь, Светц. Нам придется снова отправить тебя в прошлое, несмотря на все финансовые затруднения.

— Я протестую, сэр!

— Какой ты вежливый!

— А вы недогадливый! — Светцу очень не хотелось охотиться на коня второй раз. — Люди, приручив коней, стали срезать рога молодым животным. Вполне естественно. Мы все видели, как опасен рог. Чересчур опасен для домашнего животного.

— Почему же у нашего коня рог не срезан?

— Наверное, в этот период истории люди еще не начали срезать коням рога. Именно поэтому я решил, что конь дикий, когда первый раз его увидел.

Ра Чен кивнул с угрюмым удовлетворением:

— Я тоже так думал. Наша беда в том, что у Генерального Секретаря хватит ума ровно на то, чтобы заметить, что его конь рогатый, а в книге, — безрогий. Он будет недоволен.

— М-м-м... — Светц не знал, чего от него ждут.

— Я бы удалил рог.

— Кто-нибудь заметит шрам, — возразил Светц.

— Черт возьми, ты прав. У меня есть враги при дворе, они будут просто счастливы, когда узнают, что я искалечил игрушку Генерального Секретаря. — Он в упор посмотрел на Светца. — Я готов выслушать твои соображения.

Светц пожалел о том, что сказал. Его прекрасный строптивый конь будет лишен смертоносного рога и превратится в обычное домашнее животное. Идея, под-сказанная предательским инстинктом самосохранения, показалась Светцу отвратительной. А что можно сделать еще?

Вот что!

— Давайте экспериментировать не с конем, а с книгой. Сделаем с помощью компьютера точнейшую копию книги, а коням пририсует рога. Воспользуемся институтским компьютером и, когда закончим, уничтожим данные.

В угрюмой задумчивости Ра Чен произнес:

— Пожалуй, это возможно. Я знаю человека, который умеет копировать книги.

Взглянув на Светца из-под кустистых черных бровей, он добавил:

— Ты понимаешь, что должен держать язык за зубами?

— Конечно, сэр!

— Смотри мне! — Ра Чен поднялся. — Закончится диагностика — пойдешь на месяц в отпуск.

— Ты отправишься в прошлое за чем-нибудь из этого, — говорил Ра Чен месяц спустя, листая книгу. — Мы выменяли ее на корундовое яйцо у мальчишки где-то в десятом году постатомной.

Светц взглянул на рисунок:

— Какое уродство! Просто безобразная тварь. Конь, наверное, слишком красив, и Земля сойдет с орбиты, если не компенсировать красоту коня мерзостью вроде этой?

Ра Чен устало прикрыл глаза.

— Ты отправишься в прошлое и привезешь монстра Джила. Генеральному Секретарю нужен монстр Джила.

— Он большой?

Собеседники принялись разглядывать иллюстрацию, но она не давала ни малейшего представления о размерах чудовища.

— По всей видимости, да. Возьмешь большую камеру расширения.

В этот раз Светцу пришлось совсем туго. Он вернулся физически и психически истощенным, с множественными тепловыми ожогами второй степени. Он привез тридцатифутовое огнедышащее чудовище с рудиментарными крыльями, похожими на крылья летучей мыши. Животное очень отдаленно напоминало то, что было изображено в книге, но там, где Светц побывал, ему не встретилось ничего более подходящего.

Генеральному Секретарю чудовище безумно понравилось.

У стены из толстого стекла стояли двое мужчин.

— Ты сможешь летать, — говорил Светцу шеф, тучный и краснолицый. — Пока ты лежал в больнице, мы усовершенствовали конструкцию малой камеры расширения. Ты имеешь возможность зависать в воздухе и нестись со скоростью пятьдесят миль в час. Можешь задать высоту и включить автоматический режим полета. Стены камеры сделаны прозрачными — у тебя будет круговой обзор.

По другую сторону стены бесновалось существо в тридцать футов длиной, с крыльями, как у летучей мыши. В остальном оно было похоже на худую ящерицу. Оно вопило и скребло по стеклу ужасными когтями. На стене висела табличка:

ЧУДИЩЕ ДЖИЛА

Обнаружено в тысяча двести тридцатом году
доатомной эры на территории Китая (Земля)

Вымерший вид

— Он тебя не достанет, — сказал Ра Чен.

— Да, сэр. — Светц стоял, обхватив плечи руками, как будто ему было холодно. Его посылали за самым крупным животным всех времен, а Светц боялся животных.

— Ради науки! Чего ты боишься, Светц? Это всего лишь большая рыба.

— Да, сэр. То же самое вы говорили о чудище Джила. Вы сказали: всего лишь древняя ящерица.

— В нашем распоряжении была только картинка из детской книжки. Откуда мы могли знать, что ящерица окажется такой огромной?

Монстр за стеклом попятился назад, сделал глубокий вдох, прицелился — и выпустил из ноздрей фонтан оранжево-желтого пламени.

Светц вскрикнул и отскочил в сторону.

— Он не прожжет стекло, — успокоил Ра Чен.

Светц взял себя в руки. Он был тонок в кости, худощав, с бледной кожей, светло-голубыми и тонкими пепельными волосами.

— Откуда мы знали, что ящерица огнедышащая? — передразнил он. — Эта тварь чуть не сожгла меня. Я четыре месяца провалялся в больнице. А самое ужасное: чем больше я на нее смотрю, тем меньше вижу сходства с рисунком. Может, я привез какое-то другое животное?

— Какая разница, Светц? Главное то, что оно понарилось Генеральному Секретарю.

— Да, сэр. Кстати, о Генеральном Секретаре. Зачем ему кашалот? У него уже есть конь, чудище Джила...

— Это трудно объяснить, — поморщился Ра Чен. — Дворцовая политика — интриги. Вот сейчас, Светц, во Дворце Объединенных Наций действует несколько десятков заговоров, находящихся на различных стадиях развития. Все они направлены на то, чтобы привлечь внимание Генерального Секретаря и удержать его. А удержать его внимание непросто.

Светц кивнул. Этот недостаток Генерального Секретаря был широко известен. Семья, правившая Объединенными Нациями на протяжении семисот лет, постепенно выродилась. Генеральному Секретарю было двадцать восемь лет. Он был счастливым человеком: любил животных, цветы, картинки и людей, при виде фотоснимков планет и сложных звездных систем в восторге хлопал в ладоши и визжал. Разумеется, Институт Космических Исследований был широко представлен в правительстве. А еще Генеральный Секретарь любил вымерших животных.

— Когда все это дошло до меня, Генеральный Секретарь хотел иметь бронтозавра. Мы не сумели бы его достать, у нас нет возможности запустить камеру расширения так далеко в прошлое.

— И вы решили вместо бронтозавра привезти кашалота?

— Да. Переубедить Генерального Секретаря было нелегко. Кашалоты вымерли так давно, что не осталось даже изображений. Я показал Генеральному Секретарю хрустальную фигурку из Бюро Археологии — ее взяли в музей стекла в Штейбене, — Библию и соответствующую статью Энциклопедического словаря. Мне удалось доказать, что кашалот и Левиафан одно и то же.

— Это не совсем верно, потому что Светц читал

Библию в кратком изложении — в компьютерной редакции. По его мнению, сокращение искало сюжет. Именем Левиафан можно назвать любое большое бедствие, даже стаю саранчи.

— Слава науке, я говорил с Генеральным Секретарем без тебя. О том, что такое Левиафан, можно долго спорить. Одним словом, я обещал Генеральному Секретарю, что у него будет самое большое животное из обитавших на Земле. Все книги подтверждают, что это кашалот. Еще в первом столетии доатомной эры в океанах было полно кашалотов. Тебе не составит труда поймать одного из них.

— За двадцать минут?

— Почему? — удивился Ра Чен.

— Если я продержу камеру расширения в прошлом больше двадцати минут, я не сумею вернуть ее в будущее. Существует...

— Я знаю.

— ...фактор неопределенности энергетических констант...

— Светц!

— От Института останется мокрое место!

— Светц, мы подумали об этом. Ты полетишь в малой камере, а когда увидишь кашалота — вызовешь большую.

— Каким образом?

— Мы нашли способ посылать сквозь время простые двоичные сигналы. Пойдем в Институт, я покажу.

Из-за стеклянной стены им вслед злобно смотрели золотистые глаза.

Камера расширения — та часть машины времени, которая перемещается во времени. Стены камеры были прозрачными, и Светц летел как будто не в камере, а на кресле со складным обеденным столиком, на котором вместо столового прибора были ручки, кнопки и зеленые лампочки.

Светц находился у Атлантического побережья Северной Америки, приблизительно в сотом году доатомной, или в тысяча восемьсот сорок пятом году христианской эры. Инерционный календарь давал небольшую погрешность.

Светц скользил между свинцово-серой водой и грифельно-серым небом. Только горбы волн нарушали

правильность огромной сферы, наполовину светлой, наполовину темной, в которой плыла камера Светца. Он летел в автоматическом режиме на высоте двадцати метров над водой, глядя на стрелку индикатора нервной деятельности (ИНД).

Охота на Левиафана началась.

Светца слегка тошнило. Сначала он думал, что это реакция на побочные гравитационные эффекты, сопровождающие путешествие во времени, но, очевидно, дело было в другом.

Одно утешало — находиться здесь ему предстояло не долго.

В этот раз он искал не какое-то тридцатифутовое чудовище, он охотился на самое большое животное из обитавших на Земле. Самое большое — значит, самое заметное. Кроме того, у него имелся прибор, чувствующий проявления жизни, — ИНД.

Стрелка метнулась к концу шкалы и задрожала. Кашалот? Стрелка дрожала в явной нерешительности. Значит, скопление живых существ. Светц посмотрел в указанном направлении.

По волнам плыл клипер под белыми парусами, стройный и грациозный. Правильно, подумал Светц, именно так должен реагировать ИНД на большую группу людей. Кашалот — единый центр сложной нервной деятельности — вызовет такое же сильное отклонение стрелки, но без дрожи. Экипаж корабля будет постоянным источником помех. Светц развернулся и полетел на восток. А жаль — корабль такой красивый!

Тошнота не проходила, а становилась все сильнее. Вокруг простирался бесконечный волнующий серо-зеленый простор.

И тут пришло озарение. Это морская болезнь! Автоматический режим полета предполагает, что траектория полета камеры повторяет контур поверхности, над которой камера пролетает. А под камерой Светца один за другим катились огромные темные валы.

Теперь понятно, отчего тошнит, подумал Светц, усмехнувшись, и перешел в режим ручного управления.

Стрелка индикатора нервной деятельности снова прыгнула к концу шкалы. Клюет, подумал Светц и глянул вправо. Кораблей не видно. Подводная лодка еще не изобретена. Или изобретена? Конечно, нет!

Стрелка застыла у края шкалы. Светц нажал кнопку вызова.

Источник мощных нервных импульсов находился справа от него и быстро перемещался. Светц полетел за ним. Пока Институт примет вызов и пришлет большую камеру расширения, снаряженную для охоты на Левиафана, пройдет несколько минут.

Когда-то Ра Чен мечтал спасти от пожара Александрийскую библиотеку. Для этого построили большую камеру расширения с огромным дверным проемом — для ускорения погрузки книг. По расчетам, в камере могло поместиться вдвое больше свитков, чем хранилось в библиотеке. Камера стоила немалых денег. Она не пошла дальше четырехсотого года доатомной, или тысяча пятьсот пятидесятого года христианской эры. Книги, сгоревшие в Александрии, погибли для истории, по крайней мере для историков.

Подобное фиаско означало бы конец карьеры для кого угодно, только не для Ра Чена.

Из зоопарка Ра Чен и Светц отправились в Институт осматривать большую камеру.

— Мы оснастили камеру антигравитационными излучателями и тяжелыми силовыми пушками. Управление дистанционное. Следи за тем, чтобы в силовой луч не попала твоя камера. Силовой луч в течение нескольких секунд убивает даже кашалота, а человека убивает мгновенно. Других затруднений у тебя быть не должно.

В этот момент Светц испытал первый приступ морской болезни.

— Главное наше достижение — передача информации через время. Мы принимаем твой вызов и посылаем к тебе большую камеру. Она приземлится в нескольких минутах от тебя. Нам пришлось над этим хорошо поработать, Светц. Государство ассигновало нам дополнительные деньги для того, чтобы мы добыли кашалота.

Светц кивнул.

— Прежде чем вызвать большую камеру, убедись, что нашел кашалота.

И вот, двенадцатью столетиями ранее, Светц следовал за движущимся подводным источником нервных импульсов. Сигнал был исключительно мощный. Это мог быть только кашалот — взрослый самец.

В воздухе справа от Светца возник неясный силуэт. Постепенно он превратился в большой серо-голубой шар.

По периметру двери размещались антигравитационные и силовые излучатели. Видна была только половина шара: вторая растворялась во времени. Из-за этого Светц и боялся машины времени. Ему казалось, что он поворачивает за угол, которого нет.

Светц догнал источник импульсов и принялся направлять на него антигравитационные излучатели. Направил, включил — на всех датчиках появились предельные показания.

Левиафан оказался тяжелым. Гораздо тяжелее, чем предполагал Светц. Светц прибавил мощность. Стрелка ИНД качалась — Левиафан поднимался на поверхность. В том месте, где вода под действием антигравитационного поля вспучилась, показалась тень.

Это всплывал Левиафан.

Что-то форма не та...

И вот из океана поднялся огромный, дрожащий и переливающийся, водяной шар. В нем был Левиафан, но не весь. Он не помещался в шаре, хотя должен был поместиться. Он был раза в четыре массивнее и раз в десять длиннее, чем должен быть кашалот. Он был абсолютно не похож на хрустальную фигурку из музея стекла. Из воды поднималось змееподобное существо в бронзово-красной, крупной, как щит викинга, чешуе, с длинными, как копья, зубами. Треугольные челюсти образовывали широкую пасть. Поднимаясь к Светцу, Левиафан извивался и вращал выпученными желтыми глазами в надежде увидеть врага, подвергнувшего его такому унижению.

Светц застыл в страхе и нерешительности. Ни тогда, ни после он не сомневался, что перед ним был библейский Левиафан. Вот самое большое животное из тех, что населяют море; настолько большое и грозное, что его имя стало нарицательным для всякой разрушительной силы. Однако, если хрустальная фигурка имеет хоть какую-то документальную ценность, это вовсе не кашалот.

Кто бы это ни был, он слишком велик для камеры расширения. Светц растерялся, а когда на него уставились огромные, по-кошачьи суженные зрачки, и вовсе перестал соображать.

Животное оказалось напротив малой камеры расширения. Его тело опоясывал невесомый водяной шар, с которого в море сыпались капельки воды. Ноздри вздра-

гивали — очевидно, животное дышало легкими, хоть и не относилось к китовым.

Широко раскрыв пасть, чудовище потянулось к Светцу. Оцепенев от страха, Светц смотрел, как сверху и снизу на него надвигаются острые, как копы, и длинные, как слоновьи бивни, белые зубы. Вот сейчас они сомкнутся...

Светц зажмурился.

Смерть все не наступала, и он открыл глаза.

Чудовище не сумело сомкнуть челюсти. Светц услышал, как зубы Левиафана скрежещут по прозрачному корпусу камеры расширения, о существовании которой Светц успел забыть.

Светц перевел дух. Он вернется домой с пустой камерой, и на него обрушится гнев Ра Чена, — нет, лучше смерть! Он протянул руку и отключил антигравитационные излучатели большой камеры расширения.

Металл заскрежетал о металл, запахло гарью. На пульте управления вспыхнуло созвездие красных огней. Светц поспешно включил излучатели. Красные лампочки стали неохотно гаснуть.

Скрип зубов о корпус камеры не прекращался. Левиафан старался разгрызть камеру и добраться до кресла, в котором сидел Светц.

Животное оказалось настолько тяжелым, что едва не вырвало камеру расширения из машины времени. Еще немного — и Светц выпал бы в прошлое, в открытое море, разбитая камера расширения, скорее всего, пошла бы ко дну, и он попал бы в зубы разъяренному морскому чудовищу. Нет, антигравитационные излучатели нельзя отключать. Но они установлены на большой камере расширения, которую нужно отправить в будущее не позднее, чем через пятнадцать минут. После этого ничто не помешает Левиафану расправиться со Светцем.

«Я его собою силовым лучом», — решил Светц.

Над головой был темно-красный свод неба, под ногами — раздвоенный язык и розовые десны, а вокруг — частокол длинных изогнутых зубов. Глядя в просвет между зубами, Светц видел большую камеру расширения и батарею силовых пушек, окружавших дверь. На глаз он навел пушки прямо на Левиафана.

«Я, кажется, сошел с ума», — подумал Светц и развел дула пушек в стороны. Направляя пушки на Левиафана, он направлял их и на себя.

А Левиафан не отпускал его.

«Попался!»

«Нет, — подумал Светц с радостным облегчением. — Он спасется. Рычаг «домой» вырвет камеру расширения из зубов Левиафана, вернет ее в поток времени и в Институт. Он не сумел выполнить задание, но его ни в чем нельзя упрекнуть. Почему Ра Чен не потрудился узнать, что существует морская змея, по размерам превосходящая кашалота?»

«Во всем виноват Ра Чен», — уговаривал себя Светц.

Он потянулся к заветному рычагу, но рука повисла в воздухе.

«Я не сумею сказать ему это в глаза», — подумал Светц. Он очень боялся Ра Чена.

От скрежета зубов по обшивке по коже ползли мурашки.

«Нельзя возвращаться домой с пустыми руками, — сказал себе Светц, — постараюсь что-нибудь придумать».

Его взгляд остановился на антигравитационных излучателях. Светц даже чувствовал их воздействие: лучи касались камеры расширения. А что, если сфокусировать их прямо на себе?

Светц сразу же ощутил результат, почувствовал себя легким и полным сил, как захмелевший балетный танцор. А если свести лучи еще ближе?

Скрежет зубов о стену камеры стал громче. Светц выглянул в просвет между зубами.

Левиафан уже не плыл по воздуху: он висел, держась зубами за камеру расширения. Антигравитационные лучи все еще компенсировали вес его тела, но теперь они тащили его вслед за камерой расширения.

Чудовище чувствовало себя явно не в своей тарелке. Еще бы! Впервые в жизни обитатель морских глубин ощутил тяжесть собственного тела, и вся она пришлась на зубы! Желтые глаза Левиафана дико вращались, кончик хвоста подрагивал, но он держался...

— Падай! — приказал Светц. — Падай, страшилище!

Зубы Левиафана со скрипом заскользили по поверхности камеры, и чудовище полетело вниз.

Спустя долю секунды Светц отключил гравитационные излучатели. Он снова почувствовал запах горячей нефти, и снова на пульте управления замигали красные лампочки.

Левиафан с грохотом упал в воду. Его длинное

горбатое тело перевернулось брюхом кверху и, всплыв на поверхность, не двигалось. Но вот дернулся хвост, и Светц понял, что Левиафан жив.

— Я тебя прикончу! — сказал Светц. — Включу силовые пушки и подожду, пока ты сдохнешь. Времени достаточно.

Осталось десять минут. Можно еще найти кашалота. Нет, десяти минут мало, но их нужно провести с пользой...

Морская змея ударила по воде хвостом и поплыла прочь. На мгновение обернулась к Светцу, в ярости щелкнула зубами и снова пустилась прочь.

— Минутку, — хрипло сказал Светц. — Одну драгоценную минутку, — и включил силовые пушки.

Тяготение в камере расширения вело себя необычно. Когда камера движется во времени вперед, «вниз» означает «во все стороны от центра камеры». Светца прижало к вогнутой стене. Он не мог дожидаться окончания путешествия. Морская болезнь ничто в сравнении с перегрузками, сопровождающими перемещение во времени.

Невесомость, затем привычное тяготение. Светц, пошатываясь, направился к двери.

Ра Чен помог ему выйти.

— Добыл?

— Левиафана? Нет, сэр. — Светц смотрел мимо шефа. — Где большая камера расширения?

— Ее пустили малой скоростью, чтобы свести к минимуму побочные гравитационные эффекты. Но если там ничего нет...

— Я сказал, что там не Левиафан.

— В таком случае, что там? — Ра Чен начинал сердиться. — Ты не нашел его? Ты его убил? Зачем, Светц? Со зла?

— Нет, сэр. Это был самый логичный поступок, который я совершил за время путешествия.

— Вот как? Погоди, Светц, прибыла большая камера.

В нише машины времени стала сгущаться серо-голубая тень.

— Там, кажется, что-то есть. Эй вы, идиоты, пустите

в камеру антигравитационный луч! Иначе мы вынем оттуда отбивную.

Ра Чен взмахнул рукой: камера прибыла. Дверь открылась. О стены камеры бился кто-то очень большой, похожий на разъяренную белую гору, и злобно шурил единственный глаз. Пленник камеры кинулся было на Ра Чена, но не сумел продвинуться к нему по воздуху.

На месте второго глаза зияла дыра, один из плавников был перерублен и свисал на пол. Все тело животного покрывали рубцы и шрамы. Из многих торчали деревянные и стальные гарпуны, иногда с веревками. На спине, опутанное веревками, болталось мертвое тело одноногого бородатого китобоя.

— Ветеран! — заметил Ра Чен.

— Осторожно, сэр! Это убийца. У меня на глазах он перевернул и потопил корабль. Я не успел даже сфокусировать силовые пушки.

— Удивительно, что ты отыскал его в такое короткое время. Тебе поразительно везет! А может, я что-то упустил из вида?

— Здесь нет ни капли везения, сэр. Это самый логичный поступок за все путешествие.

— Ты говорил это, когда объяснял, почему убил Левиафана.

— Морская змея уплывала, — торопливо продолжал Светц. — Я хотел убить ее, но подумал, что нет времени. Я уже собирался возвращаться, но тут змея оглянулась и оскалила зубы. У нее были зубы хищника. Только у мясоедов бывают такие зубы. Как я не заметил раньше! А на какое животное может охотиться такой крупный хищник?

— Блестяще, Светц!

— Этому есть дополнительное свидетельство. Наши исследования не встретили упоминаний о гигантских морских змеях. Геологические изыскания первого столетия постатомной эры тоже ничего не дали. Почему так?

— Потому что морские змеи тихо вымерли двумя столетиями раньше, когда китобой истребили всех кашалотов.

Светц покраснел.

— Точно. И вот, я навел на Левиафана силовые пушки и держал его в силовом поле, пока ИНД не показал, что Левиафан мертв. Я решил: если здесь плавал Левиафан, где-то поблизости должны быть и кашалоты.

— А нервные импульсы Левиафана перекрывали импульсы кашалотов?

— Ну конечно! Как только прекратилось поступление импульсов от Левиафана, ИНД зарегистрировал другой сигнал. Я проследил его и нашел. — Светц кивнул на кашалота, которого вытаскивали из камеры. — Вот его.

И снова двое мужчин стояли у толстой стеклянной стены.

— Мы взяли у кашалота генетические коды и отдали его в виварий Генерального Секретаря, — говорил Ра Чен. — Плохо, что тебе попался альбинос. — Он отмахнулся от возражений Светца. — Знаю, знаю, времени было в обрез.

Из-за стекла, из мутной морской воды, одноглазый кашалот злобно смотрел на Светца. Хирурги извлекли из его тела обломки гарпунов, но шрамы на коже остались. Светц, разглядывая кашалота, гадал, сколько же лет животное воевало с людьми. Сколько сотен лет? А сколько живут кашалоты?

Ра Чен заговорил тише:

— Нам всем придется туго, если Генеральный Секретарь узнает, что на свете когда-то жил зверь больше, чем его кашалот. Ты понял, Светц?

— Да, сэр.

— Вот так. — Ра Чен глянул на другую клетку, где сидел огнедышащий монстр Джила. Рядом конь косил глаза на свой витой смертоносный рог.

— Всякий раз происходит что-то непредвиденное, — сказал Ра Чен. — Иногда я диву даюсь...

«Нужно больше предвидеть, чтобы потом не удивляться», — подумал Светц.

— Представь себе, Светц, о путешествиях во времени заговорили только в первом столетии доатомной эры. Идею передвижения во времени подал какой-то писатель. До четвертого столетия постатомной эры она оставалась утопией. Эта идея противоречила всему, что тогдашние ученые считали законами природы: логике, принципу сохранения материи, энергии, движения. Она опровергала любое положение, в котором фигурировало время, — даже теорию относительности. Каждый раз, когда мы запускаем камеру расширения в доатомную

эру, мне кажется, что мы отправляем ее в какой-то фантастический мир, и именно поэтому тебе попадают-ся гигантские морские змеи и огнедышащие...

— Ерунда, — отрезал Светц.

Он боялся шефа, но всему есть предел.

— Правильно, — тут же откликнулся Ра Чен, едва ли не с облегчением. — Пойдешь в отпуск на месяц, а там — снова за работу. Генеральный Секретарь хочет иметь птицу.

— Птицу? — Светц улыбнулся. Это звучало достаточно безобидно. — Опять картинка из детской книжки?

— Точно. Птица рок, — слышал о такой?

СИНИЦА В РУКЕ

— Это не рок, — сказал Ра Чен.

Сквозь толстое стекло смотрели глупые птичьи глаза. У птицы были маленькие, недоразвитые крылья и до смешного большие ноги. Триста фунтов веса, без малого восемь футов роста, а в остальном птица была похожа на неоперившегося цыпленка.

— Она меня лягнула, — пожаловался Светц.

Худощавый, тонкий в кости, он держался очень прямо. В этот раз жаловаться было почти не на что.

— Она меня лягнула и сломала четыре ребра. Я еле дополз до камеры расширения.

— Тем не менее это не рок. Прости, Светц. Пока ты лежал в больнице, мы побывали в Бэверли-Хиллз, в историческом отделе библиотеки, и выяснили, что птица рок всего лишь легенда.

— Но посмотрите на нее!

Шеф, краснолицый и тучный, кивнул:

— Правильно, легенды не возникают на пустом месте. Первооткрыватели Австралии, встречая таких птиц — страусов, — думали: если это птенец, то какова взрослая птица? Возвращаясь домой, они рассказывали небылицы о взрослых птицах.

— Я сломал четыре ребра из-за птицы, которая даже не летает?

— Не огорчайся, Светц. Это не полное поражение. Страус — вымершее животное, и твоя птица будет великолепным экспонатом в виварии Генерального Секретаря.

— Генеральный Секретарь просил птицу рок. Что вы ему скажете?

— То-то и оно, — нахмурился Ра Чен. — Ты знаешь, что он просит теперь?

Люди, плохо знакомые с Ра Ченом, думали, что он все время хмурится; думали до тех пор, пока им не случилось увидеть, как он хмурится по-настоящему. Светц подозревал, что Ра Чен чем-то обеспокоен. Теперь он был в этом уверен.

Генеральный Секретарь всем доставлял неприятности. Рецессивный ген, унаследованный от могущественных

выродившихся предков, наделил Генерального Секретаря умом шестилетнего ребенка. Кроме этого, родители передали сыну неограниченное право владения Землей и ее колониями. Его прихоть была законом для всей обитаемой Вселенной.

Светц понимал, что нельзя не дать Генеральному Секретарю того, что он просит, — чего бы тот ни попросил.

— Какой-то идиот, спускаясь в Лос-Анджелес, взял Генерального Секретаря с собой, — сказал Ра Чен. — Теперь Генеральный Секретарь хочет видеть город таким, каким он был, пока не затонул.

— Что в этом страшного?

— В этом — ничего, но Генеральный Секретарь не остановился на этом. Кто-то из советников заметил его заинтересованность и подsunул ему исторические видеозаписи. Генеральный Секретарь получил от них массу удовольствия и пожелал участвовать в погроме Уоттса.

Светц сглотнул тугую ком.

— Придется позаботиться о безопасности Генерального Секретаря.

— Разумеется. А Генеральный Секретарь по происхождению кавказец.

Страус, разглядывая людей, склонил голову набок. Он на самом деле напоминал птенца еще более крупной птицы. Светцу казалось, что страус только что вышел из яйца величиной с бунгало.

— У меня пухнет голова, — сказал он. — Зачем вы мне об этом рассказываете? Вы ведь знаете, что я не люблю политику.

— Представь, что начнется, если Генеральный Секретарь будет убит при содействии Института Времени! Очень многие нас подсиживают, например Институт Космоса. Там будут очень рады, если мы опозоримся.

— А что делать? Мы не можем отказать Генеральному Секретарю в просьбе.

— Мы можем его отвлечь.

Они перешли на заговорщический шепот и, отвернувшись от страуса, зашагали вдоль ряда стеклянных клеток.

— Каким образом?

— Еще не знаю. Поговорить бы с его кормилицей, — протянул Ра Чен. — Я пытался, но ничего не вышло. Наверное, ее подкупил Институт Космоса. Может, она

честная, состоит при Генеральном Секретаре тридцать четыре года. Откуда мне знать, чем увлечь его. Я встречался с ним всего четыре раза на официальных приемах. Знаю одно: его внимание непостоянно. Он забудет о Лос-Анджелесе, если заинтересуется чем-нибудь другим.

Они проходили мимо клетки с надписью:

СЛОН

Обнаружен приблизительно в семисотом году доатомной эры на территории Индии (Земля).

Вымерший вид.

Серое морщинистое животное смотрело на проходящих мимо людей с сонным равнодушием. Слон выглядел старым и мудрым и, наверное, узнал в Светце человека, пленившего его. Светц привез в виварий едва ли не половину животных прошлого. Светц боялся животных, особенно крупных. Почему Ра Чен все время посылает его за животными?

Тридцатифутовая ящерица в соседней клетке (чудище Джила, согласно табличке), в отличие от слона, не осталась равнодушной, узнав Светца. Она выпустила в обидчика струю оранжево-желтого пламени и в ярости захлопала крыльями, когда пламя беспомощно ударилось о стеклянную стену. Если она когда-нибудь вырвется из клетки...

Все клетки вивария герметичны. Животные прошлого не могут дышать воздухом настоящего.

Светц вспомнил кобальтово-голубое небо прошлого и успокоился. Он поднял голову: в полуденном зените сияла бирюза. Ближе к горизонту небо было пастельно-зеленым, а у самого горизонта — густо-желтым, даже коричневатым. Если огнедышащий китаец вырвется на свободу, ему будет не до Светца.

— Что бы такое привезти? Старые животные Генеральному Секретарю, наверное, надоели. Попробуем жирафа, Светц?

— Кого?

— Собаку, сатира или что-нибудь оригинальное, — бормотал Ра Чен. — Медвежонка?

Светц боялся животных и решил направить шефа по другому пути:

— Мне кажется, сэр, что вы ищете решение не там, где нужно.

— Н-да? А где нужно?

— У Генерального Секретаря столько животных, что хватит на тысячу человек. Более того, добывая забавных зверей, вы втягиваетесь в соревнование с Институтом Космоса. Не все ли равно: инопланетные животные или звери из прошлого?

Ра Чен поскреб в затылке:

— Верно. Я об этом как-то не думал. И все же нужно что-то делать.

— У машины времени масса возможностей.

Чтобы попасть в Институт, достаточно было ступить на телепортационную площадку, но Ра Чен предпочел идти пешком. Он хотел поразмыслить.

Светц шел рядом с шефом, опустив голову и глядя невидящим взглядом себе под ноги. В подобные моменты к нему приходило вдохновение. Но вот перед ними Институт — огромный куб из красного песчаника, а озарения все нет.

Сильная рука легла Светцу на плечо.

— Минутку, — тихо сказал Ра Чен. — У нас в гостях Генеральный Секретарь.

— Откуда вы знаете? — Светц втянул голову в плечи.

— На въезде в город стоит его машина, не заметил? Ее привезли в прошлом месяце из Лос-Анджелеса времен Великого Калифорнийского землетрясения. Автомобиль с двигателем внутреннего сгорания.

— Что будем делать?

— Сопровождать Генерального Секретаря по Институту и уповать на то, что он не станет настаивать, чтобы его отправили в Лос-Анджелес двадцатого года пост-атомной эры взглянуть на погром Уоттса.

— А если станет?

Если Ра Чена обвинят в измене, Светца — тоже.

— Придется отправить. Нет, не с тобой, Светц. С Зирой. Она чернокожая и говорит на языке американских негров. Это может пригодиться.

— Этого мало, — возразил Светц, скрывая облегчение.

Пусть рискует Зира.

Они подошли к автомобилю Генерального Секретаря. Светца поразила странная, угловатая форма машины, сложность приборов управления, блеск металлических украшений. С машины сняли капот, открыв для всеобщего обозрения хитросплетения деталей двигателя.

— Погодите! — воскликнул Светц. — Ему нравится?

— Что нравится и кому?

— Генеральному Секретарю нравится автомобиль?

— Конечно, Светц! Он без ума от своей машины.

— Давайте достанем ему еще одну. Перед Великим землетрясением в Калифорнии было полно автомобилей.

— Неплохая мысль. — Ра Чен даже остановился. — Это на какое-то время займет Генерального Секретаря, а мы подумаем...

— О чем?

Ра Чен не слышал его.

— Гонимую? Нет, он разобьется... Советники заставят сделать приоритетное ручное управление. Вездеход?

— Давайте спросим его самого.

— Стоит попробовать, — согласился Ра Чен.

Они двинулись вверх по лестнице.

В Институте было три машины, включая машину с грузовой камерой расширения, плюс общий управляющий блок. Генеральному Секретарю очень понравились пульты управления, на которых мигали разноцветные лампочки. Он хихикал и хлопал в ладоши. Барабанил пальцами по прикладам автоматов, за ним неотступно следовали телохранители с каменными лицами.

Ра Чен представил Светца как лучшего агента. Столь высокая оценка ошеломила Светца, и он не мог связать двух слов. Генеральный Секретарь этого не заметил.

Непонятно было, помнит ли он еще о том, что хотел увидеть погром Уоттса: спросить об этом он позабыл.

Когда Ра Чен заговорил об автомобилях, Генеральный Секретарь заулыбался во весь рот и так энергично закивал, что Светц стал опасаться, как бы он не сломал себе шею.

Генеральному Секретарю предложили выбрать любую из сотен моделей, выпущенных в течение полувека. Он сунул палец в рот и глубоко задумался. И вот он объявил о своем выборе.

— Спросим его самого, спросим его самого, — сер-

дито передразнил Ра Чен. — Знаешь, чего он хочет? Он пожелал иметь первый в мире автомобиль. Самый первый!

— Я думал, он попросит любую машину какой-то определенной марки, — Светц растирал виски. — Где же ее отыскать? Нужно прочесать всю Северную Америку и Европу на протяжении двух десятилетий.

— Ну, это слишком. Достаточно наведаться в библиотеку Бэверли-Хиллз. И все же задача сложная.

Рейд в библиотеку Бэверли-Хиллз назначили на третье июня двадцать шестого года постатомной эры. В экспедицию отправили отряд вооруженных анестезирующими иглами агентов в грузовой камере расширения. Гигантская машина времени, странные люди в воздухоплавательных жилетах в любой другой день стали бы всемирной сенсацией, но третье июня было для Института Времени Днем Счастливой Охоты. Весть о пришельцах не могла распространиться за пределы Калифорнии, да если бы и распространилась, ее не заметили бы в потоке более важных новостей. Вечером начнутся подземные толчки, океан вздыбит огромные зеленые волны.

Светц, Ра Чен и Зира Саутворт провели в историческом отделе библиотеки почти всю ночь. Ра Чен знал язык белой Америки ровно настолько, чтобы переводить заголовки. Зира просматривала отобранные им книги.

Она была высокая, тонкая и очень темнокожая, с шевелюрой, похожей на черный костер. Зира сидела на полу, по-турецки скрестив ноги, худая и угловатая, читая отрывки из книг, а мужчины рассказывали по библиотеке, отыскивая книги, упомянутые в ссылках. К двум часам утра все взмокли и потеряли терпение.

— Никто даже не собирался изобретать автомобиль! — взорвался Ра Чен. — Это получилось само собой!

— Да, вариантов множество, — согласилась Зира, — но мне кажется, не стоит принимать во внимание паровые автомобили. Таким образом, можно исключить «Гюнью-Треветик» и более поздние британские модели парового транспорта.

— Ограничимся двигателями внутреннего сгорания.

— Здесь самые сильные претенденты французский «ленуар» и венский «маркус», — сказал Светц. — Помимо этого, серьезные заявки на первенство у «Даймлера-бенца». Достаточно давно запатентовал свое изобретение Селден...

— Черт возьми, выбери что-нибудь одно!

— Минутку, сэр! — Зира оставалась хотя бы внешне спокойной. — Пожалуй, самое лучшее, что у нас есть, — это «форд».

— Почему именно «форд»? Он изобрел всего лишь систему массового выпуска автомобилей.

— Вот! — Зира подняла с пола книгу. Светц узнал ее: биография Форда. — Он отец автомобильной промышленности.

— Теперь все знают, что это не так, — возразил Светц.

Ра Чен сделал решительный жест:

— Не будем суетиться. Возьмем автомобиль «форд», а в подтверждение — эту книгу. Кто сумеет нас проверить? Даже если кто-нибудь займется изысканиями, подобными нашим, он получит тот же ответ, то есть ничего не получит. «Форд» ничем не лучше и не хуже других марок.

— Хорошо, если никто не продвинется в исследованиях дальше нас, — удовлетворенно сказала Зира. — Жаль, что нельзя достать модель «Т». Она больше похожа на автомобиль. Первая машина Форда скорее напоминает телегу с трубой. В книге написано, что он собирал ее своими руками из старья.

— Силен! — сказал Ра Чен.

На следующий день, ближе к полудню, Ра Чен давал последние указания.

— Не стоит красть машину в прямом смысле слова, — напутствовал он Зиру. — Если тебе что-то помешает, возвращайся без нее.

— Слушаюсь, сэр. Гораздо безопаснее будет снять копию с автомобиля более позднего периода, например времен Смитсона.

— Не говори ерунду, Зира! Машина должна быть новой. Разве можно дарить Генеральному Секретарю подержанную машину?

— Нельзя, сэр.

— Ты придешь на место около трех утра. Чтобы не обнаруживать себя, свети инфракрасными лучами и прими таблетки для обострения зрения. Постарайся, чтобы от тебя не исходило видимое излучение. Если кто-нибудь увидит искусственный свет, поднимется шум.

— Ладно.

— Тебе показывали...

— Я знаю, как пользоваться дупликатором, — как всегда, несколько высокомерно отозвалась Зира. — Мне известно также, что оно дает обратное изображение.

— Неважно. Привези обратное. Мы сделаем из него нормальное.

— Разумеется, — Зира была огорчена, что делает лишь половину работы. — Как быть с языком?

— Ты говоришь на языке как белой, так и черной Америки, но это язык более позднего периода, чем тот, куда ты отправляешься. Поэтому не употребляй сленга и говори по-негритянски, если, конечно, тебе не понадобится произвести впечатление на белого. В этом случае говори на языке белых, но медленно и простыми словами. Может быть, тогда тебя примут за иностранку. Я на это надеюсь.

Зира бодро кивнула. Пригнув голову, она вошла в камеру расширения. Обернувшись, втащила за собой дупликатор. Аппарат был невелик по размеру, но весил около тонны (с отключенным генератором подъемного поля). Один конец его был покрыт белым светящимся составом.

Камера расширения постепенно растворялась в воздухе и наконец совсем исчезла. Она не отсоединилась от машины времени, но повернулась в направлении, по которому не распространяется свет.

— Так-так. — Ра Чен потер руки. — Не думаю, чтобы ей было сложно достать нелетучий летучий посох Генри Форда. Другое дело, что скажет Генеральный Секретарь, когда увидит, что ему привезли.

Светц кивнул, вспомнив черно-белые плоские рисунки из книг по истории. Автомобиль Форда был неуклюжий, неряшливый, уродливый и ненадежный. Несколько скрытых усовершенствований — и он станет достаточно надежным для того, чтобы им мог пользоваться Генеральный Секретарь. Но сделать его красивым просто невозможно.

— Нужна другая забава, — сказал Ра Чен. — Автомобиль — только отсрочка.

Со стороны машины времени, в которой путешествовала Зира, раздался звук разрываемой ткани, приглушенный и монотонный. Рабочие принялись готовить к отправке грузовую камеру расширения. Она понадобится Зире для доставки копии автомобиля.

— Я бы все же попытался, — начал Светц.

— Что сделать?

— Найти птицу рок.

— Страуса? — усмехнулся Ра Чен. — Какой ты упрямый, Светц.

Светц не сдавался:

— Вы знаете, что такое неотения?

— Впервые слышу. Видишь ли, Светц, мы израсходовали на поездку за птицей рок почти все средства. Ты в этом не виноват, но еще одна такая поездка обойдется нам в миллион коммерческих единиц.

— Мне не понадобится машина времени.

— Вот как?

— Мне нужна помощь придворного ветеринара. Вашего влияния достаточно, чтобы устроить мне встречу с ним?

Должность придворного ветеринара занимала плотная, коренастая женщина с пышным бюстом, жилистыми ногами и тяжелым подбородком. Она шагала между рядами клеток, а вслед за ней летела грузовая платформа с аппаратурой.

— Я знаю почти всех этих животных, — сказала она Светцу. — Когда-то я хотела дать им всем имена. У каждого животного должно быть имя.

— У них есть имена.

— Ну да. ЧУДИЩЕ ДЖИЛА, СЛОН, СТРАУС, — читала она. — Мать называет сына Горацио, чтобы люди не путали его с Гилбертом. Но никто не примет КОНЯ за СЛОНА. Здесь только один КОНЬ и один СЛОН. Бедные зверюшки!

Она остановилась у клетки СТРАУСА:

— Это ваша добыча. Я как раз собиралась навестить его.

Птица в нерешительности переминалась с ноги на ногу. Склонив голову набок, она разглядывала пару за стеклом. Казалось, она удивилась приходу Светца.

— Он похож на только что вылупившегося цыпленка, — сказала женщина. — Вот только ноги слишком велики. Они могут выдержать гораздо больший вес.

Светц разрывался на части. Из его идеи вырос проект Зиры, и ему очень хотелось быть в Центре управления. А с другой стороны, страус — его первая неудача.

— Скажите, — спросил он, — у него есть неотенические черты?

— Конечно. Неотения — всеобщий способ развития. У нас самих имеются неотенические черты. Например, гладкая кожа. У всех других приматов она покрыта волосами. Когда наши предки начали гоняться за своим обедом по равнинам, им понадобилась более совершенная система охлаждения, чем была в то время у приматов. Таким образом, они приобрели один из признаков незрелости — голую кожу. Еще один такой признак — большая голова. Классическим примером неотении служит аксолотль.

— Простите?

— Вы знаете, что такое саламандра? У детенышей саламандры имеются жабры и плавники. Взрослые животные дышат легкими, которые появляются вместо жабр, и живут на суше. Аксолотль, вероятнее всего, — это саламандра, не утратившая жабр и плавников. Генная мутация, типичная для неотении.

— Я не слышал ни о саламандрах, ни об аксолотлях.

— Они жили в открытых водоемах, Светц.

Светц кивнул. Если этим животным была необходима для жизни природная вода, оба вида должны были исчезнуть более тысячи лет назад.

— Загвоздка в том, что мы не знаем, когда ваша птица потеряла способность летать. В далеком прошлом в ее геноме мог произойти какой-либо неотенический процесс, в результате которого крылья так и не развились. Возможно, внушительные размеры птицы компенсируют отсутствие крыльев.

— Ага. Значит, ее предок...

— Мог быть не крупнее индюшки. Ну что, войдем, посмотрим?

Стеклянные стены раздвинулись. Войдя в клетку, Светц почувствовал, как они снова смыкаются. Страус опасливо попятился.

Ветеринар вынула из мешка, лежавшего на платформе, силовой пистолет и выстрелила. Страус обиженно пискнул и упал. Раз — и готово. Ветеринар решительным шагом направилась к пациенту, но на полпути остановилась.

— У меня что-то случилось с обонянием, — в страхе проговорила она, втягивая носом воздух.

Светц вынул из кармана два предмета, похожих на целлофановые пакеты, и протянул один из них женщине:

— Наденьте на голову.

— Зачем?

— Иначе задохнетесь.

Он натянул свой пакет на голову и плотно прижал края к коже шеи. Голова оказалась в герметичном баллоне.

— Воздух, которым заполнена клетка, ядовит, — пояснил он. — Это воздух прошлого. Пятнадцать столетий назад, когда цивилизация еще не родилась, никто ничего не сжигал. Поэтому здесь пахнет только страусом.

А снаружи... Конечно, для того чтобы не умереть, не обязательно вдыхать сернистый или угарный газ и оксиды азота. Для поддержания дыхания необходим только углекислый газ. В лимфатических узлах левой подмышечной впадины располагается нервный комплекс, возбуждающий дыхательный рефлекс. Он реагирует на определенную концентрацию углекислого газа в крови.

Ветеринар закупирила свой фильтрующий шлем.

— Насколько я понимаю, концентрация углекислого газа здесь очень низка..

— Точно. Вы забываете дышать. Вы привыкли к воздуху, в котором содержится четыре процента углекислого газа. Здесь концентрация углекислого газа в десять раз меньше. Птица спокойно дышит этой безвкусной смесью. Более того, в другом воздухе она погибла бы. Мы за полторы тысячи лет приспособились к загрязненной и постоянно загрязняемой атмосфере. У страуса не было этих пятнадцати веков.

— Я учту это, — коротко ответила ветеринар, и у Светца возникло опасение, что он читал лекцию человеку, который знает гораздо больше.

Женщина опустила на колени рядом с оглушенным страусом, и платформа опустилась тоже.

Светц смотрел, как ветеринар хлопчет над страусом, беря образцы тканей, измеряя кровяное давление и пульс на фоне действия наркотиков и других веществ.

В целом он понимал, что она делает. Существовали стандартные методики нейтрализации наиболее поздних мутаций в геноипе животного. Они всегда давали ожидаемые результаты. В одной из клеток томился *Noto habilis*, который входил в число личных советников

Генерального Секретаря, пока не назвал своего правителя слабоумным тираном.

Выявляя неотенические изменения, ветеринар пыталась предугадать, что выйдет, когда они будут нейтрализованы. Неминуемо возникнут трудности, связанные с изменением обменных процессов. Если предположения Светца верны, масса птицы резко возрастет. Придется вводить ей питательные вещества внутривенно и очень быстро.

В общем ясно, но конкретные действия абсолютно непонятны и нагоняют скуку. Светц поймал себя на том, что разглядывает фильтрующий шлем на голове ветеринара. Наполненный воздухом, баллон стал почти невидимым. Только золотистый контур выделялся на фоне желто-коричневого неба.

Неужели Космос на самом деле хочет взять верх над Институтом Времени? Если так, то этот золотой нимб дает ему право на это. Шлем изготовлен из особого материала, который избирательно пропускает газы в обоих направлениях. Таким образом, относительно пригодный для дыхания воздух превращается в абсолютно пригодный.

Дыхательные баллоны были взяты со склада Института Космоса и использовались сотрудниками Института Времени в неизменном виде. Институт Времени взял на вооружение и другие достижения космической техники: летучий посох, ружье, которое стреляет анестезирующими иглами, облегченное антигравитационное устройство для новой камеры расширения.

Однако их главный аргумент был более тонок.

«Когда-то в океане бурлила жизнь, — подумал Светц. — Сейчас континентальный шельф мертв, как Луна, только города под куполами. Когда-то весь континент покрывали зеленые леса и цветущие пустыни, по которым бежали прозрачные реки. Мы вырубили деревья, истребили животных, отравили реки и принялись орошать пустыни, тем самым вытеснив жизнь и оттуда. И вот на Земле не осталось другой жизни, кроме пищевых дрожжей и людей. Мы забыли столько, что не можем отличить легенду от научного факта. За последние полторы тысячи лет мы уничтожили едва ли не всю жизнь на Земле и изменили состав атмосферного воздуха до такой степени, что боимся вернуться к прежнему составу.

Я боюсь неизвестных животных прошлого, не могу

дышать воздухом прошлого, мне не знакомы съедобные растения, я убиваю животных не для того, чтобы есть их, и не знаю, какое животное может убить меня. Земля прошлого так же чужда мне, как другая планета. Пусть и достается Космосу».

Придворный ветеринар вонзала заостренные концы разноцветных трубочек в разные части тела птицы. Трубочки тянулись на платформу, к всевозможным приборам.

В кармане у Светца зазвонил телефон. Светц рывком расстегнул карман.

— У нас неприятности, — сказал Ра Чен с экрана. — Камера Зиры возвращается в Институт. Очевидно, она опустила рычаг «домой» сразу же после того, как вызвала грузовую камеру расширения.

— То есть решила вернуться, не дожидаясь прибытия грузовой камеры?

— То, что там произошло, произошло быстро, — хмуро кивнул Ра Чен. — Если она вызвала грузовую камеру расширения, значит, нашла автомобиль. Через несколько секунд она прекратила выполнение задания. Светц, я волнуюсь.

— Сэр, мне очень не хочется уходить отсюда, — Светц оглянулся на страуса.

В этот момент все перья птицы осыпались, обнажив округлое тело. Светц принял решение:

— Я не могу уйти, сэр. Через десять минут мы сделаем из страуса птицу рок.

— Что-что? Неплохо! А как?

— Страус — неотенический потомок птицы рок. Мы заставили его совершить обратное развитие.

— Хорошо, оставайся. Постараемся обойтись без тебя, — Ра Чен отключился.

Придворный ветеринар сказала:

— Не следует давать обещаний, которые невозможно сдержать.

— Что-то не получается? — У Светца екнуло сердце.

— Нет, пока все идет прекрасно.

— Все перья опали. Это хорошо?

— Не волнуйтесь. Посмотрите сами — вместо них растет пух. Ваш страус впадает в детство, — сказала она весело. — В детство своего предка. Если предок на самом деле был не больше индюшки до того, как научился летать, то цыпленком наш страус будет и того меньше.

— И что тогда?
— Он потонет в собственном жире.
— Нужно было записать генетический код.
— Поздно. Взгляните-ка еще раз! Обратите внимание на ноги — они уже не такие мощные.

Птица лежала на полу клетки как большая грудка бледно-желтого пуха. Скелет уменьшился, особенно заметно уменьшились ноги. Теперь она была бы не выше четырех футов. Избыток массы превратился в жир, и страус стал почти круглым. Он напоминал надутую игрушку, брошенную в желтую лужу.

— Теперь он действительно похож на цыпленка, — заметил Светц.

— Не только похож, Светц. Это настоящий цыпленок, просто очень большой. А взрослая птица будет гигантом, — придворный ветеринар вскочила на ноги. — Нужно поторопиться, Светц. Скажите, в клетку подаются дрожжи?

— Да, а что?

— Он растет так быстро, что умрет от голода, если... Покажите мне, где кормушка?

Все животные в виварии питались дрожжами, как и люди, но каждому животному давали специальные добавки. Особое средство создавало у зверей иллюзию, что они едят то, чем привыкли питаться до того, как машина времени увезла их в будущее.

Светц показал ветеринару трубу, через которую в клетку поступали дрожжи. Женщина соединила трубу с одной из машин на своей платформе, пощелкала выключателями, подсоединила еще какой-то аппарат.

Птица росла на глазах. Слой жира стал тоньше, потом исчез вовсе. Вытянулись ноги и крылья. Клюв стал загигаться в острый злобный крюк.

Светц испугался. Под желтым пухом было что-то более серьезное, чем кожа и кости.

Дрожжи поступали в два резервуара на платформе, а оттуда — в разноцветные трубочки. Каким-то образом придворный ветеринар превращала дрожжи в сахар.

— Все в порядке, — сказала она. — Я боялась, не получится. Темп роста должен замедлиться, и тогда все будет хорошо, — ветеринар улыбнулась. — Вы были правы: страус — неотенический потомок птицы рок.

В этот момент переменялось освещение.

Светц не сразу понял, что ему мешает. Но вот он

поднял голову: небо было лазурно-голубым от зенита до горизонта.

— Что случилось? — спросила женщина скорее удивленно, чем испуганно. — В жизни не видела такого цвета!

— Я видел.

— Что это?

— Не волнуйтесь. Но не снимайте шлем, особенно когда выйдете из клетки. Не забудете?

— Нет, конечно, — она сощурила глаза. — Вы что-то скрываете, Светц. Это связано со временем, так?

— Думаю, да.

Чтобы избежать дальнейших расспросов, Светц подал условный сигнал установленному в стене фотоэлементу. Стекланные стены раздвинулись, выпуская его из клетки.

Выйдя наружу, он оглянулся. У придворного ветеринара был испуганный вид. Она слишком о многом догадалась. Отвернувшись от Светца, женщина вновь занялась страусом.

Страус лежал на боку, открыв глаза. Он вырос до невероятных размеров, но, несмотря на огромное количество введенного внутривенно сахара, оставался худым. Изменился цвет его оперения. Птица стала черно-зеленой, а по величине была сравнимой с помещенным в соседнюю клетку слоном, который, наблюдая за происходящим, забыл о своем мудром равнодушии и начал смущаться.

Птица уже не была похожа на страуса.

По лазурно-голубому, как в далеком прошлом, небу бежали пушистые белоснежные облака. От зенита до горизонта небо было голубым, его девственную голубизну не оскверняла ни одна из привычных примесей.

Кругом лежали бездыханные тела. Светц не решался остановиться, чтобы помочь кому-нибудь. Ему предстояло сделать более важное дело.

У Института он перешел с бега на шаг. В том месте, где были сломаны ребра, грудь болела, будто туда воткнули нож.

Во дворе Института лежали тела сотрудников. Очевидно, люди выбежали во двор в поисках пригодного для дыхания воздуха. На въезде стоял автомобиль

Генерального Секретаря. Под ним лицом вверх лежал Ра Чен.

Что он там делает, интересно знать?

Подойдя ближе, Светц услышал рокот мотора. Понятно: Ра Чен надеялся спастись, вдыхая выхлопные газы. Логично, черт возьми! Почему же его расчеты не оправдались? Светц заглянул в блестящие металлические внутренности машины. Двигатель не такой, как был раньше. На чем он работает? На паре? На электричестве? Может быть, машину приводит в движение маховик? Так или иначе, выхлопной трубы, которую искал Ра Чен, на месте не было.

Сердце Ра Чена билось сильно и часто, но он не дышал. Нет, дышал! Он делал вдох и выдох два раза в минуту, когда под автомобилем накапливалось достаточное для возбуждения дыхательного рефлекса количество углекислого газа.

Светц вошел в Институт. Около десятка сотрудников потеряли сознание прямо у светящихся пультов управления. Еще три тела распластались на полу. Генеральный Секретарь лежал в неестественной позе, глупо улыбаясь в потолок. У телохранителей были сонные и озабоченные лица, а в руках — автоматы наизготовку.

Малая камера еще не вернулась.

Светц заглянул в пустую нишу машины времени, и его охватил ужас. Что он может сделать, не выяснив у Зиры подробностей случившегося? От пятидесятого года доатомной эры до сегодняшнего дня тридцать минут полета. С тех пор как Ра Чен звонил в зоопарк, тридцати минут не прошло. До чего медленно тянется время, когда случается несчастье!

Может быть, это побочный эффект парадокса, который отрезал камеру Зиры от настоящего, оставив ее навсегда в прошлом или направив по другой линии времени. С парадоксами Институт Времени еще не сталкивался.

Математика не поможет. В математике путешествий во времени слишком много исключений.

В прошлом году кто-то попытался провести топологический анализ пути камеры расширения. Он доказал не только то, что путешествие во времени невозможно, но и то, что нельзя двигаться быстрее, чем свет. Ра Чен запустил эту информацию в Институт Космоса в робкой надежде на то, что там перестанут строить гипер-скоростные корабли.

Что же делать? Надеть на всех фильтрующие шлемы? Хорошая мысль, но в Центре управления нет запаса шлемов, за ними нужно бежать через весь город. Светц не решился покинуть Центр.

Он заставил себя сесть.

Через несколько минут, почувствовав давление вытесненного из машины времени воздуха, он вскочил. Вернулась малая камера расширения. Из круглого люка выбралась Зира.

— Забирайся обратно! — приказал Светц. — Живо!

— Ты не имеешь права мной командовать, Светц! — Она прошла мимо него и принялась оглядываться. — Где Ра Чен? Автомобиль пропал.

От усталости и огорчения черты ее лица заострились, голос звучал монотонно и хрипло.

Светц взял ее за локоть:

— Зира, у нас...

— Нужно действовать! — она вырвала руку. — У меня пропал автомобиль, ты слышал?

— А ты слышала: сейчас же в камеру!

— Нужно что-то предпринять! Почему я не чувствую никаких запахов?

Она несколько раз втянула носом безвкусный, пустой, мертвый воздух и недоуменно оглянулась. Только тут она поняла: происходит что-то странное. Глаза ее закатились, и Светц, шагнув к ней, подхватил ее на руки.

В камере расширения он заглянул Зире в лицо. Сейчас, когда она была без сознания, у нее было совсем другое лицо — не такое жесткое, как всегда, какое-то незащищенное и даже миловидное. Хм, у Зире довольно красивое лицо.

— Тебе следует чаще расслабляться, — заметил Светц.

В том месте, куда его ударил страус, как второе сердце, пульсировала боль.

Зира открыла глаза и спросила:

— Почему мы опять в камере расширения?

— Здесь собственная система кондиционирования воздуха, — ответил Светц, — а воздухом окружающей среды дышать нельзя.

— Почему?

— Об этом я хотел спросить тебя.

Она удивленно раскрыла глаза:

— Это из-за автомобиля. Он исчез.

— Почему?

— Не знаю. Светц, я все делала как надо, клянусь! Но когда я включила дубликатор, автомобиль исчез.

— Это мне не очень нравится, — Светц постарался ответить ровным голосом. — Что ты...

— Я все делала так, как меня учили! Вставила окрашенный белым конец в раму, задала значение веса, дала допуск на краевые ошибки, проверила показания...

— Наверное, ты все же перевернула дубликатор задом наперед. погоди! Ты пользовалась инфракрасной подсветкой?

— Конечно, было очень темно.

— Ты принимала таблетки, обостряющие зрение?

— Ты всегда так медленно соображаешь, Светц? — И вдруг она переменилась в лице. — Я видела инфракрасное излучение. Конечно. Я вставила в раму горячий конец. Обратный конец, который должен был продублировать пустое пространство напротив автомобиля. И с обеих сторон получилась пустота. Тупица! — с горечью заключила Зира. — Какая тупица!

Сцепив под коленями руки, она прислонилась спиной к вогнутой стене камеры.

— Если верить книге, Генри Форд продал этот автомобиль за двести долларов, — наконец заговорила она. — Потом он долго бедствовал...

— Двести долларов — это много?

— Я думаю, это зависит от периода истории. Наверное, если в недобрый час отнять у человека двести долларов, его можно разорить. Я разорила Форда, и сборочные линии придумал кто-то другой, кому больше нравился пар или электричество.

— Наверное, пар. Паровые двигатели появились первыми.

— Почему это так сильно повлияло на состав воздуха? Мы можем дышать тем, что выходит из выхлопной трубы, но это не нужно нам для жизни. Нужен только углекислый газ. Паровой двигатель тоже сжигает топливо, так ведь?

— Я долго об этом думал, — сказал Светц, — и в конце концов понял, в чем дело. Продукты сгорания топлива не исчезают. Они повисают в воздухе и образуют своего рода экран между нами и солнцем. Этот экран висел над нами тысячу лет, вполовину ослабляя солнечное излучение. А теперь его нет.

— Фотосинтез! Вот куда ушел весь углекислый газ!

— Точно.

— Состав воздуха изменился, почему же с нами ничего не произошло? Мы развивались, приспосабливались к определенному составу воздуха. Почему путь нашего развития не перечеркнут? Почему мы его осознаем?

— Не знаю. Мы очень многого не знаем о путешествиях во времени.

— Я не придираюсь, Светц. Я задаю вопрос, потому что хочу понять, что происходит.

Светц молчал.

— Все ясно, — сказала Зира через некоторое время. — Мне нужно отправиться в прошлое и напомнить себе самой правильно повернуть дубликатор.

— Не получится. Вернее, не получилось. Если бы ты правильно повернула дубликатор, всего этого не случилось бы. Поэтому ты и перепутала стороны.

— Логика и путешествия во времени несовместимы, забыл?

— Может быть, удастся тебя обойти, — Светц запнулся, потом продолжал: — Попробуем так. Запустишь меня в прошлое с таким расчетом, чтобы я прибыл за час до того, как прибудет Зира. Автомобиль еще будет на месте. Я продублирую его, продублирую его копию и погружу вторую копию и оригинал в большую камеру расширения. Потом появишься ты и уничтожишь первую копию. Тогда появлюсь я, верну Форду оригинал, а вторую копию привезу сюда. Ну как?

— Великолепно! Повтори, пожалуйста.

— Смотри: я отправляюсь в прошлое...

Зира рассмеялась:

— Не обижайся, Светц. В прошлое могу отправиться только я. Ты не сумеешь там ориентироваться. Ты не спросишь, как пройти, и не прочитаешь ни одной вывески. Останешься здесь — будешь управлять машиной.

Выбираясь из камеры расширения, Светц услышал крик, который мог бы возвещать о конце света. На мгновение он застыл, затем скатился по выпуклой стене камеры. За ним последовала Зира, надев фильтрующий шлем, которым пользовалась во время неудачной поездки за автомобилем Форда.

Фасад Института был выполнен из прозрачного материала. Он выходил на дворец и виварий.

На глазах у Зиры и Светца одна из стеклянных клеток разлетелась на куски, лопнула, как яичная скорлупа, и из нее, как цыпленок из яйца, вышла птица рок.

Снова раздался крик.

— Что это? — прошептала Зира.

— Это был страус. Теперь я не знаю, как его назвать.

Птица двигалась, как в замедленном кино. Она была невероятных размеров. Черно-зеленая, прекрасная и грозная: огромная, как вечность, с золотым султаном на лбу, она опустила клюв на соседнюю клетку. Клетка треснула, как бумажная.

— Пойдем! — Зира дергала Светца за руку. — Если это житель зоопарка, его не нужно бояться. Он задохнется, когда я верну машину на место.

— Верно, — согласился Светц.

Они принялись за работу. Грузовая камера расширения отправилась в прошлое на несколько часов дальше.

Когда Светц снова взглянул сквозь стеклянную стену, птица поднималась в воздух. Ее крылья хлопали, как паруса, и отбрасывали тени, как облака. Когда птица поднялась выше, Светц увидел, что в ее гигантских когтях бьется жертва. Светц узнал, кто это, и с ужасом понял, как огромна птица рок.

— Она собирается съесть СЛОНА, — произнес Светц.

Его охватило необъяснимое сожаление. Необъяснимое потому, что он не любил животных.

— Что-что? Не отвлекайся, Светц!

— Да-да, конечно. — Он помог Зире забраться в камеру расширения и запустил ее в прошлое.

Техника Центра управления работала превосходно, хотя весь персонал был в забытьи. Если бы что-нибудь разладилось, Светцу бы пришлось работать за шестерых. Поэтому он сновал между приборами, внимательно читая показания и отвечая на малейшее изменение. Случайно он оказался у прозрачной стены. Птица рок поднялась на невероятную высоту. Любая другая птица затерялась бы в такой выси, но рок была очень хорошо видна на фоне чужого голубого неба. Во двор Института упали окровавленные кости слона.

Время шло.

Двадцать минут на дорогу в прошлое и еще какое-то время на то, чтобы снять две копии с автомобиля,

погрузить их в большую камеру распирения и дать сигнал Светцу.

Вот и сигнал. Машины у Зиры. Для верности Светц передвинул ее на шесть часов вперед, ближе к утру. Зире может помешать ранний прохожий, но по крайней мере Форд получит свой автомобиль.

Птица рок закончила кровавое пиршество. СЛОНА больше нет. Рок опускалась, распластав крылья. Светц наблюдал за ней.

Птица становилась все больше и больше, и наконец Светцу показалось, что она заполнила всю Вселенную. Она пронеслась над Центром, как грозовая туча, закрыв солнце и подняв ветер. Как два смерча, лапы с изогнутыми когтями опустились на дорожку.

Птица наклонилась. Сквозь прозрачную стену на Светца смотрели чудовищных размеров глаза.

«Она меня узнала, — подумал Светц. — Даже птица будет умной, если у нее такая большая голова».

Птица разогнула шею, и ее голова исчезла из вида.

«У меня был страус, но мне этого показалось мало. Синица в руке лучше, чем журавль в небе. До чего верной оказалась старинная пословица!»

Крыша лопнула под ударом огромного крючковатого клюва. Куски бетона брызнули на пол и на стены. Желтый глаз отыскал Светца, но клюв не мог его достать. Отверстие в крыше недостаточно широко.

Загорелись три красные лампочки. Светц подскочил к пульту и принялся нажимать кнопки. Вот погасли две лампочки, вот и третья. Ему не приходило в голову бежать. Рок найдет его, где бы он ни спрятался.

Есть! Зира опустила рычаг «домой». Теперь все пойдет само собой.

Бах!

Светца отбросило к большой машине времени. Перед ним оказался желтый глаз величиной с дверь. Половины крыши как не бывало, но клюв все еще не помещался в проем. Зато сквозь крошащееся стекло к Светцу пробивался гигантский коготь.

Освещение переменялось.

Светц сполз на пол. Сквозь растопыренные черно-зеленые перья он увидел бледно-зеленое небо, а в нем коричнево-желтые облака.

Птица недоуменно втянула воздух — раз, другой. В ее огромном глазу Светц прочел страх. Птица подняла

голову и отошла на несколько шагов от Центра для разбега. Ее черные крылья опустились на Центр, как ночь.

Светц не стал внимать ни инстинкту самосохранения, ни рассудку. Он вышел во двор посмотреть, как рок взлетит.

Ему пришлось обнять колонну. Взмахнув крыльями, рок подняла ураганный ветер. Птица взглянула под ноги, увидела Светца, узнала его и отвернулась.

Когда к Светцу присоединилась Зира, птица рок была еще хорошо видна. Подошел Ра Чен. Вскоре добрая половина сотрудников стояла, изумленно глядя в небо.

Птица превратилась в черную точку на фоне зеленой пастели. Задышавшись, она поднималась все выше и выше.

Одного вдоха оказалось достаточно. Огромному мозгу птицы требовалось так же много кислорода, как пищи ее огромному телу. Рок тут же взлетела, отказавшись от десерта из мяса Светца. Она поднималась все выше, надеясь найти там чистый воздух.

Генеральный Секретарь стоял рядом со Светцем, уставясь в небо, и радостно хихикал.

Кажется, рок больше не поднимается. Да, черная тень опять становится все больше, скользит вниз.

Откуда было птице знать, что чистого воздуха нет нигде?

ВОЛК В МАШИНЕ, ВРЕМЕНИ

В старой камере расширения не было приборов точного управления, но Светц не огорчился. Его отрядили на охоту не за каким-то определенным вымершим животным. Ра Чен велел поймать первое, что попадется на глаза.

Светц направил камеру в прединдустриальную Америку, в центр континента, в тысячный год до атомной эры. Там должно быть больше животных, чем людей. Может быть, повезет встретить бизона.

Подойдя к окну, Светц увидел бескрайнюю белую равнину.

Он не рассчитывал прибыть в середине зимы.

Первой его мыслью было вернуться в поток времени и замкнуть контур прерывания — задать новую дату и попытаться счастья еще раз. Но контур прерывания — техническая новинка, еще не испытанная в реальных условиях, а Светц не горел желанием стать первым испытателем.

Кроме того, поездка в прошлое стоит более миллиона коммерческих единиц, а использование контура прерывания удвоит расходы. Ра Чен будет недоволен.

Едва открыв дверь, Светц промерз до костей. Перед ним расстилалась белая гладкая равнина. Вдали маячила какая-то белая фигура. Светц выстрелил в нее растворимым анестезирующим кристаллом.

Оседлав летучий посох, он полетел за добычей. Теперь, когда животное не двигалось, его было нелегко отыскать в снегу. Только краснела раскрытая пасть и чернели подушечки на лапах. Светц предположил, что это полярный волк.

Отличный экспонат для вивария! Светц был рад любому животному, которое позволило бы ему поскорее покинуть эту дикую мерзлоту. Он остался чрезвычайно доволен собой. Путешествие оказалось коротким и нетрудным.

В камере Светц завернул спящее животное в прозрачный пластиковый мешок и плотно запечатал. Он

пристегнул волка к вогнутой стене камеры расширения, а сам устроился у противоположной стены. Камера расширения устремилась в направлении, перпендикулярном всем другим направлениям. Как всегда, взбесилась гравитация.

Голову Светца тоже покрывал прозрачный пластиковый мешок, края которого крепились к шее. Светц отклеил пластик от кожи и сбросил шлем. Он не нужен: работает система кондиционирования воздуха.

А волку не обойтись без такого мешка. Он не может дышать воздухом индустриальной эры. Без фильтра, задерживающего яды, животное задохнется и умрет. В современном Светцу мире волк был вымершим видом.

Снаружи время несло с бешеной скоростью. Здесь, в камере, оно ползло. Устроившись в углублении стены, Светц разглядывал волка, прижатого тяготением к противоположной стене, вернее потолку.

Светц никогда не встречал живого волка. Он видел только картинки в детских книгах, похищенных из далекого прошлого. Почему же волк кажется таким знакомым?

Животное было крупное, величиной почти с Энвила Светца. Правда, сам Светц не отличался крепким сложением. Животное тяжело дышало, бока его вздымались. Из раскрытой пасти, полной острых белых зубов, свисал длинный красный язык.

Как у собаки, вспомнил Светц. Как у собак в виварии, на клетке которых вывешена табличка:

СОБАКА

Современный вид.

Собаки — единственные животные в виварии, помещенные под стекло ради спокойствия людей. Ни одно животное не может дышать воздухом окружающей среды, а собаки дышат свободно.

Современную собаку в прямом смысле слова создал человек. Лоренс Уош Портер жил в конце индустриальной эпохи, между пятидесятыми и сотыми годами постатомной эры, когда миллиарды людей умирали от легочных заболеваний и лишь миллионы приспособили-

вадись к жестоким условиям и выживали. Портер решил спасти собак. Почему именно собак? Мотивы его выбора остались невыясненными, но само по себе поведение свидетельствовало о гениальности. Портер взял по одному представителю каждой породы и беспорядочно скрещивал их в течение нескольких поколений. Больше никогда не будет выставок собак: на Земле не осталось ни одной чистопородной собаки. Зато гибрид оказался жизнеспособным. Намеренно одворяженные собаки легко дышали воздухом индустриальной эры, богатым оксидами углерода, азота, приправленным для остроты сырым бензином и серной кислотой.

Собак огородили стеклом, потому что люди боялись их. Почти все животные вымерли. Люди тысяча сорока года постатомной эры не любили животных.

Волки и собаки... Вполне возможно, что волк — предок собаки. Светц поднял глаза к спящему волку и задумался. Животное было одновременно и похоже, и не похоже на собаку. Собаки улыбались людям из-за стекла и виляли хвостами. Они любили людей. А волк даже во сне...

Светц вздрогнул. Ему многое не нравилось в его профессии, но больше всего — полет домой один на один с незнакомым и опасным вымершим животным. В первый раз плененный им конь серьезно повредил панель управления. В последний раз страус ударил Светца ногой и сломал ему четыре ребра.

Волк беспокойно зашевелился, и что-то в нем переменялось.

Перемены продолжались: морда зверя укоротилась, странным образом вытянулись передние лапы, стали длиннее пальцы, обозначились стопы и ладони. У Светца перехватило дыхание.

Снова вздохнув, он мгновенно забыл о волке. Он почувствовал, что задыхается. Нацепив фильтрующий шлем, он бросился к приборам.

Шатаясь, Светц вышел из камеры расширения, сделал три шага и упал. Из двери камеры вытекал невидимый яд. Солнце садилось в оранжевые облака.

Светц лежал, корчась и хватая ртом воздух. Под ним был живой ковер: зеленый, влажный, пахнущий цвета-

ми. Светц не узнал этот запах и не сразу понял, что ковер живой. Ему было не до того. Он знал одно: система кондиционирования воздуха пыталась его убить, и, судя по его состоянию, попытка оказалась почти успешной.

Он был недалеко от дома. Когда в воздухе появился яд, на календаре был тридцатый год постатомной эры. Светц помнил, как схватился за выключатель контура прерывания и принялся ждать. Ядовитый зловонный воздух царапал ноздри и горло. Светц ждал двадцать лет, ощущая каждую секунду. В пятидесятом году постатомной эры он щелкнул выключателем и, задышав, выскочил из камеры.

Пятидесятый год постатомной эры. По крайней мере, индустриальная эпоха. Можно свободно дышать.

Это все конь, подумал Светц без тени удивления. Три года назад конь яростно вонзил свой витой рог в панель управления. Бригада обслуживания должна была устранить неисправность и, кажется, устранила.

Наверное, какой-то прибор износился.

«А как он смотрел на меня, когда я проходил мимо клетки! Я знаю, что он найдет способ мне отомстить», — подумал Светц, заметив, что до сих пор держит в руке фильтрующий шлем.

Вокруг все было зелено. Сырой зеленый ковер под ним был живой. Он рос из черной земли. Из земли поднимался корявый и шершавый столб, разветвлялся, а на ветвях висели грозди желтых и красных лоскутков, похожих на бумажные. Куча мятых листов цветной бумаги валялась у основания столба. Над головой что-то пролетело, судя по неуверенному полету — не самолет.

Все кругом живое. Предындустриальная дикость.

Светц поспешно надел шлем и прижал клейкие края к шее. Ему повезло: до сих пор не потерял сознание. Светц ждал, когда шлем наполнится воздухом. Изготовленный из материала, обладающего избирательной проницаемостью по отношению к газам, шлем будет пропускать внутрь и выпускать наружу нужные газы, создавая смесь...

Светц, задышав, отрывал пластик от кожи. Стянув шлем с головы, он смял его и, разрыдавшись, бросил на землю. Сначала кондиционер, теперь шлем! Неужели кто-то испортил и то и другое? И календарь врет:

до пятидесятого года постатомной эры по крайней мере сто лет.

Кто-то хотел его убить.

Светц в страхе озирался. На холме, покрытом зеленым ковром, он увидел прямоугольный объект, скорее всего искусственный, выкрашенный в бледно-зеленые тона. Значит, здесь есть люди, и можно...

Нет, просить о помощи нельзя. Кто ему поверит? И кто сумеет помочь? Его единственная надежда — камера расширения. И времени в его распоряжении крайне мало.

Камера расширения стояла на расстоянии нескольких ярдов, на ее выпуклой стене чернел открытый люк, другая стена растворялась в неизвестном измерении. Она была соединена с основной частью машины времени, которая находилась в тысяча сто третьем году постатомной эры, но человеческое зрение не способно было проследить эту связь.

У люка Светц задержался. Единственное, что он мог сделать, — прекратить работу кондиционера. Задержать дыхание и...

Запах яда улетучился. Светц понюхал воздух: да, воздух чист. Запас яда в системе кондиционирования исчерпался, растворившись в чистом воздухе. Ни к чему ломать кондиционер. У Светца от облегчения подогнулись колени.

Он влез в камеру.

Увидев, что фильтрующий пакет пуст и разорван, Светц вспомнил о волке. И тут к нему шагнул чужак, покрытый жесткой густой шерстью. Вращая желтыми глазами, он протянул к Светцу когтистые лапы.

Было темно. На востоке показались первые звезды, а на западе все еще горело густо-красное зарево. В воздухе носились какие-то запахи. Поднималась полная луна.

Шатаясь и истекая кровью, Светц взбирался на холм.

Дом на холме был большой и старый. По городским меркам, в два этажа высотой и в квартал длиной и шириной. Странной формы, словно его строил сумасшедший архитектор, каждый день изменяя проект. На окнах верхнего этажа стояли решетки из кованого железа, к ставням были приколочены железные крючья и петли, и все железо покрывала краска пыльно-зеленого

цвета. Закрытые деревянные ставни, сквозь которые не пробивался ни один лучик света, были окрашены зеленой краской другого оттенка.

В дверь могло войти живое существо ростом в двенадцать футов. Светц ухватился обеими руками за огромную щеколду и потянул изо всех сил, но щеколда даже не пошевелилась. Светц принялся искать дверной глазок или звонок, но напрасно. Как же дать обитателям дома знать, что к ним кто-то пришел? Светц застонал.

Может быть, в доме никого нет. Что это за дом? Он слишком велик для одной семьи и выглядит слишком необжитым, чтобы можно было принять его за гостиницу. Может, это склад или мастерская. Что здесь хранят или производят?

Светц оглянулся на камеру расширения. Из нее шел слабый свет. А по зеленому ковру, покрывающему холм, передвигались какие-то тени.

Несколько смутных теней.

Кажется, они приближаются.

Светц забарабанил в дверь кулаками. Ответа не было. Светц заметил вверху блестящий металлический предмет. Он тронул его рукой, потянул и отпустил. Раздался звон.

Светц оттянул молоток обеими руками и отпустил, потом еще и еще раз. Должен же хоть кто-то его услышать.

Что-то просвистело над ухом и тяжело ударилось в дверь. Светц обернулся и тут же пригнулся. Ему в лицо летел камень величиной с кулак. Белые тени были совсем близко — двуногие сутулые существа.

Они были одновременно похожи и не похожи на людей.

Дверь открылась.

Девушка была совсем молоденькая, не старше шестнадцати лет. Очень бледная кожа, совершенно белые волосы и брови. На ней была длинная рубаша без рукавов. С сердитым и заспанным видом она толкнула тяжелую дверь.

И увидела Светца.

— Спаси меня! — сказал Светц.

Ее глаза распахнулись, а уши вздрогнули. Она сказала что-то, что Светц с трудом понял: девушка говорила на староамериканском языке.

— Кто ты?

Ее можно было понять. В то время не носили одежды, которая была на Светце. А кроме того, его рубашка была разорвана до пояса, и кожа под ней тоже. Четыре параллельные кровавые полосы тянулись по лицу и груди.

Зира обучала Светца говорить по-американски. Он старательно выговорил:

— Я путешественник. Животное, какое-то чудовище, выгнало меня из машины.

Очевидно, смысл его слов дошел до девушки.

— Бедняга! А что за животное?

— Как человек, но все волосатое, с ужасным лицом, а когти, когти!

— Я вижу их следы.

— Не знаю, как он вошел, — Светц повел плечами. Нет, нельзя рассказывать ей об этом. Если он скажет, что волк превратился в гуманоида-вампира, она примет его за сумасшедшего. — Он успел только оцарапать меня. Если бы у меня было оружие, я бы справился с ним. У вас есть базука?

— Какое смешное слово! Думаю, что нет. Входи. — Она взяла Светца за руку и, когда он вошел, закрыла за ним дверь. — Тролли не тронули тебя?

— Тролли?

— Ты странный человек, — сказала девушка, оглядывая его. — У тебя странный вид, странный запах, чудная походка. Наверное, ты пришел издалека.

— Да, я живу очень далеко.

Светц был на грани обморока. Он понимал, что, попав в дом, очутился в безопасности, но отчего волосы на затылке встают дыбом?

— Меня зовут Светц, — продолжал он, — а тебя?

— Рона, — она улыбнулась, не пугаясь его странного вида, а Светц должен был казаться ей очень странным, потому что и она казалась странной ему.

У нее была белая, как снег, кожа и седые, как у столетней старухи, густые длинные волосы. Нос, широкий и плоский, обезобразил бы лицо любой другой девушки, но на лице Роны он непонятно почему казался очень уместным. Это необычное лицо не портили ни большие, заостренные сверху уши, ни слишком широко посаженные глаза, ни улыбка от уха до уха. Она даже

понравилась Светцу. В этой улыбке было любопытство и радость жизни, и потому она не казалась слишком широкой. Крепкое пожатие руки было дружелюбным и ободряющим, хотя ногти неприятно поражали длиной и остротой.

— Тебе нужно отдохнуть, Светц, — сказала девушка. — Родители проснутся не раньше, чем через час. Они, наверное, знают, как тебе помочь. Пойдем, я покажу тебе твою комнату.

Они пересекли столовую, в центре которой стоял огромный прямоугольный стол, окруженный стульями с высокими спинками. На краю стола Светц увидел большую микроволновую печь, а рядом — блюдо с чем-то красным. Предметы, лежавшие на блюде, по форме напоминали конусы, а размером были в руку сильного мужчины от локтя до плеча. На широком конце каждого конуса было белое пятнышко. Светц не знал, что это, но цвет пищи — цвет крови ему не понравился.

— О! — воскликнула Рона. — Я забыла спросить: хочешь есть?

Светц почувствовал, что голоден.

— У вас есть дрожжи?

— Я не знаю, что это такое. Вот это, на блюде, — не дрожжи? У нас ничего больше нет.

— Не будем об этом, — у Светца сжалось горло от одной мысли о том, что придется есть пищу такого цвета.

У дверей комнаты, куда привела его Рона, Светц едва не упал. Комната оказалась просторной, кровать — достаточно широкой, но непривычно низкой и без одеяла. Девушка помогла Светцу лечь.

— Вон там — ванная комната. Когда отдохнешь — умоешься. Спи, Светц. Часа через два я тебя позову.

Светц откинулся на подушку. Комната закружилась перед глазами. Он слышал, как девушка вышла. Какая она странная! И каким странным должен быть он сам в ее глазах! Хорошо, что она никого не позвала на помощь. Врач тут же заметил бы разницу.

Светц не предполагал, что первобытные люди так разительно отличаются от людей индустриальной эпохи. Наверное, за тысячу лет в процессе приспособления к изменениям в составе воды и воздуха, к присутствию

в пище ДДТ и других соединений организм человека претерпел значительные изменения. В этот период вымерли животные, исчезли съедобные растения, усилилась зависимость человека от лекарственных веществ, уменьшились физические нагрузки, повысился уровень шума. Неудивительно, что люди индустриальной эры не похожи на первобытных. Счастье, что человечество вообще выжило в таких условиях.

Рона не испугалась того, что Светц такой странный, не почувствовала отвращение при виде его ран. Ей было весело и любопытно. Без лишних расспросов она пришла Светцу на помощь. Он был ей за это благодарен.

Светц плохо спал: болели царапины, грязная одежда липла к телу, мучили кошмары. Кто-то большой и страшный, полуживотное-получеловек, тянулся когтистыми лапами к его лицу. Сон повторялся снова и снова. В какой-то момент Светц проснулся, пытаясь распознать незнакомый мускусный запах, преследовавший его во сне. Напрасно. Он принялся разглядывать комнату: высокий потолок, электрическая лампочка в плафоне из мутного стекла, таинственный полумрак, на окнах — железные решетки, за окнами — непроглядная ночь.

Странно, что он проснулся. Он уже давно должен отравиться воздухом прединдустриальной эры.

Ну и приключения! Светц вздрогнул, вспомнив о том, что произошло в камере расширения. Злобно оскаленные зубы, треугольные уши. Рука, вооруженная когтями, тянется к горлу. Неужели полярный волк превратился в это чудовище? Невероятно! Форма тела животного не может так сильно измениться. Чудовище, наверное, выпустило волка из камеры или убило его, когда Светц вышел глотнуть свежего воздуха.

С другой стороны, существует множество легенд о подобных происшествиях. Две, три тысячи лет назад и раньше во всем мире люди рассказывали сказки о том, как звери превращались в людей, а люди — в зверей.

Светц сел в постели. Боль стянула кожу, потом отпустила. Стараясь не делать резких движений, Светц встал и направился в ванную. Запекшаяся кровь отмылась легко. Светц намочил кусок ткани и принялся оттирать кровь, разглядывая себя в зеркале. Бледный, тонкий молодой человек с мягкими светлыми волосами... и необычной формы лбом и подбородком. Навер-

ное, зеркало кривое, решил он. Грубая работа. Могло быть и хуже. Первые зеркала были даже двумерными.

За дверью раздался пронзительный свист. Светц выглянул из ванной и увидел Рону.

— Ты проснулся, вот хорошо! — сказала она. — Отец и дядя Роки хотят тебя видеть.

Светц вышел в коридор и снова почувствовал дразнящий мускусный запах. Он шел вслед за Роной по темному коридору, освещенному, как и комната, единственной электрической лампочкой мутного стекла, не более яркой, чем полная луна. Почему семья Роны так любит полумрак, ведь есть электричество? И почему, едва сядет солнце, они ложатся спать? А завтрак выставляют на стол?

Рона толкнула дверь и жестом предложила Светцу войти. Переступив порог, он в замешательстве остановился. В комнате было так же темно, как в коридоре. Мускусный запах ощущался здесь сильнее. Светц подпрыгнул, когда чья-то рука коснулась его руки: ладонь была волосатая, ногти — поразительно острые и длинные.

Рокочущий мужской голос произнес:

— Входите, мистер Светц. Дочь сказала мне, что вы путешественник, обратившийся к нам за помощью.

В тусклом свете лампы Светц разглядел мужчину и женщину, сидящих на табуретах. У обоих были такие же белые волосы, как у Роны, но в прическу женщины вплеталась широкая черная прядь.

Другой мужчина проводил Светца к табурету. Он тоже был не весь белый: черная левая бровь и черный полумесяц за ухом. Рона встала рядом с ним. Как похожи хозяева дома друг на друга и как не похож на них он, Энвил Светц!

Страх ударил ему в голову, как алкоголь. Светц страдал ксенофобией.

Они были все одинаковые. Густые белые волосы и брови, черные отметины там и сям. Узкие черные ногти. Широкие, плоские носы, широкие рты, острые белые зубы конической формы, длинные треугольные уши, желтые глаза, волосатые ладони.

Светц тяжело опустился на мягкий табурет. Один из мужчин — тот, что стоял, — заметил это.

— Наверное, у нас сильнее тяготение, — сказал он. —

Правда, Светц? Вы, наверное, из другого мира? Очевидно, вы не совсем человек. Вы сказали Роне, что путешествуете, но не сказали, откуда вы.

— Издалека, — сказал Светц. — Из будущего.

Второй мужчина подпрыгнул на своем табурете.

— Из будущего? Вы путешествуете во времени? — он едва не визжал. — Неужели эволюция так нас изуродует?

— Не волнуйтесь, не изуродует, — Светц поморщился.

— Будем надеяться. На что же мы будем похожи?

— Мне кажется, меня отнесло потоком времени в сторону. Вы произошли от волков, верно? Не от обезьян, а от волков.

— Разумеется.

Мужчина, сидящий на табурете, внимательно разглядывал Светца.

— Сейчас, когда он все объяснил, я вижу, что он очень похож на тролля. Простите, Светц, я не хотел вас обидеть.

Окруженный людьми-волками, Светц никак не мог сбросить напряжение.

— Что такое тролль? — спросил он.

Рона присела на краешек табурета.

— Ты должен был встретить их на лугу. Мы держим тридцать голов.

— Это дикие обезьяны, — добавил один из мужчин. — Их завезли из Африки в прошлом веке. Они превосходные сторожа и мясные животные, но с ними нужно быть начеку, эти безобразники швыряются камнями.

— Мы до сих пор не представились, — сказал другой. — Простите, Светц. Меня зовут Флейки Роки. Мой брат — Флейки Уорелл, это его жена Брэнда. С моей племянницей вы уже знакомы.

— Очень приятно, — произнес Светц тусклым голосом.

— Вы говорите, что вас отнесло в сторону?

— Я так думаю. Три года назад конь повредил мою камеру расширения. Я считал, что неисправность устранили, но, очевидно, в этом месте опять что-то нарушилось, и камера двинулась не вперед, а в сторону. В мир, где разумное потомство дали волки, а не Ното

Rabilis. Одному Богу известно, где я окажусь, если попытаюсь вернуться домой.

И тут он вспомнил о главном:

— Вы можете помочь мне вот в чем: в мою камеру расширения забралось какое-то чудовище.

— Что такое камера расширения?

— Это часть машины времени, которая перемещает-ся во времени. Вы можете мне выгнать чудовище?

— Конечно, — ответил Уорелл.

— Не стоит этого делать, — сказал Роки. — Не перечь мне, Уорелл. Освободив камеру расширения, мы окажем тебе плохую услугу, Светц. Ты ведь постарай-ся вернуться в свое время, правда?

— Разумеется, черт возьми!

— Ты запутаешься еще больше. В нашем мире ты хотя бы можешь жевать пищу и дышать воздухом. Мы выращиваем растения на корм троллям. Ты легко на-учишься их есть.

— Вы не поняли: я не могу здесь остаться. Я ксе-нофоб.

Роки нахмурился. Его уши вопросительно шевельну-лись.

— Кто-кто?

— Я боюсь разумных негуманоидов. Ничего не могу с собой поделать. Это у меня в крови.

— Что ты, Светц! Я уверен, ты к нам привыкнешь.

Светц переводил взгляд с Уорелла на Роки и обратно. Не трудно было понять, кто из них главный. У Роки голос был громче и ниже, он был крупнее брата, а его волосы напоминали львиную гриву. Уорелл даже не пытался утвердиться. Что до женщин, то ни одна из них не произнесла ни слова с тех пор, как Светц вошел в комнату.

Роки здесь был явный главарь. И он не хотел отпускать Светца.

— Вы не понимаете! — повторил Светц в отчая-нии. — Воздух... — и осекся.

— Что «воздух»?

— Я уже давно должен им отравиться. Интересно, почему я до сих пор жив? — Он не переставал этому удивляться. — Наверное, адаптировался, — сказал Светц скорее себе, чем собеседнику. — Вот в чем дело: камера расширения двигалась почти параллельно вашему пути

эволюции, у меня изменилась наследственность, мои легкие приспособились к прединдустриальному воздуху. Проклятье! Если бы я не замкнул контур прерывания, я приспособился бы к воздуху в камере.

— Значит, ты можешь дышать нашим воздухом, — сказал Роки.

— Не знаю. У вас есть какая-нибудь промышленность?

— Конечно, — удивился Уорелл.

— Автомобили, самолеты с двигателями внутреннего сгорания? Дизельные грузовики и теплоходы? Химические удобрения и средства для отпугивания насекомых?

— Нет, ничего этого нет. Химические удобрения загрязняют воду. Единственное средство для отпугивания насекомых, которое я знаю, воняло на всю Вселенную. Его производство не пошло дальше экспериментальной стадии. Большая часть наших транспортных средств питается от батарей.

— У нас было увлечение двигателями внутреннего сгорания, — сказал Роки, — но быстро прошло. Двигатели внутреннего сгорания плохо пахнут. Тому, кто сидит в машине, все равно, он оставляет дым за спиной. Когда двигатели внутреннего сгорания были на вершине популярности, по Детройту колесили, отравляя воздух, сотни две автомобилей. Но однажды ночью горожане собрались и разбили машины вдребезги, а владельцев разорвали на кусочки.

— Я всегда думал, что у людей носы чувствительнее, чем у троллей, — вставил Уорелл.

— Рона почуяла мой запах гораздо раньше, чем я почувствовал, как пахнет от нее. Мы не договоримся, Роки. Я адаптировался к воздуху, но это далеко не все. Я никогда не ел ничего, кроме пищевых дрожжей, животные и растения давно вымерли. Дальше: бактерии..

Роки покачал головой:

— Куда бы ты ни направился, Светц, поломанная машина времени доставит тебя в еще более экзотическое окружение. Эволюция может пойти сотнями путей. Что, если ты попадешь на один из них? Или окажешься рядом?

— Но...

— У нас ты будешь почетным гостем. Подумай, ты

столько можешь нам преподать! Ведь ты родился в мире, где строят машины времени.

Вот оно что!

— Нет, — сказал Светц. — Вы не сумеете использовать мои знания. Я не механик и не могу показать, что как делается. Кроме того, вам очень не понравятся побочные эффекты. Далее, цивилизации, предшествующие нашей, во многом зависели от нефтехимии. От пластмасс, а горящая пластмасса пахнет...

— Запасы нефти исчерпаны. Вы должны были отыскать другие источники энергии. — Роки сверлил Светца взглядом желтых глаз. — Например, управляемый ядерный синтез?

— Я не могу сказать, как осуществляется реакция! — крикнул Светц в отчаянии. — Я ничего не смыслю в физике плазмы!

— Физика плазмы? Что это такое?

— Использование электромагнитного поля для управления ионизированными газами. Вы должны знать, что это такое.

— Мы не знаем, но ты нам подскажешь. У нас уже есть водородная бомба. У европейцев тоже, но поговорим об этом после, — Роки встал. Его черные ногти вонзились в кожу Светца. — Подумай, Светц. Чувствуй себя здесь как дома, но не выходи один. Во дворе тролли...

Когда Светц вышел из комнаты, голова гудела от мыслей. Волки не хотят его отпустить.

— Я рада, что ты остаешься у нас, Светц, — болтала Рона. — Ты мне нравишься. Тебе будет хорошо здесь. Хочешь покажу дом?

В коридоре тускло горела лампа мутного белого стекла, как луна, снятая с неба. Сумеречные звери. Волки.

— Я ксенофоб, — сказал Светц. — Ничего не могу с собой поделать, таким уж родился.

— Ничего, мы тебе еще понравимся. Я ведь тебе немножко нравлюсь, правда, Светц? — она протянула руку и почесала ему за ухом.

Его пронизал ток удовольствия, до того острого, что он прикрыл глаза.

— Сюда, — сказала Рона.

— Куда мы идем?

— Я хотела показать тебе троллей, Светц. Неужели ты произошел от тролля? Не могу поверить!

— Я скажу да или нет, когда посмотрю на них, — пообещал Светц. Он помнил Homo Rabilis, который жил в виварии и был человеком, Советником, пока Генеральный Секретарь не приказал отнять у него разум.

Они прошли через столовую, и Светц вздрогнул, увидев на тарелках кости. Его предки тоже питались мясом. Тролли в этом мире были бессловесными животными, и, чем бы они ни оказались в мире Светца, ему стало не по себе. Мысли ползли медленно, голова кружилась. Ему во что бы то ни стало нужно выбраться отсюда.

— Если дядя Роки кажется тебе слишком грубым, познакомься с европейским послом, — сказала Рона. — Да, надо тебя с ним познакомить.

— Он здесь бывает?

— Иногда, — Рона тихонько зарычала. — Я его не люблю. Он принадлежит к другому виду. У нас эволюционировали волки, а в Европе — другой вид. Так говорит наш учитель.

— Мне кажется, дядя Роки не позволит мне с ним познакомиться. Он даже не станет рассказывать мне о нем, — Светц тер глаза.

— Тем лучше. Герр Дракула все время улыбается и вежливым тоном говорит гадости. Ты за минуту... Светц, что с тобой?

Светц стонал, как в агонии.

— Мои глаза! — он пощупал выше. — Мой лоб! У меня нет больше лба!

— Я тебя не понимаю!

Светц кончиками пальцев провел по лицу. На массивных валиках бровей топорщились жесткие густые волосы. Начиная от бровей лоб полого уходил назад. А подбородок, подбородок тоже исчез. Челюсть плавно переходила в шею.

— Я деградирую! Я превращаюсь в тролля, — сказал Светц. Рона, если я стану троллем, меня съедят?

— Не знаю... Я не позволю тебя съесть!

— Нет. Проводи меня к камере расширения. Если ты не пойдешь со мной, меня убьют тролли.

— Ладно. Как быть с чудовищем?

— Сейчас с ним будет легче справиться. Все будет хорошо, только проводи меня к камере. Я прошу.

— Пойдем, Светц, — она взяла его за руку и повела.

Зеркало говорило правду. Уже тогда он менялся, приспособляясь к здешнему пути развития. Легкие первыми утратили привычку к нормальному воздуху. Здесь не наступила индустриальная эпоха, но здесь не было *Homo Sapiens*.

Рона открыла дверь. Светц вдохнул ночной воздух. Его обоняние неестественно обострилось. Он учуял троллей, еще не видя их, и понял, что они взбираются на холм, ступая по живому зеленому ковру. Пальцы Светца сжались, словно хватая оружие.

Троллей было трое. Они окружили Рону и Светца. Один из них тащил длинную белую кость. Тролли передвигались на двух ногах, держась прямо, ступали неловко, будто у них болели ноги. У троллей были обезьяньи головы, человеческое тело и безволосая кожа, как у людей.

Homo Rabilis. Грязная степная обезьяна — предок человека.

— Не обращай внимания, — небрежно бросила Рона. — Они нас не тронут.

Она стала спускаться по склону холма. Светц держался рядом.

— Где только он взял эту кость? — через плечо сказала Рона. — Мы стараемся не давать им костей. Они используют их как оружие. Иногда ранят друг друга. А однажды один из них железной трубой от садового фонтанчика убил садовника.

— Я не стану отбирать у него кость.

— Твоя камера расширения там, где свет?

— Да.

— Может, не стоит, Светц, — она вдруг остановилась. — Дядя Роки прав: ты еще сильнее заблудишься. Здесь о тебе хотя бы будут заботиться.

— Нет. Дядя Роки не прав. Видишь темную сторону камеры: она как будто растворяется в воздухе. Этой стороной камера соединяется с машиной времени. Она вернет меня в машину.

— А-а-а...

— Неизвестно, когда она начала сбиваться с пути. Может быть, сразу после того, как проклятый конь

проткнул своим проклятым рогом пульт управления. Никто ничего не замечал, не было случая. Никто ведь не останавливал машину на полпути.

— Светц, у коней не бывает рогов.

— У моего коня был.

Сзади послышался шум. Рона обернулась, вглядываясь в темноту, сквозь которую взгляд Светца не мог проникнуть.

— Быстрее, Светц! Нас заметили, — она потащила его к освещенной камере.

У самой стены они остановились.

— У меня голова тяжелая, — пробормотал Светц, — и язык словно распух.

— Что будем делать с чудовищем? Я ничего не слышу.

— Чудовища нет. Это просто человек в амнезии. Он был опасен в стадии превращения.

Рона заглянула в люк:

— Ты прав. Сэр, будьте добры... Светц, он меня, кажется, не понимает.

— Конечно, нет. С какой стати? Он думает, что он белый полярный волк.

Светц вошел в камеру. Белый человековолк попятился в угол, настороженно наблюдая за ним. Он был очень похож на Рону.

Светц обнаружил, что сжимает в руке ветку дерева. Рука вооружилась, не сообщив об этом мозгу. Он кружил по камере, изготовив оружие к удару. Безрассудная ярость поднималась в нем. Пришелец! Ему нечего делать на территории Светца!

Человековолк все пятился, его раскосые глаза потемнели от страха. Вдруг он прыгнул в люк и побежал прочь. За ним погнались тролли.

— Может быть, твой отец воспитает его, — сказал Светц.

Рона разглядывала приборы:

— Что с ними делать?

— погоди, дай вспомнить. — Светц потер ужасающе покатым лоб. — Вот эта кнопка закрывает дверь.

Рона нажала на кнопку. Дверь закрылась.

— Тебе, кажется, нужно выйти.

— Я поеду с тобой, — ответила Рона.

— А-а-а... — Светцу становилось все труднее думать.

Он оглядел пульт управления. Эне, бене... кажется, здесь. Он опустил рычаг.

Невесомость. Рона взвизгнула. Вернулось тяготение, и, стремясь во все стороны от центра, прижало Рону и Светца к стене.

— Когда мои легкие вернутся в нормальное состояние, я, наверное, засну, — сказал Светц. — Пусть тебя это не тревожит.

Что-то еще он должен сказать Роне. Светц силился вспомнить. Ах, да!

— Ты не вернешься домой, — сказал он. — Мы никогда больше не попадем на этот исторический путь.

— Я хочу остаться с тобой, — отозвалась Рона.

— Ладно.

В нише машины времени образовался туман. Он быстро сгущался и — вот вернулась камера расширения, с опозданием в несколько часов. Открылась дверь, но Светц не выходил. Его вытащили, подхватив под мышки. Из камеры пахло зверинцем и жимолостью.

— Через пару минут он придет в себя. Набросьте на него и на зверя фильтрующую палатку, — распорядился Ра Чен.

Скрестив на груди руки, он стоял над Светцом и ждал. Светц вздохнул и открыл глаза.

— Превосходно! — сказал Ра Чен. — Что произошло?

— Дайте подумать, — Светц сел. — Я был в предындустриальной Америке. Там все в снегу. Застрелил полярного волка.

— Он в палатке. Дальше.

— Нет, волк убежал. Мы его прогнали, — Светц принялся оглядываться. — Рона!

Рона лежала на боку, накрытая палаткой. У нее был густой белый мех с черными отметинами. Сложением она напоминала волка, но была немного меньше. Чуть крупнее голова, чуть короче морда. Хвост заворачивается в кольцо. Она лежала, закрыв глаза, и не дышала. Светц склонился над ней.

— Помогите мне вытащить ее отсюда. Вы не можете отличить волка от собаки?

— Нет. Зачем ты привез собаку? У нас их хватает.

Светц не слушал. Стоя рядом с Роной на коленях, он стаскивал с нее палатку.

— Скорее волк, чем собака. Люди приручают друг друга. Она приспособилась к нашему пути развития и к нашему воздуху. — Светц взглянул на шефа. — Сэр, старую камеру расширения нужно отправить на свалку. Она сбивается с пути в сторону.

— Ты принимал наркотики во время работы?

— Я все объясню.

Рона открыла глаза. Она в испуге оглядывалась. Увидев Светца, она взглянула на него с немим вопросом в золотистых глазах.

— Я буду заботиться о тебе, не бойся, — сказал Светц Роне и почесал ей за ухом, увязая пальцами в мягком меху. Затем обратился к Ра Чену: — В виварии достаточно собак. Эту я заберу себе.

— Светц, ты в своем уме? Ты берешь в дом животное? Ты ведь терпеть не можешь животных.

— Она спасла мне жизнь. Я никому не позволю посадить ее в клетку.

— Хорошо, забирай ее, живи с ней! Только, мне кажется, в твои планы не входило платить нам два миллиона коммерческих единиц, которых она нам стоила, так ведь? — Ра Чен презрительно фыркнул. — Ладно, готовь отчет и следи за своей собакой.

Рона подняла голову, понюхала воздух и завывала. Ее вой эхом отдавался в коридорах Института, и люди с испугом и удивлением переглядывались.

Светц, недоумевая, повторил ее движения и тогда все понял.

В воздухе было слишком много нефтепродуктов, оксидов углерода, азота и серы. Воздух индустриальной эры, которым Светц дышал всю жизнь.

Он показался Светцу отвратительным.

СМЕРТЬ В КАМЕРЕ

Светц возвращался домой. Скрестив на груди тонкие руки, выгнув спину, он прижался к вогнутой стене камеры расширения. Он лежал не шевелясь, со стоическим терпением глядя на инерционный календарь. В камере расширения тяготение ведет себя необычно: когда камера движется в будущее, оно стремится наружу.

Минус сорок один, минус сорок... Светцу требовалось сделать значительное усилие, чтобы дотянуться до пульта управления, расположенного в центре сферической камеры. Сейчас приборы ему не нужны. Камера сама найдет свое место в машине времени, которая имеет постоянное положение во времени и пространстве: Институт Времени, тысяча сто второй год постатомной эры.

Зверек в панцире, которого поймал Светц, пристегнут к противоположной стене. Он не пошевелился с тех пор, как Светц выстрелил в него анестезирующей иглой.

Числа на инерционном календаре все увеличивались. Плюс шестнадцать, плюс семнадцать, плюс восемнадцать. Тяготение прыгало и вздрагивало, как автомобиль на плохой дороге. Светц лежал на спине, стараясь не обращать внимания на то, что говорят ему желудок и внутреннее ухо. Через несколько часов по внутреннему времени он будет дома.

Вокруг пульта управления что-то заклубилось. Светц втянул носом воздух. Как всегда: оксиды азота, серы, угарный и углекислый газы, тетрахлорметан — смесь промышленных отходов, которой Светц дышал со дня появления на свет. Он еще раз понюхал воздух, но не почувствовал ничего необычного.

А дымка сгущалась. Вместо того чтобы развеяться, она висела у пульта управления и обретала плоть. Светц протер глаза. Видение не исчезало. У пульта стояла бесплотная фигура в плаще с капюшоном, сквозь которую просвечивали искаженные очертания предметов. Полупрозрачная рука ухватила за рычаг и потянула!

Контур прерывания!

Светц сел. Голова кружилась. Он попытался встать,

но, чересчур сильно рванувшись вперед, покати́лся через голову.

Привидение уперлось бесплотными ногами в пульт. У него были поразительно тонкие лодыжки и узкие ступни. Призрак изобразил отчаянное усилие, но рычаг «аварийная остановка» не двигался.

Призрак обернулся к Светцу и беззвучно завизжал. Светц тоже закричал, заслоняясь руками. Какое лицо!

Когда Светц отважился открыть глаза, привидение исчезло. Светца охватила дрожь. Инерционный календарь отсчитывал годы: плюс тридцать шесть, плюс тридцать семь...

— Призрак, говоришь, — шеф Светца, краснолицый и тучный, свирепо нахмурился.

Хорошо, что поверил. Вполне мог бы отослать Светца к психиатру.

— Только этого нам недоставало: машины времени, которую посещает привидение. Ты можешь хотя бы предположить, что произошло на самом деле?

— Должно быть, что-то разладилось в машине. Я думаю, следует прекратить путешествия до тех пор, пока мы не выясним, в чем дело.

— Вот и выясняй.

— Слушаюсь, сэр.

— Подойди сюда на минутку. — Ра Чен взял Светца за руку повыше локтя и увлек его за собой.

Ра Чен был раза в два тяжелее Светца, а пальцами свободно охватывал его бицепс. Он остановился у стеклянной стены.

Перед ними разворачивалась панорама города: извилистые улицы, дома, магазины. Над всем этим господствовал Дворец Объединенных Наций, огромный и грозный, стоящий на холме напротив Института Времени.

— Смотри! — Ра Чен показал куда-то вниз.

Порядок городского пейзажа был нарушен. Разбитые дома окружал разбитый труп птицы, птицы величиной с пятиэтажный дом. Он лежал там уже две недели. Зловоние проникало даже в Институт.

— Это наша крупнейшая неудача за последнее время. Я воздерживаюсь от того, чтобы подчеркивать, что именно ты подал идею обратить вспять эволюцию страуса. Стоит отметить, однако, что проклятая птица

отлично видна из Дворца. Для того чтобы Советники забыли наш позор, нужно сделать что-то впечатляющее. И чем скорее, тем лучше.

— Да, сэр.

— Мы... наша репутация подгнивает.

— Не наша репутация, а рок.

Ра Чен сверкнул глазами.

— Сейчас мы обходимся двумя машинами, — сказал он. — От третьей пришлось отказаться, когда обнаружилось, что она сбивается с пути. Бригада технического обслуживания сейчас пытается выяснить, в чем дело. Ты хочешь поставить на прикол еще одну. Скажи, Светц, ты не выдумал это явление?

— Я задавался этим вопросом.

— И что же?

— Н-нет, сэр. Привидение было настоящее, хотя и прозрачное.

— Сейчас никак нельзя терять обе машины, через три месяца решается вопрос об ассигнованиях.

Ветеринары тем временем вынесли из камеры расширения броненосца. Светц смотрел, как они помещают животное в палатку, фильтрующую воздух, чтобы оно не задохнулось в атмосфере тысяча сто второго года постатомной эры.

— Придется отказаться от забавных зверюшек, — сказал Ра Чен. — У Генерального Секретаря уже столько вымерших животных, что он не знает, куда их девать.

— Да, сэр. Но что же делать?

Ра Чен не отвечал. Медицинская бригада переписала генетические коды броненосца, и его унесли. Животное очнулось, но не спешило это обнаруживать. Завтра его отдадут в виварий.

— Это твое привидение, — вдруг заговорил Ра Чен, — оно было в образе человека или гуманоида?

— У него было что-то с лицом. Просто ужас.

— Это был человек или инопланетянин?

— Не могу сказать. Он казался сотканным из дыма! На нем был плащ. Я видел только лицо и руки — вероятно худые. Ходячий скелет.

— Значит, скелет? Может быть, твой взгляд проникал сквозь его тело, как рентгеновские лучи?

— Скорее всего.

— Интересно, зачем ему быть прозрачным?

— Мне самому интересно.

— Не язви, Светц.

— Простите, сэр.

— Мы оба исходим из предположения, что в машине времени что-то сломалось. А что, если нет? Вдруг призрак настоящий?

Светц отчаянно замотал головой:

— Настоящих призраков не бывает!

— То же самое мы говорили о птице рок. А вспомни, сколько легенд о призраках! Во всем мире в похоронных ритуалах, народных сказаниях, религиях присутствуют призраки. Даже сейчас есть люди, которые верят в их существование. Следует признать, что таких немало.

— Сэр, это чепуха! Даже если привидения существуют, как привидение могло забраться в камеру расширения? И что мы можем сделать, чтобы его там не было?

— Поймать его, что же еще! Генеральный Секретарь будет счастлив с ним поиграть, ведь оно совсем безобидное.

— Не сказал бы.

— Просто некрасивое. А как оно попало в машину времени — откуда мне знать? Я не силен в теории перемещений во времени. Если смоделировать условия...

— Вы говорите, безобидное, а я говорю: оно опасно! Я его видел.

— Это мы выясним, когда поймаем его, Светц, нам нужен большой успех. Мы должны поймать это привидение.

— Мы, то есть я? Нет!

— погоди, — сказал Ра Чен. — Давай поразмыслим.

Тяготение в камере расширения ведет себя необычно. Камера двигалась в прошлое, и сила тяжести пыталась собрать массу всего тела Светца к его солнечному сплетению. Интенсивность воздействия менялась непредсказуемо.

«Со временем я к этому привыкну», — подумал Светц.

От этой мысли ему стало страшно. Он терпеть не мог путешествия во времени. Если он привыкнет к побочным эффектам, о смене профессии не может быть и речи.

Ну вот, уже не тошнит.

«Как ему удалось меня уговорить?»

Движение камеры замедлилось. Тяготение станови-

лось все слабее, потом исчезло, затем вернулось, стремясь, как положено, вниз.

На инерционном календаре значилось — семьсот четыре. Семьсот четвертый год доатомной эры. Семьсот лет до первого ядерного взрыва. Сквозь прозрачный корпус камеры расширения Светц видел зеленое — в сотни оттенков — неприличное буйство жизни. Здесь, в джунглях Южной Америки, он добыл броненосца.

Светц надел фильтрующий шлем и подождал, пока он наполнится воздухом. Затем он отключил систему кондиционирования воздуха и открыл отдушины, впуская в камеру расширения воздух джунглей. Призрак появился приблизительно в двадцатом году постатомной эры. Если он придет в этот раз, он должен задохнуться в воздухе предындустриальной эпохи.

Светц снял со стены звуковое ружье. Инфразвук менее материален, чем анестезирующие кристаллы, решил он, и скорее подействует на привидение.

Он опустил рычаг «домой». Вот и все. Теперь Светц может только посылать сигналы: управление камерой расширения передается в Центр. Теперь техники должны позаботиться о том, чтобы он вернулся домой. У них есть данные о предыдущем путешествии.

И Светц принялся ждать. Запуск машины времени по-прежнему стоил около миллиона коммерческих единиц. Если он вернется домой без привидения, то будет выглядеть идиотом. Впрочем, Ра Чен тоже.

В семнадцатом году постатомной эры в камере появилась дымка. Светц, не вставая, направил на привидение ружье. В этот раз призрак был более зримым и материальным. Темный просторный плащ с капюшоном висел на бледных, полупрозрачных человеческих костях. Призрак двигался очень быстро, отчаянно жестикулировал, беззвучно кричал, о чем-то умоляя. Он добивался, чтобы Светц остановил машину.

Светц выстрелил из звукового ружья. Он не отпускал курок до тех пор, пока у него самого не зашумело в голове. Призрак что-то беззвучно крикнул, наверное выругался, и больше не обращал на Светца внимания. Он ухватился костлявыми руками за рычаг «аварийная остановка», уперся ногами в пульт управления и потянул. Рычаг не двигался. Светцу показалось, что над пультом

управления повисло облако дыма: плюс сорок шесть, плюс сорок семь, плюс сорок восемь. Светц почувствовал облегчение. Призрак оказался безобидным. Светц был готов поверить, что это призрак человека, хотя не видел и намека на то, что на полупрозрачных костях привидения держится плоть. Может быть, это какое-то вероятностное явление? Может, призрак проявляется там, где стоял бы другой человек, если бы он путешествовал в камере Светца? А прозрачность призрака свидетельствует о крайне малой вероятности такого события? У Светца разболелась голова. Вряд ли от него станут требовать, чтобы он поймал вероятностное явление.

Призрак становился все бледнее, но вдруг сделался ярче. Белые кости просвечивали сквозь темный плащ. Привидение переменяло положение рук на рычаге. Плюс сто тридцать два, плюс сто тридцать три, плюс сто тридцать четыре...

В мгновение ока призрак материализовался. Он дернул рычаг «аварийная остановка» и, опустив его, прыгнул к Светцу.

Светц закричал и, отвернувшись к стене, тесно прижался к ней. Потом почувствовал, как привидение, легкое и твердое, опустилось ему на спину. Он снова вскрикнул. Теперь он был в позе эмбриона — лежал, уткнувшись головой в колени. Костлявые пальцы коснулись его руки. Светц завопил и выпустил из рук ружье. Призрак подобрал оружие.

Потом долгое время ничего не происходило. Светц ждал конца. Ничего подобного: слышались неторопливые шаги, что-то позвякивало. Скрипучий, тусклый голос произнес:

— Ну ладно, хватит! Переворачивайся.

Тонкие косточки уперлись Светцу в ребра. Он перевернулся на спину и открыл глаза.

Случилось то, чего он боялся. Привидение материализовалось, но это по-прежнему был подвижный скелет. Вместо лица — голый череп. Призрак стоял, откинув полы плаща и зажав в руке инфразвуковое ружье. Из черной глубины глазниц за Светцем внимательно наблюдали его глаза.

— Что уставился? — спросило привидение.

Оно говорило человеческим языком, языком Светца.

Только согласные звучали нечетко: у призрака не было губ.

Он глухо засмеялся:

— Ты меня видишь, правда? Значит, ты скоро умрешь. Если люди меня видят, они вскоре умирают.

— Нет, — прошептал Светц. Ноги старались протолкнуть тело сквозь стену камеры.

— Да что ты на меня уставился? Я не виноват, что у меня такой вид. Это все радиация, — призрак неловко переступил с ноги на ногу. — Как тебя зовут?

— С-светц.

— Позволь представиться. Я доктор Натаниэль Рейнольдс. Я первым совершил путешествие во времени, а сейчас я хочу похитить твою машину.

— Боюсь, что это не так. Первым перемещение во времени совершил...

— С моей подачи. И по другому историческому пути — но тупиковому. Тут я виноват. Ты слышал о Карибском кризисе? Тысяча девятьсот пятьдесят восьмой год христианской эры, или семнадцатый год постатомной эры?

— Нет.

— Ты уверен? Мы называем это событие скоротечной войной.

Светц покачал головой. Доктор Рейнольдс устроился на вогнутой стене камеры. Дуло ружья было по-прежнему направлено на Светца. Только на первый взгляд доктор Рейнольдс казался скелетом. Его кости обтягивала белая, как кость скелета, кожа. На шее виднелись трахея, пищевод и бугорки позвонков. Ребра были голые, но грудную клетку заполняла вялая белая масса, которая пульсировала, как легкие. Вместо живота — пустота. Вместо носа и ушей — дыры. О кости таза можно порезаться. Ни волос, ни признаков пола.

— Я плохо говорю, — продолжал Рейнольдс. — Люди, которые слышат и видят меня, вскоре после нашей встречи умирают. Иногда им трудно сосредоточиться: отвлекают болезни, дела, испуг.

— Я умираю?

— Мы это еще обсудим, — хихикнул Рейнольдс.

— Кто ты?

— Призрак. Я сам в этом виноват, но не смейся: это и с тобой могло случиться.

Светц и не думал смеяться.

— Послушай, что я расскажу. Я родился через сто лет после скоротечной войны. К тому времени стало ясно, что человечество вымирает. Слишком много бомб люди взорвали во время войны, в том числе кобальтовых. Уровень радиации оказался слишком высоким. Появилось множество мутантов: больных, бесплодных, не говоря о просто уродливых. Мне еще повезло.

Светц молчал.

— Эх, выбить бы тебе зубы, — продолжал глухой голос. — Да, мне повезло. У меня полноценный мозг. У меня нет половых желез, ну и что? Мое потомство не выжило бы в сложившихся условиях. У меня нет органических повреждений, которые нельзя устранить средствами современной медицины. Я пил таблетки каждый день. Ты поверишь, когда-то у меня было брюшко?

Светц покачал головой.

— Совсем небольшое брюшко, но от него пришлось избавиться. Очень мешало. Мышцы живота не выдерживали вес жира. Странно: жир накапливался только на животе. Вот так: живот и кости.

— А как ты стал призраком?

Рейнольдс засмеялся слабо и глухо:

— Намеренно, и ценой больших усилий. Не один я — нас было много. В любом случае мы были обречены. Лучшие умы работали над проектом перемещения во времени. Мы называли его дубль-проект. Догадываешься, почему?

— Вы хотели переиграть историю?

— Вот именно. Мы не были уверены, что прошлое изменится, если мы сумеем путешествовать во времени, но попробовать стоило. Попытка оказалась успешной. В машине времени помещался один человек и генератор помех. В путешествие отправили меня, потому что во мне было всего пятьдесят фунтов веса.

— Что ты сделал?

— Расстроил системы наводки ракет Союза Советских Социалистических Республик за неделю до кризиса. Русским пришлось убрать ракеты с Кубы. К тому времени, как они отладили системы наводки, конфликт был урегулирован. Они так и не поняли, что произошло, но с тех пор вели себя более благоразумно. Я управлял ракетами по радио. Удостоверился, что меня никто не видит, потому что внешность у меня...

— Вот-вот!

— Ну вот. Потом я решил вернуться домой. Не в мое родное будущее, а в другое — которое я создал. Машина времени не слушалась. Из соображений экономии мы оставили основную часть машины в будущем. Она исчезла вместе с ним. Я бросил машину и пошел сдаваться. Тогда выяснилось, что я сам исчез. Вот так, — заключил Рейнольдс.

Он поиграл ружьем. Под кожей рук зашевелились тонкие нити сухожилий. Длинные ногти были обломаны.

— Мы вернем все на свои места.

— Что-о?

— С помощью твоей машины. Моя машина — призрак, а твоя — настоящая. Мы вернемся в семнадцатый год постатомной эры.

— Это невозможно.

— Иначе я тебя убью.

Светц отнесся к этим словам серьезно. Когда Наталиэль Рейнольдс представился, Светц перестал принимать его за нечистую силу, но он был убежден, что костлявый физик не в своем уме.

— Ты меня не понял, — пояснил он. — Это не машина времени, а камера расширения — та ее часть, которая совершает перемещение. Прежде чем отправить меня в прошлое, техники должны доставить меня в Центр управления — в будущее.

— Ты лжешь!

— Нет, Рейнольдс, здесь нет органов управления, только кнопки для подачи двоичных сигналов, по которым техники определяют, в каком направлении следует перемещать камеру. Сейчас камера может двигаться только вперед.

— Я тебе верю, — протянул Рейнольдс, — но все-таки убью, если кто-то из нас не найдет какой-нибудь выход.

— Ты с ума сошел! Зачем тебе твое отравленное будущее?

Скелет щелкнул зубами. Красный рот неприятно контрастировал с белизной кожи.

— Светц, ты забыл спросить, когда я стал призраком.

— Когда?

— Я не могу определить. Я привязан к семнадцатому году постатомной эры. Для меня время остановилось через восемь месяцев после Карибского кризиса. Это было, наверное, тысячу лет назад, а может больше. Ты

можешь представить себе что-нибудь более страшное, чем замершее время? Люди как статуи. Голуби, пригвожденные к небу. И я замер. Я не старею, не испытываю голода. Сквозь меня проходит солнечный свет. Видишь, какая у меня белая кожа? А умереть я не могу. Я ненастоящий. Если бы не машины времени, я сошел бы с ума гораздо раньше.

Глаза Рейнольдса горели черным огнем в темных провалах черепа.

— Машины времени, — продолжал он. — Они носят-ся туда-сюда по вашему историческому пути и по другим. Ваше будущее — настоящее, его создал я. Но я могу войти в любую машину. Чаще всего я езжу в прошлое. В прошлом время идет нормально — до семнадцатого года постатомной эры. Я не раз бывал в средних веках. Страшное дело: меня почти никто не видит, а тот, кто видит, вскоре умирает. Может, потому, что ему предстоит уйти из времени. Это не зависит от того, на каком историческом пути мы с ним находимся, — Рейнольдс засмеялся. — А некоторые умирают оттого, что видят меня. Сердце не выдерживает.

Светц вздрогнул. Очень похоже на правду. Рейнольдс продолжал:

— Не смешно, правда? Я побывал и в будущем. Существуют десятки вариантов будущего. Светц, ты знаешь, что машины времени могут сбиваться с дороги?

— Да, одна из наших машин сбилась. Она повреждена.

— Все сбиваются. Это ненадежная техника. Автономные и вовсе теряются. Те, главная часть которых фиксирована во времени, как ваша, — всегда возвращаются, как бы ни отклонились от намеченного пути. Чего я только не видел в будущем, Светц! Райское благополучие, нашествие инопланетян. Цивилизацию слонов. Видел и ваше будущее, — горько сказал Рейнольдс. — Я долго там жил, даже научился языку. Я хотел знать, что вы сделали с миром, который я подарил вам.

— Что это значит?

— Что это значит? Все загажено, все мертво! Вы истребили все живое, кроме самих себя и серой слизи, которой питаетесь.

— Это пищевые дрожжи.

— Дрожжи? Я знаю короткое слово, которое здесь более уместно. Я видел, как эта дрянь извергается из ваших ртов.

— Что-о?

— Я двигался во времени назад, стремясь пробраться к семнадцатому году постатомной эры. Это очень скоро надоедает. Я не люблю ездить в будущее, если нет твердой уверенности, что можно будет уехать обратно. Однако приходится. Всегда есть вероятность, что машина собьется с пути и окажется в моем родном будущем. Тогда я сойду или даже остановлю машину. Моя тактика оправдала себя.

— Не понял.

— А ты посмотри вокруг.

Впервые за все время Светц глянул мимо Рейнольдса.

Камера расширения лежала на равнине, усыпанной осколками черного стекла. Вокруг — ни травинки. На горизонте... Светц догадался, что это стена котлована. Они находятся на дне какого-то кратера.

— Это твой мир?

— Да. Я дома.

— Не могу сказать, что мне здесь очень нравится.

Рейнольдс засмеялся своим глухим, хриплым смехом.

— Здесь чище, чем в твоём мире, Светц. Если бы я знал, что вы уничтожите все живое на Земле, отравите почву, воду, воздух, я бы... Ладно, мы это исправим.

— Что это значит? Все, что тебе нужно, — выйти из камеры. Ты дома?

— Это все ненастоящее. Чтобы этот мир ожил, мне нужна твоя помощь. Ты мой единственный шанс, Светц. Ни одна машина времени, кроме твоей, не слушалась меня.

— Я сказал тебе...

— Смотри — это инфразвуковое ружье. Оно тебя не убьет, но не позволит тебе двигаться. А я провел немало времени в средневековых камерах пыток.

— погоди, погоди! Из какого ты года? В каком году ты отправился предотвращать скоротечную войну?

— А-а-а... Две тысячи девяносто втором. Глядя на меня, не подумаешь, что мне было тогда двадцать два года, правда? А я ведь не состарился с тех пор.

— Какой это год постатомной эры?

— Сейчас скажу. Сто сорок седьмой.

На инерционном календаре значилось: плюс сто тридцать четыре.

— Отлично. Ты можешь ехать на своей машине. Впереди тринадцать лет. Нам нельзя двигаться назад,

можно только вперед. — Светц потянулся к рычагу «домой». Его рука упала, как плеть.

— Если мы прыгнем в будущее, — сказал Рейнольдс, — нас может отнести в сторону, верно ведь? Значит, ход событий изменится и я перестану существовать.

«Поэтому стоит попытаться», — подумал Светц.

— Ты собираешься ждать тринадцать лет? — спросил он.

— Если нужно... — Рейнольдс щелкнул зубами.

Очевидно, это был его любимый жест, заменявший улыбку, угрожающий взгляд, задумчивую насупленность.

— Х-ха! Мы поступим умнее, Светц. Ты можешь доставить меня в Австралию? Эта штука перемещается в пространстве?

— Да.

— Возьму-ка я другое ружье. — Рейнольдс встал и принялся разглядывать висящие на стене предметы. — Вот это, которое стреляет тяжелыми иглами. Слона оно не убьет, но для человека достаточно.

— Да, — подтвердил Светц.

Он очень испугался.

— А теперь — поехали!

Австралия. Восточное побережье. Городской пейзаж: улицы, длинные приземистые здания.

— Это единственное обитаемое место на Земле, — сказал Рейнольдс, — и даже здесь почти пусто, — он велел Светцу двигаться вдоль берега на юг.

Во время полета он говорил не умолкая. Он распластался по стене и лежал неподвижно, как лабораторный препарат, извергая поток воспоминаний.

— Разумеется, я невысокого мнения о человечестве, — говорил он, отвечая на один из своих собственных вопросов. — Почему? Если бы ты видел людей в состоянии стресса так часто, как я, — например, в переполненных больницах, в камерах пыток, на эшафоте, на плахе, на поле боя, — ты понял бы меня. Люди плохо переносят стресс. Особенно на поле боя... Вполне возможно, что я сужу предвзято. Наверное, стоило проводить больше времени на гуляньях, балах и новогодних вечеринках, где люди веселятся, но там мне не с кем было бы поговорить. Люди слышат и видят меня только перед

смертью. Но тогда они не хотят слушать! Люди так тяжело переносят страдания! И так боятся умереть. Я говорил им, что им повезло, что вечный покой стоит нескольких часов агонии. Я говорил с миллионами мужчин, женщин и детей, живших в разных эпохах. Дети иногда слушают. Ты боишься смерти, Светц?

— Да.

— Идиот.

— Ты знаешь, куда мы летим?

— Не беспокойся, Светц, мы не заблудимся. Нам нужна школа.

— Школа? Зачем?

— Увидишь. Здесь только одна школа, а детей и на полшколы не наберется. Знаешь, иногда люди, с которыми я говорю, узнают меня. Тогда они начинают вести себя как идиоты. «Не забирай меня!» Как будто это от меня зависит. Мужчины предлагают мне золото, а как я его унесу? А женщины! То, что они предлагают, вовсе не имеет смысла. Можно подумать, что они слепые! Вот в этот большой парк, — распорядился Рейнольдс.

Большой? Парк был огромный. Зеленая трава, шапки деревьев. Светц вспомнил джунгли, где поймал броненосца. Здесь зелень не была такой буйной и между деревьями там и сям белели строения.

— Вот это приземистое здание — зоопарк. Животные все вымерли, но в зоопарке выставляются механические макеты. А там — стадион. Видишь белые полосы на траве? Возьми правее. Нам нужно во двор начальной школы.

По двору ходили дети. Их было немного, и они не веселились. Многие были уродами. Даже расстояние не скрадывало их уродств. Один мальчик был ужасно худой, он напоминал маленький ходячий скелет.

— Останови, — приказал Рейнольдс. — Открой дверь.

— Нет! — Светц догадался, кто это.

— Открой дверь. — Дуло ружья смотрело Светцу прямо в глаза, и он повиновался.

Когда Рейнольдс повернулся к двери, Светц прыгнул на него. Парализованная рука нарушала координацию движения, и Светц ударился подбородком о приклад ружья. Из глаз посыпались искры, Светц отлетел назад.

Когда в голове прояснилось, Светц увидел, что Рейнольдс стоит у двери, Светц встал на колени, Рейнольдс

выстрелил во двор. Светц пополз к нему, вытянув здоровую руку.

Рейнольдс снова выстрелил. Заметив Светца, направил ружье на него. Тот бросился вперед и ухватился за ствол. Рейнольдс попытался вырвать у него оружие, но не сумел. Светц, слабый и испуганный, все же был сильнее призрака. Когда Рейнольдс ударил Светца ногой в челюсть, тому показалось, что в него швырнули кусок пенопласта. Уродец в шесть футов ростом и пятьдесят фунтов весом. Светц потянул ружье к себе и, вырвав его из рук Рейнольдса, бросил за спину. Рейнольдс неверными шагами направился за ружьем, Светц схватил его за горло. Если сжать кулак, Рейнольдс умрет: на его шее нет мышц, которые могли бы защитить дыхательные пути.

Светц глянул вниз. Худенький мальчик лежал у зеленой скамейки. Вокруг него столпились девочки, мальчики и существа неопределенного пола. Казалось, он был мертв. Светц подумал немного и ногой опустил два рычага.

Тяготение переменялось. Рейнольдс какое-то мгновение отчаянно сопротивлялся, затем Светц обнаружил, что у него в руке ничего нет. Бледное облачко повисло на рычаге «аварийная остановка». Вскоре оно растаяло.

— Он сделал свое дело, — подытожил Ра Чен.

— Я изо всех сил пытался его остановить, — пожал плечами Светц.

— Но не остановил. Он убил себя, отняв возможность предотвратить скоротечную войну.

Светц кивнул:

— Значит, мы призраки. Скоротечная война произошла, история пошла по пути Рейнольдса, а не по нашему. Почему же ты здесь?

— Машина времени вернула меня домой. Камера расширения не может затеряться во времени, если основная часть машины фиксирована во времени и пространстве.

В глазах Ра Чена был испуг.

— Если Рейнольдс уничтожил наше прошлое, если у нас нет истории, значит...

— Метафизика! Мы призраки — ну и что? У нас нет прошлого — ну и что? Вы ведь не чувствуете себя

призраком, сэр? И я не чувствую. Можем считать, что дубль-проект осуществился без участия Рейнольдса.

— Но...

— А может, мальчик не умер. У него нет ни волос, ни кожи. Если Рейнольдс попал ему в голову, игла просто отскочила от черепа, оглушив мальчика.

— Гм... Это мне больше нравится. Если мальчишка погиб в девять лет, Рейнольдса не будет, так? Все наоборот, черт возьми! — взревел Ра Чен. — Если нет Рейнольдса, значит, и тебя нет. Почему же ты его больше не видишь?

— Минутку, сэр. — Светц потянул Ра Чена за руку. Ра Чен подчинился не сразу.

За прозрачным фасадом Института Времени среди разбитых домов лежал разбитый труп птицы. Птица разбила не один квартал и лежала среди развалин не одну неделю.

— Неужели для вас нет ничего важнее вашей призрачности или реальности?

— Проклятье, ты прав. Нужно что-то делать с этой птицей, — согласился Ра Чен. — Она лежит как раз напротив Дворца.

БЕЗУМНАЯ ТОЛПА

I

На всем своем протяжении — от центра Лос-Анджелеса до самого моря — Уилшир-бульвар был пешеходной улицей.

Когда-то бетон был расчерчен белыми полосами, высокие бордюры разделяли потоки людей и машин. Теперь полосы стерлись, поверх бетона насыпали землю и посеяли траву. Кое-где даже росли деревья. Остались только дорожки для велосипедов и площадки для вертолетов, перевозящих грузы, которых не могут осилить телепортационные кабины.

Уилшир был слишком широк для пешеходов. Люди, казалось, жались к краю, даже те, кто ехал на велосипеде или самокате. Улица, проложенная для машин, оказалась слишком просторной для людей.

Кое-где проглядывали черты прежнего бульвара. Горбы на газонах отмечали места, где раньше тянулись бордюры. Там, где в бульвар вливались другие улицы, газоны были ровными. В Вествуде до сих пор сохранились бетонные парапеты, делящие бульвар надвое. Въезды на скоростные автострасы остались нетронутыми реконструкцией и стояли никому не нужные. Когда-нибудь муниципалитет решит, что с ними делать.

Джерриберри Янсен жил в бывшем прибрежном мотеле, который находился на полпути из Бейкерсфилда в Сан-Франциско. Давным-давно в курортный сезон в Шейди Ресте отбоя не было от постояльцев, которые платили по десять долларов за ночь с человека. Теперь здесь сдавали квартиры внаем очень дорого. Дом был шикарный, с бассейном и другими удобствами, даже с телепортационной кабиной, расположенной позади конторы управляющего. Когда Джерриберри вышел из дома, в кабине была девушка. Прежде чем она исчезла, он успел увидеть ее плечи и длинные, волнистые темные волосы. Джейнис Вулф. Вот досада, не дождалась! Впрочем, она его даже не видела.

У телепортационной кабины не принято задерживаться даже для того, чтобы поздороваться со знакомыми.

Можно, конечно, дежурить у кабины, пока кто-нибудь не подойдет, но что люди подумают?

Хочешь пообщаться — иди в клуб.

Телепортационная кабина представляет собой стеклянный цилиндр с закругленным верхом. Техника, которая совершает чудо телепортации, спрятана где-то под кабиной. В стене кабины, на уровне груди, установлена панель с кнопками, на которых выбиты цифры и прорезаны щели для монет.

Джерриберри вставил в специальную прорезь свою кредитную карточку и набрал код. Вынул карточку, цепь замкнулась. В мгновение ока Джерриберри очутился в здании телерадиокомпании «Си-Би-Эй». В студии было тихо. Здесь очень редко собирались все сотрудники сразу, хотя в течение дня несколько десятков репортеров проводили по нескольку секунд. Одну стену просторного зала занимали телепортационные кабины, у противоположной стены за овальным столом сидел шеф Джерриберри.

Джордж Бейли был тучен из-за малоподвижного образа жизни и смуглолиц — основательно прокоптился под солнцем Невады. Каждое утро междугородная телепортационная кабина высаживала его в аэропорту «Лос-Анджелес Интернэйшнл». Сегодня он молча помахал Джерриберри рукой. Значит, все как обычно. Джерриберри выбрал камеру и повесил на плечо. Рядом на столе лежали списки кодов. Джерриберри пробежал глазами несколько списков, потом взял один из них.

Когда он уходил, из кабины вышли еще трое репортеров. Джерриберри посторонился и кивнул, они кивнули в ответ и зашагали дальше. Янсен протянул руку к двери кабины, но тут в кабине появилась женщина. Час пик. Джерриберри улыбнулся ей и отошел к соседней кабине. Он набрал первый по списку код и исчез.

За все утро ему ни с кем не удалось поговорить.

Восточный конец Уилшир-бульвара, обычный Т-образный перекресток, высокие блочные дома. Набирая код, Джерриберри оглядывался, стоя в телепортационной кабине. По всей видимости, ничего интересного... Абсолютно! И вот он снова набирает код, но уже в следующей по списку кабине.

Джерриберри старался нажимать кнопки концом ручки, но часто забывал. На указательном пальце правой руки уже образовалась мозоль.

В этот ранний час центральные улицы города были пусты. Джерриберри оказался напротив автострады. Он вышел из кабины и с минуту наблюдал, как грузовики высыпают, а бульдозеры разравнивают землю на шоссе Пасадена-Харбор. «Старые машины находят новое применение» — об этом уже кто-то писал. Джерриберри двинулся дальше.

Все кабины абсолютно одинаковы. Кажется, что сидишь в одной и той же, а город скачками несется мимо тебя. Джерриберри уже привык к этому. Он двигался по Уилшир-бульвару на запад в надежде, что случится что-нибудь любопытное.

Это был очень эффективный и дешевый способ добычи новостей. «Си-Би-Эй» могла позволить себе содержать многочисленную армию «кочующих» репортеров, помимо штатных сотрудников. Они удовлетворялись небольшой заработной платой, небольшой премией за использованный репортаж. Затраты были невелики, отдача — огромна, особенно поначалу, когда маршруты для репортеров составлялись из случайных последовательностей кодов. Однако со временем выяснилось, что упорядоченный маршрут менее утомителен для нервной системы.

Джерриберри Янсен знал Уилшир-бульвар как свои пять пальцев. Ему было двадцать восемь лет, он еще застал автомобили и светофоры. Когда город изменился, скорее и сильнее всего изменились улицы. Набирая коды, Янсен смотрел, как преобразается Уилшир.

Под старым котелком Браун Дерби автостоянку перedelывали в площадку для гольфа. В последнее время стало модным чем-нибудь загружать пустующие площадки. Джерриберри связался с Бейли, но тот не счел событие достойным внимания.

Миракл-Майл уже благоустроили. Здесь оказалось неожиданнолюдно, таклюдно, что многие шли вдоль по улице пешком, не желая ждать, пока освободится телепортационная кабина. Люди разделились на потоки: пожилые шли там, где раньше были тротуары, молодые занимали середину улицы. Джерриберри не раз это замечал. В детстве его учили переходить улицу только у светофора, на зеленый свет. Он до сих пор не забыл эту привычку и порой ловил себя на том, что оглядывается, опуская ногу с тротуара.

Он понесся дальше на запад, набирая код за кодом из своего списка.

Санта-Моника-Мэлл стала пешеходной еще тогда, когда телепортация была не более чем теоремой квантовой механики. В местах пересечения улиц миллионы ног выдолбили в тротуарах ямки. Мэлл всегда была святылищем для праздной публики. Здесь располагались многочисленные магазины, рестораны, театры и не было ни одного небоскреба, который бы загораживал небо.

Телепортационные кабины густо усеивали улицу. Люди то и дело вбегали в кабины и выбегали из них. Многие несли в руках складные велосипеды, многие — сумки. После полудня горожане дружно стремились использовать одну и ту же площадь в одних и тех же целях.

У дверей универсального магазина «Пенниз Департамент Стор» вспыхнул скандал. Полисмен был тверд, а женщина, которую он задержал — дородная, средних лет, — кричала во всю мощь легких. Собралась толпа — не потому, что людям было любопытно, а потому, что спорящие перегородили дорогу. Люди вынуждены были их обходить. Некоторые замедляли шаг, чтобы посмотреть, что происходит. Многие потом вспомнят, как полисмен повторял: «Мадам, я вынужден взять вас под арест по подозрению в краже товара из магазина. Все, что вы говорите...» В толпе его голос был едва слышен. Если бы полисмен воспользовался дубинкой, он вряд ли добился бы чего-нибудь. Скорее всего, его растерзали бы. Толпа уже запрудила всю улицу, раздавались крики — сочувственные и издевательские советы, ругательства, адресованные в пространство, и в разнообразных вариациях: «Дайте пройти!», «Подвиньтесь!», «Некуда мне двигаться, идиот!».

В двенадцать пятьдесят пять Джерриберри Янсен, набирая очередной код, выглядывал из кабины на улицу. Взгляд скользнул по вывескам, задержался на витрине магазина Романова. Может, что стоящее попадется? Иногда громкие имена годятся для рекламы, особенно по части кулинарии. Нет, ничего интересного... Джерриберри нацелился на толпу перед универсальным магазином «Пенни» и вынул карточку. Он выпрыгнул двумя кварталами ниже.

Были кабины и ближе, но Джерриберри не знал их кодов. Он вышел на улицу, связался со студией, но говорить ничего не стал. Прокомментировать происшествие можно и после. Он только включил камеру.

Событие, кажется, стоящее. Джерриберри пустился бежать. Вдруг закончится без него?

— Простите, сэр, вы не видели, с чего все началось?

На голос Джерриберри обернулся молодой человек с задумчивым лицом.

— Нет... извините, я только что подошел, — ответил он и пошел прочь.

Нужно будет его вырезать, подумал Джерриберри. Тем временем обернулись другие, заметив появление долго-вязого молодого человека с открытым, любознательным и доброжелательным лицом и светло-рыжими курчавыми волосами. Крошечный микрофон в уголке рта, миниатюрный наушник, пристегнутая к поясу сумка. В руках тяжелая телекамера с гироскопической стабилизацией и направленным микрофоном. Репортер. Чей-то взгляд остановился на нем надолго. Задержанная женщина замахнулась сумочкой. Полисмен не успел ее остановить. Сумочка отскочила от его головы, как будто в ней было что-то твердое и тяжелое.

Полисмен упал. События разворачивались с головокружительной быстротой. Джерриберри вертел камерой и торопливо говорил. Вопросы из студии не мешали репортажу, напротив, направляли его. Камера повиновалась движению руки, как живая. Она послушно поворачивалась за женщиной с тяжелой сумочкой. Та, протолкавшись сквозь толпу, бросила на Джерриберри злобный взгляд и побежала к телепортационной кабине. Потом Джерриберри заснял, как кто-то разбил витрину ювелира, наугад схватил горсть драгоценностей и пустился бежать. Направленный микрофон уловил вой сигнализации.

Полисмен все еще лежал, Джерриберри подошел, чтобы помочь ему, а кроме того, Янсену пришло в голову, что полисмен скорее, чем другие, знает, в чем дело. Из студии сообщили, что к месту происшествия направлена бригада репортеров. Уголком глаза Джерриберри заметил, что из телепортационной кабины выходят люди со знакомыми лицами и камерами через плечо. Он опустил на колени рядом с полисменом:

— Скажите, что произошло?

Полисмен повернул к Джерриберри искаженное болью и недоумением лицо. Он произнес какие-то слова, которых Янсен не расслышал в шуме толпы. Их уловил направленный микрофон, и позже по телевизору прозвучало: «Где моя фуражка?»

— Что здесь произошло? — повторил Джерриберри.

Тем временем другие репортеры расспрашивали других людей, а из телепортационных кабин выбегали полицейские в голубых мундирах. Они дубинками прокладывали себе дорогу в толпе.

Некоторые из зрителей — покупателей-гуляющих — решили покинуть место происшествия. Это мудрое решение оказалось невыполнимым. Телепортационными кабинами невозможно было воспользоваться. Как в стеклянных клетках, в них сидели люди, безуспешно пытаясь открыть двери, которые снаружи прижимала толпа. Каждый несколько секунд пассажир, отчаявшись, уносился в другое место, а в кабине появлялся новый пленник.

В радиусе четырех кварталов все кабины были заняты. Едва только кому-то удавалось выйти, его место занимал кто-то другой. В основном это были ничем не примечательные граждане, движимые любопытством. Некоторые держали в руках большие картонные прямоугольники, расписанные светящейся краской, еще сырой. У других, ничем иным не примечательных, в карманах были камни.

Джерриберри, склонившемуся над поверженным полисменом в надежде услышать что-нибудь вразумительное, показалось, что взорвалась бомба. Он поднял голову и увидел, что скандал перерос в погром.

— Это погром! — воскликнул Джерриберри в ужасе.

Направленный микрофон подхватил его слова.

Толпа напирала, увлекая Джерриберри с собой. Он оглядывался на полисмена. Если он сейчас не поднимется на ноги, его затопчут... но толпа несла Джерриберри дальше. Здесь не соблюдался закон сохранения массы и энергии. Здесь были свои источники и свои точки приложения, которые сегодня поменялись местами. Однако любой поток должен куда-то принести.

Рядом с Джерриберри очутилась молодая женщина. Растрепанные волосы, широко распахнутые глаза. Странная ярость и странное наслаждение боролись на ее лице.

— Легализовать стимуляторы постоянного тока! — выкрикнула она в лицо Янсену.

Потянувшись руками к камере, повернула ее к себе и завопила в объектив:

— Даешь электрический кайф!

Джерриберри вырвал у нее камеру и направил на

большую витрину универсального магазина «Пенни». Стекло уже выбили, и теперь в витрине сустились мародеры. Джерриберри поднял камеру над головой и принялся снимать грабителей. Вдруг перед камерой появились три плаката. На одном из них было написано проклятие, на другом нарисован ядерный гриб, под которым значилось: «Власть разлагается», а третий Джерриберри не успел прочитать, потому что его едва не сбили с ног. Кого-то уже топтали. Джерриберри пришлось поработать локтями, чтобы не оказаться на земле.

Как же это случилось? Все произошло на его глазах, но он ничего не мог понять.

Джерриберри старался держать камеру над головой. В объектив попал высокий, жилистый, волосатый тип, который тащил полдюжины двадцатидюймовых трехмерных телевизоров. Грабитель увидел камеру и вдохновенное лицо репортера, выругался и ринулся к Джерриберри.

Янсен сообразил, что в толпе есть люди, которым не хочется, чтобы их снимали. Верзила бросил телевизоры и погнался за Джерриберри с видом, не сулившим тому ничего хорошего. Репортер выпустил из рук камеру и пустился наутек. Оглянувшись, он увидел, как грабитель крушит камеру о фонарный столб.

Погром расползлся, как клякса. Толпа увлекала Джерриберри все дальше. Он сосредоточился на том, чтобы удержаться на ногах.

II

— Правоохранительные органы были застигнуты врасплох беспорядками, начавшимися на Санта-Моника-Мэлл. К настоящему моменту полиции удалось локализовать волнения. Людей постепенно выпускают за пределы оцепления...

Стали показывать людей, по одному проходящих полицейский кордон. Вид у них был усталый и подавленный. У какого-то парня карманы были набиты ворованными часами. Он не протестовал, когда часы отбирали. Девушка с неподвижным взглядом мертвой хваткой вцепилась в грубое древко плаката. Полотно плаката было измято и разорвано, краска размазалась.

— ...Все телепортационные кабины в оцепленном районе закрыты. В пределах оцепления находятся четыр-

надцать городских кварталов. Доступ в прилежащие кварталы также закрыт. Эти кадры отсняты телерадиокомпанией «Си-Би-Эй» с вертолета...

Уличные фонари почти все погашены. Те, что остались гореть, населили улицу причудливыми тенями. В окнах мебельного магазина пляшут оранжевые языки пламени. Крошечные фигурки людей, выхваченные из темноты прожектором вертолета, останавливаются, машут руками и что-то кричат.

— ...К нам не доходят сообщения из оцепленного района, — продолжал глубокий, спокойный голос. — За все это время мы не получили известий ни от бригады корреспондентов «Си-Би-Эй», ни от отряда полиции, который находится внутри оцепления... Многие участники беспорядков вооружены. В один из вертолетов компании «Си-Би-Эй» сегодня утром стреляли. Вертолет приземлился за пределами оцепления...

Крупным планом показали кирпичную стену. Кого-то несли на носилках, почти бегом.

— ...Откуда взялось оружие, неизвестно. Есть предположения, что оно выкрадено из магазина спортивных товаров Керра, который имеет филиал на Мэлл... С чего же все началось?

На трехмерном экране появилось квадратное смуглое лицо, хорошо известное в англоязычном мире. Если новости были хорошие, комментатор широко улыбался, жуя слегка дымящуюся сигарету и обнажая белые зубы. Сейчас на его лице не было улыбки. Он был не просто серьезен, он был потрясен.

Джерриберри Янсен смотрел ему в лицо без всякого выражения. Он бросил свою камеру и видел, как ее разбили. Потом он снял микрофон и пояс. В гуще погрома невыгодно быть репортером. Вот уже час как его выпустили из оцепления. Джерриберри бесцельно бродил по улицам. Делать было нечего. Вместе с микрофоном он бросил в урну самого себя.

Он стоял перед магазином бытовых электроприборов и смотрел выпуск новостей по телевизору, выставленному в витрине. Глубокий, четкий голос Уоша Эванса проникал даже сквозь стекло:

— Как же это все началось?

Эванс исчез с экрана, и Джерриберри увидел кадры, отснятые его, Янсена, камерой. Волнующаяся толпа,

которая пытается обойти препятствие. Голубой мундир, высокая женщина с тяжелой сумочкой...

— ...Полисмен хотел арестовать женщину (ее личность не выяснена), подозреваемую в краже товара из магазина, когда появился этот человек...

На экране появился Джерриберри Янсен с высоко поднятой камерой.

— Это Барри Джером Янсен. Он сообщил нам о происшествии...

Женщина размахнулась и ударила полисмена сумочкой. Он упал, всплеснув руками...

— ...и охарактеризовал происходящее как погром в докладе вот этому человеку...

Показали Бейли за рабочим столом. Джерриберри вздрогнул. Предстоит еще отчитываться перед Бейли и объяснять, куда делась камера. Джерриберри заснял неплохой материал, кое-что из этого попало на экран. Можно рассчитывать на парочку премий... которые уйдут на возмещение стоимости камеры...

— ...Джордж Линкольн Бейли направил на место происшествия бригаду репортеров. Одновременно он стал транслировать репортаж Янсена в эфир, почти в неизменном виде. Таким образом, каждый владелец телевизора в Соединенных Штатах мог стать свидетелем происшествия, которое регистрировали камеры теперь уже десятка репортеров «Си-Би-Эй».

Снова на экране возникло квадратное смуглое лицо комментатора.

— И тут будто бомба взорвалась. Население Мэлл катастрофически увеличилось, и люди принялись ломать и крушить все вокруг. Почему?

Уош Эванс подарил зрителям свою белозубо-сигаретную улыбку:

— Мне кажется, что есть люди, которым нравятся погромы.

Джерриберри склонил голову набок. Это что-то новое.

— Это может показаться смешным. В самом деле, кому нужен погром?

Уош Эванс стал считать, загибая длинные, подвижные пальцы с розовыми ногтями:

— Во-первых, чтобы остановить то, что названо погромом, требуется больше полицейских. Во-вторых, нужно больше репортеров. В-третьих, всякому, кто хочет известности...

За спиной Уоша Эванса из моря голов вынырнули плакаты. Появилось женское лицо, придвинулось так близко, что остался только рот, который крикнул: «Даешь электрический кайф!»

— Всякому, кто хочет что-то сказать, кому нужно, чтобы его слышала общественность. Постой-погоди, здесь репортеры! И камеры! И известность!

Сцена за спиной Эванса сменилась. Из телепортационной кабины вышла Анжела Монк! Анжела Монк, актриса порнокино, очень красивая, в платье из сетчатой ткани с крупными ячейками, очень самоуверенная в ту долю секунды, которая прошла, прежде чем актриса поняла, куда попала. Она попыталась заскочить обратно в кабину, ей ведь не заплатят за это «выступление». Толпа заревела; чьи-то руки открыли дверь кабины и выволокли «звезду» на улицу...

— ...Кроме того, есть люди, которые ни разу в жизни не видели настоящего погрома. Таких тоже было немало на Мэлл. Что они теперь думают о случившемся — отдельный вопрос. Впрочем, они не составляют большинства. Ну, много ли наберется дураков, которые побегут смотреть погром? Но они побежали! Со всех концов Соединенных Штатов и из других стран сбежались дураки. И чем больше их становилось, тем гуще делалась толпа на Мэлл, тем громче кричала, тем легче было действовать мародерам. — Эванс загнул последний палец. — Мародеры тоже устремились на Мэлл со всех сторон. Сейчас ведь можно попасть куда угодно — это легче, чем чихнуть.

За спиной Уоша Эванса по-прежнему сменялись кадры. Разлетались вдребезги витрины, завывали сирены. Метался над головами вертолет компании «Си-Би-Эй». Обезьяноподобный верзила тащил краденые телевизоры.

Эванс рассудительно продолжал:

— Вот что получается: полицейский громко высказал подозрение, разъездной корреспондент назвал незначительный скандал погромом...

— Боже милостивый! — Джерриберри Янсен боролся со сном. — Оказывается, во всем виноват я!

— Меня тоже обвиняют, — сказал Джордж Бейли.

Он пригладил руками волосы — жирные, длинные седые космы, растущие вокруг загорелой лысины.

— Ты второе звено в цепи, я третье. Найти бы ту тетку, что прибила полисмена!

— Ее не задержали?
— Где там, и след простыл... Ну и вид у тебя, Янсен!
— Надо было переодеться. В этом костюме я пережил погром! — Джерриберри вымученно засмеялся. — Спасибо, что подождали меня. Ваша смена, наверное, давно закончилась.

— Я не ждал специально. У нас было заседание. Минут двадцать как освободились. Проклятый Уош Эванс! Слышал его?

— Кое-что...

— Уже не один режиссер хочет его со света сжить. Предлагали самые разнообразные проекты... Ты был у врача?

— Зачем? Я не покалечился, только устал и проголодался... Камеру вот потерял.

— Радуйся, что жив остался!

— И то верно.

Джордж Бейли посуровел:

— Мне очень неприятно говорить тебе это, но компании придется расстаться с тобой, Янсен.

— Что-что? Вы меня увольняете?

— Да. Под давлением общественности. Не стану сглаживать углы. Выступление Эванса пролило свет на случившееся. Похоже, что ты спровоцировал погром. Хорошо еще, если все кончится только увольнением.

— Это не я!

— Ты, ты. Подумай хорошенько, — Бейли прятал глаза. — И моя вина здесь есть. Меня тоже могут уволить.

— Постойте, — Джерриберри запнулся, помолчал, снова заговорил, — погоди минутку. Если я правильно понял то, что ты говоришь, то как быть со свободой прессы?

— Мы думали об этом...

— Я ничего не преувеличил. Я сказал, что случился скандал, а когда скандал превратился в погром, я сказал — погром. В чем я солгал? Когда?

— Видишь ли, — голос Бейли звучал устало, — ты сознательно выбирал, что снимать. Ты направлял камеру туда, где безобразничали, а я отбирал самые яркие сцены. То, что у нас получилось, напоминало небольшой погром. Сплошная драка! И все, кому захотелось посмотреть небольшой погром или принять в нем участие,

заскочили в телепортационные кабины и отправились на Мэлл. Эванс точно сказал. И через полминуты маленький погром вырос в большой. Знаешь, что говорили на заседании? Предлагали запретить свежие новости. Принять закон о том, что сообщать о событии следует лишь через двадцать четыре часа после того, как оно произошло. Что может быть глупее? Десять тысяч лет люди делали все, чтобы передавать новости дальше и быстрее, а теперь... Черт возьми, Янсен, я не знаю, как быть со свободой прессы. А погром продолжается, и все обвиняют тебя. Ты уволен.

— Спасибо! — Джерриберри собрал последние силы и выскочил из кресла.

Бейли двигался так же быстро, но к тому времени, как он обошел стол, Джерриберри был уже в телепортационной кабине и набирал код.

Джерриберри шагнул в темную теплую ночь. Он чувствовал себя несчастным, усталым и больным. Одежда была измята, изорвана, пропиталась потом. Было два часа утра. Вслед за Янсеном из телепортационной кабины вышел Джордж Бейли.

— Так и знал. Слушай, Янсен, давай поговорим, как разумные люди.

— Как вы догадались, что я здесь?

— Решил, что ты отправишься прямо домой. Янсен, все не так плохо. Ты можешь сделать на этом деньги. «Си-Би-Эй» возьмет у тебя эксклюзивное интервью. Выскажешь свой взгляд на вещи. Три с половиной тысячи долларов.

— К черту!

— Кроме того, мы используем твой материал, тебе причитается за это. Дальше, тебе заплатят расчетные. А когда все утихнет, мы тебя опять примем.

— Утихнет?

— Конечно! В наше время новости быстро стареют. Янсен, неужели ты откажешься от трех с половиной тысяч?

— Вы подаете меня как человека, который спровоцировал погром на Санта-Моника-Мэлл, а я хочу получить роль покрупнее. Погодите, кто будет меня интервьюировать?

— А кого ты предлагаешь?

— Уоша Эванса!

— Нет, он на это не пойдет, — Бейли в упор посмотрел на Янсена. — У тебя остается шанс высказаться. Надумаешь — сообщи. Оправдаешься, заодно и деньги получишь.

— Не нужны мне никакие шансы.

— Как хочешь. — Бейли ушел.

III

Для семьи Эрика Янсена телепортационные кабины были настоящим бедствием. Поначалу Эрик Янсен этого не понимал. Ему было двадцать восемь лет (а Барри Джерому Янсену три года), когда компания «Джамп Шифт Инкорпорейтед» продемонстрировала на свинцовом бруске усиленный туннельный эффект. Эрик с интересом смотрел телевизионный репортаж об открытии. Будущее рисовалось заманчивым.

Эрик Янсен не знал, что такое жалование. Он писал. Стихи, очерки, новеллы — рафинированные, популярные у очень узкого круга читателей, которые время от времени продавал в дешевые журналы, казавшиеся ему престижными. Семья жила в основном за счет наследства. Можно было бы вложить деньги в акции «Джамп Шифт Инкорпорейтед» — потом миллионы людей жалели, что не вложили, — но тогда это было рискованно. Эрику Янсену исполнился тридцать один год, когда телепортационные кабины стали использоваться в качестве грузового транспорта. Он не терял времени зря. Многие не верили в чудо телепортации, пока оно не перевернуло весь мир. А Эрик Янсен поверил и принялся тщательно исследовать это явление. Он обнаружил, что туннельный эффект характеризуется рядом внутренних ограничений. Например, телепортация в высоту сопровождается сильнейшими перепадами температуры. Согласно закону сохранения энергии, подъем на одну милю означает понижение температуры на семь градусов Фаренгейта, и наоборот. Закон сохранения количества движения и вращение Земли накладывали определенные ограничения и на перемещение в горизонтальной плоскости. Пассажира, едущего на запад, должно сносить вниз. Те, кто отправился на север или на юг, будут отклоняться от наменного направления влево или вправо.

Телепортационные кабины, грузовые и пассажирские,

вырастали в городах Америки, как грибы после дождя. А Эрик Янсен знал, что они никогда не станут транспортом больших расстояний. Ну какой пассажир захочет после приземления бежать со скоростью полмили в секунду? А придется, если телепортируешься из Индии в Америку.

«Джамп Шифт» была на вершине могущества. Эрик Янсен решил, что пора это могущество поколебать.

Он долго готовился и наконец сделал решительный шаг.

Он продал все акции «Дженерал Телефон». Зачем человеку телефон, если можно сесть в телепортационную кабину и поехать куда надо? Телепортация отнимет не больше времени, чем телефонный звонок.

Он стал продавать акции «Дженерал Моторс», но столь мудрое решение пришло в голову не только ему, и цены на акции стали стремительно падать. Эрику удалось кое-что выручить от продажи ценных бумаг предприятий, производящих мотоциклы и самокаты. Самокаты и велосипеды стали необычайно популярными, когда с улиц исчезли автомобили.

У Эрика Янсена появились живые деньги, и он получил возможность действовать.

Акции авиакомпаний упали в цене, как и акции других видов транспорта. Прежде чем общественность поняла свою ошибку, Эрик вложил все деньги до последнего цента в авиационную промышленность и транспорт. Ведь не случайно первые телепортационные кабины появились в аэропортах. Они заменили дорогие и нерасторопные такси, но им не под силу было тягаться с самолетами!

Конечно, к самолету нужно приходить заранее, потому что он вылетает в строго определенное время. В самолете может затеряться твой багаж, но...

Если учесть все «за» и «против», путешествие самолетом оказывается удобнее, но путешествие малыми перемещениями неизмеримо удобнее. (Неизмеримо в буквальном смысле слова, — попробуйте разделить десять минут на ноль.) А самолеты, кроме всего прочего, падают. Точно так же видео захватило рынок развлечений, оставив телевидению только новости. У людей пропала необходимость ехать куда-то, чтобы узнать, что делается на свете. Достаточно включить телевизор.

Путешествие на самолете сделалось слишком хлопотным. Что же до телефона, то люди по-прежнему звонили

в отдаленные места. Они предпочитали позвонить другу, прежде чем отправиться к нему с визитом. Почему-то им было легче набирать телефонные номера, чем телепортационные коды.

Авиакомпании не прекратили существование, но дивиденды от их акций были мизерные. В век всеобщего благоденствия Барри Джером Янсен рос в бедности. Его отец ненавидел телепортационные кабины, но ездил в них, потому что больше не в чем было ездить.

Джерриберри воспринимал эту иррациональную ненависть как часть личности отца, не разделяя ее. Он почти не обращал внимания на телепортационные кабины; они являлись неотъемлемой частью бытия. В жизни кочующего репортера они занимали особенно важное место, и тем не менее Джерриберри едва замечал их. До тех пор, пока его не выгнали с работы.

IV

К утру накопилось много телефонных звонков. За завтраком Джерриберри прослушал их. Добрый десяток информационных агентств предлагал эксклюзивное интервью. Было предложение и от Бейли из «Си-Би-Эй». Он поднял цену до четырех тысяч. Другие о деньгах не упоминали, кроме «Плейбоя». «Плейбой» предлагал большие деньги, там любили скандальные происшествия.

Нашлось несколько охотников убить Джерриберри. Двое из них записали только голос. К третьему звонку прилагалась видеозапись. Седеющая, неряшливо одетая и тучная женщина, воплощенная ненависть и зависть, показала Джерриберри кухонный нож и принялась рассказывать, что собирается этим ножом резать его. Джерриберри передернул плечами и выключил запись. Интересно, кто-нибудь из них может узнать номер его телепортационной кабины?

С почтой принесли чек. Премия и расчетные от «Си-Би-Эй». Вот и все...

Джерриберри ставил тарелки в моечную машину, когда зазвонил телефон. Джерриберри не сразу решился ответить.

Звонила Джейнис Вулф — милое овальное лицо, карие глаза, длинная грива волнистых, мягких каштановых

волос. Слава Богу, не анонимная убийца. Она перестала улыбаться, увидев Джерриберри.

— Ты такой хмурый! Сделай что-нибудь для поднятия духа.

— Сейчас! — с жаром ответил Джерриберри. — Приходи ко мне. Квартира шесть, номер кабины...

— Мы соседи, забыл?

Джерриберри рассмеялся. Забыл! Люди перестали обращать внимание на то, кто где живет. Джордж Бейли живет в Неваде; по утрам он добирается на работу в три прыжка, пользуясь кабинами, установленными в аэропортах Лас-Вегаса и Лос-Анджелеса.

Такие кабины, совершающие относительно большие перемещения, спасли авиацию — после того как отец Джерриберри спустил большую часть акций, чтобы спасти семью от голода. Они работали всего два года... Если подумать...

Позвонили в дверь.

За чашкой кофе Джерриберри рассказал Джейнис о погроме. Она сочувственно слушала, иногда задавая посторонние вопросы, чтобы отвлечь его. Поначалу Джерриберри старался рассказывать увлекательно, но вдруг сообразил, что Джейнис, во-первых, не любитель подобных развлечений, а во-вторых, она уже все знает. Ей было известно даже, что его уволили.

— Я именно поэтому позвонила, — сказала она. — Смотрела утренний выпуск новостей.

— Вот как...

— Что ты собираешься делать?

— Напиться. Не найду компании — напьюсь один. Не хочешь провести со мной уик-энд?

Она подумала.

— У тебя плохое настроение.

— Ну да, я буду нить, это неприятно. Слушай, Джейнис, ты знаешь, как работает телепортационная кабина большого радиуса действия?

— Нет, конечно, зачем мне это нужно.

— Если бы не кабины, не было бы погрома. Кажется, так сказал Эванс, черт бы его побрал, а может быть, я сам только что до этого додумался. Ведь никогда еще толпа не собиралась так быстро!

— Я составлю тебе компанию на уик-энд, — решила Джейнис.

— Что-что? Спасибо.

— Ты не имеешь привычки напиваться по утрам, правда?

— Нет. Ты сегодня свободна?

— Летом я свободна каждый день. Я учительница.

— О! Так что мы будем делать? Может, съездим в Сан-Диего, в зоопарк. — Он назвал первое, что пришло в голову.

— Можно.

Они не двигались с места. В маленькой кухоньке Джерриберри было очень уютно. Еще оставался кофе.

— Ты можешь обо мне плохо подумать. Как будто я подрываю устои...

— Подрывай сколько угодно!

— Я серьезно.

— Я тоже, — спокойно ответила Джейнис. — Тебе сейчас это необходимо, поэтому действуй. Может быть, это поможет тебе склеить разбитую жизнь.

— Кого ты учишь?

— Пятиклассников, — засмеялась Джейнис.

Помолчали.

— Знаешь, что самое интересное? Уош Эванс хочет взять у меня интервью. После всего, что он сказал!

— Это неплохая идея, — неожиданно сказала Джейнис. — Тебе дают шанс объяснить случившееся по-своему. Ведь на самом деле не ты спровоцировал погром, так?

— Ну да, не я. Джейнис, у него мировое имя. Он меня снова утопит. К концу передачи я буду заклеимен как человек, который спровоцировал погром на улице Санта-Моника. Меня ославят во всех странах, где говорят по-английски, да и в других тоже, ведь Эванса переводят.

— Он всего лишь комментатор.

Джерриберри расхохотался.

— Эванс дал до гениальности простое объяснение случившемуся. Он знал, что его слушают сотни миллионов людей. Ты когда-нибудь видела, чтобы он сомневался? Чтобы лез за словом в карман? Мой папа говорил так о писателях, но к Эвансу это тоже подойдет. Нет на свете ничего труднее, чем придумать простое объяснение, такое простое, чтобы каждый дурак подумал, что и он при случае найдет такое же.

Я могу объяснить, почему случился погром. Виновата информационная программа, здесь Эванс прав. Но главное — кабины дальней телепортации. Если взять их под

контроль — такой погром не повторится. Но что я могу сказать Эвансу? Что я знаю о телепортационных кабинах?

— И правда, что ты знаешь?

Джерриберри Янсен устался в свою чашку и надолго умолк.

— Я знаю, как быть, — наконец заговорил он. — Я знаю, как разыскать людей, которые знают то, что нужно знать мне. Волка ноги кормят. Сколько раз нам это повторяли на уроках!

Он поднял глаза и встретил взгляд Джейнис. Вскочил со стула и потянулся к телефону:

— Привет, Янсен! Надумал?

— Да, но...

— Хорошо, хорошо. Сейчас соединю тебя с...

— Да, но...

— Ну, ну?

— Мне нужно время на сбор кое-какого материала.

— Черт возьми, Янсен, разве ты не знаешь, что у нас нет времени? Вчерашние новости — вовсе не новости. Какой материал тебе нужен?

— Что-нибудь о телепортационных кабинах.

— Зачем? Впрочем, дело твое. Сколько времени тебе нужно?

— Сколько можешь дать?

— Очень немного.

— Бейли, сегодня утром мне обещали уже четыре тысячи. Что случилось?

— Ты не видел? Включи телевизор! Погромщики прорвали оцепление и захватили почти всю Венецию. Появились новые погромщики, потому что полиция вовремя не догадалась закрыть телепортационные кабины. Их закрыли только через двадцать минут, — Бейли едва не рвал на себе волосы. — В течение этих двадцати минут мы не сообщали о случившемся. Мы молчали, а «Эй-Би-Эс» вела прямые репортажи на всех волнах. И погромщики слетелись, как мухи на сладкий пирог.

— Что ж... похоже, что беспорядки продлятся немного дольше, чем мы рассчитывали.

— И ты тянешь время, а события развиваются! Извини. Ох, эти убудки из «Эй-Би-Эс»! Сколько времени тебе нужно?

— Чем больше, тем лучше. Неделя.

— Ты, наверное, шутишь? Могу дать сутки, и то — сам не могу. Поговори с Эвансом.

— Ладно, соединяй.

На экране возникла заставка «Ждите» и поплыли голубые разводы, как в калироскопе.

— Если погром продлится еще какое-то время, — сказал Джерриберри, — я стану более знаменитым, чем Гитлер.

— Или корова миссис О'Лири, — отозвалась Джейнис, подвигая ему чашку кофе.

Экран ожил.

— Янсен, ты можешь сейчас приехать? Эванс хочет поговорить с тобой с глазу на глаз.

— О'кей! — Джерриберри выключил телефон.

Он ощутил внутри бешеную пульсацию, ему показалось, что под сердцем вращается Земля, все быстрее и быстрее. И в самом деле, события развивались быстро.

— Уик-энд отменяется? — спросила Джейнис.

— Пожалуй, да, моя дорогая. Ты себе не представляешь, на какое дело меня воодушевила. Мне придется работать несколько суток подряд. Нужно выяснить, что такое телепортация, как она... Не знаю, с чего и начать.

— Съездить к Уошу Эвансу. Он тебя ждет.

— Точно, — он в три глотка выпил кофе. — Спасибо тебе. Спасибо, что зашла и сняла меня с мели. Посмотрим, что из этого выйдет, — он выбежал, на ходу надевая пиджак.

Уош Эванс был небольшого роста — всего пять футов четыре дюйма. Люди часто забывают, что телевидение, особенно крупный план, скрадывает размеры. В разгаре дискуссии, когда камера перепрыгивала с одного яростного лица на другое, глубокий, уверенный голос Уоша Эванса звучал очень убедительно, а темное, подвижное, выразительное лицо выглядело внушительно.

Уош Эванс взглянул на Джерриберри Янсена и сказал:

— Наверное, мне следует перед вами извиниться.

— Успеете, — ответил Джерриберри, застегивая последнюю пуговицу.

— Нет, не стану извиняться. Я старался дать как можно более точное психологическое обоснование причин погрома и, мне кажется, достиг цели. Я не сказал грязной толпе, что вы являетесь единственным виновником всего, что случилось. Я просто объяснил, как это вышло.

— Вы кое-что упустили.

— Поэтому нам есть о чем поговорить. Садитесь.

Они сели, теперь их глаза были на одном уровне.

— Наша беседа не для публикации, — сказал Джерриберри, — и не должна расцениваться как интервью. Интервью я продам отдельно. Не хочу работать бесплатно.

— Я принимаю ваши условия как официальный представитель телекомпаний. Мы предоставим вам запись этой беседы.

— Я сделаю свою. — Джерриберри хлопнул по карману, и там что-то щелкнуло.

— Как вам угодно, мой юный друг, — усмехнулся Уош Эванс. — Что же я упустил?

— Телепортационные кабины.

— Ну да, конечно. Если бы их закрыли раньше...

— Скажите лучше, если бы их вовсе не было!

— Вы шутите? Нет, не шутите. Янсен, вы донкихот. Телепортационные кабины были, есть и будут.

— Я согласен, но давайте поразмыслим. Репортеры появились раньше, чем телепортационные кабины. Кочующие репортеры, такие, как я, стали пользоваться телепортационными кабинами, как только их внедрили.

— Ну и что?

— Почему же погром не случился раньше?

— Я понимаю, к чему вы клоните. Вы имеете в виду кабины, стоящие в аэропортах.

— Вот-вот.

— Янсен, вы в самом деле собираетесь выступить перед этим грязным стадом и предложить ему отказаться от телепортационных кабин?

— Нет, у меня еще нет четкого плана действий, поэтому мне нужно время. Я хочу собрать кое-какой материал.

— Ну-ну. — Эванс ждал продолжения.

— Задам встречный вопрос, — сказал Джерриберри, — вы собираетесь призвать зрителей не смотреть новости?

— Нет, но, наверное, следует наложить какие-то ограничения на деятельность средств массовой информации. Мы слишком быстро работаем в последнее время. Ни один механизм не может работать без трения. Цивилизация тем более... Но так мы разорим большую часть информационных агентств.

— Вы сами рубите сук, на котором сидите.

— О, обо мне не беспокойтесь! — Эванс смял сигарету в пепельнице. — Отмените выпуски новостей — и показывать по телевизору будет нечего; кроме обучающих

программ и рекламы овсяных хлопьев. Я не знаю, что делать, Янсен.

— И все-таки?

— Вы хотите услышать мое непредвзятое мнение? — Эванс хохотнул. — Я одновременно и за и против. Что, если мы пустим интервью в прямой эфир сегодня в десять вечера? У вас будет двенадцать часов...

— Всего двенадцать?

— По-моему, этого достаточно. Вы хотите изучить телепортацию, а я хочу выпустить передачу, пока интерес зрителей к погрому не угас. Не только ради денег, а потому, что нам обоим есть что сказать.

Джерриберри хотел вставить слово, но Эванс не дал.

— Мы заплатим вам тысячу долларов авансом, остальные три — если состоится интервью. Если интервью не будет — не будет и денег. Такие условия заставят вас рационально использовать время.

Янсону пришлось согласиться.

— Только скажите Бейли, чтобы не аннулировал мою кредитную карточку до вечера. Мне придется много ездить...

— Я передам ему вашу просьбу, но не знаю, согласится ли он.

V

Он телепортировался в «Лос-Анджелес Интернэйшнл», облюбовав кабину поближе к краю в длинном, изогнутом подковой ряду стеклянных цилиндров с закругленными крышами. Они ничем не отличались от городских кабин. На стене напротив горели огромные красные буквы ТИ-ВИ-ЭЙ. Джерриберри, поразмыслив, набрал новый код.

Он оказался дома, в Шейди Ресте, и набрал еще один код.

И вот он снова в одной из последних кабин в длинном ряду, но в другом, ровном. А на стене напротив — эмблема «Юнайтед».

На станции было безлюдно, только рабочий в синей униформе натирал пол.

Джерриберри вышел и с минуту наблюдал, что происходит в кабинах. То в одной, то в другой кто-то появлялся. Даже не оглядевшись, пассажиры принима-

лись нажимать кнопки, набирая длинные ряды цифр, сбивались, бормотали ругательства, начинали заново и исчезали. Пассажиров было так много, что у Джерриберри закружилась голова.

Несколько секунд он снимал кабины видеокамерой.

Вдоль стены с эмблемой «Юнайтед» тянулся длинный-длинный ряд прилавков с весами для багажа. Все вокруг сияло чистотой — некому сорить. Здесь появлялись, как призраки, лишь пассажиры телепортационных кабин.

— Вам что-нибудь нужно? — раздался голос за спиной Джерриберри.

— Как мне пройти к начальнику станции?

Джерриберри посмотрел туда, куда указывал рабочий, и увидел необычайно длинный коридор.

— Зал управления в самом конце — там, где раньше был отель. Я позвоню, предупрежу, что вы идете.

Шаги Джерриберри гулко раздавались в пустом и длинном, бессмысленно длинном коридоре. Уходило драгоценное время. В конце коридора появилась багажная тележка. Вскоре она бесшумно подъехала к Джерриберри. Осанистый старик в строгом пиджаке спросил:

— Вас подвезти?

— Да, спасибо, — Джерриберри взобрался на тележку и показал старику свою кредитную карточку. — Я собираю материал для м-м-м... репортажа. Что вы можете мне рассказать о кабинах дальней телепортации?

— Все, что хотите. Меня зовут Нильс Кьерульф. Я принимал участие в установке этих кабин и с тех пор при них состою.

— Как работают ваши кабины?

— Начнем с самого начала. Вы знаете, как работают обычные кабины?

— Конечно. Предполагается, что груз существует лишь в начальной и конечной точках пути, как электрон в туннельном диоде.

Ответ, достойный научно-популярного видеожурнала. Этим познания Джерриберри в области телепортации и ограничивались.

Нильс Кьерульф был тощ, дряхл и совершенно сед. В уголках его глаз и рта теснились морщины, и казалось, что он все время улыбается.

— От этого предположения пришлось отказаться, — сказал он. — Если вы телепортируете груз, к примеру,

на Марс, вам придется допустить, что в течение десяти минут (примерно столько занимает телепортация на Марс) что-то существует. Закон сохранения энергии.

— Допустим. Что это такое?

— В течение десяти минут это что-то вроде супернейтрино. Мне так объясняли, я сам не физик. В колледже учился на менеджера. Несколько лет назад прошел годичный курс переподготовки и теперь занимаюсь техническим обслуживанием станции. Если вас интересуют теоретические основы телепортации, обратитесь к кому-нибудь из «Кейп-Кеннеди». Вот и приехали.

Работал только один из двух эскалаторов. Спустив на движущееся полотно, Джерриберри спросил:

— К чему такие длинные переходы? Столько времени уходит зря!

— Вы не слышали, как взлетает семьсот седьмой?

— Нет.

— Шум — еще не все. А вдруг самолет упадет? Согласитесь, будет лучше, если при этом разрушится не вся станция.

Эскалатор поднял их в круглый зал, разделенный перегородкой на две половины. Одна из них, разгороженная на небольшие кабинки, была заставлена стульями и кушетками, из другой кушетки вынесли, а на их места установили приборы. Полдюжина человек сидели глядя в экраны.

Послышалось неясное урчание, как будто в соседней комнате включили электрическую бритву. Джерриберри принялся оглядываться, ища источник звука, и за окном увидел маленький одномоторный самолет, бегущий по взлетной полосе.

— Да, — кивнул Нильс Кьерульф, — у нас здесь есть аэродром. Обслуживаем парашютистов, планеристов — словом, спортсменов. Я сам иногда летаю. Раньше все время ругались с пилотами реактивных самолетов: у нас посадочное время, как у семьсот сорок седьмого. Теперь отделились.

— По всей видимости, вы были менеджером где-то...

— Здесь. Я управлял аэропортом, когда о телепортации знать никто не знал. Тридцать лет, мистер Янсен, я смотрел, как телепортация душит авиацию.

— Простите, если мой вопрос покажется вам обидным. Почему профессионального администратора превратили

в специалиста по квантовой механике? Почему не наоборот?

— Видите ли, мистер Янсен, телепортация на большие расстояния — совершенно новая область техники. Специалистов просто не было.

— Что вы успели выучить за год? У вас, наверное, часто случаются аварии?

— Да, примерно раз в две недели что-нибудь выходит из строя. Тогда мы прекращаем работу и стоим до тех пор, пока не найдем и не устраним неисправность. Обычно на это уходит около часа.

— А с пассажирами ничего не происходит?

— Нет, — удивился Кьерульф. — Пассажир остается на месте, вернее, гигантская частица нейтрино, о которой мы говорили, возвращается к излучателю, если поглотитель не может ее поглотить. Самое страшное, что может случиться, — потеря связи с гасителем скорости, но мы застраховались от этого. Когда у нас случается авария, мы просто перестаем принимать пассажиров, а нашу нагрузку разбирают другие компании. Мы теперь не конкурируем. Почему? Сейчас поймете. Когда-то «Юнайтед» — как «Ти-Ви-Эй», «Истерн» и другие авиакомпании — пыталась доказать, что лучше других кормит в полете, устанавливает в самолете особенно удобные кресла, нанимает самых хороших стюардесс и все такое. А сколько времени вы проводите в телепортационной кабине? Все компании работают в единой системе кодов. Набираешь полдесятка цифр — и ты в «Лос-Анджелес Интернэйшнл» или где-нибудь еще. Теперь у всех компаний случайные клиенты. Экономим бешеные деньги на рекламе.

— Но по закону о концернах...

— Это преследуется, только нас не привлекают к ответственности, потому что не к чему придраться. У каждой компании свой гаситель скорости, а одновременная авария вряд ли случится. А если что — любая компания в одиночку справится со всеми дальними перемещениями.

— Мистер Кьерульф, что такое гаситель скорости?

Кьерульф вздрогнул.

— Я журналист, — объяснил Джерриберри.

— А-а-а...

— Я задаю вопросы не из праздного любопытства. Мой отец разорился, когда авиация пришла в упадок.

— Я тоже, — сказал Кьерульф, не то улыбаясь, не то морщась, как от привычной боли.

— Вот как?

— Иногда мне кажется, что меня предали. Ведь телепортационные кабины не могли конкурировать с самолетами. Они не способны осуществлять перемещения на значительные расстояния. Тем не менее телепортация победила авиацию.

— Мой отец говорил то же самое.

— И вот, телепортационные кабины перевозят грузы на большие расстояния, и я работаю на них — или они работают на меня. Пожалуй, даже не стоило устраивать телепортационные станции в аэропортах. Конечно, благоустроенная территория, штат сотрудников... Скорее всего, это сделали, чтобы спасти нас.

— Поздно спохватились.

— Наверное... Когда-нибудь мы войдем в систему коммунального хозяйства.

Кьерульф оглянулся и окликнул человека, сидящего у стены:

— Дэн!

— Ого-го! — пробасил тот, не отрывая взгляда от своего экрана.

— Ты не посвятишь двадцать минут урегулированию отношений с общественностью?

Дэн встал, потом взобрался на стул и посмотрел по сторонам. Джерриберри догадался, что со стула Дэну видны экраны и циферблаты всех приборов.

— Все спокойно. Иду, — сказал Дэн.

Они сели в тележку и отправились на станцию. В кабине Джерриберри вставил в прорезь свою кредитную карточку, и Кьерульф набрал код.

Кабина доставила их в большой зал с бетонными стенами и широкими окнами, за которыми чуть ниже уровня пола волновалась и плескалась, сверкая на солнце, голубая вода.

Люди, сидящие за приборами, обернулись к вошедшим и, увидав Нильса Кьерульфа, снова устали в экраны.

— Это озеро Мичиган, — сказал Кьерульф, — а это...

Джерриберри увидел гигантское белое сооружение, похожее на купол, только гораздо более плоское. Большой, чуть горбатый круглый остров.

— ...гаситель скорости, принадлежащий компании

«Юнайтед Эрлайнз». Все гасители выглядят примерно так же, только плавают в других морях и озерах. «Аэрофлот» поместил свой гаситель в Каспийское море, а «Ти-Ви-Эй» — в Мексиканский залив.

— Что представляет собой гаситель скорости?

— Это страшно сказать, сколько расплавленного железа в футляре из кошмарного количества пенопласта, который не дает ему утонуть, плюс телепортационный приемник, соединенный с массой железа. Смотрите! Видите — всплывает?

Остров медленно приподнялся на несколько футов и так же медленно опустился. По воде побежали круги, превратившиеся у стен станции в волны.

— Наверное, большой груз пересылали. Вот так и происходит телепортация. Вам известно, что вращение Земли накладывает ограничения на дальность перемещения грузов? Если бы вы захотели телепортироваться отсюда в Рио-де-Жанейро, вы сместились бы вверх и вбок; больше вверх, потому что Рио находится почти на том же расстоянии от экватора, что и мы. А приемник улавливает кинетическую энергию вашего полета и передает ее на гаситель. Вот эта куча железа прыгает вверх или в сторону, или ныряет, пока пускает вода. Если же одновременно с вами кто-то телепортируется из Рио сюда, гаситель стоит на месте.

Джерриберри задумался.

— А как быть с сохранением движения? Получается, что вы замедляете вращение Земли.

— Ну да. Единственное, что следует помнить: энергия должна как-то расходоваться. Мы установили насосы, которые прогоняют воду через гаситель, когда он перегревается.

Джерриберри вытащил свой «Майнокс»:

— Можно отснять пару кадров?

— Нельзя. Пойдемте дальше.

«Майнокс» всего лишь видеокамера, разрешение у нее гораздо меньше, чем у камеры тележурналиста... Если бы время не поджимало, приехал бы сюда один... А стоит ли? Джерриберри снял людей за приборами, Нильса Кьерульфа на фоне окна, чуть не минуту истратил на огромный белый остров, в надежде, что остров зашевелится. И точно, гаситель поднялся; опускаясь, подался в сторону, опять всплыл. Волны бились о стены станции. Над белой громадой гасителя взметнулся фонтан пара.

— Отлично, — бодро сказал Джерриберри самому себе, опустил камеру в карман и сложил треногу.

Обернувшись к Кьерульфу, которого происходящее, по-видимому, забавляло, он спросил:

— Мистер Кьерульф, вы можете рассказать, как осуществляется надзор за перевозками, если осуществляется вообще?

— Вы имеете в виду таможенные сборы?

— Нет, а впрочем, давайте о таможенных сборах.

— В Лос-Анджелесе таможня находится на станции компании «Ти-Ви-Эй». Вы в последнее время не выезжали за границу? Нет? Так вот, в аэропортах больших городов обязательно имеются таможенные пункты. В маленьких странах таможенный пункт один на всю страну. Если вы набираете заграничный код какой угодно страны, вас телепортируют на таможенный пункт этой страны. Вы окажетесь в кабине без кнопок. Чтобы продолжить путешествие, вы вынуждены будете выйти из кабины и пройти досмотр.

— Ловко. А в пределах Соединенных Штатов существуют какие-нибудь ограничения?

— Нет. Плати деньги и езжай, если, конечно, не дал подписку о невыезде. Случается, полиция обнаруживает, что кто-то хочет улизнуть из города, тогда за станциями устанавливается наблюдение. Иногда мы задерживаем пассажира, чтобы детектив мог его разглядеть.

— А можно не пустить пассажира на станцию?

— Нет, можно только... — Кьерульф запнулся, потом продолжил: — Отключить кабины командой со станции дистанционного управления. Вы об этом спрашиваете в связи с погромом на улице Санта-Моника?

— Да...

Джерриберри Янсону больше нечего было сказать. На станции компании «Юнайтед Эрлайнз» в Лос-Анджелесе он простился с Кьерульфом и набрал код таможни.

Несколько минут Джерриберри наблюдал за прибывающими и выделил среди них две категории.

Туристы: парочки, иногда родители с детьми, одетые по заграничной моде, часто экстравагантно. Появляясь из небытия, они оглядывались с любопытством и бес-

покойством, даже с некоторым испугом; выходя из кабин, бросали по сторонам подозрительные взгляды. Иногда они собирались в компании по пять-шесть человек.

Бизнесмены путешествовали поодиночке. На них были строгие, порой старомодные костюмы, в руках — только чемодан: большой или маленький, но всегда один. Они были старше туристов и двигались уверенно: очутившись в кабине, тут же толкали дверь и выходили.

У барьера дежурили четверо таможенников в одинаковых темных мундирах с эполетами в форме щитов. Они не обращали на Джерриберри внимания: он стоял не с той стороны, откуда подходили путешественники. Джерриберри уже собирался махнуть в Мехико и обратно, но тут один из таможенников заметил его и сразу распознал в нем репортера.

Грегори Шеффер, низенький и плотный, уселся на барьер, сцепив руки на колене.

— Разумеется, могу. Сегодня спокойный день. Мы по-настоящему работаем только в Рождество, Новый год, в день падения Бастилии и еще пару дней в году. Вот, посмотрите, — он взмахнул пухлой рукой, — а полгода назад прибывало вчетверо меньше народу, чем сейчас. Раньше я досматривал каждого, кто проходил мимо меня, — лишь бы не сидеть без дела. Если дела и дальше так пойдут, через год понадобится вдвое больше таможенников.

— Почему вы решили, что...

— Вы знаете, что кабины дальней телепортации работают уже два с лишним года? Полтора года у нас почти не было пассажиров, и вот люди опять начинают путешествовать. Посмотрите вокруг. В этом зале яблоку негде было упасть, пока не появилась «Джамп Шифт» со своими кабинами. И что из этого вышло? Люди отвыкли путешествовать. А теперь, через двадцать с лишним лет, этот обычай возрождается.

— Похоже, — Джерриберри старался вспомнить, зачем приехал сюда. — Мистер Шеффер...

— Называйте меня Грег.

— А вы меня — Джерриберри. Ваша основная задача — пресекать контрабандную деятельность, верно?

— Ну да, раньше было верно. Теперь мы лишь ограничиваем ее, причем не слишком успешно. Здравствуй!

мыслящий человек не повезет контрабанду через таможеню. Есть более безопасные пути.

— Какие?

— Можно телепортировать алмазы. Они практически не разрушаются. Настраиваешь грузовую кабину в Канзасе на получение груза из... южной части Тихого Океана. Оттуда можно пересылать грузы в любую точку на территории Соединенных Штатов — нужно только найти точку, симметричную относительно экватора. И гаситель скорости не нужен. Хочешь — ввози алмазы, хочешь — швейцарские часы. Правда, с часами мороки много: они нежные.

— Вот новости! Выходит, можно ввезти что угодно и куда угодно?

— Вроде того. Собственно говоря, и в океан выходить незачем. Можно подобрать две кабины: одну на расстоянии мили к северу, а другую — к югу от канадской границы. Это не расстояние даже для телепортации в пределах города... Таможенная служба уже не нужна, — заключил Шеффер. — Я считаю, что законы о контрабандной деятельности утратили смысл. Вы собираетесь это опубликовать?

— Я не стану называть ваше имя.

— Вот-вот, не стоит.

— Вы позволите мне пройти к принимающим кабинам? Мне хотелось бы кое-что заснять.

— Зачем?

— На всякий случай.

— Покажите-ка ваши документы. — Грегори Шеффер не любил уклончивых ответов.

Принимающие кабины находились в его юрисдикции. Он принялся изучать кредитную карточку Джерриберри.

— Янсен! Погромы на улице Санта-Моника! — воскликнул Шеффер.

— Точно.

— Что там произошло на самом деле?

Джерриберри постарался уложиться в полминуты.

— И теперь я пытаюсь выяснить, как все началось. Может, была возможность остановить поток людей, устремившихся на Санта-Моника.

— Здесь вы ничего не найдете. Судите сами: прибывает десяток пассажиров — и мы заняты по горло.

А что будет, если появится сразу тысяча? Только и останется, что под стол прятаться.

— Я все-таки хочу посмотреть на принимающие кабины.

Шеффер, подумав, пожал плечами и пропустил Джерриберри к кабинам. Пока Янсен снимал, Шеффер стоял у него за спиной. Кабины были точно такие же, как на улицах, только вместо кнопок в них стояли пустые металлические панели.

— Я не знаю, что там внутри, — сказал Шеффер, — кабина как кабина. Подумаешь, кнопки убрали!

Он оказался прав: Джерриберри ничего не выяснил.

VI

Программу «Сегодня вечером» записывают в два часа дня. Передача длится двадцать минут, и Первый Гость, привольно развалясь в кресле, как будто на него не смотрят миллионы глаз, болтает без умолку. Ловкий трюк, пока еще не избитый. Первый Гость программы «Сегодня вечером» — герой фантастического сериала. Он говорит:

— Вы когда-нибудь видели огненный прилив? Нет? Отправляйтесь на Эрмоза-Бич. Я был там в прошлый уик-энд. Днем вы не увидите ничего, кроме мутной, даже грязной воды, которая к тому же пахнет. Зато ночью!

Его воодушевление, способное проникнуть сквозь экраны и заразить пятьдесят миллионов зрителей, отнюдь не показное. Он верит в то, что говорит. Просто он выражает свои чувства лучше, чем большинство зрителей. Он подается вперед, глаза его горят, голос звенит от напряжения.

— Гребни волн горят голубым огнем. Это светится планктон. Пройдитесь по мокрому песку — он вспыхнет у вас под ногами. Начертите на песке пальцем — она запылает голубым пламенем! Наберите пригоршню песка и разожмите пальцы. Из ваших рук польется голубое сияние. Песок просто пропитан светом. Топните ногой — вы увидите сложенную из песчинок мозаику! В это невозможно поверить, это нужно видеть!

Передачу пускают в эфир в восемь тридцать вечера.

Стандартные кабины: кто устанавливал стандарт?

Кто, кроме «Джамп Шифт», выпускает телепортационные кабины?

У «Джамп Шифт» монопольное право?

Насколько оно широко?

Телепортация и космические программы — опустить?

Зависимость исследований в космосе от телепортации очевидна, но разработка этой темы требует специальных знаний и ничего не дает для объяснения причин погрома. Не стоит тратить на это время. Джерриберри подумал еще немного и исправил вопросительный знак на восклицательный.

Оставалось девять часов.

«Кав-де-Руа» был самым тихим из клубов, в которых состоял Джерриберри. Приятно посидеть и подумать в старом доме, выстроенном из кирпича и дерева. За стойкой бара соорудили бетонную решетку, а в просветы вставили бутылки с вином. Джерриберри любовался причудливой игрой света на их боках, потягивал из стакана шипучий напиток и записывал мысли в блокнот.

Социология. Что изменила телепортация в обществе?

Автомобили.

Нефтяные компании и биржи. Просмотреть подшивку «Уолл-стрит Джорнэл». Погром Уоттса? Погром в Чикаго?

Последнюю запись Джерриберри перечеркнул. Чикагский погром был вызван политическими причинами. Других погромов Джерриберри не помнил, они происходили очень давно.

Подавление волнений. Порядок работы полиции. Преступность.

Преступность должна сильно возрасти, ведь телепортационные кабины обеспечивают почти неограниченную свободу передвижения. Интересно бы узнать.

Джерриберри решил заглянуть в полицейское управление. Не слишком приятный визит, но куда денешься. Вдруг там сообщат что-то ценное? Потом в библиотеку, копнуть над бумагами — тоже не подарок. Что дальше?

Не станешь ведь призывать народ отказаться от телепортации. Джерриберри написал:

ЦЕЛЬ: показать, что телепортация способствует быстрому возникновению беспорядков. Это настоящая социальная проблема. Решать ее на этой основе.

И добавил, не желая обманывать себя:

И снять с себя обвинения.

Толпа.

Толпа на улице Санта-Моника собралась в считанные минуты. Джерриберри не раз видел столь же быстро растущую толпу. В определенных местах регулярно собираются огромные массы людей. Подумав, он добавил еще строку:

Таити. Иерусалим. Мекка. Остров Пасхи. Стоунхендж. Олдювэ-Горж.

Пора приниматься за дело. Джерриберри направился к телефону.

— Позовите, пожалуйста, доктора Робина Уайта, — сказал он в экран.

Женщину, исполнявшую обязанности секретаря клуба «Семь шестерок», трудно было назвать сексуальным символом. Она была скорее величава, чем красива, и по возрасту годилась Джерриберри в матери. Она выслушала его просьбу с равнодушным достоинством, которое, Джерриберри чувствовал, в любой момент могло обернуться ледяным презрением.

— Говорит Барри Джером Янсен, — осторожно добавил он.

На экране появилась заставка «Ждите» и поплыли красные полосы и пятна.

Клубы общения не являлись ни новостью, ни редкостью. Среди них были маленькие и обособленные и большие, состоящие из сети связанных друг с другом «филиалов». Каждый состоял в каком-нибудь клубе; большинство людей — в нескольких одновременно.

«Семь шестерок» стоял среди других клубов особняком. Номер его телефона был известен повсюду. Число его членов, само по себе немалое, было мало для организации такого масштаба. В клубе состояли короли, президенты, лауреаты Нобелевской премии. Никто не знал, где находится клуб. Зона умеренного климата — вот самый точный адрес. Джерриберри не знал случая, когда бы

каким-то образом кому-то стал известен код телепортационной кабины «Семи шестерок».

Человеку, стоящему на той же ступени социальной лестницы, что и Джерриберри, требовалось особое нахальство, чтобы позвонить по номеру 6666666. Обучаясь искусству журналистики, Джерриберри выработал в себе необходимое нахальство. «Иди к истокам» — еще одна святая заповедь репортера. Иди к истокам, как бы высоко ни пришлось забраться; будь вежлив, будь готов долго ждать, но требуй своего и ни в коем случае не бойся, что отнимаешь время у большого человека.

Забавно: журналов давно не печатают, а профессию до сих пор называют журналистикой. И Конституция, которая раньше защищала «газеты», до сих пор защищает «прессу». Сегодня еще защищает, но законы меняются...

На экране появилось изображение. Физик Робин Уайт был зрелым человеком с громкой репутацией еще в то время, когда компания «Джамп Шифт» продемонстрировала первый пример телепортации. Теперь, двадцать пять лет спустя, это был чей-то добрый дедушка с розовой лысиной и круглыми, мягкими щеками, чуть обвисшими, как будто мускулы устали держать кожу. Единственный из основателей «Джамп Шифт», еще живущий на этом свете!

Он внимательно оглядел Джерриберри с головы до ног.

— Мне хотелось знать, какой вы, — и потянулся к выключателю.

— Я не виноват! — крикнул Джерриберри.

Палец Уайта был уже на выключателе.

— В самом деле?

— Я не виноват в том, что случился погром, и постараюсь это доказать.

Старик задумался.

— И поэтому вам понадобился я... Для чего именно?

Джерриберри, собравшись с духом, перешел в наступление.

— Я надеюсь, что сумею показать тесную связь погрома с существованием телепортационных кабин. Загвоздка в том, что я мало знаю о технике телепортации.

— Вы просите помощи у меня?

— Заслуга изобретения телепортационных кабин принадлежит практически вам одному, — прямо сказал Джерриберри. — Мгновенно вспыхивающие погромы,

молниеносные бегства, неограниченная контрабанда... И вы хотите умыть руки?

Робин Уайт визгливо засмеялся, закинув назад голову и показывая великолепные белые зубы, явно вставные. Джерриберри гадал, согласится он или нет.

— Ладно, — сказал Уайт, — приезжайте ко мне. Погодите, что я такое говорю! Вам нельзя в «Семь шестерок». Давайте встретимся где-нибудь. В баре «Оранжеи», в Нью-Йорке.

Джерриберри не успел ответить — экран погас. Как все быстро получилось, подумал он. Шевелись, идиот! Скорее в Нью-Йорк, пока старик не передумал.

В Нью-Йорке приближался час коктейля. Полированные столы, приглушенный свет, электрические блюда с бутербродами по-шведски, на палочках. Джерриберри прихватил несколько штук: он с утра ничего не ел.

Робин Уайт был одет в серый комбинезон с длинными рукавами и воротником-капюшоном. Капюшон играл всеми цветами радуги, как разлитая по воде нефть. Крик моды, правда, с небольшим отступлением: такой комбинезон должен плотно облегать тело, а на докторе Уайте он сидел свободно, даже мешковато, подчеркивая мешковатость фигуры. Так, конечно, удобнее. Уайт прихлебывал молоко из стакана.

— Я потихоньку отхожу от своих грехов, — сказал он. — Вот, решил отказаться от спиртного. Впрочем, я еще не окончательно бросил. Бросаю... Наверное, поэтому поддался на вашу антирекламу. Я могу говорить с кем угодно. Как вас зовут?

— Барри Джером Янсен.

— Вы не поняли. Меня зовут Роби, а вас?

— А-а-а... Джерриберри.

Уайт засмеялся.

— Ну нет, таким словом¹! Можно я буду называть вас Барри?

— Конечно, сэр!

— Что вас интересует?

— «Джамп Шифт» большая фирма?

— Н-ну, не маленькая. Какими единицами вы измеряете фирмы?

¹ Джерриберри (англ.) — дословно: «фальшивый доллар». (Прим. переводчика.)

Джерриберри, до сих пор мучившийся вопросом, не издеваются ли над ним, перестал мучиться.

— Сколько моделей телепортационных кабин вы выпускаете?

— Трудно сказать. Три для общественных нужд. Еще с десятков для космонавтики. Мы еще не пустили их в серийное производство, испытываем. От космической промышленности одни убытки. Мы покрыли бы их, начав массовый выпуск кабин или кораблей космической телепортации. У нас в проекте корабль, который может телепортировать груз на любой приемник.

— Вы сказали: три модели для общественных нужд, — напомнил Джерриберри.

— Ах да, за последние двадцать лет мы выпустили более трехсот миллионов пассажирских кабин. Есть еще грузовые кабины общественного пользования. Третья модель — огромная передвижная кабина для транспортировки больших грузов, требующих осторожного обращения, — таких, как сборный дом, ракетный ускоритель или живой синий кит. С помощью трех наборов вертолетных строп груз можно доставить в любое место. Я, когда увидел, не поверил, — Уайт хлебнул молока. — Учтите, я отошел от дел. Да, я председатель совета директоров, но делами заправляют молодые... На заводах я вовсе не появляюсь.

— Скажите, право «Джамп Шифт» на производство телепортационных кабин является монопольным?

Джерриберри заметил, как Уайт поджал губы и прищурился: «Осторожно, репортер!»

— Простите, — поспешно извинился он, — я не то сказал. Я хотел спросить, кто производит телепортационные кабины. Наверное, ваша компания выпускает большую часть пассажирских телепортационных кабин в Соединенных Штатах?

— Все до одной наши, и дело здесь не в монополии. Любая фирма может заняться производством телепортационных кабин, но это будет ужасно невыгодно. Стоимость производства телепортационных кабин снижается только тогда, когда количество выпускаемых кабин исчисляется миллионами. Предположим... Возьмем Чили. Там установлено немногим меньше миллиона телепортационных кабин. Все наши. Допустим, чилийцы изобрели более совершенную систему и внедрили ее. Сеть их кабин окажется изолированной от других сетей, если,

конечно, они не создали точную копию чьей-то чужой модели. Все кабины сети должны иметь одинаковый объем.

— Разумеется.

— В мире действует около десятка сетей телепортации. Самая большая — в СССР, самая маленькая, пожалуй, в Бразилии.

— Что происходит с воздухом в принимающей кабине?

— Так и знал! — засмеялся Уайт. — Этот вопрос задают все подряд.

Потом ответил серьезно:

— Мы испробовали массу способов. Практически осуществимой оказалась пересылка воздуха из принимающей кабины в передающую, а это означает, что передающая кабина является в то же время и принимающей.

— Значит, если знаешь, кто, куда и когда телепортируется, можно телепортироваться ему навстречу бесплатно?

— Разумеется, но кто будет этим заниматься?

— Я, если мне понадобится провезти что-нибудь мимо таможи.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ничего, просто проигрываю варианты. Кабины на таможне работают в режиме приема только потому, что пассажир не имеет возможности набрать код.

— Знаю. Это типовые кабины первой модели с удаленными панелями набора.

— Отлично. Предположим, вам нужно что-то ввезти в Соединенные Штаты. Вы отправляетесь на таможню в Аргентину. Потом ваш друг в Калифорнии набирает код вашей кабины в Аргентине. Он летит в Аргентину, а вы оказываетесь в Калифорнии, по эту сторону барьера.

— Блестящая идея! — одобрил Уайт. — К сожалению, наша система пропускает вызов только в свободные кабины.

— Черт возьми!

— Я огорчил вас? Прошу прощения, — усмехнулся Уайт. — Не волнуйтесь: есть более простые способы контрабандных перевозок и немало. А если честно, я

не хочу просить у вас прощения: сам живу по принципу: laissez-faire¹.

— Скажите, можно ли устроить систему набора кодов как-нибудь так, чтобы то, что случилось на улице Санта-Моника, не могло повториться?

— Блокировка кнопок не поможет, — ответил Уайт, немного подумав. — Если вы не хотите, чтобы собиралась толпа, вам нужно сделать так, чтобы люди не входили в кабины. Может быть, установить счетчики?

— М-м-м...

— Расскажите, Барри, как все выглядело.

— Как потоп. Как будто прорвало дамбу и толпа затопила все вокруг. Потом полиция закрыла кабины, но было поздно. Кабины нужно закрывать при первых признаках беспорядков.

— Хм, у нас, должно быть, немало недоброжелателей?

— Неужели?

— Вспомните семидесятые и восьмидесятые годы: затемнения в целях экономии электричества, телефонное хулиганство... Бороться с подобными вещами невозможно, и люди злятся, раздражение накапливается — отсюда и погромы, Барри. Из-за людей, которые все время чуть-чуть на взводе.

— Вот как?

— Да-да. Все погромы, которые я помню, — Уайт улыбнулся. — Погромов давно не было, и в этом большая заслуга «Джамп Шифт». С внедрением телепортации исчезло многое, что раздражает людей: смог, пробки на дорогах. Письма приходят вовремя. Нет проблем с жильем и работой; ведь не обязательно жить там, где работаешь или получаешь пенсию. Вы когда-нибудь попадали в дорожную пробку?

— Не помню. Может быть, в детстве...

— Мой друг одно-время преподавал в колледже. Его беда была в том, что он жил далеко от работы. Пять раз в неделю он тратил час, чтобы добраться на работу, и час с четвертью, чтобы попасть домой (по вечерам движение более напряженное). В конце концов он бросил работу и стал писателем.

— Это не самая большая беда!

— Подобных случаев множество, — серьезно продол-

¹ Пусть каждый делает что хочет (фр.). (Прим. переводчика.)

жал Уайт. — Тому, кто имел машину, приходилось нелегко; тому, кто ее не имел, и того хуже. «Джамп Шифт» не провоцирует беспорядки, напротив — предупреждает.

Он умолк, ожидая, что Джерриберри согласится с его доводами. Молчание становилось неприлично долгим. Единственное, что мог сказать Джерриберри для возобновления беседы: «А как быть с погромом на улице Санта-Моника?» Но он молчал.

— Допивайте! — неожиданно скомандовал Уайт. — Я хочу вам кое-что показать.

— Показать?

— Допивайте скорее! Нам пора идти. — Уайт, двигая кадыком, в три глотка допил молоко и опустил стакан на стол. — Ну?

— Я готов.

На стеклянных стенах домов лежали почти горизонтальные предзакатные тени. Робин Уайт вышел из «Оранжери» и повернул по Мэдисон-Авеню направо. Три гтага — и телепортационная кабина.

В кабине Уайт перехватил руку Джерриберри:

— Плачу я. Во-первых, моя идея, а во-вторых, некоторые коды окажутся для вас недоступными.

Он вставил в прорезь свою карточку и набрал три кода.

Дважды они оказывались в шеренге кабин дальней телепортации. Третье перемещение вынесло их на ярко освещенный солнцем песчаный пляж. Бриз гнал к берегу волны, украшенные гребешками белой пены. На расстоянии от берега прямо из волны поднимался огромный цилиндр с закругленным верхом. На боку оранжевым цветом было выведено:

ДОСТАВКА ПРЕСНОЙ ВОДЫ. ДЖАМП ШИФТ.

— Могу свозить вас туда на лодке, — сказал Уайт, — но не хочется тратить время. Вы ничего там не увидите. В цилиндре пусто — вакуум. Принцип работы вам известен?

— Конечно.

— История телепортации похожа на историю лазерной техники. Одна глобальная идея и множество направлений ее развития. Мы потратили двенадцать лет на строительство непрерывных линий телепортации для снабжения различных территорий пресной водой. А задача-то

не в том, чтобы перекачать воду, а в том, где ее взять... Знаете, как мы до этого додумались? Это приснилось моей секретарше после одного из представительских обедов. Она тогда напилась в стельку, но записала сон, а утром мы по очереди пытались разобрать, что она нацарапала... Впрочем, это не относится к делу. Идея проста. Строится резервуар, который поднимался бы над уровнем воды на тридцать четыре фута и более, герметичный, нижний конец с открытым дном погружается в воду. В верхней части размещают телепортационный насос, который выкачивает из резервуара воздух. Когда воздух заканчивается, морская вода закипает, и насос начинает откачивать водяной пар. В месте назначения пар конденсируется — и получается пресная вода. Вы будете делать снимки?

— Нет.

— Теперь ознакомимся с результатом, — сказал Уайт, набирая новый код.

Солнце светило еще ярче. Кабина стояла вплотную к длинному деревянному строению. Вокруг простиралась ослепительно белая солончаковая пустыня, вдали маячили голубые призраки гор. Джерриберри щурился и моргал. Уайт открыл дверь.

— Уф-ф-ф! — только и сказал Джерриберри.

— Долина Смерти. Жарко, правда?

— Слов нет! Нужно обратиться к словарю, статья «Доменная печь».

Пот выступал из всех пор и щекотал кожу. Джерриберри спросил:

— Мне кажется, что я в сауне. Интересно, почему в саунах нет телепортационных кабин?

— Когда-то их там ставили, но было много краж. Давайте зайдем с другой стороны.

Они обошли деревянное строение и очутились в оазисе. Джерриберри был потрясен: по одну сторону стены суровая красота дикой пустыни, а по другую — ухоженный сад, стройные ряды деревьев.

— Здесь можно выращивать все что угодно. Мы начали с финиковых пальм, потом посадили апельсины и грейпфруты, потом ананасы, разбили рисовые чеки, плантации манго. Все, что растет в тропическом климате, приживается и здесь, если как следует поливать.

Джерриберри уже заметил башню для телепортации

воды. Башня-приемник выглядела точно так же, как башня-передатчик.

— И удобрять почву, — добавил он.

— Да, конечно. Почва в Долине Смерти неважная. Вносим массу удобрений, — пот ручейками струился по щекам Уайта. Его мягкое лицо было почти сурово. — Дело в принципе. Телепортация дает человеку возможность селиться в любом месте. Мы расширяем людям жизненное пространство. Можно работать на Манхэттене, в центре Лос-Анджелеса или у черта на куличках, а жить, скажем, ну... где-нибудь...

— В Неваде.

— Или на Гавайях! Или в Гранд-Каньоне! Скученность населения способствует возникновению беспорядков, а мы ликвидировали скученность, по крайней мере на время. При нынешней рождаемости она вновь возникнет, но мы с вами к тому времени успеем состариться и умереть.

Джерриберри не хотелось отвечать, но, уличив себя в безволии, он сказал:

— Не наносите ли вы ущерб окружающей среде?

— Что?

— Экосистема Долины Смерти уникальна, как и ее климат. Как, по-вашему, влияет на них ваша бесконечная вода?

— Я думаю, пагубно.

— Вы говорите: Гавайи, Гранд-Каньон. Слава Богу, существуют законы, которые запрещают заселять территории национальных памятников. На Гавайях плотность населения уже, наверное, не меньше, чем в Нью-Йорке! Ваши кабины могут доставить человека куда угодно, правда? Даже туда, где ему нельзя находиться?

— Да, наверное, — протянул Уайт. — Ущерб окружающей среде... Хм... Что вы знаете о Долине Смерти?

— Жарко, — Джерриберри весь взмок.

— Когда-то на этом месте было внутреннее море. Соленое море. Потом климат переменялся и вода ушла. Как это отразилось на экосистеме?

— Море? — Джерриберри почесал в затылке.

— Ну да, море. Когда оно высохло, старая экологическая система разрушилась, но образовалась новая. То же самое происходит сейчас при нашем участии. Впрочем, это не самое главное. Я хотел показать вам другое. Ущерб окружающей среде, поди ж ты!

Уайт сердился. Увлекая Джерриберри за собой, он сжимал его руку сильнее, чем позволяли правила приличия. Он долго не мог вспомнить код и стоял в кабине, наморщив лоб и вытянув указательный палец. Наконец дрожащей рукой он принялся нажимать кнопки. Уайт набрал два кода подряд. Сначала они вынырнули в аэропорту, во второй раз очутились в полной темноте.

— Проклятье! Я забыл, что здесь ночь.

— Где мы?

— В пустыне Сахара. Выходить не будем — ночь, ничего не видно. Здесь идут работы по проекту Рудольфа Хилла. Слышали что-нибудь об этом?

— Здесь хотят вырастить лес. Посадить деревья, пустить зверей, насекомых — короче, создать законченную экологическую систему; — Джерриберри приткнулся к стеклу, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в темноте, но ничего не увидел. — Получается?

— А как же! Если продержимся на нынешнем уровне еще лет тридцать, Сахара навсегда превратится в лес. Очередная экосистема, которую мы уничтожаем.

— Пожалуй, здесь стоит это сделать.

— Когда-то Сахара была цветущим зеленым краем. Не кто иной, как человек превратил ее в пустыню, в течение тысяч лет выпасая здесь скот. Мы возрождаем Сахару.

— О'кей, — сказал Джерриберри.

Было слышно, как Уайт нажимает кнопки. Сквозь стекло кабины проникал свет звезд. Джерриберри разглядел размытые силуэты деревьев.

В аэропорту, щурясь от яркого света, он спросил:

— Как мы миновали таможню?

— Территория, отведенная под проект Хилла, является территорией Соединенных Штатов. — Уайт снял со стены справочник местной телепортационной сети и стал листать, отыскивая нужный код. — Придет время, и вы сможете совершить любое путешествие, набрав всего два кода. Вам не нужен будет аэропорт. Наберете код ближайшей к месту назначения кабины дальней телепортации — и готово. Конечно, реконструкция сетей нам дорого обойдется... Приехали.

Яркое солнце, белый песок, синий морской простор. Кабина стояла у подъезда приморского отеля. Уайт решительной походкой направился к воде. Джерриберри зашагал следом. Они остановились у самой кромки. Робкие волны лизали носки их туфель.

— Карпентария. Если верить рекламе, здесь самые безопасные пляжи в мире. И самые скучные: нет волн и не бывает. Вам известно что-нибудь о Карпентарии, Барри?

— Боюсь, что нет.

— Здесь разлили нефть. Напротив Санта-Барбары — это чуть дальше в глубь берега — разбился танкер. Пляжи были черным-черны. Я был в числе добровольцев, которые пытались спасти птиц, счищая нефть с перьев. Птицы все равно погибали. Это случилось почти пятьдесят лет назад, Барри.

Джерриберри вспоминал лекции по истории:

— Мне казалось, что это произошло в Англии...

— Таких случаев было несколько. Можно даже сказать, много. Сейчас мы транспортируем нефть посредством телепортации, а кроме того, людям не нужно так много нефти.

— Правильно, машин ведь нет.

— Источников нефти тоже практически нет.

Они отправились дальше.

Из подводной кабины осмотрели искусственный риф, сложенный из старых автомобилей. Мертвые тела машин утратили изящество форм; время, ил и суeta мелких рыбок скрадывали линии. Искореженный металл давно съела ржавчина, но то, что осталось, облепили моллюски, сохранив расплывчатые очертания машин. Кое-где виднелись приборные доски и сиденья. Кусок фибергласа торчал, как будто его бросили сюда вчера.

Автомобили-призраки.

Риф уходил в серую бесконечность.

— Об Ист-Ривер ходили анекдоты, будто вода в ней вспыхнула и вся сгорела, — такая здесь была грязь, — сказал Уайт. — Что мы видим теперь?

Мимо проплывали большие клочья грязной пены, увлекая с собой куски металла и пластмассы.

— Не слишком красиво, — заметил Джерриберри.

— Возможно, но это не прежняя сточная канава. Телепортация помогает избавляться от мусора.

— Наверное, дело в том, что я не видел настоящей грязи. Нефтяные пятна, озеро Мичиган, Миссисипи. Может, вы преувеличиваете? Насколько в самом деле телепортация облегчила уничтожение отходов?

— Имеются документы, в том числе фотоснимки.
— Тем не менее людям удобнее бросать мусор не в ваши волшебные бездонные баки, а в реку.

— Увы!

— И после того, как мусор собран, с ним нужно что-то делать.

— Как вы проникательны, Барри! — Уайт посмотрел на Джерриберри странным взглядом. — Сейчас вы все увидите.

Набирая код, Уайт прикрывался свободной рукой.

— Код секретный, — объяснил он. — Мы направляемся в экспериментальную лабораторию компании «Джамп Шифт». Территория у нас небольшая, ведь опыты в области телепортации не связаны с особым риском.

Однако территория оказалась весьма обширной. Посреди площадки стояло огромное сборное здание из гофрированного железа. Сквозь прозрачную стену кабины Джерриберри были видны другие здания, выстроенные на голой земле. Солнце стояло на полпути к горизонту. Если бы знать, где север, можно было бы определить широту и долготу.

Очень высокая и очень черная женщина в рабочей одежде приветствовала Уайта радостными возгласами. Уайт представил ее как доктора физики Джемини Джонс.

— Джем, где здесь уничтожают радиоактивные отходы?

— Корпус четыре.

Волосы Джемини торчали вверх и в стороны, как лепестки черного георгина, и от этого женщина казалась еще выше. Она взглянула на Джерриберри с искренним любопытством:

— Репортер?

— Ага...

— По глазам видно. Вам бесполезно маскироваться.

В корпусе № 4 Джем Джонс проводила их к окну из нескольких слоев толстого свинцового стекла, пробитому в металлической стене цилиндрической камеры.

— Каждые двадцать минут, — сказала она, — к нам поступает контейнер. С нашим приемником связаны передатчики крупнейших электростанций Соединенных Штатов. Приемник работает непрерывно. Если контейнер, попав в приемник, телепортируется обратно, приходится выяснять, в чем дело, а это непросто, потому что чаще всего неприятности происходят с самосвалом...

— С самосвалом? — переспросил Джерриберри.

Джемини Джонс удивленно заморгала.

— Минутку, Барри! — сказал Уайт. — Вы знаете, какие отходы самые вредные?

— Нет, подскажите.

— Радиоактивные отходы атомных электростанций. Их направляют сюда, а мы отсылаем их на космический корабль-самосвал. Вы должны знать, что это такое.

— Конечно, это...

— Это передвижной телепортационный приемник с открытым концом. Обычно его устанавливают на космическом зонде. Контейнер с отходами влетает в приемник со скоростью, отличной от скорости движения самого приемника. Предполагается, что он вылетит оттуда через открытый конец, а значит, приемник должен быть повернут в нужном направлении. Самосвал, разумеется, работает только в вакууме.

— Вот и контейнер, — тихо произнесла Джемини Джонс.

В металлическом цилиндре появился какой-то предмет и тут же исчез. Джерриберри не успел его разглядеть.

— А где находится ваш самосвал?

— Обращается вокруг Венеры, — ответил Уайт. — Вначале он предназначался для обслуживания второй экспедиции на Венеру. Через самосвал можно переправлять что угодно: горючее, кислород, воду, продовольствие, даже небольшие машины. Самосвалы обращаются вокруг всех планет Солнечной системы, кроме Нептуна. Когда первая экспедиция закончилась, самосвал остался на орбите. Сначала мы думали, что будет вторая экспедиция, но оказалось, что Венера этого не стоит. Сейчас мы используем ее в качестве свалки — больше ни на что она не годна. Итак, если самосвал сориентирован правильно, то теоретически через него можно переправить неограниченное количество отходов. Несколько передатчиков, один приемник. Груз находится в приемнике доли секунды. Если приемник оказывается перегруженным, часть груза возвращается в передатчик, затем снова направляется в самосвал. Без проблем.

— Сколько это стоит?

— Невообразимо дорого. На уничтожение другого, менее вредного, мусора мы не можем тратить столько денег. Может быть, со временем нам удастся снизить затраты, — Уайт стал недоуменно оглядываться. — Не возражаете, если я сяду?

Рядом стоял карточный стол, на нем были разбросаны

пластиковые пакеты из-под напитков, вокруг стола были расставлены откидные кресла. Уайт опустился на сиденье неожиданно тяжело, хотя Джем Джонс старалась его поддержать.

— Позвать доктора Янеско? — встревожилась она.

— Не нужно, Джем. Я просто устал. Здесь есть вода?

Джерриберри еще раньше заметил автомат. Он заплатил доллар и получил пластиковый пакетик кока-колы. Обернувшись, он едва не столкнулся с Джеммини Джонс.

Она заговорила тихо, но убедительно, даже сурово:

— Оставьте его в покое! Вы его загоняли!

— Это он меня загонял, — прошептал Джерриберри в ответ.

— Я вам верю. Только не позволяйте ему гонять вас так быстро. Доктор уже немолодой человек.

Уайт раскрыл пакет и залпом выпил кока-колу.

— Ну вот, уже лучше, — вздохнул он и снова взбодрился. — Вы видите: мы не засоряем землю, а очищаем ее.

— Согласен.

— Спасибо. Зря я вам это рассказал. Вы что-то говорили о погроме на улице Санта-Моника?

— Погром продолжается, и меня по-прежнему обвиняют в том, что я его спровоцировал.

— А вы по-прежнему обвиняете «Джамп Шифт».

— Это зависит от подхода, — терпеливо объяснил Джерриберри. — Допустим, десять человек из миллиона хотят ограбить магазин. В Соединенных Штатах таких охотников наберется четыре тысячи. Чтобы попасть на улицу Санта-Моника, этим четырем тысячам потребуется ровно столько времени, сколько уходит на то, чтобы нажать двадцать одну кнопку.

Уайт заговорил резким тоном:

— Чего вы хотите от нас? Вы запрещаете нам изобретать?

— Нет, конечно! Изобретайте на здоровье! — Джерриберри вскрыл еще один пакет кока-колы.

— Что именно?

— Не знаю. Изобретайте то, что нужно, — он опустошил пакет. — В процессе решения всякой задачи возникают новые задачи, но это не значит, что нужно отказаться от решения первоначальной.

— Давайте решим вашу задачу.

Они сидели, потягивая кока-колу. Джерриберри на-

слаждался отдыхом. «И правда, старик меня загонял, — подумал он».

— Главное — толпа.

— Точно.

— Пусть работает схема: один приемник и множество передатчиков. Сейчас каждая кабина может принимать груз из любой другой кабины города. Вы можете сделать кабину, которая только передает?

— Конечно, — Уайт оторвался от своего пакета. — Кабине присваивается незарегистрированный код, и она является потенциальным приемником, потому что нужно принимать воздух в обмен на груз.

— Что это даст...

— Добавим к коду кабины букву «Э» — «Экстренная ситуация» и сделаем так, что вызвать ее можно будет только из полицейского или пожарного участка. Затем устанавливаем эти кабины в местах, где могут собираться толпы, то есть везде. Вы сами говорили.

— Говорил.

— Нам придется удвоить число кабин или вдвое урезать число принимающих кабин. Люди будут вынуждены проходить пешком вдвое большее расстояние, чем проходят сейчас, передвигаясь по городу. Оправдано ли это?

— Я уверен, что этот погром не последний, — сказал Джерриберри. — Беспорядки вновь входят в нашу жизнь, как туризм. Туризм утратил популярность, когда распространились телепортационные кабины малого радиуса действия. Сети дальней телепортации постепенно возрождают его. Представьте себе непрекращающийся ползучий погром — толпу, которая кочует с места на место, крушит и грабит.

— Какой ужас!

— Не расстраивайтесь, — Джерриберри положил руку старику на плечо. — Вы герой. Вы совершили чудо и не виноваты в том, что делают люди. Возможно, вы спасли мир от гибели. Ведь к тому времени, когда появилась телепортация, загрязнение окружающей среды достигло угрожающих масштабов.

— Ну да!

— Мне пора. Времени осталось мало, а я хочу еще кое-что выяснить.

Таити. Иерусалим. Мекка. Остров Пасхи. Стоунхендж.

Мировые достопримечательности. Места, куда толкает человека первый порыв. Названия, которые все знают с детства.

Мекка. Миллионы мусульман (нужно узнать точную цифру) пять раз в день кланяются, поворачиваясь в сторону Мекки. Коран требует от мусульманина хотя бы раз в жизни совершить паломничество в Мекку. В этом городе развита только одна отрасль промышленности: изготовление предметов культа. А попасть туда можно, нажав несколько кнопок.

Иерусалим. Священное место для приверженцев трех мировых религий. Евреи до сих пор, празднуя исход из Египта, желают друг другу: «В будущем году встретимся в Иерусалиме». Здесь и сейчас совершается история. И сюда можно попасть, нажав несколько кнопок.

Стоунхендж. Загадка древних времен. Кто воздвиг эти каменные монументы? Когда? Для чего?

Этого никто никогда не узнает наверняка. У северо-восточных ворот от главной аллеи отходит дорожка, петляет между холмиками и взбирается на гору, а там стоит кабина дальней телепортации.

Сейчас в Стоунхендже одиннадцать вечера, в Мекке и Иерусалиме час ночи. Там ничего не увидишь. Джерриберри перечеркнул эти названия.

Эйфелева башня, Пирамиды, Сфинксы, Ватикан — проклятье! Все достопримечательности мира собраны в одном временном поясе. Что можно увидеть в полночь?

Таити. Скажи «тропический рай», и всякий, кто тебя услышит, ответит: «Таити». Когда-то такой же репутацией пользовались Гавайи, но Гавайи оказались слишком близко к цивилизации. Со временем она пришла на Гавайи. Таити, затерянный в диком Южном полушарии, возможно, избежит подобной участи.

Джерриберри набрал код — и все вокруг зашаталось. Джерриберри прижался к стене кабины, похолодев от страха. Ведь если бы сейчас не произошла передача скорости, он бы погиб. Наверное, передача произошла не совсем синхронно. Ерунда, просто он слишком много знает.

На таможне было шесть принимающих кабин разных

образцов. Единственный таможенник безнадежно смотрел сквозь непрерывный поток прибывающих пассажиров, не видя никого в отдельности. Джерриберри влился в поток туристов.

Это были большей частью мужчины. Некоторые несли чемоданы, почти все — видеокамеры. Англичане, американцы, французы, немцы, реже испанцы или русские, в большинстве одетые по-летнему и очень бедно — в дешевые и потрепанные вещи. Они стремились к выездным кабинам — прямоугольным, с одной стеклянной стеной. Такие выпускаются странами Общего Рынка. На лицах у многих Джерриберри заметил беспокойство и испуг. Наверное, их смущает новое, современное и чистое здание. И это тропический рай? Неоновые огни, кондиционеры...

Джерриберри стоял в очереди к телефону и вдруг сообразил, что автомат не примет ни его монеты, ни кредитную карточку. По дороге к обменной кассе он решил осмотреть телепортационные кабины. Они принимали только французские деньги. Джерриберри купил пригоршню тяжелых монет и вернулся в очередь.

Людам приходится привыкать к путешествиям. Точно.

Робот-путеводитель, говорящий по-английски, сообщил Джерриберри коды городских кабин Папэте.

И вот он снова кочующий репортер. Набираешь код — смена кадра. Бросаешь монету, осматриваешься, набираешь код. Прорезь для монет расположена не так, как дома, сами монеты не такие: слишком большие и тонкие, а вместо кнопки — диск с дырочками. Немного практики — и Джерриберри ко всему приспособился.

Прибрежную полосу занимали недостроенные здания самых причудливых форм — отели. Самые густые толпы в Папэте были на пляжах и в воде. Потом Джерриберри не мог вспомнить, какого цвета песок на Таити: он его толком не видел.

В городе Джерриберри заметил огромные кварталы современных домов со стеклянными фасадами, еще строящихся и уже построенных. Видел старые трущобы и старые виллы. Улицы, где бы они ни пролегали — среди лачуг, особняков или небоскребов, — были всюду перегорожены палатками и наспех сколоченными дощатыми хибарками и пристройками, которые едва не вплотную подступали к телепортационным кабинам, скамьям и гораздо более необходимым передвижным

туалетам. Несколько кварталов занимал рынок под открытым небом. С обеих сторон его ограничивали ряды палаток. Попасть на рынок или выйти оттуда можно было только через телепортационные кабины.

«Они пошли дальше нас, — подумал Джерриберри. — Если есть кабины, кому нужны улицы». Джерриберри не почувствовал восхищения, ему стало горько.

Здесь было много нищих. Поначалу Джерриберри не замечал их: он слишком быстро переносился с места на место. Потом обратил внимание, что, где бы он ни оказался, к кабине тут же бросаются двое-трое обитателей лачуг. Джерриберри стал у подножия небоскреба, осажденного палатками скваттеров, и принялся наблюдать за нищими. Среди них встречались аборигены: мужчины, женщины, дети — одинаково бронзовые, в одинаковом тряпье, с одинаковыми повадками. Они составляли незначительное меньшинство. Больше оказалось белых, а среди них еще больше приезжих. Они протягивали к Джерриберри руки, улыбаясь или делая печальные мины, и начинали просить, пытаясь угадать, на каком языке он говорит. Частенько угадывали. Джерриберри постоял в других местах — нищих было полно везде.

Таити — мечта белого человека.

Джерриберри вдруг почувствовал, что ему это надоело. В списке кодов был один загадочный. Джерриберри набрал его. Когда он открыл дверь кабины, воздух с шумом устремился наружу. Джерриберри широко открыл рот, чтобы не лопнули барабанные перепонки.

Какой вид! Джерриберри стоял на вершине горы. У ног толпились другие горы. Серо-голубые пики, белые шапки облаков, зеленые и желтые лоскутки долин, а вдаль море.

Неподалеку находилась конечная остановка автобуса. На площадке как раз разворачивался старенький грейхаунд. Водитель затормозил напротив Джерриберри и что-то дружелюбно крикнул по-французски. Джерриберри улыбнулся и энергично завертел головой. Водитель пожал плечами и уехал.

Отсюда до города два-три часа езды. До того как появились телепортационные кабины, маршрут, скорее всего, сюда не доходил. Продлив маршрут до кабины, компания не просто спасла свое дело, а продвинула его вперед. Автобус отошел переполненный. Бизнес процветал.

Джерриберри долго стоял на горе, упиваясь видом окрестностей. Вот красота, прославившая Таити. Приятно было сознавать, что после демографического взрыва на Таити хоть что-то уцелело.

Немного погодя Джерриберри вспомнил, что у него нет времени, и направился к кассе.

Молодой билетер отложил книгу в бумажной обложке и любезно улыбнулся:

— Да?

— Вы говорите по-английски?

— Конечно, — он был одет в униформу, но цвет кожи и черты лица выдавали таитянина. Молодой человек хорошо говорил по-английски, с акцентом, непохожим на французский. — Вам нужен билет?

— Нет, спасибо. Я хотел бы с вами поговорить, если вы не заняты.

— О чем вы хотите поговорить?

— О Таити. Я репортер.

Молодой человек улыбнулся уже не так любезно:

— Вы собираетесь нас бесплатно рекламировать?

— Вроде того.

Улыбка погасла.

— Возвращайтесь домой и скажите, что на Таити нет больше места!

— Я это понял. Я только что из Папэте.

— Я имею честь владеть домом в Папэте. У нас хороший дом, но мы вынуждены были выехать оттуда. Мы не могли, — он волновался и не мог говорить так бегло, как ему хотелось, — не могли выйти на улицу. Нас окружили, — тут он произнес неизвестное Джерриберри слово, — своими палатками, а купить телепортационную кабину для дома мы не могли. У меня нет таких денег. Перенести общественную кабину ближе к подъезду было невозможно, потому что, — опять это слово, — заняли всю улицу. Полиция бессильна против них.

— Почему?

— Их очень много. Мы не звери и не можем их расстреливать. А это единственный способ борьбы с ними. Они приезжают сюда без денег, без вещей, им негде жить. Нищие — еще полбеды. Вы расскажете об этом у себя на родине?

— Я записываю, — ответил Джерриберри.

— Гораздо страшнее богатые, которые строят здесь отели. Скоро они превратят наш остров в один огромный

отель. Смотрите! — Он указал на склон горы, закрытый от него стеной киоска. — «Плейбой-Клуб» строит под нами очередной отель.

Джерриберри увидел временные постройки и огромную стальную коробку с вертолетными винтами наверху. Он заснял строительство, окружающие его горы и перевел объектив на страдальческое лицо билетера.

— Я вспомнил слово — скваттеры! — вдруг выпалил билетер. — Я уверен, что в моем доме сейчас живут скваттеры. Мы уехали, а они заняли наш дом. Скажите всем, что с нас довольно скваттеров!

— Скажу, — пообещал Джерриберри.

Перед тем как уйти, он еще раз посмотрел вокруг: зеленые долины, синие горы, полоска моря вдаль, но взгляд невольно останавливался на непрерывном потоке материалов, льющемся на строительную площадку «Плейбой-Клуба» из телепортационной кабины третьего типа.

Остров Пасхи. Огромные каменные статуи с головами из красного вулканического туфа и с длинными торжественными лицами. Они лучше, чем по документальным фильмам, известны людям по мультикам («Помолчи, пока эти археологи не уберутся», — шепчет одна статуя другой), но даже документальные снимки не способны отобразить их тяжеловесное величие. И сюда можно попасть, лишь набрав код... которого нет в справочнике. Где-то он должен быть, как же иначе? Наверное, перуанское правительство не горит желанием принимать на Острове Пасхи миллионы туристов.

Другая сторона медали. Телепортация делает любое место бесконечно доступным, но лишь при условии, что там есть кабина. Набирая код «Лос-Анджелес Интернэйшнл», Джерриберри с довольным видом ухмылялся. Есть средство защиты!

IX

В полицейском участке на Пурдю Авеню с ним никто не хотел разговаривать.

В мире мгновенных перемещений только репортеры обладают терпением. Джерриберри не унывал.

И вот какой-то чиновник снизошел до того, чтобы сказать:

— Слушайте, у нас нет времени. Люди заняты — наводят порядок на улице Санта-Моника.

— Наводят порядок? Значит, погром кончился?

— Почти. Из Чикаго доставили технику, с помощью которой в старые времена подавляли беспорядки. Похоже, опять придется ее производить. Но погром кончается.

— Прекрасно!

— Еще бы. Конечно, мы не всех задержали. Группа грабителей захватила грузовую кабину в подвале у «Пенни» и через нее вывезла добычу. Сами бандиты спаслись тем же путем. Не хотел бы я, чтобы они опять здесь появились. У этих мерзавцев уже есть оружие.

— Непрерывный ползучий погром?

— Что-то в этом роде. Слушайте, мне некогда. — Он бросился к телефону.

Джерриберри остановил на бегу другого чиновника, но тот сразу узнал его.

— А-а-а, вы тот человек, из-за которого все началось. Позвольте пройти!

Джерриберри ретировался.

Летний закат. Снова время коктейля...

Выйдя из полицейского участка, Джерриберри почувствовал необъяснимое головокружение и прислонился к стене. Слишком много перемен. За три с половиной часа он несколько раз сменил время, место и климат. Из вечернего Нью-Йорка — в яркий день на морском побережье, потом в сухой зной Долины Смерти, затем — в ночную Сахару. Джерриберри с трудом припоминал, где он был. Он потерял ориентацию во времени и в пространстве.

Почувствовав себя лучше, он отправился в «Кав-де-Руа». Для каждого человека существует оптимальное соотношение перемен и постоянства. Мало перемен — человек томится от скуки, нет постоянства — он пугается и теряет способность адаптироваться к новым условиям. Тот, кто женится шестой раз за десять лет, не станет менять работу. Тот, кого служебные обязанности вынуждают много путешествовать, постарается сохранить стабильность в семье. Женщина, привязанная к семье и хозяйству, будет менять наряды, заведет любовника или станет ходить в гости.

Телепортация приносит перемены и не дает постоянства. Для многих клубы были элементом стабильности. Клубы объединялись в ассоциации, человек мог выйти

из дома в Вайоминге, а закончить вечер в таком же клубе в Денвере. Члены клубов старались походить друг на друга. Человек, который меняет роли, будет менять клубы. В клубах люди общались: они больше не встречались в автобусах, аэропортах, на лестничных площадках. В одном клубе ты можешь поболтать ни о чем со случайным знакомым, в другой идешь, когда хочется серьезно побеседовать. В «Бич-Клабе» всегда развлечешься партией в теннис.

«Кав-де-Руа» был создан для успокоения. Опрокинуть стаканчик в прохладном полумраке бара — именно то, что сейчас было необходимо Джерриберри. Наблюдая за игрой света на боках бутылок, он старался вспомнить имя. Вспомнив, записал в блокнот и не спеша допил свой стакан.

Гарри Мак-Корд всю жизнь прослужил в полиции, последние двенадцать лет он был шефом полиции Лос-Анджелеса. Всего лишь год назад он вышел в отставку. Робот-путеводитель не сразу сообщил его адрес: Мак-Корд жил в Орегоне.

Его домик стоял в сосновом лесу. Сидя на крыльце, Джерриберри смотрел на грязную дорогу, которая связывала Мак-Корда с цивилизацией. Дорога заросла травой, а телепортационная кабина была новенькая.

Расположившись на крыльце, они пили пиво.

— Преступления — это очень общее место, — сказал Гарри Мак-Корд.

— Преступления и телепортационные кабины, — уточнил Джерриберри. — Я хочу знать, как повлияло на вашу работу то, что у преступника появилась возможность мгновенной смены местонахождения?

— О-о-о!

Джерриберри ждал.

— Я думаю, значительно затруднило. Кабины появились... когда? В девяносто девятом? Они распространились не сразу. У нас было время, чтобы приспособиться... Некоторые помещали кабины в квартирах, а когда их грабили, предъявляли претензии к нам.

Мак-Корд разговорился. Он всегда был видной фигурой в обществе и хорошо говорил.

— Кражи. Онёры были даже здесь. Если в доме или квартире была сигнализация, полиция прибывала на

место происшествия почти мгновенно. Если вор был достаточно расторопен, чтобы скрыться, то украсть он ничего не успевал... Были сложные охранные системы, которые запирали дверь телепортационной кабины изнутри и таким образом задерживали преступника до прибытия полиции. Среди воров также имелись профессионалы, которые умели перехитрить любую охранную систему. Такого поймать невозможно, если, конечно, он еще не ушел. Случалось, задерживали воров с поличным только потому, что они забывали запастись монетами для пользования кабиной. Был такой — Лон Уиллис. Он имел обыкновение ставить в дверь кабины распорку, которая держала ее открытой, пока он работал в доме. Если срабатывала сигнализация, Лон бежал в соседнюю квартиру и телепортировался оттуда. Это был ловкий трюк, мы так и не схватили Уиллиса. Однажды ночью, когда сработала сигнализация, он побегал в соседнюю квартиру, а хозяин квартиры проделал в его голове маленькую, но очень уместную дырочку.

Убийства. Алиби отошло в область преданий. Человек мог веселиться на Гавайях, отлучиться в Париж и убить там другого человека быстрее, чем принять ванну. Как сделал Джордж Клейтон Ларкин. Правда, для оплаты телепортации он воспользовался своей кредитной карточкой, потому и попался. А у Люсиль Дауни закончились монеты, и она, по локоть в крови, подошла к газетному киоску разменять банкноту.

— Карманные кражи. У вас есть потайной карман?

— Конечно, — сказал Джерриберри.

У него был внутренний карман с пластмассовым вкладышем, на молнии. Чтобы расстегнуть ее, нужно было тянуть двумя руками.

— Залезть туда трудно, но возможно.

— Что у вас там? Кредитная карточка?

— Точно.

— Их можно аннулировать в считанные минуты. В кармане сейчас много не возьмешь. Иначе на улице Санта-Моника была бы драка, а не погром.

Контрабанда. С ней даже не пытались бороться.

— Наркотики. Я не знаю как бороться с их распространением. Каждый, кому нужны наркотики, достает их. Мы арестовываем кого можем, но что это дает? Я согласен с Дарвином.

— Что вы имеете в виду?

— Следующее поколение не будет употреблять наркотиков, так как оно будет происходить от здоровых родителей. Я бы легализовал электрическую стимуляцию. Если бы имел право. Пропуская ток через центр наслаждения, ты получаешь удовольствие, которого тебе не может дать ни один наркотик. Ты и смотреть не станешь в сторону торговца опиумом.

— Погромы. Погром на улице Санта-Моника — первый успешный погром за последние двадцать лет. Полиция может прекратить погром, когда он только назревает. О толпе, в которой зарождается погром, мы говорим «горящая толпа». Мы стараемся держать такие ситуации под наблюдением с тех пор, как появилась техническая возможность.

Мак-Корд умолк, взвешивая, стоит ли говорить дальше.

— Видите ли, платные кабины появились сначала у магазинов, потом в жилых районах. И вот тогда, когда «Джамп Шифт» поставила кабины в трущобах, погромы прекратились.

— В этом что-то есть.

— Это еще не все, — засмеялся Мак-Корд. — Когда кабины появились в трущобах, не стало трущоб. Почти все их жители куда-нибудь переехали. Теперь ведь ничего не стоит ездить на работу в другой город.

— Как вы думаете, почему полиция не сумела остановить погром на улице Санта-Моника?

— Это интересный случай, согласны? Сегодня я побывал на Санта-Монике. Вы видели грузовую телепортационную кабину в подвале универмага «Пенни»?

— Нет.

— Там поработал профессионал. Этот человек знал, что делает, — ни в чем не прокололся. Наверное, тренировался на модели. Мы нашли первый приемник в цепи, но дальше не продвинулись, потому что кто-то прикрывал отход. Он испортил приемник и куда-то телепортировался. Настоящий профессионал. Какая-то команда гангстеров решила сделать погромы своей профессией.

— Вы думаете, это их первое дело?

— Думаю, да. Наверное, они поняли, что погромы такого типа неизбежны. Это говорит об их проникаемости. Горящая толпа не собралась бы так быстро, если бы не кабины дальней телепортации. Это совершенно

новое преступление. Я начинаю жалеть, что ушел в отставку.

— Как бы вы реконструировали кабины, чтобы облегчить жизнь полиции?

Об этом Мак-Корд не хотел говорить. Он ничего не знал об устройстве телепортационных кабин.

Семь часов. Интервью назначено на девять.

Джерриберри вернулся в «Кав-де-Руа». Он начинал нервничать и надеялся, что хороший обед и спокойная обстановка клуба утешат его сценическое волнение. Его несколько раз пригласили в компанию, он отказался. Джерриберри расположился за свободным столиком и принялся за еду, продолжая писать в блокноте.

Кабины для экстренных ситуаций. Передают в любое место, принимают только из полицейских и пожарных участков. Полиция закрывает все кабины в округе, кроме этих.

Нельзя, гангстеры скроются. Как же быть? По крайней мере, тем, кто не участвует в грабежах, нужно дать возможность покинуть зону погрома.

Ха-ха! Кабины для экстренных ситуаций передают в полицейские участки.

Перечеркнул и написал:

Все кабины передают только в полицейский участок.

Снова зачеркнул и написал:

Расширенный проект: а) из участка поступает сигнал «погром»; б) все кабины в округе перестают принимать; в) все кабины в округе передают на полицейский участок.

Джерриберри взялся за 'вилку. Не успев поднести ее ко рту, бросил и добавил строку: г) толпа погромщиков громит полицейский участок изнутри.

Какая идея!

Потягивая кофе, Джерриберри наконец привел мысли в порядок. Он отправился к телефону.

Секретарь «Семи шестерок» обещала соединить его с доктором Уайтом, как только тот появится. Джерриберри предупредил, что через два часа этого делать уже не стоит, чем, кажется, доставил ей удовольствие.

Мак-Корда дома не оказалось.

Джерриберри вернулся за свой столик, дрожа от нетерпения. Ему во что бы то ни стало нужно узнать, возможно ли... Иначе он будет пороть чушь — перед миллионами телезрителей.

Прошло двадцать минут. Джерриберри собирался позвонить еще раз, но тут к нему подошел метрдотель и сказал, что на проводе доктор Робин Уайт.

— Это технический вопрос, — сказал Джерриберри. — Я расскажу, что мне нужно, а вы ответите, возможно ли это, ладно?

— Выкладывайте.

— Полиция узнает, что собралась толпа, такая, как позавчера на улице Санта-Моника. В управлении нажимают кнопки, каждая из которых отключает кабины на небольшой территории.

— Сейчас так и делают.

— Ну да, сейчас полиция отключает кабины, а я хочу, чтобы происходило что-нибудь более сложное, например, чтобы кабины принимали вызовы только из полицейских и пожарных участков, а передавали только в полицию.

— Это можно сделать, — Уайт задумался, прикрыв глаза. — Хорошо. Полиция будет освобождать невиновных, направлять в больницы пострадавших и задерживать явных преступников, записывая все имена. Блестяще! Приемник поставим наверху скользкой наклонной плоскости, а внизу устроим огромную камеру... По крайней мере, приемник будет за решеткой.

— Можно выпустить специальные кредитные карточки для полиции и других представителей власти, которые позволят им проходить сквозь блокаду.

— Можно...

Вдруг Уайт замолчал и нахмурился:

— В ваших рассуждениях есть одно слабое место. Если толпа будет действительно большая, люди раздавят либо камеру, либо друг друга, в зависимости от крепости стен. Вы думали об этом?

— Нужно, чтобы работали одновременно несколько участков.

— Сколько? Существуют пространственные ограничения. О чем вы думаете, Барри?

— На сегодняшний день пассажир кабины дальней телепортации должен набрать три кода, чтобы куда-нибудь попасть. Вы говорили, что можно усовершенствовать

систему вызова и набирать два кода. А можно обойтись одним?

— Не знаю.

— Нужно восстановить справедливость, — сказал Джерриберри. — Наша беда в том, что погромщики слетаются в одно место со всех концов Соединенных Штатов. Вот если бы использовать против них все полицейские участки Соединенных Штатов! Наполнились камеры в Лос-Анджелесе — включаем камеры в Сан-Диего или в Орегоне.

— Ну и вид у вас, Барри! — засмеялся Уайт. — Да вы мечтатель!

— Значит, нельзя?

— Конечно, нет. Погодите-ка, — Уайт поджал губы. — Есть выход. Это можно сделать, если оборудовать полицейские участки приемниками дальней телепортации и установить связь с гасителем скорости. Позвольте, тогда можно будет вызвать приемник дальней телепортации из любой кабины.

— Значит, можно?

— Осталось уговорить людей платить за это. Сконструировать такую систему не сложно. В течение двух лет мы могли бы ввести ее в эксплуатацию.

— Я могу на вас сослаться?

— Конечно. Мы продаем телепортационные кабины. Это наш бизнес.

X

Ток-шоу — чуть ли не единственное телевизионное развлечение. Покупая кассету, зритель заранее знает, что на ней записано. Другое дело — ток-шоу. Включая телевизор, человек не знает, что увидит. Затраты на съемку таких программ невелики, поэтому ток-шоу оказалось конкурентоспособным. Ток-шоу «Сегодня вечером» начинается в восемь тридцать, в самое престижное время.

В девять началось... Из кабин, стоящих вдоль улицы чуть выше последнего ряда домов, посыпались люди. Они метались туда-сюда, отыскивая переулки, ведущие к Стрэнду, прыгали через невысокий каменный парапет, отделяющий улицу от пляжа, и застывали, охваченные восторгом.

Из черноты моря к берегу катились буруны, горя голубым пламенем. Несколько минут — и пляж кишел людьми. Мужчины, женщины, дети, парочки, семьи. Держась за руки, люди смотрели в море. Они топали по мокрому песку, прыгали, как дикари, и взвизгивали, с восторгом глядя, как под ногами вспыхивает голубой свет. На песке выросли горы одежды. Купающиеся теснились в воде, брызгая друг в друга голубым сиянием. Перед ток-шоу многие успели принять дозу спиртного или еще чего-нибудь. Те, кто еще был трезв, спешили исправить упущение. По зову программы «Сегодня вечером» они прилетели сюда за счастьем. У многих в руках были пакетики или мешочки с марихуаной.

Толпа растянулась вдоль берега, как большая змея, затопила мол и все прибывала.

Джерриберри Янсен телепортировался в студию за час до интервью. Ему показалось, что он попал в муравейник, такой яростный беспорядок царил вокруг. Джерриберри стал спрашивать Уоша Эванса. Эванс в этот момент пробежал мимо, случайно обернулся и резко остановился.

— Привет, — сказал Джерриберри. — Посоветуемся или сразу в эфир?

— Поговорим, — сказал Эванс с растерянным видом. — Видите ли, Янсен, вы больше не сенсация. Возможно даже, интервью не состоится.

Джерриберри выругался.

— Я слышал, что погром подавлен.

— Даже больше. Задержали воровку, с которой все началось.

— Прекрасно!

— Если можно так выразиться. Только один из тысячи человек, заявивших о том, что знают ее, оказался прав. Ее зовут Ирма Хеннесси, живет в Джерси-Сити, разъезжает по всей стране. Говорит, что никогда не крадет в одном и том же магазине дважды. Янсен, она прелесть. Мечта репортера. Честное слово, я был бы счастлив, если бы ее сейчас освободили. Я взял бы интервью у нее.

— Значит, я больше не виновник погрома на улице Санта-Моника? Вы переключились на Ирму Хеннесси? Что ж, хорошо. Я себя неловко чувствовал в положении знаменитости. Все?

«Все, что я наездил, все, что узнал сегодня, — все

зря, — думал Джерриберри. — Сделать, что ли, научно-популярный видеофильм?»

— Нет, — сказал Эванс. — На Эрмоза-Бич тоже случился погром.

— Что за черт!

— Ерунда какая-то. — Эванс прикурил сигарету и заговорил сквозь зубы: — Знаете Гордона Лундта, звезду видеозэкрана? Сегодня он выступал в программе «Сегодня вечером» и обмолвился об огненном приливе на Эрмоза-Бич. Он сказал, что там очень красиво. И все тут же решили, что им просто необходимо увидеть огненный прилив.

— Что там происходит?

— Насколько я знаю, никто не пострадал. Никто ничего не разрушил. Толпа иначе настроена, и там нечего красть, кроме песка. Это оргия счастливых. Просто там чертовски много народу.

— А-а-а, безумная толпа. Само собой, — сказал Джерриберри. — Безумная толпа может собраться везде, где есть телепортационные кабины.

— Правда?

— Да. Так было всегда. А с появлением сетей дальней телепортации толпы собираются гораздо быстрее. В некоторых местах, например на Таити, толпа, раз собравшись, уже не убывает... Что случилось?

— Мне пришло в голову, Янсен, — усмехнулся Уош Эванс, — что нам нечем вас заменить. Вы готовились к выступлению, правда?

— Целый день, — Джерриберри вынул свой «Майнокс». — Я побывал во всех мыслимых местах. Здесь есть несколько интервью, — он достал магнитофон. — Отредактировать бы, но времени не осталось.

— Не надо, дайте сюда, — Эванс отобрал у Джерриберри камеру с магнитофоном. — Это можно обработать позже. Может, получится специальный выпуск. Свежие новости сейчас на Эрмоза-Бич. А вы, кажется, знаете, как это случилось и что нужно делать. Вы хотите дать интервью?

— Я? Конечно!

— Отправляйтесь к Бейли и возьмите у него телекамеру. Так-с, сейчас девять пятнадцать. Черт возьми! Даю вам полчаса. Смотрите во все глаза, снимайте, потом ко мне. Постарайтесь узнать побольше об этой — как

ее — безумной толпе на Эрмоза-Бич. Будем говорить о ней.

Джордж Бейли обернулся к Джерриберри, театральным жестом указал на единственную камеру, оставшуюся на столе, ладонью зачесал волосы к затылку и снова отвернулся к экранам.

Джерриберри с удовольствием ощутил тяжесть камеры. Он взял список кодов Эрмоза-Бич и направился к кабинам. В животе булькал кофе: Джерриберри пожадничал за обедом. Он вдруг остановился, пораженный внезапной мыслью.

Достаточно единственного центра наблюдения за общественным порядком. Зачем разворачивать сеть полицейских участков: достаточно одного приемника дальней телепортации и здания размером со стадион Янки-Стадиум. Туда поместится любая толпа. Пусть там дежурит подразделение федеральной полиции. Толпы стали бедствием всех штатов. Один большой центр дешевле разветвленной сети, и его можно быстрее построить.

Не сейчас. Сейчас — за работу. Он шагнул в кабину, набрал код и исчез.

ТАЙНА СТЕКЛЯННОГО КИНЖАЛА

Двенадцать тысяч лет до Рождества Христова, когда чудеса были не так редки, один великий маг для продолжения и сохранения своей жизни воспользовался одним старинным средством.

После он жалел об этом. Он держал секрет Магического Диска в тайне в течение нескольких поколений. Демон-меч Глирендрей и его глупый слуга-варвар давно убили бы Мага, если бы не Секрет, который был сильнее демона.

Теперь секрет на воле и распространяется по свету, как круги по воде. Ну как не рассказать о битве Мага с Глирендреем! Тот, кто не знает, что волшебство исчерпаемо, не может считаться волшебником. Вот такой простой и страшный секрет. Удивительно, что никто не заметил этого раньше.

Через год после схватки Мага с Глирендреем, летним днем в селении Шаил, что недалеко от жилища Мага, появился Аран из Лиги Блустителей Мира, чтобы выкрасть Магический Диск.

Аран был худощавый восемнадцатилетний юноша хрупкого сложения, с острыми чертами продолговатого лица. Темные глаза сверкали из-под нависших бровей, а черные волосы, прямые и жесткие, закрывали лоб. Ни для кого не было тайной, что Аран оборотень. Всякий, кто пожимал ему руку, тут же определял это по тонким коротким волосам на ладони. Но если бы кто-то догадался о миссии, с которой прибыл Аран, и высказал свою догадку, его сочли бы сумасшедшим.

Маг был видной фигурой в Гильдии Волшебников. Люди знали, что у него есть имя, но никто не мог произнести его. Маг заключил своего названного отца, демона-тень, в рунические литеры, которые велел вытатуировать у себя на спине, и таким образом приобрел необычайно сильного телохранителя.

Однако и Аран был хорошо защищен. На плече у него висела кожаная сумка, старая, потертая, располза-

ющаяся по швам. Непосвященным казалось, что в ней ничего нет, кроме орехов, сыра, хлеба и нескольких монет, но на самом деле в ней хранились магические формулы. Аран надеялся на магию больше, чем на орехи и сыр, и питался ею по ночам.

Он подошел к пещере Мага вскоре после захода солнца. Ему сказали, что нужно делать, чтобы обмануть охрану Мага, но для того, чтобы колдовать, нужны голос и руки, поэтому Арану пришлось принять человеческий облик, и теперь он нервничал вдвойне. Дождавшись, когда взойдет луна, он пропел нужные слова, достал из сумки живую летучую мышь и бросил ее между прутьями ограды у входа в пещеру. Летучая мышь лопнула, и тягучий кровавый туман растекался по каменному полу пещеры. У Арана подкатил к горлу комок, он едва не бросился бежать, но, подавив в себе страх, подошел к ограде и стал протискиваться между прутьями.

Те, кто его послал, не раз рисовали ему план пещеры. Он мог с завязанными глазами отыскать там то, что нужно. Аран предпочел бы полную темноту мерцающему голубому свету, который исходил от молнии, застрявшей в полу посреди пещеры. Он двигался быстро, стараясь не сбиться с дорожки безопасности, о которой ему столько раз говорили.

В лаборатории Классической Коммерческой Школы на Атлантиде Арану показывали орудия колдовства, и все же многое из того, чем пользовался Маг, Аран видел впервые — в то время не было массового производства. Аран задержался у рабочего стола, разглядывая блестящий предмет. Зачем Магу понадобилось точить стеклянный кинжал? На стене Аран увидел диск из вороненого металла и по руническим буквам, украшавшим его, понял: это то, за чем он пришел. Он схватил диск и поскорее пристегнул к поясу, освободив руки для борьбы. Он уже собирался уходить, но тут раздался смех:

— Ах ты, сукин сын! Положи на место!

Аран превратился в волка. Нестерпимая боль ожгла его в том месте, где диск касался тела. В человеческом облике Аран был хрупким мальчиком; в волчьей шкуре он был огромен и страшен, но сейчас это не спасло его. Аран-волк взвыл от боли и побежал, не видя дороги.

Он очнулся не сразу. Сначала ощутил тупую боль в

голове, затем жгучую в бедре. Ноги и руки не слушались. Должно быть, на бегу он ударился головой о стену. Аран лежал на боку, не открывая глаз и не подавая каких-либо признаков жизни. Он потянулся и почувствовал, что руки и ноги его связаны. Да, он знает заклинание, которое освободит его от веревок, но лучше воспользоваться им после того, как удастся что-нибудь узнать.

Аран приоткрыл глаза.

Маг сидел рядом в позе лотоса и ухмылялся, разглядывая Арана. В руке он держал тонкую лозу. Маг был дородный и смуглый. Легенда гласила, что Маг никогда не носил одежду выше пояса. Трудно было понять, сколько ему лет: можно было дать и двадцать, и пятьдесят. На самом деле ему было сто девяносто лет, и он этим кичился, потому что его здоровый вид свидетельствовал о силе его волшебства.

Диск висел на прежнем месте.

Ждет очередную жертву? Настоящий Диск сделан из меди; те, кто послал Арана к Магу, хорошо это знали. А этот, поддельный, что так сильно обжег его, изготовлен, скорее всего, из серебра.

Маг сидел с мечтательным, отсутствующим видом.

Пожалуй, не все потеряно, подумал Аран, пока он не следит...

— Кплир... — начал Аран.

Маг стегнул его лозой по шее. Лоза оказалась неожиданно тяжелой. У Арана перехватило дыхание, и он завертел головой, хватая ртом воздух.

— В этом слове четыре слога, — проговорил Маг. — Ты никогда не выговоришь его до конца.

— Глюк! — вырвалось у Арана.

— Я хочу знать, кто тебя сюда прислал.

Аран не отвечал, хотя дыхание уже восстановилось.

— Ты не простой вор, однако ты не волшебник, — сказал Маг почти задумчиво. — Я слышал, как ты читал выученные заклинания. Это первичные формулы, их легко исправить в случае ошибки, но все они звучали правильно. Кто-то прибегает к метафизике и предвидению, чтобы шпионить за мной. Кто-то хорошо осведомлен о том, как я охраняю свой покой, — сказал старый Маг. — Мне это не нравится. Я хочу знать, кто и зачем следит за мной.

Аран по-прежнему молчал. Маг продолжал:

— Твой хозяин знал, за чем нужно охотиться, и у него хватило ума, чтобы не явиться за Диск самому. Он послал глупца.

Маг смотрел Арану прямо в глаза:

— А может быть, он думал, что оборотень скорее перехитрит меня. Кстати, в веревках есть серебряная жилка, так что оставайся лучше человеком.

— Ты знал, что я иду к тебе?

— Конечно! Тебе не приходило в голову, что я тоже практикую метафизику и предвидение? А твой хозяин понял это, — сказал Маг. — Он окружил тебя защитой — подвижной зоной, в которой метафизика не действует.

— Как же ты узнал о моем приходе?

— Дурак! Я был готов к тому, что придет вор, окруженный защитной зоной. Я не видел, кто вошел в мою пещеру, но я видел все вокруг него. Я проследил путь, по которому шел вор. Этот путь был очень прямой. Я понял, что тебе нужно. А еще оставались следы. Я рассмотрел их до того, как ты их оставил. Вместо того чтобы войти сюда сразу же по наступлении сумерек, ты ждал, пока взойдет луна. И это в ночь полнолуния! И все же неплохо придумано. Послать оборотня — блестящая идея! Мальчику твоего сложения нетрудно пролезть между прутьями ограды, а волк твоей комплекции сумел бы постоять за себя в драке.

— Меня это не раз выручало...

— Я хочу знать, как твоим хозяевам удалось уговорить тебя — уроженца Атлантиды? Они должны знать, что собираются украсть. Тебе сказали, что может Диск?

— Он всасывает волшебство, — ответил Аран, огорченный, но не удивленный тем, что Маг распознал его акцент.

— Всасывает ману, — поправил Маг. — Ты знаешь, что это такое?

— Сила, питающая волшебство.

— О, тебя многому научили. А сказали тебе, что мана, исчезая из какой-либо области, больше не возвращается туда?

Аран перевернулся на другой бок. Ему было нечего терять, и он заговорил прямо:

— Не понимаю, зачем тебе держать это в тайне.

Такая вещь, как Магический Диск, может сделать войну бессмысленной. Это самое мощное оборонительное средство из тех, что известны людям.

Маг, казалось, не понимал. Аран продолжал:

— Ты должен был об этом подумать. Ни одно вражеское проклятье не подействует на Атлантиду, если там будет Магический Диск, поглощающий волшебство.

— По всей видимости, тебя послал не министр нападения. Он знает больше. — Маг пронзительно взглянул на Арана. — А может, тебя послали Греческие Острова?

— Я тебя не понимаю.

— Тебе известно, что Атлантида тектонически нестабильна? В течение последних пятисот лет она удерживается над водой только силой заклинания волшебников-королей.

— Ты лжешь!

— А ты, по-видимому, нет. — Маг снисходительно махнул рукой. — Диск погубит любую страну, не только Атлантиду. Раскрути его — и на огромной территории волшебство умрет на всю оставшуюся вечность. Кому это нужно?

— Мне.

— Зачем?

— Мы устали от войны, — выпалил Аран, не замечив, что сказал «мы», — Магический Диск покончит с ней. Ты можешь представить себе армию, которой нечем воевать, кроме мечей и кинжалов. Прекратится обмен смертоносными заклинаниями. Не станет провидцев, предугадывающих намерения противника. Исчезнут демоны-убийцы, рухнут невидимые защитные стены, — глаза Арана заблестели. — Воин против воина, меч против меча — и никаких целительных заклинаний! Только кровь и бронза. Какой король согласится воевать на таких условиях? Мы навсегда покончим с войной!

— Мой опыт заставляет меня сомневаться в этом.

— Ты издеваешься надо мной. Ты просто не хочешь в это верить, — презрительно бросил Аран. — Иссахнет мана — и закончится твоя молодость, сохраняемая силой волшебства. Ты боишься состариться.

— Наверное. Ладно, давай теперь посмотрим, кто ты такой.

Маг коснулся лозой сумки Арана. Аран лихорадочно

соображал, что может Маг узнать по содержимому сумки. Если охранные чары не выдержат...

Разумеется, они рассеялись. Сумка открылась. Маг извлек оттуда еще одну летучую мышь и несколько листов пергамента, покрытых размашистыми записями и геометрическими построениями.

— Школьные прописи, — сказал он. — Как старательно выведены линии, педантично исправлены ошибки... Идиот! Забыл хвост Водоворота! Как только Водоворот не съел его? Неужто на меня напали школяры? Над этими заклинаниями явно трудились подмастерья.

Аран не отвечал, он потерял надежду что-либо изменить.

— Впрочем, здесь есть проблески таланта. Ты член Лиги Блустителей Мира, так? Ох уж эти юнцы! Уверен, что за тобой стоит половина выпускного класса Коммерческой Школы. Вы, должно быть, следили за мной несколько месяцев, если так легко расстроили мою защиту. Итак, ты хочешь прекратить войну с Греческими Островами? Считаешь, что тебе удастся это сделать с помощью Магического Диска? Что ж, я, пожалуй, отдам тебе Диск и отпущу тебя. Сделаю доброе дело в благодарность за то, что ты хотел обокрасть меня, — он сурово посмотрел на Арана. — Зачем ты это сделал? Скажи, зачем?

— Мы будем им пользоваться.

— Вы хотите потопить Атлантиду. Я не знал, что Блустители Мира стали изменниками.

— Я не изменник, — произнес Аран тихо, срывающимся от ярости голосом. — Мы хотим изменить Атлантиду, а не уничтожить ее. Если у нас будет Магический Диск, Дворец станет прислушиваться к нам.

Он скорчился в своих путах и мысленно произнес слово, которое могло освободить его. А освободившись, он превратится в волка — и бежать! Через ограду, вниз по склону, в лес — на волю!

— Я, пожалуй, сделаю тебя консерватором, — вдруг заговорил Маг. Он поднялся и легонько коснулся губ Арана лозой. Аран почувствовал, что не может разомкнуть губ. Он вор, пойманный с поличным, и находится в полной власти Мага.

Маг повернулся к Арану спиной, украшенной замысловатой татуировкой. Это был пятиугольник, составлен-

ный из красных, зеленых и золотых завитков. Аран вспомнил, что ему говорили о телохранителе Мага.

— Недавно мне приснилось, — сказал Маг, — что я найду применение стеклянному кинжалу. Мне казалось, что этот сон сбудется, поэтому я выгравировал...

— Это глупо, — прервал его Аран. — Что толку от стеклянного кинжала?

Он заметил этот кинжал на рабочем столе Мага, когда пробирался в пещеру. Кинжал имел четырехгранный клинок и округлую рукоять с гардой. К рабочему столу он крепился двумя скобами из лисьей кожи. Верхняя режущая кромка еще не была закончена.

Маг взял кинжал в руки. Аран ждал, а Маг тем временем с помощью дорогого алмазного резца наносил на стеклянное лезвие узоры. При этом Маг низким и мягким голосом произносил слова, которых Аран не мог разобрать. И вот Маг замахнулся кинжалом.

В испуге Аран не мог поверить тому, что видел. Он чувствовал себя как приносимый в жертву козел. Жертва есть мана, а человеческая жертва есть высшая мана, но он не хочет, не хочет! Маг высоко занес кинжал и вонзил его глубоко в грудь Арану. Аран вскрикнул. Он почувствовал лишь легкий толчок, и нож в груди стал неосязаемой тенью. Но он был в сердце Арана, в сердце Блустителя Мира, и из груди торчала рукоять.

Маг что-то быстро проговорил, и рукоять исчезла.

— Легко сделать стекло невидимым. Половины уже нет. А другая — в твоём сердце, — сказал Маг. — Но не тревожься и не думай об этом. Никто ничего не заметит. Старайся лишь оставшуюся жизнь провести там, где мана имеется в изобилии. Если ты окажешься в местах, где магия не действует, кинжал станет видимым, вот и все.

Аран отчаянно пытался открыть рот.

— Ты пришел за секретом Магического Диска. Теперь ты владеешь им. Это всего лишь простое кинетическое волшебство, причем незамкнутое, — сказал Маг. — Диск вращается, пока не исчерпает всю ману в окрестности. Со временем он набирает скорость и стремится разорваться. Поэтому тебе нужно знать другое заклинание, чтобы вовремя остановить диск, — и он дал Арану это заклинание, произнося его медленно и отчетливо.

Маг заметил, что Аран бьется в своих путах, как рыба на песке, и произнес:

— Килирапрантри.

Веревки соскользнули на пол. Шатаясь, Аран встал и, почувствовав, что может говорить, сказал:

— Пожалуйста, вытащи кинжал.

— Есть еще один довод в пользу того, чтобы доставить наш секрет на Атлантиду. Надеюсь, ты еще этого хочешь? Тебе придется описать его, прежде чем ты сумеешь воспользоваться им как оружием. Смотри — это нетрудно. Большая нация, такая как атланты, обычно имеет много врагов. А ты можешь сказать им, как в одну ночь потопить Атлантиду.

Аран оцупал грудь, но ничего не почувствовал.

— Вытащите его.

— Не считаю это необходимым. Теперь мы равны перед смертью, мой волчонок. До свидания. Передай мои наилучшие пожелания ученикам Классической Коммерческой Школы. Да, кстати, не возвращайся домой через Хвиринову расщелину.

— Обезьянье отродье! — прорычал Аран.

Он не стал больше ни о чем просить. Подходя к ограде, он снова был волком. Он чувствовал нож в груди и, пока не спустился с горы, слышал, как смеется Маг ему вслед.

В следующий раз он встретился с Магом через тридцать лет за тысячу миль от пещеры.

Когда была возможность, Аран шел в волчьей шкуре. Это было время великих чудес, оборотень мог менять свой облик всегда, когда в небе появлялась луна. В волчьем обличье Арану легче было раздобыть себе пропитание и сэкономить деньги на дорогу.

Его мысли были сплошным потоком проклятий по адресу Мага.

Как-то, обогнув небольшой холм, он вышел к селению Шаил. Аран оцетинился, вспомнив смех Мага, но он помнил также о стеклянном кинжале. Он представил, как впивается зубами ему в горло и глотает свежую кровь. Но тут перед его мысленным взором встал замысловатый цветной узор на спине Мага, и Аран ощутил во рту горечь поражения. Он не мог сражаться с демоном-тенью. Аран завыл и повернул на юг. Каменный хребет континента, Нилдисская гряда, вздыбился

перед ним. За перевалом было море, а там корабли, на которых можно доставить домой секрет Мага. Возможно, следующему вору повезет больше.

Вскоре Аран подошел к Хвириновой расщелине. Когда-то горный хребет был большим препятствием для торговли. Потом, почти тысячу лет назад, один волшебник из Райнилдисса сотворил чудо: расколол хребет надвое. Хвиринова расщелина полого спускалась к берегу, зажатая с двух сторон отвесными каменными стенами.

Время от времени здесь приходилось воевать с разбойниками. С каждым годом это становилось все труднее, потому что заклинания против разбойников здесь плохо действовали. Приходилось пускать в ход мечи. Зато заклинания хорошо действовали на грозных горных драконов.

У входа в расщелину Аран остановился и в раздумье присел на задние лапы. Что, если Маг его обманул. Возможно, он решил посмеяться над Араном, направив его в обход горного хребта.

Но перед Араном лежат кости дракона. Там, где магия не работает, драконы умирают.

Всюду валялись огромные драконьи кости. Окаменевшие от времени, они выглядели так, как будто покоились здесь уже десятки миллионов лет.

Аран вошел в расщелину в волчьем обличье. Если бы Хвиринова расщелина была неподвластна волшебству, ему бы пришлось принять человеческий облик, либо он вовсе потерял бы способность превращаться.

«Я могу пройти расщелину в волчьей шкуре, — подумал он. — Тогда меня ничем не убить, кроме серебра и платины. Стекланный кинжал должен причинять боль, но... Проклятье! Я неуязвим. А волшебство ли это? Если оно не действует в Хвириновой расщелине...» Он содрогнулся.

Кинжал был не более чем тень ощущения, которая через полчаса исчезла и никогда не возвращалась вновь. Но Аран знал, что кинжал здесь. Невидимый, он ждал своего часа в его сердце: если кинжал появится, Аран может выжить как волк, но если кинжал ранит его, он не сумеет больше превратиться в человека.

Он повернул назад и пошел прочь от Хвириновой расщелины. Вчера он проходил мимо деревни. Возможно, деревенский маг и поможет ему избавиться от кинжала.

— Стекланный кинжал? — Местный маг выругался.

Он был осанистый, веселый лысеющий человек, привыкший к хорошей жизни.

— Итак, я вас выслушал. Что именно вас беспокоит? Кинжал был с рукояткой? А заклинание было сложное?

— Не думаю. Он сделал рунические надписи на клинке, а потом ударил меня.

— Прекрасно! Платите вперед. Советую превратиться в волка — для безопасности.

Он назвал сумму, уплатив которую Аран лишился бы возможности вернуться домой. Аран уговорил его немного снизить цену, и маг принялся за работу.

Через шесть часов маг сдался. Он охрип, глаза его воспалились от дыма со странным запахом и цветом, а руки побледнели от зелий.

— Я не могу ухватиться за рукоять, не могу сделать ее видимой, не могу разобрать ни одного знака. Если я применю более сильное заклинание, ты погибнешь. Я отказываюсь, юноша. Тот, кто наслал на тебя это проклятие, знает больше, чем простой сельский волшебник.

Аран стряхнул с груди остатки едкого снадобья и сказал:

— Его зовут Великий Маг.

Местный маг одеревенел:

— Великий Маг?! И ты меня не предупредил? Уходи!

— А деньги?

— Ни за какие деньги я не стану этого делать! Меня, простого сельского труженика, ты пытался втравить в борьбу с самим Великим Магом. Мы оба могли погибнуть. Если ты хочешь получить назад свои деньги, пойдем к старосте. Не хочешь — проваливай.

И Аран ушел, изрыгая проклятия.

— Попытай счастья у другого мага, — неслось ему вдогонку. — Попробуй в городе Райнилдиссене! Но сначала расскажи ему всю правду.

Великий Маг принял трудное решение. Его секрет вышел на свободу и распространялся по свету. Самое лучшее, что мог предпринять Великий Маг, — это добиться, чтобы колдовской мир прислушался к его предупреждениям. Маг заявил в Гильдии Волшебников о том, что мана истощается, и рассказал о Магическом Диске.

— Думайте об этом всякий раз, когда творите чудеса! — гремел он с кафедры.

Но еще больший фурор произвел его доклад о Магическом Диске, полный технических подробностей.

— Мана не бесконечна, и с каждым годом запас ее убывает, так как тысячи магов расходуют ее. В древние времена жили существа, которые правили миром, как боги, пока вся их свирепая мощь не поглотила ману, которая одна и поддерживала их жизнь. Когда-нибудь она вся исчерпается. Тогда все демоны, драконы, единороги, тролли, вещие птицы и кентавры исчезнут с лица земли, поскольку их метаболизм частично основан на колдовстве. Испарятся все сказочные замки, и никто даже не узнает, что они существовали. А маги превратятся в жестянщиков и кузнецов, и в мире станет скучно жить. У вас есть множество возможностей приблизить этот день.

В ту ночь он видел сон. Дуэль между магами превратилась в модный сказочный сюжет. Таких сказок много, но они редко бывают правдивыми: победитель обычно не расположен выдавать профессиональные секреты, а побежденный, как правило, мертв. Новички в волшебстве постоянно удивлялись тому, как много времени требует подготовка к дуэли и как быстро происходит сама дуэль. Схватка Великого Мага с Сотрясателем Холмов, по существу, началась тогда, когда Маг увидел сон. После выступления Мага в Гильдии Волшебников дуэль стала неизбежной. Она закончилась через тридцать лет. Во сне противник так и не появился перед Магом, но Магу снился красивый сказочный замок, безобидный на вид. Замок приютился на вершине невообразимо крутой горы, возвышавшейся над плодородным бугристым ландшафтом наподобие вздыбленной волны. Замок с коньком на крыше балансировал на самом ее гребне.

Маг нахмурился во сне. Такая гора могла рухнуть без всякого колдовства. Глупец, построивший замок на горе, растрачивал ману. Маг сосредоточился и постарался запомнить детали. Вверх по склону вилась узкая тропинка. Отдельные события и детали путались. Кажется, Мага кто-то сопровождал, или... никого не было... Маг смутно ощущал, что он был жив, когда проходил через ворота, или... у ворот он умер в агонии, когда

огромные зубы слоновой кости пронзили его тело. Он заставил себя проснуться и попытался разобраться в том, что видел. Похожий на тень спутник был действительно необходим, по крайней мере на пути к воротам. Что делалось за воротами, Маг не мог вспомнить. Там нужно пустить в ход Магический Диск, чтобы полностью подавить колдовство противника. Что это? Поэтические грезы? Он трудился целых три дня, составляя заклинания против колдовского искусства Сотрясателя Холмов. В это время он спал без сновидений. Волшебство противника оказалось не менее сильным, чем его собственное.

В гавани на якоре стояли большие корабли. Там были грузовые суда со странными фигурами на носах, которые ограничивали их подвижность, и крысы свободно бегали по швартовам.

Огромный пассажирский лайнер из Атлантиды был оснащен сдвоенными шлюпками, выдолбленными из древесных стволов. У ближайшего дока одиноко маячила грациозная яхта какого-то мага. Аран задумчиво разглядывал корабли. Он потратил много денег, добираясь сюда. Через неделю после прибытия в Райнилдиссен он поступил к торговцу коврами на службу телохранителем и сторожевой собакой, — к этому времени все деньги были истрачены.

Торговец коврами Ллорагинзей и его секретарша Ра-Харро вели профессиональный разговор с капитаном грузового судна из Африки. Аран ожидал в доке, наблюдая с полным безразличием за кораблями в гавани. Вдруг он насторожился. Мимо проходил бородастый человек, одетый в капитанскую юбку. Аран окликнул его:

— Эй, капитан! Вы идете на Атлантиду?

Бородач нахмурился:

— Тебе-то что?

— Хочу передать туда посылку.

— Обращайся к магам, — ответил бородач.

— Не хочу, — сказал Аран.

Он не мог рассказать магам, что хочет передать на Атлантиду наставления, как обокрасть другого мага. Иначе эти наставления давно уже были бы переданы.

— Маги сделали бы это быстрее и дешевле, — сказал капитан с некоторым удовлетворением. — Кого я должен отыскать на Атлантиде?

Аран дал ему адрес и поверх запечатанной посылки положил кошелек, с которым не расставался уже три месяца.

Итак, Аран тоже принял трудное решение. Его послание предупреждало жителей Атлантиды о тектонической нестабильности континента и содержало предложение, с помощью которого Блюститители Мира могли бы проверить достоверность полученных от Великого Мага сведений. Аран не включил в послание руководство по изготовлению Магического Диска. Вдали от гавани дельфины, русалки и водяные вели свои странные игры. На корабле из Атлантиды подняли паруса. Прилетевший неведомо откуда ветер наполнил их и, постепенно ослабевая, провожал корабль в открытое море.

Скоро у Арана будет достаточно денег, чтобы доехать до Атлантиды. Если бы не нужно было оплачивать услуги магов, у него уже собралась бы необходимая сумма. Но деньги ушли, а стеклянный кинжал остался на месте. А хозяин Арана Ллорагинзей не спешил делиться своими планами с телохранителем. Он понимал, что Аран покинет его, как только накопит денег.

Хозяин и его секретарша ступили на сходни. Ллорагинзей шел очень уверенно; трудно было ожидать этого от человека его лет. Грациозная его секретарша несла на голове образцы ковров. Ра-Харро что-то говорила, когда Аран подошел к ним. Кажется, то, что она говорила, предназначалось именно Арану.

— Начиная с завтрашнего дня, я на пять дней беру отпуск, — сказала она Ллорагинзей и покраснела.

— Хорошо, хорошо, — ответил Ллорагинзей, рассеянно махнув рукой.

Аран тоже понял. Он улыбался, но не смотрел на нее, чтобы не смутить. Он, не глядя, знал, что представляет собой Ра-Харро. У нее были черные, короткие и жесткие волосы, крупный плоский нос, карие мягкие глаза, а брови темные и густые. Ее уши были изящно изогнуты и стояли торчком. Желанная девушка для мужчин волчьей породы.

Они шли, держась за руки. Будь они на Атлантиде и будь Аран богаче, он подумал бы о том, чтобы жениться на ней. Здесь, конечно, об этом не могло быть и речи. Большую часть месяца они были друзьями и сотрудниками. Ночная жизнь в Райнилдиссене была

более подходящей для любви, а Ллорагинзей иногда обходился без них обоих.

Ллорагинзей мог делать такие исключения. Он не принадлежал к волчьей породе. Ему, возможно, было приятно думать, что плотские чувства поднимают голову. Но плотские чувства были тут ни при чем, за исключением пяти дней в месяц. Аран тогда с ней не виделся. Она запиралась в доме своего отца, и он даже не знал, где она живет.

Аран обнаружил ее на пятые сутки. Он сопровождал Ллорагинзея в Дом Удовольствий. Ллорагинзей собирался провести ночь... на воздушной подушке, плавающей в жидкой ртути, — постель, о которой Аран только слышал. Приятный сон не считался тогда последним удовольствием. Ночь была теплая и нежная. Аран возвращался домой окружным путем через пустырь. Три года назад здесь находился дворец мечтателя Шилбрея. Дворец был волшебный и считался верхом совершенства даже в те дни. В конце концов он, по выражению Шилбрея, износился. Однажды этот дворец исчез, и на пустыре не имели силы даже простейшие заклинания. Кто-то сказал Арану, что дома людей волчьей породы когда-то занимали несколько кварталов в этих местах. По-видимому, это была правда. Временами он улавливал знакомые запахи. Он пошел на один из запахов, желая взглянуть на дом, который построил богатый оборотень.

Манящий запах привел его к высокому дому с медной дверью... а затем другой запах ударил ему в ноздри, в кровь, в мозг. Всю ночь он провел, завывая, у дверей дома. Никто не пытался прогнать его. Соседи, должно быть, догадывались, что он скорее убьет нападающих, чем позволит себя прогнать. А может, им было все равно. Не раз он слышал в ответ тоскливый вой. Это был голос Ра-Харро. Рассудком он понимал, что через несколько дней ему придется извиняться за свое поведение. Она может подумать, что он пришел специально. Аран тянул песню печали, стыда и бедности.

Впервые эта участь постигла деревушку под названием Рат. Подмастерье из Гильдии, который однажды оказался здесь, нашел на дороге черные опалы. Он мог их собирать свободно, так как в деревне никого не было. Подмастерье был несколько озадачен этим. Он внима-

тельно осмотрелся вокруг и заметил разрушенный замок, — возможно, столетия пронесли над ним. А может, он был воздвигнут с помощью волшебства и рухнул, когда вся мана вышла из него, а это могло произойти и вчера, и на прошлой неделе. Эта странная история обрастала слухами. Подмастерье с тех пор разбогател на опалах. Черные опалы высоко ценились как средство для подкрепления проклятий, но все же опустошенная деревня не давала ему покоя.

— Сначала я думал, что это дело рук работорговцев, — сказал он однажды на собрании Гильдии. — Вокруг не было ни мертвых, ни живых. Однако работорговцы не убивают всех подряд. И почему они бросили драгоценные камни? Опалы валялись на улице, в пыли и в навозе. Я думаю, какой-то ювелир тайно вывозил их, а его тележка почему-либо опрокинулась. Но почему никто не подобрал камни?

Именно разрушенный замок вспомнился Великому Магу три года спустя, когда он услышал о местечке Шискабил. Он узнал об этом от сороки-колдуньи, которая свалилась ему на голову с неба и прошептала:

— Великий Маг...

Как только Маг узнал о случившемся, он сразу же двинулся в путь. Шискабил представлял собой группу каменных домов, окруженных каменной стеной, — по-видимому, жители покинули деревню внезапно: на столах стояла посуда с пересохойшей или сгнившей едой; мясо на вертелах обуглилось; не было видно ни живых, ни мертвых. Окружающая деревню стена осталась неповрежденной, хотя повсюду виднелись следы боя: разбитая мебель, сорванные с петель двери, испачканные запекшейся кровью копья, мечи, палки. Кровь была повсюду, черная и застывшая, как будто прошел кровавый дождь.

Колченогий был в Гильдии новичком. Это был худощавый молодой человек, серьезный и способный. Он слегка опасался той силы, которой управлял посредством магии. Попав в Шискабил, он бродил, втянув голову в плечи и пытаясь обходить места, где пролилась кровь.

— Наверное, это рок, — сказал Великий Маг. — Но я специально послал за тобой. За каменной стеной —

мертвая зона. Я подумал, что кто-то использовал здесь Магический Диск.

Правильной формы участок земли, на котором не действует колдовство, — прообраз мира, из которого ушла магия. В центре гряда каменных глыб, между которыми пробивается трава

Великий Маг обошел это место кругом, неохотно ступая по земле, где магия была бессильна. Ему приходилось ранее использовать Магический Диск против Глирендрея, когда тот убил его тень. Диск тогда высосал из Мага всю молодость, превратив его за несколько мгновений в двухсотлетнего старца.

— Деревня заколдована, — заметил Колченогий. — Я произнес несколько простых заклинаний. Уровень маны очень низок. Я не помню сколько-нибудь известных волшебников из Шискабила, а вы?

— И я не помню.

— Значит, все случившееся здесь — результат колдовства.

Колченогий произнес это слово еле слышно. Магия может быть злой. Он знал это. По зигзагообразной тропинке они подошли к границе мертвой зоны.

Великий Маг взмахнул руками, и каменные глыбы зашевелились, пытаясь подняться.

— Это остатки замка, — сказал Колченогий. — Интересно, как это получилось?

— Однажды что-то похожее пришло мне в голову. Скажем, ты накладываешь на Магический Диск серьезное кинетическое заклинание. Он начинает вращаться очень быстро, поглощая ману в компактной зоне.

Колченогий кивнул.

— Понимаю. Он сделал так, что Диск прочертил на земле узкую полосу, то есть границу между живой и мертвой зоной, замкнув эту границу, чтобы выносить и заносить свои орудия. Он оставил зигзагообразный проход, чтобы по нему не могли пройти заклинания, кроме того, против него нельзя использовать предвидение. Интересно... Интересно, что он хочет спрятать?

— А я хочу знать, что произошло в Шискабиле, — сказал Маг.

Он вспомнил мертвый барьер, за которым укрывался Сотрясатель Холмов. Его неторопливая дуэль с невидимым противником длилась двенадцать лет.

Через двадцать три года обнаружилась еще одна мертвая деревня, третья по счету. Хатзорил был опытнее и известнее Шискабила. Когда караван с грузом слоновой кости и красного дерева не прибыл к месту назначения, Великому Магу сообщили об этом. Жители, по всем признакам, покинули деревню всего за несколько дней до того, как там появились Великий Маг и Колченогий. Они нашли в кладовых запасы свежих продуктов, а на столах — недоеденные обеды. Разбитая мебель, готовое к бою оружие, сорванные с петель двери...

— А крови нет. Интересно, почему?

Колченогий был встревожен.

— Очень похожий случай, только бескровный. Все обитатели деревни исчезли в мгновение ока и против своей воли. Прошло десять лет, не более. Я уже перестал думать о Шискабиле... Вам приходилось бывать в этих краях прежде? Вам попадались мертвые зоны и разрушенные замки?

— Не замечал, значит, не попадались.

Молодой маг принялся растирать искалеченную ногу, которую мог бы исцелить за полчаса, если бы ему не жаль было отдать половину магической силы.

— Мы можем ошибаться. Если это дело его рук, значит, он применил какое-то новое средство.

В эту ночь Магу приснился непонятный сон с фейерверком. Он проснулся с мыслью о Сотрясателе Холмов.

— Давай обследуем окрестные холмы, — предложил он утром Колченогому. — Я хочу узнать, имеет ли Сотрясатель Холмов отношение к опустошенным деревням. Поищем на вершинах холмов мертвую точку.

Предприятие едва не стоило ему жизни. Последний холм, на который решил взобраться Колченогий, осыпался, и он съехал вниз. Это случилось на закате солнца, маги устали от восхождений на холмы и теряли терпение. Когда подошел Великий Маг, Колченогий соскользнул к подножию холма.

— Не будем трогать этот холм, — предложил Колченогий. — Едва ли кто-нибудь станет строить замок на этой куче песка.

Взглянув на Мага, он вскрикнул:

— Бежим отсюда! Вы стареете на глазах!

Маг, проведя рукой по лицу, обнаружил глубокие морщины. Вместе с Колченогим поспешил прочь от

холма, стараясь не оступиться и не поломать по-стариковски хрупкие ноги. За спиной он оставлял серебристый след из осыпающихся с головы седых волос. Когда они вышли из зоны с низким уровнем маны, Маг произнес старческим фальцетом:

— Я ошибался. Теперь я знаю, что он сделал. Мертвая точка находится внутри холма.

— Вас нужно омолодить. — Колченогий разложил на земле свои орудия: кусок древесного угля, серебряный нож, пучок листьев.

— Эта линия высасывает ману изнутри. Он, должно быть, довольно часто перемещается. Потому и создал гору наподобие вздыбленной волны. Когда волшебство исчерпалось, замок перевесил гору и опрокинулся вместе с ней. Сотрясатель может проделывать это без конца.

— Логично. А что, по-вашему, случилось в Хатзориле?

— Этого мы, возможно, не узнаем никогда. — Маг нащупал новые морщины в уголках глаз. — Я думаю, что там случилось что-то очень скверное.

В тот вечер он шел по торговому кварталу, разглядывая вывешенные на продажу ковры. Это было своего рода развлечение. Ковры образовывали настоящий лабиринт. Пробираясь по нему, Аран различал в рыночном гомоне знакомые голоса.

Аран торговал коврами в Райнилдиссене вот уже тридцать лет, сперва от имени Ллорагинзея, потом самостоятельно. Все ковры, от самых красивых и дорогих до самых простых и дешевых, стекались со всего континента и близлежащих островов в Райнилдиссен. Сюда прибывали оптовые перекупщики, разовые покупатели, эксцентричные богачи, желающие купить ковры для своих хором. Ковры радовали глаз яркими красками, но сегодня Арану не хотелось на них смотреть. Он решил покинуть город.

Из-за выделанной шкуры сфинкса вышел человек.

Он был лыс, как яйцо, но в расцвете сил и здоровья. Обнаженный до пояса, как портовый грузчик, в шароварах из дорогой материи, он держался вызывающе гордо. Аран понимал, что недопустимо пристально рассматривает незнакомца, но не мог отвести взгляд. В этом человеке было что-то знакомое.

Он прошел мимо, не глядя на Арана. Аран посмот-

рел ему вслед и вздрогнул, увидев татуировку на спине — пятиугольник, сотканный из разноцветных завитков.

Аран крикнул:

— Великий Маг!

В следующую секунду он пожалел об этом. Маг окинул его удивленным взглядом.

Маг совсем не изменился, разве что облысел. Но Аран вспомнил, что прошло тридцать лет, и ему самому уже под пятьдесят, и на его лице морщины, прочертить которые возрасту помогло богатство. Он вспомнил, что сам почти лыс и от его шевелюры остался треугольный лоскуток надо лбом. И во всех подробностях перед ним возникла сцена его первого знакомства с Великим Магом.

Тысячу ночей провел он без сна, строя планы отмщения. А теперь его единственным желанием было удрать.

— Прошу прощения...

Но вдруг в нем что-то встрепенулось, и он твердо сказал:

— Мы с тобой встречались!

— При каких обстоятельствах? — холодно спросил Маг. — Я не помню.

Аран ответил в самоуверенной манере, которую приобрел вместе с богатством и почетом. Он сказал:

— Я пытался обокрасть твою пещеру.

— Ты?! — Маг подошел ближе. — А-а-а, мальчик из Атлантиды! Ты больше не грабил магов?

— Я избрал более безопасный образ жизни, — спокойно ответил Аран, — и у меня есть причина настаивать на том, что мы знакомы.

— Знакомы? — Маг засмеялся так громко, что все, кто был на базаре, повернулись в их сторону.

Все еще смеясь, Маг взял Арана под руку и повел за собой. Они шли через торговый квартал.

— Я должен проверить одно предположение, — объяснял Маг. — Это мой собственный проект. Ну хорошо, мой мальчик, чем ты занимался последние тридцать лет?

— Пытался избавиться от твоего стеклянного кинжала.

— А-а-а, стеклянный кинжал... Помню, помню. Надеюсь, у тебя нашлось время для других занятий?

Аран чуть не ударил Мага, но сдержался, чувствуя, что в чем-то зависит от него.

— Твой проклятый кинжал изуродовал мне всю жизнь. Я пошел в обход, потому что боялся войти в Хвиринову расщелину. Когда наконец я попал сюда, я остался без денег и не мог уехать на Атлантиду. А еще нужно было платить магам, которые пытались избавить меня от этого чертова кинжала. Я нанялся к торговцу коврами Ллорагинзею телохранителем и сторожевым псом. Теперь я главный торговец коврами в Райнилдиссене. У меня две жены, восемь детей и несколько внуков, и мне кажется, что я больше не вернусь на Атлантиду.

Они купили вина у разносчика с двумя полными бурдюками на плечах. Зайдя за угол, выпили из большой медной чаши, которую предложил им разносчик. Маг спросил:

— Тебе удалось избавиться от кинжала?

— Нет, и ты должен знать об этом. Какое заклятие ты наложил на этот нож? Лучшие маги континента не могли даже дотронуться до рукояти кинжала, не то что вынуть его. Продажа ковров давала мне достаточно средств, чтобы оплатить их услуги, но в конце концов я перестал тратить на это деньги. Однако я не прекращал повсеместно распространять о тебе славу.

— Спасибо, — подчеркнуто вежливо сказал Маг.

Арану не понравилось игривое настроение Мага, и он решил побыстрее закончить разговор.

— Я рад, что мы встретились, — сказал он. — У меня есть к тебе дело. Что ты мне можешь сказать о маге, которого зовут Сотрясатель Холмов?

Маг насторожился:

— Что ты хочешь о нем знать?

— Правда, что в его заклинаниях используется чрезмерная мощь?

Маг удивленно поднял брови. Аран продолжал:

— Видишь ли, мы пытаемся ограничить применение колдовства в Райнилдиссене. Все население пострадает, если Райнилдиссен станет невосприимчивым к магии. Тогда не будет возможности остановить наводнение, ураган или нашествие варваров. Что тут смешного?

— Ничего, но не в стеклянном ли кинжале причина того, что ты заботишься о благосостоянии города?

— Не твое дело, Маг. Прекрати читать мысли.

— Больше не буду, извини.

— Хочу подчеркнуть, что речь идет не только о благосостоянии города. Если эта местность станет невосприимчивой к волшебству, русалки и водяные покинут залив. Кто тогда будет обслуживать оборудование доков и рыбную промышленность?

— Довольно, я полностью с тобой согласен. Ты знаком с проблемой. — Маг улыбнулся. — Ты должен быть с нею знаком.

— Прости, я, кажется, читаю проповедь, сняв шляпу. Уже десять лет, как перевелись драконы в Райнилдиссене. А те, что остались, мутировали и видоизменились. Когда я впервые очутился здесь, драконы держали киоски в самом центре города. Что ты делаешь?

Маг уже вернул разносчику пустую чашу и дергал Арана за руку.

— Иди за мной. Быстрее, пожалуйста, пока я не потерял тропинку.

— Какую тропинку?

— Я следую за туманным метафизическим видением: если я сойбюсь с тропинки, меня могут убить, и если не сойбюсь — тоже. Ну, а теперь в чем проблема?

— Вот, — сказал Аран, тыча пальцем в сторону фруктовых лотков.

Там стоял тролль — существо с головой обезьяны на человеческом теле, поросшем жесткой темной шерстью. Судя по росту, это была женщина, но ее груди были не больше, чем у самки обезьяны. В руке, почти человеческой по форме, она держала плетеную корзину. Яркие карие глаза смотрели на Арана с поразительно человеческим выражением. Затем их взгляд устремился на дыню в лотке.

Троллей следует уважать. Это представители давно вымершего вида *Ното habilis*, от которого произошел человек. Останки троллей в большом количестве сохранились в засушливых местностях Африки. Маги прошлых столетий научились оживлять троллей с помощью заклинаний.

— Кажется, ты ответил на один из моих вопросов, — спокойно, без тени насмешки сказал Маг.

— Прекрасно, — ответил Аран. — А мне нужно узнать, сколько маны расходуют тролли Сотрясателя Хол-

мов. Начнем с того, что уровень маны в Райнилддиссене никогда не был высоким. Сотрясатель Холмов должен пользоваться необычайно мощными заклинаниями, чтобы поддерживать этих троллей. — Он невольно ощупал кончиками пальцев грудь. — Мне очень не хочется покидать Райнилддиссен, но, если волшебство перестанет здесь действовать, у меня не будет выхода. Мне нужно знать соответствующие заклинания. Ты расскажешь мне о Сотрясателе Холмов, не так ли? Все, что можешь вспомнить. Большинство жителей Райнилддиссена приветствовало появление Сотрясателя Холмов. Когда-то слуги-тролли были повсеместным явлением. Они невероятно сильны, не испытывают боли и могут выполнять самые тяжелые работы. Не будучи людьми, они могут работать по выходным. Им не нужен сон, они не воруют... Райнилддиссен — старый город, с низким уровнем маны. Уже многие годы тролли не появлялись на улицах. У ворот города они рассыпались в прах. Но вот появился Сотрясатель Холмов со своими бессмертными троллями, которые не погибали у ворот города. Горожане платили Сотрясателю золотом и уважением. В течение пятидесяти лет воры свободно орудовали в городе, — рассказывал Аран Магу. — Теперь у нас снова полиция из троллей. Горожан нельзя упрекнуть в неблагодарности. Сотрясателя Холмов сделали членом большого Совета, невзирая на мои возражения. А это означает, что у нас нет средств противодействовать Сотрясателю Холмов.

— Прискорбно. Только почему ты говоришь: невзирая на возражения? Тыходишь в Совет?

— Да, я один из тех, кто утверждал законы, ограничивающие применение магии в Райнилддиссене. На другие законы меня не хватило. Загвоздка в том, что Сотрясатель изготавливает троллей не в городе. Никто не знает, откуда он их приводит. И если он понижает уровень маны, то делает это в другом месте.

— Так в чем же проблема?

— Допустим, тролли потребляют ману своим существованием. Я должен знать, так ли это.

— Думаю, что так, — сказал Маг.

— Я так и предполагал, Маг. Ты должен выступить в Совете, иначе...

— Не хочу.

— Ты должен это сделать. Сам я никого не сумею убедить. Сотрясатель самый уважаемый маг в округе, и он будет выступать против меня. Кроме того, все члены Совета держат в услужении троллей. Они не захотят поверить, что слуги отбирают у них ману. А если мы правы, то тролли вскоре исчезнут сами, поглотив определенное количество маны.

Тут Аран прекратил свою речь, заметив, что Маг слушает его с каменным лицом. Уже давно Маг ждал, когда Аран умолкнет. Маг красноречиво помолчал еще несколько секунд. Затем сказал:

— Вопрос ставится иначе. Выступать перед Советом — все равно что выкрикивать ругательства в адрес лесного пожара. Я пойду иным путем. А ты?

— Неужели Сотрясатель Холмов так опасен?

— Пожалуй...

Аран задумался.

Не собирается ли Маг просто использовать его? По лицу Мага, которое Аран часто видел в ночных кошмарах, ничего нельзя было понять. «Что я здесь делаю, — удивился Аран про себя. — Я задал чисто технический вопрос о троллях, получил ответ, а теперь...»

— Говори дальше. Мне нужно узнать о Сотрясателе как можно больше. Пойдем быстрее, — попросил Маг. — Сколько времени он здесь?

— Сотрясатель пришел в город семь лет назад, и никто не знает откуда. Он говорит без какого-либо акцента. Его дворец стоит на горе, которая, похоже, вот-вот упадет. Ты это знаешь?

— Да. Продолжай.

— Мы его редко видим — только тогда, когда он приводит партию троллей на продажу или является в Совет голосовать. Он маленького роста, темноволосый.

— Это может быть лишь видимость. Впрочем, опиши его: я его никогда не видел.

— Низкорослый, темноволосый, курчавый, с острым носом и подбородком. Носит темную одежду из мягкой материи, высокую островерхую шляпу и сандалии. На боку меч.

— Вот как? — Маг громко рассмеялся.

— Что тут смешного? Я тоже иногда ношу меч. Ах, да! У магов есть пунктик по поводу меченосцев.

— Вот именно. Это профессиональная шутка. Дело в том, что меч у нас — символ мужских способностей.

— О!

— Ты понимаешь? Волшебнику не нужен меч: он владеет более мощным оружием. Если же он таскает с собой меч, значит, он использует его как средство от импотенции,

— И помогает?

— Конечно. Это самая настоящая магия. Но при этом нужно, чтобы меч был с хозяином в постели.

Мимо проходил тролль. Улыбка Мага угасла. Он проследил, как тролль скрылся за воротами.

Они вышли из торгового квартала.

— Думаю, что Сотрясатель Холмов некромант.

— Некромант? Что это? Звучит неприятно.

— Это термин для обозначения нового и довольно гадкого течения в магии. Давай свернем влево.

Они нырнули в узкий проход. С обеих сторон над ними нависали верхние этажи. Под ногами чавкала грязь. Маг что-то буркнул, щелкнул пальцами, и грязь отодвинулась к стенам домов. Маг увлекал Арана дальше по проходу.

— Остановимся здесь. Присядем, если хочешь. Нам или мне одному придется побывать здесь еще раз.

— Маг, ты играешь мной? Какое отношение к дуэли между волшебниками имеет наша прогулка по этим трущобам?

— Хороший вопрос. Ты знаешь, куда ведет эта улица? Аран хорошо ориентировался в городе.

— Во Дворец Правосудия.

— Точно. А по пути — Дом Удовольствий и пустырь. Знаешь, это самое мертвое место в Райнилдиссене. Там когда-то стоял дворец мечтателя Шилбрея.

— Можно спросить...

— В здании суда, разумеется, тоже нет маны. Тридцать тысяч судей и десять тысяч подсудимых, молящихся о вынесении приговора или его отмене, усиленно поглощают ману. Если какое-либо из этих мест окажется между мной и Сотрясателем Холмов, он не сумеет использовать против меня предвидение.

Аран подумал:

— Но ты должен знать, где он находится.

— Нет, я должен только знать, где нужно находиться

мне. Чаще всего я этого не знаю. Мы с Сотрясателем ухитрились притупить метафизические чувства друг друга, но, как я полагаю, мне сейчас должен встретиться незнакомый переулочек. Я приложил все усилия, чтобы Сотрясатель не мог проследить за мной.

— Видишь ли, я изобрел Магический Диск. А Сотрясатель усовершенствовал принцип его действия, насколько я знаю, двумя способами. Естественно, он расходует ману в бешеном темпе. Возможно, он также повинен в массовых убийствах. Все это результат моей ошибки. Вот почему я должен убить его.

Тем временем Аран вспомнил, что жены ждут его к обеду. Он вспомнил, что хотел закончить разговор еще несколько часов тому назад. Он помнил также историю об одном далеком от магии человеке, которого вовлекли в дуэль между магами, и не забыл, что из этого получилось.

— Ну, мне пора, — сказал он, вставая. — Желаю успеха, Маг. Если я чем-нибудь могу помочь...

— Сражайся на моей стороне, — ответил Маг.

Аран раскрыл рот от удивления, а затем рассмеялся.

Маг терпеливо дождался, когда Аран умолк, затем сказал:

— Мне снилось, что в это время я увижу переулочек, который должен привести меня к воротам замка Сотрясателя Холмов. У меня было не так много полезных снов. Сон о Сотрясателе именно такой. Предвидение подсказывает мне, что если я пойду один, то буду убит.

— Может, выбрать другой переулочек? — предложил Аран.

— Нет, поздно. Время ушло.

— Смотри, — Аран шлепнул себя по солидному животу. Живот заколыхался. — Для человека это не слишком большой излишек веса. Я не кажусь безобразно толстым. Но у волка такой живот бывает в последнюю неделю беременности. Я не обращался к волку уже многие годы. Впрочем, я не обязан тебе что-то доказывать, — сказал Аран резко и зашагал прочь.

Маг нагнал его на углу.

— Клянусь, ты не пожалеешь, что остался со мной. Есть кое-что, чего ты не знаешь.

— Оставь меня, Маг. Ты собьешься с тропинки, — Аран усмехнулся Магу в лицо. — Почему я должен

сражаться на твоей стороне? Если я тебе действительно нужен, чтобы победить, то премного благодарен за доверие. Я видел тебя в тысяче кошмарных снов, тебя и твой стеклянный кинжал. Поэтому умирай в одиночку. А мне пора обедать.

— Т-с-с! — сказал Маг, глядя через плечо Арана.

Аран почуял трупный запах. Он проследил взгляд Мага, и проклятье застряло у него в горле.

Это был тролль, на этот раз самец, с огромным рюкзаком за плечами. Он приближался к ним. Маг сделал ему какой-то знак рукой, а может, это был какой-то магический жест.

— Хорошо, — сказал он, — теперь я могу сказать тебе, что бесполезно бороться с судьбой. Можешь поверить моему опыту. Тебе представляется шанс избавиться от стеклянного кинжала.

— Иди к черту. Я уже привык к нему.

— Оборотень! Если ты ничему у меня не научился, то, по крайней мере, запомни, что нельзя чертыхаться в присутствии мага.

— Прости.

Тем временем тролль подошел к ним вплотную. Маг взял его за руку и подвел к Арану.

— Помоги мне, пожалуйста, снять с него рюкзак.

Они стянули рюкзак, и Аран сам себе удивился. Неужели Маг заколдовал его, сделав послушным? Рюкзак был очень тяжелый, чтобы удержать его, Арану потребовалась вся его сила, хотя основную нагрузку принял на себя Маг. Тролль смотрел на них пустыми карими глазами.

— Отлично. Если бы я попытался сделать это где-нибудь в городе, Сотрясатель Холмов тут же узнал бы об этом. Но сейчас я знаю, где он. В Доме Удовольствий — ищет меня там. Глупец! Здание суда он уже обыскал. Ладно, ничего страшного. Ты слышал что-нибудь о деревушке Гат?

— Нет.

— А о Шискабиле?

— Нет, хотя...

Однажды люди из этой деревни купили у Арана шесть зеленых ковров.

— Да, небольшая деревня к северу от города. С ней, кажется, что-то случилось.

— Все ее жители ночью покинули свои дома, оставив там все ценные вещи и много крови.

— Да, точно, — вспомнил Аран. — И никто потом не мог этого объяснить.

— Первой была деревня Гат. Потом Шискабил, потом Хатзорил. С каждым разом все более крупные деревни. В Хатзориле он действовал умнее. Он нашел способ замаскировать свое жилище и не оставил крови.

— Но что он сделал? Куда делись люди?

— Что ты знаешь о мане, Аран? Ты знаешь только, что это сила, стоящая за магией, и что ее можно израсходовать. А что дальше?

— Я не маг, а торговец коврами.

— Ману можно использовать для добра и зла, ее можно исчерпать или передать от одного объекта к другому и от одного человека к другому. Некоторые люди, по-видимому, переносят ее с собой. Концентрированная мана содержится в камнях причудливой формы или в объектах, вызывающих всеобщее уважение, или в метеоритах. Много маны образуется в момент убийства, — сказал Маг. — Гораздо больше, чем нужно с точки зрения безопасности в наше время. Мой учитель часто предупреждал меня, чтобы я не работал на месте убийства, рядом с телом убитого человека или с оружием убийства. К боевому оружию это не относится. Война и убийство различаются по своим целям... В некромантии убийство используется как источник маны. Это самая мощная форма магии — настолько мощная, что к ней обратились только сейчас, когда уровень маны в мире сильно понизился. Уверен, что Сотрясатель Холмов некромант, — сказал Маг и обернулся к троллю. — Сейчас мы это проверим.

Троль безучастно стоял, опустив длинные руки. Его удивительно человеческие карие глаза наблюдали за Магом с достоинством, которое резко контрастировало с мощными надбровными дугами и волосатым телом. Троль не успел увернуться от петли, которую Маг накинул ему на шею.

Произошла мгновенная перемена. Аран отпрянул назад, хватая ртом воздух. Веревка Мага обвилась вокруг шеи настоящего человека. Это был мужчина лет тридцати, блондин, с бородой, в юбке носильщика. Живот его был рассечен мечом или кривой саблей. Аран по-

чувствовал запах тления (человек умер три или четыре дня назад) и запах того заклятия, которым он был связан. Он стоял, наблюдая за Магом с прежним выражением лица.

— Сотрясатель Холмов изобрел своего рода вечный двигатель, — сухо заметил Маг и поскорей отошел от мертвого человека. — В убитом человеке еще достаточно силы, и его можно использовать как послушного раба, придав ему вид тролля. Он потребляет большое количество маны из окружающей среды, ну и что? Когда мана в деревне Гат исчерпалась, тролли Сотрясателя Холмов убили своих хозяев, превратив их в троллей. Затем в удвоенном количестве они двинулись в Шискабил. В Хатзориле они, вероятно, применили удавки; они решили не проливать там ни свою, ни чужую кровь. Мне любопытно, когда он приступит к подобной операции в Райнилдиссене?

— Никогда! Мы все расскажем Большому Совету.

— А Сотрясатель — член Совета. И ты не станешь рассказывать об этом по секрету каждому члену Совета, потому что хотя бы один из них сообщит Сотрясателю об интригах против него.

— Тебе они поверят! — воскликнул Аран.

— Достаточно будет одного, кто не поверит и доложит об этом Сотрясателю, а тот натравит на людей троллей. Нет, ты сделаешь вот что, — сказал Маг не повелительным, а пророческим тоном. — Ты, во-первых, пойдешь домой. Во-вторых, потратишь всю следующую неделю на отправку твоих жен и детей из Райнилдиссена.

— Мой Бог, конечно!

— Обещаю, ты не пожалеешь, что послушал меня. И, в-третьих, если решишься, присоединяйся ко мне. Буду ждать на утренней заре ровно через неделю, начиная с этого дня, у северных ворот, придешь туда по улице, на которой расположен Дом Удовольствий, — приказал Маг, — и останавливайся время от времени, чтобы мертвая зона уничтожила твои следы. То же самое делай сегодня по дороге домой. Я не хочу, чтобы Сотрясатель Холмов проследил за тобой с помощью метафизики. Иди сейчас же, — сказал Маг.

— Я не могу решиться!

— Даю тебе неделю.

— Как я предупрежу тебя, что не приду?

— Никак. Это не имеет значения. Я пойду в любом случае. — Маг снял петлю с шеи живого трупa, повернулся и зашагал вдоль переулкa по своей тропинке.

Мертвый человек снова превратился в тролля. Он смотрел на Арана своими большими и по-человечески беспокойными глазами.

В эту предрассветную пору Дом Удовольствий был окутан плотным черным туманом. Торговец коврами Аран в нерешительности стоял у дверей, потом передернул плечами и пошел дальше.

Он шел, держа меч наготове. Туман становился светлее, но не рассеивался. Несколько раз Арану чудилось, что чудовищные темные тени гонятся за ним, но никто не нападал. На заре он был у северных ворот.

Вместо вьючных животных Маг взял с собой то ли ящериц, увеличенных в размерах с помощью колдовства, то ли драконов, мутировавших без всякой магии. Каприз природы сделал их огромными, как дачный летний домик. На одну из ящериц был навьючен багаж, а на второй было спаренное седло.

— Садись в седло, — торопил Маг. — Мы должны попасть туда до наступления ночи.

Несмотря на утреннюю прохладу, он был обнажен до пояса. Уже в седле он обернулся к Арану, который сидел сзади:

— Ты сбросил вес?

— Я постился шесть дней и занимался гимнастикой. Мои жены и дети уже четыре дня плывут на Атлантиду. Можешь представить, какие радости я видел в Доме Удовольствий.

— Не верю. У тебя живот плоский, как доска.

— Волк может долго обходиться без пищи. Вечером я плотно поужинал и сегодня не собираюсь есть.

Когда они вышли из Райниллиссена, туман рассеивался и утро сделалось прозрачным, ярким и жарким. Когда Аран обратил на это внимание, Маг сказал:

— Туман создал я, чтобы нас не заметил Сотрясатель Холмов.

— Мне кажется, я видел тени в тумане. Их создал тоже ты?

— Нет.

— Спасибо.

— Это Сотрясатель хотел напугать тебя, Аран. Но он не нападет на тебя, потому что знает: тебя нельзя убить, пока мы не доберемся до входа в его жилище.

— Теперь я понимаю, зачем нужны вьючные ящеры, — чтобы незаметно подобраться к нему.

— Это не так. Он знает, что мы приближаемся, и ждет нас.

Возле замка Сотрясателя Холмов земля была насыщена магией. Об этом можно было судить по пышной растительности: гигантские грибы, соперничающие друг с другом в изощренности форм и расцветок; лишайники, растущие в форме людей или зверей; деревья с искривленными стволами и ветвями, которые угрожающе топорщились при виде вьючных ящеров.

— Я бы мог заставить их говорить, — сказал Маг, — но я не доверяю им — они союзники Сотрясателя Холмов.

В красных отсветах заката замок Сотрясателя Холмов, уютно расположившийся на вершине сказочного холма, казался сложенным из розового мрамора. Изящная башня замка была словно специально построена для заточения похищенных девушек. Сам холм, как заметил Аран, не был столь вызывающе вздернут к небу, как тот, на котором Сотрясатель Холмов построил первый замок.

— Мы не сумеем использовать здесь Магический Диск, — сказал Маг, — на нас обрушится холм.

— Я все равно не позволил бы тебе применить Диск.

— Я и не взял его.

— Куда идти?

— Вверх по тропе. Он знает, что мы здесь.

— Готов ли к бою твой телохранитель?

Маг, казалось, задумался.

— О, в первый момент я не понял, о чем ты говоришь. Он убит в схватке с Глирендреем тридцать лет назад.

Слова застряли у Арана в горле, затем он зарычал:

— Почему ты не надел рубаху?

— Привычка. У меня масса странных привычек. Почему ты сердисься?

— Не знаю. С самого утра я глядел тебе в спину. Я думал, что могу рассчитывать на твоего демона-телохранителя, — Аран сглотнул тугой ком. — А теперь приходится рассчитывать только на самих себя.

— Вот именно.

— Ты возьмешь с собой хотя бы меч или кинжал?

— Нет. Пойдем!

К ним был обращен крутой склон холма. Ящерицам было трудно пройти по узкой извилистой тропинке. Аран с Магом спешили и продолжали восхождение. Маг сказал:

— Нет смысла скрываться. Мы знаем, что до ворот доберемся невредимыми. Знает и Сотрясатель... Прости, — и он рассыпал перед собой горсть серебряной пыли. — Дорога хотела сбросить нас. Очевидно, Сотрясатель думает, что с нами не стоит считаться.

В остальном восхождение прошло благополучно.

От массивных медных ворот замка их отделял прямоугольный водоем, через который был перекинут горбатый мостик. Перед мостом им впервые преградили дорогу.

— Что это? — прошептал Аран. — Я не представлял, что на свете живут подобные существа.

— Они и не живут. Это мутант. Можно назвать его драконом-отшельником.

Дракон-отшельник... Его спиральная раковина была так широка, что полностью закрывала ворота. Тонкое гибкое тело наполовину высунулось наружу; он вытянул шею, чтобы лучше рассмотреть пришедших. Блестящая, похожая на листья чешуя покрывала голову и шею, брюхо было голое и мягкое, коричневого цвета. Глаза напоминали черные мраморные шарики. Зубы были острые и белые, а передние резцы отсвечивали красным. Стоя на краю рва, Маг окликнул его:

— Эй, охранник! Тебе сказали о нашем приходе?

— Нет, — ответил дракон, — если бы вас ждали, мне бы сказали.

— Ждали! — захохотал Маг. — Мы пришли, чтобы убить твоего хозяина. Самое интересное, что он знает это. Почему же он не предупредил тебя?

Дракон наклонил бронированную голову. Маг сам ответил на свой вопрос:

— Он знает, что мы войдем в эти ворота, и пред-

полагает, что нам придется при этом переступить через твой труп. Он решил не сообщать тебе об этом.

— Это на него похоже, — голос дракона звучал низко и раскатисто, будто камни катились с горы.

— Похоже, да? Но если мы обречены пройти через ворота, почему бы тебе не отойти в сторону или не спрятаться за холмом? Мы сохраним это в тайне.

— Это невозможно.

— Послушай, дракон. Ты мутант. Звери, энергия которых пополняется за счет колдовства, вырождаются там, где низок уровень маны. Большинство мутантов нежизнеспособны. Это все относится к тебе, — сказал Маг. — Раковина не защитит тебя от настойчивого и решительного противника. Ты едва ли можешь рассчитывать на свою скорость и потому не станешь спасаться бегством.

— Это сложный вопрос, — ответил дракон. — Допустим, я сейчас покину свой пост, что дальше? Скорее всего, хозяин убьет вас, когда вы доберетесь до святилища. После — через неделю или две — он заинтересуется, как вы преодолели охрану. А еще через неделю он выйдет сюда, чтобы убрать от ворот мою раковину. К тому времени, если повезет, я буду на полпути к лесу. Возможно, он не заметит меня в высокой траве, — сказал огромный дракон. — Но все же лучше мне остаться здесь, у ворот. По крайней мере я знаю, откуда ждать нападения.

— Что ж, дракон, может, ты и прав, — сказал Маг, — прими мои соболезнования.

И он сосредоточил свое внимание на горбатом мостике, перекинутом через ров к воротам. Маг решил его материализовать, поскольку одна его половина была действительно материальной, а другая — лишь отраженной иллюзией.

И вот Маг сделал свое дело.

— Под водой проходит граница мертвой зоны, — сказал он Арану. — Смотри, не упади.

Когда Аран и Маг взошли на мостик, дракон спрятался в раковину. Торчала лишь покрытая чешуей голова. Аран побежал по мостику. Он не спешил превращаться в волка. Маг не был уверен, что Сотрясатель Холмов знает о способности Арана обращаться в волка. Он с уверенностью утверждал лишь, что они должны

войти в ворота. Поэтому Аран приберег силу оборотня и подступил к дракону с обнаженным мечом.

Дракон выпустил в него фонтан пламени. Огонь не причинил Арану вреда, так как он был заговорен против пламени драконов, но из-за пламени не мог видеть, что творится вокруг. Он почувствовал себя, как в аду, когда зубы дракона сомкнулись у него на плече. Дракон все сильнее сжимал челюсти, Аран вскрикнул, ударил мечом по блестящей чешуе, и дракон отпустил его, в бессильной ярости скрежежтнув зубами в сторону Мага, который, смеясь и размахивая руками, отскочил назад. Насколько знал Аран, Маг был без оружия!

Дракон рухнул. Его толстая шея была перерублена, не помогла и чешуя. Маг вытер оружие об одежду и показал его Арану. У того подступила к горлу тошнота.

Маг снова засмеялся:

— Что толку от стеклянного кинжала? Самое смешное в профессии мага то, что все ждут от него чудес.

— Но...

— Это всего лишь стеклянный кинжал. На нем нет никаких заклинаний, и Сотрясатель холмов не мог его обнаружить. Позавчера я попросил своего друга бросить кинжал в этот ров. Глупцы, подобные Сотрясателю, не видят стекла в воде.

— Прости мою несдержанность. Мне не нравятся стеклянные кинжалы. Что теперь?

Труп дракона и его раковина загораживали ворота.

— Если мы попытаемся пролезть сквозь ограду, то можем угодить в ловушку. Давай лучше перемахнем через нее.

— И побыстрее, — крикнул Аран.

— Да, быстрее, но имей в виду: он вездесущ.

Маг вскочил на раковину убитого дракона. Аран поспешно последовал за ним.

В святилище, сказал дракон. Эти слова звучали в ушах Арана, когда он стоял рядом с Магом. Сотрясатель, наверное, спрятался в подвале или в башне, в каком-нибудь укромном месте. Им придется пробиваться к нему, преодолевая всевозможные преграды, а Сотрясатель будет наблюдать за ними, оценивая их шансы. Примерно так, согласно преданиям, происходили схватки между магами...

Аран ощутил волчий аппетит и почувствовал такой

прилив энергии, какого не испытывал годами и десятилетиями лет. Ноги, упруго ступая, легко несли его тело. Взобравшись на вершину раковины, он застал Мага в полной растерянности. На них шла толпа вооруженных и закованных в броню скелетов. Их было не менее сотни. Аран закричал и обнажил меч.

Как убить скелет?

Маг тоже прокричал что-то, какие-то странные слова на языке Гильдии Волшебников. Скелеты в ответ завывали, казалось, вихрь подхватил их, приподнял и бросил на землю. Они стали растворяться в воздухе, как кольца дыма. Аран обернулся, чтобы посмотреть, как последний скелет исчезает за спиной Мага.

«Имя мне — легион». Скелетов, должно быть, воодушевлял какой-то демон, а Маг поймал его в ловушку, которая пустовала тридцать лет. Главная ошибка Арана и Мага состояла в том, что они настроились на восприятие многоликого демона. Маг повернулся к Арану спиной, и тот ничем не мог помочь ему. Внизу Аран заметил Сотрясателя Холмов, который стоял в глубине двора и размахивал руками, произнося заклинания. Аран открыл было рот, чтобы предупредить Мага, и тут увидел, что сделали с Магом заклинания Сотрясателя.

Маг превратился в дряхлого старика. От него остались лишь кожа и кости. Обескураженный, он стоял в замешательстве, потом выплонул на ладонь кучку почерневших камешков — все, что осталось от зубов, и начал оседать.

Аран подхватил его и почувствовал, что держит на руках мешок с костями. Он уложил Мага на большой раковине дракона. Маг тяжело дышал, и по всему было видно, что он долго не протянет.

— Торговец Аран!

Аран посмотрел вниз.

— Что ты с ним сделал? — крикнул он Сотрясателю.

Сотрясатель Холмов был одет как обычно: темное платье, сандалии и островерхая шляпа. На поясе, подерживаемом наплечной петлей, висел, едва не касаясь земли, меч с длинной рукоятью.

— Именно об этом я хочу поговорить. Я открыл формулу, которая действует так же, как Магический Диск, только правильнее. Ты в этом что-нибудь понимаешь?

— Понимаю.

— Как принято говорить у вас, неспециалистов, я высосал волшебство из твоего Великого Мага, и он стал таким, каким положено быть человеку в двести двадцать шесть лет. Надеюсь, это обеспечило мне окончательную победу. Сейчас я размышляю, стоит ли оставить жизнь тебе, Аран. Ты представляешь, что сделают с тобой мои чары?

Аран представлял, но все же попросил:

— Нет, расскажи. А еще расскажи, как ты узнал обо мне.

— От коллег, конечно, после того как я решил, что ты мой враг. Ты обращался ко многим магам с просьбой извлечь стеклянный кинжал из твоего сердца. Их было больше десятка.

— Да, их было больше десятка. Ну и что?

— Иди с миром и не возвращайся.

— Я должен забрать с собой Мага.

— Он мой враг.

— Он мой союзник. Я не оставлю его здесь.

— Что ж, забирай.

Аран нагнулся. Ему было сорок восемь лет, и он почувствовал, что горечь поражения вытеснила из него волшебный боевой задор. А Маг был не просто мумия. Чтобы спустить его дряхлое хрупкое тело с панциря дракона на землю, нужно было действовать очень осторожно.

В это время Сотрясатель Холмов распевал заклинания. Аран выпрямился и успел заметить лишь заключительные пассы. Затем заклинание поразило его. На мгновение ему показалось, что кинжал в его сердце снова стал видимым. Боль пронзила все его тело, словно тысяча натянутых пружин распрямилась внутри. Он болезненно ощутил, что форма его тела меняется. Его руки и ноги вытянулись вперед, череп стал плоским, глаза перестали различать цвета, нос вытянулся, губы раздвинулись, а зубы обнажились. Никогда еще превращение не происходило так быстро и не было таким полным. Сознание Арана помутилось. Он превратился в волка, беспомощно распластанного на гигантской улиточьей раковине. Лапы свисали во двор замка. Волк тяжело скатился на землю, с трудом встал на лапы, глухо зарычал и скованной походкой направился к Со-

трясателю Холмов. Сотрясатель был изумлен. Он принялся повторять заклинание и по мере приближения Арана говорил все быстрее. Он закончил, когда Аран был уже на расстоянии одного прыжка. На этот раз заклинание не произвело никакого эффекта, за исключением того, что Аран прыгнул. Сотрясатель отпрянул назад, но Аран впился ему в горло.

Именно в этот миг для Арана начался настоящий кошмар. Все, что было до сих пор, можно назвать сладкими грезами. Сотрясатель Холмов давно должен был умереть. Кровь фонтаном била из его сонной артерии, из горла вырывались ужасные булькающие звуки, но тем не менее он замахнулся мечом и пошел в атаку.

Волк Аран сделал круг, приблизился к противнику и отпрянул назад, рыча. Меч Сотрясателя прошел через его сердце. Рана тут же зажила, и Аран даже не удивился этому. Он снова прыгал и кружил и кусал врага, и снова меч поражал его, и снова он прыгал...

И так без конца. Сотрясатель Холмов истек кровью, но не умирал. Не уставал и его меч, а может, Арану это только казалось. Аран нападал только наверняка, когда это было для него безопасно, но каждый раз меч настигал его, и каждый раз, когда Аран завершал атаку, его пасть вырывала из тела Сотрясателя кусок плоти.

Он должен был победить, не мог не победить. Раны заживали, как только он их получал, а на теле Сотрясателя раны не заживали. Аран отрывал куски плоти от костей волшебника. Мозг Арана был по-прежнему затуманен. Он подчинялся лишь животным инстинктам. Снова и снова он бросал противника спиной на каменные плиты. Спина волшебника превратилась в кровавое месиво.

Четыре ноги надежнее, чем две. Именно звериный инстинкт подсказывал Арану, что Сотрясателя нельзя выпускать за пределы внутреннего дворика. Сотрясатель же пытался ускользнуть, должно быть, где-то в замке он хранил целительные магические средства. Но Аран не даст ему такой возможности.

Очевидно, Сотрясатель что-то сделал себе, что не давало ему умереть. Он об этом жестоко пожалеет. Волк Аран уже сильно покалечил его, перекусив сухожилия над пятками. Волшебник отбивался от него, стоя на коленях. Теперь Аран мог подступить к нему ближе.

Настоящий кошмар!

Блюститель Мира Аран ошибался. Если торговец коврами Аран в состоянии так долго рвать живую плоть агонизирующего человека, получая за каждый укус удар мечом, если он способен, несмотря на страдания, нападать так яростно на врага, то даже прекращение волшебства не заставит людей отказаться от войны. Пока будут на земле люди, они будут воевать снова и снова, убивая друг друга мечами, камнями и любым другим оружием, какое найдут.

Мозг Арана прояснился. Должно быть, дело в мече: мана, заключенная в мече, заменила ману, извлеченную из Арана при помощи того варианта Магического Диска, который создал Сотрясатель Холмов. Наконец Аран осознал, что меч сражается один. Сотрясатель был не более чем кусок мяса. Может быть, он и не умер, но двигаться уже не мог. Меч в его повисшей руке прыгал самостоятельно, все еще пытаясь держать Арана на расстоянии. Аран увернулся от лезвия, схватил рукоять меча зубами и потянул его из невредимой еще руки волшебника. Рука с бессмысленной решимостью пыталась удержать меч, но ее усилие оказалось недостаточным.

Ему пришлось вновь превратиться в человека, чтобы взобраться на раковину дракона. Великий Маг был еще жив, но силы покидали его. Аран возложил на него меч и принялся ждать. Маг постепенно становился моложе. До прежнего состояния было еще далеко, но по крайней мере он не выглядел дряхлым. Когда он открыл глаза, заморгал и спросил «Что случилось?», на вид ему было лет семьдесят.

— Самое интересное ты пропустил, — ответил Аран.

— Полагаю, ты победил. Прости меня. После схватки с Глирендреем прошло тридцать лет. Если учесть, что каждый маг в цивилизованном мире пытается сделать дубликат Магического Диска, ничего удивительного, что тот или иной волшебник усовершенствует его конструкцию.

— Он испытал свой Диск на мне.

— Вот как! — сказал Маг. — Наверное, тебя интересуется стеклянный кинжал?

— Я действительно думал об этом. Где он?

— У меня на поясе. Ты считал, что я оставил его в твоём сердце. Я видел сон, что он мне понадобится. Поэтому он у меня. И хватит об этом.

— Но он был у меня в сердце!

— Я сделал образ кинжала и вложил его в твоё сердце, а затем испарил.

Аран схватился за грудь:

— Ах ты, обезьянье отродье! Я тридцать лет был уверен, что нож сидит у меня в сердце.

— Ты забрался ко мне в дом, как вор, — напомнил ему Маг, — а не как званый гость.

Торговец коврами Аран за тридцать лет научился разделять подобное отношение к вора́м. С легкой горечью он сказал:

— Волшебники любят шутить, не так ли? Теперь я понимаю, почему никто не мог вынуть кинжал из моей груди. Ну что ж, теперь расскажи мне, почему заклинания Сотрясателя Холмов превратили меня в волка?

Маг вопросительно посмотрел на Арана:

— Что-о?

— Он протянул ко мне руки, высосал из меня всю ману, и я стал волком. Я даже потерял человеческий разум, а с ним и неуязвимость. Если бы он использовал обычный меч, а не заколдованный, он бы меня искромсал на куски.

— Я не могу этого объяснить. Ты должен был оставаться человеком, пока не...

Затем Мага осенила догадка. Его бледные щеки ещё сильнее побледнели.

— Скорее всего, — сказал он, — тебе это не понравится, Аран.

Аран смотрел в глаза Мага, в глаза семидесятилетнего старика, усталые и полные сострадания.

— Продолжай, — сказал он.

— Магический Диск — новое средство. Даже мертвые точки не так давно появились, как думают люди. Подобной ситуации не было раньше, вот и все. Люди считают, что оборотень — это человек, который умеет превращаться в волка. Это кажется очевидным. Вы не можете осуществлять превращение без лунного света. Вы сохраняете человеческий разум. Но представление об оборотнях до сих пор никак не доказано.

— Ты хочешь сказать, что я волк?

— Без волшебства — волк, — подтвердил Маг.

— Какое это имеет значение? — Аран перешел на шепот. — Большую часть жизни я прожил как человек. Какая разница... Ах, да!

— Это не имело бы значения, не будь у тебя детей.

— У меня восемь детей. И у них будут дети. И однажды мана исчезнет со всей планеты. Что тогда, Маг?

— Ты знаешь ответ.

— До конца вечности они будут дикими собаками.

— И никто не поможет им стать людьми.

— Этому не бывать! Я позабочусь о том, чтобы в Райнилдиссене не появлялись больше волшебники! — Аран выпрямился во весь рост. — Ты слышишь, Маг, волшебники будут запрещены! Колдовство будет запрещено! Мы сохраним ману для русалок и драконов.

Кажется, ему это удалось. Четырнадцать тысяч лет спустя на том месте, где когда-то стоял город Райнилдиссен, бытовали сказки об оборотнях. А волшебников на земле не осталось.

рассказы

Нейтронная ЗВЕЗДА

НЕЙТРОННАЯ ЗВЕЗДА

*Папе и Хоуп, которые первыми поняли,
что я знаю, что делаю.*

«Скайдайвер» вынырнул из гиперпространства за миллион миль до нейтронной звезды. Мне потребовалась минута, чтобы определить координаты корабля, и еще минута, чтобы вычислить искажение, о котором говорила Соня Ласкина перед смертью. Звезда величиной с нашу Луну находилась слева от меня. Я развернул корабль прямо на нее.

Я летел сквозь звездный компот, нет, сквозь звездную кашу. Нейтронная звезда находилась прямо по курсу, но я ее не видел, да и не рассчитывал увидеть: она была маленькая — одиннадцать миль в диаметре — и холодная. Вот уже миллиард лет, как на ней прекратился ядерный синтез. А с тех пор, как с BVS-1 произошла катастрофа, во время которой звезда испускала рентгеновское излучение и имела температуру пять миллиардов градусов по Кельвину, прошло, по крайней мере, несколько десятков миллионов лет. Теперь у нее осталась единственная примета — масса.

Корабль стал разворачиваться сам собой. Я ощущал тягу двигателя, работающего за счет энергии ядерного синтеза. Без моей помощи мой верный металлический конь выводил меня на гиперболическую орбиту, двигаясь по которой я должен был в какой-то момент оказаться на расстоянии мили от поверхности нейтронной звезды. Сутки туда, сутки обратно, и в течение этих сорока восьми часов что-то постарается меня убить, как уже убило Ласкиных.

Их выводил на орбиту тот же автопилот, по той же программе. Корабль Ласкиных не упал на звезду — автопилоту можно доверять. А можно и не доверять. Пожалуй, стоит внести изменения в программу.

И как меня угораздило ввязаться в эту историю?

Десять минут маневрирования — и двигатель отключился. Все, я привязан к орбите множеством факторов. Я знал, что будет, если попытаюсь с нее сойти.

Все началось с того, что я пошел в аптеку за батареей к зажигалке.

Посреди аптеки, на постаменте, сооруженном из прилавков, стояла внутрисистемная яхта новой модели «Синклер 2603». Я пришел только за батареей, но задержался, чтобы полюбоваться яхтой. Она была прекрасна: компактная, изящная, обтекаемой формы, совершенно непохожая на предыдущие модели. Я ни за что на ней не полетел бы, но не мог не признать, что она красива. Просунув голову в люк, стал разглядывать панель управления. Никогда я еще не видел столько приборов!

Оглянувшись, обнаружил, что все посетители смотрят в одну сторону. В аптеке стало необычайно тихо. Среди посетителей было несколько инопланетян, пришедших за сувенирами, и они смотрели туда же, куда и все остальные. Трудно их за это осуждать: кукольник — уникальное зрелище. Представьте себе безголового кентавра на трех ногах, с надетыми на руки тряпичными куклами, тогда вам станет ясно, что такое кукольник. Но на самом деле его руки — это тонкие, гибкие шеи, а куклы — маленькие, безмозглые головы с широкими, подвижными ртами. Мозг располагается наверху туловища, там, откуда растут шеи. На кукольнике не было ничего, кроме его собственной бурой шерсти, которая над хребтом образовывала густую гриву, служащую защитой для мозга. Я слышал, что форма гривы соответствует у кукольников положению в обществе, но не сумел бы отличить докера от ювелира или президента крупной фирмы вроде «Дженерал Продактс».

Вместе со всеми смотрел, как кукольник идет по аптеке, — не потому, что я никогда не видел кукольников, а потому, что мне нравится смотреть, как они ходят, грациозно переступая тонкими ногами с крошечными копытцами. Кукольник шел прямо ко мне. Остановившись в двух шагах от меня, он окинул меня взглядом и сказал:

— Вы Беовульф Шеффер, в прошлом старший пилот компании «Накамура Лайнз».

Он говорил красивым контральто, без малейшего акцента. Рот кукольника — не только совершеннейший орган речи, но и исключительно чувствительный орган осязания. Язык у кукольника острый и раздвоенный, а на краях толстых губ имеются небольшие выросты, похожие на пальцы. Представьте часового мастера, у которого на пальцах вкусовые рецепторы...

Я прокашлялся и ответил:

— Верно.

Он разглядывал меня с двух сторон:

— Вас не интересует высокооплачиваемая работа?

— Очень интересует.

— На своей планете я занимаю положение, которое по вашим меркам соответствует положению президента дочерней компании «Дженерал Продактс». Пойдемте со мной, поговорим подробнее.

Я последовал за ним в телепортационную кабину. Посетители аптеки провожали меня взглядами. Стыдно, когда в общественном месте к тебе подходит двуглавое чудовище. Может быть, кукольник об этом знал и проверял, насколько сильно я нуждаюсь в деньгах.

А мне очень нужны были деньги. С тех пор как наша компания закрылась, прошло восемь месяцев. В последние годы я жил на широкую ногу, зная, что жалованья, задержанного фирмой, хватит, чтобы покрыть все долги. Жалованья не получил: компания «Накамура Лайнз» лопнула. У уважаемых пожилых бизнесменов вошло в обычай прыгать из окон без воздухоплавательных поясов. Я тратил по-прежнему много. Если бы сократил расходы, мои кредиторы стали бы меня проверять... и я провел бы остаток жизни в долговой тюрьме.

Кукольник языком набрал код из тринадцати цифр. Мгновение — и мы оказались в другом месте. Я открыл дверь кабины, и воздух с шумом устремился наружу. Я глотнул, чтобы прошла боль в ушах.

— Мы находимся на крыше здания «Дженерал Продактс».

Его глубокое контральто волновало воображение, и я одернул себя: со мной говорит инопланетянин, а не хорошенькая женщина.

— Вы осмотрите корабль, а я тем временем расскажу, что от вас требуется.

Я осторожно ступил на крышу, но сезон ветров еще не начался. Крыша была вровень с землей. Так строят дома на планете Наш-Успех, — наверное потому, что летом и зимой, когда ось вращения планеты проходит через центр орбиты (Наш-Успех обращается вокруг Протиона), здесь дуют ветры в полторы тысячи миль в час. Ветры — единственная достопримечательность нашей планеты, которая может привлечь туристов, и

гупо преграждать ветрам дорогу, строя небоскребы. Серый квадрат бетонной крыши лежал посреди бескрайней пустыни — не такой, как пустыни других необитаемых миров, а абсолютно безжизненной, покрытой слоем мелкого песка, в который так и хочется посадить декоративный кактус. Мы сажали, но ветер их сдувает.

Корабль лежал на песке рядом с крышей. Изделие «Дженерал Продактс», модель номер два, — цилиндр в триста футов длиной и двадцать футов диаметром, с заостренными донцами и перетяжкой у хвостового конца, почему-то он лежал на боку, со свернутыми шасси.

Вы не задумывались о том, что в наши дни космические корабли очень похожи один на другой? Добрые девяносто пять процентов современных кораблей строятся по одной из четырех моделей, разработанных «Дженерал Продактс». Так легче и безопаснее, но в результате получаются безликие поделки.

Корпуса кораблей выполняются из прозрачного материала, а потом, где нужно, закрашиваются. Этот корабль был почти весь прозрачный, ему покрасили только носовую часть, где располагается жизненное пространство. Вместо одного большого двигателя корабль оснастили десятком маленьких, вмонтировав их в бока корпуса таким образом, чтобы они могли выдвигаться и поворачиваться. Кроме того, в корпусе имелось множество гнезд различной формы для приборов наблюдения. Сквозь прозрачную стену корабля мне было видно, как они блестят.

Кукольник направился к носу корабля, а мне почему-то захотелось подойти к хвосту и взглянуть на шасси. Оно оказалось кривым. Неведомая сила смяла металл, как разогретый воск, и прижала к корпусу изнутри.

— Как это случилось? — спросил я.

— Мы не знаем, но очень хотим выяснить.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы слышали о нейтронной звезде BVS-1?

Мне пришлось подумать.

— Это первая и пока единственная нейтронная звезда, обнаруженная учеными. Два года назад кто-то вычислил ее координаты по смещению соседних звезд.

— Ее обнаружил Институт Знаний планеты Джинкс. Мы узнали от посредника, что Институт хочет исследовать звезду. Для этого требуется корабль, а Институт не

имел достаточно денег. Мы предложили Институту корабль, а взамен потребовали гарантию, что нам представят данные, собранные во время экспедиции.

— Вполне справедливо. — Я не стал интересоваться, почему они не организовали собственную экспедицию. Как большинство разумных вегетарианцев, кукольники считают деликатность единственным достоинством сознательного существа.

— Лететь к BVS-1 вызвались двое людей — Питер и Соня Ласкины. Они рассчитывали по гиперболической орбите пройти на расстоянии мили от поверхности звезды. В какой-то момент их полета неизвестная сила, очевидно проникшая в корабль из космоса, раздавила шасси и, по-видимому, убила пилотов.

— Согласитесь, что это невозможно.

— Но результат налицо. Пойдемте со мной, — кукольник засеменил к носу корабля.

Да, результат был налицо. Однако сквозь корпус корабля, построенного в «Дженерал Продактс», не может проникнуть ничто, кроме того, что есть ничто. Только свет и никакое другое электромагнитное излучение. Для частиц вещества, будь это метеор или элементарная частица, корпус корабля совершенно непроницаем. Компания заявляет об этом в рекламных объявлениях, и результаты экспертиз подтвердились. Я всегда этому верил и ни разу не слышал, чтобы какое-то орудие или явление повредило корабль «Дженерал Продактс».

С другой стороны, корабли «Дженерал Продактс» настолько же некрасивы, насколько функциональны. Предприятие кукольника сильно пострадает, если найдется что-то, что способно проникнуть сквозь корпус корабля. Но при чем здесь я?

Эскалатор повез нас в носовую часть.

Жизненное пространство делилось на два отсека. Ласкины выкрасили стены составом, отражающим свет. В кабине пилота они оставили окна, а комнату отдыха полностью закрасили. В задней стене комнаты отдыха открывался выход в узкий коридор, ведущий на корму. От главного коридора ответвлялись ходы к различным приборам и двигателям. В кабине пилота были установлены перегрузочные кресла, оторванные от ножек, они были прижаты к носовой панели управления, как две смятые салфетки. Их густо покрывали ржаво-коричневые

пятна. Такие же пятна были повсюду: на стенах, на окнах, на приборах, — будто кто-то с силой швырял о стены бумажные пакеты с краской.

— Это кровь, — сказал я.

— Правильно. Жидкость, циркулирующая в человеческом организме.

До нижней точки орбиты двадцать четыре часа. Первые двенадцать часов я провел в основном в комнате отдыха, пытаюсь занять себя чтением. За это время не случилось ничего достойного внимания, кроме того, что я несколько раз наблюдал явление, о котором упоминала Соня Ласкина в последнем сообщении. Когда невидимая BVS-1 оказывалась между мной и другой звездой, я видел гало. BVS-1, обладая значительной массой, отклоняла свет, смещая соседние звезды в сторону, если же какая-то звезда оказывалась позади нейтронной звезды, свет отклонялся во все стороны. В результате вокруг BVS-1 вспыхивало тонкое кольцо, которое исчезало, едва я успевал его заметить.

В тот день, когда встретил кукольника, я почти ничего не знал о нейтронных звездах. Сейчас я в этом дока, а отправляясь в полет, даже не представлял, что меня ожидает.

Материя, с которой ты сталкиваешься в жизни, имеет нормальное строение, то есть состоит из атомов, в ядрах которых находятся протоны и нейтроны, а вокруг вращаются электроны в определенных энергетических состояниях. В центре любой звезды материя пребывает в другом состоянии. Масса звезды разрушает электронные оболочки. Материя вырождается: гравитация прижимает ядра друг к другу, а более или менее непрерывный электронный «газ», окружающий их, не дает им слиться. При определенных обстоятельствах материя может перейти в третье состояние.

Дано: выгоревший белый карлик, масса которого превышает массу Солнца более чем в одну и сорок четвертую раза, то есть превышен предел Чандрасехара, был в Америке в двадцатом веке такой астроном индийского происхождения. При этом давление электронной массы не сможет удерживать электроны между ядрами, электроны сольются с протонами, образуя ней-

троны. Ослепительная вспышка, и звезда из сжатого куска вырожденной материи превратится в сплошную нейтронную массу — в кусок нейтрония, теоретически — самого плотного вещества во Вселенной. Та небольшая часть материи, которая останется в нормальном или вырожденном состоянии, уносится потоком освобожденной энергии.

В течение двух недель после вспышки, остывая от пяти миллиардов до пятисот миллионов градусов по Кельвину, звезда испускает рентгеновские лучи. После этого она представляет собой светящееся тело диаметром от десяти до двадцати миль, то есть практически невидимый объект. Поэтому нет ничего удивительного в том, что до BVS-1 люди не обнаруживали нейтронных звезд; как и в том, что Институт Знаний планеты Джинкс потратил на BVS-1 столько времени и сил. До BVS-1 нейтроний и нейтронные звезды существовали только теоретически. Изучение настоящей нейтронной звезды могло вывести науку на новый уровень — раскрыть истинный механизм гравитации.

Итак, BVS-1: масса приблизительно в одну и треть десятых раза больше массы Солнца; диаметр (по оценкам) одиннадцать миль — нейтрониевое ядро, полмили — слой вырожденной материи и около двенадцати футов обычной материи.

Больше об этой маленькой темной звезде ничего не было известно, пока к ней не полетели Ласкины. Теперь Институту известно еще одно: звезда вращается вокруг своей оси.

— Такая большая масса, вращаясь, искажает пространство, — сказал кукольник. — По искривлению гиперболической орбиты Ласкиных мы вычислили, что период вращения звезды составляет две минуты двадцать семь секунд.

В здании «Дженерал Продактс» был бар. Я не знаю точно где, но мне это и не было нужно — отыскал его с помощью телепортационной кабины. За стойкой я увидел кукольника. Только кукольник мог согласиться принять стакан из рук бармена-кукольника, потому что всякое двуногое существо содрогнется при мысли, что его коктейль будет приготовлен при помощи рта. Я решил пообедать в другом месте.

— Понимаю ваше беспокойство, — сказал я. — Ваше предприятие пострадает, если выяснится, что какая-то

сила может проникнуть в ваш корабль и размазать пилота по стене. Только при чем здесь я?

— Мы хотим повторить эксперимент Сони и Питера Ласкиных. Мы должны выяснить...

— Я должен лететь?

— Да. Мы должны выяснить, что это за сила, для которой не являются препятствием стены наших кораблей. Разумеется, вы можете...

— Не хочу.

— Мы готовы заплатить вам миллион звезд.

Я очень скоро преодолел искушение.

— Не хочу.

— Вам дадут возможность построить собственный корабль, на основе модели номер два «Дженерал Продактс».

— Благодарю, но я хочу еще пожить.

— Уж не в долговой ли тюрьме? Я недавно выяснил, что на Нашем-Успехе восстановили этот институт. Если «Дженерал Продактс» обнаружит ваши счета...

— Погодите-ка...

— Ваш долг составляет порядка пятисот тысяч звезд. Мы заплатим вашим кредиторам до того, как вы полетите. Если вы вернетесь, — я восхитился его честностью, ведь он мог бы сказать «когда вы вернетесь», — мы выплатим вам остальное. Вам, скорее всего, придется давать интервью информационным агентствам, а это тоже деньги.

— Вы сказали, мне можно построить собственный корабль?

— Конечно. Это не просто исследовательская экспедиция. Мы хотим, чтобы вы благополучно вернулись.

— Это дело, — сказал я.

Он посмел меня шантажировать! Что ж, пусть сам и расхлебывает.

Мой корабль был готов через две недели. Корпус выполнили по модели номер два, как и для Института Знаний; жизненное пространство устроили как для Ласкиных, и на этом сходство кончалось. Приборов наблюдения не было. Мощный термоядерный двигатель, какие устанавливают на военных кораблях, мог в обычном рабочем режиме развивать тягу до тридцати г. Большая лазерная пушка могла пробуровать дыру в луне Нашего-Успеха. Кукольник хотел, чтобы я чувствовал

себя в безопасности, и все для этого сделал. Я был спокоен: я мог и защищаться, и удирать. Особенно удирать. Корабль получил имя «Скайдайвер».

Я несколько раз прослушал запись последнего сообщения Ласкиных. Их безымянный корабль вынырнул из гиперпространства на расстоянии миллиона миль от нейтронной звезды. Продвинуться к ней ближе по гиперпространству они не могли: не позволяли гравитационные эффекты. Питер пополз по узкому коридору проверять приборы, а Соня связалась с Институтом Знаний. «Мы ее еще не видим без приборов, но мы знаем, где она. Каждый раз, когда BVS-1 оказывается между нами и другой звездой, вспыхивает световое кольцо. Подождите немного, Питер настраивает телескоп...»

На этом гиперпространственная связь оборвалась, так как мешала масса звезды. Это было в порядке вещей, поэтому никто не встревожился. А после, должно быть, тот же гравитационный эффект не позволил Ласкиным скрыться в гиперпространстве от того, кто на них напал. Когда люди, назвавшие себя спасателями, обнаружили корабль, на нем работали только радар и кинокамеры. Из их показаний удалось узнать не много. В кабине камеры не было. В той, что была установлена на носу корабля, обнаружили «смазанный» снимок нейтронной звезды — ровный диск, оранжевый, как угли в камине. Вы сумеете это представить, если знакомы с кем-нибудь, кому по карману жечь дерево. BVS-1 давно стала нейтронной звездой.

— Не нужно закрашивать стены, — сказал я президенту фирмы.

— Нельзя отправляться в такое путешествие с прозрачными стеклами. Вы сойдете с ума.

— Это не первый мой полет. Вид открытого космоса, сводящий новичков с ума, у меня вызывает лишь легкое любопытство. Хочу знать, что происходит вокруг.

Накануне отлета я сидел в баре «Дженерал Продактс», позволив бармену-кукольнику смешивать коктейли ртом. У него это хорошо получалось. За столиками по двое и по трое сидели кукольники, попадались и люди. Время коктейля еще не подошло, и в баре оставалось много свободных столиков.

Я был доволен собой. Все мои долги были выплачены,

но это не влияло на мое решение. Я полетел бы и без гроша кредита, не имея ничего, кроме корабля.

Короче говоря, я ловко выпутался из неприятного положения. Мне даже нравилось быть богатым изгнанником.

За мой столик кто-то сел, и я вскочил. Напротив меня сидел незнакомый пожилой человек, в дорогом строгом костюме черного цвета, со снежно-белой асимметричной бородой.

— Садитесь, мистер Шеффер.

— В чем дело?

В ответ он показал мне голубой диск — удостоверение личности правительственного чиновника Земли. Я принялся его разглядывать — не потому, что хотел проверить, настоящее оно или поддельное, а для того чтобы показать, что понимаю что к чему.

— Меня зовут Зигмунд Аусфаллер, — сказал чиновник. — Я хочу поговорить с вами о поручении, которое вы взялись выполнить для «Дженерал Продактс».

Я молча кивнул.

— Как и положено, мы получили запись вашего устного соглашения. Мне не все понятно. Мистер Шеффер, неужели вы идете на такой риск всего за пятьсот тысяч звезд?

— За миллион.

— Вы получите только половину. Другая половина идет на уплату долгов. Далее: налоги... Впрочем, неважно. Важно другое: космический корабль — это космический корабль, а ваш хорошо вооружен и быстро бежит. Его можно продать как прекрасный боевой корабль.

— Он мне не принадлежит.

— Найдутся люди, которые не станут об этом спрашивать. Например, каньонцы или изоляционисты с Вундерленда.

Я молчал.

— Может быть, вы решили стать пиратом? Я не принимаю эту возможность всерьез, потому что пиратство — рискованный промысел.

Мне такое даже в голову не приходило, а вот Вундерленд — это мысль.

— Я хочу сказать следующее, мистер Шеффер. Единственное достаточно нечестное предприятие, осуществленное человеком, может нанести непоправимый урон репутации человечества во Вселенной. Большинство цивилизаций осуществляют надзор за нравственностью

своих подданных, и мы не исключение. Я подумал: «Что, если вы не полетите к нейтронной звезде? Что, если вы отправитесь в другой мир и продадите там корабль? Кукольники не строят неуязвимых военных машин: они пацифисты. Ваш «Скайдайвер» единственный. Поэтому я попросил у «Дженерал Продактс» позволения установить в «Скайдайвере» бомбу с дистанционным управлением. Сегодня я установил ее. Поскольку бомба находится внутри корабля, его корпус не спасет вас.

Запомните: если в течение недели от вас не будет сообщений, я взорву бомбу. В радиусе недельного гиперпространственного полета отсюда находятся несколько миров, и все они признают власть Земли. Если вы решите скрыться, вам придется в течение недели оставить корабль, поэтому вы едва ли приземлитесь в необитаемом мире. Вам все ясно?

— Все.

— Если вы считаете, что я говорю неправду, можете проверить меня на детекторе лжи. Если докажете, что я лгал, можете дать мне по морде, и я вежливо извинюсь.

Я покачал головой. Он поднялся, откланялся и вышел, а я остался за столиком совершенно трезвый.

Камеры, установленные на корабле Ласкиных, отсняли четыре фильма. В оставшееся время я несколько раз просмотрел их, но не увидел ничего необычного. Если корабль натолкнулся на газовое облако, Ласкиных могло убить силой толчка. В перигелии они двигались со скоростью всего лишь вдвое меньшей, чем скорость света. Но при этом возникло бы трение, а в фильмах не было и намека на то, что корпус корабля разогрелся. Если на них напало какое-то живое существо, то оно было невидимым для радара и для огромного диапазона световых частот. Что, если загорелись двигатели? — я хватался за соломинку. Нет, огня нет ни в одном из фильмов.

В окрестности BVS-1 действуют мощнейшие магнитные силы, но они не могли причинить пилотам вреда. Корабли, построенные в «Дженерал Продактс», непроницаемы для них. Непроницаемы они и для теплоты, кроме той, что несет с собой свет, доступный восприятию инопланетных клиентов кукольника. У меня много претензий к изделиям «Дженерал Продактс», но все они относятся к их внешнему виду. А может, меня просто

раздражает, что едва ли не единственным производителем космических кораблей во Вселенной является компания, не принадлежащая людям. Однако если бы мне пришлось вверить свою жизнь яхте, которую я видел в аптеке, я предпочел бы тюрьму.

Тюрьма — один из трех возможных путей. Но там я остался бы до конца своих дней — Аусфаллер позаботился бы об этом.

Можно бежать на «Скайдайвере», но ни один мир в пределах досягаемости не захочет меня принять. Если бы найти не открытый еще мир в пределах недели полета от Нашего-Успеха...

Ну уж нет! BVS-1 лучше!

Мне показалось, что световое кольцо, время от времени вспыхивающее вокруг BVS-1, становится шире, но я не был в этом уверен, так как вспышки появлялись редко. Звезда не была видна даже в телескоп. Мне надоело туда заглядывать, и я решил подождать.

Мне вспомнилось далекое лето, которое я провел на Джинксе. Несколько дней мы не могли выйти на улицу, потому что стояла ясная погода и улицы были залиты жестким бело-голубым солнечным светом. Мы развлекались, набирая воду в воздушные шарики и бросая их с третьего этажа на тротуар. Получались премилые кляксы, которые тут же высыхали. Мы стали добавлять в шарики чернила. Кляксы оставались на тротуаре.

Соня Ласкина была в кресле, когда оно сорвалось со своего места. Кровь на стенах говорит о том, что Питер полетел вдогонку и разбился, как шарик с водой, брошенный с большой высоты.

Что же могло проникнуть сквозь корпус корабля?

До перигелия десять часов.

Я освободился от привязных ремней и отправился осматривать корабль. Я скользил по туннелю в три фута шириной. Подо мной проходила труба реактора, слева находилась лазерная пушка, справа — боковые туннели, ведущие к гироскопу, батареям, генератору, вентиляционной установке и гиперскоростным моторам. Все было в порядке, кроме меня. Я то не допрыгивал до нужного поворота, то перелетал через него. В хвостовом конце туннеля негде было развернуться, и я пятился пятьдесят футов до первого бокового туннеля.

Оставалось шесть часов, а я до сих пор не мог увидеть

нейтронную звезду. Наверное, увижу ее лишь мельком, пролетая мимо на скорости вдвое меньшей скорости света. Уже сейчас я должен нестись с бешеной скоростью.

Остается два часа, и я с уверенностью могу сказать: звезды становятся голубыми. Неужели я лечу так быстро? Тогда звезды, которые я оставил позади, должны казаться красными. Внутренности корабля заслоняли то, что было за кормой, и я включил гироскоп. Корабль развернулся удивительно неторопливо, а звезды сзади оказались не красными, а голубыми. Со всех сторон были бело-голубые звезды.

Представьте себе падающий свет. Он не будет ускоряться: свет не может двигаться быстрее собственной скорости. Он будет компенсировать скорость интенсивностью или частотой. Чем ниже я спускался по своей орбите, тем «тяжелее» становился падающий на меня свет. Я сказал об этом в диктофон. Диктофон был защищен лучше всех остальных приборов. Я решил, что буду с его помощью зарабатывать деньги, если только соберусь. Сейчас меня интересовало, до каких пор свет будет усиливаться.

«Скайдайвер» тем временем вернулся в вертикальное положение. Его ось проходила через нейтронную звезду, но он повернулся к ней кормой. Мне казалось, что я остановил корабль в горизонтальном положении. Опять промахнулся. Я включил гироскоп. И снова корабль поворачивался неохотно. Пройдя полпути до горизонтального положения, он опять перешел в вертикальное. Похоже, ему больше нравится, когда его ось проходит через нейтронную звезду.

Мне это не понравилось.

Я повторил маневр и снова почувствовал сопротивление. В этот раз к сопротивлению «Скайдайвера» прибавилось что-то еще. Что-то давило на меня.

Я высвободился из привязных ремней и полетел лицом вперед в нос корабля.

Давление было слабое — не больше одной десятой g. Я не падал, а словно тонул в меду. Снова вернулся в кресло, пристегнул ремни и, повиснув на них лицом вниз, включил диктофон. Я рассказывал о случившемся так подробно, что мои гипотетические слушатели могли выдвинуть гипотезу о том, что я не в себе.

— Я думаю, именно это случилось с Ласкиными, — заключил я. — Если давление увеличится, я сообщу.

Я думаю? Да я в этом уверен! Невозможно было объяснить это странное, едва заметное давление. Что-то необъяснимое убило Питера и Соню Ласкиных. QED¹.

Вокруг нейтронной звезды, все еще невидимой, звезды напоминали лучеобразно размазанные капли масляной краски. Они горели злобным, ослепительным светом. Я повис на ремнях лицом вниз и задумался.

Прошел час, и я мог с уверенностью сказать, что давление по-прежнему усиливалось, а до перигелия оставался еще час.

Какая-то сила давила на меня, не воздействуя на корабль.

Нет, это ерунда. Что может пробраться ко мне сквозь корпус изделия «Дженерал Продактс»? Дело в другом: что-то толкает корабль, отклоняя его от курса.

Если это будет продолжаться, я включу двигатель и уравновешу неизвестную силу. Корабль тем временем продолжал отталкиваться от BVS-1, теперь это было ясно.

А если нет, если корабль не отталкивается от BVS-1? Тогда ракетный двигатель столкнет «Скайдайвер» с одиннадцатью милями нейтрония.

Почему двигатель все молчит? Если корабль отклоняется от курса, автопилот должен выравнивать его. Акселерометр работает нормально. Он был в полном порядке, когда я его осматривал.

А может быть, это что-то воздействует не на меня, а на корабль и на акселерометр? Опять-таки невозможно: ничто не может проникнуть сквозь корпус изделия «Дженерал Продактс».

К черту теорию, сказал я себе. Выхожу из игры. В диктофон я сказал:

— Давление возросло настолько, что представляет опасность. Я пытаюсь изменить курс.

Конечно, если я поверну корабль прочь от звезды и включу двигатель, мое собственное ускорение прибавится к силе X. Возникнет перегрузка, но некоторое время нужно потерпеть. Если окажусь на расстоянии мили от BVS-1, я кончу как Соня Ласкина.

Она, должно быть, как и я, ждала, повиснув вниз лицом; ждала и не включала двигатель, а ремни врезались

¹ Что и требовалось доказать (лат.).

ей в тело. Потом они лопнули, и она упала в нос корабля, переломав кости, а потом сила X сорвала кресла с ножек и швырнула их на Соню.

Я включил гироскоп.

Ему уже не хватало мощности, чтобы развернуть корабль. Я включал его трижды, и всякий раз корабль поворачивался на пятьдесят градусов и застревал, а гироскоп без толку выл. Оказываясь без поддержки гироскопа, корабль тут же возвращался в прежнее положение. Ничего не попишешь: придется висеть носом к нейтронной звезде.

До перигелия остается полчаса, а сила X перевалила за g. Голова раскалывалась. Глаза налились, как спелые сливы, — вот-вот упадут. Не знаю, сумел бы я выкурить сигарету или нет, и попробовать не могу: пачка «Фортунадос» выпала у меня из кармана, когда я падал в нос корабля. Вот она лежит в четырех футах от моей протянутой руки, подтверждая, что сила X действует не только на меня, но и на другие предметы. Потрясающе!

Нет больше сил терпеть. Пусть я разобьюсь о звезду, но включу двигатель. И я его включил. Я увеличивал мощность до тех пор, пока не оказался в состоянии, близком к невесомости. Кровь, скопившаяся в конечностях, стала возвращаться туда, где ей положено находиться. На гравиметре значилось: одна и две десятых g. Лживый робот, подумал я.

Пачка сигарет запрыгала по пультам, и я подумал, что, слегка прибавив скорость, поймаю ее. Попробуем. Пачка поплыла ко мне, я протянул к ней руку, но она, как разумное существо, полетела быстрее. Я промахнулся. Еще раз попытался схватить ее, когда она пролетала мимо моего уха, но и тут оказалось, что пачка летит чересчур быстро. Она неслась как сумасшедшая, а я при этом был в невесомости. Набирая скорость, пачка прыскала через дверь в комнату отдыха и исчезла в туннеле. Через несколько секунд я услышал тяжелое: бб-бух!

С ума сойти! Сила X опять тянула кровь к лицу. Вынул из кармана зажигалку, вытянул руку и разжал пальцы. Зажигалка медленно опустилась в нос корабля. А пачка «Фортунадос» грохнулась, будто бросили ее с крыши небоскреба.

Ну ладно, еще прибавим скорость.

Шум реакции напомнил мне, что если продолжать в том же духе, то есть риск подвергнуть корабль серьезнейшему испытанию: столкнуть его с нейтронной звездой на скорости, составляющей половину скорости света. Я представил себе корабль: прозрачный корпус с острым носом, в самом кончике которого находится маленький конус из материи третьего типа.

Когда изолгавшийся гравиметр показал одну и четыре десятых g, зажигалка оторвалась от стены и поплыла ко мне. Я не стал ее ловить. Она долетела до двери в комнату отдыха, и было ясно, что она падает. Я сбавил скорость. Инерция швырнула меня вперед, но я успел отвернуться. Зажигалка притормозила и задержалась у входа в туннель. Потом все же решила войти. Я прислушался, а потом вздрогнул: корабль загудел, как гонг.

Акселерометр находился точно в центре тяжести корабля, иначе масса корабля влияла бы на его показания. Кукольники — фанатики точности.

Я почтил диктофон несколькими фразами и принялся вводить в автопилот новую программу. К счастью, того, что мне было нужно, нетрудно было добиться. Сила X по-прежнему оставалась для меня неизвестной, но я понял, как она себя ведет. У меня была реальная возможность остаться в живых.

Звезды вокруг того места, где находилась нейтронная звезда, превратились в штрихи свирепо-голубого цвета. Мне казалось, что я уже вижу BVS-1, маленький тускло-красный диск, а может, это была игра воображения. Через двадцать минут я обогнул нейтронную звезду. За спиной рычал двигатель. Я высвободился из привычных ремней и выплыл из кресла. Дернулся по направлению к корме — и невидимые руки схватили меня за ноги. А руки, казалось, не отталкивались от спинки кресла, а держали десятифунтовую гирю. Это должно скоро пройти. Я запрограммировал автопилот так, чтобы он в течение двух минут убавил тягу от двух g до нуля. К тому моменту, когда тяга сойдет на нет, я должен попасть в центр массы корабля — в туннель.

Что-то проникло сквозь корпус изделия «Дженерал Продактс». Психокинетическая форма жизни, сидящая, как отшельник, на солнце диаметром двенадцать миль? Но как может живое существо переносить такую гравитацию?

Наверное, оно живет на орбите. В космосе есть жизнь: биомолекулы, споры и, может быть, что-то еще, чего

мы до сих пор не обнаружили. Черт его знает, может, сама BVS-1 живая. Неважно. Я знал, чего добивается сила X. Она пыталась разобрать корабль на части.

Она отпустила мои пальцы. Я оттолкнулся от кресла и приземлился, согнув колени, на задней стене кабины. Стоя на коленях у входа в комнату отдыха, смотрел вниз, то есть на корму. Когда наступила невесомость, я переполз в комнату отдыха. Теперь смотрел вниз и в нос корабля.

Тяготение менялось быстрее, чем хотелось бы. Чем ближе был перигелий, тем больше делалась сила X, а уравнивающая ее тяга двигателя ослабевала. Сила X стремилась разорвать корабль на куски: на носу она равнялась двум g со знаком плюс, на корме двум g со знаком минус, а в центре тяжести корабля сходила на нет. По крайней мере я на это рассчитывал. Пачка сигарет и зажигалка вели себя так, как будто по мере их продвижения к корме сила X увеличивалась с каждым дюймом.

Пятнадцать футов отделяли меня от задней стены. Я должен был преодолеть это расстояние при непрерывно изменяющемся тяготении. Я ударился руками о стену и отлетел назад. Опоздал! Тяга двигателя ослабевала, и зона невесомости перемещалась по кораблю, как волна. Она обогнала меня. Задняя стена и туннель оказались «вверху». Отягощенный чуть меньше чем половиной g , я прыгнул ко входу в туннель; на одно бесконечное мгновение заглянул в узкий туннель и понял, что остановился и сейчас упаду назад, а ухватиться не за что. Оказалось, достаточно сунуть в туннель руки и распластать ладони по стенкам. Я подтянулся, влез в туннель и пополз.

Диктофон остался пятьюдесятью футами ниже. Он был для меня недостижим. Если у меня будет что сказать «Дженерал Продактс», я скажу это президенту с глазу на глаз. Кажется, у меня будет такая возможность, потому что знаю, какая сила пытается разорвать корабль на части.

Это прилив.

Двигатель молчал, а я сидел в самом центре корабля и начал уставать в неудобном положении. До перигелия оставалось четыре минуты.

В кабине подо мной что-то хрустнуло. Я не видел,

что это, зато видел красную точку с голубыми лучами, светящуюся, как фонарь на дне колодца. Звезды, заглядывая ко мне в просветы между приборами, баками и реакторами, бросали на меня злобные фиолетовые взгляды. Я боялся долго смотреть на них. Мне казалось, что от их света можно ослепнуть.

В кабине тяготение достигало, наверное, нескольких сот g. Это отразилось даже на давлении воздуха. На высоте полутораэта футов над кабиной воздух сделался разреженным.

И вот, почти без всякого перехода, красная точка превратилась в диск. Пробил мой час. Красный диск надвинулся в мою сторону, корабль завертелся вокруг меня. Я затаил дыхание и крепко зажмурился. Руки невидимых великанов легли мне на ноги, на руки, на голову и мягко, но настойчиво принялись разнимать меня надвое. В этот момент мне пришло в голову, что так погиб Питер Ласкин. Он, как и я, догадался, в чем дело, и попытался спастись в туннеле, но соскользнул, и я соскальзываю... Из кабины донесся визг разрываемого металла. Я старался зарыться ногами в стену туннеля и каким-то чудом удержался.

Президент-кукольник настоял, чтобы меня поместили в больницу для обследования. Я не возражал. Лицо и руки у меня покраснели и покрылись волдырями, все тело болело, словно меня избили. Мне нужны были покой и нежная забота.

Я парил в чудовищно неудобной постели, когда вошла сиделка и сообщила, что ко мне пришли. По выражению ее лица я понял, кто мой посетитель.

— Что же проникло сквозь корпус изделия «Дженерал Продактс»? — обратился я к нему.

— Я рассчитывал, что вы мне об этом расскажете, — президент перенес тяжесть тела на непарную заднюю ногу. В руках он держал стерженок, от которого шел зеленый дым с отвратительным запахом.

— Рассказываю. Гравитация.

— Не разыгрывайте меня, Беовульф Шеффер. Это очень серьезный вопрос.

— Я говорю совершенно серьезно. У вашей планеты есть луна?

— Это государственная тайна.

Кукольники трусы. Никто не знает, откуда они появились, и, по-видимому, никому не удастся это выяснить.

— Вы знаете, что происходит, когда луна подходит слишком близко к главной планете?

— Она распадается на части.

— А почему?

— Не знаю.

— Прилив.

— Что такое прилив?

Ничего себе, подумал я.

— Постараюсь объяснить. Луна, которая обращается вокруг Земли, имеет диаметр почти две тысячи миль и вращается вокруг своей оси независимо от вращения вокруг Земли. Возьмем две горы, одну в точке, ближайшей к Земле, а другую — в наиболее удаленной точке.

— Очень хорошо.

— Неужели непонятно, что предоставленные самим себе, эти горы разлетятся в разные стороны? Они перемещаются по двум разным орбитам. Обратите внимание: по концентрическим орбитам, расстояние между которыми две тысячи миль. Тем не менее обе горы вынуждены двигаться с одной и той же угловой скоростью.

— Но внешняя должна двигаться быстрее.

— Вот именно. Поэтому существует сила, стремящаяся разделить Луну на части. Тяготение препятствует этому. Но придвиньте Луну ближе к Земле — и наши горы разойдутся в разные стороны.

— Понятно. Значит, прилив пытался разорвать на части корабль. Он был настолько силен, что оторвал от ножек перегрузочные кресла на корабле Института Знаний.

— И раздавил пилотов. Смотрите: нос корабля находился на расстоянии семи миль от центра звезды. Корма была на триста футов дальше. Взятые отдельно, они двигались бы по разным орбитам. Мои голова и ноги пытались поступить так же, когда я был недалеко от звезды.

— Ясно. Вы линяете?

— Что?

— Я заметил, что вы теряете наружный покров.

— Ах, это. Я обгорел в свете звезд. Ничего страшного.

Головы кукольника переглянулись. Человек на его месте, наверное, пожал бы плечами.

— Остаток вашего вознаграждения помещен в банк

Нашего-Успеха, — сказал он. — Некто Зигмунд Аусфаллер, человек, заморозил счет до тех пор, пока не будет исчислена сумма налогов.

— Еще бы!

— Если вы согласитесь выступить перед прессой и рассказать, что произошло на корабле Института, мы заплатим вам еще десять тысяч звезд. Мы заплатим наличными, и вы сразу сможете ими распорядиться. Это очень важно. Ходят слухи...

— Зовите репортеров, — согласился я и добавил: — Могу еще рассказать им, что в вашем мире нет луны. Пусть напишут где-нибудь в примечаниях.

— Я вас не понял. — Но шеи кукольника изогнулись, как две змеи, а головы настороженно наблюдали за мной.

— Если бы у вас была луна, вы знали бы, что такое прилив. Тут ничего не поделаешь.

— Что вы скажете насчет...

— Миллиона звезд? С радостью соглашусь и даже подпишу контракт, в котором будет сказано, что мы скрываем. Почему бы мне для разнообразия не пошантажировать вас?

ОСКОЛОК ИМПЕРИИ

Когда прилетел корабль, доктор Ричард Шульц-Манн сновал среди растений на воздухоплавательном поясе. Над одним из них доктор задержался, разглядывая с интересом собственного чужеродное серое пятно в желтой листве. Скоро созреет.

Доктор-натуралист был долговязый и худой, с аристократической головой, которую украшали рыжие, коротко остриженные волосы и асимметричная борода. За правым ухом у него росла седая прядь, пробивалась седина и в бороде: ее единственное нафабренное крыло было белое. Доктор все время двигался, и в свете двух солнц его седина постоянно меняла цвет.

Он взял образец ткани из серого пятна, спрятал его в пробирку и полетел дальше.

Корабль опустился с неба, как дневной метеорит, прочертив бело-голубую полосу на тусклом красном диске Большой Миры. Вот он замедлил полет, сделал в воздухе неровный круг, как пьяный, и направился на площадку, где стоял «Эксплорер» Манна. Манн проследил, как корабль приземлился, и, оставив свою пчелиную работу, пошел встречать гостей. Доктор очень удивился. Насколько он знал, его корабль приземлился здесь первым. Конечно, компания не помешает, но кому и что могло здесь понадобиться?

Пока он летел, Малая Мира закатилась. Белая вспышка за морем — и бело-голубой карлик исчез из вида. Тени переместились, все вокруг сделалось красным. Манн снял очки с розовыми стеклами. Большая Мира еще стояла высоко, в шестидесяти градусах над горизонтом, до ее заката оставалось два часа.

Незнакомый корабль представлял собой огромный цилиндр с закругленным носом. Он был раз в двадцать больше «Эксплорера» и казался старым. Корабль не был ни поврежден, ни просто изношен, но непонятно почему выглядел старым. Он стоял с закрытым носом и спрятанным жизненным пространством, если в нем таковое

имелось. Наверное, гости боятся выходить без приглашения.

Манн стал спускаться.

Выстрел из силовой пушки подбросил его на несколько сот футов вверх. Манн не услышал выстрела, не почувствовал боли, просто его мышцы вдруг превратились в мягкое желе. В полном сознании и совершенном бессилии Манн опускался на землю. Из огромного люка выбрались трое пришельцев. Они подхватили Манна, не дав ему упасть. Перебрасываясь веселыми репликами на языке, которого доктор не знал, они понесли его на площадку.

За письменным столом сидел человек в капитанской фуражке и с бодрой улыбкой на лице.

— Запас веринола у нас ограничен, — заговорил он на торговом языке. — Если мне придется воспользоваться им, я непременно это сделаю, но мне не хотелось бы его расходовать. Вы, наверное, слышали, что он дает неприятные побочные эффекты.

— Я хорошо понимаю, — сказал Манн, — что вы воспользуетесь им, когда решите, что поймали меня на лжи.

Манну никогда не вводили веринол, и он решил, что это блеф. Нет у этого типа никакого веринола, если даже на свете есть такой зверь — веринол.

И все же дело плохо. На древнем реставрированном корабле прилетело с десятка человек, а Манн до сих пор не был уверен, что сумеет подняться на ноги. Действие инфразвука еще не закончилось.

Капитан одобрительно кивнул. Он был огромного роста, широкоплечий, типичный житель тяжелой планеты, с гладкой и крепкой, как у слона, мускулатурой. Доктор был готов держать пари, что перед ним человек с Джинкса. В маленькой корабельной приемной капитану было тесно, как в гробу. Едва ли ему была нужна капитанская фуражка, чтобы добиться от экипажа повиновения. Он мог бы кулаком пробить дыру в корпусе корабля или обучить хорошим манерам вооруженного Кзина.

— Вы быстро соображаете, — заметил он. — Похвально. Я буду задавать вопросы о вас и вашей планете, а вы будете давать правдивые и полные ответы. Если

какой-то из вопросов покажется вам неделикатным, скажите. Но помните, если ответ меня не удовлетворит, я применю веринол. Сколько вам лет?

— Сто пятьдесят четыре.

— На вид гораздо больше.

— Я уже двадцать лет не принимаю стимуляторов.

— Бедняга. С какой вы планеты?

— Вундерленд.

— Так я и думал: вы такая каланча. Как зовут?

— Доктор Ричард Харви Шульц-Манн.

— Ричард¹? Значит, богач? Вы вправду богаты?

Ишь, грамотей!

— Нет. Когда я стану известным, я напишу книгу о рабовладельческой империи и тогда разбогатею.

— Ну-ну... Вы женаты?

— Был женат несколько раз. Сейчас нет.

— Ричард Манн, я не могу назвать вам свое настоящее имя. Зовите меня капитан Кидд. Что за борода у вас?

— Вам не приходилось видеть асимметричную бороду?

— Спасибо Демонам Тумана, нет! Со стороны кажется, что вы выбрили половину подбородка, а другую забыли, и получилась кособокая эспаньолка. Так и должно быть?

— Да.

— Значит, вы специально обрили пол-лица?

— Не смейтесь надо мной, капитан Кидд.

— Понял. На Вундерленде это модно?

Доктор Манн невольно выпрямился.

— Только среди тех, кому не лень бриться.

Он с неосознанным самодовольством дернул правой стороной лица. На правой щеке у него росли прямые волосы, а на левой — курчавые. Правая часть бороды была седая. Доктор Манн гордился своей бородой.

— Делать вам нечего, — сказал капитан. — Вы, наверное, хотите показать, что принадлежите к высшим слоям общества. Что вы делаете на Море Цети-Т?

— Изучаю историю рабовладельческой империи.

— Вы геолог?

— Нет, ксенобиолог.

— Не понимаю.

— Что вы знаете о рабовладельческой империи?

¹ Ричард означает «богатый» (англ.). (Прим. переводчика.)

— Не много. Она располагалась в этой части галактики. Однажды народы-рабы решили, что с них довольно, и началась война. Когда война закончилась, никого не осталось в живых.

— Вы знаете совсем немного. Полтора миллиарда лет — это немало, капитан. Осталось два рода свидетельств существования рабовладельцев. Стазовые сейфы — в них, как правило, находят оружие, но попадают и документы, и различные сорта растений, и породы животных, выведенные для рабовладельцев рабами-тнук-типами, которые были биоинженерами

— Знаю, знаю. Наши бандерснатчи, что живут по обе стороны океана, тоже это умеют.

— Мясные животные, которых разводят бандерснатчи, особый случай. Они не могут мутировать. У них хромосомы толщиной с ваш палец, их никакая радиация не возьмет. Все остальные продукты генной инженерии тнуктипов мутировали настолько, что их практически невозможно узнать. Почти невозможно. Вот уже двенадцать лет, как я занимаюсь поисками сохранившихся видов.

— Не слишком веселый образ жизни, а, Ричард? На этой планете есть животные времен империи?

— Не животные, а растения. Вы еще не выходили?

— Нет еще.

— Так пойдемте, я покажу их вам.

Корабль был огромен. Жизненного пространства в нем, по всей видимости, не было: жилые помещения располагались прямо в металлических внутренностях корабля. Манн шагнул впереди капитана по длинному некрашеному коридору, ведущему к люку. У выхода они подождали, пока спадет давление, и поехали эскалатором на землю. Доктор не пытался бежать, хотя действие инфразвука уже прошло. Капитан держался любезно, но настороженно. На поясе у него висело лазерное ружье, он велел отобрать у Манна воздухоплавательный пояс и взял с собой несколько человек охраны. Ричард Манн не был донкихотом.

Все вокруг было красным-красно. Они стояли на пыльной равнине, поросшей редкими желтыми кустами. Ветер гнал по земле шары, похожие на перекати-поле,

которые на самом деле были высохшими кронами бывших кустов. Другие формы жизни здесь, по-видимому, отсутствовали. Большая Мира садилась за горизонт — мутно-красное полукруглое облако, на которое можно смотреть не шурясь. На фоне гигантского красного диска вырисовывались три черных силуэта — тонкие, невероятно высокие шпили, неестественно прямые и правильно очерченные. У их подножий росло что-то ярко-желтое. Члены экипажа разбежались, разошлись или разлетелись в разные стороны. Одни играли в «дворовой» бейсбол, другие занимались делами, третьи просто отдыхали. Манн заметил, что некоторые тонкими лезвиями автоматических ножей режут кусты.

— Вот, — сказал Манн.

— Эти кусты?

— Да. Когда-то это были деревья. Я не знаю, как они выглядели первоначально, а в документах сказано, что их перестали культивировать за несколько десятков лет до восстания. Можно поинтересоваться, что эти люди делают в моем корабле?

Жизненное пространство «Эксплорера» в развернутом состоянии было больше самого корабля. Оно представляло собой полусферу из прозрачного материала, форма и герметичность которого поддерживались атмосферным давлением. Оно было непроницаемо для природных химических соединений, находящихся в атмосфере, и являлось обязательной принадлежностью корабля стояночного типа. Манн видел, как двуногие тени хозяевичают за полупрозрачными стенами и спускаются через рейферные двери в машинное отделение корабля.

— Они ничего не украдут, Ричард. Я послал их вынуть кое-какие части из двигателей и систем связи.

— Можно надеяться, что они не повредят то, что снимут?

— Нет, конечно. Они получили соответствующие распоряжения.

— Очевидно, вы не хотите, чтобы я с кем-либо связывался, — сказал Манн.

Он заметил, что астронавты собираются разжечь костер из имперских кустов. Кусты были как карликовые деревья — с прямыми, тонкими стволами от четырех до шести футов высотой и кронами, похожими на одуванчики. От низких, округлых восточных гор до

западного моря вся земля была испещрена желтыми пятнами. Астронавты срезали корни и желтые кроны, а стволы стаскивали в одно место и ставили шалашиком над кучей засохших крон, похожих на перекати-поле.

— Мы не хотим, чтобы вы связались с полицией Вундерленда, которая может оказаться поблизости, разыскивая нас.

— Я никогда не сую нос в чужие дела.

— О, вы имеете право на любопытство. Мы пираты.

— Вы, конечно, шутите, капитан. Если вы научились извлекать выгоду из пиратства, значит, у вас недюжинные способности и вы можете зарабатывать вдесятеро больше на бирже.

— Вы находите?

Судя по тону капитана и по его улыбке, он поддразнивал Манна, вызывая его на разговор. Прекрасно, по крайней мере он забудет о деревьях.

— Нельзя догнать корабль в гиперпространстве, — сказал Манн. — Чтобы преследовать корабль, нужно дожидаться, пока он войдет в необитаемую систему. А там полиция.

— Я знаю необитаемую систему, где нет полиции.

— Черта с два!

Они незаметно подошли к «Эксплореру». Капитан обернулся и поглядел на красную равнину, на тусклый полумесяц Большой Миры, который горел, как огромный лесной пожар.

— Интересно, что это за шпили?

— Не хотите выдавать свой секрет? Что ж, и не надо. Мне тоже было любопытно, что это, но я туда еще не выбирался.

— Эти шпили должны были вас заинтересовать. Мне кажется, они искусственные.

— Они на миллиард лет моложе империи.

— Ричард Манн, эти кусты — единственная форма жизни на этой планете?

— Кроме них я ничего не обнаружил, — солгал Манн.

— Значит, эти шпили воздвигло не коренное население, но я ничего не слышал о народе, который кочевал бы по Вселенной и оставлял на своем пути подобные памятные знаки.

— И я не слышал. Давайте исследуем их завтра.

— Давайте. — Капитан Кидд шагнул в тамбур «Экс-

плорера» и, охватив мощной широкой ладонью тонкое запястье доктора Манна, увлек его за собой. Тамбур повернулся, и вслед за капитаном Манн вошел в жилой отсек корабля. Ему казалось, что капитан не до конца ему поверил.

Превосходно!

В жилом отсеке было темно. Манн не торопился включать свет. Он смотрел сквозь полупрозрачную стену на оставшийся от Большой Миры красный осколок, убывающий с видимой поспешностью. На земле, у сложенных шалашиком древесных стволов, стоял на коленях человек. Дрожащий огонек разгорался на сухих кронах.

Манн включил свет, отрезав жилой отсек от внешнего мира.

— Вы говорили о пиратстве, — напомнил он.

— Ах да, — капитан с Джинкса, хмурясь, опустился на стул. — Пиратство — лишь следствие, а причина появилась год назад, когда я обнаружил мир кукольников.

— Что?

— Да-да, мир, откуда пришли кукольники.

У Ричарда Манна уши встали торчком. Он ведь родился на Вундерленде, помните?

Кукольники — высокоразвитое и очень древнее племя вегетарианцев. Испокон веков они участвовали в межзвездной торговле. А еще они очень трусливы.

Только кукольники не считают смелого кукольника сумасшедшим, и напрасно: у него наблюдаются все вторичные симптомы безумия — депрессии, склонность к убийствам и тому подобное. Эти несчастные существа хорошо видны в толпе. Нормальный кукольник переходит дорогу только по подземному переходу, а отправляясь в путешествие, избирает наиболее безопасный способ преодоления пространства. Он не станет сопротивляться вору, даже невооруженному вору. Он не покинет родной мир, не захватив с собой безболезненное средство самоубийства, а в чужом мире не выйдет на улицу без охраны, состоящей из кукольников же.

Кукольники тщательно скрывали, из какого мира они вышли. Второй их секрет — способ безболезненного самоубийства. Возможно, это результат какого-то пред-

варительного воздействия, но, как бы то ни было, никакими пытками нельзя вырвать у кукольника ни слова о том, где находится его родной мир. А кукольники боятся боли. Их мир по климатическим условиям должен походить на Землю, и больше о нем ничего не известно — не было известно.

Манн пожалел, что астронавты так скоро разожгли костер. Он не знал, сколько времени пройдет, пока загорятся стволы, а ему очень хотелось узнать побольше.

— Я обнаружил их мир год назад, — повторил капитан с Джинкса. — Вам лучше не знать, чем я занимался до этого. Чем меньше вы обо мне будете знать, тем лучше. Итак, я благополучно выбрался из их мира и полетел прямо домой. Мне нужно было время, чтобы подумать.

— Вы избрали пиратство? Почему не шантаж?

— Я думал об этом...

— Надо полагать! Вы представляете, какие деньги заплатили бы кукольники за то, чтобы их тайна осталась гайной?

— Да. Это меня и остановило. Сколько бы вы попросили, Ричард?

— Миллиард звезд и юридический иммунитет.

— О'кей. Теперь посмотрим на дело с точки зрения кукольника. Миллиард звезд не гарантирует им полной безопасности, потому что вы все равно можете проболтаться. Потратив одну десятую часть этой суммы на детективов, оружие, наемных убийц, они могут заставить вас замолчать, а потом разыскать и убрать тех, с кем вы говорили. Я не нашел способа обеспечить в таких условиях свою безопасность и одновременно остаться при деньгах.

Поэтому я предпочел пиратство. Нас было восемь, но только я догадывался, во что мы ввязались. Я ничего никому не говорил. У некоторых были надежные друзья, и со временем наш отряд вырос до четырнадцати человек. Мы купили старенький корабль и отремонтировали его. Это грузовой корабль, из тех, что раньше курсировали между планетой и орбитой, оснащенный гиперсверхзвуковым двигателем. Вы, наверное, заметили?

— Я заметил только, что он очень старый.

— Мы решили: даже если кукольники узнают наш корабль, они его не выследят. Мы полетели в мир кукольников и стали ждать.

За стеной мерцал огонь костра. Вот-вот должны были загореться стволы. Манн пытался скрыть волнение.

— Очень скоро появился корабль. Мы дождались, пока он углубился в систему настолько, что уже не мог уйти в гиперпространство из-за притяжения к планетам. Мы легли на его курс. Разумеется, он тут же сдался. Мы надели костюмы, в которых нас невозможно было узнать, понятно было только, что мы люди. Поверите ли, на этом корабле оказалось шестьсот тысяч звезд наличными!

— Приличная добыча. Что же у вас случилось?

— Мой безмозглый экипаж не хотел трогаться с места. Мы рассчитывали, что на кораблях, которые заходят в систему кукольников, будут деньги. Кукольники большие скряги. Трусость вынуждает стремиться к безопасности, и кукольники размещают свою добывающую и обрабатывающую промышленность в других мирах, где есть рабочая сила. Мы захватили еще два корабля, нам было куда складывать деньги. Кукольники не отваживались сопротивляться нам даже в своей собственной системе, — капитан Кидд презрительно фыркнул. — Мне трудно осуждать людей. Они по-своему правы. Корабль, двигатель которого работает за счет реакции синтеза, может разорить город, просто повиснув над ним. И мы остались в мире кукольников.

А кукольники направили официальную жалобу на Землю.

На Земле терпеть не могут людей, которые препятствуют межзвездной торговле. Мы нанесли телесные повреждения кукольнику, а это может стать причиной скандала на какой-нибудь бирже. И вот Земля предложила кукольникам услуги полиции всех населенных гуманоидами миров Вселенной. По-моему, это несправедливо.

— Допустим, все настроены против вас. Однако вас нельзя схватить. Кукольникам придется сообщить полиции, где находится их система. Вряд ли они это сделают: они не допустят, чтобы кто-нибудь и через тысячу лет напал на их мир.

Капитан заказал роботу дайкири со льдом.

— Они дождались, пока мы улетим. Я не знаю, как им удалось выследить нас. Может быть, они умеют регистрировать гравитационное искажение, которое движется быстрее, чем свет. Может быть, они построили такой прибор специально для нашего поиска. Короче

говоря, когда мы взяли курс на Джинкс, мы услышали, как они сообщают полиции Нашего-Успеха, где мы находимся.

— Ого!

— Мы направились к ближайшей двойной звезде. Это была не моя идея — Герми Престона. Он решил, что мы сумеем скрыться в пылевых облаках, в троянских точках. Прибор, который зафиксировал нас в гиперпространстве, в обычном космосе не должен нас видеть, — капитан в два жадных глотка допил дайкири.

Он смял стаканчик и, когда стаканчик испарился, заказал новый.

— Ближайшей двойной звездой оказалась Мира-Сети. Мы не ожидали, что в шлейфовой троянской точке будет планета, но раз уж она есть, мы решили ее использовать.

— И вот вы здесь.

— Ну да.

— Вам стоит подумать о том, куда спрятать корабль.

— Сначала мы разберемся с вами, Ричард Манн. Завтра мы утопим «Карабаса-Барабаса» в океане. Мы уже отключили главный двигатель. Вспомогательные работают от батарей, и полиция их не фиксирует.

— Прекрасно. А за миллиард долларов...

— Нет, Ричард Манн. Я не скажу вам, как искать планету кукольников. Забудьте об этом. Ну что, пойдете к костру?

Манн встревожился. Почему стволы деревьев до сих пор не загорелись? Чтобы потянуть время, он сказал:

— Вы считаете, что ваша автоматическая кухня лучше моей?

— Нет, наверное. А что?

— Позвольте пригласить вас и ваш экипаж на обед, капитан Кидд.

Капитан Кидд, улыбаясь, покачал головой:

— Не обижайтесь, Ричард Манн, но я не могу прочесть показания приборов на вашей кухне и не хочу вас искушать. Вы ведь можете насыпать...

БАМ!

Жилой отсек нырнул в корпус корабля и вновь выскочил. Капитан Кидд выругался и бросился к выходу. Манн сидел на своем месте не шевелясь, в тайной надежде, что Кидд забудет о нем.

БАМ! БАМ!

В костре словно что-то взрывалось. Кидд яростно надавил на кнопку, и непрозрачная дверь тамбура закрылась за ним. Манн вскочил на ноги и побежал к выходу.

БАМ!

У доктора заложило уши, а оболочка жилого отсека задрожала. Сейчас, должно быть, горящие стволы разлетаются во все стороны. Тамбур вернулся пустой. Доктор не мог предположить, где сейчас капитан с Джинкса: наружная дверь тоже была непрозрачная. Что ж, это хорошо не только для капитана.

БАМ!

Манн рылся в стенном шкафу, разбрасывая в сторону части скафандра. Он искал воздухоплавательный пояс и никак не мог найти. Ах да! Пояс был на нем, и пираты отобрали его, когда подстрелили доктора. А как он нужен сейчас!

Манн застонал — непростительная слабость для культурного уроженца Вундерленда.

БАМ-БАМ-БАМ! Вдалеке кто-то закричал.

Манн схватил верхнюю часть скафандра, надел и застегнул. Это был надежный вакуумный щит, с мотором для перемещения по воздуху, укрепленным на спине. Немного подумав, Манн надел шлем и, войдя в тамбур, нажал кнопку.

Искать оружие просто бессмысленно. Пираты унесли даже карманный ножик.

А капитан, наверное, поджидает у выхода. Должно быть, догадался, в чем дело.

Дверь открылась. Вот и капитан Кидд. Бежит очертя голову и кричит не своим голосом:

— Прячьтесь, идиоты! Это полиция!

Не угадал, но, очевидно, знал, что полиция Нашего-Успеха вооружена контузионным оружием.

Манн включил мотор на полную мощность. Его словно кто-то подхватил под мышки и подбросил вверх с силой, вчетверо превосходящей гравитацию Вундерленда. Та же сила — два стандартных g — оттянула кровь к ногам. На земле взорвался последний ствол, доктора дернуло в воздухе туда-сюда, и вокруг стало тихо и темно.

Доктор полетел, едва заметно спускаясь по мере продвижения вперед. Под ним проносилась темная земля.

Он направлялся на северо-восток. Никто его не преследовал — пока никто.

Люди капитана Кидда погибли, были ранены или хотя бы контужены, когда перед ними взорвался костер. Манн думал, что за ним погонится сам капитан Кидд, но он не догнал бы Манна. У всех моторов, устанавливаемых на скафандрах, одинаковая мощность, а Манн гораздо легче Кидда.

Доктор направлялся на северо-восток, летя очень низко. Он знал, что кроме шпилей, оставшихся на западе, в этой местности нет высоких предметов, о которые можно было бы разбиться. Когда огни кораблей пропали из вида, он повернул на юг, по-прежнему держась низко над землей. Погони по-прежнему не было. Доктор порадовался, что надел шлем: ветер не резал глаза.

Он проснулся, когда забрезжил голубой рассвет. С темно-синего неба лился мутный голубой свет. Малая Мира ослепительной точкой стояла в просвете между двумя горными вершинами. Ее лучи кололи глаза, как булавки. Манн отвинтил шлем и надел розовые очки. Мир показался ему еще темнее.

Доктор приподнял голову над желтым мхом. Ни в небе, ни на земле он не увидел людей. Пираты должны уже искать его. Наверное, сюда еще не добрались. Тем лучше.

Вдалеке блеснул огонь. В черное небо взлетело дерево без корней и кроны. Гребнеобразные выросты у комеля удерживали его в шатком аэродинамическом равновесии. За ним тянулся хвост белого дыма. Вот дерево перестало дымить, и его не стало видно, но вот, уже выше, возникло белое облако, как будто разорвался зенитный снаряд. Теперь с неба посыплются семена.

Ричард Манн улыбнулся. Как чудно отреагировали деревья на исчезновение хозяев. Рабовладельцы выращивали их на обширных плантациях, используя твердотопливные элементы, заключенные в живой древесине, в качестве ракетных двигателей на территориях, где применение термоядерных двигателей оказывалось экологически вредным. А сами деревья стали использовать ракеты в помощь распространению семян. Ни одно растение не разбрасывает семена так далеко.

Ну, ладно... Ричард Манн глубже зарылся в желтый пушистый мох и принялся обдумывать свой следующий

шаг. Сейчас в глазах человечества он герой. Он нанес огромный урон экипажу пиратского корабля. Когда придет полиция, можно рассчитывать на вознаграждение от кукольников. Остановиться на этом или стоит увеличить ставки?

Груз «Карабаса-Барабаса» — уже неплохо, но даже если доктор завладеет им, что маловероятно, как поместить его на борт «Эксплорера»? Как скрыться от полиции Нашего-Успеха?

Нет, доктор Манн будет ставить на другой приз, не менее ценный, но гораздо более компактный.

Капитан Кидд, очевидно, не учел того, что шантаж у кукольников не считается аморальным поведением. В их обществе действуют несколько иные правила.

Их общество устроено так, что шантаж не представляет опасности ни для шантажиста, ни для жертвы. Существует правило, согласно которому шантажист идет на уничтожение определенных участков своей памяти, а перед этим он высказывает все, что у него есть против жертвы. Манн так и поступит, если ему удастся выведать у капитана Кидда, где находится система кукольников.

Но каким образом?

Вот каким: Манну известно то, чего не знает капитан с Джинкса

Малая Мира быстро поднималась над горизонтом, голубая, как вольтова дуга, горячая, как окошко в ад. Манн по-прежнему лежал во мху. Издали он должен казаться маленьким грязным пятнышком на фоне желтой растительности, оплетающей основание шпиля — одного из тех, которые вчера вечером заметил капитан Кидд. Только землянину артефакт такой величины не покажется чересчур большим. Манн, лежа под огромным чпилем, чувствовал себя неловко. Шпиль представлял собой тонкий конус с основанием шириной в триста футов, у подножия его поверхность была серая и гладкая на ощупь, как полированный гранит. Желтый мох образовывал у подножия шпиля толстый ковер. Он рос неровным кругом диаметром в полмили и толщиной в несколько десятков футов. Это был даже не ковер, а воротник. У самого подножия шпиля в желтой путанице невозможно было разглядеть отдельные растения. Там росло что-то среднее между мхом и шерстью, выкрашенной в ярко-желтый цвет.

Отличное убежище. Впрочем, не на все случаи жизни. Прибор, регистрирующий теплоту, сразу же его зафиксирует. Вчера доктор не подумал об этом и теперь тревожился. Может, стоит выбраться отсюда и отправиться к морю? На корабле наверняка есть такой прибор, но, скорее всего, не переносной. Переносной прибор, регистрирующий теплоту, — это оружие, это ночной прицел, а боевое оружие с некоторых пор во Вселенной, населенной людьми, запрещено.

Впрочем, «Карабас-Барабас» мог зайти куда-нибудь, где дозволено пользоваться оружием. На Кцинти, например.

Ерунда. Зачем капитану Кидду оружие с приборами ночного видения? Вряд ли он рассчитывал драться с кукольниками врукопашную. Он взял с собой гуманное оружие — контузионное. Даже пират не посмеет убить кукольника, а капитан Кидд — не простой пират.

Отлично. Радар? От него можно спрятаться во мху. Оптические приборы? То же самое. Радио? Возьмем на заметку: ничего не передавать по радио.

Возьмем на заметку! В шлеме был диктофон. Доктор отыскал во мху шлем и включил диктофон.

В небе появились человеческие фигуры. Несколько секунд Манн разглядывал их, пытаясь определить, кто из них капитан. Людей было четверо, и капитана среди них не было. Они находились к северо-западу от Манна и летели на юг. Манн зарылся в мох.

— Здравствуй, Ричард Манн! — искаженный яростью голос звучал тихо. Манн ощутил, как смертельный страх, подобно электричеству, бежит по его телу, вызывая судороги в мышцах. Голос доносился сзади.

Из шлема!

— Здравствуй, Ричард Манн! Как ты думаешь, где я?

Манн не мог отключить его. Радио, вмонтированное в шлем скафандра, не выключается из соображений безопасности. Глупцы, пренебрегающие безопасностью, встраивали в свой скафандр выключатель, но доктор Манн никогда не испытывал такой потребности.

— Я в твоём корабле. Говорю в системе связи «корабль—скафандр». Неплохую шутку ты сыграл с нами вчера вечером. Я и не знал, что такое ракетное дерево, пока не заглянул в твою библиотеку.

Придется терпеть. Как жаль, что нельзя ответить.

— Четверо моих людей убиты, пятеро в лазарете. Зачем ты это сделал, Ричард Манн? Ты ведь знал, что мы не собираемся тебя убивать. Нам это не нужно. На наших руках нет крови.

Ты лжешь, подумал Манн. Разоренные люди часто гибнут. А те, что остаются в живых, страдают. Ты знаешь, каково оказаться в одну ночь бедняком, не имея к тому привычки?

— Ты чего-то добиваешься, Ричард Манн. Хорошо. Что тебе нужно? Деньги, которыми нагружен мой корабль? Это смешно. Ты не сумеешь войти в корабль. Ты хочешь выдать нас за вознаграждение? Тоже не выйдет: у тебя нет оружия. Если мы найдем тебя сейчас, мы тебя убьем.

Четверо пиратов, прорезая голубые сумерки желтыми лучами фонарей, улетели далеко на запад. Их уже можно не бояться. Манну стало их жаль: втянул ребят в вендетту.

— Тебе нужна планета кукольников. Эльдорадо наших дней. А ты не знаешь, где она находится, так? Не знаю, намекнуть или не стоит? Все равно не поверишь...

В самом деле, знает ли капитан с Джинкса, что такое бедность? Манн вздрогнул. К нему редко приходили воспоминания о далеком прошлом, но, приходя, причиняли боль.

Бедняк не должен позволять себе излишеств, пока не приобретет самого необходимого. А пока научишься разбираться, где роскошь, а где необходимость, — умрешь с голоду. Необходимость — это еда, крыша над головой, ботинки и штаны. Роскошь — это табак, рестораны, рубахи из тонкого полотна. Выбросить неудавшуюся стряпню — тоже роскошь. Роскошь — уйти с работы, которая тебе не нравится. Поддержка товарища — необходимость. Наркотик — роскошь.

Капитан с Джинкса этого не знает. Он купил корабль на собственные деньги.

— Ричард Манн, хочешь, скажу, где я нашел систему кукольников? Только попроси вежливо.

Манн взял «Эксплорер» в аренду, расплатившись из выданного колледжем аванса. Это был последний шаг долгого восхождения. До этого...

Он был вдвое младше, когда разорился. До тех пор, употребляя допинг, он поддерживал себя в неопределенном возрасте, как и все его друзья и знакомые — богатые

бездельники. Однажды утром он проснулся бедняком. Многие из его товарищей по несчастью улетели на воздухоплавательных поясах в вечность. Ричард Шульц-Манн продал свой пояс, купив на вырученные деньги последнюю порцию допинга. Когда он снова мог позволить себе эту роскошь, на лбу появились морщины, кожа обвисла, мужские потребности угасли, появились седые пряди в волосах и бороде, он начал ощущать боли в спине, которые до сих пор не прошли.

И все же он не переставал ухаживать за бородой. Белое крыло и белое пятно даже украшали ее. Когда цвет волос восстановился, Манн продолжал красить в белый цвет прежде седые места.

— Отвечай, Ричард Манн! А на бандерснатчи покаяться не хочешь?

Ноль-ноль. Капитан Кидд не сумел спровоцировать Манна на ответ, а Манн никогда не узнает тайну пирата. Если Кидд утопит свой корабль, Манн покажет его полиции. Хоть что-то он за это получит.

К счастью, Кидд не сумеет сдвинуть с места «Эксплорер», иначе он улетел бы на другое полушарие, оставив Манна одного в необитаемой местности.

Четверо пиратов были далеко на юге. Капитан Кидд, очевидно, отошел от радио. В шлеме имелся запас воды и пищевого сиропа. С голоду Манн не умрет.

Где же полиция, черг ее возьми? На другом полушарии, что ли?

Положение безвыходное.

Большая Мира, словно играя в прятки, робко выглянула из-за горизонта. Ее красный край висел между горами как дым. Мир стал ярче, по земле пролегли длинные темно-синие тени с сиреневой каймой. Постепенно тени укорачивались и таяли.

Доктор Манн начал испытывать угрызения совести.

Борясь с пиратами, он выполняет свой гражданский долг. Пираты подрывают добрую репутацию человечества, с таким трудом завоеванную. А он, Манн, выступает против них.

Да, но каковы мотивы его поступка? Наполовину страх, наполовину... тоже страх. С одной стороны, страх,

что капитан Кидд попытается убрать его, а с другой — страх быть бедным.

В последнее время этот страх не оставлял доктора Манна.

Написать книгу и заработать состояние! Теоретически вполне возможно. В населенном разумными существами космосе, а это сфера в тридцать световых лет, — почти пятьдесят миллиардов читателей. Убеди хотя бы одну сотую этого числа раскошелиться на ползвезды и купить кассету с записью книги — и твои четыре процента авторских составят десять миллионов звезд. Но в последние годы лишь единицы имеют успех. Нужно очень громко кричать, чтобы привлечь внимание хотя бы десяти миллионов читателей. Со всех сторон конкуренты.

До капитана Кидда книга была единственной надеждой Ричарда Шульца-Манна.

Манн действует в рамках закона. Кидд не может сказать этого о себе, но, с другой стороны, Кидд никого не убил.

Манн вздохнул. Выбора нет. Основной мотив его поведения — защита чести, как вчера, так и сейчас.

Он заворочался в сыром логове среди мха-шерсти. День разгорался, а система терморегуляции работает только в полностью собранном скафандре.

Что это?

К нему приближался «Карабас-Барабас», легко скользя по воздуху на вспомогательных двигателях. Наверное, капитан решил утопить его, пока не появились блюстители закона.

Или он решил...

Манн запустил мотор с таким расчетом, чтобы оказаться невесомым, и переполз на другую сторону шпиля. Он увидел, что четверо дозорных летят навстречу «Карабасу-Барабасу». Если он отойдет от шпиля, его увидят, а если останется, то детекторы инфракрасного излучения...

Придется рисковать.

Скафандр давил под мышками, таща Манна ко второму шпилю. Долетев до мохового воротника, Манн отключил мотор и упал в мох. Пираты не изменили курс.

Ну-ка, посмотрим.

Корабль остановился над шпилем, от которого только что ушел Манн.

— Ты слышишь меня, Ричард Манн?

Манн угрюмо кивнул. Разумеется, слышу.

— Стоило сделать это раньше. Если тебя нигде нет, значит, ты либо вообще улетел отсюда, либо прячешься в кустах, которые растут вокруг этих башен.

Ну что, так и бегать от шпиля к шпилю? Может, попробовать улететь?

Из них двоих кто-то один наверняка летает быстрее. Правда, скафандр — это дополнительный вес.

— Я думаю, ты не упустил случай исследовать башню. Она великолепна. Какая гладкая, словно отполированный камень, поверхность! Какая совершенная форма, почти правильный конус! Почти правильный, ты слышишь? На самом верху эта штука совсем не правильная и совсем не каменная. У нее на верхушке на ножке в восемь футов толщиной растет шишка пятнадцати футов в диаметре, похожая на яйцо или на стрелку аспарагуса. Ну, что скажешь?

Доктор Манн склонил голову к плечу, переваривая сказанное.

Потом он отвинтил шлем, вырвал из него радио и сунул в карман. В отчаянной спешке он принялся рвать желтый мох-шерсть и набивать им шлем. Наконец он чиркнул зажигалкой. Поначалу мох только тлел, а Манн сквозь зубы бормотал ругательства. Но вот он занялся голубым пламенем, слабым и бездымным. Манн спрятал шлем во мху, поставив его так, чтобы он не опрокинулся и горящее содержимое не выпало.

— Я бы сказал, что это фаллический символ. А ты как думаешь, Ричард Манн? Если это фаллические символы, то они довольно далеки от наших представлений. Что-то не человеческое, а человекоподобное, если можно так сказать.

Четверо дозорных подлетели к кораблю и зависли в воздухе рядом с ним, готовые броситься на Манна, как только его обнаружат детекторы инфракрасного излучения.

Манн на полной скорости полетел на запад, стараясь держаться как можно ближе к земле. Еще минуту или две шпиль будет заслонять его, а там...

— А это не ракетные деревья, Ричард Манн. Отсюда похоже на траву. Интересно, что ей нужно от породы,

из которой сделаны эти символы? Хм... Теплых мест не видно... Да ты не здесь! Попробуем под соседним.

Отваживаясь оглянуться, Манн видел, как «Карабас-Барабас» летит ко второму шпилью, от которого он, Манн, только что бежал, оставив в желтом мху серое пятно. Рядом с кораблем летели четверо пиратов.

— Ку-ку! — раздался голос капитана. — И до свидания, убийца!

Заработал термоядерный двигатель «Карабаса-Барабаса». Корабль выпустил столб сине-белого пламени, которое, скользя по поверхности шпиля, ударило в серое пятно на желтом мху. Манн отвернулся и сосредоточился на полете. Он не испытывал ни ликования, ни сожаления, лишь презрение. Какой все-таки Кидд глупец! Он не заметил на Мире-Сети-Т другой жизни, кроме ракетных деревьев, и поверил Манну на слово, что здесь нет больше ничего живого. Как можно было не заметить очевидного? Может быть, его ввел в заблуждение желтый мох-шерсть? Эта растительность действительно напоминает мох, который добывает из камня какой-то химический элемент.

Оглянувшись, Манн увидел, что пиратский корабль все еще поливает огнем шпиль и мох, растущий у его подножия. Если бы Манн не ушел из-под шпиля, то сейчас от него осталась бы только зола. Капитан хотел убить его наверняка. Ну что ж...

Шпиль вдруг взорвался. Он расплылся по сиреневой равнине пузырем разноцветного огня, поглотившим два соседних шпиля и пиратский корабль. Пузырь все рос, и Манн резко изменил направление полета, устремившись вертикально вверх, подальше от земли. Через несколько секунд взрывная волна нагнала его, толкнула, и он, кувыркаясь, полетел над пустыней.

Сквозь тающее облако взрыва Манн увидел два столба белого дыма. Это, еще не созрев, взлетали два других шпиля. Должно быть, взрыв опалил мох у их подножий.

Манн, откинув голову назад, болтался в вакуумном скафандре. Он смотрел, как летят шпили, и непонятно чему радовался. Перед лицом бессмертия он позабыл о собственных амбициях.

Вверху одновременно возникли два темных пятна. Отделилась первая ступень. Теперь живые ракеты поднимались еще быстрее.

— Ричард Манн!

Манн включил передатчик.

— Какой ты живучий!

— Где там! Я ничего не чувствую ниже плеч. Слушай, Ричард Манн, давай обменяемся секретами. Что произошло?

— Большие башни — тоже ракетные деревья.

— А-а-а. — То ли вопрос, то ли вопль отчаяния.

— У ракетного дерева два цикла развития. Первый цикл дерево проходит в виде куста, а второй в виде большого многоступенчатого дерева, — Манн говорил торопливо, боясь, что лишится слушателя. — Циклы сменяют друг друга. Семя ракетного дерева приземляется на какой-нибудь планете и вырастает в куст. Из года в год кустов становится все больше. Если семя куста попадает в особенно плодородную почву, вырастает большое многоступенчатое дерево. Ты слушаешь?

— Угу...

— У многоступенчатого дерева живыми являются корень и фотосинтезирующие органы у подножия. Таким образом, ракетной части не приходится нести груз. Она растет прямо из живой части, но сама мертва, как сердцевина дуба, за исключением семени на верхушке. Когда оно созревает, ракета взлетает. Обычно она развивает вторую космическую скорость — в той системе, в которой выросла. Кидд, я не вижу вашего корабля. Я подожду, пока рассеется...

— Говори...

— Я хочу помочь.

— Поздно. Говори.

— Я видел ракетные деревья на расстоянии двадцати световых лет отсюда. Одному Богу известно, где их родина. Они растут во всех соседних системах. Мешочки с семенами путешествуют в космосе тысячелетиями. Попадая в систему, они лопаются: если мир пригоден для жизни, хотя бы одно зерно приживается в нем; если нет, то там, откуда прилетел этот мешок, есть другие мешки. Вот пример бессмертия, капитан Кидд. Это растение старше человечества, оно проделало в космосе гораздо более длинный путь. Миллиард...

— Манн!

— Да?

— Двадцать три-точка-шесть, семьдесят-точка-один,

шесть-точка-ноль. Я не знаю номенклатурного названия. Повторить?

Манн забыл о ракетных деревьях.

— Двадцать три-точка-шесть, семьдесят-точка-один, шесть-точка-ноль. Ищите в этом районе, пока не увидите красный гигант, но не слишком большой. Планета, которая обращается вокруг, маленькая, тяжелая, без луны.

— Понял.

— Вы сделаете глупость, если отправитесь туда. Вы кончите так же, как я. Потому я и дал координаты.

— Я буду их шантажировать.

— Вас убьют. Иначе я не дал бы вам координат. Зачем вам понадобилось убивать меня, Ричард Манн?

— Мне не понравились ваши высказывания насчет моей бороды. Никогда не высмеивайте вундерлендские асимметричные бороды, капитан.

— Больше не буду.

— Я хочу вам помочь, — Манн вглядывался в клубящийся дым. Дым стоял черным столбом, края его были подсвечены лучами двух солнц. — До сих пор не вижу вашего корабля

— Сейчас увидите

Пират застонал.. и Манн увидел корабль. Он успел отвернуться, и ему не обожгло глаза.

Я не мог решить, как назвать это произведение искусства — картиной, рельефом, скульптурой, овощным рагу, — но оно стало лауреатом в секции изобразительного искусства на выставке, организованной Институтом Знаний планеты Джинкс. Странно устроены глаза у Кдальтино, подумал я. У меня глаза слезились. Чем дольше я смотрел на «ФТЛ-космос», тем меньше видел.

Я уже решил, что картина задумана так, чтобы расплываться перед глазами, когда на моей руке повыше локтя осторожно сомкнулись зубастые челюсти. Я подпрыгнул на целый фут.

— Беовульф Шеффер, какой вы расточительный! — прозвучало нежное, волнующее контральто.

Имея такой голос, можно сделать состояние. Мне даже показалось, что я его где-то слышал. Нет, не может быть — это было на Нашем-Успехе, очень далеко отсюда. Я обернулся.

Кукольник отпустил мою руку и продолжал:

— Что вы думаете о Хродену?

— Глаза от него болят.

— Разумеется. Кдальтино не видят ничего, кроме радиоволн. «ФТЛ-космос» нужно не рассматривать, а ощущать. Проведите по картине языком.

— Языком? Нет, спасибо.

Я провел по картине рукой. Если хотите знать, что я почувствовал, садитесь на корабль и летите на Джинкс — картина до сих пор там. Я категорически отказываюсь описывать свои ощущения.

Кукольник с сомнением склонил голову набок.

— Я уверен, что ваш язык гораздо чувствительнее, чем пальцы. На нас никто не смотрит.

— Не будем об этом. Знаете, ваш голос очень напоминает мне голос президента филиала «Дженерал Продактс» на Нашем-Успехе.

— Неудивительно. Мы обучались английскому языку у одной и той же учительницы. Он передал мне ваше досье, Беовульф Шеффер. Я президент филиала «Дже-

нерал Продактс» на Джинксе, что вы, без сомнения, определили по форме моей гривы.

В гривах я как раз не силен. Копна бурой шерсти над черешной коробкой, расположенной между двумя шеями, определяет принадлежность кукольника к той или иной касте — для того, кто разбирается в прическах. Чтобы различать прически кукольников, нужно быть кукольником.

Не желая обнаруживать свое невежество, я спросил:

— В этом досье написано, что я расточителен?

— За последние четыре года вы потратили более миллиона звезд.

— Зато сколько удовольствия я получил!

— Конечно. Скоро опять наделаете долгов. Может быть, вы напишете что-нибудь? Я был в восторге от вашей статьи о нейтронной звезде BVS-1. «Утыканное иглами дно гравитационного колодца...», «Голубой звездный свет падал на меня, как мелкий град...». Премило!

— Спасибо. Мне за это хорошо заплатили, но я больше пилот.

— Как удачно, что мы встретились! Я собирался вас разыскивать. Вам не нужна работа?

Он задал провокационный вопрос. Прошлый раз был единственным случаем, когда я согласился выполнить работу для кукольника, — я знал, что рискую жизнью. Едва не погиб. Я не держал за это зла на президента филиала «Дженерал Продактс» на Нашем-Успехе, но позволить им еще раз воспользоваться мной...

— Отвечу уклончиво: смотря какая. Вы думаете, что я профессиональный пилот-самоубийца?

— Вовсе нет. Вы можете обещать, что, если я посвящу вас в подробности, все останется между нами?

— Обещаю, — ответил я, зная, что обещание придется выполнить. Устное соглашение накладывает такие же обязательства, как и зафиксированное документально.

— Хорошо, пойдете, — он танцующей походкой направился к телепортационной кабине.

Телепортационная кабина доставила нас в одну из вакуумных областей Джинкса. Стояла ночь. Высоко в небе виднелась ослепительно яркая точка Сириуса В. Гористый ландшафт был залит ее холодным голубым светом. Я огляделся, но не нашел на небе Байнари, огромную оранжевую планету, компаньона Джинкса. Значит, мы на внешней стороне.

Над нами что-то висело.

Модель номер четыре, выпускаемая «Дженерал Продактс», — это прозрачная сфера в тысячу с лишним футов диаметром. Большого корабля в Галактике нет. Только государству под силу приобрести такой корабль, и используются четверки только для колонизации планет.

Этот корабль использовался в других целях: он был полон приборов. Наша телепортационная кабина стояла между лапами шасси, как мышь между лапами совы. От двери кабины к люку корабля сквозь вакуум проходил туннель.

— «Дженерал Продактс» уже занимается оснащением кораблей? — спросил я.

— Мы хотим отделиться, но испытываем определенные трудности.

Давно пора разделиться, тем более что компанией владеют кукольники. «Дженерал Продактс» выпускает девяносто пять процентов корпусов для космических кораблей, в основном — потому, что больше никто не знает, как построить неуязвимый корабль. Но то, что я увидел, нельзя было назвать хорошим началом. Помещение, которое, по моему мнению, могло предназначаться для экипажа, груза или пассажиров, располагалось у дна, сразу над люком, и могло вместить лишь одного пилота: в нем было несколько кубических ярдов.

— Вам нелегко будет его продать, — заметил я.

— Верно. Вы заметили что-нибудь еще?

— Ну...

Машины, которыми был занят корабль, стояли очень тесно. Складывалось впечатление, что племя гигантов в десять миль ростом из всех сил стремилось к миниатюризации. Я не увидел коридоров, по которым можно было бы подобраться к приборам. Выходит, ремонт в полете не предусмотрен. Дно пронизывали огромные ноздри четырех термоядерных двигателей. Реактивных поворотных двигателей не было, значит, внутри должен находиться гигантский гироскоп. Иначе...

— Похоже, что это все — гиперскоростные двигатели. Зачем это нужно? У вас возникла необходимость передвигать луны?

— Когда-то вы работали в компании «Накамура Лайнз», занятой коммерческими перевозками. Скажите, сколько занимает полет с Джинкса на Наш-Успех?

— Если ничего не случается, то двенадцать дней.

Ровно столько, сколько требуется, чтобы выяснить, какая из пассажирок самая хорошенькая, а пока ты выясняешь, автопилот выполняет за тебя всю работу, разве что фуражку не надевает.

— От Сириуса до Прокциона четыре световых года. Наш корабль покроеет расстояние за пять минут.

— Вы сошли с ума.

— Нет.

Ведь это почти световой год в минуту! Я не мог такого даже представить. Но вот представил, и у меня отвисла челюсть: я понял, что передо мной открывается Галактика. Мы ведь не знаем о Вселенной ничего, кроме того, что видим в ее небольшом обитаемом районе. А с таким кораблем!

— Это чертовски быстро!

— Вот именно. И, как видите, оборудование занимает много места. Корабль обошелся нам в семь миллиардов звезд, не считая нескольких столетий, ушедших на разработку, но он способен увезти только одного человека. Значит, корабль плохой. Давайте войдем.

II

Жизненное пространство состояло из двух круглых комнат, расположенных одна над другой. Выход был только один. В нижней комнате размещались пульта управления — выключатели, циферблаты, лампочки, — над которыми нависал огромный сферический индикатор массы. Верхняя комната была совершенно пуста, сквозь прозрачные стены просвечивали трубы, по которым в комнату должен поступать воздух и пища.

— Это комната отдыха, — сказал кукольник. — Мы решили, что пилот оборудует ее самостоятельно.

— Почему так?

— Погодите, скоро все станет ясно.

Кукольник принялся мерить шагами комнату, а я, присев у стены на корточки, наблюдал за ним. Мне нравится смотреть, как ходят кукольники. Даже на тяжелом Джинксе их тела, похожие на тела оленей, кажутся невесомыми. Кукольник небрежно переступал крохотными копытцами.

— Область, колонизированная людьми, занимает в

космосе сферу диаметром в тридцать световых лет, не так ли?

— Почти так. Это не совсем сфера.

— Владения кукольников гораздо меньше. Сфера влияния кдальтино вдвое меньше вашей, сфера влияния кцинти чуть больше. Все это крупные цивилизации, способные путешествовать в космосе. Аутсайдеров не будем брать в расчет: у них нет кораблей. Некоторые сферы влияния совпадают или перекрываются. Некоторым, чтобы попасть из одной сферы влияния в другую, никуда не нужно лететь. Другое дело мы: наше влияние распространяется на все территории, где покупают наши корабли. Сложите их протяженность, и получится шестьдесят световых лет. Этот корабль преодолеет такое расстояние за семьдесят пять минут. Прибавим шесть часов на взлет и шесть на посадку, предположим, что у места назначения не будет транспортных пробок, и получим корабль стоимостью в семь миллиардов звезд, который доставит одного пилота и ноль груза в любое место минимум за двенадцать и максимум за тринадцать часов.

— А если использовать его в исследовательских целях?

— Кукольники не видят смысла в абстрактном знании, а кроме того, мы сами не можем заниматься исследованиями, — он имел в виду, что кукольник не станет рисковать жизнью и не полетит один, а значит, результаты исследований будут принадлежать той цивилизации, подданным которой является пилот. — Нам нужны деньги и специалисты, которые сумеют создать пусть не такой быстрый, но зато не такой громоздкий аппарат. «Дженерал Продактс» не желает тратить деньги на то, что может не иметь успеха. Нам потребуются лучшие умы, которые имеются в разумных цивилизациях, и огромные капиталовложения. Мы хотим привлечь к себе внимание, Беовульф Шеффер.

— Рекламный полет?

— Да. Мы хотим отправить пилота к центру Галактики и обратно.

— Господи! Это долго?

— Приблизительно двадцать пять дней туда и столько же обратно. Если вам нужна аргументация...

— Нет-нет, все в порядке. Почему вы решили пригласить именно меня?

— Мы хотим, чтобы пилот написал о своем путеше-

ствии. У меня есть адреса и фамилии нескольких пишущих пилотов. Те, к кому я уже обращался, не изъявили достаточной готовности. Они говорят, что писать, сидя на земле, гораздо спокойнее, чем испытывать новые корабли. Я согласен с их рассуждениями.

— Я тоже.

— Вы полетите?

— Что вы за это предлагаете?

— Сто тысяч звезд за полет и пятьдесят тысяч за рассказ плюс та сумма, за которую вы его продадите.

— Согласен.

Тревожился я только о том, что мой новый босс выяснит, что статью о нейтронной звезде писал не я. Поначалу я не понимал, почему «Дженерал Продактс» мне доверяет. В первый раз, когда я на них работал, хотел украсть их корабль; тогда это казалось мне более выгодным, чем честное выполнение задания. В этот раз корабль, который я назвал «Лонг-Шот», не стоило красть. Потенциальный покупатель понял бы, что корабль краденый, и не захотел бы со мной связываться. На этом корабле можно было бы отправиться исследовать шаровидное скопление звезд, другим его применением может стать реклама.

Полет к центру Галактики — это шедевр рекламы.

Смотрите: на обычном корабле от Джинкса до Нашего-Успеха можно добраться за двенадцать дней, а на «Лонг-Шоте» за двенадцать часов. Какая разница? Деньги на такую поездку нужно копить двенадцать лет. Но центр Галактики! На своем первом корабле я летел бы туда триста лет, не считая остановок для заправки топливом и пополнения запасов провизии. Ни одно разумное существо еще не видело центра Галактики, спрятанного в чередующихся слоях разреженного газа и космической пыли. О центральных звездах написаны бесчисленные тома, но они содержат лишь общие места и научные предположения, основанные на результатах наблюдения за другими Галактиками, такими как, например, Андромеда.

И вдруг три столетия превращаются в три недели! Вполне обозримый срок. И все будет видно!

Жизненное пространство оборудовали за две недели. Я велел полностью закрасить стены синим цветом в

комнате отдыха и совсем не красить в зале управления. К тому времени, когда все было готово, я успел запастись видеокассетами и другими развлечениями, которые помогают человеку, на семь недель запертому в помещении чуть более просторном, чем чулан, не сойти с ума.

В последний день перед вылетом мы с кукольником обсуждали окончательную версию контракта. Мне давали четыре месяца на то, чтобы достичь центра Галактики и вернуться обратно. Наружные камеры будут работать непрерывно, я не должен их отключать. Если корабль получит механические повреждения, могу вернуться, не побывав в центре Галактики, в ином случае я должен долететь до центра. Предусматривались штрафы. Копию записи я оставил у адвоката.

— И последнее, — сказал кукольник, когда контракт был заключен. — Термоядерные двигатели и гиперскоростные моторы работают в противоположных направлениях.

— Как это?

Кукольник не мог подобрать слов.

— Если вы включите их одновременно, то перед кораблем сквозь гиперпространство будет лететь пламя.

Я представил себе картину: корабль, как рак, пятится в неизведанное. А если учесть, что зал управления располагается у дна корабля, это приобретает какой-то смысл. Особенно для кукольника.

III

И вот я в полете.

Я взлетел при двух стандартных g, потому что люблю комфорт. В течение двенадцати часов я летел только на термоядерных двигателях. Не стоит нырять в гиперпространство в близком соседстве с центром тяготения, особенно в экспериментальном полете. Пилоты, которые так поступают, потом не выходят из гиперпространства. Когда раздался звонок, я смотрел фильм в комнате отдыха. Я соскользнул в зал управления, привязался, чтобы не болтаться в невесомости, отключил реакторы, потер руки и включил гиперскоростные двигатели.

Получилось не совсем то, чего ожидал.

Выглянуть наружу я, разумеется, не мог. Когда ты находишься в гиперпространстве, тебе кажется, что на

корабле нет окон. Нельзя сказать, что ты ничего не видишь, — ты забываешь, что можно что-то увидеть. Например, если между репродукцией «Испании» Дали и пультом управления кухней находится окно, твоё зрение и сознание поместят картину рядом с пультом, не замечая пространства между ними. Постепенно человек к этому привыкает; бывает, сходит с ума, но меня это не тревожило. Я провёл в космосе тысячи человеко-часов. Мое внимание привлёк индикатор массы.

Индикатор массы — это большая прозрачная сфера, из центра которой расходятся в стороны голубые линии. Направление линии соответствует направлению на звезду, длина линии соответствует массе звезды. Если бы можно было встроить индикатор массы в автопилот, не нужны были бы люди-пилоты, но, к сожалению, такое невозможно. При всей своей точности и надёжности это псионический прибор. Он не работает, если им не управляет сознательное существо. Я так привык к индикаторам массы, что воспринимаю линии как настоящие звезды.

Ко мне приближалась звезда, и я свернул в сторону. Потом увидел, что ещё одна линия, направленная на меня, удлинилась до опасных размеров, и снова свернул. Передо мной оказался голубой карлик. Опять свернул и огляделся, ища дроссель. Я хотел затормозить.

Повторяю: я хотел затормозить.

Разумеется, дросселя не было. Управление скоростью в гиперпространстве являлось частью исследовательской программы кукольников. Ко мне потянулась длинная размытая линия — протосолнце...

Попытаюсь объяснить, на что это похоже. Представьте себе скоростную автостраду на Земле. Вы, наверное, видели их из космоса — сплетения изгибающихся бетонных лент. Сейчас они стоят пустые и заброшенные: какие-то разрушены, какие-то застроены; новые, с резиновым покрытием, используются как дорожки для верховой езды. Представьте, как такая автострада могла выглядеть в шесть часов утра в будний день, скажем, в тысяча девятьсот семидесятом году. Сплошной поток наземных машин. Возьмем все машины и отключим у них тормоза. Теперь установим регуляторы на акселераторах так, чтобы максимальная скорость автомобилей находилась в пределах шестидесяти-семидесяти миль в час, но не была у всех одинаковой. Теперь представим,

что все регуляторы разом испортились и скорость, которую мы считали максимальной, является минимальной. На дороге начнется паника.

Представили? А теперь представьте, что вы сидите в одной из этих машин, окна и лобовое стекло в ней закрашены черным, а в вашем распоряжении радар. Ваша задача — ни с кем не столкнуться.

Вот в каком положении я оказался.

Поначалу было не так уж страшно. Звезды надвигались на меня, я уворачивался от них. Постепенно я к этому привык. У меня был большой опыт, и я на глаз определял массу звезды и расстояние до нее и оценивал опасность. Однако, летая на кораблях компании «Накамура Лайнз», я смотрел на индикатор массы четыре-пять раз в сутки, а здесь я не решался отвернуться от него. Я устал и начал подпускать звезды все ближе и ближе. Через три часа я сдался.

Звезды выглядели несколько непривычно. Я вздрогнул: корабль залетел в совершенно незнакомую область космоса. Если я увижу Сириус или Антарес, то не узнаю их. Неизвестно, видимы ли они отсюда. Я отогнал эту мысль и связался с хозяином.

— «Лонг-Шот» вызывает «Дженерал Продактс», «Лонг-Шот» вызывает...

— Беовульф Шеффер?

— Я вам никогда не говорил, что у вас очень красивый, прямо-таки обольстительный голос?

— Нет. Все в порядке?

— Боюсь, что нет. А если честно, я поворачиваю назад.

Молчание.

— Почему?

— Я не могу все время лавировать между звездами. Когда-нибудь я замешкаюсь и врежусь в звезду. Ваш корабль летит слишком быстро.

— Да. Нужно сконструировать менее быстроходный.

— Конечно, жаль отказываться от такого хорошего заработка, но мне в глаза словно песку насыпали. Я весь разбит. Придется поворачивать назад.

— Хотите послушать запись нашего соглашения?

— Нет, а что такое?

— Согласно контракту, вы можете вернуться лишь в

том случае, если корабль получит механические повреждения. Иначе вам придется платить неустойку, превосходящую обещанное вам вознаграждение вдвое.

— Механические повреждения? — переспросил я.

Где-то на корабле есть ящик с инструментами, в котором лежит молоток...

— Я не сказал об этом раньше, потому что считал это невежливым. В жизненном пространстве установлены две кинокамеры. Мы собирались использовать фильм в целях рекламы, но...

— Понятно. Ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос, всего на один: когда президент филиала компании на Нашем-Успехе передавал вам мое досье, он не говорил, что мне известно, что в вашем мире нет луны?

— Говорил. Он сообщил, что заплатил вам за молчание миллион звезд и что у него имеется запись соглашения.

— Ясно.

Вот почему выбор пал на Беовульфа Шеффера, известного писателя.

— Путешествие продлится дольше, чем я рассчитывал.

— За каждый просроченный день вы заплатите штраф. Две тысячи звезд за день.

— В вашем голосе появились неприятные скрипучие нотки. До свидания.

Я продолжал полет. Каждый час я выходил из гиперпространства в обычный космос, чтобы десять минут отдохнуть и выпить чашку кофе. Я делал перерыв на обед и на ночь. Двенадцать часов я сидел у пульта, а двенадцать пытался восстановить силы. Я был обречен на поражение.

К концу второго дня я понял, что не уложусь в четыре месяца. Мне потребуется хотя бы шесть. Уплатив сто двадцать тысяч звезд штрафа, я останусь почти ни с чем. И поделом: нечего связываться с кукольниками!

Вокруг было море звезд. Они заглядывали в кабину сквозь пол и в просветы между приборами. Под ногами, излучая призрачное белое сияние, проходил Млечный Путь. Звезд становилось все больше. Чем ближе к центру, тем их будет больше, и в конце концов я врежусь в какую-нибудь из них.

Идея! Как вовремя!

Певучий голос ответил незамедлительно:

— Беоульф Шеффер?

— Радость моя, здесь больше никого нет. Я тут кое-что придумал. Вы не могли бы...

— Какой-нибудь из приборов вышел из строя, Беоульф Шеффер?

— Нет, пока все в порядке. Послушайте..

— В таком случае что вынуждает вас обращаться именно ко мне?

— Радость моя, пришло время принять решение. Вы хотите мести или предпочитаете получить свой корабль обратно?

После недолгого молчания он ответил:

— Можете говорить.

— Я могу попасть в центр Галактики гораздо скорее, если полечу в один из промежутков между ее ветвями. Достаточно ли у нас сведений о Галактике, для того чтобы вычислить, где кончается наша ветвь?

— Я свяжусь с Институтом Знаний и выясню это.

— Хорошо.

Через четыре часа, когда я вовсю спал, зазвонил гиперфон. Говорил не президент, а какой-то мелкий служащий. Вчера, усталый и в очередной раз обманутый очаровательным голосом президента, я назвал его «моя радость» и, наверное, оскорбил его кукольные чувства. Может быть, «он» самец. Пол кукольника — одна из его маленьких тайн. Служащий сообщил мне направление и расстояние до ближайшего промежутка между звездами.

Чтобы попасть туда, я потратил еще один день. Звезды стали реже, но я уже не мог этому поверить. Я вышел из гиперпространства — это правда. Звезды отстояли одна от другой на десятки и сотни световых лет. А вон и центр Галактики — яркий ободок вокруг тусклого плоского облака пыли и звезд.

IV

С этого момента дела пошли лучше. Я мог смотреть на индикатор массы не чаще, чем раз в десять минут. Я забыл о жестком режиме первых дней и, наблюдая за линиями на индикаторе массы, мог обедать, ужинать и проверять показания других приборов. Восемь часов в сутки я спал, в течение оставшихся шестнадцати —

летел. Я продвигался к центру Галактики по коридору между ее ветвями, повторяя его повороты.

Как исследовательская экспедиция мой полет потерпел фиаско. Я ничего не видел. Все, на что стоило посмотреть, осталось в стороне. Звезды, пылевые облака, аномальные скопления, пронизывающие темноту коридора пучками лучей, невидимые объекты, которые могли оказаться звездами, — все это мои камеры снимали с безопасного расстояния, фиксируя лишь пятнышки света. За три недели я продвинулся к центру Галактики почти на семнадцать тысяч световых лет.

К исходу трех недель закончился и коридор. Передо мной было безликое скопище звезд, а дальше — темные пылевые облака. До центра Галактики оставалось еще тринадцать тысяч световых лет.

Я сделал несколько снимков и нырнул в гиперпространство.

И снова десятиминутные перерывы на чашку кофе; завтраки, обеды и ужины, которые я намеренно растягивал, чтобы подольше отдохнуть, часы сна, не дающие отдыха утомленным глазам. Звезд вокруг было полным-полно, а пыли еще больше. Линии постепенно становились все менее яркими. Я стал делать перерывы каждые полчаса.

И так три дня.

После полудня четвертого дня я сидел перед индикатором массы, в котором сменялись оттенки синевы — это изменялась плотность пыли вокруг корабля. Вдруг туман в индикаторе рассеялся. Вот новости! Не хватало только, чтобы индикатор массы сломался! Но нет, линии, изображающие звезды, не пропали, как шипы, торчат в разные стороны. Я продолжал выруливать между ними. Зазвенел будильник, возвещая о перерыве. Я с облегчением вздохнул и вышел из гиперпространства.

Взглянув на часы, я увидел, что до ленча остается полчаса. Поначалу я решил есть, когда придется, но потом подумал, что лучше соблюдать режим. Это помогло держаться. Интересно, что там на небе. Я инстинктивно взглянул вверх, чтобы не смотреть через прозрачный пол кабины. Даже тренированным глазам тяжело смотреть в бескрайнее гиперпространство. Вспомнив, что я в обычном космосе, опустил глаза.

Некоторое время я сидел уставясь в пол, потом, не поднимая взгляда, потянулся к гиперфону.

- Беовульф Шеффер?
- Нет, Альберт Эйнштейн. Перед вылетом я спрятался, а теперь решил сдаться за вознаграждение.
- Сообщение ложных сведений является прямым нарушением условий контракта. Зачем вы позвонили?
- Я увидел центр Галактики.
- Это не причина для того, чтобы звонить. Согласно контракту, вы обязаны увидеть центр Галактики.
- Черт возьми, неужели вам не интересно? Вы не хотите узнать, на что он похож?
- Если вы хотите описать увиденное сейчас, чтобы застраховать информацию от несчастного случая, я включу диктофон. Однако, если ваш полет окажется неудачным, мы не станем публиковать эту запись.

Я сочинял достойный ответ, и тут раздался щелчок. Босс соединил меня с диктофоном. Я произнес короткое предложение и повесил трубку.

Центр Галактики.

Здесь не было ни пыли, ни газа. Миллионы лет назад они сгорели в лучах столпившихся здесь голодных звезд. Центр Галактики сиял, как огромный драгоценный камень. Я считал, что между центром и ветвями Галактики не существует четких границ, что звезды редуют постепенно. Я не увидел и намека на постепенность. В сердце Галактики находился плотный шар диаметром в пять-шесть тысяч световых лет, сложенный из разноцветных огней и четко отделенный от остальной Галактики пылевыми облаками. Десять тысяч четырехста световых лет отделяли меня от центра.

Самыми яркими и крупными были красные звезды. Некоторые даже выделялись на общем фоне, образованном смешанным, как краски на палитре, светом синих и зеленых звезд. Но красные... по сравнению с ними Альдебаран покажется пустым местом.

Как ярко они светили! Мне пришлось смотреть в телескоп, чтобы различить черные промежутки между ними.

Я помогу вам представить, какие в центре Галактики яркие звезды.

У вас сейчас ночь? Выйдите на улицу и посмотрите на звезды. Какого они цвета? Антарес может показаться красным, если вы недалеко от него. Если вы в Солнечной системе, вы увидите красный Марс. Сириус будет голубоватым, а все остальные звезды покажутся вам белыми

точками. Почему? Потому что темно. Днем у нас цветное зрение, а ночью черно-белое, как у собак.

Так вот, в центре Галактики настолько светло, что человеческий глаз различает цвета.

Отыскать бы здесь планету! Не в самом центре, а на границе пылевых облаков, которые, как занавес, отгораживают центр от остальной Галактики. Это просто сказка. Представьте, что каждое утро над вашей планетой восходит сверкающее сокровище, в несколько сот раз больше Байнари, которое светит над Джинксом. Но на Джинксе мне все время кажется, что огромная оранжевая звезда вот-вот упадет на меня, а здесь такого чувства нет, потому что центр Галактики — всего лишь свет, прекрасный и бесплотный. Я бы с удовольствием нашел и застолбил здесь планету, и когда кукольники проложат сюда дорогу, у меня будет самое красивое поместье в известной людям Вселенной. Найти бы только пригодную для жизни планету.

Найти бы ее и во второй раз.

Черт возьми, хорошо, если я найду дорогу домой. Я ушел в гиперпространство и принялся за работу.

V

Через час пятьдесят минут, то есть через пятьдесят световых лет, сделав перерыв для ленча и два перерыва для короткого отдыха, я заметил в центре Галактики новый объект.

Центр не показался мне намного больше, но зато стал ярче. Я пролетел последние клубы последнего пылевого облака. На некотором расстоянии от центра звездного шара появилось белое пятно, такое яркое, что свет голубых, зеленых и даже красных звезд казался по сравнению с ним тусклым. Во время очередного перерыва оно стало чуть ярче, потом еще ярче.

— Беовульф Шеффер?

— Да. Я...

— Почему вы сказали в диктофон, что я двухголовое трусливое чудище?

— Я не мог сказать это вам в глаза, вы бросили трубку.

— Логично. Нам, кукольникам, трудно понять отсут-

ствие у вас естественной осторожности, — босс сердился, хотя в звучании его голоса это не проявлялось.

— Постараюсь исправиться, но я не поэтому звоню.

— Почему же?

— Я целиком и полностью за осторожность. Осмотрительность — мать смелости и все такое. Вы даже можете быть удачливыми бизнесменами, — когда имеешь деньги, легче бороться с обстоятельствами. Но вы так озабочены борьбой за выживание, что не проявляете ни малейшего любопытства по отношению к тому, что вам не угрожает. Никто, кроме кукольника, не отказался бы послушать, как выглядит центр Галактики.

— А кцинти?

— Ах, да!

Кцинти. От них трудно ожидать разумного поведения. Они нападают, ты отражаешь нападение и делаешь над собой усилие, чтобы их не уничтожить. Они восстанавливают силы и снова нападают, и снова ты их бьешь. В перерывах между войнами ты продаешь им продукты питания и покупаешь у них металлы, и нанимаешь их на работу, когда тебе нужны специалисты в области теории игр. Они не представляют реальной опасности, потому что всегда нападают, не успев подготовиться.

— Кцинти плотоядное племя. В тех ситуациях, когда мы боремся за выживание, они борются за мясо. Они завоевывают миры для того, чтобы покоренные народы снабжали их провиантом. Они не умеют работать на земле, не в ходу у них и скотоводство. Если их не будут обслуживать рабы, они, как дикари, будут бродить по лесам в поисках мяса. Какое им дело до того, что вы называете абстрактным знанием? Ни одному сознательному существу не нужно знание, если оно не приносит выгоды. Только всеядному существу было бы интересно выслушать ваш рассказ о центре Галактики.

— Блестящее доказательство, только вы не учли, что большинство разумных племен всеядны.

— Мы об этом долго и напряженно думали.

Ну и типы! Вот о чем мне не мешает подумать.

— Зачем вы позвонили, Беовульф Шеффер?

Ну конечно!

— Послушайте, я знаю, что вы не хотите знать, как выглядит центр Галактики, но я заметил кое-что, что может представлять для меня опасность. Вы располагаете

сведениями, которыми я не располагаю. Можно продолжать?

— Продолжайте.

Х-ха! Я привыкаю думать как кукольник. Хорошо это или плохо? Я рассказал боссу о сияющем белом пятне, которое увидел в центре Галактики.

— Я едва не ослеп, когда навел на него телескоп. Через светозащитное стекло номер два не видны детали. Видно бесформенное белое пятно, настолько яркое, что звезды вокруг него кажутся черными кружочками с цветными каемками. Я хочу знать, в чем тут дело.

— Звучит очень странно. — Пауза. — Скажите, цвет пятна однороден? Его яркость везде одинакова?

— Минутку, — я заглянул в телескоп. — Цвет однороден, а яркость не везде одинакова. Внутри есть менее яркие участки, как будто середина холоднее.

— Отыщите с помощью телескопа нову. В такой большой массе звезд найдется хотя бы одна.

Я занялся поисками новы и вскоре нашел что-то похожее: ослепительно яркий диск характерного бело-голубого цвета, а на его фоне небольшой красный диск, не такой яркий. Наверное, это и есть нова. В центре галактики Андромеды и в центре нашей Галактики красные звезды ярче и крупнее других.

— Нашел.

— Что вы можете сказать?

Через несколько секунд я понял, что он имел в виду.

— Она того же цвета, что и пятно, которое привлекло мое внимание. И яркость та же. Интересно, отчего несколько сверхновых звезд погасли одновременно?

— Вы видели их в центре Галактики. Звезды, составляющие его, отстоят одна от другой в среднем на половину светового года. У самого центра расстояние между ними еще меньше. Пылевые облака не ослабляют их яркость. Находясь в такой близости, звезды своим светом разогревают одна другую. Они быстрее стареют и быстрее сгорают.

— Понимаю.

— Поскольку в центре Галактики звезды стареют быстрее, чем в ее ветвях, в центре гораздо больше звезд, близких к состоянию сверхновых. Кроме того, в соответствующем возрасте они горячее. Допустим, что звезду от периода сверхновой отделяют несколько тысяч лет, а

на расстоянии светового полугода взорвалась сверхновая звезда. Оцените вероятности...

— Они обе могут взорваться, спровоцировав третью, а три могут захватить еще пару.

— Точно. Поскольку сверхновая звезда живет не более стандартного года, цепная реакция вскоре прекратится. Пятно света, которое привлекло ваше внимание, скорее всего, возникло именно так.

— Прекрасно. Я хотел сказать, хорошо, что я все выяснил. Когда подлечу ближе — сделаю снимки.

— Как хотите. — Щелк.

Я приближался к центру Галактики, а светлое пятно, по-прежнему бесформенное, как туманность, делалось все больше и ярче. Трудно было понять, что происходит. Расстояние, которое свет новых звезд проходил за пятьдесят лет, я покрывал за час, двигаясь навстречу свету со скоростью, на которой сама Вселенная кажется нереальной. Я сделал четвертый перерыв и, выйдя из гиперпространства, глянул в прозрачный пол кабины, чтобы своими глазами увидеть то, что снимают камеры. Когда я отвернулся от светлого пятна, перед глазами у меня поплыли цветные круги. Пришлось надеть светозащитные очки номер один. У каждого пилота есть набор из двадцати пар для работы вблизи звезд.

Я вздрогнул, когда подумал, что светлое пятно еще очень далеко от меня, на расстоянии около десяти тысяч световых лет, а уровень радиации таков, что все живое должно погибнуть. Приборы показывали, что уровень радиации равен солнечному.

Когда я вышел из гиперпространства в следующий раз, мне понадобились светозащитные очки номер два, затем номер три, затем номер четыре. Светлое пятно превратилось в огромную ослепительную амебу, запустившую изгибающиеся огненные отростки во внутренних центрах Галактики. Продвигаясь по гиперпространству, я буквально протискивался между звездами, но не останавливался. Чем ближе был центр, тем сильнее пятно напоминало живое существо, растущее и требующее пищи. Мне кажется, что уже тогда я все понял.

Наступила ночь. Кабина была залита светом. Я спал в комнате отдыха, убаюкиваемый гулом машин, регулирующих температуру. Настало утро, и я снова принялся за работу. Радиометр выводил песню смерти, с каждым перерывом все громче. Если бы у меня раньше было

намерение выйти в открытый космос, сейчас я отказался бы от него. Радиация не проникает сквозь корпус изделия «Дженерал Продактс», и ничто другое не проникает, кроме видимого света.

Я провел мучительные полчаса, пытаюсь вспомнить, видит ли кто-нибудь из клиентов «Дженерал Продактс» рентгеновские лучи. Позвонить и спросить боялся.

В индикаторе массы появилась слабая голубизна. Это газы, которые выбрасывает пятно. Я все менял очки.

Утром следующего дня я остановился. Лететь дальше было бессмысленно.

— Беовульф Шеффер, вы влюбились в звук моего голоса? У меня есть более важные занятия, чем наблюдение за вашим полетом.

— Я хочу прочесть лекцию об абстрактном знании.

— Я подожду, пока вы вернетесь.

— Я не успею, Галактика взорвется.

Послышался странный шум, а затем:

— Повторите, пожалуйста.

— Я завладел вашим вниманием?

— Да.

— Прекрасно. Мне кажется, я понял, почему большинство разумных цивилизаций всеядны. Интерес к абстрактному знанию есть симптом чистого любопытства. А любопытство, наверное, признак, обеспечивающий выживание.

— Стоит ли это обсуждать? Ну, хорошо. Наверное, вы правы. Подобные предположения делали и до вас. В числе ваших предшественников были даже кукольники. Каким же образом наш вид сохранился?

— Наверное, у вас есть замена любопытству. Например, мощный интеллект. У вас достаточно древняя цивилизация, и вы успели подняться на высокий уровень развития. Разве можно сравнить наши руки с вашими ртами! Если бы наш часовой мастер имел на руках органы вкуса и обоняния, его кисть не была бы такой сильной, как ваши челюсти, а пальцы — такими точными, как отростки на ваших губах. Когда я хочу узнать, насколько древним является народ, я смотрю, какие у его представителей руки и ноги.

— Верно. Человеческие ноги еще не окончательно приспособились к выполнению своей задачи — к ношению человеческого тела. Итак, вы предполагаете, что наш интеллект усиленно развивался, чтобы обеспечить вы-

живание вида без опоры на познание мира методом проб и ошибок, которым пользуетесь вы для получения знаний ради знаний?

— Не совсем так. Наш метод лучше. Если бы вы не послали меня в рекламное путешествие к центру Галактики, вы ничего не узнали бы.

— Вы сказали, Галактика взрывается.

— Ну да, она взорвалась где-то девять тысяч лет назад. Я надел светозащитные очки номер двадцать, но все равно глазам больно. Трети центра уже нет. Белое пятно растет со скоростью близкой к скорости света. Едва ли оно остановится, пока не выйдет за пределы Центра и не столкнется с газовыми облаками.

Ответа не было. Я продолжал:

— Сердцевина пятна уже выгорела, а на поверхности — молодые новы. И учтите, свету, который я вижу, уже девять тысяч лет. Сейчас я прочту показания некоторых приборов. На радиометре двести десять. Температура в кабине нормальная, но слышите, как воет терморегулятор? В индикаторе массы стоит голубая муть. Я поворачиваю обратно.

— На радиометре двести десять? На каком расстоянии от Центра вы находитесь?

— Я думаю, тысячи четыре световых лет. Я вижу фонтаны горящего газа. Они образуются на ближней стороне пятна и выбрасывают пламя на юг и на север Галактики. Это мне что-то напоминает. В Институте имеются изображения взрывающихся галактик?

— Имеются. Взрывы галактик происходили в прошлом. Это плохая новость, Беовульф Шеффер. Когда радиация, распространяющаяся из центра Галактики, достигнет наших миров, она стерилизует их. Нам, кукольникам, скоро понадобится значительное количество денег. Хотите, я освобожу вас от обязанностей, предусмотренных контрактом, но без уплаты вознаграждения?

Я так удивился, что не в силах был обижаться.

— Нет, — засмеялся я.

— Вы собираетесь лететь в самый Центр?

— Нет, конечно. Слушайте, почему вы...

— Тогда, согласно контракту, вы должны платить неустойку.

— Еще раз нет. Я сфотографирую приборы. Когда

суд увидит шкалу радиометра и голубой туман в индикаторе массы, он поймет, что приборы повреждены.

— Ерунда. Вам введут наркотик, и вы все объясните.

— Разумеется, и судьи узнают, что вы заставляли меня лететь в эпицентр катастрофы. Знаете, что они скажут на это?

— Что может сказать суд против контракта?

— Все что угодно, если захочет. Может быть, суд решит, что мы оба лжем, а приборы действительно сломались. Может, он найдет способ доказать, что контракт является незаконным, но вынесет решение против вас. Хотите пари?

— Нет. Вы победили. Возвращайтесь.

VI

Центр Галактики снова превратился в сверкающий разноцветными искрами драгоценный камень, а потом скрылся за линзой Галактики. Неплохо бы слетать к нему через пару десятков тысяч лет, но машина времени еще не изобретена.

Я добрался до Центра примерно за месяц. Домой я летел не торопясь. От Центра я направился на галактический север и летел над линзой, где мне не мешали звезды. На это ушло два месяца. Всю дорогу я гадал, почему кукольник в самом конце решил меня надуть. Полет прославил бы «Лонг-Шот», а президент отказывается от славы, лишь бы разорить меня. Я не мог спросить его об этом, — на мои звонки никто не отвечал. Мои знания о кукольниках не помогали. Меня не оставляло чувство, что за мной подглядывают.

Система наведения приземлила меня точно на базу. Меня никто не встречал. В телепортационной кабине я набрал код Сириуса-Матер, самого крупного города на Джинксе. Я собирался связаться с «Дженерал Продактс», сдать им корабль и получить деньги.

В городе я столкнулся с новыми неожиданностями.

— «Дженерал Продактс» перевела на мой счет в банке Джинкса сто пятьдесят тысяч звезд. Для меня оставили в банке письмо, в котором говорилось, что я не обязан писать рассказ о полете.

— Компания «Дженерал Продактс» исчезла. Она перестала продавать корабли. Всем клиентам были выпла-

чены неустойки. Это произошло два месяца назад, одновременно во всех известных мирах.

— Бар, в котором я сижу, находится на крыше самого высокого здания в Сириусе-Матер, на высоте мили над землей. Даже сюда доносится шум, сопровождающий крушение очередной биржи. Кризис начался, когда на предприятия космической промышленности перестали поступать корпуса под оснастку. Вслед за этими предприятиями разорились сотни других. Проходит немало времени, прежде чем межзвездный рынок начинает лопаться по швам, но если этот процесс начался, то его нельзя остановить, как взрывы новых звезд в центре Галактики.

— «Дженерал Продактс» предложила на продажу секрет непроницаемых корпусов. Люди — сотрудники «Дженерал Продактс» в течение года будут собирать заявки, в которых предложена цена не менее триллиона звезд. Не зевайте, заявки рассматриваются на равных основаниях!

— Никто ничего не знает. Поэтому все суетятся. Вот уже месяц нигде не видно кукольников. Почему они так внезапно отошли от межзвездных дел?

Я знаю.

Через двадцать тысяч лет поток радиации zalъет эту область космоса. На первый взгляд, двадцать тысяч световых лет — большое расстояние, но для такого мощного взрыва это ничто. Я спрашивал. Взрыв, произошедший в центре Галактики, сделает ее непригодной для жизни в любом ее проявлении.

Двадцать тысяч лет — большой промежуток времени. Он в четыре раза больше всей записанной истории человечества. К тому времени как нас настигнет взрыв, от нас не останется даже пыли. Не знаю, кто как, а я об этом беспокоиться не собираюсь.

Другое дело кукольники. Они испугались. Они бегут загоя. Им пришлось выплачивать неустойки по всем контрактам, покупать оборудование для своих пустых неуязвимых кораблей. На это потребовалось столько денег, что им стало жаль для меня мизерного вознаграждения по контракту. К черту межзвездный бизнес: отныне у кукольников нет времени на это, только на бегство.

Куда они отправятся? Галактику окружает кольцо

небольших шаровидных скоплений. Возможно, взрыв не затронет те из них, что находятся у внешнего края кольца. А может быть, кукольники полетят в галактику Андромеды. Они могут вернуться и забрать «Лонг-Шот» для исследований неизвестного космоса, могут построить и новые корабли. За пределами нашей Галактики — пустой космос, достаточно пустой, чтобы сами кукольники не нашли в нем угрозы для своей цивилизации.

А жаль. В нашей Галактике будет скучно без куколок. Эти двухголовые чудовища были не только надежнейшими партнерами в межзвездном бизнесе, они были как вода в пустыне гуманоидов. Как досадно, что они не такие храбрые, как мы.

Впрочем, что такое храбрость?

Я не слышал, чтобы кукольник закрыл глаза на какую-либо проблему. Он может рассчитывать, как быстро ему следует бежать прочь, но он не станет делать вид, что проблемы не существует. В пределах ближайших двадцати тысяч лет нам, гуманоидам, придется перемещать население, численность которого уже достигла сорока трех миллиардов. Как? Куда? Когда начинать думать об этом? Когда свет взрыва проникнет сквозь пылевые облака?

Наверное, в глубине души люди трусливы.

По логике Джейсону Папандреу следовало направить «Корт Джестер» прямо домой, на Джинкс, но...

Однажды он видел странную звезду.

Тогда он был холост и служил добровольцем на одном из боевых кораблей Земли. Последняя война с кцинти подходила к концу. Перевес был явно на стороне землян. Кцинти сражались отважно и яростно, им неведомо было милосердие, но они всегда захватывают намного больше, чем могут удержать.

Корабли землян вытеснили кцинти за пределы человеческих владений, потом потеснили еще немного, захватив в качестве компенсации понесенного ущерба два мира кцинти. И вот флоты повернули домой. Капитан корабля, на котором служил Джейсон, отклонился от курса, чтобы дать своему экипажу возможность, может быть последнюю, — взглянуть на Бета Лиры.

Несколько десятков лет спустя Джейсон, его жена и их единственный иноплеменный пассажир неслись по космосу на корабле, рассчитанном на тридцать человек. Анна-Мари страдала от неудовлетворенного любопытства, она никак не могла открыть стазовый сейф, который стоял в носовом отсеке. Несс, сумасшедший кукольник, проводил время в своей каюте, неподвижно и угрюмо паря между пластинами спальной камеры. До Джинкса оставалось несколько недель полета.

Срочно требовалось какое-нибудь развлечение.

Бета Лиры. Чтобы увидеть ее, нужно отклониться от курса всего на шесть градусов.

Анна-Мари злобно уставилась в нишу, где стоял стазовый сейф:

— Неужели его никак нельзя открыть?

Джейсон не отвечал, так как его внимание было всецело поглощено индикатором массы — прозрачным шаром, из центра которого к поверхности, раздваиваясь, ползла зеленая линия.

— Джей!

— Нельзя, Анна. У нас нет приборов, нейтрализующих стазовое поле, а кроме того, это незаконно.

Пора. Нельзя допускать, чтобы двойная линия стала слишком длинной. Когда корабль, летящий сквозь гиперпространство, заходит слишком глубоко в гравитационный колодец, он исчезает.

— Как ты думаешь, нам скажут, что там?

— Конечно, если только это не какое-нибудь новое оружие.

— С нашим везением так и будет. Джей, разве бывают стазовые сейфы такой формы? Здесь наверняка что-то новое, и вряд ли в Институте объяснят нам, что это... Ой! Джей, что ты делаешь?

— Выхожу из гиперпространства.

— Мог бы предупредить женщину, — она принялась ощупывать себя, словно проверяя, все ли на месте.

— Женщина, почему бы тебе не выглянуть вон в то окно?

— Зачем?

Джейсон только улыбнулся самодовольно. Его жена, зная, что не получит другого ответа, поднялась и отодвинула штору. Пилоты частенько ни с того ни с сего выныривают из гиперпространства. Эффект слепого пятна утомляет даже самые крепкие нервы.

Анна-Мари стояла у окна, высокая, тонкая брюнетка в ярко-зеленом свободном джемпере. Она родилась на Вундерленде и принадлежала к породе гибких, тонкокостных людей, развившейся в условиях малой гравитации. Джейсон Папандреу, появившись на Вундерленде, попытался включить ее в коллекцию женщин, которую выполнял в каждом порту, но у него ничего не вышло. В первый же год супружества она изучила космос и «Джестер» вдоль и поперек и стала просто незаменимой. Джей, Анна и «Джестер» образовали единый самостоятельный организм.

Она считала, что видела все, что можно увидеть в космосе. А этого не видела! Ухмыляясь, Джейсон ожидал ее реакции.

— Какая красота! Что это?

Джейсон, встав рядом с женой, обнял ее за талию. За этот год Анна-Мари набрала вес: живя в сильной гравитации, поневоле упражняешь мускулы. Он глянул в окно через ее плечо и подумал: «Дым».

И правда, за окном был дым. Витой шнур красного дыма образовывал тугий клубок. В середине клубка находился источник огня — двойная звезда. Одна из звезд в паре горела бело-фиолетовым огнем, и, если бы

не поляризованное окно, ее лучи пробуравили бы дыры в сетчатке глаз зрителей. Ее маленькая товарка была желтая. Расстояние между ними было так мало, что взаимное притяжение сформировало из них два приплюснутых яйца, выпуклые экваторы которых соединяла широкая лента красного, более слабого, пламени. Лента была образована водородом, собранным с поверхностей звезд их конфликтующими гравитационными полями. Во всем ее объеме шла реакция синтеза ядер.

Последствия войны гравитаций этим не исчерпывались. Свободный конец горящей красной ленты заворачивался в спираль, будто вокруг майского шеста, и ввинчивался в космос, постепенно расплываясь и тускнея, из огненно-красного делаясь дымно-красным. По небу тянулась длинная, в пол-Вселенной, спиральная дорога, усыпанная блестками звезд.

— Это Бета Лирь, — сказал Джейсон. — Я пролетал здесь в молодые годы, когда был счастлив и свободен. Гм... С тех пор здесь мало что изменилось.

— Ну, наверное.

— Э-э-э, не принимай это явление как данность. Неужели ты думаешь, что эта пара будет вечно извергать водород? Еще миллион лет — и фьюить! Нет больше Бета Лирь.

— Жаль. Побежали, разбудим Несса, пока она не исчезла.

Тот, кого они называли Несс, не хотел открывать дверь. Кукольники осторожничают с другими племенами. У них нет другого выхода. По меньшей мере несколько десятков тысяч лет они правили торговой империей, занимавшей сферу диаметром шестьдесят световых лет, которую люди называли «изведанным космосом», и неизвестными другим областями космоса, величины которых никто не знал. Будучи от природы трусливыми, кукольники пытались со всеми ужиться. Кукольник Несс обычно вел себя осторожно, но он был сумасшедший.

На нем проклятием лежала храбрость.

У кукольников храбрость считается симптомом безумия. Конечно, есть и другие симптомы, другие периферические расстройства, свидетельствующие о том, что в нервном центре не все благополучно. Несс переживал стадию маниакально-депрессивного цикла. К счастью, депрессия навалилась на него после того, как он закончил дела с аутсайдерами. В маниакальной стадии он был очарователен. Ни разу не ночевал в одной каюте дважды.

Рисовал углем картинку, глядя на которые Джейсон не мог поверить, что их рисовал кукольник. Сейчас они висели в штурманской. Юмор обычно является признаком нарушений в системе защиты. У кукольников не должно быть чувства юмора.

Но сейчас Несс не выходил из каюты и никого не хотел видеть. Существовало только одно средство заставить его открыть дверь.

Джейсон подошел к пульту управления и нажал кнопку «тревога». Сигнал тревоги подавался записанным на пленку женским голосом. Услышав женский визг, кукольник должен был броситься в зал управления, как будто за ним гонится ангел смерти. Однако Несс появился в дверях на несколько секунд позже, чем его ожидали. Его плоские безмозглые головы оглядывали зал управления, ища следы аварии.

Впервые люди увидели кукольников, когда на Кэмпише стали вновь показывать старый фильм «Время сумасшедших». На корабль-разведчик прибежал, запыхавшись, перепуганный астронавт и закричал:

— Снимаемся! На планете полно чудищ!

— Какие они с виду?

— Похожи на трехногих кентавров, без головы и с тряпичными куклами на руках.

— Прими таблетку, Пирсон. Ты пьян.

Несс был нестандартный кукольник. Его лохматая грива торчала во все стороны, хотя он должен был ее расчесывать, заплетать и укладывать таким образом, чтобы прическа определяла его положение в обществе. Прическа Несса никакому определенному общественному положению не соответствовала, и не случайно. Общества кукольников не существовало. Лет двенадцать назад кукольники дружно покинули Галактику, оставив лишь душевнобольных и генетически вырожденных.

— Что случилось? — спросил Несс.

— Ничего, — ответил Джейсон.

— Посмотрите в окно, — сказала Анна-Мари, — вот сюда.

Кукольник послушно подошел к иллюминатору. Он остановился как раз под одной из картин, которые нарисовал в маниакальной фазе, и Джейсон, переводя взгляд с картины на кукольника, с новой силой усомнился, что между автором и произведением есть что-то общее.

На картине были изображены два человеческих бога.

Только светотень и пропорции указывали на то, что это боги. В остальном это были люди с ярко выраженными характерами; так изобразил бы богов талантливый художник-человек. Один из персонажей картины, совсем еще мальчик, держал в руках Галактику и очень странно улыбался, разглядывая разноцветную спираль. Другой, седой старик с развевающимися по ветру волосами и бородой, словно говорил с недовольным видом: «Ну, пошутил, и будет!»

Несс говорил, что эта картина — имитация человеческого юмора. Наверное, так и было. Может, у сумасшедших кукольников развивается чувство юмора.

А Несс (его настоящее имя звучало как положенная на музыку автомобильная катастрофа) был на самом деле сумасшедший. При определенных условиях он пошел бы на риск. В результате своего внезапного исхода из Галактики кукольники остались должниками по мириадам контрактов, заключенных с десятками других разумных народов. Нессу и подобным ему изгоем оставили деньги и поручили улаживать дела. И вот Несс взял в аренду «Корт Джестер» — все его двенадцать кают — и отправился на край изведенного космоса договариваться с аутсайдерами.

— Я знаю эту звезду, — сказал он, глядя в окно. — Она прекрасна. Мне следовало самому предложить вам остановиться здесь. Если бы не депрессия, обязательно предложил бы. Спасибо, Джейсон.

— Что вы, сэр! — ответил Джейсон Папандреу с таким видом, будто придумал это зрелище специально для того, чтобы развлечь приунывшего кукольника.

Несс насмешливо склонил голову набок, и Джейсон поспешно добавил:

— Мы вернемся на курс, как только прикажете.

— Я просканирую глубинным радаром, — подхватила Анна-Мари.

— Ты представляешь, — засмеялся Джейсон, — сколько кораблей уже просканировали эту систему?

— А вдруг повезет?

Через несколько секунд раздался гудок.

Анна-Мари взвизгнула.

— Не могу поверить, — сказал Джейсон.

— Два раза за один полет! — ликовала жена. — Джей, это рекорд!

Это была правда. Глубинный радар использовали больше по традиции, не ожидая каких-либо результатов.

Настроив глубинный радар на высокие частоты, можно было обнаруживать стазовые сейфы, так как только стазовые поля и нейтронные звезды отражают гиперволновые импульсы. Звезду Бета в созвездии Лиры не раз пытались отыскать с помощью глубинного радара. Это вошло в традицию.

Несс отвернулся от окна:

— Я предлагаю не брать сейф на борт. Определим его точное местонахождение и пришьем за ним кого-нибудь.

— Не брать? — Джейсон вытаращил глаза. — Вы шутите?

— Это аномалия. Сейф уже давно должен быть обнаружен, а прежде всего, он не должен здесь находиться. Бета Лиры прекратила свое существование, наверное, полтора миллиарда лет назад. Зачем тогда рабовладельцам появляться здесь?

— А война? Они могли залететь сюда, спасаясь от флота тнуктипов.

Анна-Мари осторожно ощупывала лучом радара узкую дымную дорожку, отыскивая крохотное пятнышко стаза, с которым столкнулся первый импульс.

— Вы меня наняли, — резко сказал Джейсон. — Если прикажете лететь дальше, придется лететь.

— Я не стану приказывать. Ваш народ прошел большой путь за короткое время. У вас нет осторожности, но есть чем ее компенсировать.

— Вот он, — сообщила Анна-Мари. — Смотри, Джей. Маленький ледяной мирок за пару миллиардов миль отсюда.

Джейсон посмотрел на экран:

— Ну, тут не будет проблем. Поехали!

Несс молчал. Он был бодр, но без нервозности и возбуждения, которые обычно наблюдались у него в начале маниакальной фазы. По крайней мере, Бета Лиры излечила его депрессию.

«Трейдорз Кло» прятался глубоко подо льдом. Лед за его шестиугольными иллюминаторами казался темным. Экипаж корабля был лишен зрения, но взамен был наделен механическим чувством, которое представляло собой нечто среднее между радаром и рентгеновским зрением. Вселенная выглядела на экранах приборов

«Трейдорз Кло» как набор прозрачных, накладывающихся друг на друга изображений. Театр теней.

Четверо кинти наблюдали, как тень, похожая на мыльный пузырь, медленно проступает сквозь другие тени. Вот она остановилась.

— Они спускаются, Чафт-капитан, — сказал Флаер.

— Ну да, спускаются, — отозвался капитан без энтузиазма. — Телепат, сколько их?

— Двое людей, — в голосе телепата звучала покорность, смешанная с тихой ненавистью к самому себе. — И кукольник, — теперь он говорил с отвращением.

— Странно. Это пассажирский корабль. Зачем одному кукольнику столько кают?

— Я чувствую только их присутствие, Чафт-капитан, — телепат тонко намекал, что еще не принял наркотик. Если прикажут, он примет. Без инъекции специально обработанной лимфы стондата его способности невелики — чуть больше, чем умение сделать правильную догадку.

— Один человек сошел на землю, — сказал Флаер. — Нет, оба сошли.

— Слейверстюдент, начинай враждебные действия. Будем надеяться, что кукольник не выйдет.

Планета была не больше, чем земная Луна. Ее тонкая водородная атмосфера регулярно обновлялась, так как водородный хвост Бета Лиры пересекал ее орбиту. Сейчас планета находилась в плоскости одного из витков спирали, и по небу над ней, деля его на две неравные части, тянулась полоса горячего красного дыма.

Анна-Мари затолкала волосы под шлем, привинтила шлем к скафандру и, выйдя наружу, принялась озираться вокруг.

— Даю тебе имя Клубок Ариадны!

— Неплохо, — одобрил Джейсон. — Будет очень жаль, если планета уже имеет имя.

Они вышли за пределы защитного поля, и эскалатор повез их вниз. Джейсон нес тяжелый портативный глубинный радар.

Они пошли по направлению к предмету, темневшему на экране радара. Джейсон был на голову ниже жены и раза в два шире — типичный землянин. Однако по сравнению с тонкой Анной-Мари он казался уроженцем Джинкса. Он без труда передвигался в условиях малой

гравитации. Анна-Мари, подпрыгивая, как воздушный шарик, держалась вровень с мужем лишь благодаря длинным ногам и ценой больших усилий.

Джейсон стоял как раз над изображением стазового сейфа и собирался оставить на льду метку, чтобы потом вернуться и выкопать сейф. И тут изображение исчезло.

Услышав треск, Джейсон обернулся. Из-под льда вырвался фонтан пара, подсвеченный снизу розовым. Анна-Мари уже бежала к кораблю, едва касаясь ногами земли. Джейсон собирался сделать то же самое.

В облаке пара, вернее, теперь уже в облаке ледяных кристалликов, возникла огромная фигура. Это был кчинти в вакуумном скафандре. В руках он держал полицейский силовой пистолет. Он вылетел на поверхность на бегу. Человек на его месте никогда не прицелился бы так точно.

Джейсон упал как подкошенный. Анна-Мари скачками неслась по ледяной пустыне, медленно, как во сне. Кчинти не обращал внимания ни на нее, ни на Джейсона. Он стрелял из силового пистолета назад, используя его как реактивный двигатель.

Тяжелая дверь корабля, занавешенная силовым полем, стала закрываться. Слишком медленно. Джейсон был еще в сознании и видел, как очередной выстрел подбросил кчинти на эскалатор, а эскалатор протащил его сквозь защитный занавес. Тут в голове у Джейсона загудело, и сознание покинуло его.

В комнате отдыха сидели двое людей, один кукольник и один кчинти. Кчинти был Чафт-капитан. Иначе быть не могло, потому что пленникам еще не представилась возможность отказаться говорить. Чафт-капитан был благородного происхождения и перед фамилией ставил частицу. Если бы он находился в комнате с пленниками не один, то не сумел бы скрыть страх. Его экипаж наблюдал за происходящим из зала управления.

Кукольник приподнял голову. Его шея извивалась, как у пьяного. Но вот она перестала качаться, взгляд сделался жестким. На языке кчинти кукольник спросил:

— Каковы цели ваших действий?

Чафт-капитан не обратил на него внимания. Неприлично говорить с кукольником как с равным. Кукольники не умеют воевать, а значит, это просто травоядное животное. Мясо.

Следом за кукольным очнулся человек-мужчина. Некоторое время он в ужасе смотрел на Чафт-капитана, затем стал оглядываться по сторонам.

— Мы все попались, — сказал он.

— Все, — подтвердил кукольный. — Вы помните, я не советовал...

— Еще как помню! Простите, Несс. Что здесь происходит?

— Пока ничего.

Мужчина снова взглянул на Чафт-капитана:

— Кто вы?

— Можете называть меня капитаном. В зависимости от того, как будут развиваться дальнейшие события, вы будете либо заложниками, либо военнопленными. Кто вы?

— Джейсон Папандреу, землянин, — человек попытался сделать какой-то жест, очевидно, указать на себя рукой, но обнаружил, что туго связан электронной полицейской сетью. Ему пришлось представляться без жестов.

— Очень хорошо, — сказал Чафт-капитан. — Джейсон, у вас имеется стазовый сейф, реликвия рабовладельческой империи?

— Нет.

Капитан сделал жест по направлению к экрану, расположенному позади пленников. Телепат кивнул и отключился. Пленник солгал, теперь его можно допрашивать с пристрастием.

Это была странная, выжидательная война.

С точки зрения закона это была даже не война. «Трейторз Кло» значился в списках кцинти как похищенный корабль. Если бы он попал в руки полиции, все миры кцинти потребовали бы для Чафт-капитана наказания как для пирата. Даже название корабля соответствовало поступкам капитана¹.

До сих пор капитан не одержал ни одной победы, не было у него и потерь. Он вел странную войну, руководствуясь очень гибкими правилами и велениями собственной совести, которую часто нелегко было понять и которой трудно было угодить. Даже сейчас... Ну, что делать с кукольным? Съесть его нельзя: официально кукольники считаются дружественным народом. Стран-

¹ Коготь изменника (англ.). (Прим. переводчика.)

ная война, но все же так лучше, чем вообще без войны. Может быть, теперь дела пойдут веселее.

Кцинти задал вопрос и отвернулся. Это недобрый знак. Очевидно, вопрос был формальный.

Джейсон еще раз попытался пошевелиться в путах силового поля. Он увяз в нем, как муха в клейком составе, которым покрывают бумагу. Должно быть, это полицейская сеть. Когда закончилась последняя война, миры кцинти получили особый статус — за ними осуществлялся усиленный надзор. Жителям разрешалось пользоваться средствами предупреждения и ограничения, принятыми на вооружение полицией, но запрещалось хранить и применять боевое оружие.

Впрочем, для того чтобы справиться с двумя безоружными людьми и одним кукольником, едва ли требуется оружие.

Очнулась Анна-Мари.

— Спокойно, дорогая! — сказал Джейсон.

— Спокойно? Ой, моя шея! Что случилось? — она попыталась шевельнуть рукой, затем удивленно завертела головой, свободной от сети.

Увидев кцинти, она вытаращила глаза и закричала.

Кцинти смотрел на нее с явным раздражением, Несс — без всякого выражения.

— Ну, ладно, — заговорил Джейсон. — От крика толку не будет.

— Джей, это кцинти!

— Ну да, и мы у них в плену. Бог с тобой, кричи сколько угодно.

Это ее отрезвило. Она посмотрела на мужа, поняла, что он совершенно беспомощен, и обернулась к капитану. Анна-Мари уже немного успокоилась. Джейсон мог не тревожиться: его жена не раз на деле доказала свою храбрость.

Анна-Мари никогда не видела кцинти и знала о них только то, что рассказывал муж, а он ничего хорошего о них не говорил. Однако ей не была свойственна ксенофобия. Анна-Мари легче находила общий язык с Нессом, чем Джейсон. Сейчас она спокойно смотрела в лицо кцинти.

Джейсон волновался за Несса, настроения которого не мог понять. Кукольники боятся боли еще сильнее, чем смерти. Неизвестно, как поступит Несс, если кцинти станет угрожать ему пытками. Без кукольника они с Анной-Мари могли бы утаить стазовый сейф.

А если кцинти откроют сейф, ничего хорошего не получится.

Полтора миллиарда лет назад была война. Рабовладельцы, захватившие к тому времени большую часть Галактики, подчинили своей власти почти все народы, населяющие ее. Один из покоренных народов — тнук-типы — в конце концов взбунтовался. В распоряжении рабовладельцев имелась сила, подобная телепатическому гипнозу, — сила, способная управлять разумом любого сознательного существа. У рабов-тнуктипов был развитый интеллект, передовая техника, а их хитрость являлась скорее оружием, чем чертой характера. В той войне погибли и рабовладельцы, и рабы-тнуктипы, и остальное разумное население Галактики.

Война разбросала по изведанному и неизведанному космосу множество памятных вещей, которые ждут, чтобы их обнаружили новые носители разума, пришедшие на смену рабовладельцам и рабам. От рабовладельцев остались стазовые сейфы — контейнеры, содержимое которых помещено в стазовое поле и благодаря этому остается неизменным в течение полутора миллиардов лет. О тнуктипах напоминают мутировавшие продукты генной инженерии: свирепые бандерснатчи, живущие на морских побережьях Джинкса; ракетные деревья, распространившиеся по всему изведанному космосу; миниатюрные морозостойкие подсолнухи с ворсистыми разумными цветками.

Стазовые сейфы — редкая и опасная вещь. Часто в них хранится оружие рабовладельцев. Один из видов их оружия — меч со сменными лезвиями — недавно произвел переворот в человеческом обществе, возродив во многих мирах рукопашные схватки и дуэли на шпагах. Еще один вид старинного оружия нашел мирное применение — дезинтегратор работает так медленно, что от него нет толку в бою. Если кцинти обнаружат в сейфе еще какое-нибудь оружие и оно окажется подходящим...

Крупный экземпляр, подумал Джейсон о капитане, хотя даже малорослый кцинти покажется человеку крупным. Когда капитан становился на задние ноги, в нем было восемь футов роста. Его рыжая шерсть в естественных условиях, наверное, не привлекала внимания жертвы, но на человеческое зрение ее цвет действовал как неоновая реклама. У него все было круглое: руки, ноги, горс. Он напоминал очень толстого кота, который выкупался в оранжевой краске. От кота его отличал

розовый и голый крысиный хвост, круглые зрачки, окруженные необычно окрашенной радужной оболочкой, а главное, голова — почти треугольная за счет огромного мозгового отдела, в котором было более чем достаточно места для сознательного мозга.

— Ловушка, в которую вы попались, не нова, — сказал кцинти. — С тех пор как закончилась война, здесь все время кто-то дежурит. Мы уже давно охотимся за стазовыми сейфами, хотим найти новое оружие...

Открылась дверь, и вошел второй кцинти. Он стоял на пороге, ожидая, пока капитан обратит на него внимание. Что-то было в его внешности...

— Эта идея пришла нам в голову недавно. Вы, наверное, знаете, — говорил оранжевый капитан, — что корабли частенько останавливаются здесь, потому что экипажу хочется взглянуть на чудную звезду. У большинства народов существует обычай обшаривать глубинным радаром окрестности звезды, у которой остановился корабль. Ни один из исследователей истории империи не обнаружил другого способа размещения стазовых сейфов в космосе, кроме случайного распределения.

Несколько десятков лет назад мы обнаружили один такой сейф. К сожалению, в нем не оказалось ничего стоящего, но мы случайно выяснили, как возбуждать и нейтрализовывать стазовое поле. Это хорошая приманка. Сорок лет мы ловим на нее корабли, которые могут везти стазовые сейфы. Вы — наша вторая удача.

— Лучше бы искали сами, — заметил Джейсон.

Он изучал кцинти, стоящего в дверях. Тот был меньше капитана, мех его свалился, хвост и уши обвисли, глаза смотрели забито. По меркам кцинти, он был чрезвычайно худ. Джейсон не сомневался, что попал на боевой корабль, точно так же он не сомневался, что перед ним — не боец.

— Нас заметили бы. Земля вынудила бы нас прекратить поиск.

Оборвав разговор, капитан обернулся к худому кцинти и произнес что-то, похожее на вопль разъяренного кота. Худой обернулся к пленникам.

Джейсон почувствовал, что в его мысли что-то вторгается, перерастая в невыносимую головную боль.

Он был к этому готов. Странно: поставь рядом двух инопланетян, сумасшедшего и здорового психически, и ты поймешь, кто из них болен, а кто здоров. А кцинти гораздо ближе к людям, чем другие жители Галактики.

Наверное, на микроскопическом уровне они имели общих предков. Худой кцинти был явно не в своем уме. Он не воин, но его держат на боевом корабле, значит, он профессиональный телепат, невольник кцинтского нарфкотика, от которого девятьсот девяносто девять наркоманов из тысячи сходят с ума, а тысячный остается вечно дрожащим неврастеником.

Джейсон сосредоточился на воспоминаниях о вкусе свежей моркови — чтобы его не так легко было раскусить.

Телепат в изнеможении прислонился к стене. Во рту у него стоял морковный вкус, как будто он сам перетирал желтый овощ коренными зубами. Капитан смотрел на него безжалостно, требуя ответа.

— Им не удалось скрыть стазовый сейф, Чафт-капитан, — через силу заговорил телепат. — Он стоит в нише слева от зала управления.

Капитан обернулся к экрану в стене:

— Проверьте, что там. И захватите скафандр кукольника. Дверь запломбируйте.

Флаер и Слейверстудент отправились выполнять распоряжение.

— Где они нашли сейф?

— Это не они, Чафт-капитан. Сейф нашли аутсайдеры недалеко от центра Галактики и взяли с собой, чтобы продать в изведенном космосе.

— Какое дело было у пленников к аутсайдерам?

— Дело было у кукольника. Люди не знали, что это за дело, их наняли как извозчиков.

Чафт-капитан досадливо сплюнул. Не прикажешь ведь телепату копаться в мозгах травоядного. Телепат откажется, тогда его следует наказать, а если не откажется, то сойдет с ума. Пытать кукольника тоже нельзя. Кукольник выдаст только то, что не считает важным, если же он захочет скрыть важные сведения, то совершит самоубийство.

— Я должен считать, что аутсайдеры в самом деле продали сейф пленникам?

— Чафт-капитан, это правда. За четырнадцать миллионов звезд человеческими деньгами. Кукольник был свидетелем.

— Царская плата.

— Даже больше, чем царская. Вы, наверное, знаете, Чафт-капитан, что аутсайдеры живут очень долго. Человек-самец подозревает, что они вернутся за сейфом через

несколько тысяч лет, когда свидетельство кукольника утратит силу.

— М-р-р... Не хочу заходить в эти дебри, но... они в самом деле так долго живут?

— Чафт-капитан, корабль аутсайдеров летел вслед за звездным семенем, чтобы выяснить схему его миграции.

— Р-р-р-р-р!

Звездные семена живут достаточно долго, чтобы проделать путь от края Галактики к центру и обратно со скоростью, близкой к восьми десятым скорости света.

Раздался условный стук в дверь. Вошли двое в скафандрах с отвинченными шлемами. Флаер нес скафандр кукольника, трехногий, со специальными сапожками для копыт и мягкими футлярами для голов, с карманом для провизии и щитом над черенной коробкой. Слейверстудент держал цилиндрический предмет, снабженный ручкой с выемками для пальцев. Поверхность цилиндра представляла собой зеркало, — значит, внутри стазовое поле.

Люди злобно озирались. Посттелепатическая головная боль не могла утишить их гнев. Телепат отдыхал от последствий приема наркотика.

— Откройте, — приказал капитан.

Слейверстудент убрал со стола пустой ящик и поставил на его место сейф, затем коснулся чувствительного к давлению участка стола. Поверхность цилиндра больше не была зеркальной. Цилиндр превратился в обычную коробку из желтого металла, которая сама собой открывалась.

Кцинти по имени Слейверстудент запустил туда руку и вынул:

— серебристый шарик шести дюймов в диаметре, с вычурной ручкой. Ручка не была приспособлена ни к одному хватательному устройству, известному капитану;

— кусочек сырого мяса в прозрачной обертке;

— руку. Руку инопланетянина с толстыми, неуклюжими на вид пальцами, расположенными как у робота. Руку покрывал какой-то прозрачный затвердевший состав. На одном из пальцев было кольцо с хронометром.

— Случилось несчастье, — сказал Несс.

Кцинти, который открыл сейф, был сильно взволнован. Он вертел в пальцах законсервированный обрубок руки, что-то бормоча на своем языке. Вот он отложил его и взял шарик с ручкой.

— Позвольте высказать предположение, — заговорил

Джейсон. — Этот сейф принадлежал не рабовладельцам, а тнуктипам.

— Точно. Первый тнуктипский сейф за всю послеимперскую историю. Ручка на шарике приспособлена как раз под руку тнуктипа. Законсервированная рука рабовладельца, наверное трофей. Так говорит Слейверстьюдент, по-вашему историк. Джейсон, может случиться беда. Тнуктипы были талантливые изобретатели.

Историк тем временем ощупывал шарик с ручкой своими кошачьими лапами с втяжными когтями. Поверхность шарика была совершенно гладкая и представляла собой зеркало, точно такое же, какое было на поверхности сейфа. Ручку из желтого металла прорезали шесть канавок для параллельных пальцев и две для противопоставленных; в очень неудобном месте торчала кнопка. Сбоку пролегалла еще одна канавка, длинная, ровная, с девятью углублениями направляющей для бегунка.

Анна-Мари тихо произнесла:

— Похоже на приклад ружья.

— Мы ничего не знаем, — сказал Джейсон. — Несс, этот большой кцинти, наверное, здешний босс? Тот, который говорит на всегалактическом языке?

— Да, это босс. А тот, который держит шарик с ручкой, — специалист по истории Империи. Вон тот, с белой нашивкой, — пилот. Тот, что спит, — телепат. В течение ближайших часов его можно не бояться.

— Босс понимает всегалактический язык. А остальные?

— По-моему, нет. Ваш очень неудачно названный язык трудно дается негуманоидам.

— Хорошо. Анна, как дела?

— Я боюсь. У нас, кажется, серьезные неприятности?

— Да. Нет смысла себя обманывать. Есть какие-нибудь предложения?

— Ты знаешь меня, Джей. Обычно я знаю, кого звать на помощь, если что-то случилось. Когда что-то разладилось в доме, нужен интегратор. Если не работает телепортационная кабина, нужно вызвать такси. Когда тебе плохо, надо зайти в медицинскую будку. Когда откажет воздухоплавательный пояс, надо нажать кнопку «А» — «авария» на наборнике карманного телефона. Если тебе ответят до того, как ты упадешь, кричи, — она попыталась улыбнуться. — А что делать, когда тебя схватили кцинти, Джей?

Он улыбнулся в ответ:

— Направить ноту протеста их предводителю. Правильно, Несс?

— Это поставит под угрозу торговлю. Не волнуйтесь, Анна-Мари. Мы, кукольники, знаем разные способы выживания.

— Это, без сомнения, оружие, — сказал Слейверстьюдент. — Лучше испытать его вне корабля.

— После, — сказал Чафт-капитан.

Слейверстьюдент снова сунул руку в цилиндрическую коробку и вынул два контейнера с мелкокалиберными пулями двух сортов, цветной колпак, который можно было надеть на кегельный шар, прозрачный пузырь, наполненный светлой жидкостью, и металлический предмет, который мог быть чем угодно.

— Я не вижу отверстий для пуль.

— Я тоже. Флаер, возьми кусочек мяса и выясни, из чего оно сделано. То же проделай с рукой и пузырем. Телепат, ты не спишь?

— Нет, Чафт-капитан.

— Когда ты снова сможешь провести сеанс?..

— Чафт-капитан, я вас прошу, не надо...

— Спокойно, телепат, отдыхай. Я хочу, чтобы пленники присутствовали при осмотре находки. Они могут заметить что-то, что ускользнуло от нашего внимания. Потом ты мне понадобишься.

— Слушаюсь, Чафт-капитан.

— Надо проверить, не испускает ли эта штуковина радио- или гиперволны. Больше ничего с ней делать не нужно. Она похожа на миниатюрный передатчик, но может быть чем угодно, камерой или даже куском взрывчатки... Слейверстьюдент, ты пойдешь со мной наружу.

Потребовалось несколько минут, чтобы надеть на пленников скафандры, приладить радио, чтобы все могли друг друга слышать, и пройти тамбур. Джейсон, увидев, что корабль снабжен тамбуром, еще раз убедился, что корабль военный. На грузовых и пассажирских кораблях вход оборудован силовой завесой. Если на боевом корабле такая завеса вдруг прорвалась бы, воздух из корабля тут

же улетучился бы, поэтому на военных кораблях устраивают тамбуры.

В наклонном ледяном коридоре в спины пленникам смотрели два силовых пистолета. Джейсон ожидал, что их будет четыре. Придется драться только с капитаном и историком, но оба держат пистолеты на изготовку и не спускают с пленников глаз.

Джейсон слишком долго репался. Вот уже босс заставил Несса встать на гибкую проволочную сеть, затем приказал сделать то же самое Анне-Мари и Джейсону. Это была переносная полицейская сеть. Она держала так же крепко, как и та, что была в каюте.

Кцинти скрылись в ледяном коридоре, оставив Джейсона, Анну-Мари и Несса любоваться пейзажем. Пейзаж был печальный: голубые и желтые звезды виднелись лишь на фоне дымно-красной водородной дорожки, под ней небо было пустое, а над ней прихотливыми узорами рассыпались белые звездные блески, розоватые у самого ее края. Вокруг был холодный, крепкий, как камень, лед, собранный в длинные, мягкие складки. Наверное, это следы снежных вихрей, которые кружили над планетой миллионы лет назад, когда близнецы-Лиры были больше и ярче. Местами из-под льда выглядывали черные грани скал.

В нескольких ярдах от пленников стоял «Корт Дже-стер» — толстый диск с закругленными краями. Он расположился на льду как цветной дом. Наверное, уже не надеялся взлететь.

Джейсон стоял навтыжку на полицейской сетке. Анну-Мари поставили к нему лицом в шести футах справа, но он не мог дотронуться до нее, как будто их разделяли тысячи миль.

Позавчера она старательно красила веки несмываемой тушью. Два дня она победоносно взмахивала ими, как финишными флажками на скачках. Сейчас веселый грим на осунувшемся лице выглядел как издевка.

— Странно, что нас до сих пор не убили, — сказала она.

Голос Несса в наушниках звучал металлически:

— Капитан хочет узнать наше мнение о том, что ему кажется оружием. Он не станет спрашивать прямо, а выпытает через телепата.

— Вас это, кажется, не касается.

— Не касается. Ни один кцинти не станет проводить со мной телепатические сеансы и не убьет меня, потому

что мой народ последовательно охраняет неприкосновенность своих представителей. В любом случае у нас есть немного времени.

— Для чего?

— Анна-Мари, нужно подождать. Если наша находка — оружие, мы должны вновь завладеть им, если нет — мы должны предупредить ваших о том, что кцинти охотятся за стазовыми сейфами рабовладельцев. Нужно подождать, пока не выяснится, что это.

— И что дальше?

— Будем искать выход из положения.

— Будем? — переспросил Джейсон.

— Да. Наши интересы здесь совпадают. Сейчас я не могу объяснить, почему.

Джейсон недоумевал, ради чего кукольник рискует жизнью, своей жизнью.

Из тамбура вышел кцинти-капитан, неся в руке шарик с ручкой. Подойдя к Джейсону, он поднес шарик к его лицу.

— Смотри внимательно, — скомандовал капитан и стал медленно и соблазнительно поворачивать шарик в четырехпалых лапах.

Джейсон видел зеркальный шарик с желтой ручкой, похожей на приклад ружья, изготовленный для инопланетных рук. В глубокой боковой канавке было девять углублений; в том, что находился ближе к шарiku, сидел бегунок. Рядом с углублениями виднелись какие-то иероглифы, наверное, тнуктипские цифры.

Джейсон про себя молился, чтобы испортилась полицейская сеть. Схватить бы этот шарик!

Кцинти отошел и направился вверх по склону ледяной горы. Из-за силовой завесы вышел другой кцинти, неся в руках неизвестный прибор местного производства. Они с капитаном обменялись несколькими фразами, как будто обругали друг друга. Кцинти всегда говорят, будто ругаются.

Несс тихо перевел:

— Мясо оказалось протоплазмическим, протеиновым и очень ядовитым. Маленькое сложное орудие в гиперпространстве не функционирует и никаких ощутимых сигналов не подает. Жидкость в прозрачном пузыре на сорок процентов перекись водорода, на шестьдесят — вода. Назначение неизвестно.

— Что держит в руках специалист по истории?

— Энергетический датчик.

Кукольник не волновался. Может, он знает способ отключить полицейскую сеть?

Джейсон не стал его об этом спрашивать: босс кинти мог услышать. А кроме того, Джейсон не надеялся на такое избавление. Полицейская сеть принадлежала к классу устройств, к которому относилась и аварийная сеть пилота, которая включалась под действием избыточного давления. Аварийная сеть чрезвычайно дракоустойчива, как и все устройства, рассчитанные на применение в экстремальных условиях. Значит, и полицейская сеть должна быть надежной.

Наверное, у кукольника начинается маниакальная фаза, и он убежден, что с ним не произойдет ничего плохого. Джейсон еще острее ощутил свое бессилие. «Джейсон, вы должны знать, что мои соплеменники считают меня сумасшедшим», — это была одна из первых фраз, сказанных кукольником Джейсону. Несс, не имея возможности полагаться на свои собственные суждения, предупреждал Джейсона, что будет полагаться на него.

Ему доверились двое.

— Я хотел показать вам Бету Лиры, — сказал он с горечью.

— Джей, это была прекрасная идея, правда!

Если бы он был свободен, он отыскал бы стенку и попробовал ее снести.

Чафт-капитан стоял на ледяной горе и смотрел вдаль. Эти голые камни будут хорошими мишенями.

Ему неудобно было держать рукоять орудия, но он изловчился и положил палец на кнопку, которая, по-видимому, работала как курок. Он нацелился на горизонт и нажал кнопку. Ничего не произошло. Капитан нацелился на скалу поближе. Сначала он несколько раз прижал и отпустил кнопку, потом придержал ее несколько секунд. Снова никакого результата.

— Чафт-капитан, выхода энергии нет.

— Может быть, эта штука уже не работает?

— Может быть, но, капитан, углубления в боковой канавке регулируют интенсивность действия. Сейчас прибор стоит на нуле.

Чафт-капитан передвинул бегунок на одну позицию. Некоторое время он боролся с искушением забросить эту штуковину куда-нибудь подальше. А зеркальный

шарик тем временем вертелся, как живой, меняя форму. Он переливался и изменялся, как во сне, и вот в руках у капитана оказался длинный тонкий цилиндр с красной шишкой на конце и рожком около рукоятки. Рукоятка нисколько не изменилась.

— Чафт-капитан, датчик зафиксировал выход энергии. Ой! Что это? Вот во что превратился шарик. Не знаю, что делать дальше.

Слейверстудент взял цилиндр в руки и осмотрел его. Он хотел сам его испытать, но это была привилегия и право командира. И риск.

— Попробуйте дернуть за рожок, — посоветовал он.

Капитан дернул. Красная шишка засветилась и, соскочив с цилиндра, упала на лед. Чафт-капитан покрутил рукоятку. Красная шишка, все удаляясь, заюлила по льду, стремясь держаться на продолжении оси цилиндра. Когда красная шишка отодвинулась на шестьдесят ярдов, капитан остановил ее с помощью рожка.

— Меч со сменным лезвием, — пробормотал он и искал глазами мишень. Взгляд его остановился на торчащей из-под льда скале. Может, это была не скала, а островерхая глыба грязного льда. Капитан ухватил оружие обеими руками, как острогу, и запустил огонек за скалу. Оружие поначалу вырывалось из его волосатых рук, потом покорилося. Верхняя часть скалы отклонилась, разбрасывая вокруг осколки льда.

— Меч со сменными лезвиями, — повторил капитан. — Только похитрее, чем у рабовладельцев. Слейверстудент, ты не слышал об оружии, которое меняет форму?

— Нет, Чафт-капитан, ни в прошлом, ни в настоящем я не знаю такого оружия.

— Значит, мы нашли что-то новое.

— Точно! — с довольным видом прорычал Слейверстудент.

— Все ясно, — сказала Анна-Мари. — Это оружие.

Джейсон хотел кивнуть, но полицейская сеть не давала ему шевельнуться. Вышли еще двое кцинти и поднялись на гору. Четверо кцинти, похожие на толстяков-людей, стояли и плевали друг в друга словами, напоминавшими кошачьи вопли.

Несс сказал:

— Первая позиция, наверное, нейтральная. Они хотят выяснить, что дают остальные позиции.

— Оружие меняет форму, — напомнила Анна-Мари. — Это нехорошо.

— Совершенно верно, — согласился кукольник. — Наша задача — внимательно на него смотреть.

Джейсон вдруг развеселился. Он вспомнил картину: двое небритых, грязных преступников, осужденных на казнь, прикованы к стене цепями. Один из них говорит: «Мой план таков...»

Сначала освобождаемся от сети. Потом...

Капитан снова передвинул бегунок. Оружие вернулось к первоначальной форме, затем перетекло во что-то, что трудно было увидеть на расстоянии. Кцинти-босс, наверное, это понял. Он спустился с горы, а вслед за ним и его солдаты. По одному они перевели пленников на гору и поставили в нескольких ярдах от линии огня, по-прежнему связанных полицейской сетью.

Капитан снова изготовился к стрельбе.

В положении номер два оружие представляло собой параболическое зеркало с серебристой шишкой в центре. Со скалой, которую Чафт-капитан избрал в качестве мишени, ничего не произошло, хотя Слейверстьюдент зафиксировал выход энергии. Чафт-капитан подумал и направил оружие на кукольника.

Тот заговорил человеческим языком:

— Я слышу тихий высокий звук.

— Появился второй орган управления, — доложил Слейверстьюдент, — с четырьмя позициями.

Чафт-капитан кивнул и включил вторую позицию. Выстрел не причинил кукольнику вреда. Безвредными оказались и позиции номер три и четыре.

— Чафт-капитан, спустите, пожалуйста, курок. — Слейверстьюдент осторожно заглянул в параболическое зеркало. — Р-р-р... Так я и думал. Шишка вибрирует с большой частотой. Позиция два соответствует генератору звуковых колебаний, очень мощному, если кукольник слышит звук в вакууме и в скафандре.

— Но с ним ничего не происходит.

— Чафт-капитан, приходится предположить, что прибор предназначен для воздействия на нервную систему рабовладельцев.

— Допустим, — капитан перевел бегунок в позицию номер три.

Пока оружие перетекало из одной формы в другую, капитан рассуждал:

— Мы не обнаружили ничего нового. Звуковые генераторы и мечи со сменными лезвиями широко известны.

— О полиморфном оружии этого нельзя сказать.

— Полиморфное оружие не выигрывает войну, хотя может оказаться весьма полезным. Р-р-р... Это оружие, кажется, стреляет снарядами. У тебя с собой те пули, что мы нашли в сейфе?

— С собой, Чафт-капитан.

Магазин под стволом открывался легко. В него входили пули обоих сортов. Чафт-капитан прицелился в скалу, глядя в только что выросший оптический прицел.

Первый выстрел сделал зарубку точно в том месте, куда целился капитан. Второй, пульей второго сорта, разбил скалу вдребезги. Полетели осколки; все, кроме капитана, пригнулись.

— Мне убрать пули из магазина, прежде чем я переведу бегунок в следующую позицию?

— Чафт-капитан, по-моему, это не имеет значения. Конечно, пули следует убрать, но тнуктипы обязательно должны были предусмотреть возможность того, что кто-то забудет их вынуть. Давайте сделаем поблажку моему любопытству!

— У твоего любопытства хорошие тормоза, поэтому сделаем.

Чафт-капитан передвинул бегунок. Пули, оставшиеся в магазине, выпали, когда оружие начало менять форму. Вот оно превратилось в шарик с ручкой, затем... в шарик с ручкой. Новый шарик был меньше исходного. Он имел розовый оттенок и гладкую, маслянисто поблексивающую поверхность без прицелов и вторичных органов управления.

Нажатие на курок не дало результата.

— Как мне надоели эти осечки!

— Чафт-капитан, я наблюдал выход энергии.

— Очень хорошо. — Капитан выстрелил в кукольника, полагаясь на чутье снайпера, — оружие не имело прицела.

Кукольник никак не отреагировал. С женщиной тоже ничего не случилось.

В приступе раздражения капитан едва не выстрелил в телепата, который стоял рядом, безответный и беспо-

лезный. Все равно ничего не произойдет, только телепат расстроится. Капитан перевел бегунок в пятую позицию.

Шарик с ручкой превратился в короткий цилиндр с отверстием на конце и двумя широкими плоскими выступами по бокам. Губы капитана подобрались, обнажая аккуратный ряд кошачьих зубов. Оружие выглядело многообещающе.

Капитан прицелился в то, что осталось от скалы, в темное пятно на льду.

Отдача дернула его за руку и заставила сделать пол-оборота на месте. Чтобы устоять на ногах, он напрягся, как пожарный, борющийся с брандспойтом. Капитан отпустил курок, но пылающий поток плазмы не прекращался. Его остановило повторное нажатие.

Чафт-капитан с облегчением заморгал и стал оглядываться, оценивая результат.

По льду петляла проталина, как канавка, прорытая дождевым червем, который наелся ЛСД. Телепат кричал в микрофон своего шлема. Крик его слабел. Двое товарищей бегом несли телепата к кораблю. От его скафандра шел легкий пар. Очевидно, огненная струя задела телепата и прожгла в термостойком скафандре дыру.

Женщина бежала к своему кораблю. Капитан бросил быстрый взгляд на полицейскую сеть и увидел, что двое других пленников по-прежнему в ее власти. Женщину, наверное, вытолкнул из силового поля телепат, пытаясь спастись от огненного потока. Она была хорошо видна на ледяной равнине. Чафт-капитан выстрелил в нее из силового пистолета и потрусил к ней, чтобы отнести обратно. К тому времени, как подошли Слейверстьюдент и Флаер, капитан вернул пленницу в сеть.

Телепат был еще жив, но очень плох. Его бросили в холодильную камеру и решили лечить по возвращении домой.

Что до пятой позиции, то:

— Это ракетный двигатель, — сказал Слейверстьюдент. — Он может быть полезным как оружие малого радиуса действия, но в первую очередь это персональное средство передвижения для тнуктипа. Я сомневаюсь, что этот двигатель поднимет кцинти в сильном тяготении. А тнуктипы были легкими. Эти выступы, должно быть, служили подставками для ног.

— Жаль, что ты не додумался до этого раньше.

— Признаю свою ошибку, Чафт-капитан.

Чафт-капитан не стал на этом сосредоточиваться. Ему было в чем упрекнуть и себя: он недооценил женщину. Люди — разумные существа, как самки, так и самцы. Больше он об этом не забудет.

В позиции шесть получился лазер. И снова прибор был больше, чем просто оружие. Сбоку располагался оптический прицел, а на конце — микрофон. Сфокусировав прибор на мишени, можно было говорить, как будто стоишь от нее в двух шагах.

— Это очень ценно, — отметил Слейверстюдент. — Мы можем вычислить силу голоса и слуха тнуктипов.

— Станет ли оружие от этого сильнее?

— Нет, Чафт-капитан.

— Тогда оставь свою страсть к бесполезным знаниям при себе. — Чафт-капитан поставил бегунок в седьмую позицию.

— Дорогая!

Анна-Мари не двигалась. Она полусидела-полулежала, связанная полицейской сетью, неглубоко дыша и закрыв глаза. Лицо ее было спокойно.

— Ты молодец, — сказал ей Джейсон.

— Она не слышит, — вмешался Несс.

— Знаю.

— Тогда зачем... Ладно. Что вы думаете о пятой позиции?

— Ракета.

— На каком топливе она работает?

— Это имеет значение?

— Джейсон, я ничего не знаю о войне и об оружии, но мой народ достаточно долго строит и эксплуатирует машины. Почему оружие, которое стреляет снарядами, не включает в себя эти снаряды? Почему оно выбрасывает их, когда меняет форму?

— Ну да, оно не должно отбрасывать свою собственную массу, — сказал Джейсон, подумав. — Вы правы. Оно не может потреблять собственное топливо. Несс, это реактивный двигатель. В нем должно быть заборное устройство, которого мы не заметили. Погодите. Его нельзя применять в космосе.

— Нужно установить в заборном устройстве газовый патрон.

— Да, точно!

— А если атмосфера окажется негорючей? Как нагреть газ?

— Может быть, в ручке помещена батарея? Нет, она не даст требуемой мощности, если... Но без батареи никак. Несс! Нас могут слушать.

— Ну и что? Кцинти скоро сами все выяснят. И только капитан может извлечь выгоду из того, что хорошо изучит оружие, прежде чем передаст его командованию.

— О'кей. Эта батарея, по-видимому, работает за счет полного превращения материи.

— А разве нельзя построить термоядерный двигатель, который поместился бы в рукоятку?

— Вам виднее. Вы считаете, можно? Он будет достаточно мощным?

— Пожалуй, не будет. В рукоятке размещаются многочисленные устройства, управляющие превращениями прибора.

Они стали наблюдать, как кцинти испытывают лазер.

— Это можно осуществить непосредственно, — заговорил Джейсон. — Превратить часть реагирующего газа из материи в энергию. Получится невероятно горячий выхлоп. Несс, в изведенном космосе есть цивилизация, знакомая с полным превращением?

— Не слышал о такой.

— Тнуктипы могли им владеть?

— Не знаю.

— Это было не так плохо. Вы представляете боевые корабли кцинти, вооружение и двигатели которых используют принцип полного превращения?

Ответом было мрачное молчание. Кцинти наблюдал, как оружие меняет форму. Кцинти-босс молчал; непонятно было, слышал ли он рассуждения пленников.

Анна-Мари издала слабый протестующий звук. Она открыла глаза и попыталась сесть ровно. Обнаружив, что полицейская сеть держит ее в неудобном положении, она с чувством выругалась.

— Ты молодец, — сказал ей Джейсон.

— Спасибо. Что произошло? — И с горечью ответила на свой вопрос: — Меня подстрелили. Что я пропустила?

Седьмой позиции соответствовал гладкий цилиндр, закрытый с обеих сторон, с небольшой проволочной решеткой сзади. Прицельного устройства не было. Когда Чафт-капитан нажал на кнопку, ничего не произошло; ничего не случилось, когда он держал кнопку и когда нажимал на нее несколько раз подряд. Прибор не

производил никакого воздействия ни на скалу, ни на кукольника, ни на людей. Он подействовал только на Слейверстьюдента — тот попятился и попросил:

— Пожалуйста, Чафт-капитан, не надо. Наблюдается выход энергии.

— Исключительно неэффективный выход энергии. Сделай так, Слейверстьюдент, чтобы прибор работал. Я подожду.

Он принялся ждать, растянувшись на вечном льду. Скафандр создавал между его телом и холодом преграду толщиной в одну десятую дюйма. Слейверстьюдент с трудом выдерживал его взгляд.

— Что я пропустила?

— Почти ничего. Мы решили, что реактивный двигатель, который тебя подбил, превращает материю в энергию.

— Это плохо?

— Очень. — Джейсон не пытался объяснять. — Шестая позиция — более или менее обычный лазерный передатчик.

— Седьмая позиция не работает, — сказал Несс. — Капитан злится. Джейсон, впервые в жизни я жалею, что не изучал оружие.

— Вы кукольник, зачем... — Джейсон не договорил.

Он хотел додумать промелькнувшую в мозгу мысль. Об оружии. Не о каком-то определенном виде оружия, а обо всех видах сразу.

— Ни одно разумное существо не станет отворачиваться от знания, а особенно кукольники. Нас нельзя обвинить в том, что мы отказываемся смотреть неприятной правде в глаза.

Джейсон молчал и смотрел неприятной правде в глаза.

Несс сказал, что не стоит бояться, что босс-квинти их услышит. Он ошибался. Джейсон не решался высказать свою мысль.

Несс сообщил:

— Специалист по истории Империи хочет войти с оружием на корабль. Ему позволили. Он идет.

— Зачем? — спросила Анна-Мари.

— В седьмой позиции имеется микрофон. Джейсон, скажите, солдат может пользоваться мини-компьютером?

— Им... — «пользовался не солдат», — хотел сказать Джейсон, но удержался. — Наверное.

Вскоре Слейверстьюдент вернулся, неся в руках тнук-типское оружие. Джейсон смотрел на прибор в благоговейном ужасе. Если он сделал правильное предположение о том, кто был владелец прибора, то можно не бояться, что прибор достанется Патриарху кцинти. Все, что требуется теперь от Джейсона, — держать язык за зубами. Через несколько минут он, Анна-Мари, Несс и четверо кцинти погибнут.

— Я был прав, — сказал Слейверстьюдент, — прибор ответил мне на незнакомом языке. Значит, это еще одно... — он хотел сказать «средство связи». Но прибор был предназначен для связи между тнуктипами, а они уже давно прекратили свое существование.

И все же прибор отвечал! Чафт-капитан почувствовал, как бойцовский инстинкт возбуждает в нем желание выгнуть дугой спину. Кцинти верили в привидения.

— Чафт-капитан, мне кажется, что это компьютер. Мини-компьютер может оказаться очень полезным для солдата. Например, с его помощью можно рассчитывать угол стрельбы и...

— Отлично. Мы можем им воспользоваться?

— Не можем, пока не обучим его Языку Героев, но это не так трудно.

— Что ж, переходим к позиции номер восемь.

Чафт-капитан передвинул бегунок в последнюю позицию.

Снова в его руках оказался прибор без прицельного устройства. У настоящего оружия обязательно должен быть прицел, ружейный или оптический. Чафт-капитан поморщился, но поднял оружие и снова прицелился в разбитую скалу.

Джейсон съежился, насколько позволяла полицейская сеть. Оружие снова меняло форму, теперь уже в последний раз. Он многое хотел сказать, но не решался. Кцинти-босс не должен знать, что сейчас случится. Оружие переплывилось во что-то очень странное.

— Мне это что-то напоминает, — сказал Несс. — Где-то я видел что-то похожее.

— Значит, вы уникум, — ответила Анна-Мари.

— Вспомнил. Это из дифференциальной топологии — фрагмент руководства, как вывернуть сферу наизнанку. Разумеется, это никак не связано...

Кцинти-босс встал в позу снайпера. Джейсон приготовился к смерти.

В следующий момент произошло нечто совершенно неожиданное. Джейсон неосознанно опирался на силовое поле полицейской сети. И вдруг он, потеряв равновесие, упал. Он поднялся, не совсем понимая, что случилось. И наконец понял: полицейская сеть больше не держала его. Джейсон шлепнул Анну-Мари ниже спины и махнул рукой по направлению к «Корт Джестеру». Она кивнула. Не дожидаясь, пока Анна-Мари пустится бежать, Джейсон бросился на кцинти-босса.

Мимо него кто-то промчался. Несс. Он не убегал, он рвался в бой. «Я угадал, — подумал Джейсон, — у него началась маниакальная фаза».

Чафт-капитан нажал на кнопку. Ничего не произошло.

Ну, это уж слишком. Он стоял, подбирая слова, которые скажет Слейверстюденту. Новый вид оружия, который ничего не делает! Половина позиций пустые.

Еще не обернувшись, он понял: что-то не так. Охотничий инстинкт предупреждал его об опасности. Других предупреждений он не получал. Он не видел, как погасли огни корабля, не слышал топота копыт. Ну, разве что дыхание в наушниках зазвучало громче. Капитан оглянулся, и тут что-то толкнуло его в бок.

Ему показалось, что закованный в латы рыцарь ударил его тупым копьём. Было очень больно. Капитан утратил весь свой апломб и важный вид, рванулся в сторону и упал. Все вокруг завертелось и словно затянулось голубой дымкой. Капитан увидел, как женщина бьется в руках Слейверстюдента, безуспешно пытаясь вырваться; как Флаер целится в кого-то из силового пистолета. Две фигуры бежали по льду к другому кораблю — кукольник и человек. Выстрелы Флаера не достигали их. У человека в руке было тнуктипское оружие.

Капитан снова мог дышать, но часто и неглубоко. Кажется, у него сломаны ребра, наверняка сломаны. У кцинти ребра растут до самой поясницы. Такое впечатление, что его лягнул кукольник. Но это просто смешно. Невероятно — кукольник лягнул кцинти!

Кукольник добежал до корабля гораздо раньше, чем человек. Он на секунду остановился, потом повернул и побежал дальше по белой волнистой равнине. Человек тоже задержался у входа на корабль, затем побежал вслед за кукольником. За ними погнался Флаер.

За спиной капитана вспыхивали огни корабля. Кажется, когда он падал, они не горели. Силовые пистолеты не стреляли, полицейская сеть не работала.

Значит, восьмая позиция — поглотитель энергии. Это не ново, но тнуктипский прибор гораздо меньше тех, что известны капитану.

Что же его все-таки ударило?

В наушниках что-то шипело, раньше он не слышал такого звука. Нет, это не дыхание. Может, у кого-то порван скафандр? Но никто не подвергался нападению, кроме...

Чафт-капитан схватился рукой за бок. Он застонал от боли, но не отнимал руку, пока не достал пластырь. Прежде чем заклеить прокол, капитан решил взглянуть на него. Четыре маленькие дырочки. Очень похоже на следы копыта кукольника.

Кцинти-босс стоял в боевой позиции. Джейсон со всех ног бросился к нему. Нужно отобрать у кцинти оружие, пока он не понял, что произошло.

Мимо, как живая ракета, пронесся Несс. Кукольник подбежал к капитану, перенес вес тела на передние ноги, а задней ударил капитана. Джейсон поморщился, почувствовав кцинти. Кукольник ударил от души. Человека такой удар переломил бы надвое, разбил бы грудную клетку, позвоночник, разорвал бы легкие.

Безумный кукольник, почти не останавливаясь, помчался к «Корт Джестеру». Джейсон подобрал оружие, выпавшее из рук капитана, по инерции пробежал какое-то расстояние и, остановившись, обернулся. Анна-Мари была в руках кцинти.

Сейчас мы это уладим! Джейсон схватился за бегунок.

Другой кцинти навел на него силовой пистолет. Как только тнуктипское оружие начнет менять форму, силовой пистолет выстрелит и все будет потеряно.

Джейсон слышал, как Анна-Мари плачущим голосом произносит ругательства, сопротивляясь кцинти.

Вот она выговорила громко и отчетливо:

— Джей, беги! Беги, черт тебя возьми!

Бросить тнуктипское оружие Нессу и спасти Анну-Мари. Его опять скрутят, но... кукольник слишком далеко и на него нельзя положиться. Кукольнику, который лягнул кого-то, от кого можно получить сдачи, не поможет никакой психиатр.

Анна-Мари продолжала работать коленями и локтями.

Кцинти, который держал ее, казалось, не замечал этого. Кцинти-босс лежал на раненом боку, скорчившись, как насекомое, но третий не выпускал Джейсона из-под прицела силового пистолета.

Джейсон повернулся и побежал.

Он видел, как Несс, притормозив у входа на «Джестер», побежал дальше. Джейсон догадывался, что его ждет, но нужно было проверить. Конечно, дверь наглухо запаена.

Можно было бы открыть ее с помощью лазерного излучателя, но за Джейсоном уже гнался третий кцинти, стреляя из силового пистолета. Джейсон побежал дальше. Кукольник превратился в точку, которая становилась все меньше. Джейсон пустился вслед за ней по ледяной пустыне, которую освещала огненная дуга, украшенная одиноким ярким пятном.

— Флаер, сейчас же возвращайся на корабль!

— Чафт-капитан, он где-то здесь. Я скоро найду его.

— Или он тебя. Возвращайся на корабль. Правила игры переменились.

Кцинти пропал. Джейсон некоторое время искал его, держа тнуктипское оружие в режиме поглотителя энергии и не снимая палец с бегунка. Если он увидит кцинти, а тот не увидит его... меч со сменными лезвиями — тонкая, как волос, проволока, помещенная в стазовое поле, — сделает из одного врага две половины. Но этого не случилось, а Джейсон не собирался провожать кцинти на базу.

Он лежал в норе, которую вырыл во льду с помощью ракеты.

— Джей! — это был голос Анны-Мари. — У меня мало времени: отбирают шлем. Я жива-здоровая, но не могу вырваться. Корабль взлетает. Спрячь оружие где...

Ее не стало слышно. На частоте общего пользования было пусто.

В эту пустоту вторгся голос Несса:

— Джейсон, переключитесь на индивидуальную частоту.

Теперь гадай, какую частоту Несс имеет в виду. Вечно ему не везет.

— Вы слышите меня?

— Да. Где вы?

— Не знаю, как сформулировать точно. Я пробежал шесть или семь миль на восток.

— О'кей. Давайте подумаем, как встретиться.

— Зачем, Джейсон?

— Вы считаете, что поодиночке безопаснее? — удивился Джейсон. — Я не согласен. Сколько вы можете прожить в своем скафандре?

— Несколько стандартных лет. Но помощь придет раньше.

— Почему вы так решили?

— Когда квинти-пилот проходил сквозь силовую завесу, я связался со своими.

— Что? Как?

— Несмотря на недавние перемены в судьбе моего народа, это чрезвычайно секретно.

У него есть телепатические способности? Что-то вшито в скафандр или под кожу? Кукольники умеют хранить свои секреты. До сих пор никому не удалось выяснить, каким образом они совершают самоубийство без боли. Неважно, как Несс связался со своими.

— Они прилетят к вам с Андромеды?

— Едва ли, Джейсон.

— Объясните.

— Придется. Мой народ еще не покинул эту область Галактики, которая занимает сферу диаметром шестьдесят световых лет и которую вы называете изведанным космосом. Они начали перелет всего двенадцать лет назад. Видите ли, Джейсон, мой народ не собирается возвращаться в эту Галактику, поэтому для него не имеет значения, сколько объективного времени займет перелет. Промежуток субъективного времени, соответствующий полету на Андромеду, будет гораздо короче объективного, даже без ухода в гиперпространство. Наши корабли летят со скоростью, близкой к скорости света. Далее, моему народу придется преодолевать лишь опасности обычного космоса, а он это умеет. Гиперпространство непредсказуемо и неудобно, особенно когда путешествие длится десятилетиями.

— Несс, весь ваш народ сошел с ума. Как вам удалось сохранить все в секрете? Все думают, что кукольники уже на полпути к Андромеде.

— Ничего удивительного. В глубине космоса столкнуться с нашим флотом невозможно. Покидая звездную систему, все пилоты уходят в гиперпространство; все, кроме аутсайдеров, но с ними мы договорились. Как бы

то ни было, мой народ в пределах досягаемости. Не позже чем через два месяца прилетит корабль-разведчик. Разведчики оснащены гиперскоростными двигателями.

— В таком случае вам лучше скрываться.

Проклятье! Джейсон остался один. Театральный герой. Грустно, но в то же время приятно.

— Что ж, Несс, счастливо! Мне нужно...

— Погодите. Какие у вас планы?

— Никаких. Но я должен выручить Анну-Мари и не допустить, чтобы эта штукавина снова попала в руки кцинти.

— Прежде всего вы не должны упустить оружие.

— Прежде всего я должен выручить жену. Вам-то что до этого?

— Учитывая принцип действия тнуктипского оружия, можно быть уверенным, что кцинти завладеют изведанным космосом. Мой народ будет находиться в изведанном космосе еще двадцать восемь человеческих лет. Если кцинти обнаружат наш флот, он превратится в удобную и уязвимую мишень.

— О!

— Мы должны помочь друг другу. Сколько вы можете прожить в своем скафандре?

— Пока не умру от голода. Запас воды и воздуха у меня не ограничен. Ну, скажем, месяц.

— Нельзя экономить на средствах жизнеобеспечения, Джейсон. Помощь не подоспеет за месяц.

— Если я передам вам оружие, вы сумеете и дальше скрываться?

— Да. Если я увижу корабль, я соблю его лазером. Мне кажется, я сумею это сделать. Пересилю себя. Джейсон, вы думаете, кцинти вызовут подкрепление?

— Черт возьми! Конечно, вызовут и без труда вас обнаружат. Что же делать?

— Мы можем взломать двери «Корт Джестера»?

— Да, но у меня отобрали ключи. Мы не сумеем ни включить радио, ни завести мотор, ни открыть шкафы.

— Их можно открыть с помощью лазера.

— Точно.

— На борту есть оружие?

— Нет, ничего нет.

— Что ж, тогда «Корт Джестер» не более чем площадка, на которой удобно сдаваться. Я ничего не могу предложить.

— Чафт-капитан, в восьмой позиции прибор заряжается. По-видимому, это вообще не оружие.

— Его можно использовать как оружие, мы в этом убедились. Не мешай, Слейверстыюдент. — Чафт-капитан старался говорить спокойным тоном. Он знал, что его гнев — спутник боли, и Слейверстыюдент тоже это знал.

Оба словно не замечали, что капитана перекосило, нельзя было обращать на это внимание. Капитан-квинти не имел права даже перевязать рану, ему разрешалось только вправить переломы в открытом космосе.

Но больше всего пострадало самолюбие капитана. Знал ли кукольник, что делает? Его маленькое острое копыто разбило больше, чем пару ребер. Чафт-капитан мог стать Чафтом-героем, нашедшим оружие, которое покорило человеческую Империю. А теперь он Чафт, которого побил кукольник.

— Чафт-капитан, Флаер возвращается.

— Отлично! Флаер! Где ты застрял? Живо поднимай корабль.

Флаер поспешно засеменил в кабину. Слейверстыюдент закрыл за ним тамбур, помог капитану пристегнуться ремнями, потом пристегнулся сам. Флаер тем временем принялся за работу. Корабль вынырнул из льда, разбрызгивая радужные осколки и испуская бело-голубое сияние.

Яркое пятно в дымном шлейфе Бета Лиры стояло в зените. Звезды разошлись на максимальное расстояние, и яркое пятно, занавешенное вечной вуалью, было с одной стороны оранжевое, а с другой — зеленоватое.

— Мы имеем одно преимущество, — сказал Джейсон. — У нас в руках оружие.

— Верно. У нас есть лазер, ракета, которая выбрасывает пламя, и щит, который заслоняет нас от полицейских пистолетов. Правда, мы не можем использовать их одновременно.

— Может, мы пропустили какую-то позицию.

— Джейсон, кукольникам не свойственно выдавать желаемое за действительное.

— Разбираться в оружии им тоже не свойственно. Несс, вы знаете, что это за оружие? Я имею в виду не какую-то отдельную позицию, а весь комплекс.

— Как вы сказали, я не специалист в области военной техники.

— Мне кажется, это не боевое оружие, а орудие шпионажа.

— Какая разница? Это так важно?

Джейсон молчал, собираясь с мыслями. Оружие покоилось у него в руках. Оно все еще было в восьмой позиции, существуя в странной, вывороченной форме, которая напомнила Нессу схему из дифференциальной топологии. Джейсон держал в руках предмет истории, которая закончилась полтора миллиарда лет назад. Давным-давно малорослое, худощавое двуногое существо направляло это оружие на врагов — одноглазых, с круглыми, как мячи, головами, крупными руками, похожими на руки Микки-Мауса, большими косолапыми ступнями, тонким панцирем на теле и пучками розовых щупалец в уголках широкого рта. Что думал последний стрелок, в последний раз держа в руках оружие? Предполагал ли он, что пятнадцать миллионов веков спустя чей-то разум попытается восстановить его облик по брошенным им вещам?

— Несс, не считаете ли вы, что этот прибор обошелся дороже, чем обошлись бы восемь отдельных приспособлений, выполняющих те же действия?

— Конечно, и изготовить его было гораздо труднее. Зато его легче нести, чем восемь отдельных приборов.

— И легче спрятать. Вы слышали, что в документах рабовладельцев имеются упоминания об оружии, которое меняет форму?

— Нет. Вполне понятно, что тнуктипы держали его в секрете.

— Вот именно: как долго они могли бы держать оружие в секрете, если бы им пользовались миллионы солдат?

— Совсем недолго, но то же самое верно и для орудия шпионажа. Каким образом тнуктип мог шпионить? Он не мог притвориться рабовладельцем.

— Не мог, но он мог спрятаться на отдельной планете или играть роль раба. Тнуктипы должны иметь какое-то средство защиты от оружия рабовладельцев.

— Колпак, обнаруженный в сейфе?

— Или что-то другое, что было на нем, когда его схватили рабовладельцы.

— Все это не очень приятно. Я кое-что вспомнил, Джейсон. Аутсайдеры нашли сейф на холодной, лишенной атмосферы планете, на которой до сих пор сохранились старинные герметичные постройки.

— Дома рабовладельцев?

— Да.

— Если дома стоят, значит, рабовладельцы победили в войне. Но тогда они должны были захватить хотя бы одно такое орудие.

— Только в том случае, если таких орудий было много. Я согласен с вашим предположением: хозяином орудия был одинокий шпион.

— Хорошо. Теперь...

— Почему вы так решили?

— Прежде всего потому, что у орудия слишком много форм. Пока средний солдат решит, какой формой воспользоваться, его убьют. Дальше: одна из форм, генератор звука, служит для захвата в плен живьем. Возможно, другие позиции рассчитаны на то, чтобы вызвать у врагов чувство боли или страха. Ракета солдату не нужна: его убьют, если он будет летать над полем боя. А шпион может использовать ее на последнем этапе приземления.

— Ладно. Почему это так важно?

— Потому, что одна из позиций должна уничтожать шпиона.

— Зачем? Ах, да! Чтобы он не выдал тайну полиморфного оружия. Но мы испробовали все позиции.

— Я думал, что самоубийству соответствует позиция номер восемь, но ошибся. Поэтому мы до сих пор живы. Мне кажется, что, уничтожая агента, оружие должно наделать еще массу бед.

Несс ахнул. Джейсон не обратил на это внимания.

— Роковая кнопка хорошо спрятана, — предположил он.

«Трейдорз Кло» был большой корабль. Иначе и быть не могло. На нем одновременно были установлены термоядерный двигатель и поляризатор гравитации. В обычном космосе «Трейдорз Кло» мог догнать любой объект и без труда обгонял корабли своего класса, которые часто использовались в кцинтском космосе как полицейские или курьерские. В списках кцинти он числился как похищенный курьерский корабль. По форме это был приземистый конус — компромисс между скоростью в атмосфере и устойчивостью при посадке. В отличие от «Трейдорз Кло» плоский «Корт Джестер» строился с расчетом только на устойчивость. Он не опрокинулся

бы, даже спускаясь под углом семьдесят градусов к горизонту.

Два двигателя обеспечивали курьерскому кораблю не только скорость. Еще не зная, что такое поляризатор гравитации, человеческая цивилизация преподала кцинти урок, которого те никогда не забудут. Чем мощнее термоядерный двигатель, тем более опасным оружием он является. А поляризатор гравитации совсем другое дело.

Флаер включил оба двигателя одновременно. Корабль поднимался быстро. На высоте шести тысяч миль над планетой «Трейдорз Кло» перешел в орбитальный полет.

— Мы можем обнаружить беглецов по инфракрасному излучению, — сказал Чафт-капитан, — но мы ничего не выиграем, если они нас собьют. Способна ли лазерная форма оружия помешать нам схватить их?

— Можно вызвать другие корабли, — предложил Флаер. — Это оружие — достаточно ценная вещь.

— Ценная, но звать мы никого не будем.

Флаер кивнул в знак того, что подчиняется власти.

Догадываясь, о чем думает Флаер, капитан про себя застонал от стыда и грызущей боли в боку. Его лягнул кукольник на виду у двоих подчиненных, и теперь, пока он не убьет кукольника собственными зубами и когтями, он не имеет права говорить с кцинти, равным ему по положению.

Неужели кукольник совершил этот поступок с холодным расчетом? Капитан не мог поверить. Был удар преднамеренным или случайным, он загнал капитана в угол. Кцинти не мог вызвать подкрепление, пока кукольник был жив.

Капитан заставил себя думать об оружии. Оно могло причинить кцинти вред только в форме лазера... Если вдруг не начнет работать розовый шарик. Но это маловероятно.

— Существует ли абсолютно безопасный способ схватить их? — спросил Чафт-капитан. — Если нет...

— У нас есть двигатель, — сказал Слейверстьюдент.

— А у них лазер, — напомнил ему Флаер. — В лазерной установке такой величины излучение имеет свойство рассеиваться. На высоте двухсот миль мы будем в безопасности. Если мы опустимся ниже, хороший стрелок продырявит корпус нашего корабля.

— Флаер, двести миль — очень много?

— Чафт-капитан, на них термостойкие скафандры, а

мы можем зависнуть только при одной седьмой кцинтской гравитации. Пламя нашего двигателя даже не расплавит лед.

— Зато у нас есть поляризатор гравитации, который, в противоположность термоядерному двигателю, тянет вниз. Корабль сконструирован в расчете именно на подобную тактику. Пусть у них термостойкие скафандры, но лед термостойким не является. Что, если мы зависнем над ними, включив оба двигателя на пятикратную гравитацию?

Джейсон держал в руке розовый пятидюймовый шар с рукояткой как у пистолета.

— Где-то она должна быть, — сказал он.

— Попробуйте сделать что-нибудь, чего в обычных условиях не стали бы делать. Нажмите на кнопку и начните размахивать прибором. Попробуйте сдвинуть бегунок в сторону или повернуть шарик.

Радио умолкло, затем раздалось:

— Ничего не выходит.

— Помните, четвертая позиция оказалась совершенно бесполезной?

— Да. Что...

Высоко в небе загорелась звезда. Бело-голубая, даже бело-фиолетовая, она висела прямо над Джейсоном.

— Это кцинти, — сказал Несс. — Не стреляйте. Они вне радиуса действия вашего орудия. Вы только обнаружите себя.

— Они меня, наверное, уже обнаружили с помощью детекторов инфракрасного излучения. Какого Финэгла они сюда заявили?

Звезда оставалась на месте. В ее неожиданном свете Джейсон принялся изучать оружие. Он торопливо перебрал оставшиеся позиции, запоминая формы, в которых кнопка-курок работала как включатель-выключатель. Он двигал бегунок, нажимал кнопку, пока не попал в нейтральную позицию и прибор не превратился в серебристый шарик с ручкой.

Бегунок не сдвигался в сторону и не останавливался между позициями. И не поворачивался вокруг своей оси.

— Ну что?

— Ничего, черт возьми!

— Позиция самоуничтожения не может быть спрятана глубоко. Враг, в руки которого может попасть оружие, должен наткнуться на нее случайно.

— Да.

Джейсону надоела нейтральная форма, и он переключил оружие на лазер. Глядя в оптический прицел, он выстрелил в новую звезду. Он не ожидал результата и не получил его, но продолжал держать звезду под прицелом, пока его не отвлекло изменение давления окружающей среды на скафандр.

Джейсон стоял по плечи в воде.

Он скорее выскочил из своей норы. Земли вокруг не было. Редкие бугорки мокрого льда поднимались из мелкого моря, разлившегося до самого горизонта. Выхлоп термоядерного двигателя кцинтского корабля растопил лед на много миль вокруг.

— Несс, рядом с вами есть вода?

— Только в твердом состоянии. Кцинтского корабля надо мной нет. Я не вижу.

— Он надо мной. Как только они отключат двигатель, я примерзну к земле.

— Я думал... Нужна ли вам позиция самоуничтожения? Переключите оружие на ракету, поверните соплом вниз и стреляйте. Пламя растопит лед вокруг вас.

— Да, если придумать способ, как удержать оружие соплом вниз. Скорее всего, оно развернется, и кцинти обнаружат его с помощью глубинного радара или сейсмических приборов и заберут.

— Верно.

Вода прибывала. Джейсон подумал, что, когда он вмерзнет по колено, он воспользуется ракетой, чтобы освободиться от льда. Будет очень горячо. Может быть, он даже сожжет себе ноги, но рискнуть стоит.

Голубая кцинтская звезда горела ярко и ясно на фоне пылеводородной арки. В сорока пяти градусах над горизонтом стояло ярко-розовое пятно — близнецы-Лиры.

— Джейсон, для чего служит нейтральная позиция?

— Не знаю, а для чего?

— Она не для накопления энергии. Энергию превосходно накапливает восьмая позиция. Нейтральная позиция не для того, чтобы ничего не делать. Ничего не делать можно и в боевой позиции, если не положить в магазин пули. Получается, что у нейтральной позиции нет назначения. Может быть, она делает что-то, о чем мы не знаем?

— Посмотрим.

Яркая звезда над Джейсоном погасла.

- Чафт-капитан, я не могу найти кукольника.
- Его скафандр, наверное, совсем не пропускает тепло. Чуть позже мы организуем поиск с помощью оптики. Когда человек перестанет двигаться, доложите.

Неплохую идею подал Несс, подумал Джейсон, вот если бы ее еще осуществить! Это гораздо лучше, чем самоуничтожение, ведь если позиция самоуничтожения существует, Джейсон почти наверняка погибнет, включив ее.

Возможно, и Несс погибнет. Самоуничтожаясь, шпионское оружие должно наделать еще массу бед. Ракетная форма работает на основе полного превращения материи. Полное превращение страшная сила, даже если прибор весит всего четыре фунта, а превращению подвергается лишь доля миллиграмма.

Наводнение, вызванное квинти, оледенело снизу вверх. Ботинки Джейсона становились все тяжелее, слой льда на них делался все толще. Джейсон шел, чтобы не примерзнуть к самому дну.

Он принялся разглядывать нейтральную форму — шарик с ручкой, — ища потайной орган управления. Ничего не было видно. Джейсон попробовал повернуть краешек ручки вокруг своей оси. Краешек не повернулся. Но и не отломился — уже хорошо!

А может быть, следует что-нибудь сломать? Например, оторвать шарик от ручки?

У Джейсона не хватило на это сил.

Может быть, повернуть шарик? Нет, не получается.

Джейсон нажал на кнопку и снова попытался повернуть шарик.

Серебристый шарик повернулся на сто восемьдесят градусов. Раздался щелчок. Джейсон отпустил курок, и шарик начал изменяться.

— Получилось, Несс! Что-то получилось!

— Новая форма? На что она похожа?

На белую вспышку, подумал Джейсон, ожидая мгновения, в течение которого будет видна белая вспышка, но оно не наступило. Шарик обрел новую форму.

— На конус с округлым основанием, направленный вершиной прочь от рукоятки.

— Что ж, попробуйте, Джейсон. Прощайте, если вам повезет. Общаться с вами было очень приятно.

— Взрыв может зацепить и вас.

— Чтобы мне не было так больно вас терять?

— После этого вы говорите, что у вас нет чувства юмора? Прощайте, Несс. Я нажимаю.

Конус не взорвался. Бомба замедленного действия? Джейсон уже собирался искать часовой механизм, но тут он заметил нечто такое, отчего ноги словно приросли ко льду.

Сквозь пространство тянулся тусклый голубой луч: он стремился в том направлении, куда Джейсон случайно направил вершину конуса, поднимался в небо под углом сорок пять градусов и дрожал, когда дрожала рука Джейсона.

Новое оружие.

Джейсон отпустил кнопку. Луч погас.

Корабля кцинти не было видно, да Джейсон и не стал бы в него стрелять: на корабле Анна-Мари.

Секретное оружие. Более мощное, чем остальные виды? Джейсон должен это выяснить. Он попытался встать в позу снайпера, как Чафт-капитан.

Ноги накрепко примерзли ко льду. Не уследил! Джейсон сердито передернул плечами, направил вершину конуса в точку чуть выше горизонта и выстрелил.

В небе протянулся тусклый голубой луч. Джейсон медленно опускал вершину конуса, и вот луч коснулся линии горизонта.

Вспышка света послужила сигналом. Джейсон скорее лег на спину и стал ждать взрыва. Свет почти сразу погас, а блестящий ледяной панцирь планеты задрожал и стал вырываться из-под Джейсона, таща его за ноги. Вот его тело дернулось, как хлыст, и лед оторвался от ног.

Он лежал ничком, ощущая нестерпимую боль ниже колен. Подкатилась возвратная ударная волна. Лед вздрогнул, теперь уже без последствий.

— Джейсон, что случилось? Я слышал взрыв.

— Сейчас, сейчас...

Джейсон перевернулся и сел, осматривая ноги. Боль была ужасная. Кажется, кости целы, но идти он не сумеет. Ботинки покрывала корка мокрого льда, исчерченная трещинами.

— Джейсон! Кукольник! Вы меня слышите? — раздался глухой, далекий голос кцинти-босса.

— Молчите, Несс. Я буду отвечать. — Джейсон переключил свой передатчик в диапазон общего пользования. — Я здесь!

— Вы нашли новую форму оружия.

— Неужели?

— Я не хочу вас оскорблять. Как воин вы достойны уважения, на которое ваш травоядный друг не вправе рассчитывать.

— Как ваши ребра?

— Пожалуйста, не вспоминайте об этом! Мы с вами можем договориться. У вас в руках уникальное оружие, у меня — женщина, по-видимому, ваша супруга.

— Хорошее начало. Дальше.

— Отдайте нам оружие. Покажите, как включать новое состояние, и можете целым и невредимым вместе со своей подругой беспрепятственно покинуть эту планету на своем корабле.

— Я должен положиться на ваше честное слово?

Ответа на было.

— Ах ты, лживое отродье... — Джейсону не хватило слов. Он знал всего два слова на кцинтском языке; одно из них означало «здравствуйте», а другое...

— Можете не говорить. Мое предложение остается в силе, но я внесу в него дополнения. Ваш гиперскоростной двигатель будет демонтирован. Вы вернетесь в родную цивилизацию через обычный космос. При этом условии я могу дать вам честное слово.

— А Несс?

— Травоядный будет выпутываться сам.

— Нет.

— Давайте рассуждать логически. Ваш друг не вправе рассчитывать на уважение, которое по праву полагается воину. Кцинти — плотоядный народ, а мы уже несколько лет не ели свежего мяса.

— Не пытайтесь меня запугать. Вы не станете есть своего единственного заложника.

— Тогда мы съедем руку вашей подруги. Потом вторую. Потом ногу.

Джейсону стало не по себе. Да, они на это способны. Правда, они могут сделать это без боли, если захотят; скорее всего, они так и поступят, чтобы Анна-Мари не умерла от шока.

Он сглотнул тугой ком?

— По крайней мере сейчас она невредима?

— Разумеется.

— Докажите. — Джейсон хитрил.

Несс, наверное, слушает. Он может вмешаться... а был ли этот шанс?

— Она сама вам скажет, — сказал капитан.

Послышался стук, на голову Анне-Мари надевали шлем. И вот она заговорила, торопливо и настойчиво.

— Джей, милый, слушай! Включи седьмое состояние. Седьмое, ты слышишь?

— Анна, ты в порядке?

— Да! — крикнула она. — Седьмое состояние... — ее голос умолк.

— Анна!

Молчание.

В наушниках послышалась торопливая неясная речь кчинти. Джейсон окинул оружие взглядом и перевел бегунок в седьмую позицию. Может быть, Анна-Мари что-то узнала. Корпус переплавился в зеркальный шар...

— Джейсон, теперь вы убедились, что ваша подруга невредима. Мы требуем, чтобы вы приняли решение немедленно.

Джейсон, не слушая грубый голос кчинти, смотрел, как оружие превращается в цилиндр с плоскими доньщиками и сеткой над рукояткой. Он видел, что у кчинти получалось такое.

— О!

Ну конечно, это компьютер. Тнуктипский компьютер. Джейсон улыбнулся, а сердце у него сжалось от боли. Жена сделала для него единственное, что было в ее силах, — подсказала, где найти единственного на весь изведанный космос тнуктипа-советчика.

Черт возьми, она абсолютно права! Но компьютер не слышит его, он не слышит, что говорит компьютер, а кроме того, они говорят на разных языках.

Стоп! Это позиция номер семь, но если считать нейтральную позицию первой, то... нет! Позиция номер шесть — всего лишь лазер.

Финэгл! Какое удачное ругательство выдумали на Белте: первый закон Финэгла великолепно оправдывается.

Вдруг перестали болеть ноги.

Попался! Джейсон оглянулся, отыскивая глазами врага. Сделка оказалась ловушкой. Вот уже гудит голова, попавшая в луч силового пистолета. Джейсон увидел кчинти, прячущегося за оплывшей глыбой льда, вернее, глаз кчинти и дуло пистолета. Он тут же нажал на кнопку-курок.

Оружие было в состоянии компьютера. Рука Джейсона бессильно опустилась, сознание погасло.

— Не понимаю, зачем она велела ему включить седьмое состояние.

— То есть компьютер?

— Ну да.

— Он не сумел бы воспользоваться компьютером.

— Не сумел бы, но почему-то...

— Наверное, она имела в виду шестую позицию. Лазер — единственное оружие, которое человек мог применить против нас.

— Р-р-р. Да. Значит, она просчиталась.

Включилась система связи «корабль—скафандр».

— Он готов, Чафт-капитан.

— Молодец, Флаер. Тащи его сюда.

— Зачем он нам нужен, Чафт-капитан?

Чафт-капитан не был расположен спорить:

— Все равно неси сюда. Я никогда ничего не выбрасываю.

Голова кружилась, нервы оголились, ноги немилосердно болели. Джейсон вздрогнул и попытался открыть глаза. Веки медленно, неохотно поднялись.

Он стоял, опутанный полицейской сетью. Мышцы шеи были расслаблены, но голова держалась прямо, почти невесомая в одной восьмой гравитации. Неудивительно, что он не знал, где верх, а где низ. Анна-Мари стояла сбоку от него на расстоянии двенадцати дюймов. В ее глазах не было надежды, одна усталость.

— Черт! — сказал Джейсон.

Одного этого слова хватило.

Бормотание кцинти составляло неотъемлемую часть обстановки, и Джейсон обратил на него внимание только тогда, когда оно смолкло. Вот перед ним появился кцинти-босс. Он ступал медленно и осторожно, наклоняя туловище влево.

— Вы очнулись.

— Как видите.

Толстая четырехпалая рука держала тнуктипское оружие, в форме компьютера. Кцинти поднес его к лицу Джейсона.

— Вы нашли новое состояние. Покажите, как его включить.

— Я не могу показать, — сказал Джейсон. — Я нашел это состояние случайно и так же случайно потерял его.

— Это не делает вам чести. Вы понимаете, что нам нечего терять?

Джейсон безуспешно пытался прочесть выражение его фиолетовых глаз.

— Что вы хотите этим сказать?

— Либо вы расскажете мне все по доброй воле, либо вас заставят, либо вы действительно не знаете. В любом случае я не вижу обстоятельств, которые помешали бы нам отнять вашей подруге руку.

Он отвернулся и заговорил на своем языке. Его солдаты вышли.

— Через час мы покинем эту планету. — Босс подошел к креслу, сделанному по фигуре кцинти, и принялся осторожно укладывать туда свою оранжевую тушу, тихо ворча от боли.

Скорее всего, он говорил правду. Его положение вполне определено. У него в руках тнуктипское оружие, которое он отвезет своим, и двое пленников-людей. Люди капитану не нужны, ему нужно то, что знает Джейсон. Он предложил простую сделку: знание в обмен на мясо, которое растет на их костях.

— Я не могу ничего тебе объяснить, — сказал Джейсон.

— Не можешь — не надо, — ответила Анна-Мари без всякого выражения.

— Я правда не могу.

Конус оказался чрезвычайно мощным оружием. Его луч вызывал спонтанное превращение массы во всем, чего касался. Джейсон не мог этого объяснить. Его мог слышать кцинти-босс, а кцинти сами не знают, чего хотят.

— Хорошо, договорились, не можешь. Как вышло, что тебя схватили?

— Я сделал глупость. Пока я разговаривал с боссом, другой спустился и подстрелил меня из силового пистолета.

— Седьмая позиция...

— Я не успел ничего сказать. И в вакууме ничего не слышно.

— Я об этом не подумала. Что с Нессом?

— Он на свободе.

Вмешался кцинти-босс:

— Скоро мы его возьмем. Кукольнику негде прятаться и нечем драться, да он и не умеет. Неужели вы думаете, что он постарается вас спасти?

— Нет, конечно, — кисло улыбнулась Анна-Мари.

Вернулись остальные кцинти, неся какие-то приборы. Кроме кцинтских приборов непонятного назначения в каюте оказалась аптечка, снятая с «Корт Джестера». Кцинти разложили свои машины рядом с полицейской сетью и принялись за работу.

Среди машин был небольшой баллон с насосом и системой трубок из мягкого пластика. Кцинти обмотали трубками руку Анны-Мари и, соединив их с насосом, включили его.

— Холодно, — сказала Анна-Мари. — Я замерзаю.

— Я не могу их остановить, — ответил Джейсон.

— Ты уверен? — Она дрожала.

Джейсон сдался. Он открыл рот, чтобы объявить о капитуляции. Кцинти-босс, подняв лохматую голову, вопросительно уставился на него, но слова застряли у Джейсона в горле.

Он включил секретное состояние всего один раз. Голубой луч всего лишь на мгновение коснулся земли, а взрыв едва не убил его. Очевидно, оружие в этой форме не предназначалось для применения на поверхности планет.

Его можно применять только в космосе. Неужели оно предназначено для уничтожения целых миров?

Но Anne-Мари больно!

— Значит, ты уверен, — сказала она. — Ладно. Не смотри на меня так, Джей! У меня отрастет новая рука. Успокойся. Не волнуйся.

Она никогда не видела у человека в глазах такого страдания.

— А до аптечки она не дотянется, — произнес грубый голос.

— Заткнись! — закричал Джейсон.

Тишину нарушали приглушенные голоса кцинти. Один из них, пилот с белой нашивкой, вышел. Другие о чем-то говорили: может быть, о еде; может, о сексе у кцинти или о сексе у людей; может быть, о том, как охотиться на кукольников, или о том, как вывернуть сферу наизнанку без экстремума. Джейсон ничего не понимал, они не жестикулировали.

— Они могли подключить нас к микрофону, — сказала Анна-Мари.

— Да.

— Поэтому ты не говоришь даже мне, что случилось.

— Да. Если бы я мог говорить по-вундерлендски.

— Это мертвый язык. Я сама его не знаю. Джей, я уже не чувствую свою руку. Наверное, в этом баллоне жидкий азот.

— Прости. Я ничего не могу сделать.

— Ничего не вышло, — сказал Чафт-капитан.

— Еще выйдет, — обнадежил его Слейверстьюдент. — В первый раз не получилось, во второй получится. Тогда они поймут, что мы выполняем свои угрозы. — Он задумчиво посмотрел на пленников. — Кроме того, нам следует обедать у них перед глазами.

— Им известно, что конечности можно отращивать.

— Только с помощью машин, построенных людьми. А здесь таких нет.

— Ты прав.

— Давно мы не ели свежего мяса.

Вернулся Флаер:

— Чафт-капитан, кухня запрограммирована.

— Прекрасно. — Он сделал неосторожное движение и напрягся от боли.

Неплохо было бы наложить на ребра давящие повязки. Он уже соединил ребра и скрепил их скобами, но повязки наложить не мог; они напоминали бы экипажу о том, что случилось. Капитану было бы стыдно.

Его ударил кукольник!

— Я решил, — сказал он, — что, несмотря на то, что говорит человек, мы должны доставить тнуктипское оружие к своим как можно скорее. Дома я высажу тебя, Слейверстьюдент, с оружием и телепата в морозильнике. Потом ты, Флаер, и я вернемся сюда за травоядным. За это время его не успеют забрать. Найти его будет легко. Если он не спрячется в нору, мы обнаружим его с помощью оптических приборов, если спрячется — с помощью сейсмографов.

— У него будет месяц на приятные предчувствия.

— О да!

— Вы меня понимаете?

Три пары кцинтских глаз вопросительно забегали по сторонам. Только что прозвучавший голос не принадлежал ни одному из них. Он говорил с акцентом и казался искусственным:

— Повторяю. Вы меня понимаете?

Это говорило оружие. Оружие, придуманное тнуктипами

— Компьютер научился их языку, — сказал Джейсон. Последняя надежда оставила его.

— Он расскажет им, как найти состояние, о котором ты не хотел говорить.

— Да.

— Тогда скажи мне, Джей, — она была готова разрыдаться. — Ради чего я отдаю руку?

Джейсон набрал в легкие воздух и крикнул:

— Эй!

На него не обратили внимания. Кцинти наперебой говорили, склонившись над прибором.

— Эй, капитан! Сын стондата!

Все кцинти обернулись к нему. Должно быть, он правильно выговорил слово.

— Больше не говорите этого слова, — сказал капитан.

— Уберите эту машину от моей жены!

Кцинти-босс подумал, поговорил с пилотом. Пилот освободил руку Анны-Мари от полицейской сети и стал снимать холодные смертоносные трубки, обернув руку куском ткани, чтобы не обморозить. Он отключил насос, поправил полицейскую сеть и вернулся к прерванной беседе, которая к тому времени перешла в диалог. Капитан велел всем молчать.

— Как твоя рука?

— Как мертвая. Может быть, она уже мертвая. Что мы пытались скрыть, Джей?

Джейсон рассказал.

— О боги! Теперь оно у них в руках!

— Тебе нужно принять что-нибудь анестезирующее.

— Еще не больно.

— Скажи, когда станет больно. Мучить нас больше не будут. Если съедят, то убьют быстро.

Говорил в основном компьютер.

Кцинти взял в руки тнуктипский колпак, обнаруженный в сейфе. Компьютер что-то сказал.

Кцинти взял маленький металлический предмет, который мог служить передатчиком. Компьютер что-то сказал.

Потом что-то сказал капитан.

Компьютер говорил долго.

Кцинти-босс взял в руки оружие и стал с ним что-то делать. Джейсон не видел, что именно: кцинти стоял к нему спиной. Но оружие меняло форму. Джейсон про

себя произносил проклятия. Просто так, чтобы разрядиться; он не знал слов, соответствующих случаю.

Кцинти-босс произнес короткую фразу и вышел, бережно неся оружие. За ним последовал один из солдат — специалист по истории рабовладельцев. Когда капитан выходил, Джейсон мельком увидел оружие.

Кцинти с белой нашивкой, пилот, остался на корабле.

Джейсон обнаружил, что дрожит. Оружие, изменчивое, живое оружие. Когда капитан выходил из каюты, он нес ружейный приклад, к которому крепились два конуса с округлыми основаниями и соединенными вершинами.

Джейсон недоумевал.

Вдруг его взгляд, беспокойно блуждающий по каюте, словно в поисках ответа, остановился на пустом стазовом сейфе. Рядом лежали тнуктипский колпак, маленький металлический предмет, действующий в гиперпространстве, и законсервированная рука рабовладельца.

Джейсон понял их назначение.

Обладает ли компьютер оптическим зрением? Конечно, кцинти показывали ему предметы, извлеченные из сейфа.

Представьте компьютер, достаточно сообразительный для того, чтобы за час на слух выучить чужой язык. Неважно, какого он будет размера, — все разумные существа стараются, чтобы компьютеры были как можно меньше, хотя бы для того, чтобы сократилось время прохождения по ним мыслительных импульсов, движущихся со скоростью света или чуть медленнее. Допустим, что компьютер знает только то, чему научили его тнуктипы-создатели, и то, что увидел и услышал в каюте.

Он видел содержимое сейфа. Он видел представителей неизвестной цивилизации. Незнакомцы задавали вопросы, из которых следовало, что они мало знают о тнуктипах и мыслят не так, как тнуктипы. Они не знали тнуктипского языка. Им не терпелось узнать побольше о тнуктипском секретном оружии.

Значит, они не союзники тнуктипов.

Если так, они враги. В этой войне не было, не могло быть нейтральных сторон.

— Анна, — позвал Джейсон.

— Я здесь.

— Пожалуйста, не задавай мне вопросов, а делай то, что я скажу. Это очень важно. Видишь того кцинти? Хорошо. Ты подкрадешься к нему сзади и набросишься на него, а я ударю его мешком по голове. В этом нет

ничего смешного. Когда я подам сигнал, мы оба плюнем ему в ухо.

— Ты прав. В этом нет ничего смешного.

— Я говорю абсолютно серьезно. Не забудь, что здесь слабое тяготение.

— Как ты собираешься подавать сигнал с полным ртом слюны?

— Плюнешь, когда увидишь, что я плюю. О'кей?

Плевков Джейсона пришлось кинти между ушей. Анна-Мари попала точно в ухо. Кинти взвыл и вскочил на ноги. Получив еще два плевка в лицо, кинти, как молния, бросился на людей.

Воздух над их головами загустел.

Кинти, презрительно кривясь, вернулся на свое место у стены.

Стало трудно дышать.

Чтобы моргнуть, требовалось значительное усилие. О том, чтобы произнести слово, не могло быть и речи. Влажный воздух, перенасыщенный углекислым газом, не хотел двигаться. Он стоял перед их лицами, и они вдыхали его снова и снова. Кинти смотрел, как люди задыхаются.

Джейсон закрыл глаза. Моргать было уже больно. Он напомнил себе, что так надо по плану, что все получилось, как и должно было получиться. Полицейская сеть накрывала не только их тела, но и головы.

«Мой план таков».

— Кукольник побежал на восток, — сказал Чафт-капитан и повернул на запад.

Он хотел убедиться в том, что убьет кукольника.

Оружие казалось тяжелым и неудобным. Капитан боялся его и стыдился своего страха. Он никак не мог забыть тот ужасный момент, когда оружие заговорило. Среди кинти бытовали легенды о привидениях. Самые суеверные кинти считали, что к оружию, захваченному у врага, возвращается его погибший хозяин.

Кинти благородного происхождения не должен быть суеверным, по крайней мере внешне.

Нет ничего сверхъестественного в том, что компьютер обучается чужим языкам. Единственный способ отыскать положение, в котором осуществляется превращение материи, — спросить у компьютера. В этом тоже нет ничего

сверхъестественного. Превращение материи — опасная сила.

События последних лет не дали кцинтскому дворянству ничего хорошего. Покорение космоса закончилось, когда кцинти столкнулись с людьми. Потом появились кукольники и расставили по всему космосу свои торговые аванпосты. Кцинти, напавший на кукольника, не страдал физически, но разорялся. Кцинти не умели бороться с властью денег. Может быть, новое оружие поможет исправить положение? Вот какие мысли занимали капитана.

Было время, — тогда уже использовалась атомная энергия, но еще не изобрели поляризатор гравитации, — когда всем казалось, что цивилизация кцинти погубит себя непрерывными войнами. Теперь кцинти владеют множеством миров и эта опасность миновала. Миновала? Превращение материи...

Нельзя перечеркнуть то, что знаешь.

Оружие, к которому возвращается прежний хозяин...

Он остановился на ледяном холме на некотором расстоянии от корабля. Кроваво-красный туман затопил уже полнеба. Виток водородной спирали, оборачиваясь вокруг планеты, готовился поглотить ее. Через какое-то время, подталкиваемый фотонным давлением, он выпустит планету, слегка сгустив ее атмосферу.

Мы к тому времени будем далеко, подумал Чафт-капитан. Теперь его волновала проблема возвращения домой. Если корабли людей увидят, что «Трейдорз Кло» входит в кцинтские владения, они поймут, что «Трейдорз Кло» нарушает договор. Однако если Флаер сделает все правильно, их не должны поймать.

— Чафт-капитан, эта форма не имеет прицельного устройства.

— Правда? В самом деле, не имеет. — Он задумался. — Может быть, она предназначена для стрельбы по крупным мишеням? Например, по планетам. Помнишь, какой был взрыв?

А может, у этого оружия небольшая точность или малый радиус действия. Странно, по логике, тнуктипы должны были сделать хотя бы пару зарубок для прицеливания.

Что-то здесь не так, нашептывал хозяину инстинкт самосохранения.

— Суеверие, — прорычал капитан и поднял оружие, целясь в небо. — Сейчас все выяснится.

В этой области планеты лед растаял и снова замерз. Его поверхность была гладкой, как вода в тихом горном озере.

Несс остановился у края «озера», оглянулся, постоял, еще раз оглянулся и ступил на гладкий лед, отсвечивающий красным. Мускулы напряглись и задрожали.

Он не собирался выручать своих работников. Они сами ввязались в историю. А у него нет ни оружия, ни товарища, ни даже хитрости, чтобы помочь им. Человек пополз бы по льду на животе, а тело Несса к этому не приспособлено. Он должен скакать по белой голой равнине, подпрыгивая, как мячик, в слабом тяготении.

Его единственное оружие — задняя нога.

Подумав так, он вспомнил, как его встряхнуло, когда он ударил кцинти. Двести сорок футов его веса на бешеной скорости пришились на пять квадратных дюймов подошвы. Ударная волна пронеслась по голени, по бедру, по хребту, колыхнула череп и разбежалась по шеем, отчего головы дернулись, а зубы громко щелкнули. Нессу казалось, что он лягнул гору, мягкую, но крепкую.

Он испугался, впервые в жизни по-настоящему испугался, и побежал прочь. А кцинти испустил протяжный хриплый вопль и согнулся пополам.

Несс скакал дальше. Пересекая озеро, он не видел ни кцинти, ни их корабля. Но вот озеро кончилось и начались холмы и впадины. Впереди забрезжил желтый свет. Тусклый, слабый, но определенно желтый на фоне розового льда.

Это были огни корабля.

Несс двинулся вперед. Он не знал, что его тянет туда. Он боялся себе в этом признаться.

Тук! Копыто увязает в твердой плоти. Хриплый крик боли вырывается из-за плотоядных зубов.

Нессу хотелось пережить это снова. Он жаждал крови.

Он поднимался на ледяной холм, двигаясь медленно, хотя ноги рвались в галоп. Он был безоружен, но скафандр служил хорошей защитой. Его мог пробить только быстрый метеорит. Как силикопластик, скафандр гнулся под слабым давлением, например при ходьбе, но в ответ на резкое воздействие мгновенно твердел.

Несс взобрался на холм.

Чьи это огни? «Корт Джестера»? Нет. Несс увидел, как открывается дверь тамбура, и скатился по склону, чтобы спрятаться на дне впадины.

Корабль кцинти приземлялся. Наверное, с помощью

поляризатора гравитации, иначе Несс увидел бы, как он спускается. Если Джейсона взяли живым, он, наверное, еще жив. А может, его убили, то же самое относится к Анне-Мари.

Что дальше?

Корабль кцинти стоит прямо за холмом. По меньшей мере один кцинти вышел наружу. Он ищет Несса? Нет, едва ли кцинти ожидают, что он окажется здесь.

Несс сидел во впадине между двумя складками льда, длинными, пологими и невысокими, как волны у океанского берега. Гребень волны, оставшейся у Несса за спиной, вдруг засверкал в жестком бело-голубом свете.

Несс знал, что делать, и немедленно это проделал. Нет смысла прикрывать черепную коробку шеями — только глоточные хрящи сломаются. Скафандр либо защитит мозг, либо нет. Он спрятал голову между передними ногами и, согнув колени, подобрал ноги под себя. Он сделал это не задумываясь. Это был искусственно привитый рефлекс, но работал он ничуть не хуже, чем врожденный.

Несс увидел свет, свернулся в комок, и вот земля задрожала. Он запрыгал по ней, как мячик. Скафандр, реагируя на резкое воздействие, держал заданную форму, но он не мог не прыгать по земле, когда она дыбилась, и не мог помешать мозгу прыгать внутри черепа.

Несс очнулся на спине. Ноги торчали вверх. Правую сторону покалывало. Завтра правая сторона туловища, правая нога и шея превратятся в один сплошной синяк. Земля все еще дрожала. Должно быть, он потерял сознание всего на несколько секунд. Шатаясь, он поднялся на ноги. Шипы на подошвах оказались очень кстати. Несс встряхнулся и стал взбираться на гору. Вдруг над ее вершиной неслышно появился корабль кцинти. Проехав по льду четверть мили, он грациозно поднялся в небо, окруженный облаком туманного ледяного тумана. Корабль вращался вокруг своей оси, и Несс заметил, что один его бок раскален докрасна. Корабль скользил в разреженной атмосфере планеты между двумя складками ее ледяного панциря, скорее дрейфуя, чем падая. Вот он ткнулся в склон одной из складок и остановился.

Но не опрокинулся. Вокруг корабля таял лед и клубился пар.

Несс не боялся подойти. И кцинти, и люди, оставшиеся на корабле, должны были погибнуть. Удастся ли ему войти?

Наружной двери тамбура не было, ее сорвало взрывом. Внутренняя дверь была покорежена: между нею и коробкой просачивались струйки пара. Несс нажал кнопку. Дверь не двигалась.

Кукольник осмотрел тамбур. Здесь должны быть датчики, чувствующие, закрыта или открыта наружная дверь и есть ли в тамбуре давление. Вот чувствительная пластина на исковерканной коробке наружной двери. Несс нажал на нее губами.

В тамбур ворвался поток воздуха, превратился в туман и вырвался наружу. Вторая голова Несса искала датчик давления. Вот он, рядом с отдушиной. Несс заслонил отдушину своим телом и нажал на датчик. Внутренняя дверь распахнулась. Воздух с ревом вырвался из проема. Несс ухватился за дверную коробку, чтобы его не унесло. Когда ветер утих, Несс заглянул внутрь. Дверь захлопнулась за ним.

Итак, что здесь случилось?

Воздух с воем заполнял каюты, из которых улетучилось то, что выпустил Несс через входную дверь. Несс заглянул в кухню, в зал управления, в уборные, но никого не нашел. Он вышел в коридор и направился в ту комнату, где их допрашивали. Может быть, там...

Он застыл на пороге.

Анну-Мари и Джейсона опутывала полицейская сеть. По-видимому так, потому что оба стоят и оба без сознания. Оба невредимы. Но кцинти!

Мир поплыл перед глазами Несса. Головы стали легче воздуха. Он немало повидал, но это... Несс отвернулся.

Ему пришло в голову, что люди потеряли сознание от недостатка кислорода. Полицейская сеть накрывала их полностью, с головой. Иначе взрывом им оторвало бы головы. Несс заставил себя подойти к сети. На кцинти он старался не смотреть.

Кажется, сеть выключается здесь. Вот выключатель. Несс нажал на кнопку. Люди медленно опустились на пол. Готово.

Несс поймал себя на том, что оборачивается взглянуть на кцинти.

Он не мог отвести взгляд.

Кцинти разбился, как комок мокрого снега, изо всех сил брошенный о стены. Он был распластан по стене на высоте фута над полом и приклеен к ней кровью.

Несс потерял сознание. Он очнулся стоя: таков был тонус его расслабленных мышц. Анна-Мари встряхивала его и что-то говорила.

— Я боюсь за него, — сказала Анна-Мари.

Джейсон оторвал взгляд от пульта управления «Корт Джестера».

— На Джинксе его вылечат. На Сириус-Матере остались кукольники.

— До Джинкса еще целая неделя. Может быть, мы сумеем что-нибудь сделать? Он не выходит из каюты. Наверное, ужасно тяжело быть сумасшедшим, — Анна-Мари потеряла место, где раньше была отнятая роботом-врачом рука.

Джейсона этот жест выводил из себя. Он чувствовал себя виноватым. Но на Джинксе ей отрастят новую руку.

— Я не хочу тебя огорчать, — сказал он, — но дело здесь не в безумии. Несс сидит в каюте, потому что не хочет видеть нас.

— Как?

— Именно так.

— Что ты говоришь, Джей!

— Не воспринимай это как упрек лично тебе. Мы являемся символом, — он насупился, подбирая слова. — Вот смотри. Помнишь, как Несс лягнул кцинти?

— Конечно. Это было великолепно.

— Ты, наверное, знаешь, что он обещал выстрелить в корабль кцинти, если я отдам ему оружие. И, наконец, он по доброй воле вышел к кораблю кцинти. Мне кажется, он собирался драться с кцинти, если это понадобится. Он знал, что они схватили меня и завладели оружием. Он был готов драться.

— Он умница, но, Джей...

— Черт возьми, Анна, по меркам кукольников, он не умница, а преступник чистой воды. У кукольников добродетелью считается трусость. Он нарушил все известные ему законы.

— Ты хочешь сказать, что ему стыдно?

— Да, но это еще не все. Его поразило, как повели себя мы, когда очнулись. Помнишь, что было? Несс стоял и смотрел на останки кцинти-пилота. Тебе при-

шлось несколько раз встряхнуть его, прежде чем он обратил на тебя внимание. И что он выясняет? Что я, Джейсон Папандреу, его друг, все это задумал. Я знал, что босс и историк идут на смерть, потому что компьютер показал им позицию самоуничтожения и сказал, что в этой позиции осуществляется превращение материи. Я знал это и позволил им выйти и взорвать себя. Обманом добился, чтобы пилот накрыл нас головы полицейской сетью, и бросил его на произвол судьбы. И я гордился этим, а ты гордилась мной. Теперь ты понимаешь?

— Нет. И до сих пор горжусь тобой.

— Чего нельзя сказать о Нессе. Он считает, что мы, к которым он относился как к чудаковатым кукольникам — ведь и мы относились к нему, как к человеку-чудаку, — совершили ужасное преступление. Более того, это преступление собирался совершить он сам. Он перенес свой стыд на нас. Ему стыдно за нас, и он не хочет нас видеть.

— Сколько еще лететь до Джинкса?

— Неделю.

— Поторопиться никак нельзя?

— Никак.

— Бедный Несс!

Самая хорошенькая девушка на борту оказалась замужем за человеком, настроенным столь мизантропически, что я узнал о его существовании лишь на вторую неделю полета. Он был средних лет, пяти футов и четырех дюймов ростом, но на плече его красовалась татуировка, изображавшая пламя и означавшая, что тридцать лет назад он участвовал в войне с кчинти, то есть был обучен убивать взрослых кчинти голыми руками, ногами, локтями, коленями и всеми остальными частями тела.

Когда мы узнали друг о друге, он честно сделал мне первое предупреждение и сломал руку в подтверждение того, что не бросает слов на ветер.

На следующий день рука болела, и все женщины «Ленсмэне» казались мне двухсотлетними старухами. Я в одиночестве пил, угрюмо уставясь в зеркало, висящее над полукруглой стойкой бара. Зеркало отвечало мне таким же угрюмым взглядом.

— Эй! Вы с Нашего-Успеха! А я?

Он сидел через два табурета от меня и смотрел на меня в упор.

Если бы не борода, его лицо было бы круглым и дерзким, даже наглым. Борода — черная, короткая и аккуратно подстриженная — делала его похожим одновременно на Зевса и на сердитого бульдога. Воинственный взгляд прекрасно сочетался с бородой. Толстые пальцы держали стакан мертвой хваткой. У него были широкие плечи, и, несмотря на круглый живот, он казался не толстым, а крепким.

По-видимому, он обращался ко мне. Я спросил:

— Что значит «а я»?

— Откуда я?

— С Земли.

До этого не трудно было додуматься. Его выдавал акцент и консервативная симметричная борода. Он очень естественно дышал в стандартной атмосфере корабля, и сложение его было рассчитано на стандартное тяготение.

— И кто я?

— Брюхошлеп.

Давление его взгляда усилилось. Очевидно, он пришел в бар гораздо раньше, чем я.

— Брюхошлеп! Черт возьми! Куда бы я ни попал, везде я брюхошлеп. А вы знаете, сколько часов я провел в космосе?

— Нет, но держать корабельный стакан вы научились.

— Смешно. Просто смешно. Везде, где живут люди, брюхошлепом считается дурачок, который не вылетал за пределы атмосферы. Везде, кроме Земли. Если ты с Земли, ты всю жизнь будешь брюхошлепом. Последние пятьдесят лет я не вылезал из космоса, и кто я? Брюхошлеп. Почему?

— «Землянин» — смешное слово.

— А какая репутация у людей с Нашего-Успеха?

— Я разбейнос. Я родился не в Разбейнос-Сити и даже не в его окрестностях, но тем не менее я разбейнос.

Кажется, он усмехнулся. Из-за бороды было плохо видно.

— Хорошо, что вы не пилот.

— Пилот. Раньше был.

— Вы шутите? Как можно доверить разбейносу корабль?

— Можно, если он хороший пилот.

— Не сердитесь, сэр. Позвольте представиться. Меня зовут Слон.

— Беовульф Шеффер.

Он заказал для меня коктейль. Потом я для него. Выяснилось, что мы оба играем в кункен, и мы понесли свои стаканы к карточному столу.

В детстве я часто приходил в космопорт и смотрел, как приземляются корабли. Пассажиры выходили из тамбуров и направлялись к таможенным пунктам. Мне казалось странным, что им трудно ориентироваться в пространстве. Большинство жителей других планет не могли идти по прямой, шатались и моргали слезящимися глазами. Вероятно, это оттого, что в иных мирах они привыкли к другому тяготению, другому составу атмосферы и солнцу другого цвета.

Потом я узнал, что это не так.

В пассажирских космических кораблях нет окон. Если бы они были, половина пассажиров сошла бы с ума. Нужно иметь очень крепкие нервы, чтобы, испытывая эффект слепого пятна в гиперпространстве, не дать мозгам расплавиться. Пассажирам не на что смотреть и нечего делать, и, если ты не хочешь читать шестнадцать

часов в сутки, приходится пить. Пить лучше в компании. Ты меньше выпиваешь, потому что знаешь, что тебе нужно поддерживать беседу. Корабельный врач чаще лечит похмельный синдром, чем проделявает другие манипуляции, включая стрижку волос и ногтей.

Через два дня после того, как я познакомился со Слоном, корабль приземлился в Лос-Анджелесе. Слон был хороший компаньон в выпивке и в картах. У него было чутье, а мне везло. Из беседы мы узнали друг о друге ровно столько, сколько полагается узнать из такой беседы. Мне стало жаль с ним расставаться.

— Вы записали мой номер?

— Да, но я уже сказал, что не знаю, чем буду заниматься, — я говорил правду. Исследуя цивилизованный мир, я люблю делать самостоятельные открытия.

— Все же позвоните, если у вас будет время и появится желание. Я хочу показать вам Землю.

— Спасибо, не нужно. До свидания, Слон. Было приятно с вами познакомиться.

Слон помахал мне рукой и вышел в дверь для местных. Я пошел к ловцам контрабандистов. Последний коктейль еще не выветрился из меня, но этим можно заняться в отеле. Я не думал, что встречу со Слоном снова.

Девять дней назад я был на Джинксе. Я был богат и погружен в депрессию.

Богатство и депрессия имели общую причину. Кукольники, эти трехногие и двухголовые профессиональные труссы и бизнесмены, завлекли меня в корабль нового типа и отправили к центру Галактики. Я должен был пролететь двадцать тысяч световых лет. Полет был предпринят с рекламной целью: кукольникам нужны были деньги, чтобы устранить недостатки конструкции того самого корабля, на котором я летел.

Мне, наверное, следовало проявить больше благоразумия, но я этого не умею, а деньги мне предложили приличные. Вся беда была в том, что центр Галактики взорвался. Подлетев к нему, я увидел, что составляющие его звезды десять тысяч лет назад вступили в цепную реакцию сверхновых и волна радиации распространяется по Галактике (она и сейчас распространяется), приближаясь к изведенному космосу.

Через двадцать тысяч лет мы окажемся перед угрозой смерти.

Вы не испугались? Я тоже не стал волноваться. Но кукольники исчезли в одну ночь, направившись в Финэгл знает какую галактику.

Я затосковал. Я скучал по кукольникам и злился на себя за то, что они исчезли из-за меня. У меня было время, деньги и черная меланхолия, которую нужно было разбить. А Землю я давно мечтал увидеть.

У Земли был приятный запах. Воздух имел какой-то привкус, вполне ощутимый, но ни на что не похожий. Точно так же вкус талой весенней воды отличается от вкуса дистиллированной воды. В каждом глотке воздуха присутствовали молекулы, которые вдыхали Данте, Аристотель, Шекспир, Хайнлайн, Картер и мои предки. А еще там были продукты жизнедеятельности промышленности предыдущих эпох: перегоревший бензин, уголь, табак, сигаретные фильтры, дизельное топливо, перебродившее пиво. Я вышел из таможни с полными легкими воздуха и удивленно распахнутыми глазами.

Я мог попасть прямо в отель, воспользовавшись телепортационной кабиной, но решил прогуляться пешком.

Наверное, все население Земли приняло то же решение.

По тротуару валила невообразимо густая толпа. Разнообразные фигуры, цвета кожи, странные, фантастические наряды. У меня зарябило в глазах и закружилась голова. На любой планете в освоенном людьми космосе — на любой, кроме одной, — ты безошибочно узнаешь коренного жителя. Вундерленд? Аристократа украшает асимметричная борода, простолюдин поспешно уступит аристократу дорогу. Наш-Успех? Летом и зимой у нас бледная кожа; осенью и весной, когда утихают ураганные ветры, мы все рвемся наверх, из погребенных под землей городов в цветущую пустыню, погреться в лучах солнца. Джинкс? Там живут приземистые, широкие в кости, сильные люди; добрая старушка, здороваясь с тобой, раздавит тебе руку. Даже на Белте, в пределах Солнечной системы, и мужчины и женщины носят особую стрижку. Но Земля!

В толпе нельзя было найти двух похожих друг на друга людей. Красные, синие, зеленые, желтые, оранжевые, в клеточку, в полоску. Я говорю и о коже, и о волосах. Вся жизнь я принимал таблетки, стимулирую-

щие пигментацию, чтобы защитить себя от воздействия ультрафиолетовых лучей, поэтому цвет моей кожи изменялся в пределах от характерного для меня бело-розового (я альбинос) до черного, как вакса (под лучами бело-голубых звезд). Однако я не знал, что существуют средства окрашивания кожи в другие цвета. Я прирос к движущейся дорожке — пусть везет, куда вывезет. Вокруг бурлила толпа: бесчисленные локти и колени. Завтра я буду весь в синяках.

— Эй!

Девушка была небольшого роста, нас разделяли четыре головы. Я не заметил бы ее, если бы наши соседи тоже не были коротышками. Брюхошлепы редко дорастают до шести футов. Эта девушка, с бледно-зеленым лицом, черными, как космос, бровями и губами, с волосами, собранными в оранжево-серебряную прическу, похожую на топологический взрыв, махала мне рукой и что-то кричала.

Она размахивала моим бумажником.

Я стал проталкиваться к ней, и только тогда, когда мы оказались рядом, я расслышал, что она говорит:

— Глупый! Где ваш адрес? У вас даже нет места для марки!

— Что-что?

— О! Да вы из другого мира, — она испугалась.

— Ну да! — Я скоро охрипну, перекрикивая такой шум.

— Слушайте. — Она подобралась еще ближе ко мне. — Слушайте, не ходите по городу со своим инопланетным бумажником. Кто-нибудь другой, кто обшарит ваши карманы, может спохватиться, когда потеряет вас из вида.

— Вы шарили у меня по карманам?

— Разумеется. Вы что, решили, что я нашла бумажник? Вот еще, стану я совать свои драгоценные ручки под все эти каблуки!

— А если я позову копа?

— Копы? А-а, кирпичную морду, — она весело рассмеялась. — Примите к сведению и не нервничайте, против карманников закона не существует. Посмотрите вокруг.

Я оглянулся и поскорее обернулся к девушке, боясь, что она убежит. В бумажнике лежали не только все мои наличные, но и чековая книжка Банка Джинкса на сорок тысяч звезд — все мое состояние.

— Видите эту толпу? Только в Лос-Анджелесе живет шестьдесят четыре миллиона человек, а на всей планете восемнадцать миллиардов. Представьте, что примут закон против карманников? Как его осуществить? — Она проворно извлекла из бумажника деньги и протянула его мне. — Купите себе новый бумажник, и поскорее. Там будет место для адреса и окошко для десятицентовой марки. Следующий, кто вытащит бумажник у вас из кармана, вынет оттуда деньги и бросит его в ближайший почтовый ящик — без проблем. Иначе вы лишитесь чековой книжки, документов — всего.

Она сунула двести с лишним звезд за пазуху и одарила меня прощальной улыбкой.

— Спасибо! — крикнул я ей вслед. Я был ей на самом деле благодарен. Я еще не все понял, но она, без сомнения, задержалась для того, чтобы помочь мне. Она могла бы унести бумажник со всем содержимым.

— Не за что, — ответила она и пропала в толпе.

Я остановился у ближайшей телепортационной кабины, опустил в прорезь ползвезды и набрал номер Слона.

Я оказался во внушительных размеров вестибюле, куда и рассчитывал попасть. Кто захочет ставить телепортационную кабину прямо в квартире, куда грабитель может проникнуть, всего лишь набрав номер? У кого есть деньги, чтобы арендовать частную телепортационную кабину, у того должно хватить и на аренду вестибюля с замком на двери и системой радиосвязи.

Итак, я попал в вестибюль размером с гостиную, оборудованный массажными креслами и роботом, торгующим мелочами. Там была система связи, плоский видеофон, какие выпускали лет триста назад. Его ремонт стоил раз в сто больше, чем сам аппарат. Была и дверь с замком, двойная, по-видимому из полированной меди, в пятнадцать футов высотой, с огромными резными ручками.

Я догадывался, что Слон не бедствует, но это было слишком. Я вспомнил, что за все время не видел его трезвым, что отказался от его помощи, когда он вызвался быть моим гидом. Излечившись от похмелья, он забудет обо мне. Может, мне уйти? Я ведь хотел исследовать Землю самостоятельно.

Но я не знаю здешних обычаев.

Я вышел из кабины и глянул на противоположную

стену. Ее всю занимало окно, в котором ничего не было, кроме голубого неба, по которому бежали кудрявые облака. Странно, подумал я и подошел ближе к стене. И еще ближе.

Слон жил на горе. На крутом утесе в милю высотой. Зазвонил телефон.

Я ответил на третий оглушительный звонок, в основном для того, чтобы прекратить шум. Подозрительный голос спросил: «Здесь кто-нибудь есть?»

— Боюсь, что нет, — ответил я. — Здесь живет кто-нибудь по имени Слон?

— Я посмотрю, сэр, — ответил голос. Экран не загорался, но у меня складывалось впечатление, что меня хорошо видят.

Ползли секунды. Я почти решился вскочить в кабину и набрать первый попавшийся номер. Почти — в том-то и дело. Загорелся экран, на нем появился Слон.

— Бей! Ты передумал!

— Да. Ты не говорил мне, что богат.

— Ты не спрашивал.

— Об этом не спрашивают.

— Как можно узнать о чем-то, не спрашивая? Можешь не отвечать. Подожди, я сейчас выйду. Ты позволишь мне проводить тебя по Земле?

— Да, я боюсь ходить по ней один.

— Почему? Не отвечай, расскажешь с глазу на глаз, — он повесил трубку.

Через несколько секунд большие бронзовые двери с гулким звуком распахнулись — просто убрались с дороги Слона. Он втащил меня внутрь, не дав даже раскрыть рта от удивления, сунул в руку стакан и спросил, почему я боюсь ходить по Земле.

Я рассказал ему, как мне обшарили карманы, и он рассмеялся. Он рассказал мне, как однажды летом на Нашем-Успехе пытался подняться на поверхность, и я засмеялся, хотя слышал, что приезжих, которые не вовремя выходят на поверхность, часто сдувает. Нам снова было хорошо. Когда рассказ Слона подходил к концу, я почувствовал себя как на корабле.

— Разумеется, меня называли глупым брюхошлепом.

— Я об этом думал, — сказал я.

— О чем?

— Ты говорил, что мечтаешь совершить экстравагантный поступок, чтобы, если тебя назовут брюхошлепом,

загнать собеседника в угол и заставить его выслушать рассказ о твоих приключениях. Ты не раз это говорил.

— Именно этих слов я не говорил, но я бы хотел, чтобы мне было о чем рассказать, о чем-нибудь вроде твоего полета к нейтронной звезде, но чтобы это было мое. Чтобы глупый инопланетянин об этом ничего не знал, а я знал.

Я кивнул. О нейтронной звезде я рассказывал за картами, у меня вошло в привычку развлекать этой историей карточных партнеров. На Слона мой рассказ произвел должное впечатление.

— Я придумал для тебя парочку приключений, — сказал я.

— Выкладывай!

— Первое. Слетать на родную планету кукольников. Там никто не был, но все знают, что такая планета существует и ее очень трудно найти. Ты можешь стать первым, кто там побывал.

— Здорово! — он немного подумал. — Здорово! И кукольники мне не станут мешать, потому что их нет. Где находится их родная планета?

— Не знаю.

— Твоя вторая идея?

— Спросить об этом у аутсайдеров.

— Что?

— В Галактике нет системы, о которой бы у аутсайдеров не было подробнейших сведений. Мы не знаем, в каких границах располагалась империя кукольников — а она выходила далеко за пределы изведенного космоса, — зато мы многое знаем об аутсайдерах. Они знают Галактику как свои пять, или сколько у них там, пальцев. Они торгуют информацией; это едва ли не единственное их занятие. Нужно спросить у них, какой из миров в пределах досягаемости самый чудной.

Слон кивал, глядя перед собой застывшим взглядом. Я не думал, что он всерьез стремится к приключениям. Оказалось, я ошибся.

— Загвоздка в том, — продолжал я, — что понятия аутсайдеров о странности могут не совпадать... — я не договорил, потому что Слон вскочил и бросился к телефону.

Я не огорчился: у меня появилась возможность спокойно поглазеть вокруг. Я бывал в больших домах, чем дом Слона, в гораздо больших. Я вырос в огромном доме, но никогда не видел такой уютной комнаты, как

гостиная Слона. Это была не просто гостиная, это был оптический обман вроде прыгающих черно-белых изображений, которые демонстрируют на лекциях, раскрывающих механизм зрения, только наоборот. Эти ремесленники создают иллюзию движения, а в гостиной Слона создавалась иллюзия покоя. Звукоизоляция покорила бы любого физика. Специалист по интерьеру, наверное, прославился, оформив эту комнату, а если он успел прославиться раньше, то здесь он разбогател. Разве может казаться удобным высокому и тонкому Беовульф Шэфферу кресло, сделанное по фигуре коренастого Слона? Однако я привольно развалился в кресле, блаженно расслабив мускулы, кроме тех, которые держали стакан с двойными стенками, наполненный освежающим, странным на вкус напитком под названием Тцлотц.

Стакан не опустевал. Где-то в хрустале был спрятан крохотный телепортационный механизм, связанный с баром. Его не было видно, мешало преломление света. Очередной оптический обман, наверняка вводящий честных людей в грех тяжелого опьянения. У меня будет возможность это проверить.

Вернулся Слон. Он двигался тяжело, словно весил несколько тонн, и решительно, как будто мог пройти сквозь кцинти, который окажется настолько глупым, что преградит ему дорогу.

— Готово, — сказал он. — Дон Крамер займется поисками аутсайдерского корабля и расспросами. Через несколько дней мы что-нибудь узнаем.

— О'кей, — сказал я и спросил, что это за гора.

Оказалось, что мы находимся среди Скалистых Гор и что Слону принадлежит весь отвесный склон утеса до последнего квадратного дюйма. Зачем он забрался сюда? Я вспомнил о том, что на Земле живут восемнадцать миллиардов человек, и подумал, что в другом месте они не дали бы Слону покоя.

Вдруг Слон вспомнил, что некая Дайана уже должна быть дома. Я прошел вслед за ним в телепортационную кабину, где Слон набрал код из одиннадцати цифр, и мы оказались в другом вестибюле, гораздо менее просторном и более современном.

Дайана сомневалась, впускать Слона или нет, но он рявкнул, что он не один и пусть она не валяет дурака.

Дайана была маленькая миловидная женщина с темно-красной, как марсианское небо, кожей и волосами цвета жидкой ртути. Глаза ее были того же серебристого

цвета, что и волосы. Она не хотела впускать нас, потому что наша кожа имела естественный цвет, но, впустив, уже не заговаривала об этом.

Слон представил меня Дайане и тут же сообщил ей, что собирается вступить в контакт с аутсайдерами.

— Что такое аутсайдеры? — спросила она.

Слон развел руками, смутился и беспомощно взглянул на меня.

— Это трудно объяснить, — сказал я. — Они похожи на девятихвостые плетки с толстыми рукоятками.

— Они живут в холодных мирах, — добавил Слон.

— В маленьких, холодных, безвоздушных мирах, таких как Нереида. Нереиду они арендуют, это их база, правда, Слон? Они колесят по Галактике в больших негерметичных кораблях, у которых нет гиперскоростных двигателей, а только термоядерные.

— Они торгуют информацией. Они могут рассказать мне о мире, который я хочу найти, — о самой необычной планете в изведенном космосе.

— Они все время гоняются за звездными семенами.

— Зачем? — спросила Дайана.

Слон смотрел на меня, я посмотрел на Слона.

— Слушайте! — воскликнул Слон. — Давайте позовем четвертого и сыграем в бридж.

Дайана задумалась. Потом сфокусировала на мне взгляд своих серебристых глаз, осмотрела меня с ног до головы и, кивнув самой себе, сказала:

— Шеррол Янсс. Нужно позвонить ей.

Пока она звонила, Слон сказал мне:

— Неплохая мысль. У Шеррол есть привычка создавать себе кумиров. Она работает программистом в «Донованз Брейн, Инкорпорейтед». Тебе понравится.

— Ладно, — сказал я, а про себя подумал: о бридже он говорил или о чем-то другом.

Неожиданно мне пришло в голову, что я у Слона в долгу.

— Слон, когда ты свяжешься с аутсайдерами, я полечу с тобой.

— Да? Зачем?

— Тебе нужен пилот, а кроме того, я уже имел с ними дело.

— О'кей, годится.

Зазвонил внутренний телефон. Дайана пошла открывать и вернулась с четвертым для бриджа.

— Шеррол, со Слоном ты знакома, а это Беовульф Шеффер с Нашего-Успеха. Бей, это...

— Вы! — воскликнул я.

— Вы! — сказала она.

Это была девушка, которая залезла ко мне в карман.

Я наслаждался отдыхом всего четыре дня.

Я не знал, когда кончатся мои каникулы, хотя знал как, поэтому предавался наслаждениям и душой, и телом. Если выдавалась свободная минутка, я старался использовать ее для сна, но все равно не высыпался. Слон, по-моему, пребывал в таком же состоянии. Он стремился взять от жизни побольше, очевидно, он, как и я, подозревал, что опасность не является для аутсайдеров критерием оценки. У них не те этические ценности, что у нас. Вполне возможно, что это были наши со Слоном последние дни.

В течение этих четырех дней происходили события, наблюдая которые я удивлялся, зачем Слону искать странный мир. Самый странный мир — это Земля.

Я помню, что, закончив игру, мы решили отправиться куда-нибудь пообедать. Это было не так просто, как кажется. Слон не имел возможности переодеться в брюхошлепа, да и никто из нас не выглядел так, чтобы прилично показаться на людях. Дайана дала нам свою косметику.

Я поддался неожиданному искушению и выкрасился в альбиноса. Именно выкрасился, потому что Дайана дала нам краски, а не таблетки. Когда я закончил, из высокого зеркала на меня взглянул человек, каким я был много лет назад. Красные, как кровь, радужные оболочки глаз, снежно-белые волосы, белая кожа с розоватым оттенком: подросток, которого не стало давным-давно, когда он повзрослел настолько, что мог принимать танниновые таблетки. Мои мысли невольно обратились в прошлое, в то время, когда я сам был брюхошлепом, мои ноги ходили под землей, а голова никогда не поднималась над песчаной пустыней выше чем на семь футов...

Компания, застав меня у зеркала, объявила, что в таком виде мне можно появляться в обществе.

Я помню вечер, когда Дайана сказала мне, что знает Слона всю жизнь.

— Это я назвала его Слоном, — похвасталась она.

— Это прозвище?

— Ну конечно, — сказала Шеррол. — Его настоящее имя Грегори Пелтон.

— О-о-о! — И все стало ясно.

Грегори Пелтон известен во многих мирах. Ходят слухи, что он владеет территорией, занимающей в космосе сферу диаметром тридцать световых лет, то есть тем, что называют человеческим космосом, и имеет доход за счет ренты. Ходят слухи, что «Дженерал Продактс», вселенская компания кукольников, прекратившая свое существование с их уходом, служила для него вывеской. Его прапрапрабабка изобрела телепортационные кабины, и он богат, богат и еще раз богат.

— Почему Слон? — спросил я. — Почему именно такое прозвище?

Дайана и Шеррол с напускной серьезностью разглядывали скатерть.

— Включи свое воображение, Бей, — сказал Слон.

— А что такое Слон? Это какое-то животное?

У всех на лицах появилось досадливое выражение. Я не понял шутку.

— Завтра, — пообещал Слон, — мы сводим тебя в зоопарк.

В зоопарке Земли семь телепортационных кабин. По этому можно судить, насколько он велик. Но он еще больше. Между кабинami курсируют две сотни такси, — кабины располагаются так далеко одна от другой, что ходить между ними пешком неудобно.

Перед нами были серые толстые животные, менее крупные, чем звездные семена или бандерснагчи, но более крупные, чем другие животные, которых мне пришлось видеть.

— Понял? — спросил Слон.

— Да, — ответил я.

Животные были такими же массивными, крепкими и казались такими же неуязвимыми, как Слон. Я засмотрелся на одно из них, которое стояло в грязной луже. С помощью полого щупальца, растущего надо ртом, оно обливало себя водой. Я смотрел на его щупальце, смотрел...

— Эй, смотрите! — закричала Шеррол, показывая на меня пальцем. — У него уши покраснели!

Я ей это простил только в два часа утра.

Я помню, как перегнулся через Шеррол, потянувшись за сигаретой, и увидел ее кошелек, лежащий поверх груды вещей.

— А что, если я сейчас залезу к тебе в карман? — спросил я.

Оранжево-серебряные губы растянулись в ленивой улыбке:

— Я не ношу карман.

— Тогда я вытащу деньги у тебя из кошелька. Это прилично?

— Да, если ты сумеешь спрятать их на себе.

В маленьком кошельке оказалось четыреста звезд. Я сунул его в рот.

Шеррол не позволила мне вынуть кошелек изо рта. Вам не приходилось заниматься любовью, держа во рту кошелек? Это незабываемо. Если у вас астма, даже не пытайтесь.

Я помню Шеррол. Помню гладкую, теплую голубую кожу, серебряные выразительные глаза и оранжево-серебряные волосы, уложенные в прихотливую прическу, которую невозможно было расстроить. Ее волосы всякий раз возвращались в прежнее положение. Когда я осторожно отобрал две пряди и связал их двойным крепким узлом, она засмеялась серебристым смехом. А когда я подпрыгивал и бормотал чепуху, она серебристо ворковала, а пряди ее волос, связанные в узел, расходясь, шевелились, как змеи на голове Горгоны.

Я помню дороги. Это первое, что видишь, подлетая к Земле. Если бы мы приземлились ночью, то увидели бы огни городов, но мы, разумеется, опустились на дневную сторону. Иначе зачем планете три космопорта? Сети шоссе, автострад и автобанов, как вуали, лежали на лицах континентов.

С высоты нескольких миль ты не видишь, что они разрушены: лопнули покрытия, искривились формы. Люди поддерживают в рабочем состоянии только два шоссе. Оба находятся на одном континенте. Это Пенсильвания—Терипайк и Санта-Моника—Фривей. Остальные дороги — бесполезные руины.

Кажется, есть люди, которые собирают старые наземные машины и устраивают на них гонки. Среди этих автомобилей есть реставрированные, в которых заменено от пятидесяти до девяноста процентов деталей, есть и

собранные заново по старой модели. На абсолютно гладкой поверхности они развивают скорость от пятидесяти до девяноста миль в час.

Я рассмеялся, когда услышал об этом от Слона, но слышать и видеть — не одно и то же.

Гонщики начали собираться перед рассветом. Они съезжались к концу Санта-Моника—Фривей, туда, где когда-то Санта-Моника впадала в Сан-Диего—Фривей. То, что осталось в этом месте от дороги, напоминало кучу спагетти. Огромные завитки и петли прежде напряженного бетона за долгие годы утратили прочность и провисли до самой земли. Однако по верхней петле еще можно выехать на гоночную дорогу.

Повиснув над дорогой в воздушном такси, мы смотрели, как автомобили выстраиваются в ряд.

— Пользование дорогой обходится гораздо дороже, чем сам автомобиль, — сказал Слон. — Когда-то я тоже здесь гонял. У тебя волосы встанут дыбом, если я скажу тебе, сколько стоит обслуживание и ремонт этого участка дороги.

— Сколько?

Слон сказал. У меня волосы встали дыбом.

И вот они тронулись. Я никак не мог понять, зачем гнать старомодную машину по ровному бетону, если можно лететь по воздуху. Но вот автомобили тронулись, стройные ряды слегка искривились, потом вовсе рассыпались. Автомобили двигались с разными скоростями, то безрассудно приближаясь друг к другу почти вплотную, то пытаясь вырваться на простор. Я начал понимать, в чем дело.

В этих автомобилях не было радаров.

Они управлялись с помощью рулевого колеса, установленного в кабине и соединенного передачами с четырьмя колесами, бегущими по земле. Неверное движение рулевого колеса, и автомобили врежутся один в другой или в бетонный бордюр. Их направляет или тормозит сила человеческих мускулов, но они поворачиваются или останавливаются только тогда, когда четыре резиновые шины плотно соприкасаются с гладким бетоном. Когда контакт шин и бетона нарушается, срабатывает третий закон Ньютона, и хрупкое металлическое тело движется по прямой, пока его не остановит бетонный бордюр или другая машина.

— В такой машине можно убиться!

— Не бойся, — успокоил Слон. — Обычно никто не убивается.

— Обычно?

Гонка закончилась через двадцать минут у другой кучи мятого бетона. Я был весь мокрый. Мы приземлились и поговорили с гонщиками. Один из них, худой парень с жирными, спутанными зелеными волосами, с белым костлявым лицом и багровыми губами, растянутыми в широкой улыбке, пригласил меня прокатиться. Я поблагодарил и отказался, попятился от него, жалея, что у меня нет с собой оружия. Этот тип был явно не в себе.

Я помню, чем меня кормили брюхошлепы, такой вкусной еды нет во всем изведанном космосе, помню странный, слегка хмельной напиток под названием Тейтингер Конт де Шампань⁵⁹. Помню, как мы ввалились в бар для инопланетян и вчетвером приставали с профессиональными разговорами к девушке из рудокопов, с рыжей, шириной в ладонь, гривой до самой поясницы. Помню, как летел над землей на воздухоплавательном поясе, не видя под собой ничего, кроме города, в котором изредка встречались сельскохозяйственные уголья. Помню подводный отель у берегов Ньюфаундленда и посольство дельфинов в Средиземном море, где группа дельфинов и брюхошлепов занимались обсуждением проблемы разумных существ, не имеющих рук (таких видов много, и, вероятно, будут обнаруживаться новые). Конференция была больше похожа на беседу за чашечкой кофе, чем на серьезное собрание.

Вечером четвертого дня, когда мы собирались спать, зазвонил триофон. Дон Крамер нашел аутсайдера.

— Мы едем сию минуту? — спросил я, не веря своим ушам.

— Конечно, — сказал Слон. — Вот, прими таблетку. Не захочешь спать, пока мы не вылетим.

Дал слово — держи, а я многим был обязан Слону. Я принял таблетку. Мы поцеловали на прощание Дайану и Шеррол; Дайане, чтобы поцеловаться со мной, пришлось забраться на стул, а Шеррол залезла на меня, как на дерево, обвив ногами мою талию. Я был на полтора фута выше их всех.

В Калькутте был день. Мы со Слоном отправились

туда по телепортационной линии и обнаружили, что «МБ» уже ждет нас в космопорте.

Полное название корабля было «Медленнее бесконечности». Он был изготовлен по модели номер два «Дженерал Продактс» и представлял собой веретено длиной в триста футов с осиной талией ближе к хвосту. Я вздохнул с облегчением, так как боялся, что Слон летает на роскошной, но ненадежной яхте. Жизненное пространство поначалу показалось мне тесным, но потом я увидел, что кроме зала управления, рассчитанного на двоих, в носу корабля есть еще одна комната. Внутри корабля размещался термоядерный двигатель мощностью в одно g , бак с топливом, гиперскоростной двигатель, гравитационный тормоз и шасси для приземления на брюхо. Все это было хорошо видно сквозь прозрачный корпус.

На корабле имелся запас топлива, пищи и воздуха. «МБ» был давно готов к отлету. Мы взлетели через двадцать минут после прибытия.

Если бы мы включили термоядерный двигатель в атмосфере Земли, то очень скоро оказались бы в банках органов, разорванные на части. Законы брюхошлепов очень строги в отношении загрязнения воздуха. Нас вывел на орбиту робот-буксир с огромными крыльями, использующий в качестве движущей силы воздух, сжатый до степени вырожденной материи. Уже на орбите мы включили двигатель.

Теперь было достаточно времени для сна. С тягой в одно g нам потребовалась неделя, чтобы удалиться от центра гравитации Солнечной системы на расстояние, позволяющее запустить гиперскоростной двигатель. В один из дней этой недели я снял личину альбиноса — это была личина, потому что я продолжал принимать танниновые таблетки, спасаясь от земного Солнца, а Слон вернул себе смуглую кожу и черные волосы. Четыре дня он был Зевсом, с мраморно-белой кожей, золотистой бородой и горящими желтыми глазами. Ему так подходил этот облик, что я не сразу заметил перемену.

Три тягучие, долгие недели в гиперпространстве. Мы по очереди несли вахту у индикатора массы, хотя на гиперскорости первого порядка мы замечали массу по меньшей мере за двенадцать часов до того, как она становилась опасной. Наверное, ни один человек, кроме меня, не знает, что существует гиперскорость второго порядка. Это один из секретов кукольников. Корабль

аутсайдеров ждал нас у границы изведенного космоса, где-то за Тау-Сети.

— Номер четырнадцать, — сказал Слон. — Другого не нашлось.

— Четырнадцать? С этим кораблем я уже имел дело.

— Вот как? Хорошо. Это может пригодиться.

Через несколько дней он спросил:

— Как ты с ними встретился?

— Очень просто. Номер четырнадцать тогда находился у противоположной границы изведенного космоса и прислал предложение об обмене информацией. Я случайно принял их сообщение по дороге к Вундерленду и, высадив пассажиров, полетел к аутсайдерам.

— У них было что-то стоящее?

— Да. Они нашли «Лейзи-Эйт 11».

«Лейзи-Эйт 11» был один из старых, низкорослых кораблей, которые по круговому маршруту доставляли колонистов на Джинкс. В последний раз на «Лейзи-Эйт 11» что-то разладилось, и корабль не повернул, а полетел дальше в космос, унося на борту пятьдесят пассажиров в состоянии, близком к летаргическому сну, и четверых членов экипажа, предположительно погибших. Корабль был оснащен термоядерным двигателем, потребляющим космический водород, и мог лететь вечно. К тому времени он был в пути пятьсот лет.

— Помню-помню, — сказал Слон. — Его не могли догнать.

— Не могли. Но мы знаем, где его можно будет найти, когда техника позволит догнать.

А это будет нескоро, подумал я. Корабль с гиперскоростным двигателем не только должен развить значительную скорость, чтобы покрыть отставание, но и нести на борту запас горючего. А «Лейзи-Эйт 11», несясь со скоростью чуть меньшей скорости фотона, летит уже пятьсот лет и покрыл расстояние, равное семнадцати диаметрам изведенного космоса.

— У вас были трудности?

— У них хороший переводчик, но с ними следует быть осторожным. Покупая информацию, ты никогда не знаешь, что получишь, пока не получишь. Аутсайдеры не могли просто продать мне текущие координаты «Лейзи-Эйт 11». Мы проследили бы их курс с помощью телескопа, увидели бы пламя термоядерного двигателя и получили информацию бесплатно.

Пришло время, когда в центре индикатора массы

загорелась зеленая точка. Звезде соответствовала бы линия, пустоте — пустота. Я вышел из гиперпространства и, включив глубинный радар, принялся искать аутсайдеров.

Аутсайдеры нашли нас раньше.

На их корабле, где-то рядом с центром тяжести, а может быть, в самом центре, установлен нереакционный двигатель. Всем известно, что его можно купить и что он стоит триллион звезд. Нельзя сказать, что это баснословная цена, но ни один из цивилизованных народов не может себе позволить купить такой двигатель. За две или три минуты, пока мы искали аутсайдеров, этот двигатель помог их кораблю преодолеть расстояние в девять десятых светового года и вплотную приблизиться к нам.

Только что вокруг ничего не было, кроме звезд, и вот — рядом корабль аутсайдеров.

В основном это было пустое пространство. Я знал, что число обитателей корабля сравнимо с населением небольшого города, но корабль может вместить гораздо больше; он рассчитан на то, что обитатели будут размножаться. В центре располагалась капсула с двигателем, казавшаяся крохотной, на конце отходящего от нее шеста в две с половиной мили находился источник света. В остальном корабль представлял собой переплетение металлических лент, завитых одна вокруг другой в разных направлениях, образующих узлы и петли разнообразной формы. Концы лент присоединялись к капсуле двигателя. Таких лент было около тысячи, и каждая из них была шириной с улицу в человеческом городе.

— Как елочная игрушка, — сказал Слон. — Что дальше, Бей?

— Сейчас они свяжутся с нами по радио.

Через несколько минут появился отряд аутсайдеров. Они напоминали черные девятихвостые плети с толстыми рукоятками, в которых располагался мозг и невидимые органы чувств, а в хлыстах, свитых из подвижных длинных щупалец, были газовые пистолеты. Шестеро аутсайдеров остановились у дверей тамбура. Заговорило радио.

— Добро пожаловать на корабль Четырнадцать. Выйдите, пожалуйста, наружу, и мы проводим вас в наш офис. Ничего с собой не берите.

— Что будем делать? — спросил Слон.

— То, что сказано. Аутсайдеры — прежде всего честный народ.

Мы вышли. Шестеро аутсайдеров протянули нам каждый по щупальцу, и мы ступили в открытый космос. Мы двигались медленно. Газовые пистолеты давали небольшое, даже слишком маленькое ускорение. И сами аутсайдеры слабые существа: они не прожили бы и часа в тяготении земной Луны.

Мы лавировали среди путаницы серебряных лент и наконец остановились на одном из витков у выпуклой стены капсулы двигателя.

Если бы я сказал, что мы заблудились в огромной кастрюле макарон, то выразился бы не совсем точно. Ленты располагались слишком далеко одна от другой. Высоко над нами был источник света, такой же маленький, яркий, бело-желтый, как земное Солнце, если на него смотреть с луны Нептуна. В межзвездном вакууме и его свете металлические ленты-улицы отбрасывали одна на другую резкие черные тени. У каждой границы тени и света лежали аутсайдеры. Подобно своим полурастительным предкам, жившим миллиарды лет назад в неизвестном мире недалеко от центра Галактики, аутсайдеры поглощали световую энергию. Их ветвистые хвосты лежали в тени, а головы на свету, таким образом их биохимические батареи заряжались термоэлектрической энергией. Некоторые лежали окунув щупальца в мелкие кормушки; батареи, поддерживающие их жизнь и обеспечивающие рост, плавали в жидком гелии.

Направляясь вслед за проводником к двери в стене, мы осторожно переступали через них, светя себе под ноги фонарями, включенными на минимальную мощность.

В помещении было темно до тех пор, пока дверь за нами не закрылась. Свет, напоминавший обычный солнечный, исходил неизвестно откуда и освещал тесное и совершенно пустое помещение. Единственным предметом обстановки здесь была прозрачная полусфера, в которой сидел аутсайдер, — очевидно, она защищала его от избытка света.

— Добро пожаловать, — сказала комната.

То, что говорили аутсайдеры, не выражалось в механических колебаниях.

— Воздух здесь пригоден для дыхания. Можете снять шлемы, скафандры, ботинки, пояса и все остальное.

У них был хороший переводчик, отлично знал идиомы и говорил приятным баритоном.

— Спасибо, — сказал Слон, и мы разделись.

— Кто из вас Грегори Пелтон?

— Вот дерьмо!

Комната ничуть не смутилась.

— Как утверждает ваш агент, вы хотите знать, как попасть на планету, которая является самой необычной в сфере диаметром шестьдесят световых лет, которую вы называете изведанным космосом, или в пятимильной ее окрестности. Это верно?

— Да.

— Нам нужно знать, полетите ли вы туда сами или пошлете агентов. Нам также необходимо знать, собираетесь ли вы садиться на планету или будете обращаться вокруг нее по дальней или ближней орбите.

— Мы хотим высадиться на нее.

— Мы должны заботиться о безопасности вашей жизни?

— Нет, — сухо вато произнес Слон. Ему было не по себе в гостях у аутсайдеров.

— На каком корабле вы полетите?

— На том, который вы только что видели.

— Вы собираетесь организовать на планете колонию? Разрабатывать недра? Выращивать съедобные растения?

— Я хочу только посетить ее.

— Мы выбрали подходящую планету. Это будет стоить миллион звезд.

— Дорого, — сказал Слон

Я тихонько свистнул. Да, дорого, но дешевле не будет. Аутсайдеры не торгуются.

— Согласен, — сказал Слон.

Переводчик указал три координаты — примерно двадцать четыре световых года от Земли на галактический север.

— Звезда, которая вам нужна, — это протосолнце, вокруг которого обращается одна планета на расстоянии полутора миллиардов миль. Система движется со скоростью, равной восьми десятым скорости света в направлении, — он указал координаты. По всей видимости, протосолнце прочерчивало хорду у края изведанного космоса. В населенном людьми космосе оно не появится никогда.

— Не годится, — сказал Слон. — Туда не долетит ни один корабль, даже на гиперскорости.

— Можете лететь с нами, — сказал переводчик. — Пришвартуйте свой корабль к нашей капсуле.

— Пожалуй, — ответил Слон.

Ему становилось все больше не по себе. Его глаза бегали по комнате, отыскивая источник звука. На аутсайдера, сидящего в вакуумной камере, он старался не смотреть.

— Плата за проезд составляет один миллион звезд.

Слон досадливо сплюнул.

— Минутку, — вмешался я. — Предлагаю информацию на продажу.

Наступила долгая пауза. Слон смотрел на меня с удивлением.

— Вы Беовульф Шеффер?

— Да. Вы меня помните?

— Мы нашли вас в наших записях. Беовульф Шеффер, у нас есть для вас сообщение, уже оплаченное. С вами хочет связаться президент филиала «Дженерал Продактс» на Джинксе. Он оставил номер телепортационной кабины.

— Эта информация устарела, — сказал я. — Кукольников больше нет. А все-таки зачем я понадобился этому двухголовому хитрецу?

— Я не имею сведений об этом. Мне известно, что не все кукольники покинули эту область. Вы запишете номер кабины?

— Конечно.

Я записал восемь цифр. И тут Слон завизжал, как будто у него перед глазами на самом интересном месте прервалась телепередача.

— Черт возьми, что здесь происходит?

— Простите, — сказал переводчик.

— В чем дело? — спросил я.

— Я ничего не слышу! У этого чу... у аутсайдера к тебе личное дело?

— Вроде того. Потом расскажу.

Переводчик сказал:

— Беовульф Шеффер, мы не покупаем информацию. Мы ее продаем, а на вырученные деньги покупаем территории и плодородные земли.

— То, что я знаю, может вам пригодиться, — настаивал я. — Кроме меня, этого не знает ни один человек в пределах досягаемости.

— А представители других цивилизаций?

Кукольники могли им об этом рассказать, но рискнуть стоило.

— Вы собираетесь покинуть изведанный космос. Если вы откажетесь иметь со мной дело, вы не получите нужных сведений вовремя.

— Сколько вы хотите за это сообщение?

— Сколько вы дадите? У вас больше опыта в оценке информации, и вы честный народ.

— Что, если у нас не хватит денег?

— Это не дороже, чем стоимость поездки на нужную нам планету.

— Согласен. Говорите.

Я рассказал ему о взрыве в центре Галактики и о том, как я узнал об этом. Он попросил меня подробно рассказать все, что я видел: о ярком пятне сверхновых звезд, которое росло по мере моего приближения в более поздние слои света и в конце концов затопило весь разноцветный шар Центра.

— Вы узнаете об этом только тогда, когда попадете в Центр, но тогда будет поздно. Ведь вы не используете сверхсветовых двигателей.

— Мы знали от кукольников, что центр Галактики взорвался, но они не сообщили нам подробностей, потому что сами не видели взрыва.

— О! Ну вот. Мне кажется, что взрыв зародился на той стороне Центра, которая сейчас обращена в другую сторону от нас. Иначе он распространился бы намного медленнее.

— Большое спасибо. Мы довезем вас бесплатно. А сейчас обсудим еще один вопрос. Грегори Пелтон, за дополнительные двести тысяч звезд мы сообщим вам, почему именно нужная вам планета является странной.

— Я могу выяснить это сам?

— Наверное.

— Тогда попытаюсь.

Настала тишина. Аутсайдер не ожидал такого ответа. Я сказал:

— Любопытно. Ваша галактика превращается в мышеловку. Что вы собираетесь делать?

— Это будет стоить вам...

— Не нужно.

Когда мы вышли, Слон сказал:

— Спасибо.

— Не за что. Интересно, что они станут делать?

— Может, они сумеют защититься от радиации?

— Возможно, но звездные семена, за которыми они гоняются, пропадут.

— Они им очень нужны?

Финэгл их знает. Звездные семена мигрируют по старому маршруту от центра Галактики по ветвям к ее границам и обратно в центр. Они обречены. Возвращаясь к центру, они попадут во встречную волну радиации, испускаемой сверхновыми звездами, и постепенно все погибнут. Что будут делать аутсайдеры без них? И что они делали с ними? Почему они за ними следят? Аутсайдерам нужны семена, или семенам нужны аутсайдеры? Аутсайдеры берут за ответы на эти вопросы и на вопросы, связанные с ними, по триллиону звезд. Ответы на вопросы личного характера стоят у них дороже.

Экипаж аутсайдеров уже пристыковал «МБ» к своему кораблю. Мы наблюдали за ними с порога, а у наших ног загорали другие аутсайдеры. Мы не волновались. Аутсайдеры обращались с нашим неуязвимым кораблем так, будто он был сделан из сахарной ваты и солнечного света. Когда «МБ» привязали к капсуле двигателя паутиной из тонких канатов, в наших наушниках раздался голос переводчика, который приглашал нас войти. По искусственному гравитационному коридору мы поднялись на несколько сот футов вверх, забрались в корабль и сняли скафандры.

— Еще раз спасибо, — сказал Слон.

— Еще раз не за что, — великодушно ответил я. — Я тебе столько должен, был твоим гостем в самом дорогом мире изведенного космоса. Сопровождая меня, ты тратил время, которое стоит...

— О'кей, о'кей, о'кей! А ты сэкономил для меня миллион звезд и скромничаешь. — Он хлопнул меня по плечу и поспешил в зал управления открывать кредит в миллион звезд для следующего аутсайдерского корабля, который встретится нам на пути.

— Больше не буду, — крикнул я ему в спину и сам не понял, что хочу этим сказать.

Позже не мог понять другого. Хотел ли Слон, чтобы я летел с ним в его мир? Может быть, он хотел лететь туда в одиночку, чтобы быть первым, кто его увидит, а не одним из двоих первых? После разговора с аутсайдерами было поздно что-то менять. Слон уже не мог меня высадить.

Я пожалел, что не подумал об этом вовремя, не хотел

быть его денщиком, а собирался осторожно и тактично оберегать его от опасности, если это потребуется. Ведь, несмотря на его огромную самоуверенность, огромные богатства, широкую натуру и широкую спину, он всего лишь брюхошлеп, то есть довольно беспомощное существо.

Когда это произошло, мы сидели в комнате отдыха, предназначенной для того, чтобы убивать время. Там были надувные кресла, стол и круговой обзор, стены были полностью прозрачные. Меня не придавило к креслу, я не почувствовал ни тошноты, ни головокружения, но Слон, который рассказывал, как подцепил в чикагском баре девушку с Джинкса и она, обидевшись на какого-то идиота, собиралась разнести бар вдребезги, вдруг замолчал.

Кто-то тяжелый садился на Вселенную.

Он опускался медленно, как толстяк, который садится на надувной мячик. Из комнаты отдыха это выглядело так, будто все звезды и туманности вокруг нас слиплись и давят друг на друга. Аутсайдеры на лентах не шевелились, но Слон выругался, и я заставил себя выглянуть наружу. Звезды над нами горели сердитым бело-голубым огнем, вокруг нас они теснились толпой, под нами светились красным и, мигая, по одной гасли. Мы летели неделю, пока не вышли за пределы Солнечной системы, кораблю аутсайдеров потребовалось бы на это пять часов.

Заговорило радио:

— Господа, наш экипаж отсоединит ваш корабль от нашего, после чего вы будете продолжать полет самостоятельно. Нам было очень приятно вести с вами дела.

Толпа аутсайдеров протащила нас сквозь путаницу лент-соляриев и оставила одних. Аутсайдерский корабль отправился по своим делам и вскоре исчез, как проколотый мыльный пузырь.

В странном звездном свете Слон испустил долгий, прерывистый вздох. Некоторые люди не переносят инопланетян. Они считают кукольников не грациозными и красивыми, а страшными. Кцинти для них грязные мясоеды, единственное увлечение которых — война (что соответствует действительности). Такие люди не хотят замечать сурового кодекса чести, принятого у кцинти, их самообладания, которое позволяет кцинтскому послу проехать по улице человеческого города и не располо-

совать когтями наглые локти и колени, которые лезут под колеса. Слон был из таких.

— Ну, ладно, — сказал он с удивлением и облегчением. Они на самом деле улетели. — Первая вахта моя, Бей.

Он не сказал: «Эти мерзавцы вынут у тебя сердце в дополнительное обеспечение к займу в десять звезд!» — потому что не ставил аутсайдеров так близко к людям.

— Отлично, — сказал я и направился в зал управления. До Быстрого протосолнца неделя полета. Я давно не снимал скафандр, а в комнате отдыха имелся душ.

Если слабое место Слона — представители чуждых цивилизаций, то мое — относительность. Я привык летать сквозь гиперпространство, спокойно перенес то, что два маленьких окошка превратились в слепые пятна, в ничто, а предметы вокруг них сгрудились теснее. Слон тоже не нервничал, ему приходилось летать, хотя он предпочитал комфортабельные, роскошные лайнеры. Но даже лучшему из пилотов иногда нужно вынырнуть из гиперпространства, чтобы не поехала крыша, и доказать подсознанию, что звезды еще здесь.

И каждый раз они выглядели очень странно. Впереди — толпа голубых звезд, позади — редкие красные звезды. Четыреста лет назад люди не знали, что Вселенная может выглядеть по-другому, но с изобретением гиперскоростного двигателя это явление исчезло. Я никогда не видел Вселенную такой, и мне было не по себе.

— А мне все равно, — сказал Слон, когда я заговорил об этом. Нам оставалось лететь сутки. — Звезды есть звезды. Меня волнует другое. Бей, ты говорил, что аутсайдеры честные.

— Конечно. Им нельзя быть нечестными. Они должны быть выше всяких подозрений, чтобы народы, с которыми они имели дело, и через сотни лет помнили об их порядочности. Неужели ты не понимаешь? Они ведь не появляются чаще чем раз в несколько сот лет.

— Хм. Допустим. Тогда почему они пытались содрать с меня лишние две сотни килозвезд?

— Ну-у-у...

— Видишь ли, в чем штука: а что, если это было честное предложение? Что, если нам действительно необходимо знать, что необычного в системе Быстрого протосолнца?

— Ты прав. Зная аутсайдеров, можно предположить, что они предлагали полезную информацию. Ладно, мы осмотримся, прежде чем садиться. Это следует делать в любом случае, но мы будем смотреть особенно внимательно.

Что же необычного в системе Быстрого протосолнца?

К полудню седьмого корабельного дня короткая зеленая линия в индикаторе массы начала расти. Она была широкая, размытая, чего и следовало ожидать от протосолнца. Я подпустил ее к самой поверхности сферы и только тогда вышел из гиперпространства. В окна заглядывала сплюснутая Вселенная, но впереди был круг темного неба, а на нем — яркие бело-голубые звезды. Из центра круга шел тусклый красный свет.

— Пойдем в комнату отдыха, — предложил Слон.

— Не стоит.

— Оттуда лучше видно. — Он повернул выключатель, и стены комнаты стали прозрачными. Само собой разумеется, в гиперпространстве мы отключали прозрачность.

— Еще раз говорю, не надо. Подумай, Слон. Зачем нам непроницаемый корпус, если большую часть времени мы проводим вне его? До тех пор пока мы не выясним, в чем дело, комнату отдыха следует сложить и убрать.

Он кивнул лохматой головой и отвернулся к пульта управления. Раздалось пыхтение, из комнаты отдыха выкачивались воздух и вода. Слон выглянул в окно.

— Ты когда-нибудь видел протосолнце?

— Нет, — сказал я. — По-моему, в человеческом космосе нет протосолнца.

— Может быть, странность системы именно в этом?

— Может быть. Скорость системы странностью считать нельзя. Аутсайдеры обычно летают гораздо быстрее.

— Аутсайдеры, но не планеты и звезды. Бей, может, протосолнце прилетело из другой галактики, и в этом его необычность?

Мы составили список параметров. Я нашел блокнот и с важным видом записал скорость движения звезды, ее природу и возможное внегалактическое происхождение.

— Вижу нашу планету, — сообщил Слон.

— Где?

— На противоположной стороне протосолнца. Мы скорее доберемся туда по гиперпространству.

Оттуда, где Слон вынырнул из гиперпространства, планета казалась едва заметной точкой, и протосолнце тоже.

Протосолнце — это зародыш звезды, облако разреженного газа и пыли, образованное неспешными водоворотами межзвездных магнитных потоков или действием троянской точки, расположенной в открытом звездном скоплении. Облако может рассеяться или уплотниться в зависимости от гравитационных условий. В корабельной библиотеке я отыскал материал о протосолнцах, но все это были математические выкладки, никто никогда не видел протосолнца вблизи. Теоретически быстрое протосолнце должно быть достаточно взрослым, если его центр светится.

— Вот она, — сказал Слон. — Два дня полета на одно g.

— Прекрасно. По дороге проверим приборы. Вперед!

Термоядерный двигатель плавно тянул корабль вперед; Слон сидел у телескопа, а я проверял приборы. Один из них мигал, как маяк.

— Слон! Ты не замечал за мной привычки ругаться для пущей выразительности?

— Нет, а что?

— Здесь чертовски высокий уровень радиации.

— Немного подробнее, сэр!

— Наши скафандры начнут пропускать радиацию через три дня, а стены комнаты отдыха меньше чем через сутки.

— О'кей, запиши в свой блокнот. Как ты думаешь, в чем причина?

— Не знаю. — Я сделал запись в блокноте и вернулся к работе. Мы были в безопасности: корпус, изготовленный в «Дженерал Продактс», защитит нас от чего угодно, кроме столкновения с чем-то большим.

— Астероидного кольца не видно, — докладывал Слон, — плотность метеоров ноль, насколько я могу судить. Других планет нет.

— На такой скорости межзвездный газ вытесняет мелкие объекты.

— Одно могу сказать точно, Бей, я не зря потратил деньги. Это чертовски занятая система.

— Ага. Слушай, мы пропустили ленч. Обедать будем?

— Мещанство!

Слон ел быстро. Я еще не налил себе кофе, а он уже убежал к телескопу. Я смотрел на него, и он все больше

напоминал мне Джагернаута. На Земле я не видел его столь решительно настроенным. Если бы путь к телескопу преградил голодный кцинти, в его меху остались бы следы ботинок Слона.

Но здесь единственным предметом, который мог преградить Слону дорогу, был я.

— Не могу увеличить сильнее, — пожаловался Слон. — Планета кажется отполированной.

— Как бильярдный шар?

— Вот-вот. Следов атмосферы не видно.

— Кратеры есть?

— Нет.

— А должны быть.

— В системе нет метеоров.

— В окружающем космосе они есть, а на такой скорости...

— Ага. Запиши.

Я записал.

Мы спали на аварийных кушетках. Передо мной желтели огни пульта управления, с одной стороны в окно заглядывали бело-голубые звезды, с другой — красные. Я долго не мог заснуть, глядя в носовое окно на темно-красное протосолнце. Окно было непрозрачное, но я хорошо представлял себе тусклое красное свечение.

В течение следующего дня уровень радиации не изменился. Я провел еще ряд измерений, облучив протосолнце и планету глубинным радаром и сняв температурные показания. Каждый раз я сталкивался с новой аномалией.

— Эта звезда еще не должна светиться, она недостаточно плотна. В таком разреженном облаке невозможна реакция синтеза ядер.

— Температура достаточно высока для свечения?

— Да, но одной температуры мало.

— Может быть, теории о протосолнцах ошибочны?

— Если так, они вовсе никуда не годятся.

— Запиши.

Через час:

— Слон!

— Еще одна странность?

— Да.

Взгляд из-под насупленных бровей ясно говорил, что Слон устал от странностей.

— Согласно показаниям глубинного радара, эта планета не имеет литосферы. Литосфера стерлась, обнажив магму, которая на холоде затвердела.

— Запиши. Сколько получилось позиций?

— Девять.

— Хотя одна из них стоит того, чтобы платить двести килозвезд за предупреждение?

— Разве что радиация, если бы мы летели не на корабле «Дженерал Продактс».

— Аутсайдеры знали, что наш корпус изготовлен в «Дженерал Продактс», — сказал Слон, буравя взглядом огромный темный диск. — Бей, скажи, что может проникнуть сквозь корпус, сделанный в «Дженерал Продактс»?

— Свет, например лазерное излучение. Тяготение, например сила прилива, которая швырнет тебя в нос корабля, если ты подлетишь слишком близко к нейтронной звезде. Механический удар не повредит корпус, но убьет тех, кто находится внутри.

— Может быть, планета обитаема? Чем больше я о ней думаю, тем сильнее убеждаюсь, что она откуда-то прилетела. Ничто в нашей Галактике не могло придать ей такую скорость. И потом, она пересекает плоскость Галактики, хотя не должна бы.

— Хорошо, что мы будем делать, если в нас пустят лазерный луч?

— Думаю, мы погибнем. Я выкрасил кабину, кроме окон конечно, зеркальной краской, но большая часть корпуса прозрачна.

— Отсюда еще можно уйти в гиперпространство, можно будет это сделать в течение ближайших двадцати часов. Потом мы окажемся слишком близко к планете.

В ту ночь я уснул как только лег. Я страшно устал, хотя ничего не делал. Через несколько часов я понял, что меня пристально разглядывают. Я видел это, не открывая глаз, чувствовал жар злобного, огромного красного глаза и силу разума, управляющего взглядом, попытался отвернуться, отмахнулся от кого-то рукой и проснулся, как от толчка.

Я лежал в красной темноте. Краешек протосолнца заглядывал в окно. Я ощущал его враждебный взгляд.

— Слон, — позвал я.

— М-м-м?

— Ладно, спи. — До утра осталось недолго.

Утром:

— Слон, сделай мне одолжение.

— Пожалуйста. Тебе нужна Дайана? Моя правая рука? Может, ты хочешь сбрить мне бороду?

— Спасибо, меня устраивает Шеррол. Надень, пожалуйста, скафандр.

— Разумное предложение. Тебе мало того, что мы закрыли комнату отдыха?

— Вот именно. А поскольку я убежденный мазохист, то сейчас собираюсь одеться. Ну, давай, я не хочу получать удовольствие один.

— Ты свихнулся?

— Слегка.

— Чего не сделаешь ради друга. Ты первый.

В зале управления было ровно столько места, чтобы мы по очереди могли надеть скафандры. Если бы была закрыта внутренняя дверь тамбура, мы вовсе не сумели бы одеться. Сначала мы откинули шлемы на спину, но они цеплялись за постели. Мы повесили их на окно.

Я почувствовал себя увереннее, но Слон явно решил, что я спятил.

— Ты и завтракать собираешься в шлеме?

— Нет, я не люблю пищевой сироп. Если нас пробьют, мы успеем надеть шлемы.

— Пробьют? Наш корпус изготовлен в «Дженерал Продактс»!

— Не забывай, аутсайдеры это знали.

— Мы уже это обсудили.

— Давай обсудим еще раз. Что, если они думали, что нас все равно убьют, если мы не примем нужных мер?

— Дерьмо!

— Они знали, что нас должны убить, когда мы выйдем в космос в скафандрах, или думали, что что-то проникнет внутрь корабля.

— Или и то, и другое. В этом случае скафандры нам ни к чему. Бей, когда в последний раз корпус «Дженерал Продактс» что-то пропустил?

— Я не слышал, чтобы такое случилось.

— Этого не случилось. Кукольники обещают невероятные деньги в качестве компенсации, если подобное произойдет. А если в результате этого кто-то погибнет, они должны будут заплатить несколько десятков миллионов.

— Ты абсолютно прав. Я дурак. Давай снимай скафандр.

- А ты? — Слон обернулся ко мне.
- Я посижу в скафандре. Ты веришь предчувствиям?
- Нет.
- И я не верю, но вот сегодня поверил.

Слон передернул косматыми бровями и отвернулся к телескопу. Мы находились на расстоянии шести часов полета от безымянной планеты и тормозили.

— Кажется, я обнаружил кратер, — сказал Слон.

— Дай посмотреть, — я взглянул в объектив. — Да, похоже, ты прав. Только он почти сгладился.

Слон отобрал у меня телескоп.

— Он достаточно правильной формы. Что же это как не кратер? Бей, почему он такой размытый?

— Наверное, это межзвездная пыль. Тогда почему здесь нет ни атмосферы, ни литосферы? Кроме того, пыль не бывает такой густой, даже на такой скорости.

— Запиши в...

— Пишу. — Я потянулся за блокнотом.

— Если мы обнаружим еще одну аномалию, я заплачу.

Через полчаса мы нашли жизнь.

К тому времени мы подлетели к планете достаточно близко для того, чтобы включить гравитационный тормоз. Его достоинство в том, что он потребляет очень мало энергии. Он превращает количество движения корабля по отношению к ближайшей значительной массе в тепло, и все, что тебе приходится делать, — избавляться от избытка тепла. Поскольку корпус «МБ» пропускает различные виды электромагнитного излучения (те, которые у различных клиентов считаются видимым светом), для отвода тепла из гравитационного тормоза вывели широкий плоский плавник. Он тускло краснел у нас за спиной. Термоядерный двигатель мы остановили, и его белое пламя не мешало нам смотреть назад.

Слон настроил телескоп на максимальное увеличение. Взглянув в объектив, я не сразу понял, о чем он говорит. Передо мной был белый ровный ландшафт, украшенный редкими голубыми пятнами. Я не заметил бы их, если бы не однородность фона.

Вот одно из них зашевелилось. Пусть очень медленно, но оно двигалось.

— В самом деле, — сказал я. — Давай измерим температуру.

Температура поверхности в этой области соответствовала температуре гелия 11. В других районах планеты наблюдалось примерно то же. Протосолнце давало не много тепла, хотя на радиацию не скупилось.

— Это не похоже ни на один из известных мне видов жизни.

— Не знаю, — сказал Слон.

Он смотрел то в телескоп, то на библиотечный экран, на котором светился Сириус VIII.

— В этой книге описано двадцать различных видов гелиевой жизни, и все они выглядят совершенно одинаково.

— Не совсем. Они должны иметь противовакуумные покровы. А эти гранулы...

— Предпочитаю остаться невеждой по этой части, Бей. В этом мире мы все равно не встретим того, что нам известно. Даже семя ракетного дерева взорвется, едва приземлившись здесь.

Я не стал продолжать разговор на эту тему.

Слон еще раз окинул взглядом «свою» планету, отыскивая живые голубые пузыри. Они были великоваты для гелиевой формы жизни, но недопустимо большими не являлись. Во многих холодных мирах жизнь зародилась благодаря особым свойствам гелия 11, но, поскольку гелий не допускает усложнения, дальше амебы эволюция такой жизни не продвигается.

Я отметил одну особенность. Все животные собрались на оборотной стороне планеты по отношению к ее курсу в Галактике. Им не страшен был свет протосолнца, но они, по-видимому, боялись межзвездной пыли.

— Ты обещал заплакать.

— Это не так уж странно. Я подожду.

Прошло два часа.

Плавник-радиатор засветился ярче. Еще более подчеркнутым сделалось скучное однообразие поверхности планеты, к которой мы приближались. Она была видна как диск сквозь носовое окно корабля. Понаблюдав за диском некоторое время, можно было заметить, что он увеличивается. Гравитационному тормозу все равно, каким концом корабль повернут к планете.

— Клубок Ариадны, — сказал Слон.

— Не годится, занято. Это имя носит Бета Лиры 1.

- Тогда Пушечное Ядро.
- Слон, зачем ты сюда прилетел?
- Он испуганно посмотрел на меня:
- Что ты имеешь в виду?

— Слушай, я все время был с тобой, но ничего не понял. Ты потратил миллион звезд, чтобы добраться сюда; потратил бы и два, если бы было нужно. Ты мог остаться дома, в Скалистых Горах, с Дайаной, или отправиться к Бета Лиры, это достаточно необычная звезда, к тому же более красивая, чем этот снежный ком. Ты мог развлекаться какими хочешь наркотиками в Крэшлендинге или искать на плато Демонов Тумана. Почему ты полетел сюда?

- Потому что моя цель здесь.
- Что это значит, черт возьми?

— Бей, был такой парень по имени Миллер. Шесть лет назад он поставил на корабле с термоядерным двигателем, потребляющим космический водород, еще один гиперскоростной двигатель, в расчете на то, что станет заряжать его энергией термоядерного, и отправился на край Вселенной. Наверное, он все еще летит. Он будет лететь вечно, если не столкнется с чем-нибудь. Зачем он это сделал?

- Ну, знаешь, я не психиатр.

— Он хотел, чтобы о нем помнили. Через сто лет после того, как ты умрешь, о тебе будет что вспомнить?

— Что я идиот, который полетел с Грегори Пелтоном, который потратил два месяца и больше миллиона звезд, чтобы приземлиться на планете, которая не стоит и выведенного яйца.

— Дерьмо! Ладно, я прилетел сюда из чистого любопытства. Эта звезда через десять лет вылетит за пределы изведенного космоса. У нас больше не будет возможности исследовать ее. Что...

В воздухе возникло легкое движение, и в то же время у меня оборвалось дыхание и заложило уши. Не дожидаясь сигнала тревоги, я потянулся за шлемом и со стуком уронил его на горловину скафандра, привинтил и открыл рот. С громкой икотой воздух вырвался из желудка и с криком из легких.

Не было ни сил, ни времени думать, что происходит. Вокруг был вакуум, и в мой скафандр вливался холодный воздух. Мне в уши словно вгоняли иглы, но я спасся.

В легких стояла пугающая пустота, но я спасся и буду жить. Я обернулся к Слону.

На его лице был страх смерти. Он надел шлем, но не мог привинтить. Я с трудом оторвал от шлема его руки и привинтил шлем как следует. Шлем покрылся изнутри испариной, потом снова сделался прозрачным, в него набирался воздух. Спасет ли он Слона жизнь?

Я точно не умру. Боль уходит из ушей, и я дышу: вдох, выдох, вдох, выдох. Давление нормализовалось.

Я видел, что произошло. Теперь можно все это вспомнить, обдумать, проиграть.

Произошло невероятное.

Корпус корабля превратился в пыль. Вот и все. В мгновение ока вся оболочка корабля разложилась и развеялась по ветру. Я это видел.

Вот так, корпуса больше нет. Остались одни внутренности. Передо мной светился пульт управления. Чуть ниже располагался лаз в сложенную комнату отдыха и сама комната. Над пультом полумесяц загадочной планеты и звезды, слева звезды, справа Слон, полуживой, испуганный, а за его спиной звезды, позади меня кухонный робот и склад провизии, шасси, плавник-радиатор и звезды. От «МБ» остался скелет.

Слон встряхнулся и включил радио. В моем шлеме раздался щелчок.

В ожидании мы смотрели друг на друга. Сказать было нечего, кроме: «Смотри, Слон! У нас пропал корпус! Ну не странно ли это?»

Я вздохнул, обернулся к пульту управления и принялся воскрешать к жизни термоядерный двигатель. Насколько я понял, кроме корпуса, с корабля ничего не улетело. То, что крепилось к корпусу, крепилось и к другим предметам.

— Что ты делаешь, Бей?

— Хочу вытащить нас отсюда. Кстати, можешь плакать.

— Зачем? Я хотел сказать, зачем нам улетать?

Он спятил. Брюхошлепы от природы хрупкие существа. Я включил двигатель на малую мощность, отключил гравитационный тормоз и повернулся к Слону.

— Слон, послушай. Корпус пропал, — я развел руками. — Его нет.

— Но то, что осталось от корабля, по-прежнему мое?

— Да, конечно.

— Я хочу приземлиться. Сумеешь меня отговорить?

Он не шутил. Он говорил совершенно серьезно.

— Шасси исправны, — продолжал он. — Скафандры будут защищать нас от радиации в течение трех дней. Мы можем приземлиться, а через двенадцать часов тронемся обратно.

— Наверное.

— Мы добирались сюда два месяца.

— Правильно.

— Если я сейчас поверну назад, то буду чувствовать себя идиотом. А ты?

— Я тоже, но есть одно «но». Ты посадишь корабль только через мой труп.

— Ну хорошо, корпус рассыпался в порошок и разлетелся по ветру. Что это значит? Это значит, что у нас бракованный корпус, и я отсужу у «Дженерал Продактс» все задние ноги, когда вернусь домой. Ты знаешь, почему корпус рассыпался?

— Нет.

— Почему же ты считаешь, что нам что-то угрожает?

— Сказать, что я собираюсь делать? — Я развернул корабль хвостом к Пушечному Ядру. — Ну вот. Если ты настаиваешь, через три часа мы приземлимся. Как ты сказал, это твой корабль. Но я собираюсь отговорить тебя от этого.

— Это честная игра.

— Ты учился на курсах пилотов?

— Разумеется.

— Вам читали лекции по теории ошибок?

— Кажется, нет. Небольшой курс истории космоплавания мы прошли...

— Это уже что-то. Ты должен помнить, что в первых полетах использовалось химическое горючее и что первый корабль, запущенный к астероидам, строился на окололунной орбите.

— Ну да.

— А этого ты мог не знать. На корабле летели трое. Когда их запустили, они облетели вокруг Земли по орбите, которая находилась внутри лунной, потом они вышли за лунную орбиту и легли на свой курс. Через тридцать часов после запуска они заметили, что иллюминаторы делаются мутными. Концентрация пыли вокруг корабля была так велика, что частицы пыли царапали кварц. Двое астронавтов хотели продолжать полет, ори-

ентируясь по приборам, и выполнить задание. Третий, командир, велел запустить ракеты и остановиться. Не забывай, что материалы в те дни были не так прочны, как сейчас, а техника, которой пользовались астронавты, не была как следует испытана. Они остановили корабль на окололунной орбите в двухстах тридцати тысячах миль от Луны, и, связавшись с базой, сообщили, что прервали полет.

— Ты так хорошо все помнишь. Как это тебе удается?

— Эти истории нам просто вдальбивали в головы. Все, чему нас учили, иллюстрировалось примерами из жизни. Знаешь, запоминается.

— Давай дальше.

— Они вызвали базу и сказали, что у них затуманиваются окна. Кто-то решил, что это пыль, а кто-то вдруг понял, что корабль прошел через одну из троянских точек Луны.

Слон засмеялся, потом закашлялся:

— Наглотался вакуума! К чему ты клонишь?

— Если бы корабль не остановили, он потерпел бы крушение. Пыль разорвала бы его на части. Мораль моего рассказа такова: все, чего ты не понимаешь, опасно, пока ты его не понимаешь.

— Параноидальная идея.

— Для брюхошлепа — да. Ты живешь на ручной планете, приспособленной к тебе настолько, что ты считаешь Вселенную уютной, как раковина улитки. Вспомни мое приключение с нейтронной звездой. Я погиб бы, если бы вовремя не понял, какая сила на меня воздействует.

— Поэтому ты считаешь, что все брюхошлепы дураки?

— Нет, Слон. Просто им недостает параноидальных настроений. Извиняться не стану.

— Кто тебя просит?

— Я приземлюсь, если ты объяснишь, почему наш корпус рассыпался в пыль.

Слон скрестил на груди руки и уставился прямо перед собой сердитым взглядом. Я молча ждал.

— Мы сумеем добраться до дома? — спросил он немного погодя.

— Не знаю. Гиперскоростной двигатель работает, гравитационный тормоз, когда потребуется, погасит скорость. Теоретически сумеем.

— О'кей. Поехали домой. Только учти, Бей, если бы

я был один, обязательно приземлился бы, и черт с ним, с корпусом!

И вот мы повернули домой, хотя Слон и не дал полного согласия. Через четыре часа мы удалились от Пушечного Ядра на достаточное расстояние, чтобы можно было уйти в гиперпространство.

Я включил гиперскоростной двигатель, ахнул и поскорее выключил. Мы сидели и дрожали. Слон сказал:

— Можно надуть комнату отдыха.

— А как мы туда войдем? Там нет тамбура.

Все-таки мы вошли. В кабине был регулятор давления, и мы установили его на ноль. Электромагнитное поле, которое складывало комнату, теперь надует ее без давления. Мы вошли в комнату, создали в ней давление и сняли шлемы.

— Радиации нет, — сказал Слон, — я смотрел.

— Отлично.

Даже за несколько секунд полета в гиперпространстве можно пролететь большое расстояние.

— Теперь скажи мне вот что: ты не боишься отсюда выходить?

— А ты? — Слон пожал плечами и вздрогнул.

— Я нет. Могу взять все управление на себя.

— Все, что под силу тебе, под силу и мне.

— Ты не боишься, что сойдешь с ума?

— Нет.

— Тогда будем меняться. Если передумаешь, сразу же скажи. На Слепом Пятне свихнулось много хороших людей, а у них было всего-то по паре окон.

— Я тебе верю. В самом деле, сэр. Что будем делать?

— Мы полетим через область космоса, где плотность звезд наименьшая. Ближайший населенный мир — это Кцин. Очень не хочется просить помощи у кцинги, тем более что рискованно, но, возможно, придется.

— Слушай, Бей. Давай попробуем сразу на Джинкс. Поедем по твоему номеру и зададим кукольникам жару.

— Ладно. В крайнем случае свернем к ближайшему миру.

Около часа я потратил на разработку маршрута. Когда закончил расчеты, был уверен, что нам не придется выходить к индикатору массы чаще чем раз в

сутки. Мы бросили жребий, кому первому идти, и я проиграл.

Мы надели скафандры и выпустили из комнаты воздух. Нырять в лаз, я увидел, что Слон затемняет стены.

Оказавшись один среди звезд, я вжался в сиденье; когда я закончил маневр, впереди были голубые звезды, а сзади красные. Протосолнца я не увидел.

Звезды и черный космос. Поймал себя на том, что разглядываю тамбур — металлическую камеру, одиноко стоящую на краю палубы. Обе двери были закрыты. Внутренняя дверь захлопнулась, когда упало давление, и теперь автоматика поддерживала давление внутри тамбура. Некому дышать этим воздухом, но разве датчикам объяснишь?

Я тянул время: корабль выведен на курс. Сжав зубы, я нырнул в гиперпространство.

Этот эффект называют Слепым Пятном. Удачное название.

Есть несколько способов обнаружить слепое пятно в глазу. Закройте один глаз, нарисуйте на листе бумаги две точки, сфокусируйте взгляд на одной из них и поднесите бумагу к лицу. Если вы правильно держите бумагу, одна из точек пропадает.

Если корабль с прозрачными окнами входит в гиперпространство, окна пропадают. Пространство вокруг них тоже. Предметы, находящиеся вокруг, вытягиваются или приближаются друг к другу, замещая пропавшее пространство. Если смотреть долго, Слепое Пятно начинает расти. Стены и предметы, стоящие у стен, подтягиваются все ближе к исчезнувшему пространству и сами пропадают в нем.

Это всего лишь оптический обман, скажете вы. Конечно, но все же.

Я повернул ключ, и половина Вселенной превратилась в Слепое Пятно. Пульт управления вытянулся и поплыл перед глазами, индикатор массы попытался меня поглотить. Я протянул к нему руку и увидел, что рука искривилась. Я сделал над собой усилие, вытянул руки по швам и постарался успокоиться.

В искаженном гримасой индикаторе светилась одинокая размытая линия. Масса, соответствующая ей, находилась сбоку и сзади. До выхода Слона кораблем можно не управлять; я ощупью добрался до лаза и влез в комнату отдыха.

Гиперпространство — еще полбеда.

Конечно, это серьезная проблема. Каждые двадцать четыре часа один из нас должен был выходить к приборам, проверять, нет ли поблизости опасной массы, и переключаться в обычный полет, чтобы сориентироваться и уточнить курс. Я поймал себя на том, что за несколько часов до выхода становлюсь ужасно раздражительным. То же самое происходило со Слоном. В эти часы мы не решались заговаривать друг с другом.

В третий выход я случайно взглянул вверх — и больше чем ослеп. Слепое Пятно заняло все поле зрения.

Это хуже, чем просто слепота. Слепой человек, то есть человек, глаза которого не выполняют свою функцию, по крайней мере помнит, как выглядят окружающие его предметы. Человек, у которого поврежден зрительный центр мозга, этого не помнит. Я помнил, зачем вышел — посмотреть, нет ли вблизи массы, которая нам может угрожать, но не мог вспомнить, как это делается. Коснулся рукой округлой стеклянной поверхности и понял, что этот прибор может ответить на мой вопрос, если я сумею его задать.

Через некоторое время у меня затекла шея, и я опустил голову. Зрение вернулось ко мне.

Когда мы набрали в комнату отдыха воздух, Слон спросил:

— Что ты там делал целые полчаса?

— Слава Богу, что только полчаса. Не вздумай смотреть вверх, когда выйдешь.

— О!

Вторая половина беды была в том, что мы со Слоном перестали общаться. Ему не хотелось ничего говорить и неинтересно было слушать, что говорю я. Только через неделю понял, в чем тут дело. Тогда я к нему пристал:

— Слон, из нашего лексикона пропало одно слово...

Он оторвал глаза от экрана читающего аппарата. Если бы не читающий аппарат, мы не выдержали бы этого перелета.

— Больше, чем одно, — ответил он. — Мы все время молчим.

— Только одно. Ты так боишься произнести это слово, что вовсе ничего не говоришь.

— Что это за слово?

— «Трус».

Слон насупил брови и выключил читающий аппарат.

— Ну ладно, давай поговорим. Я не говорил этого слова, ты сам сказал, верно?

— Верно, но ты так думал.

— Нет, я думал эвфемизмами вроде «излишняя осторожность», «нежелание рисковать жизнью». Но если уж мы об этом заговорили, ответь, почему ты так хотел повернуть назад?

— Испугался. — Я подождал, пока он переварит это слово, и продолжал: — Люди, которые меня учили, допускали, что в определенных обстоятельствах я могу испугаться. При всем моем уважении к тебе, Слон, не могу не напомнить, что меня готовили к космическим полетам серьезнее, чем тебя. Мне кажется, твое желание приземлиться явилось результатом невежества.

— Мне кажется, — вздохнул Слон, — что с нами ничего не случилось бы, если бы мы приземлились. Ты считаешь по-другому. Спорить здесь бесполезно.

Вовсе нет. Один из нас прав, другой ошибается. Если ошибаюсь я, то наша дружба улетучилась вместе с воздухом.

Полет продолжался в молчании.

Мы вышли из гиперпространства недалеко от Сириуса, но это был еще не конец, потому что Вселенная вокруг нас была сдавлена относительностью. Нам потребовалось почти две недели, чтобы затормозить. Радиатор гравитационного тормоза все это время был накален почти добела. Я не знаю, сколько раз мы ныряли в гиперпространство, чтобы еще раз пройти через систему.

И вот мы направились к Джинксу на термоядерном двигателе.

Я нарушил многочасовое молчание:

— Ну что, Слон?

— Как только доберемся, я поеду по твоему номеру.

— А потом?

— Потом высажу тебя в Сириус-Матере и дам денег, чтобы ты мог добраться до дома. Я буду рад, если ты погостишь у меня до моего возвращения с Пушечного Ядра. Я куплю новый корабль и полечу туда.

— Я тебе для этого не нужен?

— При всем моем уважении к тебе, Бей, нет. Я хочу приземлиться. Ты ведь будешь чувствовать себя идиотом, если погибнешь при этом.

— Из-за этой дурацкой планеты я просидел в тесной

надувной комнате три месяца и буду чувствовать себя идиотом, если ты покоришь планету без меня.

Какой у него был несчастный вид! Он набрал в легкие воздуха, собираясь говорить...

Это был один из тех случаев, когда я перебил человека вовремя.

— Погоди. Давай сначала поговорим с кукольниками. У нас еще будет время, чтобы это обсудить.

Слон кивнул. Еще немного, и он сказал бы мне, что я ему не нужен, потому что я излишне осторожен. Вместо этого он снял трубку телефона.

Джинкс пестрел впереди, как пасхальное яйцо. Сбоку от него виднелся Байнари, которому Джинкс приходится луной. Кажется, мы подлетели достаточно близко для того, чтобы позвонить кукольникам. Номер их телепортационной кабины совпадает с номером телефона.

Слон набрал номер.

Ответили приятным контральто. Изображения не было, но я знал, что это кукольник: ни у одной женщины нет такого красивого голоса.

Кукольник сказал:

— Восемь, восемь, три, два, шесть, семь, семь, ноль.

— У меня лопнул корпус вашего производства, — Слон не стал тратить время.

— Прошу прощения?

— Меня зовут Грегори Пелтон. Двенадцать лет назад я купил у «Дженерал Продактс» корпус модели номер два. Полтора месяца назад он лопнул. Все это время мы добирались домой. Я могу поговорить с кукольником?

Зажегся экран. На нас смотрели две плоские безмозглые головы.

— Это очень серьезно, — сказал кукольник. — Разумеется, мы заплатим вам компенсацию. Сделайте милость, расскажите о случившемся подробнее.

Слон сделал милость. Он говорил с жаром, я с удовольствием его слушал. Выражение глупых лиц кукольника не менялось, но, когда Слон умолк, кукольник учащенно моргал.

— Я вас понял, — сказал он. — Наши оправдания несостоятельны, но поймите — это естественная ошибка. Мы не предполагали, что в Галактике имеется антиматерия, тем более в таком количестве.

Он едва не рыдал. Его слова звенели у меня в ушах.

А громовый голос Слона вдруг сделался удивительно вкрадчивым:

— Антиматерия?

— Ну да. Я не пытаюсь оправдаться, но вы должны были сразу это понять. Межзвездный газ, то есть нормальная материя, отполировал поверхность планеты микроскопическими взрывами, поднял температуру протосолнца выше всех разумных ожиданий и создал невероятно высокий уровень радиации. Неужели вас это не насторожило? Вы знали, что система прилетела из-за пределов Галактики. Людям свойственно любопытство. ведь так?

— Корпус, — напомнил Слон.

— Корпус, изготовленный «Дженерал Продактс», — искусственно полученная молекула, связи между атомами которой усилены с помощью небольшой энергетической установки. Эти усиленные связи устойчивы к различным воздействиям: к ударам, к повышению температуры. Однако когда определенное количество атомов исчезает в результате аннигиляции, молекула распадается.

Слон кивнул. Я испугался, не лишился бы он дара речи.

— Когда вы приедете за компенсацией? Насколько понимаю, люди при этом происшествии не пострадали. Это хорошо, потому что наши фонды...

Слон бросил трубку, несколько раз судорожно глотнул и, обернувшись ко мне, посмотрел в глаза. Мне кажется, для этого ему пришлось собрать всю свою волю. Не знаю, что бы он сказал, если бы я не заговорил первым.

— Ага! — сказал я. — Ага! Я был прав, а ты ошибался! Если бы мы приземлились на твоей планете, то превратились бы в свет. А сейчас с радостью говорю: «Я тебя остановил».

— Ты меня остановил, — он слабо улыбнулся.

— Да, остановил. Сколько раз мне пришлось повторить: «Не приближайся к этой чудовищной планете! Это будет стоить тебе жизни!» Я тебе говорил, что у меня было предчувствие, что это нехорошее место.

— Ладно, не преувеличивай, сукин ты сын. Ты всегда прав. Не будем больше об этом.

— О'кей. Но хочу, чтобы ты запомнил: то, чего ты не понимаешь, опасно. Это единственное, что ты должен помнить, кроме того, что это сказал я.

На этом бы всему закончиться.

Но нет. Слон снова летит к своей планете. Он сделал флаг размером два на два фута, с символикой Объединенных Наций, на проволочной рамке, так что кажется, что он развевается на ветру. В древко поместил твердотопливную ракету, которая должна стартовать, когда флаг свернут. Он собирается сбросить флаг на антиматериальную планету с большой высоты, с самой большой, на которую я его уговорю.

Получится настоящий фейерверк.

И я лечу со Слоном. Я вооружился трехмерной телекамерой и заключил контракт с одной из крупнейших телекомпаний в изведенном космосе. На этот раз у меня есть повод для того, чтобы лететь!

Тау-Сети — маленький бледно-желтый карлик типа GO, вокруг которого обращаются четыре планеты. Строго говоря, ни одна из четырех не является пригодной для жизни. Две из них газовые гиганты. Третья снаружи не имеет атмосферы. Четвертая, последняя, — наоборот.

Эта четвертая планета по величине примерно равна Венере. У нее нет большой луны, которая оттягивала бы воздух, поэтому и атмосфера там похожа на венерианскую: плотная, горячая и химически агрессивная. Человек никогда не наметил бы ее для колонизации.

Но роботы не люди.

На протяжении двадцать первого и двадцать второго столетий их запускали исследовать ту область космического пространства, которая теперь называется изведанным космосом. Ими управляли сложные программы, но задача их была проста. Каждый должен был отыскать пригодную для жизни планету.

К несчастью, они были запрограммированы неправильно.

Их создатели этого не знали, Объединенные Нации этого тоже не знали, а на самом деле программы предписывали роботам найти пригодную для жизни точку. Обнаружив на определенном расстоянии от звезды, к которой его послали, какую-либо планету, робот выбрасывал зонд, который кружил над планетой, пока не находил на ее поверхности место, где состав атмосферы, температура и влажность воздуха и другие условия соответствовали заданным. Тогда робот посылал лазерный импульс в Солнечную систему, а Объединенные Нации в ответ посылали корабль с колонистами.

В отличие от роботов, корабли, везущие колонистов, не могли потреблять космический водород. Они несли запас горючего на борту. Это означало, что им требовалось много времени, чтобы добраться до нужного места, и на их рейсы не продавали обратных билетов. Такие корабли не возвращались.

Так, Наш-Успех заселили потому, что робот прилетел туда весной. Если бы он приземлился зимой или летом, когда ось вращения планеты проходит через главную

планету, Протион, он зарегистрировал бы ветер скоростью сто миль в час.

Точно так же заселили Джинкс. Джинкс, на поверхности которого тяготение составляет 1,78, над которым густой воздух, а жизнь возможна на двух узких полосках земли посреди океана. Так же и на Эндсе, где вообще ничего нет. Сейчас на планете Джинкс, похожей на пасхальное яйцо, живут мужчины и женщины пяти футов высотой и пяти футов шириной, самые сильные двуногие в изведенном космосе. Они умирают молодыми от сердечных болезней.

Точно так же заселили Плато. Ближайший к Тау-Сети мир похож на Венеру во всем, кроме одного. Там есть гора, с отвесными склонами, в сорок миль высотой. На ее вершине располагается почти плоская площадка величиной в половину Калифорнии. Эта гора, вырастая из черной плоской поверхности планеты, поднимается в верхние, прозрачные слои атмосферы, где можно дышать. Пики, поднимающиеся из центра плато, покрыты снегом, с них стекают реки, которые падают с обрывистых краев плато в сияющий туман. Робот приземлился на Плато и решил, что в этом мире можно жить.

Прошло несколько столетий.

Дуглас Хукер поднялся над Плато, как звезда. Он был единственным обитателем четырехместного исследовательского корабля. Пятнадцать лет назад он похитил его у Объединенных Наций — у правительства Земли — и бежал на Плато. Вернуть корабль Хукер не решался: на Земле законы строже, чем на Плато.

Остаться на Плато он тоже не мог.

Его не в чем было упрекнуть. Хукера излечили от безумия, то есть сделали из него примерного гражданина. Робот-врач отрегулировал Хукеру обмен веществ, устранив биохимическую причину безумия. Два года психоанализа, гипноанализа и специальной обработки сделали свое дело: одни воспоминания Хукера были изменены, другие приобрели для него новое значение. Специальная обработка была направлена на то, чтобы Хукер не оказывался далеко от робота-врача и его обмен веществ не имел возможности разладиться.

Но он совершил на Плато ужасный поступок. Он не мог здесь остаться. Не мог вынести мысли, что когда-нибудь ему придется встретиться с Грегом Леффлером.

Оставленный им мир превратился из обширной белой равнины в белый мячик. Термоядерный двигатель на

корабле Хукера горел ярче и жарче, чемлюбос солнце. Он потреблял водород из установленного на борту бака. Хотя на корабле имелся водородный насос — одна из первых безопасных моделей, — корабль летел недостаточно быстро для того, чтобы использовать космический водород в качестве топлива.

Когда Плато затерялось среди звезд, Хукер повернул на Вундерленд. Он давно решил лететь на Вундерленд — когда начал всерьез надеяться на выздоровление. Вундерленд — маленькая планета со слабой гравитацией; уютный мир, пусть и далеко от Земли. Техника там всегда отстает от времени на несколько десятков лет. Там наверняка обрадуются лишнему космическому кораблю, особенно такому новому, как у Хукера.

Его могут посадить в тюрьму, хотя он отбыл срок на Плато одновременно с лечением. Зато не убьют. Он согласен отбыть еще один срок: у него отличное здоровье. Хукеру восемьдесят семь лет, но организм крепкий, как у двадцатилетнего. На Земле очень хорошая медицина. Мужчины и женщины Земли ходят по тем дорогам, которые проторили три столетия назад, а их медицина обогнала их.

(И все же... если присмотреться... Двадцать? Нет! Он весь в морщинах. Нет, ни на теле, ни вокруг глаз, ни в глазах не видно ни морщин, ни лет. Они лежат глубже. А для того, чтобы в мозгу пролегли морщины — глубокие морщины, видные снаружи, — нужны десятки лет.)

Хукер повернул на Вундерленд и включил автопилот. Давно уже он не двигался так живо и уверенно. Он улетел от Плато и от тяжких воспоминаний. Теперь можно забывать.

Через несколько часов с Плато поднялась в небо еще одна звезда. Она кружила над Плато, как собака, которая ищет след. Вот она нацелилась на Вундерленд и начала набирать скорость.

2514 год нашей эры, октябрь.

То, что он услышал, не явилось для него новостью. Он долго смотрел на женщину-врача, а потом сгорбился, опустил плечи и уронил голову на грудь.

— Я все время чувствовал, что не такой, как все, — пробормотал он.

— Разве это преступление, Дуг?

Доктору Дорис Хан было за тридцать, как далеко — непонятно. Она была маленькая, восточного типа, ее взгляд излучал мудрость, хотя жизненный опыт еще не дал ей этой мудрости.

— Похоже, что так, — сказал восемнадцатилетний Дуглас Хукер, тонкий, голубоглазый, с соломенными волосами. — И я никак не могу это исправить.

— Отчего же, можешь! Просто ты должен об этом забыть. В нашем мире и в других живут миллионы потенциальных параноиков. И диабетиков, и шизофреников, и эпилептиков — и никто об этом не знает.

— Они сами знают.

— Н-ну, знают...

Дуглас заглянул доктору в глаза:

— А зачем им сообщают? Зачем, если они должны жить так, как будто у них ничего нет? Что теперь со мной будет, доктор? Что я должен делать?

— Ты прав, — кивнула доктор Хан. — А что будет — увидишь через два дня. Во-первых, тебя возьмет на учет Комиссия Планирования Семьи. Если ты захочешь иметь ребенка, ты должен будешь сделать что-нибудь выдающееся, чтобы Комиссия признала тебя гением. Ну, например, изобрести гиперскоростной двигатель.

Дуглас только улыбнулся. Гиперскоростной двигатель — голубая мечта всего человечества.

— Во-вторых, — продолжала она, — в течение всей жизни ты должен не реже чем раз в месяц проходить курс лечения у врача-робота. Ты меня понимаешь? До сих пор за это отвечали твои родители. Теперь ты совершеннолетний. Раз в месяц ты должен проводить сеанс лечения, чтобы стабилизировать обмен веществ. Твой организм химически нестабилен. Не получая противопараноидальных препаратов, ты можешь сойти с ума.

— Это все?

— Все. Лучше ходить к роботу-врачу раз в две недели, чтобы оставался запас.

— Ладно, — сказал Дуглас.

Ему хотелось уйти. Вот уже несколько лет он ждал этого неприятного известия и наконец услышал. Он родился параноиком. Этого нельзя сказать даже Грегу. Дугласу хотелось уйти, спрятаться где-нибудь и зализать раны, но...

— Доктор, насколько это серьезно? Я хочу сказать,

что случится, если я приду на лечение на две недели позже, чем следует?

— В первый раз почти ничего. Произойдут незначительные, почти незаметные изменения в мыслительных процессах. Пройдя курс лечения, ты тоже не заметишь перемен. Во второй и третий раз все будет гораздо серьезнее. Видишь ли, Дуг, сойти с ума — значит прожить какое-то время безумным. Если ты проживешь год параноиком, никакой робот тебя не вылечит. За этот год у тебя сформируются определенные привычки. Робот отрегулирует тебе обмен веществ, но не сумеет переделать параноидальный строй мыслей. Тебе понадобится живой психиатр.

Дуглас провел языком по губам и подумал: «Что значит быть параноиком? Как мыслит параноик?»

Ему не хотелось этого знать.

— До свидания, доктор, — сказал он, поднялся и вышел. Доктор Хан, кажется, что-то крикнула ему вслед, но он не был в этом уверен.

2526 год нашей эры, июнь. Канзас-Сити.

В возрасте тридцати лет Дуглас Хукер думал, что знает себя достаточно хорошо. Он давно понял, что является рабом привычек, и стал вырабатывать у себя привычки. В рабочие дни он входил в свой кабинет ровно в десять часов и первым делом включал настольного медицинского робота.

В тот четверг ровно в десять часов он вошел к себе с привычной улыбкой на лице, которой всегда приветствовал своих сослуживцев по «Скайхук Энтерпрайзез». Сегодня он не встретил Грега, но Грег обычно приходил раньше или позже других — чаще раньше. Наверное, он уже работал. Дуг сел за стол, включил аппарат и сунул туда руки. Он почувствовал уколы в подушечки средних пальцев — робот отбирал кровь для анализа. Дуг дождался, когда загорится зеленая лампочка, и отнял руки. Ногти блестели.

Настольный робот был маленький, с ограниченным набором услуг. Он не умел, как большие аптечные роботы, залечивать царапины и разминать застоявшиеся мышцы. Он мог обнаружить в крови инфекцию и в ответ ввести антибиотик широкого спектра действия: выдавал необходимые витамины и превосходно делал маникюр. Пользуясь содержимым двух пузырьков, спрятанных в его

внутренностях, робот регулировал Дугласу Хукеру обмен веществ. Когда какой-либо препарат заканчивался или робот регистрировал отклонение от нормы, на пульте загоралась красная лампочка.

Увидев полную корзину входящих документов, Дуг нахмурился, потом вздохнул и принялся за работу. В коридоре было тихо, отвлекаться было не на что, но работа продвигалась медленно. Дуглас не мог сосредоточиться. Это не была весенняя тоска: городские жители ее никогда не испытывают. Это было предчувствие чего-то неминуемого.

Неминуемое случилось в полдень. По внутреннему телефону позвонил Грег Леффлер:

— Дуг? Все готово. Бросай свои дела и приходи.

Дуг отложил недоеденный сэндвич и поспешно вышел из кабинета. Очутившись на улице, освещенной ярким полуденным солнцем, он заморгал. Вскочив в одну из машин, стоявших у входа в административный корпус, Дуг направил ее к конструкторскому. Он уже собирался припарковать машину у входа, когда краем глаза заметил в стороне темную громаду в четыре этажа высотой. Дуглас поехал туда.

Там его ждал Грег, прислонясь плечом к подножию огромного усеченного корпуса и ухмыляясь, как счастливый папаша.

— Ну не красавица ли?

— Нет, — ответил Хукер, потому что машина не была красива. — Работать будет?

— Если не будет, подадим в суд. Ее нельзя испытать здесь, нужно отправить на Луну.

— И что дальше? — Дуг почувствовал, как в кровь поступает адреналин.

Все решения были приняты два года назад. Получен осязаемый результат — вот он, в четыре этажа высотой. Вот-вот подтвердятся расчеты и исполнится давняя мечта.

Безопасный водородный насос.

В течение сотен лет роботы-разведчики исследовали космос, передвигаясь со скоростью чуть меньшей скорости света, и использовали в качестве топлива межзвездный водород, который собирали с помощью конических электромагнитных полей радиусом двести миль. В течение этих лет люди летали со скоростью втрое меньшей скорости света и возили запас горючего с собой. Электромагнитное поле водородного насоса убивает все живое в радиусе трехсот миль. Никому не удавалось

сконструировать щит, который предохранял бы хордовые организмы от воздействия поля электромагнитной ловушки...

...до тех пор, пока «Москоу Моторс» не построила вот это.

В поле ловушки этого мотора имелось мертвое пространство. Туда можно было поместить корабль, который может лететь куда угодно, не заботясь о запасах топлива.

Два года назад «Скайхук Энтерпрайзез» приняла заказ на строительство такого корабля. Это была программа Объединенных Наций, обеспеченная всеми богатствами Земли. Когда подписывали контракт, президентом фирмы был отец Дуга Хукера; только в прошлом году он передал предприятие Дугласу, а сам уехал на Белт. Около года Дуг отвечал за строительство корабля. Он дал Грегу Леффлеру карт-бланш — не потому, что они дружили пятнадцать лет, а потому, что Грег был гениальным конструктором.

— А дальше мы пристыкуем к ловушке корабль и полетим куда-нибудь. Корабль давно готов. Как ты думаешь, чем я занимался в апреле и мае? Торчал на Луне, осматривал корабль. Он готов к полету. Осталось только доставить на Луну насос.

Дуг кивнул. На мгновение он позавидовал Грегу. Корабль был детищем «Скайхук Энтерпрайзез», детищем Дуга Хукера, но все равно это был корабль Грега. От носа до кормы. Если проект окажется успешным, этот корабль покорит весь ближний космос.

— Как поживает Джоанна? — спросил он.

Леффлер с гордым видом улыбнулся:

— О, она такая красивая и задумчивая! Еще месяц — и опять будет играть в теннис. А как Кларисса?

— Прекрасно.

— Мы давно не собирались вместе. Давай сегодня вместе пообедаем. Отметим событие.

— Давай. Где?

— У нас. Ты еще не видел наш новый дом.

— Верно, — уклончиво ответил Хукер.

Ему не удавалось светское общение. Он неловко себя чувствовал в толпе и среди незнакомых людей. В компании Грега и Джоанны можно было отдохнуть, но на работе даже их присутствие не приносило облегчения.

— Дуг?

— Да?

— Вы с Клариссой поженились гораздо раньше, чем

мы с Джоанной. Почему у вас до сих пор нет детей? Решили уступить нам пальму первенства?

Хукер хотел ответить: «Решили дать вам возможность рискнуть первыми», но тогда Грег продолжит расспросы. И Дуглас сказал правду:

— Меня забракковала Комиссия Планирования Семьи.

— Вот как? — Леффлер не стал спрашивать почему, но оставил Хукеру возможность высказаться.

— Знаешь, пойду-ка я работать, — сказал Дуг. — Ты поедешь на Луну наблюдать за испытаниями?

— Если «Скайхук» оплатит дорогу.

— Направь мне рапорт. До вечера.

2557 год нашей эры, август. Скалистые Горы.

Они лежали на солнце у бассейна в зимнем саду у Грега. Все трое были мокрые, вода стекала с них, образуя на красных плитках пола лужицы. Женщина, Джоанна, была высокая, крепкая брюнетка с красивыми ногами. Один из мужчин, Дуглас Хукер, был слишком худ и слаб для своего роста, а второй — Грег Леффлер — имел мускулатуру атлета и загар бродяги. Они лежали, отдыхая от гонок в бассейне.

На улице было холодно, хотя морозы еще не начались. Зимой снег засыплет весь двор, но на крыше зимнего сада будет таять. Дом Грега стоял высоко в горах, на склоне крутого утеса. Снаружи он казался частью горы. Добрая половина дома располагалась внутри горы. Лениво, с грустью, но без боли Дуг представлял, что Кларисса рядом с ним. Золотистые волосы, уложенные в прочную замысловатую прическу, густой загар... Сейчас она дремала бы, пригревшись в лучах солнца, падающих сквозь прозрачную крышу зимнего сада. Он не видел ее десять лет. Она вышла замуж сразу же после развода с ним и через два года имела двоих детей.

Грустно, но не больно. Она не получила алиментов, но пыталась их добиться, и это облегчило Дугласу боль расставания. Образ Клариссы исчез, и Дуг перевернулся на спину.

— Через месяц мы уезжаем, — сказала Джоанна с сожалением в голосе.

— Вы сошли с ума, — сказал Дуг.

— Вовсе нет, — Грег приподнялся, опираясь на локоть. — У Земли нет будущего, Дуг.

— Ты хочешь сказать, что у Плато есть будущее?

Куда бы вы ни отправились, я все равно скажу, что вы сумасшедшие, но Плато! Пройдет пять поколений — и там будет так же тесно, как на Земле!

— Значит, ты признаешь, что на Земле тесно?

— Да, но это плата за цивилизованную жизнь.

— Я не хочу платить. Я уезжаю, — самодовольно заявил Грег. Он не раз приводил этот аргумент на протяжении последних нескольких месяцев. — К тому времени, как на Плато станет тесно, будет достаточно других колоний, так что места хватит всем. А на Плато очень красиво. Ты видел снимки.

— А если это фальшивка?

— Нет, они подлинные.

— Я все-таки не понимаю, зачем рисковать? Десяток световых лет в четырехместном корабле! Что, если вы столкнетесь с метеором?

— Что, если к нам залезет гоблин? Ради святого Петра, Дуг! Я сам строил эти корабли. Они абсолютно дракоустойчивы.

Дуглас поморщился и перевернулся на живот. Он сам не знал, почему упрямится. Грег уезжает, с ним уезжает Джоанна, уезжает и их старшая дочь Марсия с мужем. Грег продолжает говорить об этом только потому, что надеется, что Дуг передумает и присоединится к ним, а Дуг все не хотел ехать.

Но мысль о том, что Грег и Джоанна уезжают, наполняла его безотчетным страхом.

— Корабль уже готов?

— Да, со вчерашнего дня. Мы можем лететь в любое время.

— Вы обещали, — сказал Дуг, — что сначала позволите мне осмотреть корабль.

— Обещали. Хочешь завтра? Я дам тебе ключ.

— Хорошо.

Фирма «Скайхук Энтерпрайзес» построила обещанный корабль. Сейчас сотни таких кораблей разбросаны по космосу в радиусе пятнадцати световых лет от Солнечной системы, а это значит, что земная информация устарела на пятнадцать лет. Однако известий о том, что скайхуковский корабль с водородным насосом потерпел аварию, не было. «Скайхук» уже работала над проектом более вместительного корабля, способного нести тысячу колонистов в состоянии стаза. Четырехместный исследова-

тельский корабль был пока единственной летающей моделью с водородной ловушкой.

Он состоял из трех самостоятельных частей, которые легко стыковались и легко разъединялись для осмотра. Ловушка, жизненное пространство и двигатель. И ускорители, но они не в счет. Они не в счет, потому что ими люди пользовались в течение многих веков. Это ракеты, наполненные до предела сжатым гелием. Управляемые автопилотом, они поднимут корабль Грега на высоту, на которой он может спокойно включить термоядерный двигатель. Хукер не заметил их, как не заметил бы велосипед среди прочего багажа. Исключительно простые и дракоустойчивые аппараты.

Водородный насос Хукер осматривать не стал, зная, что ничего в нем не поймет. Термоядерный двигатель он оставил без внимания по двум причинам. Если в водородной ловушке или в двигателе и есть дефекты, Хукер их не найдет.

Его единственной надеждой оставалось жизненное пространство. Оно было слишком просторным даже для четверых пассажиров. Не у всех жителей Земли такие просторные дома. Правда, пассажир такого корабля не может выйти на улицу подышать свежим воздухом. Жизненное пространство представляло собой цилиндр, по продольной оси которого проходила труба, соединяющая водородную ловушку с двигателем. Где-то на пульте управления есть аварийная кнопка. Если на нее нажать, труба разъединяется, а жизненное пространство отделяется от двигателя и дрейфует в космосе, ожидая почти несбыточного спасения.

Там были две большие спальни, со звукоизоляцией и замками на дверях — для надежного уединения. Был гимнастический зал с тренажерами, которыми можно пользоваться при гравитации корабля и в невесомости, с лампами солнечного света, массажными кушетками и баней. Была маленькая столовая с кнопками в стене, чтобы командовать кухней.

Хукер шел по кораблю, словно боясь его. Он на самом деле боялся его, только не знал почему.

Был там и робот-врач, самый сложный из известных людям. Он сам синтезировал биохимические соединения, выращивал лоскуты кожи и органы для пересадок, используя в качестве материала отходы. Он мог вылечить что угодно. Теоретически, он мог бесконечно долго обеспечивать своему хозяину молодость и здоровье. Робот

был создан не в «Скайхук Энтерпрайзез». Этого красавца создала компания «Москоу Моторс» — индустриальный гигант, финансируемый вторичным государством СССР, — согласно контракту о постройке корабля.

Хукер был знаток медицинских роботов. Он осмотрел саркофаг и подключенные к нему приборы и не нашел изъяна.

В меру своих сил он проинспектировал кухню. Кухонная техника тоже вырабатывала пищу из отходов. При этом осуществлялись невероятно сложные превращения, но любой химический процесс можно повернуть вспять, имея должную изобретательность и должный запас энергии. Корабль черпал энергию от термоядерного двигателя, который располагал бесконечным запасом топлива.

Самым простым агрегатом на корабле оказалась вентиляционная установка. Хукер даже не стал ее осматривать. Когда до нее дошла очередь, он уже падал с ног от усталости. Он плюхнулся на одну из кроватей и усталился в потолок, излучающий мягкий свет.

Насколько он мог судить, на корабле все в полном порядке. В полнейшем. Какой смысл в осмотре? Любой дефект, который может обнаружить администратор Дуглас Хукер, будет устранен в течение пяти минут.

Они улетают, они уже собираются в дорогу. Улетают Грег с Джоанной и Марсия с... — забыл, как зовут мужа Марсии. Зачем их удерживать? У Хукера есть другие друзья! Ведь так?

Он вспомнил одиннадцать имен и силился припомнить двенадцатое, но тут ему пришло в голову, что все это люди, с которыми он познакомился через Грега и Джоанну. Все, кроме двоих, но их он не видел с тех пор, как Кларисса улетела в Вегас, оставив на столе свадебный торт, на котором восковые жених и невеста стояли друг к другу спиной. Значит, он знает только девятерых, с которыми виделся лишь на вечерах и беседах у Джоанны.

Ему всегда было трудно сдружиться с человеком. Он чувствовал себя неловко в присутствии незнакомых людей, постоянно гадая, что же они о нем думают.

Это касалось и друзей. Между ними и Хукером стоял барьер — его тайна. Кажется, только два человека на Земле знают, что Хукер — потенциальный параноик. Раньше знали трое, но отец улетел на Белт, чтобы начать жизнь заново. Наверное, он рассчитывал, что по белт-

скому закону о планировании семьи, более либеральному, чем на Земле, ему будет позволено иметь второго ребенка, когда по истечении семилетнего срока он станет гражданином Белта. Он прожил два года. Он курил, и на пульте управления у него стояла пепельница. Однажды, садясь на какой-то безымянный астероид, он сделал неудачный маневр и пепел запорошил ему глаза. Корабль разбился. Осталось лишь два человека, которым была известна тайна Дугласа, — оба врачи. Кларисса не знала. Она проболталась бы.

Тайна парализовала язык Дугласа, он стал неловким и неинтересным собеседником. Он никогда не напивался, боясь, что развяжется язык. Человека не узнаешь как следует, пока не увидишь его пьяным, а Дугласа Хукера никто не видел пьяным.

Посмотрим правде в глаза, решил Хукер. Улетая на Плато, Грег и Джоанна лишают его общества друзей.

Это можно расценить как вызов.

Хукер соскочил с кровати и покинул корабль. Он скажет Леффлерам, что их корабль абсолютно надежен. Когда они улетят, он заведет новых друзей, соберет свою собственную компанию. Все это время он слишком много внимания уделял работе.

Однако ему уже шестьдесят один год, и его привычки полностью сформировались.

Август 2570 года нашей эры. Канзас-Сити.

Вот как это случилось.

Раз в полгода к Хукеру приходил человек, обслуживающий настольного робота-врача. Его звали Пол Юргенсон. Он всю жизнь занимался обслуживанием медицинских роботов — самых разных: от огромных аварийных, которые устанавливаются в аэро- и космопортах и принимают одновременно нескольких пациентов, до маленьких, размером с тумбочку, которыми оборудуют самолеты и космические корабли, совершающие короткие рейсы. Юргенсон не был особенно талантливым, поэтому на работе он не скучал и старался делать ее хорошо.

Он пришел в четверг, последний рабочий день недели и последний четверг августа. Как всегда, Дуг Хукер ушел с работы раньше, чтобы не мешать ему. Юргенсон разобрал робота и принялся осматривать детали. Увидев, что пузырьки для специальных смесей почти пусты, он печально покачал головой. Хукер не знал, что Юргенсон —

третий человек на Земле, которому была известна его тайна. Он догадался о секрете Хукера и не сомневался в том, что его догадка верна. Нельзя скрыть лысину от своего парикмахера.

В печальном настроении Юргенсон наполнял пузырьки. Мистер Хукер к каждому Рождеству присылал ему билет в двадцать пять марок (подарок делала фирма от имени Хукера, но Юргенсон этого не знал). В последнее время мистер Хукер потреблял больше противопараноидальных средств, чем когда-либо. Значит, у него неприятности. Юргенсон знал это по опыту. Ему захотелось чем-нибудь помочь Хукеру.

Как обычно, он заменил иглы, пузырьки со спиртом, ампулы с витаминами и тестостероном. Проверил провода, два из них заменил. Не похоже, что они завтра перегорят, но кто знает. Маникюрные инструменты заменялись автоматически. Юргенсон, нахмурившись, глядел на робота и прислушивался ко внутреннему голосу, которому обычно доверял. Должно быть, он прав. Юргенсон собрал робота и выкрутил красную и зеленую лампочки, чтобы проверить даты на их цоколях.

Им было десять лет. В то время люди работали на совесть. Законы были суровые. Но десять лет — это много даже для лампочек, рассчитанных на тридцать лет. Юргенсон бросил их в мусоропровод и поставил на их место новые. Соединив соответствующие контакты, он убедился, что обе лампочки исправны.

Он ушел, помахав рукой личной секретарше Хукера. Они знали друг друга почти пятьдесят лет, но за все время не сказали друг другу ничего, кроме «здравствуйте» и «до свидания». Мисс Петерсон была красавица, но Юргенсон считал, что ему очень повезло с женой, и боялся, что она что-нибудь узнает. Он никогда не волочился за женщинами.

2570 год нашей эры, декабрь.

Хукер вошел в административный корпус.

— Привет, трудяги! — сказал он, как говорил каждое утро вот уже... он и сам не знал сколько лет.

Ему ответил нестройный хор голосов. Хукер вошел в свой кабинет ровно в десять часов.

Корзинка для входящих документов была полна. Протянув руки роботу, Хукер окинул ее хмурым взглядом. Может быть, зря он сократил число договоров?

Бумажной работы стало меньше, расходы сократились, но... Временами Хукеру казалось, что «Скайхук» переживает застой.

За последние двадцать лет «Скайхук» не выпустил ни одной новинки, кроме кораблей для колонизации космоса, которые сейчас находятся в распоряжении Объединенных Наций.

Леффлеры уже, наверное, на Плато. Интересно, они отправили ему лазерную телеграмму? Если отправили, она дойдет не раньше, чем через двенадцать лет.

Что случилось с роботом? Он давно должен отпустить руки. Дуглас сам отнял руки. Сопротивления он не почувствовал, пальцы были сухие, отполированные ногти блестели. Черт, пробормотал он, зеленая лампочка перегорела. Не забыть позвать Юргенсона, подумал Дуглас.

Однако он этого не сделал. Раньше ничего подобного не случалось, и у Хукера не было привычки, которая подсказала бы, что делать. А Юргенсон придет в феврале. Хукер скоро привык к отсутствию зеленого сигнала. Он угадывал с точностью до секунды, когда робот заканчивал процедуры.

На самом деле перегорела красная лампочка. Ее проводка не работала уже несколько месяцев. Она оборвалась, когда Юргенсон проверял исправность новых лампочек.

2571 год нашей эры, февраль.

Перемены происходили медленно. Сначала Дуглас ничего не замечал. Дни шли за днями, и Дугласу стало казаться, что его мысли сделались яснее. Непонятно, отчего он становился умнее. Все, что беспокоило его... имело общую причину. Наверняка. Требовалось выяснить эту причину.

Служащие Дугласа приходили на работу в десять и уходили домой в четыре. Обычно Дуглас вместе со всеми шел на стоянку автомобилей, стараясь не выделяться из толпы, и раскланивался с теми, кто говорил «до свидания». В четверг первого февраля Дуглас не ушел с работы. Он кивнул, когда личная секретарша напомнила ему, что рабочий день закончился: он машинально улыбнулся ей, когда она попрощалась с ним. Потом он сел.

Городской шум не мешал ему. В кабинете Хукера была устроена звукоизоляция, освещение не зависело от солнечного света, ложные окна выходили на иные миры,

к каждому из которых подлетал корабль с водородной ловушкой производства фирмы «Скайхук Энтерпрайзес». Посетителей это впечатляло, а Хукер мог забыть обо всем.

Он думал о том, что в его жизни сложилось не так.

У него нет друзей.

У него нет увлечений. Он хотел завести хобби, но выяснилось, что он терпеть не может игры. Он очень обижался, проигрывая, и всегда разочаровывался в игре раньше, чем успевал достичь мастерства, достаточного, чтобы выигрывать...

В его жизни были только работа и Дворец. Это был дом терпимости, слывший очень уважаемым и дорогим. Если бы Хукер умел играть... но он этого не умел. Он отправлялся во Дворец, когда это требовали его гонады, и уходил, когда они успокаивались. Мало кто из девушек знал его по имени.

Работа полностью состояла из привычек. Он скользил по жизни как во сне, и снилось ему все время одно и то же — легкое поражение. Так было много лет. Началось это...

Когда его оставила Кларисса? Он злобно оскалил зубы. Если причина в этом, он разыщет ее, где бы она ни скрывалась! И дети, ради которых она предала его... Нет. Он помнил минуты радости, светлые дни жизни, которые случались и после ухода Клариссы.

То Рождество в компании сослуживцев, несколько десятков лет назад. Увлечшись чьей-то идеей, они не расходились до трех часов утра, собирая из остатков материала робота. Тело сделали из пенопласта, используемого в аварийных системах кораблей с водородными ловушками. Робот весил не больше двадцати фунтов, если не считать двадцати фунтов металлической начинки, а ростом был в двадцать футов. Ему сделали большие плоские ступни и грубое страшное лицо. Да, это придумал Грег: он подал идею, он же предложил и техническое решение. Робота оставили на тротуаре 217-й улицы, на движущейся дорожке, бегущей на запад, и запустили на восток, так что он стоял на месте, отсчитывая время. Сотрудники «Скайхука» дождались семи утра, когда в автоматический ресторан, расположенный неподалеку, стали сбегаться посетители. Какая поднялась суматоха!

Леффлер?

Конечно, Леффлер! Он дождался, пока Дуг попадет в

полную зависимость от него, и уехал. Чертовски просто! С тех пор Дуг не знал ни минуты настоящей радости.

Губы Хукера подобрались, обнажая зубы. Ноздри раздулись и побелели. Как просто! Почему он не понял этого раньше? Леффлер преследовал его все время, с самого университета, не давая возможности завести собственных друзей и жить по своему разумению. Многолетний заговор, который осуществился, лишь когда Дугласу исполнился шестьдесят один год. Но теперь, теперь, когда его глаза раскрылись, ему понятна вся подоплека этого плана. Водородная ловушка — только часть его. Из-за нее работа была очень сложной и многогранной и отнимала у Дугласа все время. Очень хитрая ловушка. Интересно, Кларисса участвовала в заговоре? Наверное. Впрочем, точно ничего сказать нельзя. Но... С Клариссой его познакомил Грег, не так ли?

Дуг откинулся на спинку стула. Его лицо сделалось почти спокойным. Клариссу, где бы она ни была, не стоит впутывать в это дело. Она пешка, король — Грег. Грег Леффлер должен умереть.

Далеко за полночь Дуглас принял решение. Секретарша давно ушла: он недоумевал почему, пока не сообразил, который час. Он справится один, он умеет обращаться с лентой. Дуглас продиктовал заявку на покупку одного корабля по стандартной цене. Цель: покинуть Землю (он не сказал, куда направляется, — Леффлер мог оставить шпионов где угодно). Он запечатал ленту в конверт и опустил в почтовый ящик по пути домой.

Грег получит ответ через три дня. К понедельнику у Дуга будет скайхуковский корабль, а тогда...

— Привет, трудяги! — сказал Дуглас Хукер, входя в административный корпус. Отряд секретарей хором ответил на приветствие. Они не заметили в нем ничего необычного. Он всегда ходил так: быстро, чуть торопливо, глядя прямо перед собой, отвергая дружбу еще до того, как ему ее предложат.

Он вошел в кабинет, протянул роботу руки, подержал минуты две и отнял. Нужно вызвать Юргенсона, подумал он и усмехнулся: какая обыденная мысль! Есть дела и поважнее. Где этот конверт со штампом Объединенных Наций?

Вот он. Дуглас вскрыл его, вынул кассету размером с кредитную карточку и вставил в настольный магнитофон.

Отказ потряс его до глубины души. Он прокрутил ленту еще раз, не желая верить услышанному, потом еще раз. Все верно: ему отказали.

Выводы напрашивались ужасающие. У Дуга было три дня на размышления, и с каждым часом сущность заговора Леффлера становилась все понятнее. Все большее число людей оказывалось втянутым в заговор. Леффлер не справился бы с такой работой без посторонней помощи.

Но никогда Дуг не думал, что и правительство станет участником заговора!

Нужно быть очень осторожным. Возможно, он уже выдал себя.

2571 год нашей эры, февраль. Восточный Нью-Йорк.

Кто-то украл корабль производства «Скайхук Энтерпрайз».

Вскоре после обеденного перерыва зазвонил телефон, и хорошенькая женщина, назвавшаяся личным секретарем президента фирмы, испуганно сказала:

— Это был корабль мистера Хукера. Он хотел разработать новую модель и заказал рабочую модель корабля той марки, которую сейчас выпускает его фирма. Сегодня утром корабль пропал.

Лофери спросил:

— На нем были газовые ускорители?

И подумал: конечно, были. Без них он не взлетел бы, то есть взлетел бы, но расплавил бы весь Канзас-Сити. А может, его тащил буксир?

— Были.

— Зачем?

— Мистер Хукер заказал рабочую модель в полном снаряжении.

— О Боже! — Лофери почесал затылок.

«Вот идиот! Рабочая модель ему понадобилась, да?»

А теперь в космосе дрейфует корабль с термоядерным двигателем. Отключить парочку предохранительных реле, снять с двигателя щит — и корабль превратится в термоядерную бомбу.

— Мы сейчас вышлем к вам людей. Мистер Хукер на месте?

— Он сегодня не выходил на работу.

— Ладно, дайте мне его домашний адрес. Когда он появится, скажите, чтобы сразу же позвонил нам.

Разрозненные факты постепенно стали складываться в стройную картину.

Во-первых, «Скайхук». Территория хорошо охраняется. Едва ли кому-то удалось бы проникнуть туда незамеченным. Охрана осуществляется не людьми, а роботами, и всякое несанкционированное вторжение было бы десятки раз сфотографировано. Автоматика должна была подать сигнал тревоги.

Во-вторых, звонили с Белта. Несколько миллионов человек владеют половиной Солнечной системы и контролируют политическую власть, сравнимую с Объединенными Нациями. Они возмущены. С Земли взлетел корабль с термоядерным двигателем без соответствующего предупреждения и теперь буравил космос, стремясь к окраине Солнечной системы и игнорируя лазерные сигналы. Лофери пообещал возместить убытки. Больше он ничего не мог сделать.

Хукера нигде не могли найти. Если он и был дома, то не отвечал на телефонные звонки.

Вернулись газовые ускорители. Люди Лофери сразу же занялись ими, ища следы преступления. Вторичное прохождение сквозь атмосферу не уничтожило отпечатки пальцев на их блестящих поверхностях. Среди многих отпечатков были отпечатки пальцев Хукера.

Лофери попросил у начальства ордер на обыск квартиры Хукера. Похоже было, что Хукер сам у себя украл корабль.

Двадцать седьмого числа, ближе к вечеру, кто-то нашел заявку Хукера на покупку корабля с водородной ловушкой. По ряду веских причин заявка была отклонена. Во-первых, Хукер не назвал ни цели полета, ни пункта назначения. Во-вторых, Объединенные Нации не слишком охотно раздавали желающим корабли с термоядерными двигателями, а Хукер...

Лофери почувствовал, как волосы встают дыбом. Хукер — потенциальный параноик.

В этот вечер появился Юргенсон. К этому времени

Лофери уже был в Канзас-Сити. Он решил сам расспросить Юргенсона.

— Он принимал слишком много этой гадости, — сказал Юргенсон, кивая на знакомые пузырьки, сейчас совершенно пустые. — Это нехорошо. Я знал многих людей, которые принимали такую же дрянь. Если им ее не давать, у них что-то расстраивается в голове. Когда у них неприятности, они принимают больше лекарств.

— Есть ведь сигнальная лампочка.

Юргенсон хрустнул пальцами:

— Я во всем виноват. Я вставил плохую лампочку. Но она работала, когда я поставил ее. Не понимаю, почему она не горела после.

— Какой врач лечил Хукера?

— Врач-человек? Не знаю. Может, мисс Петерсон знает.

Лофери спросил мисс Петерсон.

Тем временем был подготовлен ордер на обыск. На Земле высоко чтили неприкосновенность личности. Такой ордер был не то что рекламная листовка. Выяснилось, что Хукер жил под крышей небоскреба в центре Канзас-Сити.

Он оставил дома письмо, очень длинное. Там говорилось, что, поскольку у Хукера нет друзей и определенной цели в жизни, он решил провести остаток дней по-своему. Он отправляется на край Вселенной. Нет, он не рассчитывает на успех. На корабле с термоядерным двигателем можно жить неопределенно долго, но это не значит бесконечно. И все же он решил попробовать.

Такое письмо мог продиктовать вполне здоровый человек. Синтаксис был в порядке, голос звучал спокойно. Безумной была лишь цель Хукера. Но он признанный сумасшедший, ведь так?

Лофери снова позвонил на Белт. Корабль Хукера уже вышел за пределы внутренней системы и был настолько далеко от Белта, что наблюдение за ним можно было прекратить. Едва ли чей-то путь пройдет через огненный выход корабля, прежде чем он рассеется. Да, корабль действительно направляется к краю Галактики.

Немного отклонился от курса, подумал Лофери. Надо было посоветовать Хукеру лететь вдоль оси Галактики: там меньше опасность во что-нибудь врезаться. Наверное, Хукер об этом не подумал.

Волнение постепенно успокаивалось. У Лофери было много других дел. В деле Хукера он мог предпринять только одно. Вот что он придумал однажды.

— Проследите за Хукером, — попросил он сотрудников Политического Отдела Белта. — Мы вам за это заплатим сколько потребуется. Я хочу знать, не повернет ли он назад и не направится ли к какому-нибудь необитаемому миру.

Рано или поздно это случится, думал Лофери. Хукер со временем обратится к корабельному роботу-врачу. Вот и все. Робот вылечит его, а тогда Хукер либо вернется на Землю, чтобы предстать перед судом за похищение корабля с термоядерным двигателем, либо отправится в одну из колоний. Скорее всего, он выберет последнее. Похищение термоядерного двигателя — одно из самых тяжких преступлений на Земле. Впрочем, можно было бы договориться: простить Хукера, если он вернет корабль.

Через три недели пришло известие: фотохимическая телеграмма о том, что корабль Хукера повернул к Тау-Сити. Лофери признал, что Плато — хороший выбор.

В течение двух столетий население Плато страдало оттого, что нечем было пополнять банки органов, но потом ученые-аллопластологи разработали методику присадки чужеродных материалов к органам человеческого тела. Через это прошли все населенные миры. Самое ужасное было то, что существовал единственный способ добычи материала для пересадок.

На Плато немногочисленные представители правящего класса решали вопрос жизни и смерти своих подданных. Жизни, потому что, имея доступ к банку органов, человек может жить вечно. Смерти, потому что за любое преступление можно казнить, если запасы органов в банке истощаются. Население не протестовало: все хотели жить вечно.

Потом появилась аллопластология. На Плато не стало банков органов и смертной казни.

Лофери отправил на Плато лазерную телеграмму, предупредив местные власти, что на их планету вскоре сядет похищенный корабль. Он не знал, что прибудет на Плато раньше: корабль или телеграмма. Корабли с термоядерными двигателями летают быстро.

Март 2571 года нашей эры по корабельному времени.

Корабль летел сам. Все, что требовалось от Дуга, — не входить в плоскость Белта, а через две недели взять курс на Тау-Сити. Две недели Дуг летел, направляясь в никуда. Он оставил такое письмо, что полиция должна поверить: у него нет определенной цели, он летит в неизвестность и больше не вернется.

Дуглас следил, не появится ли поблизости золотистый корабль белтской полиции, читал и перечитывал инструкции, знакомясь с корабельной техникой. Только выйдя за орбиту Плутона, он немного успокоился.

Насколько он мог судить, за ним никто не гнался. Впрочем, никакая погоня не могла бы его остановить: нельзя остановить корабль в космосе. Его можно только уничтожить, но Дуглас в это не верил. Он вырвался из многолетнего плена, теперь ему предстоит... долгое ожидание. До Тау-Сити одиннадцать целых девять десятых светового года. При той скорости, которую со временем разовьет корабль, полет займет меньше субъективного времени, но все же...

Он нахмурился. Давно уже он не обращался к роботу-врачу. Глупо было бы заболеть и умереть сейчас, когда отмщение превратилось в реальность.

Хукер забрался в саркофаг и заснул.

Робот пришел к выводу, что необходимо коренным образом изменить обмен веществ пациента. Хукер проснулся со странным чувством. Он не узнавал самого себя. Это было страшно. Дуглас казался самому себе тугодумом и тупицей. Он не помнил, за что хотел убить Грега. Он помнил только, что друг всей его жизни причинил ему величайшее зло. «Может быть, стоит вернуться? — подумал он. — Нет, нельзя: он кончит в банке органов в наказание за похищение корабля».

А если отправиться в другую колонию? Этот вопрос поставил Дугласа в тупик. Все вопросы, которые он задавал себе, ставили его в тупик. Что бы там ни было, Плато — самая верная ставка. Это единственный мир, в котором нет смертной казни. Если там решат, что он совершил преступление, его станут лечить.

Голова гудела. В самом деле, нужно лечиться. На корабле хороший робот, он вылечит любую болезнь.

Хукер летел все дальше.

Время шло, а с Хукером происходили странные вещи. Он продолжал держать зло на Грега Леффлера, он не мог избавиться от навязчивой мысли; он трясся от

ярости, когда она приходила ему в голову. Заговорщики испортили робота!

Нет, больше! Однажды, давно, Грег Леффлер и его приспешники испортили всех роботов-врачей на Земле. Всю жизнь Дуглас Хукер лечился с помощью роботов. И всякий раз, как он обращался к роботу, тот околдовывал его тело и душу, делая Дугласа покорным.

Что же делать? Его жизнь зависит от робота.

Через несколько дней Хукер справился со своим страхом, а может, просто привык к нему. Он принялся за работу. У него была толстая инструкция по ремонту робота. Хукер выучил ее наизусть. Подготовившись таким образом, он стал разбирать робота на части. Трудно было решить, что нужно отключить. Тогда Хукер подошел к задаче с другой стороны: чего не стоит отключать. Обезболивание, гигиенические процедуры: маникюр, стрижку, массаж. Нужно оставить витамины, антибиотики, диагностические процедуры и хирургические — кроме операций на голове. Их никак нельзя оставить. Противохолестериновые препараты, синтетические компоненты крови, аллопластические процедуры и инструменты...

Через два месяца работа была закончена. Робот уже не сумеет влиять на рассудок Хукера. И все же Хукер его боялся.

Однако он лег в саркофаг. Да, он сумасшедший, но не глупый.

Проснувшись, он понял, что роботу можно доверять.

2583 год нашей эры, август. Плато.

Плато светилось в безмятежном небе, словно капелька серебра. Хукер остановил корабль неподалеку от планеты, но не слишком близко, и на какую-либо определенную орбиту ложиться не стал. Он принялся исследовать планету, отыскивая Гору.

Он никак не мог ее найти. Хукер развернул корабль, чтобы сделать виток вокруг планеты. Какая досадная задержка для нетерпеливого человека! Ему пришлось в голову включить радио. Он отключил его, потому что полиция Плато постоянно пыталась передать ему свои распоряжения. Теперь он решил воспользоваться радиосигналом для ориентации в пространстве.

— ...вызывает Дугласа Хукера. Дуглас Хукер, ответьте, пожалуйста. Чем мы можем вам помочь? Объединенные

Нации передали, что вы летите на похищенном корабле. Это верно? Чтобы приземлиться, вам понадобится корабль-буксир. Выберите, пожалуйста, определенную орбиту, чтобы мы могли найти вас. Дуглас Хукер...

Хукер нахмурился, разглядывая в телескоп серебряное поле. Вот здесь, если верить приборам, должна быть Гора. Где же она?

Ну конечно, ее заслоняют облака. Там, наверное, дождь или туман.

Хукер улыбнулся и стал спускаться.

Он быстро погружался в туман, окружающий Гору. Если на него направлены радары, то его уже засекали, но что они могут сделать? К нему не может приблизиться ни один пилотируемый аппарат. Поле водородной ловушки так же смертоносно, как и раньше; от него не страдает только «мертвое пространство». Нужно всего-то включить ловушку.

По радио ничего не слышно. Значит, в его направлении ничего не передают. Хорошо. Он находится где-то рядом с Горой.

Около года назад по корабельному времени он встретил лазерную телеграмму Леффлера. Она была сладкоречиво-дружественной, наверное Леффлер хотел усыпить бдительность Хукера. Однако он допустил серьезную ошибку: послал фотографии своего дома и усадьбы.

Новый дом напоминал тот, в котором Леффлер жил на Земле. Он был большой, и не просто большой, а с претензией, и очень хорошо сочетался с ландшафтом. Леффлер больше не жил на скале. Он выбрал для жилища место на холмистой равнине, в нескольких сотнях футов от обрыва. С другой стороны границей усадьбы служила река. За тысячи лет река прорыла в породе каньон, который падал в обрыв.

Хукер продолжал погружаться в туман. Двигатель, наверное, светится, как адово пламя, но толстый слой тумана должен ослаблять свет. Хукер направил корабль к невидимой Горе и стал медленно к ней приближаться.

Нужно найти водопад.

Его можно не увидеть на этой высоте. Может быть, он разбрызгивается и испаряется высоко вверх.

Что-то черное и бесформенное замаячило на более светлом фоне. Загудел радар. Впереди было что-то черное и большое, бесконечно огромное. Хукер подал корабль назад и увеличил тягу двигателя. Корабль рванулся вверх. Выше, выше. Туман стал редеть, и Хукер впервые в

жизни увидел отвесный склон Горы. Гора была огромна. Ни сверху, ни внизу, ни справа, ни слева не видно было границ. Как будто Хукер оказался на планете с вертикальной поверхностью.

Проведя четыре часа в безуспешных поисках, пилот первого корабля колонистов увидел Гору, вдруг выросшую посреди белой пушистой равнины. Ну и гора, ахнул он, как будто его ударили в живот. Это случилось четыреста лет назад.

Хукер направил свой корабль вдоль желобчатого бока Горы. Туман под кораблем кипел и булькал. Показалось большое, мягкое солнце планеты. Тау-Сити меньше и холоднее земного Солнца, поэтому Плато в поисках тепла подобралось к звезде поближе, и с его поверхности она кажется больше Солнца. Впрочем, Хукер провел в полете четыре года по корабельному времени и забыл, как выглядит Солнце

Вверху слева водопад. Хукер направился туда.

Корабль поднялся над краем обрыва. Внизу растянулось Плато. Хукер сбавил скорость и огляделся.

Он злобно зарычал: это оказался не тот водопад.

Дуглас не увидел на Плато космических кораблей, зато там было множество автомобилей всевозможных цветов. Большая часть их стояла на земле. Вот и дома, очень большие. Дом Леффлера должен быть средних размеров. Неудивительно, сам себя пристыдил Хукер, здесь больше места. Неужели он знал? И прячется от меня?

Кажется, этот.

Хукер опустил ниже. Большой округлый дом, похожий на огромный валун с нарисованными окнами. Вот река... вот обрыв.

Точно! Но дома ли Леффлер?

Неважно. Хукер развернул корабль кормой вниз и установил его над домом. Включил двигатель, и дом утонул в пламени.

Хукер засмеялся.

— Разве так прячутся, — кричал он. — Грег, ты уже умер? Если нет, я найду тебя, где бы ты ни скрывался!

Все еще смеясь, он прибавил скорость и поднялся в небо. Под ним было озеро кипящей лавы.

Ему нужно было попасть в город. Там, в архивах, можно выяснить, где сейчас Леффлер.

Правда, придется быть осторожным. Леффлер оплел сетью заговора всю Землю. Хукер не знал, сколько на

это потребовало времени, но на Плато Леффлер живет больше двенадцати лет и, наверное, успел поработать

По радио раздался какой-то звук.

Ничего подобного Хукер раньше не слышал. Звук был громкий и очень страшный. Хукер потянулся к радио, чтобы выключить, но рука остановилась на полпути. Тело не повиновалось ему. Хукер откинулся на спинку кресла. Странное, умиротворенное выражение появилось на его лице. Через некоторое время чей-то голос начал отдавать приказы. Хукер подчинился.

— Хорошо, что у него работало радио.

— Да, иначе он уничтожил бы весь этот мир. Ненавижу термоядерные двигатели. Давай-ка приземлим его. Я звоню в больницу.

— Чей это был дом?

— Не знаю. Будем надеяться, что в нем никого не было. Пожалуйста, приземли его. Когда он привыкнет к звуку, он выключит радио, и что тогда от нас останется?

2584 год нашей эры, апрель. Больница Плато.

Работа заканчивалась в пять часов. Хукер ужасно устал. Его цепь сажала деревья там где специальная плесень нарастила достаточный слой почвы. Какую-то часть работы выполняли машины, но в основном работали руки каторжников.

Посадка деревьев приносила Хукеру удовлетворение. Даже когда он был президентом «Скайхука», он не чувствовал себя столь полезным человечеству.

К обеду он устал, как собака, и съедал обед с волчьим аппетитом. Когда обед заканчивался, усталость проходила. Хукер шел в свою комнату и читал до восьми часов.

В восемь начинался сеанс психотерапии.

— Я все время думал... — сказал он врачу. — Я хочу знать, убил ли кого-нибудь.

— Зачем?

Слова застряли у Хукера в горле. И раньше, на других сеансах, этот вопрос ставил его в тупик. Он не знал, как на него ответить. В этот раз он выжал из себя хоть какой-то ответ:

— Я хочу знать, какова степень моей вины.

— Вы знаете, что пытаетесь сделать. То, что вы сделали, уже сделано. Чувство вины ничего не изменит.

— Не уверен. Если я не должен чувствовать себя виновным, почему я в тюрьме? Не говорите, что это больница. Я знаю, что это больница, но это еще и тюрьма.

— Да, тюрьма.

Он убил четверых. Джоанну Леффлер, ее дочь, зятя и внука. Грег Леффлер был в это время в другом месте. Хукеру сказали об этом только через год.

2585 год нашей эры, июль. Среди звезд.

— Дуг!

Хукер вздрогнул.

— Дуг, это Грег! — завопило радио. — Отвечай!

Хукер колебался недолго. Случилось то, чего он так боялся. У Леффлера лазерный передатчик с определителем направления. Хукер приказал автопилоту проследить направление сигнала. Радио не стало ждать.

— Отвечай, черт тебя возьми! Ты знаешь, что мне нужно!

Что это с Грегом? Как он может требовать немедленного ответа? Лазерному лучу потребуется несколько часов, чтобы покрыть расстояние до Плато. Хукер беспокойно заерзал на сидении. Автопилот загудел, и Хукер ответил:

— Я слушаю тебя, Грег! Я не могу с тобой говорить. Я улетел с Плато, потому что не мог встретиться с тобой. Я очень сожалею о том, что произошло.

А голос Грега продолжал:

— Почему ты не отвечаешь, Дуг? Наверное, ты думаешь, что я собираюсь убить тебя?

Хукер подпрыгнул в кресле. Господи!

Вдруг ему все стало до боли ясно. Леффлер, который кричал в лазерный передатчик, забыв о расстоянии в световой год, был безумный Леффлер.

Тау-Сити горела в кормовом телескопе, как белый костер. Тусклого вундерлендского солнца отсюда не было видно. Хукер включил водородную ловушку: сложный агрегат, управляемый в основном автопилотом. Встал и принялся мерить шагами комнату.

— Трусливый убийца... — Речь Леффлера преврати-

лась в поток непристойностей. Поначалу высказываемые им обвинения были справедливы, но со временем стали совершенно неправдоподобными. Хукер слушал, пытаясь измерить глубину безумия Леффлера. Вот еще одна гиря на чаше его вины.

Почему его никто не остановит? Лазерный передатчик очень мощный, при передаче всегда происходит утечка излучения. Наверняка на Плато все это слышно по радио.

И где он взял лазерный передатчик? На радиостанции Плато вход посторонним воспрещен. Но у Грега корабль с лазерным передатчиком. Точно такой корабль, как этот.

Почти невозмутимый, Хукер сел к пульту управления. Подключил экран автопилота к кормовому телескопу. Тау-Сити ярко горела чуть в стороне от центра. Хукер установил ее в центре и принялся увеличивать. Экран стал бело-желтым, а у его верхнего края появилась голубая точка, стремящаяся вырваться за пределы экрана. Хукер, поместив ее в центр экрана, увеличил ее. Темно-голубое сияние и черная точка в середине.

Леффлер гнался за ним.

Хриплый голос Леффлера вдруг умолк. Раздался его смех.

— Я тебя обманул, — сказал Леффлер неожиданно спокойно.

Экран осветился красным.

«Проклятье, — подумал Хукер, — он действительно обманул меня». Оптика телескопа не пропустит больше света, чем может выдержать человеческое зрение, но есть датчик, регистрирующий мощность света, падающего в объектив. Сейчас он показывал максимальное значение. Леффлер использовал лазерный передатчик как оружие. На максимальной мощности передатчик мог послать четкий сигнал через всю Солнечную систему, а Леффлер направлял луч на объект, находящийся на расстоянии нескольких световых часов.

«Он может меня убить, — подумал Хукер, — за просто».

Это не будет мгновенно. Леффлер стрелял в ту часть корабля, которая была рассчитана на то, чтобы годами выдерживать пламя термоядерной реакции. Но со временем корабль оплавится.

Грег ликовал:

— Я сожгу тебя, Дуг! Точно так же, как ты сжег Джоанну, Марсию, Тома и маленького Грега! Но медленнее! Медленнее... — и снова проклятия.

Показания приборов росли. Стрелки термометров и датчиков потребляемой энергии подбирались к красным секторам, которых никогда не должны были даже касаться.

Дуг Хукер потерял глаза. Он ждал озарения, но оно не приходило. Стрелки коснулись красных границ, зазвенели звонки. Хукер выключил их. Через некоторое время он вышел из зала управления, спустился по лестнице и лег на массажную кушетку.

«Он хочет убить меня». Мысль показалась нереальной. Ее оттеснило удовольствие, которое давал массаж.

«Я хотел начать новую жизнь. Я хотел улететь куда-нибудь и начать все сначала». Кушетка крепко и ласково обнимала его.

«А он не дает. Он хочет меня убить. Он имеет на это право.

Пусть убьет.

Нет».

От кушетки было нелегко отбиться: она еще не закончила процедуру. Во время массажа человек должен пребывать в пораженческом настроении, иначе срабатывает инстинкт самосохранения и человек напрягается. Однако Дуг выкарабкался из нежных, но крепких объятий и поднялся по лестнице в зал управления. Он даже не стер с кожи массажный крем.

«Человек, на которого нападают, имеет право защищаться. Я искупил вину за свое преступление».

Дуг сел к пульту управления, повернул ключ в скважине и открыл дверцу. Под ней были аварийные выключатели. Один из них отключал сигналы тревоги, другой подавал к приборам и механизмам дополнительное питание, три остальных включали последовательность процедур, в результате которых корабль распадался на части, если откажет двигатель или водородная ловушка. Все эти выключатели имели приоритет перед командами автопилота.

Дуг повернул один из выключателей и закрыл дверцу. Потом повернул другой выключатель до упора.

Его лазер еще раньше был сфокусирован на корабле Леффлера. Теперь он начал излучать.

Хукер отключил термоядерный двигатель, чтобы не так разогревалась корма корабля. Преимущество было на его стороне. Он стрелял леффлеровскому кораблю в нос, где корабль менее всего защищен. Большую часть излучения примет на себя массивная, почти неуязвимая

водородная ловушка, но жизненное пространство шире нее, и ему тоже достанется. Постепенно его стены расплавятся.

Хукер убьет Леффлера раньше, чем Леффлер убьет Хукера.

Дуг вернулся на кушетку. Он чувствовал ужасную усталость.

В жизненном пространстве стало жарко — невыносимо жарко. Когда Дуг почувствовал, что не может больше терпеть, он поднялся в зал управления, чтобы повернуть еще один приоритетный выключатель. Теперь система охлаждения получит дополнительное питание и будет работать, пока не перегорят реле или шины. У панели управления он обнаружил, что это лишнее. Красное сияние исчезло с экрана кормового телескопа. Лазер Леффлера выгорел или потерял цель.

А корабль Леффлера все еще летел вслед за Хукером. Хукер отключил лазер и включил двигатель. Он летел к Вундерленду, а Леффлер — за ним.

2589 год нашей эры, ноль часов по корабельному времени.

Поворот. Леффлер по-прежнему летит сзади. Хукер давно решил, что у Леффлера перегорел лазер. Он посылал Леффлеру сообщения, но тот не отвечал.

И вот Хукер снова включил лазер.

— Грег, — сказал он, — ты гонишься за мной три с половиной года. Наверное, ты хочешь разделаться со мной на Вундерленде. Ты имеешь право подать на меня в суд. Но сейчас время поворачивать — наверное, ты сам это заметил, — и я собираюсь повернуть. Пожалуй-ста, поверни и ты.

И включил гироскоп, чтобы развернуть корабль.

Хукер был в здравом рассудке, насколько это было возможно стараниями робота. За три с половиной года он почти забыл о Леффлере или, по крайней мере, стал воспринимать его как неизбежное, но переносимое зло. И еще: у Леффлера есть робот-врач. Наверное, Леффлер прибегал к его помощи. Робот не может сохранить человеку разум в момент серьезного потрясения, но Хукер надеялся, что, по крайней мере, Леффлер накажет его силой закона, а не оружия. Закон накажет Хукера,

пусть даже повторно за то же преступление, но закон и защитит его.

Он спустился к Вундерленду кормой вперед.

В носовом телескопе показалось пятнышко света. Хукер ждал, когда оно повернет. Пятнышко было маленькое, потому что Леффлер сильно отстал от Хукера в гонке к Вундерленду. Ловушка Хукера перехватывала у Леффлера часть горячего, потому что Леффлер летел за Хукером вслед.

Через несколько часов пятнышко повернуло. Леффлер получил сообщение или заметил, что Хукер повернул. Пятнышко превратилось в линию, затем снова в пятнышко.

В центре его по-прежнему была черная точка.

— Нет! — сказал Хукер.

Но в центре голубого пятна чернела точка.

— Нет, ты не туда летишь! Поворачивай, идиот!

Корабли летели, повернувшись друг к другу носами.

Хукер поспешно развернул корабль носом вперед. «Как же я не догадался, — подумал он. — Леффлер хочет столкнуться. Когда я ускоряюсь в сторону, он делает то же самое, потому что иначе я могу обойти его. Но он не дает мне возможности замедлиться.

Если я окажусь от него на расстоянии трехсот миль, его водородная ловушка...»

Положение было безвыходное. Леффлер не мог догнать Хукера, а Хукер не мог оторваться от Леффлера. Но только Леффлер мог прекратить гонку.

2590 год нашей эры, ноль часов по корабельному времени.

Лофери прилетел на Плато на корабле для колонистов. В те дни Земля нередко организовывала односторонние рейсы к колонизируемым мирам, чтобы избавиться от избыточного населения. Лофери исполнилось шестьдесят лет, и он, решив, что довольно ему работать на Объединенные Нации, воспользовался приглашением.

Он мог выбрать любой из колонизируемых миров, но выбрал Плато, потому что его привлекал социальный строй этой планеты. Он хотел даже стать там адвокатом.

— Это непросто, — сказал ему полицейский. Лофери остановил его по дороге со службы домой и пообещал обед и выпивку в обмен на информацию о работе.

— Наши законы не так сложны, как на Земле,

насколько я могу судить, но вам будет трудно понять этику, на которой они основаны горцами.

— Горцами вы называете жителей Плато?

— Ну да, точно так же как жителей Земли все называют брюхошлепами, а жителей Нашего-Успеха — разбейносами.

— Мы говорили об этике.

— Хм, — полицейский почесал в затылке. — Вот что я вам скажу. Архив еще открыт. Пойдемте, я приведу вам пример.

Ему три раза пришлось открывать электронный замок, чтобы добраться до стеллажей с документами. Среди стеллажей он огляделся, оценивающе поджав губы.

— Начнем с самого простого, — сказал он и вытащил из ящика кассету. — Давайте прокрутим вот это.

Прокрутили.

— Хукер! — сказал Лофери. — Я его помню. Я еще посылал предупреждение насчет него. Я думал, что робот его вылечит. Значит, я так же виновен, как он.

Полицейский взглянул на Лофери очень холодно:

— Вы могли его остановить?

— Нет. Но я мог сформулировать предупреждение более резко.

— Ну да, если уж оно было. Итак, вам понятна логика, согласно которой Хукеру вынесли приговор?

— Боюсь, что нет. Он был приговорен к двум годам заключения — за убийство по неосторожности — плюс психотерапевтическое воздействие. Кстати, на Земле психотерапия — забытое искусство. Я не спрашиваю, почему ему дали только два года, я хочу знать, почему «убийство по неосторожности».

— В этом вся соль. Убийство не было преднамеренным, ведь так?

— Я бы сказал, было.

— Он был не в своем уме, а это смягчающее обстоятельство.

— Тогда почему его вообще наказали?

— Его наказали за то, что он позволил себе сойти с ума. Он знал, что он потенциальный параноик, и все, что от него требовалось, — пользоваться услугами медицинского робота. А он этого не делал. В результате погибли четыре человека. Убийство по неосторожности.

Лофери кивнул. Голова шла кругом.

— Здесь нет того, что произошло потом. Леффлер попытался убить Хукера.

— Вот как?

— Хукер улетел на корабле с водородной ловушкой. Леффлер полетел за ним. Они устроили дуэль на лазерных передатчиках. Давайте предположим, что Хукер победил в этом бою и убил Леффлера. Как это назвать?

— Самозащита.

— Вовсе нет. Преднамеренное убийство.

— Почему же?

— Леффлер сошел с ума. Это произошло как прямое следствие преступления Хукера, а не по собственной вине Леффлера. Хукер мог спастись бегством, или позвать на помощь, или уговорить Леффлера обратиться за помощью к роботу. Он не должен был принимать вызов. Если бы он убил Леффлера, то получил бы пятьдесят лет за преднамеренное убийство.

— Наверное, лучше мне стать фермером. Что было потом?

— Я не знаю. Никто из них не вернулся на Плато.

120 000 (приблизительно).

Пятьдесят лет?

Как взмах комариного крыла.

Долгая погоня подходила к концу. Поначалу Хукер значительно опережал преследователя, потому что в водородную ловушку к Леффлеру попадало меньше водорода, чем к Хукеру, ведь корабль Хукера летел первым. В какой-то момент расстояние между кораблями составляло несколько световых лет. Но вот корабль Хукера достиг предельной скорости, и корабль Леффлера стал настигать его.

У корабля с термоядерным двигателем и водородной ловушкой должен быть предел скорости. Когда скорость выхлопа термоядерного двигателя сравнивается со скоростью поглощения ловушкой межзвездного водорода, скорость движения корабля перестает расти. Хукер достиг этого предела десятки тысяч лет назад. Его преследователь тоже.

Но корабль Леффлера использовал водород, который проскочил сквозь ловушку Хукера. Эти молекулы не так сильно бились о ловушку Леффлера, потому что их скорость была погашена столкновением с кораблем Хукера.

Леффлер догонял Хукера.

Еще несколько десятилетий — и погоня закончится.

Одно время Хукер надеялся, что Леффлер остановится и повернет назад. Он должен понять, что ему не догнать Хукера. Но год тянулся за годом, и каждый год полета означал, что к пути на Вундерленд прибавляется еще четыре года. Перед тем как лететь домой, нужно погасить скорость, а на это потребуется столько же времени, сколько и на ускорение. Два часа в день Хукер проводил у экрана телескопа, глядя, как мимо год за годом ползут звезды, и ожидая, что Леффлер повернет назад.

Годы растянулись в десятилетия, в столетия, а Хукер по-прежнему по два часа в день сидел у экрана кормового телескопа. Впереди уже не видно было звезд, только мутные пятна галактик, а звезды, оставшиеся позади, с виду напоминали створожившееся молоко. Когда столетия превратились в тысячелетия, Хукер перестал надеяться, что соперник отпустит его. И все же он проводил два часа в день по корабельному времени у экрана телескопа, глядя, как летит прочь от него Галактика. Он стал человеком привычки. В течение нескольких сотен лет его не посетила ни одна свежая мысль. Корабельные часы управляли всей его жизнью. По их сигналу он шел в кухню, ложился в саркофаг медицинского робота, отправлялся в гимнастический зал, спальню, ванную. Он был похож на одного из первых роботов, которые работали по циклическим программам и не могли отвечать на внешние раздражители.

Он напоминал скорее старого робота, чем старого человека. Издали ему можно было дать и двадцать лет. Робот-врач следил за его здоровьем, но были вещи, которых робот не в силах был изменить. Когда создавался робот, самому старому человеку на Земле было немногим меньше четырехсот лет. В «Москоу Моторс» не знали, что нужно человеку, когда его возраст измеряется десятками тысяч лет. Лицо Хукера осталось молодым, но это была только видимость: мускулы уже не были способны придать этому лицу какое бы то ни было выражение, а привычки задали вечную программу происходящим в мозгу химическим превращениям.

Гонка уже утратила для Хукера значение. В любом случае он не был способен на оригинальную мысль.

Они летели вверх по оси Галактики. Хукер, глядя в телескоп, видел Галактику анфас. Она была неяркая, но широкая и напоминала густую чернильную лужу, в которую налили разноцветных красок: красной, желтой, голубой, зеленой, но больше красной. Потом в эту лужу,

наверное, сунули палку и все смешали, так что в центре получилась каша из всех цветов сразу — сплошная масса звезд, настолько близко расположенных одна к другой, что не было видно черноты между ними. И все это было тусклое: пыль есть даже в межгалактическом космосе. Почти сто тысяч световых лет пыли заслоняли Галактику от Хукера. Ветви Галактики казались ему почти черными, светлые участки были испещрены черными пятнами — черными дырами и пылевыми облаками. И все было подкрашено тускло-красным благодаря сдвигу Допплера.

Леффлера не было видно.

Пальцы Хукера привычно увеличивали изображение. Галактика, которая до сих пор занимала весь экран, уже не умещалась в нем. Вот стали видны отдельные красные гиганты в центре, большие, каких не встретишь в ветвях. Показалось бело-голубое пятно и стало разрастаться.

Оно росло, пока не заполнило экран. В середине его была черная точка, которая тоже росла.

Хукер смотрел на нее почти час, и наконец в его мозгу шевельнулась мысль. Этого уже давно не случалось, но вот случилось. Возможности памяти Хукера почти исчерпались, но его мозг работал исправно, и он был в здравом рассудке.

«Интересно, сильно ли я его задел?»

Мысль стремилась ускользнуть, но Хукер вцепился в нее, смутно чувствуя, что она может оказаться важной. «Я держал его под лучом лазера несколько часов. Я мог сильно повредить корабль. Я не видел его сбоку и не знаю, что там. Если корабль поврежден сильно, я могу довести дело до конца. Мой-то лазер не перегорел».

Нужно подождать, пока Леффлер подлетит ближе. Мысль ускользнула, но через два дня вернулась. Сильно ли поврежден корабль?

Как это выяснить?

Он думал об этом каждый день. Через полтора месяца он нашел ответ. Нужно повернуть корабль боком, так, чтобы пламя двигателя било горизонтально. Леффлер сделает то же самое, чтобы не дать ему уйти. Тогда можно будет рассмотреть его корабль сбоку.

Он проделал это однажды, пытаясь повернуть к Вундерленду, но Леффлер тогда был слишком далеко и ничего нельзя было рассмотреть. Если попробовать сейчас...

Хукер развернул корабль.

Он сфокусировал на корабле Леффлера один из

боковых телескопов, до предела увеличил изображение и принялся ждать.

Пришло время отправляться в парную. Хукер привстал в кресле, но не мог оторваться от экрана. Леффлер еще не повернул. Корабли были разделены несколькими световыми часами. Хукер заставил себя сесть и вцепился в подлокотники кресла руками. Его охватила дрожь, зубы застучали. Все тело окоченело. Он чихнул.

Некоторое время Хукер дрожал и чихал. Потом все прошло. Время парной закончилось.

Корабль Леффлера начал разворачиваться.

И Хукер понял, почему он так и не повернул домой.

Жизненного пространства не было. Это всегда была самая уязвимая часть корабля. Вечность назад лазер Хукера расплавил жизненное пространство на корабле Леффлера. Остались жалкие обломки, отполированные по краям молекулами водорода, проскочившими сквозь ловушку.

Леффлер умер не сразу. У него было время, чтобы задать автопилоту курс на столкновение с кораблем Хукера.

Леффлер, может быть, давно прекратил бы погоню, но автопилот этого не сделал, потому что не мог.

Хукер выключил экран телескопа и пошел в парную. Он выбился из графика. Несколько лет спустя, когда он пытался восстановить режим дня, поле водородной ловушки леффлеровского корабля накрыло его корабль невидимым покрывалом.

Два пустых корабля понеслись дальше, к краю Вселенной.

роман

Подарок
С ЗЕМЛИ

РОБОТ-РАЗВЕДЧИК

Робот-разведчик был первым из тех, кому довелось увидеть планету Удивительная Гора.

Первыми посетителями всех впоследствии заселенных миров всегда были Межзвездные Роботы-разведчики. Имея неограниченный запас топлива, поскольку источником энергии для них служил рассеянный в космическом пространстве водород, они передвигались со скоростями, приближающимися к световой. В течение многих лет Организация Объединенных Наций направляла своих посланцев-роботов к ближайшим звездам для того, чтобы найти планеты, пригодные для заселения.

Особенность первых Роботов-разведчиков заключалась в том, что они не были слишком разборчивыми. К примеру, робот, направленный к Проциону, совершил посадку на планету Укрошенная весной. Если бы это случилось летом или зимой, когда ось планеты направлена на свою звезду, он бы зафиксировал шквальные ветры, дующие со скоростью тысяча пятьсот миль в час. Робот, направленный к Сириусу, обнаружил на планете Джинкс две небольшие области, пригодные для заселения, но не был запрограммирован на то, чтобы сообщить более подробные сведения. А робот, посланный к Тау Кита, Межзвездный Робот-разведчик № 4, совершил посадку на планете Удивительная Гора.

Единственным местом на ней, пригодным для жизни, было Плато. Остальная часть планеты представляла собой безмолвную выжженную пустыню, не пригодную ни для каких целей. Размеры Плато были гораздо меньше предусмотренных проектом колонизации, но миссия Робота-разведчика № 4 заключалась лишь в том, чтобы обнаружить место, на котором можно было бы жить.

Тихоходные корабли колонистов, которые следовали за роботами, не были рассчитаны на возвращение. Их пассажиры оставались в точке назначения навсегда. И вот таким образом Удивительная Гора оказалась заселенной. Это случилось более трехсот лет тому назад.

Группа полицейских машин, развернувшись веером, преследовала бегущего человека. Он слышал шум, напоминающий жужжание летящих шмелей, у себя за спиной. Только теперь, когда было уже слишком поздно, они включили двигатели на полную мощность. Это позволило им двигаться в воздухе со скоростью сто миль в час, что, конечно, было вполне достаточным, если бы речь шла о простых перевозках, в таком ограниченном пространстве, как Удивительная Гора, но уже не давало никаких шансов выиграть эту гонку: бегущий человек был всего в нескольких ярдах от края пропасти.

Земля под ногами беглеца, казалось, кипела от выстрелов. В конце концов Специальная полиция все же решилась повредить его тело. Человек упал, подняв клубы пыли, как кукла, брошенная в ярости детской рукой, и перевернулся, обхватив колено. Затем он пополз к краю скалы, опираясь на другое колено и помогая себе руками. Он дернулся всем телом от боли, получив еще одно ранение, но не прекратил своего упрямого движения вперед. Задержавшись на самом краю, он посмотрел вверх и увидел кружащуюся машину, надвигающуюся прямо на него из голубой бездны.

Слегка высунув кончик языка от напряжения, Джезус Пиетро Кастро старательно направил свою машину на взбешенное, искаженное агонией бородатое лицо. Если бы он взял дюймом ниже, то врезался бы в скалу, дюймом выше — не попал бы в человека, упустил бы шанс отбросить его обратно на Плато. Он отжал рычаги управления, бросил машину вниз...

Слишком поздно. Человек исчез.

Позднее они стояли на краю и смотрели в бездну. Как часто Джезус Пиетро наблюдал группы детей, переполненных страхом и возбуждением, которые вот так же стояли у пропасти и смотрели вниз на скрытое туманом основание Удивительной Горы, подзадоривая друг друга подойти как можно ближе к краю. Будучи ребенком, он делал то же самое. С годами магия этого зрелища не утратила для него своей силы.

В сорока милях внизу, под колышущимся морем белого тумана скрывалась истинная поверхность планеты. Огромное Плато, расположенное на горе, было по площади меньше половины Калифорнии. Вся остальная часть этого мира представляла собой черную печь, раскаленную настолько, что в ней мог бы плавиться

свинец. В нижних слоях атмосферы давление в шестьдесят раз превышало земное.

Мэтью Келлер намеренно совершил одно из тягчайших преступлений. Он бросился вниз через край Плато, взяв с собой свои глаза, печень и почки, многие милли кровеносных сосудов и все 12 желез, — взял все, что могло бы попасть в банк органов Госпиталя и спасти тех, чьи тела нуждались в лечении. И таким образом его ценность как поставщика органов, которая была довольно значительной в колонизированном более трехсот лет назад мире, теперь была сведена к нулю. Только содержащаяся в нем вода в конечном счете вернется в верхний мир в виде дождя, пополнив реки и озера, и в виде снега, укрепив ледники. В ужасной жаре, царящей на дне сорокамильной пропасти, он, вероятно, уже превратился в пылающий факел.

А достиг ли он дна или все еще продолжает падать?

Джезус Пиетро, глава Специальной полиции, нехотя отошел от края. Бесформенный туман иногда вызывал странные ассоциации, галлюцинации и еще более странные мысли. Это было так же удивительно, как найти среди набора промокательной бумаги фирмы Роршах чистый лист картона, но Джезус Пиетро поймал себя на мысли, что, когда придет его время, если оно когда-нибудь придет, он поступит так же, как этот человек. А это было предательством.

Майор съежился под его пронзительным взглядом.

— Майор, — сказал Джезус Пиетро, — как этому человеку удалось уйти от вас?

Майор развел руками:

— Он прятался среди деревьев в течение нескольких минут, и, когда бросился к краю, моим людям потребовалось некоторое время, чтобы засечь его.

— Как ему удалось добраться до деревьев? Нет, не объясняйте мне, как он вас провел. Скажите, почему ваши машины не перехватили его, прежде чем он достиг роуи?

На какую-то долю секунды майор замешкался с ответом. Тогда Джезус Пиетро сказал:

— Вы играли с ним. Ему бы не удалось добраться до своих друзей и негде было бы спрятаться, и поэтому вы решили немножко поразвлечься.

Майор опустил глаза.

— Вы займете его место, — приказал Джезус Пиетро.

Игровая площадка представляла собой поросшую травой поляну, над которой тут и там возвышались одинокие деревья. Она была уставлена качелями, а в самом центре ее медленно кружилась похожая на скелет карусель. С трех сторон площадку окружала школа — одноэтажное здание из архитектурного коралла, выкрашенного в белый цвет. Четвертая сторона, защищенная высокой оградой из культивированного виноградника, который обвивался вокруг деревянных шестов, была краем плато Гамма — отвесной скалой, нависшей над озером Дэвидсона, расположенном над плато Дельта.

Мэтью Ли Келлер сидел под развесистым деревом и размышлял. Другие дети, игравшие вокруг, не обращали на него никакого внимания, так же как и два учителя, следившие за детьми по монитору.

Люди обычно оставляли в покое Мэта, когда ему хотелось побыть в одиночестве.

Дяди Мэта больше не было. Его участь была настолько ужасна, что взрослые даже не хотели говорить об этом.

Специальная полиция пришла в дом вчера на закате. Полицейские забрали с собой большого, добродушного дядю Мэта. Зная, что его отведут в Госпиталь, Мэт пытался остановить этих длинных, как башни, одетых в униформу людей. Но полицейские были вежливы, непреклонны и действовали с оттенком превосходства. Восемилетнему мальчику не удалось задержать их даже на несколько мгновений. Его уговоры напоминали жужжание пчелы, летающей вокруг танков.

Вскоре суд над дядей и вынесение приговора будут показаны по информационным программам колонии. Все узнают, в чем его обвинили, и увидят видеозапись казни. Но эта внешняя сторона дела не имела теперь никакого значения. Главное то, что дядя Мэт уже никогда не вернется.

Мэт почувствовал жжение в глазах и понял, что сейчас заплачет.

Гарольд Лиллард прекратил слоняться по площадке, когда понял, что остался в одиночестве, а он не любил быть один. Десятилетнему акселерату, слишком крупному для своего возраста, требовалось, чтобы вокруг него всегда были люди. Лучше всего те, кто помоложе, дети, которыми он мог помыкать. Беспомощно осматриваясь вокруг, он заметил маленькую фигурку под деревом около края площадки для игр. Достаточно маленький.

Достаточно далеко от мониторов. Гарольд направился туда.

Мальчик под деревом посмотрел на него.

Встретившись с ним взглядом, Гарольд как-то сразу сник. На его лице появилось скучающее выражение, и он не спеша направился к качелям.

Межзвездный Робот-разведчик № 143 покинул планету Джуно с максимальным линейным ускорением. Он был похож на огромное металлическое насекомое, сработанное кустарно и в большой спешке. Все, за исключением содержимого грузового отсека, у него было таким же, как и у сорока его предшественников. В его носовой части находился гипермагнитный генератор — массивный бронированный цилиндр с большим отверстием в центре. Вдоль бортов располагались два мощных ядерных двигателя, отклонявшихся от корпуса наружу на десять градусов и смонтированных на странном образом соединенных металлических конструкциях, напоминавших сложенные ноги богомола. Сам корпус был маленьким и вмещал только компьютер и внутренний топливный бак.

Планета Джуно осталась далеко позади, когда заработали ядерные двигатели. Немедленно начал разматываться кабель, расположенный в хвостовой части робота. Он был сплетен из молекулярной цепи Синклера и достигал тридцати миль в длину. К концу кабеля была надежно прикреплена свинцовая капсула, весившая столько же, сколько остальная часть корабля.

Подобные грузовые капсулы направлялись к звездам в течение столетий, но эта была особенной.

Точно так же как Роботы-разведчики №№ 141 и 142, уже направляющиеся к планетам Джинкс и Вундерленд, как и Робот-разведчик № 144, который еще не был построен, Межзвездный Робот-разведчик № 143 нес семена революции. Она уже началась на Земле и протекала спокойно, в соответствии с планом. Но на Удивительной Горе такого спокойствия не будет.

Революция в медицине, начавшаяся на заре двадцатого века, в течение пяти последующих столетий значительно изменила человеческое общество. Америка привыкла к хлопковому джину Эли Уитнея за время вполонину меньшее и никогда уже не откажет себе в удовольствии испытывать воздействие этого напитка. Но в остальном

общество было теперь на пути к тому, что испокон веков считалось нормой жизни. Это движение происходило медленно, но верно. Так, например, в Бразилии маленький, но постоянно растущий союз единомышленников начал кампанию за отмену смертной казни, которая применялась к нарушителям правил дорожного движения. Много препятствий будет возведено на пути этих людей, но в конце концов они победят.

Две струи ядерного пламени вынесли Робота-разведчика на орбиту Плутона. Поскольку Нептун и Плутон были последними планетами Солнечной системы, то поблизости не было ни одного корабля, которому могло бы повредить магнитное поле.

Включился гипермагнитный генератор. Конусообразное поле формировалось довольно медленно, но когда оно стабилизировалось, то составило около двухсот миль в диаметре. Корабль стал ускоряться по мере того, как в его поле втягивались межзвездная пыль и водород. Скорость все возрастала. Теперь внутренний топливный бак был отключен, и он останется отключенным в течение следующих двенадцати лет. Движущей силой корабля будет мельчайшая субстанция, поглощаемая им из межзвездного пространства.

Магнитное воздействие в пространстве, окружающем корабль, было смертельно опасным. Ни одно хордовое существо не могло бы выжить в двухсотмильной зоне сплошных электромагнитных полей, которые излучал работающий генератор. В течение сотен лет люди пытались создать магнитный экран, который оказался бы надежной защитой для пилота, управляющего кораблем, но тщетно. Робот-разведчик, однако, мог нести живые семена и замороженные оплодотворенные яйцеклетки животных, в случае если они были надежно заэкранированы и находились на значительном расстоянии от генератора. Людям же приходилось летать на тихоходных кораблях, использующих собственное топливо и движущихся со скоростью менее половины световой.

Скорость Робота-разведчика № 143 значительно возростала от года к году. Солнце было сначала яркой звездой, затем превратилось в тусклую оранжевую искорку. Давление в генераторе чудовищно возросло, но оно компенсировалось увеличением количества водорода, поступающего в ядерный двигатель. Телескопы, установ-

ленные в троянских точках Нептуна, иногда засекали постоянное свечение пламени, вырывавшегося из сопел: крохотную яркую бело-голубую искорку на желтом фоне Тау Кита. Пространство двигалось и менялось. Впереди и сзади робота звезды сближались друг с другом до тех пор, пока расстояние между Солнцем и Тау Кита не сократилось настолько, что стало меньше одного светового года. Солнце теперь было едва тлеющим красным угольком, а Тау Кита сияла ослепительным белым светом. Пара красных карликов, под номером L-726-8, расположенных на пути робота, окрасилась в теплый желтый цвет. Все остальные звезды сплюснулись, как будто кто-то тяжелый оседлал Вселенную и раздавил ее своим весом.

Робот-разведчик № 143 достиг половины своего пути — 5,95 световых лет от Солнца — и продолжал полет. До того момента, когда он развернется и начнется торможение на последнем отрезке пути, оставалось еще несколько световых лет.

Но вот в компьютере управления щелкнуло реле. Настало время передачи сообщения. Гипермагнитный генератор отключился, и пламя двигателей погасло. Робот-разведчик № 143 вложил всю накопленную энергию в лазерный луч большой мощности. В течение часа луч двигался прямо по направлению к системе Тау Кита. Затем робот снова стал ускоряться, направляясь за своим лучом.

Перед дверью медицинской станции выстроилась очередь пятнадцатилетних юношей. Каждый из них держал в руке конический сосуд, наполненный прозрачной желтоватой жидкостью. Один за другим они вручали свои сосуды мужеподобной медсестре с каменно-суровым лицом, затем отходили в сторону, ожидая новых распоряжений.

Мэт Келлер был третьим от конца. Когда стоявший перед ним парень отошел в сторону и медсестра протянула руку, не поднимая глаз от пишущей машинки, Мэт с сомнением посмотрел на свою бутылку.

— Выглядит неважно, — сказал он.

Медсестра метнула на него полный ярости взгляд. Это ничтожество, отродье колонистов, тратит ее драгоценное время!

— Я лучше снова пропущу ее через себя, — заявил Мэт и выпил содержимое сосуда.

— Это был яблочный сок, — сказал он позже, за ужином. — Меня чуть было не поймали, когда я пытался пронести его на медицинскую станцию. Но вы бы видели ее лицо! Она позеленела, как покойник.

— Но зачем ты это сделал? — спросил его отец. — Зачем враждовать с мисс Прин? Ты же знаешь, что она из экипажа. А медицинские отчеты о здоровье направляются ею прямо в Госпиталь!

— Ты это здорово придумал! — заявила Джина. Она была сестрой Мэта, но на год младше его, и всегда вставала на сторону брата.

Тень пробежала по лицу Мэта, сделав его старше своих лет.

— Это за дядю Мэта.

Мистер Келлер пристально посмотрел на Джину, а затем на сына.

— Если ты будешь продолжать думать подобным образом, Мэтью, то закончишь Госпиталем, так же как он. Почему ты не можешь смириться?

Искренняя забота, прозвучавшая в голосе отца, смягчила Мэта.

— Не волнуйся, Генджис, — сказал он беззаботно. — Мисс Прин, вероятно, уже забыла об этом. Будем надеяться, что мне повезет на этот раз.

— Не говори ерунды. Если она и не сообщит о тебе, то только по доброте душевной, а не из-за забывчивости.

— Весьма возможно.

В маленькой реанимационной палате лечебного отделения Госпиталя Джезус Пиетро Кастро впервые за последние четыре дня сел на своей кровати. Операция была не сложная, но достаточно серьезная: ему заменили левое легкое. Кроме того, он получил от Милларда Парлета, который был чистокровным членом экипажа, категорический приказ бросить курить.

Усаживаясь поудобнее на кровати для того, чтобы начать работу с накопившимися за четыре дня бумагами, он почувствовал болезненное покалывание в области незаживших швов. Пачка карточек, которую его секретарь положил на столик рядом с кроватью, выглядела слишком большой. Он вздохнул и приступил к работе.

Минут через пятнадцать на глаза ему попалась чья-то малозначительная жалоба на недостойное поведение. Нахмурившись, он скомкал было бумагу, желая выбро-

сидеть ее в корзину, но потом передумал, разглядел лист и вновь пробежал глазами текст.

— Мэтью Ли Келлер? — задумчиво произнес он.

Майор Дженсен прореагировал мгновенно:

— Он был признан виновным в измене. Шесть лет тому назад. Бросился вниз с обрыва плато Альфа, в бездну. В досье говорится, что его должны были использовать в банке органов.

Джезус Пиетро внезапно все вспомнил: Келлер погиб, а вместо него в банке органов использовали предшественника майора Дженсена. Да, Келлера нет, так в чем же дело? Он спросил:

— А как же он может выкидывать номера на пункте медицинского обслуживания колонистов?

Майор Дженсен не сразу сообразил, о чем идет речь, но, собравшись с мыслями, быстро ответил:

— У него был племянник.

— Ему сейчас около пятнадцати?

— Вероятно. Впрочем, я проверю.

«Племянник Келлера, — подумал Джезус Пиетро. — Можно было бы ограничиться обычным порицанием. Но нет! Пусть он думает, что ему все сошло с рук. Предоставим ему свободу действий, и в один прекрасный день он заменит в банке органов то тело, которое украл у нас его дядя».

Джезус Пиетро улыбнулся, а потом даже рассмеялся, но боль в области шва заставила его вести себя более сдержанно.

Носовая часть Робота-разведчика уже не была такой гладкой и блестящей, как раньше. Ее поверхность была усеяна большими и малыми выбоинами, оставленными частицами межзвездной пыли, которые ускорялись полем гипермагнитного генератора. Такие отметины можно было отыскать везде: на ядерных двигателях, на корпусе и даже на грузовой капсуле, удаленной от корпуса робота на тридцать миль. Корабль выглядел так, будто в него долго швыряли камнями.

Однако все повреждения были поверхностными. Более века прошло с тех пор, когда были внедрены последние усовершенствования, сделавшие корпус робота чрезвычайно прочным.

Сейчас, когда корабль находился в восьми с половиной световых годах пути от планеты Джуно, его гипермаг-

нитное поле выключалось во второй раз. Пламя ядерных двигателей уменьшилось и теперь напоминало две горящие свечи. Ускорение корабля упало до $1/20 g$. Барабан грузового отсека начал медленно сматывать кабель, до тех пор пока укрепленная на нем капсула не состыковалась с корпусом.

Робот, казалось, был в сомнении... но вот на конструкциях, напоминающих ноги богомола, выдвинулись два цилиндрических мотора. В течение нескольких секунд они находились под прямым углом к корпусу. Затем «ноги» сжались, но на этот раз моторы оказались направлены вперед. V-образная штанга развернула грузовую капсулу и переместила ее в носовую часть корабля. Барабан стал медленно разматывать кабель на всю его длину.

Генератор заработал снова. Моторы включились на полную мощность, и теперь они выбрасывали длинные языки пламени, состоящие из горящего водорода и отработанного гелия.

В восьми с половиной световых годах от Солнца, практически на равном расстоянии между ним и Тау Кита, находятся два красных карлика L-726-8. Их основной отличительной чертой является то, что они обладают самой маленькой массой среди всех известных звезд. Но все же эти звезды достаточно тяжелы для того, чтобы удержать тончайшую газовую атмосферу. И как только гипермагнитное поле Робота-разведчика вступило в контакт с молекулами этого газа, он сразу стал резко терять скорость.

Корабль продолжал тормозить. Пространство растянулось; звезды вновь приняли свои нормальные формы и цвета. В 11,9 световых годах от Солнца и в ста миллионах миль от Тау Кита скорость робота была практически погашена. Его гипермагнитный генератор отключился, локаторы стали ощущать пространство и замерли, обнаружив объект.

Корабль снова пришел в движение. Он должен был во что бы то ни стало достичь точки назначения, используя топливо, оставшееся в его внутреннем баке.

Тау Кита — это звезда класса G-8. Она приблизительно на четыреста градусов холоднее Солнца, и ее световое излучение составляет только сорок пять процентов солнечного. Планета Удивительная Гора, не имеющая спутников, находится от Тау Кита на расстоянии

шестидесяти семи миллионов миль и вращается вокруг нее почти по круговой орбите.

Робот-разведчик двигался к планете с большой осторожностью, поскольку в его компьютер была заложена тщательно продуманная программа безопасности. Локаторы медленно зондировали объект.

Температура у поверхности в среднем шестьсот градусов по Фаренгейту, с небольшими отклонениями. Атмосфера непрозрачная, плотная, ядовитая в нижних слоях. Диаметр семь тысяч шестьсот миль.

Вдруг что-то появилось на горизонте. В видимом спектре этот предмет напоминал островок в море тумана. Его топография представляла собой ряд широких и очень пологих уступов, плоских плато, разделенных отвесными скалами. Робот-разведчик № 143 зарегистрировал не только внешние данные объекта, но и тот факт, что температура и давление на этих плато такие же, как и на Земле, а воздух пригоден для дыхания.

Робот зарегистрировал также два радиосигнала.

Последнее оказалось решающим. Роботу-разведчику № 143 даже не надо было выбирать, на какой из сигналов отвечать, так как расстояние между ними было не более четверти мили. Действительно, они посылались с двух космических кораблей колонистов, находившихся на Удивительной Горе и практически соединенных между собой зданием Госпиталя. Таким образом, эти бывшие летательные аппараты теперь больше походили на башни, возвышающиеся по краям своеобразного низкого замка. Но Робот-разведчик этого не знал. Да ему и не нужно было это знать.

Он запеленговал радиосигналы и начал спускаться.

Джезус Пиетро Кастро шел по извивающимся, пересекающимся, похожим на лабиринт коридорам Госпиталя. Пол под его ногами слегка вибрировал, а со всех сторон доносился приглушенный ровный гул. Хотя Джезус Пиетро ужасно спешил, ему не приходило в голову бежать. Ведь он был не в гимнастическом зале, в конце концов, он двигался, скорее, как слон, который не может бегать, но может передвигаться достаточно быстро, чтобы растоптать бегущего человека.

Он широко шагал, опустив голову. Его глаза грозно смотрели из-под выпуклых надбровных дуг, увенчанных кустистыми седыми бровями. Его разбойничьи усы и

густые волосы также были седыми, и их седина странно контрастировала с загорелой кожей. Когда он проходил мимо, сотрудники Специальной полиции вытягивались по стойке «смирно» и освобождали ему путь со скоростью пешеходов, увертывающихся от проезжающего автобуса. Боялись ли они его ранга или его массивной внушительной фигуры — они и сами не знали этого.

У огромной каменной арки, служившей главным входом в Госпиталь, Джезус Пиетро посмотрел вверх, стараясь найти в небе искрящуюся бело-голубую звезду. Едва он увидел ее, как она погасла. Мгновением позже затих и приглушенный ровный гул.

У входа его поджидал «джип». Если бы машина задержалась хоть на секунду, кто-нибудь сильно пожалел бы об этом. Он влез в кабину, и машина тотчас рванулась вверх. Шофер-полицейский хорошо знал свои обязанности. Госпиталь с его стеной и зоной безопасности остался позади.

Капсула Робота-разведчика опускалась на парашютах.

Остальные машины, находящиеся в воздухе, беспорядочно меняли направление движения по мере того, как их водители пытались угадать, куда приземлится белая точка. Конечно, это должно было произойти рядом с Госпиталем. Наверняка Робот-разведчик брал за ориентир какой-нибудь из двух бывших космических кораблей, а выращенный из архитектурного коралла Госпиталь, похожий на живое существо, располагался как раз между ними.

Но сегодня дул сильный ветер.

Джезус Пиетро нахмурился. Парашют с капсулой может снести ветром за край скалы, и тогда приземление произойдет не на плато Альфа, где находились дома экипажа, а в низинных районах, заселенных колонистами.

Так и произошло. Машины бросились за капсулой, как стая гусей, сопровождая ее спуск вдоль четырехсот-футовой горы, которая отделяла плато Альфа от плато Бета, где рощи фруктовых деревьев перемежались с полями, засеянными зерновыми и овощными культурами, и лугами, на которых пасся скот. На плато Бета поселений колонистов не было, так как люди из экипажа не переносили их близости. Но колонисты работали здесь, а зачастую и отдыхали.

Джезус Пиетро снял трубку.

— Приказываю, — сказал он. — Поскольку капсула Робота-разведчика № 143 приземляется на плато Бета,

где-то в районе сектора № 22, немедленно пошлите туда четыре взвода полицейских. Ни в коем случае не задерживайте машины или членов экипажа, но арестуйте всех колонистов, которые окажутся в радиусе полумили от капсулы, и допросите их. Действуйте быстро.

Капсула срезала верхушки цитрусовых деревьев и приземлилась на дальнем краю рощи.

В роще росли лимонные и апельсиновые деревья. Грузовая капсула одного из последних Роботов-разведчиков, наряду с другими чудесами генетики, доставила на планету и семена их земных предков. Но генетический код этих семян был изменен, что позволяло растениям приспосабливаться к любым условиям существования и делало их практически неуязвимыми для вредителей. Во время роста они не мешали себе подобным, их плоды оставались свежими десять месяцев в году. А когда приходило время разбрасывать семена, растения делали это по такому четкому графику, что в любое время года пять из шести плодоносили и только одно стояло без плодов.

В своем неудержимом стремлении к свету они так плотно переплелись ветвями друг с другом, что в роще было темно, как под пологом первобытного леса. Здесь же росли грибы, привезенные с Земли в своем первоизданном виде.

Полли уже собрала пару дюжин. Если бы кто-нибудь полюбопытствовал, зачем она здесь, то в ответ услышал бы, что девушка пришла в цитрусовую рощу за грибами. Но если бы такой человек вдруг появился, она бы успела припрятать свой фотоаппарат.

Если учесть, что до начала сезона напряженных работ оставался еще целый месяц, многим показалось бы странным, что на плато Бета находилось такое большое количество колонистов. Сотни мужчин и женщин ходили на экскурсии и пикники в леса и на поляны, занимались альпинизмом. Бдительный офицер Специальной полиции обратил бы внимание на слишком равномерное распределение колонистов по всей территории плато. Во многих из них легко можно было распознать Детей Земли.

Однако капсула робота избрала для приземления именно тот участок рощи, где находилась Полли. Услышав глухой удар, она быстро, но осторожно пошла к опушке леса, откуда донесся звук. Темноволосая и загорелая, Полли была практически незаметна в сумраке

леса. Подойдя к самому краю рощи, она спряталась за стволом дерева и осторожно выглянула из-за него.

На траве лежал большой цилиндрический объект. Пять парашютных куполов раздувались под порывами ветра.

«Так вот, значит, как она выглядит», — подумала Полли. Казалось невероятным, что столь крохотный в масштабах космоса предмет проделал такой огромный путь... По всей вероятности, это была лишь небольшая часть прилетевшего робота. Сам же робот, очевидно, уже направился в обратный путь.

Но все знали, что только грузовая капсула имела подлинную ценность. В ней всегда находилось что-нибудь важное. Именно поэтому уже в течение шести месяцев, с тех самых пор когда поступило сообщение, посланное роботом с помощью лазерного луча, Дети Земли строили планы захвата капсулы Робота № 143. В худшем случае они рассчитывали отдать капсулу Экипажу за выкуп. В лучшем — надеялись найти в ней то, что помогло бы им сражаться за свою свободу.

Полли уже решила выйти из леса, когда заметила полицейские машины. Их было по меньшей мере тридцать, и они приземлялись вокруг капсулы.

Она не покинула укрытие.

Если бы подчиненные Джезуса Пиетро увидели его сейчас, они бы поразились произошедшей в нем перемене. И немудрено. Все окружавшие его люди, кроме двух или трех, принадлежали к элите экипажа. Их шоферы, включая его собственного, благоразумно остались в машинах. Джезус Пиетро Кастро совершенно преобразился: он вел себя почтительно и подобострастно; старался не задеть чей-нибудь локоть, не наступить кому-нибудь на ногу или даже просто не оказаться у кого-нибудь на пути.

В результате именно это помешало ему увидеть то, как Миллард Парлет, прямой потомок капитана первого межзвездного корабля «Планк», открыл капсулу и опустил туда руку. Зато тот предмет, который старейшина вытащил на свет, чтобы лучше рассмотреть его, увидели все.

Это был правильный прямоугольник с округленными краями, упакованный в упругий материал, испарявшийся на глазах. Нижняя часть его была изготовлена из металла, а верхняя — из материала, отдаленно напоминающего стекло, но более прозрачного и более твердого, чем

металлические сплавы. В самой верхней части плавало нечто бесформенное.

Джезус Пиетро открыл от изумления рот. Его глаза напряженно всматривались в странный предмет. Да, он узнал его. Это было то, о чем говорилось в сообщении, полученном шесть месяцев назад.

Бесценный подарок и в то же время большая опасность.

— Это должно быть нашим самым бережно охраняемым секретом, — говорил Миллард Парлет голосом, напоминающим скрип несмазанных дверных петель.

— Информация о нем ни в коем случае не должна просочиться к посторонним. Если колонисты видели это, то они поднимут большой шум. Мы должны сказать Кастро, чтобы... Кастро! Где, Кастро, черт побери?

— Я здесь, сэр.

Полли убрала свой фотоаппарат обратно в футляр и стала пробираться в глубь леса. Она сделала несколько фотографий и два увеличенных снимка той вещи в стеклянном контейнере. Ее глаза не рассмотрели отчетливо этот предмет, но на снимках будут видны все детали.

Она стала карабкаться вверх по стволу дерева, повесив фотоаппарат на шею. Листья и ветки, казалось, пытались сбросить ее вниз, но она поднималась все выше и выше в густую крону. Когда Полли наконец остановилась, каждый квадратный сантиметр ее тела испытывал мягкое давление упругих ветвей. Было темно, как в пещерах Плутона.

Через несколько минут эту территорию наводнит полиция. Полицейские подождут, когда уедут люди из Экипажа, затем начнут прочесывать местность. Для Полли было недостаточно оставаться невидимой. Листья должны закрывать ее так плотно, чтобы тепловое излучение тела не пробивалось наружу.

Она не могла винить себя в том, что упустила капсулу. В отличие от экипажа, Детям Земли не удалось расшифровать послание Робота-разведчика. Только экипаж знал истинную цену подарка с Земли. Но Полли она теперь была тоже известна. Когда восемнадцать тысяч колонистов Удивительной Горы узнают, что было в этой капсуле...

Настала ночь. Специальная полиция к этому времени

арестовала всех колонистов, которых смогла найти. Оказалось, что никто из них не видел капсулу после приземления, так что всех их вскоре можно будет отпустить, проведя тщательный допрос. Теперь полицейские обшаривали местность, вооружившись детекторами инфракрасного излучения. В той роще, где пряталась Полли, было обнаружено несколько подозрительных объектов, и все они были обстреляны капсулами с сильнодействующим снотворным. Полли так и не почувствовала, как в нее попали, но, проснувшись на следующее утро, с облегчением обнаружила, что находится на прежнем месте. Полли подождала до полудня, а затем, спрятав свой фотоаппарат в корзинке под набранными вчера грибами, пошла по направлению к мосту, соединяющему плато Бета и Гамма.

ГЛАВА 2

ДЕТИ ЗЕМЛИ

С колокольни Компбельтауна сорвались четыре оглушительные звенящие ноты. Звуковые волны друг за другом покинули город, пересекая поля и дороги и постепенно затухая. Они пронесли над шахтой мгновенно, но люди посмотрели вверх, опуская свои инструменты.

Впервые за этот день Мэт улыбнулся. Мысленно он уже ощущал вкус холодного пива во рту.

Ехать на велосипеде от шахты нужно было все время под горку. Он добрался до заведения Циллера, когда оно только начинало заполняться посетителями. Он заказал кувшин, как обычно, и осушил первый стакан залпом. На него снизошло блаженство, и, чтобы не образовалась пена, он налил второй стакан аккуратно по стеночке. Он сидел, потягивая пиво, в то время как все больше и больше рабочих, окончивших трудовой день, вливались в бар.

Завтра суббота. На два дня и три ночи он мог забыть ненадежных маленьких бестий, с помощью которых зарабатывал себе на жизнь.

Вскоре чей-то локоть задел его по шее. Он не придал этому значения: привычка, которую его предки завезли с перенаселенной Земли и сохранили. Но когда локоть

толкнул его во второй раз, стакан был как раз около губ. Пиво холодными ручейками стекало по шее Мэта, когда он обернулся, для того чтобы вежливо выразить свое неудовольствие.

— Извините, — сказал низкорослый загорелый мужчина с прямыми черными волосами. У него было тонкое, ничего не выражающее лицо, и он производил впечатление усталого клерка. Мэт пристально взгляделся в него.

— Худ, — сказал он.

— Да, меня зовут Худ. Но я не узнаю тебя.

В голосе мужчины прозвучал вопрос.

Мэт ухмыльнулся, потому что любил выразительные жесты. Он взялся пальцами за воротничок и распахнул рубашку до талии.

— Попытайся еще раз, — предложил он.

Человек, похожий на клерка, отпрянул, затем его глаза заметили крошечный шрам на груди Мэта.

— Келлер.

— Точно, — сказал Мэт и застегнул молнию на рубашке.

— Келлер, черт побери, — сказал Худ. Можно было легко догадаться, что такие слова он приберегал для особых случаев. — Прошло уже по меньшей мере семь лет. Чем же ты занимался все эти годы?

— Садись быстрее. — Худ не упустил свой шанс и оказался сидящим на стуле рядом с Мэтом раньше, чем мужчина, занимавший этот стул, успел полностью подняться. — Я нянчил червей в шахте. А ты?

Улыбка внезапно исчезла с лица Худа:

— Я надеюсь, ты не держишь на меня зла за этот шрам, не так ли?

— Нет! — воскликнул Мэт с подкупающей искренностью. — Все произошло по моей вине. Тем более что это было давно.

И это действительно было давно. Однажды осенним днем, когда Мэт еще учился в восьмом классе, Худ вошел в его классную комнату, чтобы одолжить точилку для карандашей. Это была его первая встреча с Худом. По комплекции мальчик был примерно такой же, как и Мэт, хотя, очевидно, на год старше, низкорослый, очень нервный старшеклассник. К несчастью, учитель вышел из класса. Ни на кого не глядя, Худ проследовал через всю комнату, заточил карандаш и повернулся, пытаясь пробраться к выходу сквозь толпу орущих и прыгающих восьмиклассников. Худу, новичку в школе,

они должны были показаться ордой каннибалов, и в центре событий был Мэт, использующий стул подобно дрессировщику.

Худ выскочил из комнаты вне себя от ужаса. Он оставил заостренный грифель карандаша в груди Мэта.

Это был один из тех немногих случаев, когда Мэт поступал как задира. Для него шрам был символом позора.

— Хорошо, — сказал Худ с явным облегчением. — Значит, ты теперь шахтер?

— Точно, и сожалею об этом ежечасно, когда не сплю. Я проклинаю тот день, когда Земля послала нам этих маленьких змей.

— Это, должно быть, лучше, чем копать ямы самому.

— Ты уверен в этом? Не хочешь ли прослушать лекцию?

— Одну секунду. — Худ осушил свой стакан героическим жестом. — Готов.

— Шахтный червь достигает пяти дюймов в длину и четверть дюйма в диаметре и является продуктом мутации земляного червя. Его рот, перемалывающий породу, обрамлен маленькими алмазными зубами. Он получает удовольствие от того, что заглатывает металлическую руду, но для питания его необходимо снабдить брикетами из синтетического вещества, которое отличается для каждой породы червя — а для каждого металла существует особая порода. Вот это все и осложняет. У нас на шахте используют шесть пород червя, и я должен следить за тем, чтобы для каждой из них в зоне досягаемости всегда имелся пищевой брикет.

— На словах это не кажется слишком сложным. Разве они самостоятельно не могут находить свою пищу?

— Теоретически, безусловно. Но на практике не всегда. Но это еще не все. Руду разрушает бактерия, которая находится в желудке червя. Затем червь выбрасывает металлические гранулы около брикета с пищей — и мы собираем их. Однако эта бактерия легко погибает. Вместе с бактерией умирает и червь, поскольку металлическая руда закупоривает его внутренности. Тогда другие черви съедают тело погибшего, чтобы руда не пропадала зря. Только в пяти случаях из шести это не та руда.

— Черви не могут отличить друг друга?

— Совершенно верно, не могут. Они едят не те металлы, не тех червей, не те пищевые брикеты; и даже если они все делают правильно, то умирают через десять

дней. Они рассчитаны на такой срок, поскольку их зубы снашиваются слишком быстро. Предполагается, что они должны размножаться как сумасшедшие, чтобы компенсировать потери, но на самом деле им просто не хватает на это времени, когда они работают. Нам приходится постоянно обращаться к Экипажу за новыми.

— Выходит, они взяли вас за горло?

— Конечно. Назначают такую цену, какая взбредет им в голову.

— Может быть, они кладут не те химические компоненты в некоторые из пищевых брикетов?

Мэт с удивлением посмотрел на него:

— Я могу поклясться, что именно так они и поступают. Или кладут слишком мало нужных компонентов; в то же время это сэкономило бы деньги. Они, конечно, не дадут нам выйти из-под контроля. Эти... — Мэт проглотил слово. В конце концов, он не видел Худа много лет. Экипаж не любил, когда о нем непочтительно отзывались.

— Пора обедать, — сказал Худ.

Они покончили с пивом и отправились в единственный городской ресторан. Худу не терпелось узнать, что стало с его бывшими школьными друзьями и одноклассниками. Худ нелегко обзаводился друзьями. Мэт, который многое знал, согласился. Они беседовали о своих профессиях. Худ работал в школе на плато Дельта. К удивлению Мэта, замкнутый мальчик превратился в веселого балагура. Он сохранил манеру говорить бесстрастным тоном и точно выражать свои мысли, и от этого его шутки становились еще забавнее. Они оба преуспевали в своей работе и неплохо зарабатывали. Нигде на плато не было настоящей бедности. Но не деньги колонистов интересовали Экипаж, как заметил Худ, пока они ели мясное блюдо.

— Я знаю, где будет вечеринка, — сказал Худ за кофе.

— А мы приглашены?

— Да.

У Мэта ничего не было запланировано на этот вечер, но он хотел, чтобы в него вселили уверенность.

— А будут ли рады разрушителям вечеринок?

— В твоем случае разрушителя вечеринок примут с распростертыми объятиями. Тебе понравится Гарри Кейн. Это хозяин.

— Считай, что ты меня уговорил.

Солнце опустилось за край плато Гамма, когда они

приехали на место. Велосипеды они оставили за домом. Когда они обходили вокруг постройки, солнце показалось снова, пылающий красный полудиск над вечным морем облаков за краем бездны. Дом Гарри Кейна находился лишь в сорока ярдах от пропасти. Они остановились на минутку, чтобы полюбоваться гаснущим закатом, а затем повернулись к дому.

Это был большой приземистый дом, построенный в форме грубого креста с выпуклыми стенами, типичный образчик архитектурного коралла. Не было сделано никаких попыток, чтобы скрыть его происхождение. Мэт никогда раньше не видел дом с неокрашенными стенами, но ему пришлось восхититься этим зрелищем. Остатки формовочного шара, который придает всем строениям из архитектурного коралла их стандартную выпуклую форму, были аккуратно удалены, а обнажившиеся стены отполированы до блестящего розового сияния. Даже после заката дом мягко светился.

Как будто бы он гордился своим исконно колониистским происхождением.

Архитектурный коралл был еще одним подарком Роботов-разведчиков. Будучи генетическим производным от обычного морского коралла, он является самым дешевым из известных строительных материалов. Единственной дорогой вещью был пластиковый баллон, который направляет рост коралла и включает в себя необходимые для этого питательные вещества. Все колониисты жили в зданиях, возведенных из коралла. Не многие стали бы строить дома из камня, дерева или кирпича, даже если бы это было разрешено. Но большинство пыталось придать своим жилищам вид, напоминающий постройки на плато Альфа. Они пытались подражать экипажу, используя для этой цели краску, дерево и металл, возводя фальшивые каменные стены и выравнивая грубой наждачной бумагой неизбежные выпуклости.

Как при дневном свете, так и в темноте дом Гарри Кейна был совершенно нетипичным.

Они едва не оглохли от шума, как только открыли дверь. Мэт стоял неподвижно до тех пор, пока его уши не приспособились к уровню звука — защитная реакция, которую выработали его предки, когда население Земли насчитывало 19 миллиардов. За последние четыре столетия житель Земли мог бы абсолютно оглохнуть, если бы не приспособился вести беседу, в то время как тысяча

пьяниц орет в его уши. Люди, среди которых сейчас жил Мэт, также сохранили некоторые из земных привычек. Огромная комната была битком набита народом, и находящиеся в ней несколько стульев никого не интересовали.

Комната и действительно была большой, а бар, расположенный напротив входа, был огромен. Мэт крикнул:

— Гарри Кейн, должно быть, знает толк в развлечениях.

— Точно! Пойдем со мной, увидишь его.

Пока они проталкивались через комнату, Мэт ловил обрывки разговоров. Как он догадался, вечеринка началась недавно, и многие гости практически никого не знали; но у всех в руках были бокалы. Здесь собрались люди всех возрастов и профессий.

— Худ сказал правду. Даже если бы разрушительно вечеринок и не собирались оказывать радушный прием, то он бы никогда не узнал об этом, поскольку никто не распознал бы в нем такового.

Стены были такие же, как снаружи: мерцающий розовый коралл.

Пол, покрытый от стены до стены ковром из шелковистой травы, подвергнутой мутации, был совершенно плоским, за исключением участков около стен. Без сомнения, его посыпали песком, чтобы выровнять после того, как строительство было завершено и формовочный баллон удален. Но Мэт знал, что под ковром находился не кафель и не плотная древесина, а все тот же вездесущий розовый коралл.

Они протиснулись к бару, стараясь толкаться не больше, чем было необходимо. Худ перегнулся через стойку как можно дальше, насколько позволял его маленький рост, и крикнул:

— Гарри! Две водки с содовой, и я хочу представить тебе — черт, Келлер, как твое имя?

— Мэт.

— Мэт Келлер. Мы знаем друг друга еще со школы.

— Очень приятно, Мэт, — сказал Гарри Кейн и протянул руку. — Рад видеть тебя здесь, Джей.

Гарри был ростом почти с Мэта, но значительно шире в плечах. И на его огромном лице господствовали большой бесформенный нос и еще более широкая улыбка. Он выглядел совершенно как бармен. Налив водку с

содовой в бокалы с предварительно замороженной водой, он передал им напитки.

— Развлекайтесь, — сказал он и пошел в другой конец бара, чтобы обслужить двух вновь прибывших.

Худ сказал:

— Гарри глубоко убежден в том, что лучший способ встречать гостей — это разыгрывать из себя бармена в течение первых часов. Впоследствии он передает эту работу добровольцу.

— Неплохая идея, — сказал Мэт. — Так, значит, тебя зовут Джей?

— Сокращенно от Джейхок¹. Джейхок Худ, один из моих предков, был родом из Канзаса. Джейхок — это птица — символ Канзаса.

— Глупо, не правда ли, что нам понадобилось восемь лет для того, чтобы узнать друг друга по имени?

В этот момент некоторые из присутствующих заметили Худа и устремились к ним. Худ едва успел улыбнуться в ответ, как они оказались в самой гуще приветствий. Мэт почувствовал себя брошенным. Он был уверен, что заметил, как Гарри Кейн передал что-то Джею Худу вместе с бокалом. Воспитание не позволило ему задать вопрос, но этот эпизод возбудил его любопытство, и Мэту хотелось поскорее забыть увиденное.

Пришли четверо мужчин и с ними женщина. Только женщина запомнилась Мэту как личность.

Ее звали Лэйни Мэтсон. Ей было около двадцати шести лет, на пять лет больше, чем Мэту. Если бы они оба пришли босиком, то он бы оказался выше ее лишь на ничтожные полдюйма. Но она носила туфли на шпильках, и ее каштановые волосы, собранные на затылке в пучок, делали ее еще выше. Она была не просто высокая, а большая, с широкими бедрами и пышной грудью, скрывающейся за декольте платья, выполненным в виде буквы М. Мэту показалось, что она выглядела красивее, чем была на самом деле, — она умело пользовалась косметикой. И в каждом ее движении было безудержное веселье, радость — такая же большая, как ее тело.

Мужчины были одного с ней возраста и старше, — им было около тридцати. Каждый из этих четверых выглядел бы нормально, танцуя с Лэйни. Они были громадны. О них у Мэта осталось лишь общее впечат-

¹ Jayhawk — сойка (англ.)

ление резкого голоса, сильного рукопожатия и большого симпатичного лица, улыбающегося из-под розового толка. И все же они ему понравились. Он только не мог различить их.

Худ удивил его снова. Болтая своим сухим голосом, удерживая его на слышимом уровне, не напрягаясь, чтобы смотреть стоящим вокруг него в лица, Худу как-то удавалось контролировать ход беседы. Именно он перевел разговор на школьные дни. Один из высоких мужчин решил рассказать о простом трюке, которым он воспользовался, чтобы перенастроить школьный обучающий аппарат так, что в течение целого дня он и его одноклассники смотрели свои уроки вверх ногами и задом наперед. Мэт, к своему удивлению, обнаружил, что он рассказывает о бутылочке для анализов с яблочным соком, которую тайком пронес на медицинскую станцию плато Гамма, и что он с ней сделал. Какой-то человек, который вежливо слушал, стоя на периферии круга, поведал о том, как однажды он украл машину, принадлежащую семье из экипажа, которая приехала на пикник на плато Бета. Он настроил автопилот на движение по кругу в тысяче футов за краем бездны. Машина оставалась в воздухе в течение пяти дней, прежде чем упала в туман, а десятки сотрудников Специальной полиции наблюдали за этим.

Мэт наблюдал за Джейм Худом и Лэйни, пока они беседовали. Длинная рука Лэйни лежала на плече Худа, а макушка его головы едва доставала ей до подбородка. Они говорили одновременно, перебивая друг друга, проносясь сломя голову по воспоминаниям, анекдотам и шуткам, которые делили с остальными стоящими вокруг них людьми, хотя беседовали только вдвоем.

Это не была любовь, решил Мэт, хотя это было очень похоже на любовь. Скорее — огромное удовлетворение, которое испытывали Худ и Лэйни оттого, что знают друг друга. Удовлетворение и гордость. Это заставило Мэта ощутить одиночество.

Постепенно Мэт пришел к уверенности, что Лэйни носила слуховой аппарат. Он был такой маленький и так искусно покрашен, что был практически незаметен внутри уха. Честно говоря, Мэт не смог бы поклясться, что он там был.

Если Лэйни был необходим слуховой аппарат, то она не смогла бы спрятать его лучше. В течение столетий более цивилизованные народы носили крохотные аппа-

раты, которые изготавливались из тончайшего пластика и вживлялись под кожу над височной костью. Такие вещи не практиковались на Удивительной Горе. Человек из экипажа в данном случае заменил бы себе уши, воспользовавшись банком органов.

Бокалы опустели, и один из сопровождающих Лэйни наполнил их вновь. Маленькая группа росла, и сокращалась, и раскалывалась на другие группы, подчиняясь вечной прихоти вечеринок с коктейлями. На какой-то момент Мэт и Джей Худ остались вдвоем в лесу из спин и локтей. Худ сказал:

— Хочешь познакомиться с красивой девчонкой?

— Конечно.

Худ повернулся, чтобы показать дорогу, и Мэт на какое-то мгновение заметил тот же самый странный предмет в его ухе, который он раньше видел у Лэйни. С каких это пор Худ стал плохо слышать? Это скорее всего фантазии, навеянные водкой с содовой. Кроме того, эти крохотные предметы, казалось, сидели в ухе слишком глубоко, чтобы их можно было оттуда извлечь.

Но предмет похожего размера мог быть именно тем, что Гарри Кейн передал Джею Худу вместе с бокалом.

— Это самый легкий способ провести облаву, сэр.

Джезус Пиетро почтительно сидел на краешке стула, сложив руки на письменном столе. Он воплощал собой в высшей степени интеллигентного человека, беззаветно преданного своей работе.

— Мы знаем, что члены организации всегда уходят из дома Кейна группами по два или четыре человека. Мы будем перехватывать их снаружи. Если они перестанут выходить, мы поймем, что им стало все известно. Тогда мы войдем в дом.

За маской почтения Джезус Пиетро скрывал раздражение. В первый раз за четыре года он планировал провести крупную облаву на Детей Земли, а Миллард Парлет выбрал именно этот вечер для того, чтобы посетить Госпиталь. Почему именно сегодня? Обычно он приходил только один раз в два месяца, слава Демонам Тумана. Визит члена Экипажа всегда расстраивал людей Джезуса Пиетро.

По крайней мере, Парлет сам пришел к нему. Однажды Парлет вызвал его к себе домой, и это было еще хуже. Здесь Джезус Пиетро был в своей стихии. Кабинет был

продолжением его личности. Письменный стол имел форму бумеранга, окружая его с двух сторон под тупым углом и создавая таким образом больше места для работы. В кабинете было четыре кресла для гостей, различающихся по степени комфорта: для Экипажа, для персонала Госпиталя и для колонистов. Кабинет был большой и квадратный, но задняя стена имела слегка округлую форму. В то время как остальные стены были кремового цвета, приятного для глаз, задняя стена представляла собой гладко отполированный темный металл.

Это была часть внешней обшивки «Планка». Офис Джезуса Пиетро находился вплотную к источнику половины духовной мощи Удивительной Горы и половины электрической энергии — к кораблю, который принес людей в этот мир. Сидя за столом, Джезус Пиетро ощущал эту мощь своей спиной.

— Наша единственная трудность, — продолжал он ровно, — заключается в том, что не все гости Кейна участвуют в заговоре. По крайней мере половина из них окажутся пустышками, приглашенными для маскировки. На то, чтобы отсеять их, уйдет время.

— Я понимаю это, — сказал старик. Его голос скрипел. Его высокая худая фигура напоминала Дон-Кихота, но в его глазах не было безумия. Они были умными и живыми. В течение почти двухсот лет Госпиталь сохранял его тело, мозг и мыслительные способности. Возможно, даже он сам не знал, сколько его органов было позаимствовано у колонистов, обвиненных в серьезных преступлениях. — Почему сегодня вечером? — спросил он.

— А почему нет, сэр? — Джезус теперь понимал, к чему тот клонит, и его мозг усиленно заработал. Миллард Парлет был вовсе не глуп: старик был одним из немногих членов Экипажа, соглашающихся принимать на себя ответственность. Большинство из тридцати тысяч членов Экипажа на Удивительной Горе предпочитали разрабатывать все более сложные формы развлечений: спорт, стили одежды, которые менялись в соответствии с полудюжиной сложных, изменчивых наборов правил, жестких и нелепых социальных норм. Парлет предпочитал работать — иногда. Он согласился управлять Госпиталем. Он был компетентен и сообразителен; хотя появлялся на людях редко, он, казалось, всегда был в курсе того, что происходило, и солгать ему было непросто.

Сейчас он сказал:

— Вчера была капсула Робота-разведчика. Прошлым

вечером ваши люди прочесывают территорию в поисках шпионов. Сегодня вечером вы планируете большую облаву в первый раз за четыре года. Вы думаете, что кому-то удалось ускользнуть от вас?

— Нет, сэр! — Но это, конечно, не удовлетворит Парлета. — Но в данном случае я предпочитаю подстраховаться, даже если я уверен. Если какой-нибудь колонист имеет новости о грузе, содержащемся в капсуле, он будет сегодня вечером у Кейна во что бы то ни стало.

— Я не одобряю ненужный риск, — сказал Парлет. Джемус Пиетро лихорадочно пытался найти подходящий ответ. — А вы решили не рисковать. Очень хорошо, Кастро. Продолжим: что сделали с капсулой?

— Я думаю, что люди из банка органов уже распаковали ее, сэр. И... содержимое сложно для хранения. Вы хотите посмотреть?

— Да.

Джемус Пиетро Кастро, глава Специальной полиции — единственной вооруженной власти в этом мире, поспешно вскочил на ноги, чтобы указать дорогу. Если они поторопятся, он сможет прибыть вовремя и лично руководить облавой. Но вежливого способа поторопить члена Экипажа не существовало.

Худ сказал правду. Полли Торнквист была прекрасна. Она была маленькая, загорелая и спокойная, а Мэту совершенно определенно захотелось узнать ее поближе. У Полли были длинные мягкие волосы, цвета безлунной ночи, большие карие глаза и улыбка, которая пробивалась наружу, даже когда она пыталась выглядеть серьезной. «Она была похожа на человека, хранящего тайну», — подумал Мэт. Она не говорила; она слушала.

— Парапсихологические способности — это не миф, — настаивал Худ. — Когда «Бланк» покинул Землю, на его борту находились всевозможные приспособления, способные усиливать их. Телепатия стала почти заслуживающей доверия. Они...

— Что значит «почти заслуживающей доверия»?

— Достаточно надежной, чтобы существовали специально обученные люди, способные читать мысли дельфинов. Настолько надежной, чтобы телепаты использовались в качестве экспертов в делах об убийствах. Настолько надежной...

— Хорошо, хорошо, — сказал Мэт. Именно сегодня вечером он впервые видел Худа в таком возбуждении.

Мэт догадался по выражению лиц окружающих, что Худ в очередной раз оседлал своего любимого конька. Он спросил: — И где же они теперь, эти твои ведьмы?

— Они не ведьмы! Послушай, Кел... послушай, Мэт. Каждый из тех, кто обладает силой психологического воздействия, так или иначе связан с телепатией. Они доказали это. Ты знаешь, как они тестировали наших предков, прежде чем послать их в космическое путешествие, продолжавшееся тридцать один год?

Кто-то решил разыграть из себя умника:

— Они должны были некоторое время летать по околоземной орбите.

— Да. Четыре кандидата находились на космической станции в течение одного месяца. Ни один телепат не смог бы этого выдержать.

Полли Торнквист следила за ходом дебатов как зритель на теннисном матче, поворачивая свои плечи так, чтобы оказаться лицом к говорящему. Ее улыбка становилась шире, а волосы мягко и гипнотизирующе колыхались в такт движениям. В общем, смотреть на нее было одно удовольствие. Она знала, что Мэт наблюдал за ней. Время от времени она бросала на него взгляд, как будто приглашая принять участие в веселом розыгрыше.

— Почему же нет, раз у него есть компания?

— Плохая компания. В любом месте на Земле скрытый телепат окружен десятками тысяч умов. В космосе же у него их только три. И он не может скрыться от них ни на одну минуту в течение всего месяца.

— Откуда ты все это знаешь, Джей? Книги? Я абсолютно уверен в том, что тебе не на ком было поставить такой эксперимент.

Глаза Полли сверкали, пока она слушала эти дебаты. У Худа покраснели мочки ушей. В этот момент волосы Полли цвета вороного крыла широко колыхнулись, и, когда они на мгновение обнажили ее правое ухо, можно было почти наверняка заметить, что она носила крошечный, практически незаметный слуховой аппарат.

Значит, у нее действительно был секрет. И наконец Мэт решил, что он понял, в чем заключался этот секрет.

Триста лет назад «Планк» приблизился к Удивительной Горе с шестью членами экипажа, которые следили за пятьюдесятью пассажирами, находящимися в состоянии анабиоза. История о том, как круглый корпус

корабля окунулся в атмосферу и в течение многих часов скользил над непроницаемой туманной мглой, которая в соответствии с показаниями приборов была ядовитой и смертельно горячей, оказалась запечатленной на всех исторических пленках. А затем огромная темная масса показала на горизонте, отвесная гора с плоской вершиной — сорока миль в высоту и на сотни миль в длину, она была похожа на новый континент, появляющийся над неосязаемым белым морем. Команда наблюдала все это, не в силах произнести ни звука. Пока капитан Парлет не сказал: «Вот это да!»

Не записана, но хорошо известна история посадки. Пассажиры были разбужены по очереди для того, чтобы найти себя живущими в условиях жесткой диктатуры. Те, кому это не понравилось, а таких было мало, умирали. Когда «Артур Кларк» приземлился через сорок лет, все повторилось снова. Ситуация за прошедшие триста лет не изменилась, несмотря на рост численности населения.

С самого начала существовала революционная группа. Ее название менялось несколько раз, и Мэт не представлял себе, как она называлась сейчас. Он никогда не был знаком ни с одним революционером. И у него не было никакого желания быть таковым. Они ничего не добивались за исключением того, что пополняли банк органов Госпиталя. Да и как они могли чего-нибудь достигнуть, если экипаж контролировал все оружие и каждый ватт энергии на Удивительной Горе. Если здесь находилось гнездо мятежников, то тогда они выработали хорошее прикрытие. У многих из развлекающихся здесь людей не было слуховых аппаратов, и именно они, казалось, не были ни с кем знакомы. Как, впрочем, и сам Мэт. В самый разгар правдоподобно инсценированной шумной вечеринки некоторые люди слушали голоса, которые могли услышать только они.

Мэт дал волю своему воображению. У них должен быть где-то потайной ход для членов организации, и если нагрянет полиция, то они воспользуются им под прикрытием совершенно искренней паники. Мэт и такие же, как он, окажутся жертвами.

— Но почему же все эти оккультные силы должны быть связаны с чтением мыслей? Неужели это кажется тебе разумным, Джей?

— Конечно. Неужели ты не понимаешь, что телепатия — это защитная реакция? Раз люди научились использовать психологическое воздействие, они должны

были вначале развить телепатию. Все остальные возможности пришли позже, поскольку существует меньшая вероятность, что они помогут вам выбраться из сложной ситуации.

Мэт отказался от мысли уйти. Безопаснее? Конечно. Но здесь он на время скрылся от своих привередливых шахтных червей, и их корыстных хозяев, и от массы других проблем, которые портили ему жизнь. И кроме того, его любопытство было возбуждено до предела. Он хотел знать, о чем они думали, как они работали, каким образом защищали себя и что было у них на уме. Он хотел знать... Полли Торнквист. Сейчас больше чем когда-либо. Она была маленькой, очаровательной и казалась такой хрупкой, что каждый мужчина, который хоть однажды взглянул на нее, должен был испытывать желание защитить ее. Зачем же такая девушка подвергала свою жизнь риску? Но именно это она и делала. Рано или поздно в банке органов заявит о себе нехватка здоровой печени, или живой кожи, или кишечника — в то время, когда на Плато не будет совершаться никаких преступлений. Тогда Специальная полиция устроит облаву, и Полли будет разобрана по частям.

Мэт внезапно почувствовал непреодолимое желание уговорить ее выйти из игры, жить вместе с ним и переехать в другую часть Плато. Удастся ли им спрятаться в таком ограниченном пространстве?

— Возможно, нет, но...

Но она даже не знает, что он обо всем догадался. Если она узнает об этом, то он может умереть, и ему придется держать язык за зубами.

Это все испортило. Если бы Мэт мог играть роль наблюдателя, человека, который только видит и ничего не говорит... Но он не был наблюдателем. Теперь он был соучастником. Он знал Джея и любил его. Лэйни Мэтсон и Гарри Кейн понравились ему с первого взгляда, и он мог бы полюбить Полли Торнквист. Эти люди ставили свои жизни на карту. И его тоже! И он ничего не мог поделать с этим.

Мужчина средних лет, постриженный «ежиком», стоял на своем.

— Джей, — сказал он, плохо имитируя спокойствие, — ты пытаешься убедить нас, что на Земле парапсихология была хорошо изучена, когда отцы-основатели стартовали в космос. И что же произошло с тех пор? Они добились большого прогресса в биоинженерии. Их корабли посто-

янно усовершенствуются. Сейчас Роботы-разведчики возвращаются домой самостоятельно. Но что же они сделали с парапсихологией? Ничего. Совсем ничего. А почему?

— Потому что...

— Потому что все это суеверие. Колдовство. Мифы.

«О, замолчи», — подумал Мэт. Это служило лишь прикрытием тому, что происходило на самом деле, в чем он не принимал участия. Он отступил назад и вышел из круга, надеясь, что никто не заметит его, кроме Полли. Никто не заметил. Он направился в сторону бара, чтобы наполнить бокал.

Гарри Кейн ушел. Его заменил парень, который был немногим моложе Мэта. Но вряд ли он продержится еще полчаса, если не перестанет дегустировать напитки своего изготовления. Когда Мэт попробовал свой напиток, то обнаружил, что он в основном состоял из водки. И когда он обернулся, то рядом стояла Полли и смеялась над его сморщенным лицом.

Полдюжины подозреваемых лежали вдоль стенки патрульного фургона, погруженные в глубокий сон. Одетый в белое врач Специальной полиции поднял голову, когда вошел Джезус Пиетро:

— Хорошо, что вы пришли, сэр. Я думаю, что эти трое должны быть пустышками. У остальных были приборы в ушах.

Ночь была темной, как обычно на безлунной Удивительной Горе. Джезус Пиетро оставил Милларда Парлета перед стеклянной стеной банка органов, размышляющего... О чем он размышлял? О вечной жизни? Вряд ли. Даже Миллард Парлет, несмотря на то что ему было сто девяносто лет, умрет, когда износится его центральная нервная система. Нельзя пересадить мозг, не пересаживая воспоминаний. О чем же на самом деле думал Парлет? Выражение его лица было очень странным.

Джезус Пиетро взял руками за голову подозреваемого и повернул ее, чтобы заглянуть в ухо. Тело тоже повернулось — вяло, пассивно.

— Я ничего не вижу.

— Когда мы попытались удалить приспособление, оно испарилось. То же самое произошло и с приспособлением пожилой женщины. Прибор девушки по-прежнему на месте.

— Хорошо. — Он наклонился, чтобы посмотреть.

Глубоко в левом ухе, слишком глубоко, чтобы это можно было достать пальцами, находилось нечто черное с розовым ободком под цвет кожи. Он сказал: — Принесите микрофон.

Медик передал распоряжение. Джезус Пиетро нетерпеливо ждал, пока кто-нибудь его выполнит. Наконец микрофон принесли. Джезус Пиетро приложил его к уху девушки и включил усилитель на полную мощность. Шелестящие звуки были усилены до оглушительного треска.

— Укрепите его, — сказал Джезус Пиетро. Врач повернул девушку на бок и приклеил микрофон к ее голове клейкой лентой. Треск прекратился, и внутренность фургона наполнилась звуком глухих ударов крови в артериях.

— Давно ли кто-нибудь выходил?

— Эти двое, сэр. Около двадцати минут назад.

Дверь фургона открылась, чтобы принять двоих мужчин и женщину, лежащих без сознания на носилках. У одного из мужчин был слуховой аппарат.

— По всей видимости, у них нет специального сигнала, чтобы предупредить об опасности, — сказал Джезус Пиетро. — Глупо. — Вот если бы он руководил «Детьми Земли»...

Он бы высылал второстепенных членов в качестве приманки. Если бы первые не вернулись обратно, он бы посылал других через произвольные интервалы, в то время как лидеры пытались бы скрыться.

Скрыться, но где? Его люди не нашли никаких запасных выходов, акустическая разведка не обнаружила тоннелей под землей.

Прошло несколько секунд, прежде чем Джезус Пиетро заметил, что из динамика слышен голос. Звук был слишком тихим. Он быстро прижал ухо к громкоговорителю.

— Оставайтесь, пока вам не захочется уйти, тогда уходите. Запомните, что это обычная вечеринка в стиле «открытых дверей». Тем не менее те из вас, у которых нет никаких важных сообщений, должны уйти до полуночи. Те, кто хочет поговорить со мной, должны использовать обычные каналы. Запомните, не пытайтесь извлечь приборы из ушей, они самоуничтожаются в шесть утра. А теперь развлекайтесь!

— Что он сказал? — спросил врач.

— Ничего важного. Хотел бы я быть уверен, что это

был Кейн. — Джезус Пиетро коротко кивнул врачу и двум полицейским. — Продолжайте, — сказал он и вышел в ночь.

— Почему ты ушел? Как раз становилось интересно.

— Ничего интересного не было, и мой бокал опустел, и, кроме того, я надеялся, что ты пойдешь за мной.

Полли засмеялась:

— Ты, должно быть, веришь в чудеса.

— Верно. А почему ты ушла?

Окруженные морем людей, погруженные в водопад голосов, Полли и Мэт все же ощущали некоторое уединение. Воспитание и отсутствие интереса не позволили бы кому-нибудь подслушивать их. Кроме того, все разговаривали, а, как известно, сосредоточиться на двух разговорах одновременно невозможно. Они как будто бы находились вдвоем в комнате, стены которой состояли из спин и локтей, в комнате, такой же маленькой и уединенной, как телефонная будка.

— Я думаю, что Джей помешался на парапсихологии, — сказала Полли. Она не ответила на его вопрос, и это было для Мэта большим облегчением. Он хотел ускользнуть незамеченным из компании Худа. И ему это удалось. Но Полли, присоединившись к нему, была какой-то новой, не такой, как раньше, и ему нравилось пытаться угадать мотивы ее поступка.

— Он всегда так разговаривает?

— Да. Он думает, что если бы мы только... — она остановилась. Девушка с секретом. — Забудь о Дже. Расскажи мне о себе.

И он говорил о шахтных червях, и домашних делах, и о школе в девятом секторе плато Гамма, и он рассказал о дяде Мэте, который погиб из-за того, что был мятежником, но она не попала на крючок. А Полли рассказывала о том, как она росла в сотне миль отсюда рядом с Университетом колонии, и описывала свою работу на Передающей Энергостанции плато Дельта, но ни словом не обмолвилась о своем слуховом аппарате.

— Ты похожа на девушку с секретом, — сказал Мэт. — Я думаю, это из-за улыбки.

Она придвинулась к нему так, что тела почти соприкасались, и понизила голос:

— Ты умеешь хранить секрет?

Мэт улыбнулся одной половинкой рта, чтобы пока-

зять, что он понимает, к чему она клонит. Она все же сказала это:

— Я тоже умею.

И это было все. Но она не отодвинулась от него. Они улыбались друг другу с расстояния, в несколько дюймов, стоя лицом к лицу, наслаждаясь в это мгновение тишиной, которая человеку, жившему раньше, показалась бы эпицентром воздушного полета. Она была очаровательна, Полли. Ее лицо было одновременно и соблазнительно и опасно; ее фигура, маленькая, гибкая и по-женски соблазнительная, пульсировала с грацией танцора под свободным зеленым свитером. Какое-то мгновение Мэт смотрел молча в ее глаза и чувствовал себя очень хорошо. Это мгновение прошло, и они стали разговаривать о пустяках.

Течение толпы перенесло их через половину комнаты. Один раз они протиснулись обратно к бару, чтобы наполнить бокалы, и затем снова позволили толпе нести их. В постоянном шуме было что-то гипнотизирующее, и это могло бы объяснить, почему традиция многолюдной попойки насчитывала уже более пятисот лет, — многотонный фоновый шум уже давно использовался в гипнозе. Время перестало существовать, и наступил момент, когда Мэт понял, что он предложит Полли пойти к нему домой и что она согласится.

Ему не представилось для этого возможности.

В лице Полли что-то изменилось. Она, казалось бы, прислушивалась к чему-то, что могла услышать только она. Слуховой аппарат? Он уже был готов притвориться, что ничего не заметил, но для этого ему тоже не представилось возможности. Потому что внезапно Полли стала двигаться прочь, исчезая в толпе, но не так, как будто бы она спешила, а как будто бы вспомнила о чем-то, что обещала сделать, какую-то пустячную вещь, о которой должна была позаботиться немедленно. Мэт попытался последовать за ней, но людское море сомкнулось у нее за спиной.

«Слуховой аппарат», — сказал он про себя. Это он позвал ее. Он стоял около бара, сопротивляясь давлению толпы, которая пыталась сдвинуть его с места. Он становился все пьянее и был рад этому. Он не верил в слуховой аппарат. Все это было ему слишком хорошо знакомо. Многие девушки теряли к нему всякий интерес так же внезапно, как Полли. Он был больше чем просто разочарован. Ему было больно. Водка помогала убить боль.

Около половины одиннадцатого он подошел к другому концу бара. Парень, изображающий бармена, был счастлив и пьян и с удовольствием уступил свое место. Мэт был пьян и печален. Он разливал напитки величественно, был вежлив, но не подобоострастен. Толпа потихоньку редела. Для большинства жителей Удивительной Горы наступило время ложиться спать. К этому моменту пешеходные дорожки должны были бы быть уже скатаны и убраны до рассвета. Эти революционеры, вероятно, встают поздно. Мэт подавал напитки автоматически, но сам больше не пил.

Запасы водки, изготавливаемой из сахара, воды и воздуха одной специально обученной на земле бактерией, стали подходить к концу, а кроме водки ничего не было. «Пусть она вся кончится», — подумал Мэт злобно. Он бы с удовольствием посмотрел на шум, который из-за этого поднимется.

Он приготовил кому-то водку с грейпфрутом, как было заказано. Но рука с бокалом не исчезла, чтобы освободить место кому-нибудь другому. Медленно Мэт осознал, что рука принадлежала Лэйни Мэтсон.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

— Не нужна ли замена?

— Думаю, да.

Кто-то поменялся с ним местами — один из высоких сопровождающих Лэйни, — и Лэйни повела его сквозь редющую толпу к незанятому каким-то чудом дивану. Мэт тяжело упал на него. Комната начинала вращаться, когда он закрывал глаза.

— Ты всегда так надираешься?

— Нет. Просто я очень расстроен.

— Расскажешь мне?

Он повернулся, чтобы посмотреть на нее. Каким-то образом его затуманенные водкой глаза рассмотрели сквозь макияж Лэйни то, что ее рот был слишком широким, а зеленые глаза удивительно большими. Но на лице была улыбка дружеского любопытства.

— Ты когда-нибудь видела девственника, которому двадцать один год? — Он прищурился, пытаясь определить ее реакцию.

Уголки ее губ странно дрожали:

— Нет.

Он понял, что она пытается сдержать смех. Он отвернулся.

Она спросила:

— Отсутствие интереса?

— Нет! Нет, черт побери!

— Так в чем же дело?

— Она забывает меня. — Мэт почувствовал, что он трезвеет от усилия ответить. — Совершенно внезапно девушка, за которой я охочусь, — он взмахнул рукой, — забывает, что я здесь. Я не знаю почему.

— Вставай.

— А?

Он почувствовал, как она взяла его за руку и поднимает с дивана. Он встал. Комната крутилась, и он понял, что не отрезвел, а просто чувствовал себя увереннее, пока сидел. Он последовал за тянущей его рукой, обрадовавшись, что не упал. Следующее, что он понял, — все было погружено в абсолютную темноту.

— Где мы?

Никакого ответа. Он чувствовал, как чьи-то руки расстегнули его рубашку, руки с маленькими острыми ногтями, которые цеплялись за волосы на его груди. Затем его брюки упали вниз.

— Так вот, значит, как это бывает, — сказал он с глубочайшим удивлением в голосе. Это звучало так чертовски глупо, что ему захотелось сжаться в комок.

— Не волнуйся, — сказала Лэйни. — Демоны Тумана, как же ты нервничаешь. Иди сюда. Не споткнись обо что-нибудь.

Ему удалось вылезти из штанов не упав. Его колени на что-то наткнулись.

— Падай лицом вниз, — скомандовала Лэйни, и он подчинился. Он лежал на животе на пенно-воздушном матрасе, окаменевший от страха. Руки, которые были сильнее, чем должны были быть, мяли мускулы его шеи и плеч, меся их, как тесто. Ощущение было великолепным. Он лежал раскинув руки, как ныряльщик, становясь податливым по мере того, как костяшки пальцев массажировали его спину, а сами длинные пальцы вытягивали каждое сухожилие, придавая ему новую форму.

Когда он почувствовал, что готов, он повернулся и протянул руки.

Слева от него лежала пачка фотографий в фут высотой, перед ним три фотографии, по всей видимости сделанные скрытой камерой. Джезус Пиетро разложил их и просмотрел. Он написал имя на одной из карточек, другие

не представляли интереса. Поэтому он смешал их и положил на большую пачку. Затем он встал и потянулся.

— Сравните этих с подозреваемыми, которых мы уже задержали, — сказал он адъютанту. Тот отсалютовал, забрал пачку и вышел из передвижного командного пункта, направляясь к патрульным фургонам. Джезус Пиетро вышел следом.

Почти половина гостей Гарри Кейна уже находилась в патрульных фургонах. Фотографии были сделаны, когда они входили в дом на вечеринку. Джезус Пиетро со своей феноменальной памятью уже опознал значительное количество задержанных.

Ночь была холодной и темной. Пронзительный ветер дул на плато, неся с собой запах дождя.

Дождь.

Джезус Пиетро посмотрел наверх и увидел, что полнеба было полностью закрыто клочковатыми облаками. Он представил себе, каково будет проводить облаву под проливным дождем. Перспектива ему не понравилась.

Вернувшись в офис, он переключил интерком на всеобщее оповещение.

— Теперь слушайте меня, — сказал он как-то слишком неофициально. — Начать фазу два немедленно.

— Неужели все так нервничают?

Лэйни тихо засмеялась. Теперь она могла смеяться сколько ей хотелось.

— Ну, может, и не так нервничают. Но я думаю, что каждый должен немножко бояться в первый раз.

— А ты?

— Конечно, но Бен сделал все как надо. Хороший парень, Бен.

— А где он сейчас? — Мэт чувствовал нежную благодарность по отношению к Бену.

— Он... Его нет. — По ее голосу он понял, что нужно бросить эту тему. Мэт догадался, что этот парень был пойман со слуховым аппаратом или чем-нибудь в этом роде.

— Не возражаешь, если я включу свет?

— Если сумеешь найти выключатель, то можешь включить его.

Она не ожидала, что он найдет его, особенно в этой крошечной тьме и в незнакомой комнате, но он нашел. Он чувствовал себя значительно более трезвым и уми-

ротворенным. Он пробежал глазами по ее телу, лежащему рядом с ним, замечая руины, оставшиеся от ее искусной прически, вспоминая прикосновение гладкой теплой кожи, зная, что он может прикоснуться к ней снова, если захочет. Это было желание, которого он никогда не испытывал раньше. Он сказал:

— Ты прекрасна.

— Косметика размазана по лицу, которое будет легко забыть.

Незабываемое лицо. Это была правда, по крайней мере сейчас. Никакой косметики на забываемом теле. Тело с безграничной способностью любить, тело, которое казалось ему слишком большим, чтобы быть сексуальным.

— Мне бы следовало носить маску и никакой одежды.

— Тогда ты привлекала бы к себе больше внимания, чем тебе бы понравилось.

Она громко рассмеялась, и он приложил ухо к ее пупку, чтобы насладиться землетрясением, вызванным сокращением брюшных мышц.

Внезапно пошел дождь, стуча по толстым коралловым стеклам. Они замолчали, чтобы послушать. Внезапно Лэйни сжала пальцами его руки и прошептала:

— Облава.

«Она говорит про дождь, — подумал Мэт, поворачиваясь, чтобы посмотреть на нее. — Она была испугана, ее глаза, ноздри и рот расширились. Она имела в виду облаву!»

— У вас же должен быть какой-нибудь запасной выход?

Лэйни покачала головой. Она слушала только ей слышные голоса с помощью слухового аппарата.

— Но у вас же должен быть какой-нибудь запасной выход. Не волнуйся, я ничего не хочу о нем знать. Я в безопасности. — Лэйни посмотрела на него удивленно, и он сказал: — Конечно, я заметил слуховые аппараты. Но это не мое дело.

— Нет твое, Мэт. Тебя пригласили сюда, чтобы мы могли посмотреть на тебя. Каждый из нас иногда приводит посторонних, некоторых приглашают присоединиться.

— О!

— Я сказала правду. Запасного выхода нет. Специальная полиция умеет обнаруживать подземные ходы. Но есть одно убежище.

— Хорошо.

— Мы не можем достичь его. Полиция уже в доме. Они наполнили его сонным газом. Он может начать просачиваться в дверь в любую минуту.

— А окна?

— Они будут ждать нас там.

— Но мы можем попытаться.

— Хорошо. — Она вскочила на ноги и стала надевать платье. И больше ничего. Мэт не стал тратить времени даже на это — он швырнул большую мраморную пепельницу в окно и прыгнул за ней, и в душе благодарил Демонов Тумана за то, что на Удивительной Горе не научились делать неразбивающиеся стекла.

Две пары рук схватили его, прежде чем он успел приземлиться. Он лягнулся и услышал, как кто-то вскрикнул. Краешком глаза он заметил, как Лэйни выскочила из окна и убегает. Хорошо, он привлечет их внимание к себе. Он дернулся, пытаясь освободиться от захвата руки. Огромная мясистая лапа, весившая, пожалуй, целую тонну, ударила его в челюсть. Его колени подогнулись, в глазах вспыхнул свет, и он отшатнулся назад.

Свет погас. Мэт сделал еще одну отчаянную попытку вырваться и почувствовал, что одна рука освободилась. Он наотмашь ударил в сторону и ощутил, как его локоть врезался в податливое мясо и кость: незабываемое ощущение. В следующую секунду он был свободен и бежал прочь.

Только один раз в своей жизни он ударил человека таким образом. Судя по своему ощущению, он должен был размазать его нос по всему лицу. Если Специальная полиция поймает его сейчас...

Сырая, скользкая, предательская трава под ногами. Один раз он наступил на гладкий мокрый камень и, поскользнувшись, упал на траву, ударившись плечом и щекой. Дважды луч прожектора находил его, и каждый раз он ничком бросался в траву и лежал неподвижно, следя за его перемещением. Когда луч шарил в другом направлении, он поднимался и бежал снова. Дождь, должно быть, затуманил прожектора и ослепил глаза людей, — дождь и удача Мэта Келлера. Над ним вспыхивали молнии, но помогало ли это ему или наоборот вредило, он не мог сказать.

Даже когда он был полностью уверен, что находится в безопасности, он продолжал свой бег.

— Ну вот и все.

Миллард Парлет отодвинулся назад вместе со стулом и посмотрел на пишущую машинку с чувством удовлетворения. Его речь лежала на столе, последняя страница наверху. Он взял пачку бумаги длинными узловатыми пальцами и быстро разложил листки в правильном порядке.

— Записать ее сейчас?

— Нет. Лучше завтра утром. Надо немного подождать, чтобы удостовериться, что я ничего не пропустил. Мне ведь нужно будет выступать только послезавтра.

У него было достаточно времени, чтобы записать речь его собственным голосом, а затем проигрывать снова и снова, до тех пор пока он не выучит ее наизусть.

Да, такая отсрочка необходима. Нужно заставить Экипаж понять всю важность обсуждаемых проблем. В течение слишком долгого времени они вели беззаботную жизнь правящего класса, как будто им это было предопределено свыше. Если они не смогут приспособиться...

Даже его собственные потомки... Они не часто говорили о политике, а даже если и делали это, Миллард Парлет замечал, что они говорили не с позиции силы, а так, как будто эта власть принадлежала им по праву. Конечно, семья Парлетов была нетипичной. Сейчас у Милларда Парлета была целая армия детей, внуков, правнуков и других потомков. И все же он пытался встречаться с ними всеми как можно чаще. Те из них, кто разделял обычные вкусы Экипажа — сверхъестественные стили одежды, облеченное в элегантную форму злословие и тому подобные игры, с помощью которых Экипаж обычно скрашивал свое скучное существование, делали это вопреки влиянию Милларда Парлета. Образ жизни любого члена Экипажа полностью определялся уже тем фактом, что он является членом Экипажа.

А если произойдет изменение баланса власти?

Они пропадут. В течение некоторого времени они будут жить в искаженном мире, определяемом ложными посылками, и затем будут уничтожены.

Какой же шанс... какова вероятность того, что они будут прислушиваться к мнению человека — представителя давно ушедшего поколения?

Нет, он просто устал. Миллард Парлет бросил речь на письменный стол, поднялся и вышел из кабинета. По крайней мере, он заставит их слушать. В соответствии с приказом Совета, в два часа по воскресеньям, каждый чистокровный член Экипажа на планете должен был находиться перед своим информационным экраном. Если бы ему только удалось успешно завершить это... Во всяком случае, он обязан попытаться.

Он должен заставить их понять двойной смысл подарков, привезенных Роботом-разведчиком № 143.

Дождь наполнял коралловый дом однообразным шумом. Внутри и вокруг дома можно было увидеть только представителей Специальной полиции. Когда появился майор Дженсен, полицейские как раз уносили на носилках последнего потерявшего сознание колониста.

Он подошел к Джезус Пиетро, отдыхавшему в кресле в гостиной, и положил перед ним пачку фотографий.

— Что это такое?

— Это те, кого нам еще не удалось поймать, сэр.

Джезус Пиетро выпрямился в кресле, снова ощутив прикосновение к телу промокшего форменного костюма.

— Как удалось им проскользнуть мимо вас?

— Не представляю, сэр. Никто из тех, кого мы засекли, не мог скрыться. Никаких секретных туннелей. Специалисты службы эхолокации нашли бы их.

Джезус Пиетро быстро просмотрел все фотографии.

На большинстве из них были написаны имена; имена, которые Джезус Пиетро смог вспомнить и собственноручно записать в начале облавы.

— Это ядро заговора, — сказал он. — Мы сможем избавиться от «Детей Земли» только если найдем этих людей. Где они?

Адъютант молчал. Он знал, что вопрос был риторическим. Глава полиции откинулся на спинку кресла и посмотрел на потолок.

Где же они были? Здесь ведь нет никаких туннелей, ведущих наружу. Не могли же они провалиться под землю. Наверняка они не убежали. Их бы обязательно остановили, или если и не остановили бы, то по крайней мере заметили бы. Конечно, если в рядах полиции не было предателей. Но ведь их не было. Это точно.

А не могли они добраться до края пропасти? Впрочем, нет. Его охраняли гораздо лучше, чем всю остальную территорию.

У мятежников ведь есть прискорбная тенденция прыгать с обрыва, когда они понимают, что проиграли.

Может быть, летающая машина? Но у колонистов не было летающих машин, во всяком случае легально. А в последнее время о пропаже машин никто не сообщал. Но Джезус Пиетро был убежден, что по крайней мере один член Экипажа участвовал в заговоре «Детей Земли». У него не было никаких доказательств, не было даже подозреваемого; но изучение исторических документов показало ему, что революция всегда начинается с верхушки любой общественной структуры.

Какой-либо член Экипажа мог снабдить их машиной для бегства. В этом случае их могли бы заметить, но не остановили бы. Ни один офицер Специальной полиции не осмелился бы задержать машину...

— Дженсен, выясните, не были ли замечены какие-либо машины во время облавы. Если были, то сообщите мне, когда, сколько, и дайте их описание.

Майор Дженсен вышел, ничем не выдав своего удивления по поводу странного приказа.

Один из офицеров обнаружил гнездо уборщиков дома — нишу в южной стене, почти на уровне пола. Он протянул руку внутрь и аккуратно вытащил двух потерявших сознание взрослых особей и четырех детенышей. Положил их на пол, снова протянул руку, чтобы снять гнездо и миску с пищей. Нишу нужно будет обыскать.

Одежда Джезуса Пиетро медленно высыхала и становилась мятой. Он сидел закрыв глаза и сложив руки на груди. Внезапно он открыл глаза, вздохнул и слегка нахмурился.

— Джезус Пиетро, это очень странный дом. Да, почти вызывающе колонистский. — (С интонацией отворачивания.)

Джезус Пиетро посмотрел на стены из розового коралла, на выровненный с помощью песка пол, который закруглялся по краям ковра у самых стен. Неплохой вид. Было бы понятно, если бы здесь жила женщина. Но ведь Гарри Кейн был холостяком.

Сколько мог бы стоять такой дом?

— О, около тысячи звезд, не включая обстановку. Обстановка стоила бы в два раза дороже. Ковры — девяносто звезд, если вы купите один и позволите ему разрастись на весь пол; пара домашних уборщиков — пятьдесят звезд.

— А сколько же стоило устройство подвала под таким домом?

— Демоны Тумана, что за вопрос! Ведь подвалы должны выкапываться руками, человеческими руками! Это вполне могло бы стоить двадцать тысяч звезд. За такую сумму можно было бы построить целую школу. Кому вообще могла прийти в голову мысль устроить подвал в доме из архитектурного коралла? Действительно, кому?

Джезус Пиетро быстро подошел к двери:

— Майор Дженсен!

Результаты поиска могли бы оказаться непредсказуемыми. Джезус Пиетро перешел на передвижной командный пункт, в то время как поисковая группа вошла в дом с эхолокатором. Да, действительно, под домом оказалось большое свободное пространство. Майор Чин хотел найти вход, но это могло занять всю ночь, и, кроме того, звуки работающего локатора могли насторожить колонистов. Джезус Пиетро решил не рисковать и приказал использовать взрывчатку.

И действительно, операция прошла не так гладко. Мятежники собрали какие-то хитроумные приспособления из материалов, которые казались безвредными. Два человека погибли, прежде чем удалось воспользоваться гранатами с усыпляющим газом.

Когда все успокоилось, Джезус Пиетро спустился вслед за передовым отрядом в подвал. Они увидели, что один из потерявших сознание мятежников держал руку на переключателе. Проследив, куда ведут провода, они нашли самодельную бомбу, достаточно большую, чтобы превратить дом и подвал в груды развалин. Пока полицейские обезвреживали бомбу, Джезус Пиетро внимательно всматривался в лицо этого человека, собираясь впоследствии задать ему вопрос, не страшно ли ему было. По своему опыту он знал, что не все мятежники были хитрецами.

Около одной из стен стояла машина. Это была четырехместная модель, выпущенная три года назад. Нижняя часть ее корпуса была сильно поцарапана. Джезус Пиетро и его люди не видели никакой возможности вывести ее из подвала. По всей видимости, дом был построен после того, как машина уже стояла здесь. «Конечно же, — подумал Джезус Пиетро, — они сначала

вырыли подвал, затем нарастили над ним дом». Позже, если это окажется необходимым, его людям придется снести одну из стен, чтобы вывести машину. Практически это вызовет разрушение всего дома.

В подвале была лестница, ведущая к потайной двери наверху. Заметив небольшую бомбу, уложенную под этой дверью, Джезус Пиетро поздравил себя намеренно громко, чтобы слышал майор Чин, с тем, что не позволил майору искать вход. Он мог бы найти его. Один из сотрудников удалил бомбу и открыл потайную дверь. Наверху оказалась гостиная. Неровный кусок ковра из травы-мутанта оторвался и поднялся вместе с крышкой потайной двери. Как только опустится крышка, этот участок вновь зарастет травой в течение двадцати минут.

Как только мертвые и находящиеся без сознания ~~матехники~~ были размещены в патрульных фургонах, Джезус Пиетро прошелся среди них, сравнивая их лица с оставшимися фотографиями. Он был в приподнятом настроении. За исключением одного человека, ему удалось захватить Гарри Кейна и всех его гостей. Банки органов будут пополнены на многие годы вперед. Не только Экипаж будет иметь достаточный запас органов, который, впрочем, у них всегда был, но также образуется некоторый избыток, который будет использован для особо ревностных служителей режима, то есть для гражданских служащих, таких как Джезус Пиетро и его люди. Это будет выгодно даже для колонистов. Госпиталь всегда был готов лечить больного, но достойного колониста, если медицинские запасы были достаточными. Госпиталь старался вылечить всех. Это являлось постоянным напоминанием колонистам, что Экипаж правил от их имени и что их интересы были им не чужды.

Теперь с Детьми Земли было покончено. Со всеми, за исключением одного человека, который, судя по фотографии, был недостаточно стар, чтобы быть опасным. И все же Джезус Пиетро поместил его фотографию на доску объявлений Госпиталя и послал копию в информационную службу с пометкой, что этот человек разыскивается для дачи показаний. И только перед самым рассветом, когда он уже укладывался спать, он внезапно вспомнил, кому принадлежало это лицо. Племянник Мэтью Келлера через шесть лет после того, как он выкинул этот номер с яблочным соком. Теперь он выглядел точно так же, как его дядя.

Дождь прекратился незадолго до рассвета, но Мэт не заметил этого. Укрытый от дождя скалой и густыми кронами развесистых деревьев, он спал. Эта скала отделяла плато Бета от плато Гамма. Он наткнулся на нее в какой-то момент прошлой ночью, чувствуя головокружение и боль раненого тела, насквозь промокший и промерзший от сильного ветра. Он мог либо упасть там, либо попытаться бежать вдоль скалы. Он решил остаться. Если бы Специальная полиция нашла его, он бы никогда не проснулся снова, и он знал это, когда засыпал. Но он был слишком утомлен, чтобы беспокоиться об этом.

Он проснулся около десяти, испытывая ужасную головную боль. Каждый отдельный мускул его тела болел от длительного бега и от сна на сырой земле. Во рту у него было такое ощущение, как будто весь личный состав Специальной полиции прошел по его языку в потных носках. Он лежал на спине, глядя на темные кроны деревьев, которые его предки называли соснами, и старался все вспомнить.

Слишком много событий для одного вечера.

Образы людей, казалось, столпились вокруг него. Худ, Лэйни, четверо высоких мужчин, парень, который напивался за стойкой бара, смеющийся человек, который крал машины у Экипажа, Полли, Гарри Кейн и еще бесчисленное количество локтей и кричащих голосов неизвестных ему людей.

Никого из них уже не было — ни человека, который оставил на его теле шрам, ни радушного бармена, ни Лэйни. Как он мог потерять Лэйни?

Для него все они исчезли навсегда. Конечно, в течение последующих нескольких лет они могли вновь появиться в виде глаз, кровеносных сосудов, лоскутьев скальпа.

Но сейчас полиция, очевидно, ищет самого Мэта.

Он сел, и это движение отдалось болью во всем теле. На нем не было одежды. Специальная полиция, должно быть, нашла его одежду в комнате Лэйни. Могли ли они понять, что это именно его одежда? А даже если и не могли, то им все равно показалось бы странным, как совершенно голый человек может ходить по открытому пространству. На Земле были специальные разрешения для нудистов, а на Вундерленде такие разрешения были даже не нужны. Но на плато Бета ходить без одежды было запрещено.

Он не мог добровольно сдаться потому, что теперь он никогда не сможет доказать, что он не мятежник.

Ему необходимо было как-то достать одежду, и оставалось надеяться, что его еще не ищут.

Он неуверенно поднялся на ноги, и это снова причинило ему боль. Лэйни, Лэйни в темноте, Лэйни, смотрящая на него в освещенной светом лампы постели. Полли, девушка с секретом. Худ, имя которого было Джейхок. На него накатилась волна дурноты, и его вырвало. Ему удалось остановить спазмы исключительно силой воли. Ему казалось, что в его голове стучит барабан. Он выпрямился и пошел к краю рошчи.

Справа и слева, вдоль основания скалы, разделяющей плато Бета и Гамма, росли деревья. Плато Бета находилось наверху, достичь его можно было лишь воспользовавшись мостом, который, должно быть, располагался в нескольких милях слева. Перед ним расстилался луг, на котором паслось несколько овец, а дальше впереди — дома. Дома были во всех направлениях и стояли вплотную друг другу. Его собственный дом находился, очевидно, в четырех милях отсюда. Ему ни за что не удалось бы достичь его незамеченным.

А как насчет дома Гарри? Лэйни сказала, что у них где-то было укрытие. А те, кто ушел перед началом облавы? Некоторые из них могли вернуться. Они могли бы помочь ему.

Но захотят ли они?

И все же ему придется рискнуть. Ему, наверное, удастся добраться до дома Гарри, если он будет ползти в траве. «Счастье Мэта Келлера» должно помочь ему в этом. До своего же дома он, конечно, не доберется.

Его счастье не подвело его и на этот раз. Странное счастье Мэта Келлера, которое, казалось, помогало ему скрыться, когда он не хотел, чтобы его заметили. Спустя два часа он добрался до дома. Его колени и живот чесались и были зелеными от травы.

Почва вокруг дома была сильно изрыта колесами машин. Должно быть, вся Специальная полиция участвовала в этой облаве. Мэт не заметил часовых, но на всякий случай двигался осторожно, на случай, если они были внутри. Были ли это часовые полиции или мятежников, его все равно могли застрелить. Хотя, конечно, часовой мог и не выстрелить сразу, потому что ему бы наверняка захотелось сначала задать вопрос типа: «Где твои штаны, приятель?»

Внутри никого не было. Погибшая или спящая глубоким сном семья домашних уборщиков лежала около дверей одной из стен, рядом с их разграбленным гнездом. Погибшие или, скорее всего, отравленные сонным газом. Домашние уборщики не выносили света, они выполняли свою работу по ночам. В ковре зияло отверстие, которое вело сквозь покров травы и пол из архитектурного коралла в хорошо обставленное помещение под землей. На стенах гостиной были видны следы, оставленные осколками бомбы и усыпляющими пулями. Точно такие же следы Мэт увидел и в подвальном помещении, когда спустился вниз.

В подвале не было людей и практически не осталось никакого оборудования. На тех местах, где стояло тяжелое оборудование, были видны глубокие царапины. Особенно там, где аппараты были вырваны и вырезаны с помощью газового резака. В подвале было четыре двери, и все они выглядели ужасно, так как были искорежены взрывом. Одна из них вела в кухню, а две — в пустые складские помещения. Одна из стен была опрокинута, но стоящий рядом с ней предмет был не поврежден. Дыра, образовавшаяся в результате падения стены, была достаточно большой, чтобы вытащить его. Но отверстие в полу гостиной было слишком мало для этого.

Этим предметом была машина. Одна из тех летающих машин, которыми обычно пользовались все семьи Экипажа. Мэту никогда раньше не приходилось видеть ее так близко. И вот теперь она находилась перед ним, рядом с разрушенной стеной. И, казалось, не было никакой возможности вытащить ее из подвала. Что, черт возьми, Гарри Кейн собирался делать с машиной, на которой невозможно было летать?

Может быть, именно в этой машине и крылась причина облавы. Колонистам строго запрещалось пользоваться летающими машинами. Было ясно, что такие машины могут быть использованы в военных целях. Но почему же ее пропажу не обнаружили раньше? Ведь машина должна была уже находиться здесь, когда дом только начинали строить.

Мэт напрягся, пытаясь вспомнить историю, которую он услышал вчера вечером. Что-то об украденной машине, которая летала вокруг плато до тех пор, пока не кончилось горючее. Без сомнения, машина упала в туман на глазах у следящего за ней в бессильной ярости Экипажа. Но предположим, что он слышал только

официальную версию этого события. Допустим, что топливо не кончилось. Допустим, что машина нырнула в туман и под его прикрытием еще раз облетела вокруг плато и вынырнула в том месте, где Гарри Кейн смог спрятать ее в подвале. Вероятно, он этого никогда не узнает.

Душ все еще работал. Мэта сильно трясло, когда он встал под струю воды. Теплая вода согрела его мгновенно. Он подставил голову под падающую сверху воду, и зеленая краска травы, грязь и застарелый пот устремились ручьями к его ногам. Жизнь теперь показалась ему сносной. Со всеми ее ужасами и неудачами, жизнь все же была прекрасной, если можно было воспользоваться горячим душем.

Внезапно он что-то вспомнил и насторожился.

Облава была такой большой. Специальная полиция схватила всех, кто был на вечеринке. По количеству оставленных следов можно было предположить, что они схватили даже тех, кто ушел раньше, усыпляя их по очереди, по мере того как они направлялись домой. В этом случае они, должно быть, вернулись в Госпиталь почти с двумястами арестованными.

Некоторые из них были не виновны. Мэт знал это наверняка. А Специальная полиция обычно старалась выглядеть справедливой, выдвигая свои обвинения. Суды всегда были закрытыми, и лишь результаты процессов предавались гласности. Но Специальная полиция обычно предпочитала не выносить приговоры невиновным. Подозреваемые иногда возвращались из Госпиталя.

Но выяснение вряд ли займет много времени. Полиция могла просто освободить всех, у кого не было слуховых аппаратов, с предписанием следить за ними в будущем. Те же, у кого найдут слуховой аппарат, будут признаны виновными. А вот для того, чтобы разобрать около сотни обвиненных мятежников на составляющие их части, потребуется значительное время. Следовательно, есть шанс, что Лэйни, Худ и Полли пока еще живы. Не могли же их всех убить к этому времени.

Мэт вышел из-под душа и стал осматриваться в поисках одежды. Он нашел шкаф, который, должно быть, принадлежал Гарри Кейну, потому что шорты были слишком широкими, а рубашки слишком короткими. Он все же оделся, опоясав себя ремнем, вокруг которого сразу же образовались многочисленные складки. Можно

было надеяться, что на расстоянии его одежда будет выглядеть нормально.

Проблема с одеждой была решена. Но та проблема, которая встала перед ним теперь, была гораздо сложнее.

Он понятия не имел, сколько времени требуется на то, чтобы расчленить человека на части и убрать его органы на хранение. Хотя он догадывался, что на то, чтобы сделать это аккуратно, уйдет немало времени. Кроме того, он не знал, захочет ли Специальная полиция в лице ужасного Кастро сначала допросить мятежников. Но он знал наверняка, что каждая минута промедления сокращает шансы на то, что участники вечеринки были еще живы. В настоящий момент шансы были относительно велики.

Мэт Келлер будет проклинать себя всю жизнь, если он сейчас не попытается спасти их.

Но он напомнил себе, что у него практически не было никакой возможности сделать это. Он не сможет добраться до плато Альфа живым. Ведь ему надо пересечь два охраняемых моста.

Полуденное солнце освещало чистый упорядоченный мир, который так не походил на изуродованный коралловый каркас позади него. Мэт постоял на пороге, затем решительно повернулся к неровной дыре в полу комнаты Гарри Кейна. Он должен был знать, что это было невозможно. Подвал был сердцем организации мятежников. Сердцем, которое остановилось. Если бы только полицейские оставили здесь хоть какое-нибудь оружие...

В машине не оказалось никакого оружия. Он заметил многочисленные следы полицейского обыска. Вспоротая обшивка обнажила металлические стены с укрепленными на них болтами. Но болты были либо срезаны, либо вырваны. Мэт насчитал по крайней мере шесть мест, где, должно быть, находилось оружие. Емкость в задней части машины, возможно, содержала самодельные ручные гранаты. Или взрывные устройства. Мэт не мог сказать наверняка. Полицейские забрали все, что могло бы быть использовано в качестве оружия. Но они, кажется, не повредили машину. Очевидно, они когда-нибудь вернутся сюда, чтобы выкопать ее, если решат, что это целесообразно.

Он забрался внутрь и посмотрел на щиток управления, но ничего не нашел. Он никогда раньше не видел щитка управления летающей машины. Первоначально щиток был закрыт крышкой с навесным замком, но сейчас

сломанный замок валялся на полу, а крышка была откинута. Принадлежал этот замок Гарри Кейну или постоянному владельцу машины?

Он сидел в незнакомой для него машине, но не хотел выходить из нее, потому что это означало бы поражение. Когда он заметил кнопку с надписью «Старт», он нажал на нее. Но звук включившегося мотора ему так и не удалось услышать.

Взрыв заставил его дернуться подобно лягушке, через которую пропустили ток. Все случилось молниеносно, а звук взрыва так потряс его, как потряс бы выстрел муху, спящую в стволе ружья. Гарри, должно быть, заложил какое-то устройство, чтобы взорвать дом. Но Мэт был по-прежнему жив, а сверху теперь был виден дневной свет.

Дневной свет!

Четыре фута земли, находившиеся над ним, были сметены взрывом. Теперь в поле его зрения оказалась стена дома. Она была наклонена. Гарри Кейн явно проявил талант, замаскировав взрывчатку, или кто-то сделал это для него. Мэт подумал, что он и сам неплохо справился бы с таким делом. Ведь шахтные черви выполняли далеко не всю его работу.

Дневной свет. И мотор уже работает. Теперь, когда его уши оправились от звукового удара, он услышал слабое гудение. Если бы он смог поднять машину прямо вверх...

Ему бы пришлось пересечь два охраняемых поста, чтобы добраться до плато Альфа. Теперь он мог полететь туда, если, конечно, научится управлять машиной, прежде чем она убьет его.

Или он мог просто пойти домой. На него наверняка не обратили бы внимания, несмотря даже на плохо сидевшую одежду. Колонисты обычно занимались своим делом, предоставляя Экипажу и Специальной полиции следить за соблюдением порядка. Он бы поменял одежду, сжег бы ту, которая была на нем сейчас, и кому бы пришло в голову спросить его, что он делал во время выходных.

Мэт вздохнул и снова осмотрел щиток управления. Он не мог так просто сдать сейчас. Может быть, позже, когда он разобьет машину или его остановят в воздухе. Но не сейчас. Взрыв, который расчистил ему путь, был знаком судьбы, с которым он не мог не считаться.

Ну-ка посмотрим. Вот четыре рычага, установленные

на отметку «ноль». Над каждым рычагом надпись — винты 1-2; 1-3; 2-4; 3-4. Почему же эти маленькие рычажки устроены так, чтобы контролировать винты попарно? Он потянул один из них на себя.

Ничего не произошло. Вот маленький переключатель с тремя позициями: «Нейтральная», «Земля», «Воздух». Переключатель был зафиксирован на позиции «Нейтральная». Он переключил его на позицию «Земля». Ничего не произошло. Если бы он одновременно установил необходимую высоту в дюймах, винты бы заработали. Но он этого не знал и попробовал позицию «Воздух»

Машина рванулась вверх, одновременно начав переворачиваться вверх дном.

Он оказался в воздухе, прежде чем полностью осознал это. В отчаянии он вытянул до отказа все четыре рычага, контролирующие винты, и, пытаясь вернуть машину в нормальное положение, стал по очереди задвигать их обратно. Земля под ним стала удаляться, до тех пор пока овцы, пасущиеся на плато Бета, не превратились в белые точки, а дома на плато Гамма не стали крошечными квадратами.

Наконец машина стала выравниваться.

Но успокаиваться было еще рано.

Винты, соответствовавшие номерам 1, 2, 3, 4, располагались слева спереди, справа спереди, слева сзади и справа сзади, соответственно. Стоило нажать рычаг 1-2, как опускалась передняя часть машины. Рычаг 3-4 опускал заднюю часть, рычаг 1-3 вызывал крен влево, а рычаг 2-4 — вправо. Наконец ему удалось выровнять машину, и он подумал, что самое трудное позади.

Но как заставить ее двигаться вперед?

На щитке располагались шкалы приборов, контролирующих высоту и вращение, но они, казалось, не работали. Он не осмеливался прикоснуться к переключателю с надписанным над ним непонятным словом из трех слогов. Но.. предположим, он опустит нос машины вниз. Очевидно, нужно нажать на рычаг 1-2.

Мэт слегка нажал на этот рычаг. Нос машины стал медленно опускаться вниз. Затем быстрее. Он быстро оттянул рычаг обратно. Движение замедлилось и прекратилось, когда Плато уже оказалось перед ним, как вертикальная стена.

Буквально за секунду до того, как врезаться в эту

стену, ему удалось выровнять машину. Он подождал, пока его нервы успокоятся, затем начал снова.

На этот раз он совсем немного нажал на рычаг 1-2, подождал три секунды и резко потянул его на себя. Это принесло результат. Машина начала двигаться вперед, но с опущенным носом.

К счастью, плато Альфа находилось прямо перед ним. Иначе ему пришлось бы лететь задом наперед, а это привлекло бы к нему внимание. Он не знал, как разворачивать машину.

Машина двигалась довольно быстро. Скорость возросла еще больше, когда он нашел кнопку с надписью «жалюзи». Но тут же машина стала снижаться. Он вспомнил, что жалюзи находились под каждым винтом, тогда он решил отключить их и выровнять высоту. Вероятно, он поступил правильно, потому что машина продолжала двигаться вперед, не падая.

Теперь она строго держала курс.

Перед Мэтом расстился самый живописный пейзаж, который он когда-либо видел.

Внизу проплывали поля и фруктовые деревья плато Бета. С этой высоты можно было отчетливо разглядеть и плато Альфа. Скала, разделяющая плато Альфа и Бета, казалась неровной линией с широкой рекой, повторяющей ее изгибы. Река Большой Водопад. Двигаясь по крутому каньону, прорытому водой за долгие годы, река сверкала голубыми блестками. Скала и река заканчивались у края пропасти слева, и шум падающей воды проникал даже сквозь пластик кабины пилота. Справа простирались бесконечные поля неровной формы, постепенно исчезающие вдалеке в голубой дымке.

Вскоре он пролетит над скалой и повернет к Госпиталю. Мэт точно не знал, как выглядит Госпиталь, но он был уверен, что узнает огромные полые цилиндры космических кораблей. Несколько летающих машин парило над плато Бета не слишком близко от него, а гораздо большее число их, будто черные мошки, вилось над плато Альфа. Ничего, они не помешают ему. Мэт еще не решил, как близко от Госпиталя он приземлится. Возможно, даже членам Экипажа не разрешалось приземляться слишком близко. И если он не ошибется в этом, то может не беспокоиться за то, что его раскроют. Машина была как машина. А машины были только у Экипажа. Поэтому каждый, кто его увидит, предположит, что он один из членов Экипажа.

В этом рассуждении крылась ошибка, но Мэт так и не понял, в чем он ошибся. Его логические выводы казались ему безупречными. Он был спокоен и вел машину настолько уверенно, насколько мог. Если бы кто-нибудь сказал ему, что десятилетний ребенок из семьи Экипажа мог вести машину гораздо лучше, чем он, он был бы глубоко обижен.

Действительно, десятилетнему ребенку из семьи Экипажа никогда не пришлось бы в голову поднять машину в воздух, не включив гироскоп.

Как обычно, но гораздо позднее обычного, Джезус Пиетро завтракал в постели, и, как обычно, майор Дженсен сидел рядом, тоже с чашкой кофе, готовый выполнить любые поручения и ответить на любые вопросы.

— Вы надежно разместили арестованных?

— Да, сэр, они находятся в виварии. Все, кроме троих. К сожалению, на всех не хватило места.

— А этих троих уже направили в банк органов?

— Да, сэр.

Джезус Пиетра проглотил дольку грейпфрута.

— Будем надеяться, что у них не было никакой важной информации. А как насчет случайных участников вечеринки?

— Мы отделили тех, у кого не было слуховых аппаратов, и освободили их. К счастью, нам удалось все закончить до шести часов, потому что именно в это время все аппараты испарились.

— Испарились? И ничего не осталось?

— Доктор Госпин взял пробы воздуха. Возможно, ему удастся найти какие-нибудь остатки.

— Это не так важно. Однако нужно отдать должное их мастерству, если принять во внимание их возможности, — сказал Джезус Пиетро.

В течение пяти минут были слышны только чавкающие и хлюпающие звуки. Затем он быстро спросил:

— А как насчет Келлера?

— Кого, сэр?

— Того, кому удалось скрыться.

— Никаких сообщений о нем из тех районов, где живут колонисты. Никто добровольно не вызвался выдать его. Он не пытался вернуться домой или связаться с каким-нибудь родственником либо с кем-нибудь, кого

он знает по работе Никто из полицейских, участвовавших в облаве, не опознал его по фотографии. Конечно, никто не признается, если мятежнику удалось проскользнуть мимо него.

Снова наступила тишина, пока Джезус Пиетро заканчивал свой кофе. Затем он сказал:

— Проследите за тем, чтобы арестованных приводили ко мне по одному. Я хочу узнать, не видел ли кто-нибудь из них вчера посадку капсулы.

— У одной из девушек были обнаружены фотографии, сэр Контейнера номер три. Вероятно, они были сделаны с помощью телескопического объектива.

— Да? — На какое-то мгновение на лице Джезуса Пиетро появилось выражение панического страха. Миллард Парлет! Если только он узнает...

— Я не понимаю, почему вы не могли сообщить мне об этом раньше. Храните это в тайне. А теперь идите. Нет, подождите минутку, — сказал он, как только Дженсен повернулся к двери. — Могут быть еще подвалы, о которых нам неизвестно. Организуйте пару команд с эхолокаторами, и пусть они обыщут каждый дом на плато Дельта.

— Слушаюсь, сэр. Сделать это немедленно?

— Нет, нет. Виварий уже забит до отказа. Пусть они немного подождут

Телефонный звонок задержал майора Дженсена у двери. Он снял трубку, послушал, затем спросил:

— Хорошо, но зачем вы звоните сюда? Не вешайте трубку. — И с оттенком недоверия в голосе доложил: — Приближается машина, сэр. Она летит странным образом, и, конечно же, они захотели доложить вам об этом лично.

— Какого черта... Впрочем, может быть, эта машина той же самой модели, что и та, которую мы видели в подвале Кейна?

— Я спрошу. — И он спросил.

— Да, сэр.

— Я должен был догадаться, что у них был какой-то способ вытащить ее из подвала. Пусть заставят ее приземлиться.

Геологи (не ругайте меня за это слово) полагали, что Удивительная Гора представляла собой недавнее геологическое образование. Несколько сотен тысяч лет тому назад часть поверхности планеты оказалась расплавлен-

ной. Возможно, внутреннее конвекционное течение вынесло на поверхность большое количество горячей магмы, которая расплавляла почву. А может быть, это явилось следствием падения астероида. Во всяком случае, густая магма продолжала медленно подниматься наверх, постепенно остывая, до тех пор пока не превратилась в гору с неровными краями и более или менее плоской вершиной, возвышавшейся на сорок миль над поверхностью.

Она действительно должна была возникнуть недавно, потому что такая странная геологическая аномалия не могла бы долго противостоять разрушающему воздействию атмосферы Удивительной Горы.

А поскольку она возникла недавно, ее поверхность была неровной. Северная ее часть была значительно выше. Настолько выше, что она была постоянно покрыта слоем нетающего льда. Она была такой высокой и такой холодной, что жить здесь было невозможно. Обычно реки и ручьи текли на юг и впадали либо в реку Мутная, либо в реку Большой Водопад, проходя при этом по глубоким каньонам, образовавшимся в результате длительного воздействия воды. Оба каньона заканчивались великолепными водопадами. Самыми крупными из всех известных во Вселенной. Итак, обычно реки текли на юг. Но были и некоторые исключения, потому что поверхность Удивительной Горы была неровной и представляла собой лабиринт наклонных плато, разделенных каньонами и ущельями.

Некоторые плато были совершенно плоскими, некоторые скалы были гладкими и вертикальными. Большинство из них находилось в южной части. На севере же поверхность была усыпана оторвавшимися большими валунами и покрыта странными озерами с глубоким конусообразным дном. Передвигаться здесь было бы трудно даже горным козам. Тем не менее все эти районы будут когда-нибудь заселены. Точно так же, как это произошло со скалистыми горами на земле.

Корабли космонавтов приземлились в южной части на самом высоком плато. Однако сами они вынуждены были поселиться гораздо ниже. Теперь, когда колонистов было гораздо больше, чем членов Экипажа, они занимали меньшую территорию, потому что у Экипажа были машины. А на летающих машинах можно было легко добраться даже до самого отдаленного дома в горах, тогда как на велосипедах этого сделать было невозможно. Итак, плато Альфа было местом жительства Экипажа.

Большинство колонистов предпочитали жить тесной общиной, а не находиться в изоляции, подобно членам Экипажа.

Таково было положение дел на плато Альфа.

Когда Мэт в очередной раз посмотрел вниз, под ним были сплошные дома. Они сильно отличались друг от друга по размеру, по цвету, по стилю и по строительному материалу. Для Мэта, который всю жизнь провел среди зданий из архитектурного коралла, эти жилища были похожи на хаос и напоминали развалины, оставшиеся от взрыва машины времени. Здесь также были видны стоящие тесной группой заброшенные, осыпающиеся коралловые дома, каждый из которых был значительно больше, чем обычный дом колониста. Два или три из них были такие же большие, как школа, в которой когда-то учился Мэт. Когда архитектурный коралл впервые попал на плато, он предназначался только для домов Экипажа. Но позднее он полностью вышел из моды.

Все дома вокруг были одно- или двухэтажными. Когда-нибудь здесь будут построены небоскребы, если рост численности Экипажа не прекратится. А пока Мэт заметил вдалеке две приземистые башни, которые как бы вырастали из бесформенной конструкции из камня и металла. Это, несомненно, был Госпиталь. И он находился прямо по курсу.

Мэт начинал ощущать усталость от полета. Ему приходилось одновременно держать в поле зрения щиток управления, землю и здание Госпиталя. Оно приближалось, и вскоре он смог осознать его истинные размеры.

Каждый из теперь пустых кораблей был построен с таким расчетом, чтобы в нем могли расположиться в относительном комфорте шесть членов Экипажа и пятьдесят колонистов в состоянии анабиоза. Каждый корабль имел также грузовой отсек, два реактивных мотора, работающих на расщепленной воде, и топливный бак с водой. И все это было размещено в полном цилиндре с двойными стенами, напоминающем по форме банку с пивом, из которой были удалены с помощью консервного ножа дно и крышка. Пассажирская часть корабля имела форму кольца. Во время полета между мирами корабль вращался вокруг своей оси, чтобы обеспечить искусственную силу тяжести. А полая центральная часть, в которой сейчас находились лишь два перекрещивающихся крепления, раньше содержала два водородных баллона, которые использовались при посадке.

Корабли были большими. Поскольку Мэт не мог видеть внутренние помещения, которые Экипаж называл аттиком, они казались ему еще больше. Они казались вросшими в неуклюжую каменную махину Госпиталя. Большая часть Госпиталя была двухэтажной, и только некоторые башни по высоте достигали середины кораблей. Некоторые из них, должно быть, были энергостанциями, а о назначении других он не мог догадаться. Вокруг Госпиталя на полмили простиралась пустая голая скала, такая же голая, каким было все плато до того времени, когда корабли привезли тщательно отобранные семена деревьев. И лишь полоска леса, которая доходила до самого Госпиталя, нарушала однообразную пустоту этого полумильного круга.

Все остальные деревья были уничтожены. «Почему же, — подумал Мэт, — Специальная полиция оставила именно эту полосу деревьев?»

На какое-то мгновение он почувствовал, что его тело онемело. Но это быстро прошло. А затем его охватила паника. Неужели луч звукового парализатора? В первый раз за время полета он оглянулся. Двадцать или тридцать машин Специальной полиции преследовали его.

Луч снова задел его вскользь. Мэт до отказа задвинул рычаг 1-3. Машина завалилась влево, наклонившись под углом сорок пять градусов или даже больше, прежде чем он начал выравнивать ее. Теперь он со все возрастающей скоростью двигался к внешнему краю плато Альфа.

Он снова почувствовал онемение, но на этот раз оно не прошло. Мэт понял, что если раньше они просто пытались заставить его приземлиться, то теперь они хотели, чтобы он разбился, прежде чем успеет рухнуть в пропасть. У него потемнело в глазах, и он полностью потерял контроль над своим телом. Машина летела, снижаясь, по направлению к земле и к краю пропасти.

Онемение постепенно ослабевало. Он попытался поднять руку, но она лишь конвульсивно дернулась. Затем луч достиг его снова, но с гораздо меньшей интенсивностью. И он знал почему. Он далеко опередил полицию, потому что те не хотели лететь так низко, как он, из страха врезаться в край пропасти. Это была отчаянная игра.

Сквозь пелену в глазах он видел, как темный край скалы надвигался на него. Он пролетел всего в нескольких ярдах над ним. Теперь его тело снова могло двигаться, хотя и рывками. Повернув голову, он увидел, как машины

снижаются за ним. Теперь они должны были знать, что упустили его, но они, по крайней мере, хотели увидеть, как он упадет в пропасть.

Как далеко внизу был туман? Он этого не знал. Конечно, несколько миль. А может быть, десятки миль? Они будут парить над ним до тех пор, пока он не исчезнет в тумане. Он не мог вернуться обратно на плато. Они бы парализовали его, подождали немного и вытащили бы то, что осталось от него после катастрофы. Теперь для него был открыт только один путь.

Мэт перевернул машину вверх дном.

Полицейские спускались за ним до тех пор, пока у них не стало закладывать уши. Тогда они зависли над пропастью в ожидании. Прошло несколько минут, прежде чем машина беглеца исчезла из видимости. Она двигалась перевернутой и, удаляясь, превращалась в неясную темную точку, пересекающую тонкую линию тени на границе тумана. Еще раз мелькнула на пределе человеческого зрения и исчезла.

— Ужасный конец, — сказал кто-то. Это прозвучало во всех переговорных устройствах, и никто не возразил.

Полицейские повернули свои машины в сторону Госпиталя, который теперь находился высоко над ними. Они великолепно знали, что их машины не были полностью герметичными. В последние годы некоторые смельчаки опускались на своих машинах в пропасть, чтобы доказать свою храбрость и измерить ту границу, за которой воздух становился ядовитым. Эта граница начиналась намного выше тумана. Некто, по имени Грилли, даже совершил дерзкий трюк, предоставив своей машине падать с выключенными моторами до тех пор, пока ядовитый туман не стал просачиваться в кабину. Он падал около четырех миль, окруженный со всех сторон горячим ядовитым туманом, прежде чем остановился. Ему посчастливилось вернуться обратно, прежде чем он потерял сознание. А Госпиталю даже пришлось заменить ему легкие. На плато Альфа он до сих пор считался настоящим героем.

Но даже Грилли никогда бы не пришло в голову перевернуть свою машину и падать штопором в направлении дна. И никто не сделал бы этого. По крайней мере никто из тех, кто знал хоть что-нибудь об

устройстве машины. Она могла развалиться в воздухе. Но Мэту это не пришло в голову. У него не было никаких знаний о летающих машинах. Колонисты знали только то, что было необходимо для их жизни, а знание техники для них считалось роскошью. Им нужны были дешевые дома, плодоносящие фруктовые деревья и ковры, которые не нужно было ткать руками. И им совсем не нужны были электрические посудомойки, холодильники, бритвы и машины. Эта сложная техника производилась сложными машинами, а Экипаж старался не отдавать колонистам никаких машин. То небольшое количество техники, которым они располагали, принадлежало всем колонистам. Самой сложной машиной, которую Мэт видел за всю свою жизнь, был велосипед.

Летающая машина не была предназначена для полетов с выключенным гироскопом, но Мэту удалось сделать это. Ему нужно было спуститься вниз в туман, чтобы спрятаться от полиции. И чем быстрее он будет там, тем дальше оторвется от них.

Сначала он был вжат в кресло силой, в полтора раза превышающей силу тяжести на Удивительной Горе. Свист ветра за бортом стал слышен даже сквозь звуко-непроницаемый корпус. Сопротивление воздуха, толкающее машину вверх, все возрастало, до тех пор пока не скомпенсировало ускорение работающих винтов. И тогда машина оказалась в свободном падении. Постепенно стала исчезать сила тяжести, и Мэт чуть было не упал на крышу кабины. Он подозревал, что заставляет машину делать что-то ей несвойственное. Но что именно, не знал. Когда удерживаться на кресле стало невозможно, он схватился за подлокотники и стал лихорадочно озираться вокруг в поисках чего-нибудь, что помогло бы ему не упасть. Он обнаружил привязные ремни. Они не только помогли ему удержаться на месте после того, как ему удалось застегнуть их, но также вселили в него уверенность. Очевидно, они были предназначены именно на такой случай.

Постепенно становилось темнее. Даже небо, которое сейчас находилось над его ногами, потемнело. Полицейских машин не было видно. Очень хорошо. Мэт задвинул все рычаги до отказа, отключив винты.

Прилившая к голове кровь чуть не задушила его. Он перевернул машину в нормальное положение. Давление вжало его в кресло с силой, которую ни один человек

не испытывал со времен технически несовершенных химических ракет. Но теперь он мог его выдержать. А вот что было действительно невыносимым, так это жара и боль в ушах, а также неприятный привкус во рту.

Он снова запустил винты. Теперь он хотел как можно быстрее остановиться.

Однако как он поймет, что остановился? Вокруг теперь был не легкий туман, а темная непрозрачная среда, не дающая никаких указаний относительно скорости. Если смотреть на туман сверху, с края пропасти, он казался белым, но здесь, в глубине, он казался черным. И затеряться здесь было бы ужасно. Слава Богу, что по крайней мере он знал, где находится верх. Туман был слегка светлее в этом направлении.

Воздух имел вкус раскаленной патоки.

Он запустил винты на полную мощность. Но ядовитый воздух по-прежнему проникал внутрь. Мэт закрыл рот краем рубашки и попытался дышать через нос. Но это не помогало. Что-то похожее на темную стену внезапно вынырнуло перед ним из непрозрачного тумана, и ему с трудом удалось развернуть машину, чтобы избежать удара о край Удивительной Горы. Он стал подниматься рядом с этой стеной, наблюдая, как она стремительно несется вниз. Он надеялся, что его будет труднее обнаружить под прикрытием края скалы.

Туман кончился. Он вынырнул наверх и оказался в лучах ослепительно яркого солнца. Когда он решил, что удалился от ядовитого тумана на достаточное расстояние, и когда он уже не мог дышать ядовитыми испарениями, накопившимися в кабине, ни секунды больше, он открыл окно. Машина рванулась в сторону и опять попыталась перевернуться. По кабине пронесся ураган. Этот ураган был горячим, густым и влажным, но им, по крайней мере, можно было дышать.

Наверху он увидел край плато и слегка задвинул рычаги, чтобы замедлить движение. Тошнота подступила к горлу, и впервые за то время, как он забрался в машину, его вывало. Его желудок, казалось, пытался вывернуться наизнанку, и голова раскалывалась от внезапных смен давления, а все мышцы болели и судорожно дергались, как следствие воздействия парализующих лучей. Ему с трудом удавалось удерживать машину в горизонтальном положении до тех пор, пока край плато не поравнялся с ним. В этом месте вдоль края шла каменная стена. Он направил машину вбок и перелетел

через стену, а затем осторожно поворачивал до тех пор, пока она не зависла неподвижно, и позволил ей упасть.

Машина упала с высоты около четырех футов. Мэт открыл дверь, чтобы выйти, но задержался. Он чувствовал, что может упасть в обморок. И тут же он вспомнил, что не отключил винты. Он нащупал переключатель... «Нейтральный»... «Земля»... «Воздух»... Он перевел переключатель «Воздух» вперед не глядя. Он очень устал, плохо себя чувствовал, и ему хотелось лечь.

Переключатель остановился около позиции «Земля».

Мэт буквально вывалился из двери. Вывалился, потому что машина вдруг начала подниматься. Она поднялась на четыре дюйма над землей и начала скользить. Во время своих полусознательных экспериментов Мэт, должно быть, включил регулятор высоты, и теперь машина перешла в режим движения на воздушной подушке. Он попытался догнать ее, но не смог. Стоя на четвереньках, он смотрел, как она движется над неровной землей, ударяется о стену, снова движется вперед и снова ударяется о стену. Таким образом она достигла конца стены и свалилась в пропасть.

Мэт перевернулся на спину и закрыл глаза. Больше всего на свете ему не хотелось еще раз испытать ужас полета в этой машине.

Все последствия полета — тошнота, результаты воздействия парализующих лучей и ядовитого воздуха, смена давлений — все это, казалось, навалилось на него одновременно, и ему захотелось умереть. Затем постепенно все это начало проходить. Он обнаружил, что там, где он лежал, никого не было. Рядом находился дом, но он выглядел нежилым. Через некоторое время Мэт сел и проверил свои ощущения.

У него болело горло, и во рту все еще держался неприятный привкус.

Он по-прежнему находился на плато Альфа. Ведь, конечно, только Экипажу могла прийти в голову идея строительства стены вдоль края пропасти. Итак, он оказался в ловушке. Когда он впервые задумал добраться до плато Альфа, не имея машины, его шансы были практически равны нулю. И теперь, когда он вновь лишился машины, он, конечно же, не сможет покинуть его.

Стоявший рядом дом был построен из архитектурного коралла. Хотя он был значительно больше, чем те, к которым привык Мэт, это все же было здание из коралла.

А это означало, что дом, должно быть, был покинут около сорока лет тому назад.

Ему придется рискнуть. Ему нужно было место, где бы он мог укрыться. Поблизости нет деревьев, но прятаться среди деревьев все равно опасно. Они почти наверняка были бы фруктовыми, и кто-нибудь мог прийти, чтобы собрать плоды.

Мэт поднялся и направился в сторону дома.

ГЛАВА 4

ДОПРОС

Госпиталь был центром, контролирующим этот мир. Сам по себе мир был невелик, а освоенный район занимал лишь две тысячи квадратных миль. Но его необходимо было держать под жестким контролем. Ему требовались значительное количество электроэнергии и воды, которую приходилось подавать из реки Большой Водопад, а также значительное внимание со стороны медиков. Госпиталь был большим комплексом, сложным и многогранным. В его восточном и западном концах находились два космических корабля, рассчитанных на пятьдесят шесть человек. Теперь они представляли собой полые цилиндры с воздушными шлюзами, открывающимися внутрь аттика (так называлась их внутренняя часть, когда вращающиеся корабли двигались в космосе и их ось была направлена на звезду, к которой они летели), а коридоры в этих кораблях были изогнуты и напоминали лабиринт, так что в них можно было легко заблудиться.

Поэтому молодой человек, находящийся в кабинете Джезуса Пиетро, понятия не имел, в какой именно части здания он находился. Если бы ему даже удалось покинуть кабинет незамеченным, он бы безнадежно заблудился. Он знал это. И это было к лучшему.

— Вы должны были включить взрывное устройство, — сказал Джезус Пиетро.

Человек кивнул. Его волосы песочного цвета были пострижены в старом стиле Белтера, скопированном с еще более старого стиля индейцев — мохоков. Под его глазами были тени, как будто от недосыпания. На самом деле они были вызваны чрезмерной усталостью, несмотря

на то что он спал с тех самых пор, как его захватили в подвале Гарри Кейна.

— Вы не выполнили это, — голос Джезуса Пиетро звучал осуждающе. — Вы специально упали на переключатель так, чтобы он не сработал.

Молодой человек посмотрел на него. Его лицо выражало неприкрытую ярость. Но он даже не пошевелился, потому что все равно ничего не мог бы сделать.

— Не нужно стыдиться. Взрывное устройство с переключателем — это старый трюк. Однако на практике он почти никогда не срабатывает. Отвечающий за это человек почти всегда меняет решение в последний момент. Это...

— Я совершенно искренне думал, что проснулся на том свете, — крикнул молодой человек.

— Естественная реакция. Нужно быть психом, чтобы совершить самоубийство. Нет, нет, не рассказывайте мне ничего об этом. Это меня не интересует. Я хочу услышать о машине, которая находилась у вас в подвале.

— Вы думаете, что я трус, правда?

— Это — некрасивое слово.

— Это я украл машину.

— Вы? — В голосе Джезуса Пиетро прозвучал явный скепсис. Он не верил ему. — Тогда, может быть, вы расскажете мне, почему похищение машины осталось незамеченным.

Молодой человек стал рассказывать ему. Он говорил с удовольствием, стремясь к тому, чтобы Джезус Пиетро признал его храбрость. А почему бы и нет? Ведь никого не осталось из тех, кого он мог бы предать. Он будет жить, пока Джезус Пиетро интересуется им и еще три минуты после этого. Операционная, работавшая на банки органов, находилась в трех минутах ходьбы отсюда. Джезус Пиетро вежливо слушал. Да, он помнил машину, которая, как бы бросая вызов, кружилась вокруг плато Альфа в течение пяти дней. Молодой член Экипажа, владелец машины, устроил Кастро разнос за это. Он даже потребовал, чтобы один из людей Кастро прыгнул на машину сверху, забрался в кабину пилота и вернул ее на прежнее место. Тогда терпение Джезуса Пиетро лопнуло, и он рискнул своей жизнью, вежливо предложив молодому человеку совершить этот подвиг самому.

— Итак, мы спрятали ее в то самое время, когда строили подвал, — закончил арестованный. — Затем мы выстроили сверху дом. У нас были большие планы. —

Он вновь погрузился в состояние отчаяния, но продолжал говорить, хотя и без прежнего энтузиазма: — В машине было место для установки орудий. Ящики для гранат. Мы украли акустический парализатор и установили его у заднего окна. Теперь никто уже этим не воспользуется.

— Машину использовали.

— Что?!

— Сегодня днем. Келлеру удалось ускользнуть от нас прошлым вечером. Он вернулся в дом Кейна сегодня утром, взял машину и долетел почти до самого Госпиталя, прежде чем мы остановили его. Одни только Демоны Тумана знают, что он собирается сделать.

— Здорово! Последний полет... Нам так и не удалось придумать названия нашим воздушным силам. Нашим победоносным воздушным силам. Кто, вы сказали, сделал это?

— Келлер, Мэтью Келлер.

— Я не знаю его. Каким же образом он сумел воспользоваться моей машиной?

— Не морочьте мне голову. Вы все равно не сможете защитить его. Мы сбросили его в бездну. Рост пять футов десять дюймов. Возраст двадцать один год, волосы темные, глаза голубые...

— Говорю же вам, что я никогда не встречал его.

— До свидания. — Джезус Пиетро нажал кнопку под столом. Дверь открылась.

— Подождите минутку. Минуточку...

«Джей, — подумал Джезус Пиетро после того, как человека увели. — Возможно, и насчет машины тоже солгал. Возможно, где-то в виварии человек, который на самом деле украл машину, ожидал вопроса. Если только она вообще была украдена. Ее мог передать колонистам и один из членов Экипажа, гипотетический предатель».

Он часто удивлялся, почему Экипаж не хочет снабдить его эликсиром правды. Его несложно было бы приготовить, воспользовавшись инструментами, находившимися в библиотеке корабля. Миллард Парлет однажды, находясь в хорошем расположении духа, попытался объяснить это. «Нам принадлежат их тела, — сказал он. — Мы расчлняем их из-за самого пустякового проступка, а если им удастся умереть своей смертью, мы все равно забираем у них те органы, которые еще можно спасти. Но разве же эти несчастные не имеют права сохранить хотя бы свои мысли?»

Было странно, что такую жалостливую позицию за-

нимает человек, вся жизнь которого зависит от банка органов. Но остальные члены Экипажа, вероятно, ее разделяли. Поэтому, если Джезус Пиетро хотел, чтобы на его вопросы отвечали, он должен был полагаться на психологические приемы, выработанные на основе собственного опыта.

Полли Торнквист. Возраст — двадцать лет. Рост пять футов один дюйм. Вес девяносто пять фунтов. На ней было измятое вечернее платье в стиле колонистов. Но, по мнению Джезуса Пиетро, это ее не портило. Она была миниатюрной, и у нее была смуглая кожа, и по сравнению с большинством женщин, которых Джезус Пиетро встречал в обществе, она была весьма мускулистой. Но эти мускулы были результатом тяжелой работы, а не занятии теннисом. У нее были натруженные руки. Ее волосы, зачесанные назад, слегка завивались, но не носили никаких следов укладки.

Если бы она воспитывалась, как воспитывались девушки из семей Экипажа, если бы она могла пользоваться косметикой, которой пользуются на плато Альфа, она бы знала, как добиться того, чтобы выглядеть красивой. Она, безусловно, выглядела бы совсем неплохо, если бы на ее руках не было мозолей, а косметические мази смягчили бы ее кожу. Но, как и большинство колонистов, она выглядела гораздо старше своих лет.

И все же она была молодой девушкой и была похожа на тысячи других молодых девушек из колонистов.

Она выдерживала его пристальный взгляд в течение целой минуты, прежде чем спросила с вызовом:

— Итак?

— Итак? Ты Полли Торнквист? Не так ли?

— Конечно.

— Когда тебя задержали прошлым вечером, у тебя находилась целая пачка фотографий. Как тебе удалось получить их?

— Я не хочу отвечать.

— Рано или поздно, я думаю, тебе придется ответить.

А пока — о чем бы ты хотела поговорить?

Полли выглядела удивленной.

— Вы серьезно?

— Совершенно серьезно. Я сегодня уже допросил шесть человек. Банк органов заполнен, и, кроме того, рабочий день уже подходит к концу. Я никуда не спешу. Ты знаешь, что означают эти твои фотографии?

Она устало кивнула:

— Думаю, что да. Особенно после облавы.
— О, так ты поняла, чем была вызвана облава?
— Совершенно очевидно, что организация «Дети Земли» вам больше не нужна. Мы всегда представляли для вас некоторую опасность.

— По-моему, вы льстите себе.

— Но вы никогда не предпринимали серьезных попыток разделаться с нами. Никогда до настоящего момента. Потому что нас использовали как источник пополнения ваших проклятых банков органов.

— Ты удивляешь меня. Ты знала об этом, когда вступила в организацию?

— Я была совершенно убеждена в этом.

— Тогда зачем ты вступила?

Она развела руками:

— А почему вообще люди вступают в такого рода организации? Я не могла примириться с тем, как обстоят сейчас дела. Кастро, что сделают с вашим телом, когда вы умрете?

— Кремируют. Я пожилой человек.

— Вы член Экипажа. Вас бы кремировали в любом случае. Только колонисты попадают в банки органов.

— Я не чистокровный член Экипажа, — сказал Джезус Пиетро. Его желание разговаривать было совершенно искренним, а скрывать что-либо от девушки, которая обязательно умрет, не было никакой необходимости. — Когда мой, как его можно назвать, псевдоотец достиг возраста семидесяти лет, он был уже достаточно стар, и ему необходимы были инъекции тестостерона. Однако он решил эту проблему другим способом.

Девушка посмотрела на него с удивлением, затем с ужасом.

— Я вижу, что ты понимаешь меня. Вскоре после этого его жена, моя мать, забеременела. Я должен признать, что они воспитывали меня почти как члена Экипажа. Я любил их обоих, и я не знаю, кем был мой настоящий отец. Он мог быть или мятежником, или вором.

— Для вас, я думаю, в этом нет никакой разницы. — В голосе девушки звучал вызов.

— Конечно, нет. Впрочем, вернемся к «Детям Земли», — сказал Джезус Пиетро. — Вы совершенно правы. Эта организация нам больше не нужна ни как источник пополнения банков органов, ни для каких других целей. Ваша организация была крупнейшей группой мятежни-

ков на Удивительной Горе, и об остальных мы позаботимся по мере того, как они будут появляться.

— Я не понимаю. Банки органов уже устарели. Не так ли? Почему бы вам не опубликовать эту новость? Тогда бы наступил общепланетный праздник.

— Именно поэтому мы и не передаем эту новость. Ишь чего захотела! Нет, банки органов совсем не устарели. Просто нам нужен меньший запас исходного материала. А как средство наказания за преступления банки органов по-прежнему очень важны.

— Ну и подлец же вы, — сказала Полли. Кровь прилила к ее лицу, а в ее голосе слышалась холодная, едва сдерживаемая ярость. — Если бы мы только знали, что нас убивали бесцельно, мы сумели бы получить поддержку.

— Ты не умрешь бесцельно, — начал терпеливо объяснять Джезус Пиетро. — Бесцельные смерти прекратились после того, как была пересажена первая почка от одного близнеца к другому, а Ландштайнер открыл группы крови в тысяча девятисотом году. А что ты знаешь о машине, которая была в подвале Кейна?

— Я не хочу говорить.

— С тобой сложно разговаривать.

Девушка улыбнулась в первый раз:

— Вы уже говорили мне об этом.

Его собственная реакция удивила Джезуса Пиетро. Вспышка восхищения, после которой кровь закипела от желания. Внезапно грязная девчонка-колонистка стала для него единственной во всем мире. Джезус Пиетро старался, чтобы на его лице не проявилось никаких эмоций, и подождал, пока кровь успокоилась. На это потребовалось несколько секунд.

— Ты знаешь Мэтью Ли Келлера?

— Кого? Я...

— Ты не хочешь говорить. Ты, вероятно, знаешь, что на этой планете не используется эликсир правды. В библиотеках кораблей существуют инструкции по изготовлению скополамина, но ни один из членов Экипажа не позволит мне воспользоваться ими. Поэтому мне пришлось разрабатывать свои собственные методы. — Он заметил, как она напряглась. — Нет, нет, боли не будет. Они отправят меня в банк органов, если я буду применять пытки. Я всего лишь собираюсь предоставить тебе возможность хорошо отдохнуть.

— Мне кажется, я понимаю, что вы имеете в виду.

Кастро, из чего вы сделаны? Вы сами наполовину колонист. Что же заставляет вас быть вместе с Экипажем?

— В этом мире должны соблюдать закон и порядок, мисс Торнквист. А на Удивительной Горе существует только одна сила, способная следить за соблюдением законов и порядка, и этой силой является Экипаж. — Джезус Пиетро нажал кнопку вызова.

Он смог расслабиться только когда ее увели. И тогда он понял, насколько он потрясен. Заметила ли она эту вспышку неуправляемого желания? Надо же было такому случиться! Но она, должно быть, посчитала, что это была злость. Конечно же, она должна была так подумать.

Полли шла по лабиринту коридоров и вдруг внезапно вспомнила Мэта Келлера. Ее величественная поза, предназначенная для эскортирующих ее полицейских, слегка смягчилась от этого воспоминания. Почему Джезус Пиетро заинтересовался Мэтом? Он ведь даже не был членом их организации. Означает ли это, что ему удалось спастись?

Странно все было в тот вечер. Ей понравился Мэт. А затем внезапно.. Для него это, должно быть, выглядело так, как будто она отвергла его. Что ж, теперь это не имело значения. Но Специальной полиции, должно быть, пришлось отпустить его. Он был приглашен всего лишь для прикрытия.

Кастро. Почему он рассказал ей все это? Было ли это частью его шоковой терапии? Ну что ж, она будет держаться так долго, как только сможет. Пусть Кастро беспокоится о том, кому известна правда о Роботе-разведчике № 143. Она никому не успела рассказать об этом. Но пусть он поволнуется.

Девушка посмотрела вокруг себя в радостном удивлении, на неровные стены, на потолок с облупившейся выцветшей краской, на спирально поднимавшуюся лестницу, на свалившийся коричневый коридор, который был когда-то травой. Она смотрела, как облачка пыли вздымаются под ее ногами, и гладила руками коралловую стену в тех местах, где отвалилась краска. Ее новый яркий свободный джемпер казался пылающей точкой в полумраке покинутого дома.

— Это очень странно, — сказала она. Ее речь была мелодичной, как и у всех членов Экипажа, и для уха Мэта звучала странно.

Юноша снял руку с ее талии и широким жестом показал на окружающие дома.

— Они все живут вот так, — сказал он с таким же акцентом. — Именно так. Ты можешь видеть их дома из машины, когда направляешься к озеру.

Мэт улыбаясь следил за тем, как они поднимаются по лестнице. Никогда раньше ему не приходилось видеть двухэтажный коралловый дом; баллоны было слишком сложно надувать, и поэтому второй этаж всегда провисал, если не удавалось сохранить разницу в давлении. Почему же они не приходили раньше на плато Дельта, если хотели посмотреть, как живут колонисты?

Но зачем им это? Их собственные жизни наверняка были гораздо более интересными для них.

Они были очень странными людьми. Их было трудно понять, и не только из-за акцента, а потому, что некоторые слова означали совсем другие понятия. Их лица были чужими, с постепенно расширяющимися книзу крыльями носов и выступающими широкими скулами. В отличие от всех тех людей, которых Мэт знал, они казались хрупкими, с неразвитыми мускулами, но были грациозны и красивы до такой степени, что Мэт часто думал, в чем же состоит их мужская сила. Но они вели себя так, как будто им принадлежал весь мир.

Заброшенный дом не оправдал его надежд. Он подумал, что все пропало, когда увидел приближающуюся молодую пару членов Экипажа, которые с таким интересом осматривались вокруг, как будто они были в музее. Но если повезет, они задержатся наверху некоторое время.

Мэт осторожно вышел из шкафа, где он прятался, взял их корзину с завтраком и побежал на цыпочках к двери. Рядом было только одно место, где он мог спрятаться и о котором он должен был подумать раньше.

Он перелез через низкую каменную стену, держа корзинку в одной руке. С той стороны, где находилась пропасть, внизу был гранитный карниз шириной в три фута. Мэт уселся на него, скрестив ноги и прислонившись спиной к каменной стене. Его голова была лишь на дюйм ниже верхушки стены, а его ноги были лишь в одном футе от сорокамильной пропасти, ведущей в Ад. Он открыл корзину с завтраком.

Еды, которая находилась там, было более чем достаточно для двоих. Он съел все: яйца и бутерброды, тубики со сладким кремом, пригоршню маслин и выпил суп из термоса. Затем он столкнул корзинку и обрывки

упаковочного целлофана в пропасть. Его глаза долго следили за их падением.

Каждый может увидеть бесконечность, если посмотрит на небо безоблачной ночью. Но только в маленьком мирке Удивительной Горы можно было увидеть бесконечность, посмотрев вниз.

Нет, это, конечно, не была настоящая бесконечность. Впрочем, такой бесконечностью не является и ночное небо. Вы можете увидеть лишь несколько близких галактик, но даже если бы Вселенная и оказалась конечной, то ваш взгляд мог бы проникнуть лишь на небольшое расстояние в глубь ее. Мэт видел такую иллюзорную бесконечность, смотря прямо вниз.

Он видел, как падает корзинка, становясь все меньше, и исчезает.

Оберточный целлофан порхает вниз и тоже исчезает. И остается лишь белый туман.

Когда-нибудь в отдаленном будущем это явление назовут Трансом плато. Это была форма самогипноза, хорошо знакомая жителям плато обоих социальных классов, отличающаяся от других форм только тем, что почти каждый мог погрузиться в это состояние совершенно случайно. В этом отношении «Транс плато» может быть сравним с древним плохо изученным явлением «дорожного гипноза», названным в поздних работах «явлением далекого взгляда». Это была форма религиозного транса, которая широко использовалась религиозными сектами солнцепоклонников. Эффект «далекого взгляда» возникает у шахтера, который слишком долго не отрываясь смотрит на единственную звезду на фоне темного космоса. «Транс плато» начинается с продолжительного задумчивого взгляда на белый туман в пропасти.

В течение восьми часов у Мэта не было ни одной возможности отдохнуть, и сейчас он не собирался упустить этот шанс и не собирался мешкать. Здесь он чувствовал себя в относительной безопасности. Он расслабился.

Он вышел из транса, не подозревая, сколько времени прошло. Он лежал на боку, лицом над краем пропасти, и смотрел вниз в непроницаемую мглу. Наступила ночь, и он чувствовал себя великоленно.

И в этот момент он все вспомнил.

Он поднялся и осторожно перелез через стену. Ему совершенно не хотелось поскользнуться сейчас, когда от пропасти его отделяло всего три фута; а когда он

нервничал, то всегда становился неуклюжим. Сейчас его желудок, казалось, был заменен пластмассовой моделью для занятий по биологии. Его руки и ноги дрожали.

Оказавшись на другой стороне, он немного отошел от стены и остановился. В каком же направлении находился Госпиталь?

«Ну давай же, — подумал он. — Это же смешно».

Слева от него возвышался небольшой холм. Вдоль края холма на фоне темного неба виднелся неяркий свет. Он попробует пойти туда.

Мягкая земля с растущей на ней травой кончилась, когда он достиг вершины холма. Теперь под его босыми ногами был камень, и этот камень был покрыт пылью, которую никто не трогал в течение трехсот лет с тех пор, как колонисты стали заселять эту планету. Он стоял на холме и смотрел на Госпиталь. До него было не больше полумили, и он весь был залит ярким светом. Позади него и во всех других направлениях виднелись другие огни — огни домов, но ни один из них не располагался в радиусе полумильной зоны от Госпиталя. На фоне этого зарева он увидел темную полосу леса, которую он заметил сегодня утром. Почти напротив неровной темной линии густых деревьев с противоположной стороны Госпиталя была видна более прямая линия электрических фонарей, которая соединяла Госпиталь с тесной группой зданий, находившихся на краю пустой зоны. Подъездная дорога.

Если он будет двигаться по окраине города, то сможет добраться до деревьев. Деревья помогут ему подобраться незамеченным к стене, но ему это показалось слишком рискованным. Почему же Специальная полиция оставила только эту одну линию деревьев, очистив все остальное пространство вокруг Госпиталя? Наверняка там установлено много различных датчиков.

Он пополз по обнаженной скале.

Он часто останавливался. Двигаться таким образом было трудно. Но больше, чем физические неудобства, его мучил вопрос, что он будет делать, когда проберется внутрь. Госпиталь был большим, а он ничего не знал о его внутреннем расположении. Освещенные окна раздражали его. Они когда-нибудь ложатся спать в Госпитале? Звезды на небе светили ярким и холодным светом. Каждый раз, когда он останавливался передохнуть, Госпиталь, казалось, становился немного ближе.

Стена, окружающая Госпиталь, тоже приближалась.

Она была наклонена наружу, и с этой стороны не было видно никакого входа.

Он был в сотне ярдов от стены, когда увидел провод. Крупные металлические колья поддерживали его над землей. Эти колья были высотой в фут и вбиты в скалу на расстоянии тридцати ярдов друг от друга. Это был оголенный медный провод, туго натянутый в нескольких дюймах над землей. Мэт не дотронулся до него. Он перебрался через него очень осторожно, стараясь наклоняться как можно ниже к земле, но одновременно не прикоснуться к проводу.

Из-за стены слышались отдаленные звуки сирены. Мэт замер на месте. Затем он повернулся и одним махом перескочил обратно через провод. Упав на землю, он замер без движения. Его глаза были плотно закрыты. Он почувствовал слабое онемение — заработал луч акустического парализатора. По всей видимости, он вышел из зоны поражения. Он рискнул посмотреть назад. Четыре прожектора обшаривали голую скалу в поисках его. Вся стена была буквально усыпана полицейскими.

Он поспешно отвернулся, испугавшись, что они заметят блеск его глаз. Слышались жужжащие звуки. Вокруг него в скалу впивались усыпляющие пули-ампулы с прозрачным химическим веществом, которое растворялось в крови. Этими пулями нельзя было стрелять так же точно, как свинцовыми. Однако похоже, одна из них скоро попадет в него.

Луч света нашел его. Потом другой. Затем и третий.

Со стены раздался голос:

— Прекратить огонь. — Жужжание усыпляющих пуль прекратилось. Голос зазвучал снова, скупающий, властный, ужасно усиленный: — Эй ты, вставай. Выбирай: либо ты выйдешь сам, либо мы тебя притащим.

Мэту захотелось спрятаться в норе, как кролику. Но даже кролик не смог бы вырыть нору в твердой пыльной скале. Он встал и поднял руки.

Не было слышно ни одного звука, и не было видно никакого движения.

Луч одного из прожекторов ушел в сторону. Затем — другие лучи. Какое-то время они беспорядочно двигались по скале, освещая ее ярким светом, затем один за другим погасли.

Усиленный динамиками голос заговорил снова. На этот раз он звучал слегка озабоченно:

— Почему сработал сигнал тревоги?

Ему ответил другой голос, едва слышимый в тишине ночи:

— Не знаю, сэр.

— Может быть, кролик. Хорошо, всем отбой.

Фигуры на стене исчезли. Мэт остался стоять в совершенном одиночестве с поднятыми руками. Через некоторое время он опустил их и пошел прочь.

Человек был высоким и худым, с длинным, ничего не выражающим лицом и узким ртом. Его форменная одежда полицейского была такой чистой и так хорошо выглаженной, как будто бы он надел ее несколько минут назад в первый раз. Он сидел около двери скучая, но привыкнув к этому, — человек, который половину своей жизни сидел и ждал.

Каждые пятнадцать минут он поднимался, чтобы посмотреть на гроб.

Гроб, казалось, был сделан для Гильгамеша или Поля Баньяна. Он был из дуба, по крайней мере снаружи. Измерительные приборы, которые размещались вдоль одной его стороны, казалось, были откуда-нибудь украдены и прикреплены к гробу плотником средних способностей. Длиннолицый человек поднимался, подходил к гробу и смотрел на шкалы приборов. В конце концов что-нибудь могло идти не так, как должно было. Тогда ему пришлось бы действовать быстро. Но все было нормально, и он возвращался к стулу и продолжал ждать.

Мозг Полли Торнквист содержит информацию, которая тебе необходима. Как получить ее?

Мозг — это тело, а тело — это мозг.

Наркотики повлияют на ее обмен веществ. Они могут повредить ей. Ты бы все равно рискнул, но тебе не разрешается использовать наркотики.

Пытка? Ты можешь вырвать несколько ногтей, сломать несколько костей. Но дело этим не кончается. Боль повлияет на надпочечные железы, а надпочечные железы повлияют на весь организм. Длительная боль может иметь серьезные, даже непоправимые последствия для тела, которое необходимо для медицинских запасов. Кроме того, пытка неэтична.

Дружеское убеждение? Ты можешь предложить ей сделку. Ее жизнь и переселение в какой-нибудь другой район плато в обмен на необходимую тебе информацию. Ты бы с удовольствием пошел на это, и, кроме того,

банки органов полны... Но она не примет сделку. Ты видел подобных ей раньше и можешь судить об этом.

Поэтому ты устраивай ей короткий отдых.

Полли Торнквист чувствовала себя одинокой во всем пространстве. Даже больше, чем это, потому что вокруг нее не было ничего, что можно было бы назвать пространством. Ни жары, ни холода, ни давления, ни света, ни темноты, ни голода, ни жажды, ни звука.

Она попыталась сосредоточиться на звуках ударов своего сердца. Но даже этот звук исчез. Он был слишком регулярным, и ее сознание вычеркнуло его. То же самое произошло и с темнотой за ее закрытыми, обмотанными бинтами глазами: темнота была слишком однообразной, и она больше не ощущала ее. Она могла напрячь свои мышцы, пытаясь раздвинуть спеленывающие ее упругие бинты, но не ощущала никакого результата, потому что бинты поддавались лишь на какую-то долю дюйма. Ее рот был полуоткрыт. Она не могла ни открыть его шире, ни закрыть совсем из-за мундштука из пенорезины. Она не могла ни укунить свой язык, ни даже найти его. Она никаким образом не могла показать ощущаемую ею боль. Абсолютный покой лечения гробом подхватил ее в свои нежные объятия и понес, молчаливо кричащую, в небытие.

Что произошло?

Он сидел на границе травы, на холме над Госпиталем. Его глаза не отрываясь смотрели на залитые светом окна. Его кулак несильно постукивал по колену.

Что произошло? Я был у них в руках. Я был у них в руках!

Он ушел. Смущенный, беспомощный, побитый. Он знал, что усиленный голос начнет выкрикивать команды. И ничего не произошло. Было такое ощущение, как будто они забыли о нем. Он шел, чувствуя спиной смерть, ожидая приступа онемения, или укола усыпляющей пули, или окрика офицера.

Постепенно, вопреки здравому смыслу, он понял, что они не собираются ловить его.

И тогда он побегал.

Его утомленные легкие давно успокоились, но мозг продолжал работать с бешеной скоростью. Возможно, он никогда не успокоится. Он бежал, пока не рухнул здесь, на вершине холма, но страх, который гнал его, не был

страхом перед банком органов. Он бежал от невозможной вещи, от пространства с нарушенными причинно-следственными связями. Как ему удалось просто уйти с той равнины смерти — так, что никто не видел его? Здесь ощущалось волшебство, и он был испуган.

Что-то приостановило действие обычных законов Вселенной, чтобы спасти ему жизнь. Он никогда не слышал ни о чем, что могло бы сделать это... за исключением Демонов Тумана. А Демоны Тумана были мифом. Ему рассказывали об этом, когда он уже достаточно подрос. Демоны Тумана были сказкой для запугивания детей, антиподом Деда Мороза. Старушки, которые рассказывали об этих могущественных существах, живущих в тумане бездны, следовали традиции более древней, чем все письменные памятники, и, может быть, такой же древней, как сам человек. Но все равно никто не верил в Демонов Тумана. Они казались похожими на тех быков, которым поклонялись сторонники церкви Финэгл, чьим пророком был Мэрфи. Эти рассказы не воспринимались всерьез, и имена этих демонов часто использовались только для проклятий.

Я был у них в руках, и они отпустили меня? Почему?

Может быть, на это у них была какая-нибудь причина? Существовала ли вообще какая-нибудь причина, чтобы Госпиталь позволил колонисту подобраться к самым стенам, а затем отпустил его?

Может быть, банк органов был заполнен? Но ведь должно быть хоть какое-нибудь место, где они могли бы держать заключенного до тех пор, пока появится место в банке органов.

Но если они подумали, что он был членом Экипажа! Наверняка так оно и было. Человеческая фигура на плато Альфа — конечно же, они должны были предположить, что он член Экипажа. Ну и что тогда? Кто-нибудь обязательно бы вышел, чтобы поговорить с ним.

Мэт начал ходить по кругу на вершине холма. Его мысли были в смятении. Он был на пороге смерти и спасся. Кто спас его? Почему? И что ему делать дальше? Вернуться и предоставить им еще один шанс? Подойти к мосту, соединяющему плато Альфа и Бета, и попытаться проскользнуть незамеченным? А может быть, просто слететь со скалы, энергично размахивая руками?

Самое ужасное было то, что он даже не мог быть абсолютно уверенным, что это у него получится. Волшебство, волшебство — Худ говорил о волшебстве.

Нет, наоборот. Он прямо вышел из себя, отрицая волшебство. Он говорил о... парапсихологических способностях. А Мэт был так увлечен Полли, что не мог вспомнить ничего из того, о чем говорил Худ.

Это было довольно скверно. Потому что в этом для него заключался единственный выход из положения. Он вынужден был признать, что обладает способностью парапсихологического воздействия, хотя понятия не имел, что это такое. Но, по крайней мере, теперь он знал, что произошло.

— У меня есть парапсихологические способности, — объявил Мэт. Его голос был отчетливо слышен в тишине ночи.

Великолепно! И что же? Если Худ и вдавался в описание природы этих сил, то Мэт не мог этого вспомнить. Но теперь он мог распрощаться с идеей перелететь скалу, разделяющую плато Альфа и Бета. Что бы ни говорили о неисследованных способностях человеческого мозга, они все-таки должны соответствовать какой-то реальности. Мэт вспомнил чувство, что его не заметят, если он не захочет этого, но он никогда не летал и даже не чувствовал стремления летать.

Он должен поговорить с Худом.

Но Худ был в Госпитале. Может быть, он уже мертв. Да...

Мэту было одиннадцать лет, когда Генджис принес домой два талисмана в качестве подарка. Они были выполнены в виде моделей машин и светились в темноте. Мэт и Джина полюбили их с первого взгляда и навсегда. Однажды вечером они оставили их в шкафу на несколько часов, думая, что они будут светиться ярче, когда «привыкнут к темноте». Когда Джина отперла дверцу шкафа, то увидела, что они не светятся совсем.

Джина готова была расплакаться. Реакция Мэта была другой. Если темнота отобрала у талисманов их силу...

Он повесил их рядом с горящей лампой на час. Когда он выключил свет, они сияли, как маленькие голубые лампочки.

Стайка небольших облаков появилась на небе, закрыв звезды. Повсюду в городе погасли огни, кроме огней Госпиталя. Плато спало в абсолютной тишине.

Итак... он попытался проникнуть в Госпиталь. Его поймали. Но когда он поднялся в свете прожекторов,

они не смогли увидеть его. Почему это произошло, было таким же загадочным, как и раньше, но он, казалось, начинал понимать, как это произошло.

Ему придется рискнуть еще раз. Мэт пошел.

Он никогда не думал, что это зайдет так далеко. Если бы только его остановили прежде, чем будет поздно. Но было уже поздно. И он каким-то образом чувствовал это.

Строго говоря, он должен бы быть одет во что-нибудь яркое: в голубую рубашку и мандаринового цвета свитер, в зеленые брюки, ярко-красную или алую шапку с буквой «S», в желтом треугольнике. И... очки в оправе? Но он давно уже так не одевался, с тех пор как закончил школу. Ничего, ему придется пойти так, как есть.

Он любил выразительные места.

Он огибал голую область по краю до тех пор, пока не добрался до домов. Теперь он шел по темным улицам. Дома были красивые и страшные. Он бы с удовольствием посмотрел на них при дневном свете. Какие люди жили в них? Жизнерадостные, беззаботные, счастливые, вечно молодые и здоровые. Он бы хотел быть одним из них.

Но он заметил одну страшную вещь, касающуюся этих домов. Хотя они были разные по форме, цвету, стилю, строительному материалу, у них была одна общая деталь. Их фасады всегда смотрели в сторону от Госпиталя.

Как будто Госпиталь внушал им чувство страха или вины.

Впереди показались огни, и Мэт ускорил шаг. Он теперь уже шел около получаса. Да, перед ним находилась грузовая дорога, ярко освещенная двумя рядами стоящих близко фонарей. Пунктирная белая полоса бежала по центру дороги, плавно повторяя ее изгиб.

Мэт ступил на белую линию и пошел по ней к Госпиталю. Снова его плечи были непроизвольно напряжены, как будто бы он боялся смертельной опасности со спины. Но вся опасность была прямо перед ним. Банк органов был самым унижительным из возможных видов смерти. И тем не менее Мэт боялся чего-то еще более страшного.

Некоторых людей освобождали из Госпиталя, и они рассказывали о судах, которые над ними вершили. Таких было не много, но им было о чем рассказать. И Мэт мог догадаться о том, что его ждет.

Они увидят его, они будут стрелять в него усыпляющими пулями, они понесут его на носилках в Госпиталь. А когда он проснется, его отведут на первый и последний допрос к ужасному Кастро. Пылающие глаза главы полиции будут смотреть в его глаза, и он будет говорить:

— Келлер, а? Да, мы должны были расчленить вашего дядю. Итак, Келлер? Вы пришли сюда, как будто член Экипажа и вам назначено время. Что это вам взбрело в голову, Келлер?

И что же он ответит на это?

ГЛАВА 5

ГОСПИТАЛЬ

Во сне Джезус Пиетро выглядел на десять лет старше. Его обычно прямая спина, крепкие мускулы и тщательно контролируемые черты лица сейчас были расслаблены. Его наводящие на подчиненных страх светлые глаза были закрыты. Обычно тщательно уложенные седые волосы были растрепаны и приоткрывали часть лысины. Он спал. От комнаты жены его отделяла дверь, которая никогда не запиралась. Часто он метался во сне, а иногда, мучимый бессонницей, смотрел в потолок, скрестив руки на груди, и что-то негромко бормотал про себя. Именно поэтому Надя и спала в соседней комнате. Но сегодня он лежал тихо.

Он мог бы снова выглядеть на тридцать лет. Несмотря на постаревшую кожу, он был в хорошей физической форме. Он свободно дышал, частично благодаря своему новому легкому; его мускулы под слоем возрастного жира были по-прежнему крепкими, и у него было хорошее пищеварение. Все его зубы были трансплантированы и выглядели идеально. Если бы ему дали новую кожу, новые волосы, новую печень, заменили бы несколько сфинктеров и других мускулов, связанных с вегетативной нервной системой...

Но для этого потребовалось бы специальное рассмотрение собрания членов Экипажа. Это был своего рода дар, и он бы принял его, если бы ему это предложили. Но он не собирался добиваться этого. Материалы для трансплантации и право на трансплантацию — это все было правом членов Экипажа и их самой высокой наградой. А Джезус Пиетро был... нельзя сказать, что

консервативным, но он неохотно соглашался заменять части самого себя частями посторонних людей. Для него это было все равно что потерять часть своего «я». И лишь страх перед смертью заставил его принять новое легкое несколько лет назад.

Он спокойно спал.

А в его сознании проносились вереница образов. Пленки Полли Торнквист. Кому-то все же удалось выскользнуть из его сети позавчера вечером. Побег Келлера вчера вечером. Гнетущее беспокойство, даже интуитивная уверенность, что содержание капсулы Робота-разведчика № 143 было более важным, чем предполагалось. Смятые, неудобные простыни. Одеяло, которое было чуточку теплее, чем это было нужно. Тот факт, что он забыл почистить зубы. Мысленный образ Келлера, падающего вниз головой в туман, — эта картина преследовала его постоянно. Слабый шум снаружи, со стороны стены, шум часовой давности, шум, который не разбудил его, но который по-прежнему оставался необъяснимым. Испытанное им желание в отношении девушки, которая находилась в гробу, и последовавшее за этим чувство вины. Испытанный им соблазн использовать древнее средство для промывания мозгов в своих собственных целях, чтобы заставить девушку-мятежницу полюбить его на некоторое время. Прелюбодеяние! Еще большее чувство вины.

Соблазны. Сбежавшие преступники. Горячие смятые простыни.

Ничто не приносило покоя. Он проснулся.

Он лежал вытянувшись на спине, сложив руки на груди, вглядываясь в темноту. Нет смысла сражаться с этим. События предыдущего вечера расстроили его внутренние часы; он позавтракал в двенадцать тридцать. Почему он постоянно думает о Келлере?

(Вниз головой в туман, а работающие винты прижимают его к креслу. Ад наверху, и рай внизу. Движение в неизвестность. Потерян навсегда, уничтожен полностью. Мечта индусов, воплощенная в реальной физической форме. Покой в полном распаде.)

Джезус Пиетро повернулся на бок и включил телефон. Незнакомый голос произнес:

— Госпиталь, сэр.

— Кто это?

— Старший сержант Леонард В. Уотс, сэр. Ночное дежурство.

— Как дела в Госпитале, старший сержант? — Это был обычный вопрос. Джезус Пиетро задавал его десятки раз рано утром в течение последних десяти лет.

Голос Уотса звучал уверенно:

— Одну минутку. Вы ушли в семь часов, сэр. В семь тридцать майор Дженсен приказал освободить невиновных, которых мы задержали прошлым вечером, тех, у кого не было наушников. Майор Дженсен ушел в девять ноль-ноль. В десять тридцать сержант Гелилос доложил, что все невиновные возвращены в свои дома. Э... э... э... — Звук перебираемых листов бумаги на заднем плане. — Все, кроме двух задержанных, которые были допрошены сегодня, были расчленены и сложены в хранилища. Секция медицинских запасов информирует, что банк будет не в состоянии принять новый материал вплоть до дальнейшего уведомления. Хотите, чтобы я прочитал список казненных, сэр?

— Нет.

— Гробовая терапия протекает нормально. Никаких отрицательных реакций со стороны подозреваемой. Внешняя охрана докладывает о ложной тревоге в двенадцать ноль восемь, вызванной кроликом, натолкнувшимся на электрический датчик. Никаких признаков какого-нибудь движения на охраняемой территории.

— Тогда с чего же они решили, что это был кролик?

— Должен ли я выяснить это, сэр?

— Нет. Они, конечно, просто решили наобум. Спокойной ночи. — Джезус Пиетро повернулся на спину и собрался уснуть.

Его мысли текли плавно...

...Он и Надя давно не были близки. Может быть, ему следует начать принимать инъекции тестостерона. Трансплантация, очевидно, не потребуется; многие железы внутренней секреции не были заморожены, а продолжали действовать. Их функционирование обеспечивали сложные аппараты, регулирующие точное соотношение крови и питательных веществ. И кроме того, существовала сложная система для извлечения гормонов из желез. Ему придется примириться с неудобствами, связанными с инъекциями.

...Хотя его отец поступил иначе.

Когда Джезус Пиетро был молодым, он тратил много времени в поисках ответа на вопрос, почему старые люди считали, что врачи нарушают работу сосудистой системы во время пересадок предстательной железы. Теперь, когда

Джезус Пиетро стал старым, он думал, что нашел ответ. Ведь шестьдесят лет тому назад Плато было практически незаселенным, несмотря на многовековую традицию иметь большие семьи. Ханнет Кастро, очевидно, считал своим долгом, как и все его предки, выращивать детей. Но как должен был чувствовать себя старик, который знал, что он больше не может иметь детей?

Теперь, когда Джезус Пиетро постарел, ему казалось, что он может ответить на этот вопрос.

Его мысли текли неторопливо, затуманенные надвигающимся сном. Джезус Пиетро повернулся на бок, устраиваясь поудобнее.

...Кролик?

А почему бы и нет? Кролик из леса.

Джезус Пиетро повернулся на другой бок.

...Что же делал кролик в нашпигованном датчиками лесу?

А что вообще делало любое существо, большее, чем полевая мышь, в лесу?

Что делал кролик на плато Альфа? Где он находил себе еду?

Джезус Пиетро выругался и потянулся к телефону. Старшему сержанту Уотсу он сказал:

— Запишите приказ. Я хочу, чтобы завтра лес был тщательно прочесан, а затем подвергнут санобработке. Если будет обнаружено хоть что-нибудь размером с крысу, я хочу знать об этом.

— Есть, сэр.

— Относительно сегодняшней тревоги. Какой сектор?

— Одну минутку. Шестой сектор, сэр.

— Шестой? Но там же и в помине нет никакого леса.

— Так точно, сэр.

— Спокойной ночи, старший сержант, — сказал Джезус Пиетро и повесил трубку. Завтра они прочешут лес. Специальная полиция стала слишком расхлябанной, решил Джезус Пиетро. И ему придется придумать что-нибудь, чтобы исправить это.

Стена была наклонена наружу. Двенадцать футов бетона, увенчанного сверху оголенными проводами. Ворота тоже наклонялись под тем же самым углом, возможно, двенадцать градусов от вертикали. Ворота выглядели внушительно и были сделаны из чугуна. Они были устроены так, чтобы вдвигаться в бетонную стену

толщиной в двенадцать футов. Ворота были закрыты. Свет внутри освещал верхний край стены и ворот и слегка окрашивал небо над ними.

Мэт стоял у стены и смотрел вверх. Он не сможет перелезть через нее. Если бы они увидели его, они бы открыли для него ворота... но они не должны увидеть его.

Пока его никто не видел. Логическая цепь работала безотказно. Если что-то светится в темноте и перестает светиться, когда находится в темноте слишком долго, то этот предмет надо повесить около света. Если машина поднимается вверх, когда она правильно сориентирована в пространстве, то она будет двигаться вниз очень быстро, если ее перевернуть вверх дном. Если полицейские видят тебя, когда ты стараешься спрятаться, и не видят, когда ты не прячешься, то они не будут обращать на тебя никакого внимания, когда ты спокойно пойдешь посередине залитой светом дороги.

Но здесь логика заканчивалась.

Та сила, которая помогала ему раньше, перестала помогать ему сейчас.

Мэт повернулся к стене спиной. Он стоял под нависающими над ним воротами и смотрел на прямую линию дороги, туда, где кончались огни. Большинство из домов были темны. Вся земля была темна до самого усыпанного звездами горизонта. Справа от него звезды были слегка смазаны, и Мэт понял, что видит туман, поднимавшийся из пропасти. Импульс, который последовал затем, он не смог бы объяснить никому и даже самому себе.

Он откашлялся:

— Что-то помогает мне, — сказал он почти нормальным голосом. — Я знаю это. Мне нужна помощь, чтобы проникнуть через эти ворота. Я должен попасть в Госпиталь.

Из-за стены доносились слабые звуки: звуки шагов, отдаленные голоса. Но это все имело отношение лишь к деятельности самого Госпиталя и никак не было связано с Мэтом.

С той стороны, где он стоял, ничего не произошло.

— Помогите мне попасть туда, — умолял он самого себя или что-то, что находилось вне его. Он этого точно не знал. Он вообще ничего не знал.

На Плато не было религии.

Но внезапно Мэт понял, что существует только один способ попасть внутрь. Он сошел с дороги и начал искать.

Наконец он нашел валяющийся обломок бетона, грязный и неровный. Он взял его и начал колотить им в чугунные ворота.

Бам! Бам! Бам!

Над стеной появилась голова:

— Прекрати, ты, полоумный колонистский ублюдок!

— Впустите меня.

Голова оставалась неподвижной.

— Но ты ведь действительно колонист.

— Точно.

— Не шевелись! Не двигайся, замри! — Человек повозился с чем-то за кромкой стены. Появились обе его руки, в одной был пистолет, а в другой — рация. — Алло, алло, ответьте, черт возьми!.. Уотс? Это Хобарт. Какой-то полоумный колонист только что подошел к воротам и начал колотить в них. Да, настоящий колонист! Что я должен с ним делать?.. Хорошо, я спрошу.

Голова посмотрела вниз:

— Ты пойдешь сам, или тебя понесут?

— Я пойду сам, — сказал Мэт.

— Он сказал, что пойдет сам. Не могу понять, зачем он сделал это?.. Да, я думаю, так будет проще. Извини, Уотс, я слегка потрясен. Такое никогда не случалось со мною раньше.

Охранник отключил рацию. Его голова и пистолет продолжали смотреть на Мэта. Через какое-то мгновение ворота скользнули в стену.

— Проходи, — сказал полицейский. — Держи руки за головой.

Мэт подчинился. Сторожевая будка была пристроена к стене с внутренней стороны. Полицейский спустился по небольшой лесенке. — Иди вперед, — приказал он. — Давай, двигайся. Это главный вход. Там, где горят фонари. Видишь? Иди туда.

Не заметить главный вход было довольно трудно. Большая квадратная бронзовая дверь находилась в конце лестницы с широкими низкими ступенями, окруженной дорическими колоннами. Ступени и колонны были сделаны из мрамора или какого-то затемнителя.

— Перестань оглядываться, — крикнул полицейский. Его голос дрожал.

Когда они подошли к двери, полицейский достал свисток и дунул в него. Звука слышно не было, но дверь открылась. Мэт вошел.

Оказавшись внутри, полицейский, казалось, вздохнул с облегчением.

— Что ты там делал? — спросил он.

Страх Мэта возвращался. Он был у цели. Эти коридоры и были Госпиталем. Он никогда не думал об этом моменте. И намеренно, потому что, если бы он стал об этом думать, он бы убежал. Стены вокруг него были сделаны из бетона, а на уровне пола было несколько металлических решеток, и четыре ряда флюоресцентных трубок проходили по потолку. Здесь были двери, но все они были закрыты. Незнакомый запах или сочетание запахов пропитывали воздух.

— Я спросил, что ты...

— Узнаешь на суде!

— Не смей меня. Какой суд? Я нашел тебя на плато Альфа. Это делает тебя виновным. Они поместят тебя в вивариум до тех пор, пока ты не понадобишься, а затем они польют тебя антифризом и увезут. И ты уже никогда не проснешься. — Было такое ощущение, что полицейский смаковал эту фразу.

Мэт резко повернул голову, в его глазах светился ужас. Полицейский отпрянул от внезапного движения. Его пистолет замер. Это был пистолет, стреляющий усыпляющими пулями, с крохотным отверстием в стволе и с баллоном углекислого газа (CO_2), который был выполнен в форме ручки. На какое-то мгновение, которое показалось застывшим, Мэт понял, что он собирается стрелять.

Они понесут его бессознательное тело в вивариум, что бы это ни было такое. Он никогда не проснется больше. Они расчленят его на части, пока он будет спать. Последний момент его жизни тянулся и тянулся...

Пистолет опустился. Мэт съёжился, увидев выражение лица полицейского. Полицейский сошел с ума. Его дикие глаза смотрели вокруг с ужасом, на стены, на двери, на пистолет в его руке. На все, кроме Мэта. Затем он резко повернулся и побежал.

Мэт услышал его удаляющийся крик:

— Демоны Тумана! Я же должен быть у ворот!

В час тридцать другой офицер пришел, чтобы сменить дежурного у Полли.

Форма вновь прибывшего была не так хорошо отглажена, но сам он, казалось, был в лучшем состоянии. У

него были тренированные мускулы, и он был внутренне собран в час тридцать утра. Он подождал, пока длинно-головый человек ушел, затем подошел, чтобы проверить показания приборов на гробу Полли. Он смотрел более тщательно, чем предыдущий охранник. Он методично переходил от одного прибора к другому, не спеша, записывая показания в тетрадь. Затем он открыл два больших зажима с обеих сторон гроба и откинул крышку, стараясь не производить никакого шума.

Фигура внутри не двигалась. Она была спеленута, как мумия, в мягкую ткань, — мумия с маской. Маска представляла собой выпуклость над ее ртом и носом и была сделана из мягких прокладок для рта и приспособления для дыхания. Подобные выступы были также и на ее ушах. Ее руки были скрещены на талии на манер смирительной рубашки.

Офицер полиции смотрел на нее долго. Когда он отвернулся, в его поведении были видны признаки беспокойства. Но он был один, и за дверью не было слышно никаких шагов.

Из головной части гроба выходила обитая мягкой тканью трубка, увенчанная воронкой, еще более сильно обитой резиновой губкой. Офицер открыл крышку воронки и тихо заговорил:

— Не бойся. Я друг. Я собираюсь помочь тебе уснуть.

Он отогнул край мягкого бинта с руки Полли, вытащил свой пистолет и выстрелил ей в руку. Полдюжины красных крапинок появилось на коже, но девушка не шевельнулась. Он не мог быть уверенным, что она слышала его и что она почувствовала укол.

Он закрыл крышку гроба и воронку переговорной трубки.

Он покрылся испариной, наблюдая, как меняются показания приборов. Наконец он достал отвертку и стал что-то подкручивать в задней части приборов. Когда он закончил, все восемь шкал показывали то же самое, что и тогда, когда он вошел туда.

Но теперь они лгали. Они показывали, что Полли Торнквист бодрствует, но неподвижна, в сознании, но лишена всяких чувственных раздражителей. Они показывали, что она постепенно сходит с ума. В то время как Полли Торнквист спала. Она будет спать в течение всех восьми часов вахты Лорена.

Лорен вытер лицо и сел. Ему совсем не улыбалось

так рисковать, но это было необходимо. Девушка, должно быть, знала что-то очень важное, иначе ее бы здесь не было. А теперь она сможет продержаться на восемь часов дольше.

Человек, которого вкатили в операционную комнату банка органов, был без сознания. Это был тот самый человек, которого отряд Джезуса Пиетро обнаружил заснувшим на включателе взрывного устройства, один из тех, кого Джезус Пиетро допросил на следующий день. Джезус Пиетро закончил с ним, его судили и приговорили к смерти, но по закону он все еще жив. Это была лишь буква закона и больше ничего.

Операционная комната была большой, и в ней царило оживление. Вдоль одной длинной стены размещались двадцать маленьких контейнеров для анабиоза, укрепленных на тележках, чтобы перевозить органы в соседнюю комнату. Врачи и ассистенты работали спокойно и умело за многочисленными операционными столами. Здесь также были холодные ванны: открытые контейнеры, содержащие жидкость, температура которой постоянно поддерживалась на уровне десяти градусов по Фаренгейту. Около двери находился двадцатигаллонный сосуд, наполовину заполненный соломенного цвета жидкостью.

Два ассистента вкатили осужденного в операционную комнату, и один из них немедленно ввел в его руку целую пинту жидкости соломенного цвета. Они подкатали каталку к одной из холодных ванн. Женщина подошла к ним, чтобы помочь, аккуратно укрепляя дыхательную маску на лице мужчины. Ассистенты наклонили каталку. Приговоренный соскользнул в ванну без всплеска.

— Это последний, — сказал один из них. — Мой Бог, как я устал.

Женщина посмотрела на него с укором, который можно было бы прочитать по выражению ее губ, скрытых маской, но который не проявлялся в ее глазах. Ее глаза были бесстрастны. В голосе ассистента чувствовался почти полный упадок сил.

— Вы оба идите, — сказала она. — Можете поспать завтра подольше. Вы нам не понадобятся.

Когда они закончат с этим осужденным, банк органов будет заполнен. По закону он был все еще жив, но

температура тела быстро падала и работа сердца замедлялась. Постепенно сердце совсем остановилось. Температура этого человека продолжала падать. Через два часа она опустилась значительно ниже точки замерзания, но соломенного цвета жидкость, которая находилась в его сосудах, не давала его органам замерзнуть.

По закону он все еще жив. Иногда приговоры отменялись на этом этапе и заключенных возвращали к жизни без каких-либо пагубных последствий для их здоровья, хотя они вспоминали об этом с ужасом в течение всей своей жизни.

Сейчас осужденного перенесли на операционный стол. Его череп вскрыли, на его шее был сделан надрез, и спинной мозг был перерезан под основанием головного. Головной мозг был вытасчен аккуратно — потому что окружающие его мембраны не должны быть повреждены. Хотя доктора и отрицали это, все же ощущалось какое-то глубокое уважение к человеческому мозгу и к этому моменту. В этот момент осужденный становился по закону мертв.

В Госпитале Нью-Йорка сначала произвели бы вскрытие сердца и заключенный считался бы мертвым после этой операции. На покоренной планете законным моментом смерти является тот момент, когда температура тела достигает тридцати двух градусов по Фаренгейту. Это законная точка. Ведь нужно же было где-то провести черту.

Они сожгли его мозг в электрической печи и положили пепел в урну для похорон. Затем наступила очередь его кожи. Ее удалили целым куском, все еще живую. Почти всю работу выполняли машины, но машины на Плато не были настолько совершенными, чтобы работать без человеческого контроля. Доктора продолжали операцию, как будто бы они разбирали очень нежную, очень ценную и очень сложную головоломку. Каждый орган помещался в анабиозный контейнер. Затем кто-то взял с помощью шприца небольшой образец и протестировал его на реакцию отторжения. Операция по трансплантации всегда проходила очень сложно. Тело пациента отторгло бы любой инородный орган, если реакция отторжения не была сбалансирована сложными химическими веществами. Когда тесты заканчивались, каждый орган детально фиксировался и перевозился в соседнюю комнату в банк органов.

Мэт заблудился. Он бродил по коридорам в поисках двери с табличкой «Вивариум». На некоторых из дверей, мимо которых он проходил, были таблички, на некоторых нет. Госпиталь был огромен. Он легко мог ходить по нему несколько дней, но так и не найти вивариума, о котором говорил полицейский. Отдельные люди проходили мимо него по коридорам, одетые или в полицейскую форму, или в белые халаты и белые маски, завязанные на шее. Когда Мэт видел, что кто-то приближается, он прижимался к стене и оставался совершенно неподвижным, пока человек не проходил. Никто не замечал его. Его странная невидимость хорошо защищала его.

Но он не продвигался в своих поисках.

Сейчас ему очень нужна была карта.

Некоторые из этих дверей могли вести в кабинеты. В некоторых, или во всех, кабинетах должны быть карты, возможно, укрепленные на стене или на столе. Ведь это помещение такое запутанное, подумал Мэт. Перед ним была дверь со странным символом и надписью: «Только для персонала». Может быть...

Он открыл дверь. И замер на пороге, потрясенный.

Стеклянные емкости заполняли всю комнату и были похожи на аквариумы высотой до потолка, каждый из которых был разделен на небольшие отсеки. По своему устройству они напоминали лабиринт или книжные шкафы в публичной библиотеке. В первое мгновение Мэт не узнал, что находилось в этих емкостях, но по их асимметричным формам и по оттенкам темно-красного цвета их происхождение можно было определить безошибочно.

Он вошел внутрь. Он потерял контроль над своими ногами, и они двигались сами по себе. Эти темно-красные предметы, эти полупрозрачные мембраны, эти мягкие на вид шарики чуждых форм, большие прозрачные цилиндрические емкости, наполненные ярко-красной жидкостью... Да, это все когда-то было человеческими существами. И здесь были надписи:

Тип АВ, RH⁺. Содержание глюкозы...

Щитовидная железа, мужская, класс отторжения С, 2, рп, 31. Слишком активна для тела с весом, меньшим чем...

Левая плечевая кость, живая. Тип костного мозга О, Rh, № 02. Длина... Внимание: прежде чем использовать, проверить на совместимость с суставом.

Мэт закрыл глаза и прислонил голову к одной из

этих емкостей. Стекло было холодным и приятно остужало его разгоряченный, покрытый потом лоб. Он всегда слишком сильно сопереживал чужому несчастью. И сейчас он был полон горя, и ему нужно было время, чтобы оплакать этих незнакомцев. Демоны Тумана, лишь бы они оказались незнакомцами.

Поджелудочная железа. Класс отторжения F, 4, rg, 2. Склонность к диабету: использовать только для извлечения сока. Не трансплантировать.

Открылась дверь.

Мэт скользнул за емкость и наблюдал из-за нее. На женщине был надет халат и маска, и она везла перед собой что-то на колесах. Мэт смотрел, как она достает из тележки какие-то предметы и помещает их в различные большие емкости.

Кто-то только что умер.

И женщина в маске была чудовищем. Если бы она сняла маску и под ней оказались ядовитые клыки длиной в фут, Мэт не испугался бы ее больше, чем сейчас.

Сквозь открытую дверь доносились голоса.

— Мы не можем использовать мышечную ткань. — Голос женщины, высокий и раздраженный, с акцентом, характерным для Экипажа. Этот акцент не был достаточно точным, хотя Мэт и не мог понять, в чем именно.

Саркастический мужской голос ответил:

— Ну и что же нам делать, выбросить ее?

— А почему бы и нет?

Несколько секунд тишины. Женщина с тележкой закончила работу и двинулась к двери. Затем:

— Мне не нравится эта идея. И кроме того, человек умер, чтобы дать нам здоровую живую ткань, а ты собираешься выбросить ее, как... — Закрывшаяся дверь оборвала голос на полуслове.

Как остатки от пира вурдалаков, закончил Мэт за него.

Он уже повернулся к двери, когда заметил что-то странное. Четыре емкости отличались от других. Они стояли около двери, и в этом месте на полу были царапины и краска потемнела, что свидетельствовало о том, что раньше здесь находились контейнеры для анабиоза. Однако, в отличие от анабиозных контейнеров, в основании этих емкостей не было сложного оборудования. Вместо этого все оборудование находилось внутри самих емкостей, за прозрачными стенами. Вероятно, это были аппараты для аэрации. В ближайшей емкости находились шесть маленьких человеческих сердец.

Без сомнения, это были сердца. Они бились. Но они были очень маленькими, не больше кулака ребенка. Мэт дотронулся до поверхности емкости, она была теплой, как кровь. В стоящей рядом емкости находились предметы с пятью дольками, которые, по всей видимости, были печенью, но они были маленькими, очень маленькими.

Вынести это было больше невозможно. Казалось, одним прыжком Мэт выскочил в коридор. Он прислонился к стене, вдыхая полной грудью, его плечи вздрагивали, а перед глазами стояли маленькие сердца и печени.

Кто-то вывернул из-за угла и резко остановился.

Мэт посмотрел: большой спокойный человек в форме полицейского. Мэт попытался заговорить. Его голос был хриплым и едва внятным:

— Где вивариум?

Человек некоторое время смотрел на него удивленно, затем сказал:

— Поверни направо и увидишь лестницу. Поднимись по ней, поверни направо, затем налево и ищи табличку. Ты увидишь большую дверь с индикатором тревоги. Ты не ошибешься.

— Спасибо. — Мэт повернулся к лестнице. Его желудок жгло, а руки дрожали. Больше всего на свете ему хотелось бы просто упасть, но надо было идти.

Что-то кольнуло его в руку.

Мэт повернулся, одновременно поднимая руку. Хотя ощущение укола прошло, его рука была бесчувственной, как кусок мяса. Полдюжины крохотных красных крапинок окружили его запястье.

Большой спокойный человек смотрел на Мэта, озадаченно нахмурившись. В его руке был пистолет.

Мир стал бешено крутиться перед глазами Мэта.

Капрал Холли Фокс увидел, как колонист упал, затем убрал пистолет. Куда катится мир? Сначала эта смехотворная секретность в отношении Робота-разведчика. Затем двести арестованных за одну ночь, и весь Госпиталь сходит с ума, пытаясь справиться с этим. А теперь колонист бродит по коридорам Госпиталя и еще спрашивает, как пройти в вивариум!

Ну что же, он займется этим. Холли Фокс поднял человека и перебросил его через плечо, крикнув от усилия. Но его лицо было спокойным. Доложи и забудь. Он устроил свой груз поудобнее и тяжело зашагал к лестнице.

На рассвете ступенчатый пик Удивительной Горы был окружен густым туманом. Для тех немногих, кто уже вышел из дома, небо просто превратилось из черного в серое. Но это был не ядовитый туман бездны, а плотное облако водяного шара; настолько плотное, что даже слепой мог выиграть в этих условиях матч по стрельбе. Когда члены Экипажа или колонисты выходили из дома, их дома сразу же исчезали у них за спиной. Они ходили и работали на площади десяти ярдов в диаметре.

В семь часов утра полицейские вошли в наштигованный аппаратурой лес, по одной роте с каждого конца. Желтые противотуманные фонари высвечивали группу деревьев у стены. Но свет достигал деревьев с трудом. Поскольку те люди, которые находились на дежурстве этой ночью, ушли домой, члены поисковой группы не имели ни малейшего представления, чего они, собственно, ждут. Некоторые предполагали, что, возможно, они ждут колонистов.

В девять часов они встретились на середине леса, пожали плечами и разошлись. Ни одного человека, ни одного животного не было в этом лесу. Никого, кроме насекомых. Четыре летающих машины тем не менее нырнули в туман и опрыскали химическим веществом весь этот участок леса.

В девять тридцать...

Джезус Пиетро разрезал грейпфрут пополам и перевернул одну половинку. Мякоть грейпфрута упала дольками в его чашку. Он спросил:

— Так они нашли этого кролика?

Майор Дженсен замер, не донеся чашку с кофе до губ.

— Нет, сэр. Но они задержали одного человека.

— В лесу?

— Нет, сэр. Он колотил в ворота камнем. Полицейский у ворот провел его в Госпиталь, а дальше все становится немного непонятно.

— Дженсен, это все непонятно с самого начала. Зачем этот человек колотил в ворота? — Ужасная мысль внезапно пришла ему в голову. — Он был из Экипажа?

— Нет, сэр. Это был Мэтью Келлер. Его опознали совершенно определенно.

Сок грейпфрута вылился на поднос с завтраком.

— Келлер?

— Так точно.

— Так кто же тогда был в машине?

— Я сомневаюсь, что мы когда-нибудь узнаем это, сэр. Должен ли я найти добровольцев, чтобы исследовать тело?

Джезус Пиетро смеялся долго и громко. Дженсен был чистокровным колонистом, хотя он и его предки так долго находились на службе, что их акцент и манеры стали почти такими же, как у Экипажа. Ему бы никогда не сошло с рук, если бы он вздумал шутить со своим начальством в присутствии других людей. Но наедине он мог быть очень остроумным. И он хорошо понимал эту разницу.

— Я как раз обдумывал какой-нибудь способ, чтобы встряхнуть Специальную полицию, — сказал Джезус Пиетро. — Это как раз то, что нужно. Итак, Келлер подошел к воротам и начал стучать в них камнем?

— Так точно, сэр. Часовой охранник у ворот задержал его, предварительно переговорив с Уотсом. Уотс подождал полчаса и снова связался с караульной будкой. Но охранник не смог вспомнить, что произошло после того, как он и заключенный вошли в Госпиталь. Он снова находился на своем посту, и это он тоже не мог объяснить. Конечно, ему следовало прежде доложить обо всем Уотсу. В результате Уотс посадил его под арест.

— Уотсу не следовало ждать целых полчаса. Где все это время находился Келлер?

— Капрал Фокс нашел его около двери в банк органов, выстрелил в него и отнес его в виварий.

— Значит, мне придется переговорить и с ним, и с охранником у ворот, хорошо. Мне не удастся спокойно заснуть, пока я не распутая этот узел. — Джезус Пиетро закончил свой завтрак с удивительной поспешностью.

Затем ему показалось, что загадка была даже более сложной, чем казалась на первый взгляд. Как Келлеру вообще удалось попасть на плато Альфа? Охрана у моста не могла пропустить его.

На машине? Но единственная участвовавшая в этом машина...

Хобарт был испуган. Он был испуган точно так же, как и любой другой подозреваемый, с которым приходилось встречаться Джезусу Пиетро, и он даже не пытался скрыть это.

— Я не знаю! Я провел его через дверь, через ворота. Я велел ему идти впереди, чтобы он не смог броситься на меня...

— А он бросился?

— Не могу припомнить.

— Удар по голове мог вызвать у тебя небольшую амнезию. Сиди неподвижно. — Джезус Пиетро обошел вокруг стула, чтобы ощупать голову Хобарта. Его безличная мягкая манера общения была пугающей. — Ни шишек, ни синяков. У тебя болит голова?

— Я чувствую себя великолепно.

— Итак, ты вошел в дверь. Ты разговаривал с ним?

Человек провел рукой по своим седеющим волосам.

— Хм... Я хотел узнать, зачем он колотил в ворота. Он не хотел говорить.

— А зачем?

— Внезапно я... — Хобарт замолчал и конвульсивно сглотнул слюну.

В голосе Джезуса Пиетро звучали металлические нотки:

— Продолжай.

Хобарт начал плакать.

— Перестань. Ты начал что-то говорить. Что именно?

— Внезапно я... вспомнил, что я должен был находиться у ворот.

— А как же Келлер?

— Кто?

— Как же твой арестованный?

— Я не помню!

— Ну ладно, убирайся отсюда. — Джезус Пиетро надавил кнопку. — Отведите его обратно в виварий и приведите ко мне Келлера.

Вверх по лестнице, повернуть направо, затем налево... **ВИВАРИЙ.** За большой дверью находились ряды жестких лежанок. Все они, кроме двух, были заняты. В помещении находилось девяносто восемь заключенных, в возрасте от пятнадцати до пятидесяти восьми лет, и все они спали. У каждого на лице была маска. Они спали очень тихо, гораздо тише, чем спит обычный человек, глубоко дышали, и их лица хранили безмятежное выражение, не омраченное дурными снами. Это было удивительно спокойное место. Они лежали рядами по десять человек,

некоторые слегка похрапывали, остальные спали совершенно беззвучно.

Даже охранник выглядел сонным. Он сидел на стуле около двери, и его двойной подбородок падал на грудь, а руки были сложены на коленях.

Более четырех столетий назад, где-то в середине XIX века, группа русских ученых изобрела приспособление, которое могло полностью заменить сон. И в некоторых местах оно его действительно заменило. К XXIV столетию едва ли можно было найти какой-нибудь уголок в освоенном космическом пространстве, где бы не знали об этом устройстве.

Возьмите три электрода. Теперь возьмите морскую свинку или человека и положите его так, чтобы он лежал закрыв глаза. Прикрепите два электрода к его векам, а третий к шее на затылке. Затем пропустите слабый электрический ток от век к затылку через мозг. При этом морская свинка заснет мгновенно. Отключите ток через пару часов, и это будет эквивалентно восьми часам нормального сна.

Вы не хотите отключать ток? Отлично. Это не повредит. Человек просто будет продолжать спать. И его не разбудит даже ураган. Вам, конечно, придется изредка будить его, чтобы он мог поесть, попить, сходить в туалет, сделать гимнастику. Если вы не собираетесь держать его долго в форме, то можете отменить занятия гимнастикой.

Подозреваемых не держали долго в виварии.

Тяжелые шаги послышались за дверью. Охранник насторожился. Когда дверь открылась, он был сам вниманием.

— Садись сюда, — сказал один из сопровождающих Хобарта. Хобарт сел. Слезы оставили следы на его впалых щеках. Он надел свою маску, его голова откинулась. Он мгновенно заснул. На его лице появилось выражение полного, абсолютного блаженства. Старший из сопровождающих спросил:

— Который из них Келлер?

Охранник вивария просмотрел записи:

— Номер девяносто восьмой.

— Хорошо. — Вместо того чтобы снять с Келлера маску, охранник подошел к панели, на которой находилось сто кнопок. Он нажал кнопку номер девяносто восемь. Когда Келлер начал шевелиться, оба сопровож-

дающих подошли к нему, чтобы застегнуть наручники. Затем они сняли маску.

Мэт Келлер открыл глаза.

Его новые сопровождающие поставили его на ноги натренированным движением.

— Пойдем, — сказал один из них почти дружелюбно.

Удивленный Мэт последовал за ними, и буквально через секунду они были уже в коридоре. Мэту удалось быстро взглянуть назад, прежде чем дверь закрылась.

— Одну минутку, — запротестовал он, сопротивляясь натяжению наручников.

— Один человек хочет задать тебе несколько вопросов. Послушай, перестань дергаться. Ты хочешь идти самостоятельно?

Угроза обычно успокаивала заключенных — именно это произошло и сейчас. Мэт перестал тянуть наручники. Он не рассчитывал проснуться живым, и поэтому тот факт, что он был все еще жив, воспринимался им как подарок судьбы. Кто-то, должно быть, очень им заинтересовался.

— Кто хочет видеть меня?

— Один джентльмен по имени Кастро, — сказал старший охранник. Диалог шел как обычно. Если Келлер был обычным подозреваемым, то внушающее страх имя главы полиции должно было парализовать его рассудок. Если бы этого даже и не случилось, то он все равно предпочел бы использовать это время для того, чтобы подготовиться к беседе, а не для того, чтобы рисковать получить усыпляющую пулю. Оба охранника выполняли эту работу так долго, что они стали смотреть на арестованных как на безликих одинаковых существ.

Кастро. Это имя эхом отдалось в голове Мэта.

Что это взбрело тебе в голову, Келлер? Ты пришел сюда, как будто тебе прислали приглашение. Ты думал, что у тебя есть секретное оружие, не так ли, Келлер? Что это взбрело тебе в голову, Келлер? Что это взбрело тебе...

Какое-то время арестованный шел между ними, погруженный в свои собственные мысли, а затем рванулся назад, как рыба, пойманная двумя удочками одновременно. Охранники моментально бросились в стороны, чтобы растянуть его между собой, затем посмотрели на него с нескрываемым отвращением. Один сказал: «Иди-от!» Другой достал пистолет.

Вот так они и стояли: один из них держал пистолет

в руке и оба смотрели вокруг с явным удивлением. Мэт дернулся снова, и один из охранников вдруг посмотрел изумленно на свое запястье, затем снял с ремня связку ключей и открыл наручники.

Мэт навалился всем своим весом на другую стальную цепь. Старший охранник закричал от ярости и потянул руку на себя. Мэт бросился на него и сильно боднул его головой в живот. Охранник ударил его кулаком в челюсть. На какое-то мгновение Мэт лишился возможности двигаться и смотрел, как охранник достал ключ из кармана и снял наручники со своей руки. При этом глаза охранника были очень странными.

Мэт попятился назад. Два набора наручников свисали с его рук. Охранники смотрели ему вслед, но не на него, а лишь в его направлении. В их глазах было что-то очень странное. Мэт пытался вспомнить, где он раньше видел такой взгляд. Может быть, у полицейского, охранявшего ворота прошлой ночью? Охранники повернулись и пошли прочь.

Мэт потряс головой. Он чувствовал скорее растерянность, чем облегчение, и отправился обратно по тому пути, по которому они до того шли. Там была дверь в виварий. Ему лишь мельком удалось заглянуть туда, но он был уверен, что заметил там Гарри Кейна.

Дверь была заперта.

Демоны Тумана, ну вот, опять. Мэт поднял руку, затем отдернул ее, затем снова поднял руку и решительно ударил в дверь трижды. Она сразу же открылась. Круглое, лишенное выражения лицо выглянуло наружу, и внезапно на этом лице появилось растерянное выражение. Дверь начала закрываться. Мэт навалился на нее, распахнул и вошел внутрь.

Охранник пытался оказать сопротивление, но Мэт ударил его в двойной подбородок. Так как охранник не упал, Мэт ударил его снова. Охранник наконец потянулся к пистолету, и Мэт крепко схватил его за руку, не давая вынуть пистолет из кобуры, и ударил еще раз. Охранник соскользнул на пол.

Мэт забрал у него пистолет и положил его в карман брюк. У него болела спина. Он потерял челюсть, которая тоже болела, и быстро осмотрел ряды спящих. Здесь была Лэйни! Лэйни, с бледным лицом и с тонкой царапиной от виска к челюсти. Ее каштановые волосы скрывали маску, и ее высокая грудь чуть-чуть поднималась во сне. Здесь был и Худ, похожий на спящего

ребенка. Что-то нежное начало расти в груди Мэта Келлера. Какое-то тепло разлилось по его конечностям. В течение многих часов он был один, наедине со смертью. А здесь было много людей. Здесь был высокий человек, который заменил его за стойкой бара в тот вечер. Позавчера вечером! Здесь был Гарри Кейн, человек-глыба, сильный даже во сне.

Но Полли здесь не было. Он посмотрел еще раз более внимательно и по-прежнему не увидел ее. Где она? Мгновенно перед его мысленным взглядом появились прозрачные емкости банки органов. В одной емкости находилась человеческая кожа, огромные куски человеческой кожи с небольшим пространством между ними, по которому текла очищающая питательная жидкость. На скальпах были волосы, короткие и длинные, светлые, темные и рыжие; волосы, которые колыхались в холодной жидкости. Класс отторжения С, Г, № 34. Он не мог вспомнить, чтобы он видел черные, как ночь, волосы Полли. Может быть, они были там, а может быть, и нет. Тогда он не искал их.

Он инстинктивно оглянулся. Вот панель с кнопками! Он нажал на одну из них. Она выскочила наружу, едва он прикоснулся к ней пальцем. Кроме этого, ничего больше не произошло.

Ох, ладно, какого черта... Он начал нажимать на все кнопки, ведя указательным пальцем по всему ряду из десяти кнопок; затем по следующему ряду и по следующему. Он нажал уже шестьдесят кнопок, когда услышал какие-то звуки.

Спящие просыпались.

Он нажал оставшиеся кнопки. Шум пробуждения становился все громче: зевание, охрипшие голоса, похлопывания, возгласы полнейшего удивления, когда люди внезапно осознавали, где они находятся. Высокий голос позвал:

— Мэт, Мэт!

— Сюда, Лэйни! — Она пошла к нему, проходя мимо людей, сонно слезающих за ней со своих лежанок. В следующее мгновение она была в его объятиях и они прижимались друг к другу с такой силой, как будто их пытался оторвать друг от друга ураган. Мэт внезапно почувствовал слабость, как будто сейчас он мог позволить себе слабость.

— Значит, тебе не удалось скрыться, — сказал он.

— Мэт, где мы? Я пыталась добраться до края пропасти...

Кто-то закричал:

— Мы в виварии Госпиталя! — Голос, как топор, врубился в поднимающийся шум. Гарри Кейн занял принадлежащую ему роль лидера.

— Это так, — сказал Мэт тихо.

Ее глаза были всего лишь в двух дюймах от его глаз.

— О, значит тебе тоже не удалось.

— Мне удалось. Мне пришлось прийти сюда самому.

— Что... как?

— Хороший вопрос. Я не знаю точно...

Лэйни начала смеяться.

Из задней части комнаты донеслись крики. Кто-то заметил форму Специальной полиции на одном из проснувшихся. Крик неподдельного страха перешел в вопль отчаяния и резко оборвался. Мэт увидел, как все головы повернулись, и услышал звуки, на которые он пытался не обращать внимания. Лэйни больше не смеялась. Приступ радости прошел.

Гарри Кейн забрался на стул. Он сложил руки рупором и закричал:

— Замолчите все! Каждый, кто знаком с картой Госпиталя, подойдите сюда! Собирайтесь вокруг меня!

В толпе произошло движение. Лэйни и Мэт по-прежнему прижимались друг к другу, но уже не так отчаянно. Они смотрели на Гарри, признавая его право на лидерство.

— Все посмотрите сюда! — закричал Гарри. — Вот те люди, которые смогут вывести вас отсюда. Через минуту мы будем прорываться. Следите за... — Он назвал восемь имен. Среди них было имя Худа. — Некоторых из нас застрелят. Но пока хоть один из этих восьми будет продолжать двигаться, следуйте за ним! Или за ней. Если все восемь упадут без сознания и я тоже, — он сделал многозначительную паузу, — тогда громите все! Делайте столько неприятностей, сколько можете! Иногда единственно разумной вещью является паника! А теперь, кто помог нам? Кто разбудил нас? Кто же?

— Я, — сказал Мэт.

Шум стих. Внезапно все посмотрели на него. Гарри Кейн спросил:

— Как?

— Я не совсем уверен, как мне удалось попасть сюда. Я хотел бы поговорить об этом с Худом.

— Хорошо. Держись рядом с Джеем. Тебя зовут Келлер, не так ли? Мы очень благодарны тебе, Келлер. Каково назначение этих кнопок? Я видел, как ты возился с ними.

— Они отключают то, что заставляет вас спать.

— Кто-нибудь еще остался на лежанках? Если да, то сейчас же слезайте с них. Теперь пусть кто-нибудь снова нажмет эти кнопки. Пусть со стороны это выглядит как перебой в подаче энергии. Может быть, в этом и было дело, Келлер? Может быть, ты просто случайно проснулся?

— Нет.

Гарри Кейн выглядел озадаченным. Но поскольку Мэт не стал продолжать, он лишь пожал плечами.

— Уотсон, Гек, начинайте нажимать эти кнопки. Джей, встань рядом с Келлером. Остальные готовы идти?

Раздались возгласы согласия. Когда наступила тишина, кто-то спросил:

— А куда мы пойдем?

— Хороший вопрос. Если вам удастся выбраться, двигайтесь к коралловым домам около южного края бездны и скалы, разделяющей плато Альфа и Бета. Что-нибудь еще?

Все молчали. В том числе и Мэт. К чему задавать вопросы, на которые никто не знал ответов. Мэт чувствовал огромное облегчение из-за того, что кто-то принимает решения вместо него. Они могут быть, конечно, неправильными, но девяносто восемь мятежников являлись внушительной силой, даже если они будут двигаться в неправильном направлении. А Гарри Кейн был прирожденным лидером.

Лэйни выскользнула из объятий, но продолжала держать его за руку. Мэт внезапно вспомнил о наручниках, свисавших с его рук. Они могли помешать ему. Джей Худ подошел к нему. Он выглядел каким-то взъерошенным. Он поздоровался за руку, улыбаясь, но улыбка не подходила к страху, который светился в его глазах, и казалось, что ему не хотелось никуда идти. Но был ли в этой комнате хоть один неиспуганный человек? Если и был, то во всяком случае не Мэт. Он достал пистолет из кармана брюк.

— Все наружу, — сказал Гарри Кейн и ударом плеча распахнул дверь. Поток людей направился в коридор.

— Я отниму у вас лишь несколько минут, Уотс. — Джемс Пиетро сидел, лениво развалившись в кресле. Он любил загадки и собирался насладиться и на этот раз. — Я хочу, чтобы вы описали мне подробно, что произошло ночью, начиная с того момента, как с вами связался Хобарт.

— Но никаких подробностей у меня нет, сэр. — Старший сержант Уотс устал повторять эту фразу. В его голосе звучали жалобные нотки. — Через пять минут после того, как вы позвонили, со мной связался Хобарт и сказал, что задержал человека. Я велел ему привести задержанного ко мне. Но он так и не появился. В конце концов я сам связался со сторожевой будкой. Хобарт находился там, а задержанного не было и в помине. И он не мог объяснить, что произошло. Мне пришлось посадить его под арест.

— Поведение Хобарта достаточно странно. Именно поэтому я и спрашиваю: почему вы не связались со сторожевой будкой раньше?

— Сэр?

— Ваше поведение так же странно, как и поведение Хобарта, Уотс. Почему вы считали, что Хобарту потребуется полчаса, чтобы дойти до вас?

— О, — Уотс беспокойно заерзал на стуле. — Ну, Хобарт сказал, что этот парень подошел прямо к воротам и начал колотить по ним камнем. Поскольку Хобарт задержался, я подумал, что, возможно, он решил выяснить у задержанного, почему он поступил так. Ведь, — добавил он поспешно, — если бы он привел этого парня сразу ко мне, ему уже не удалось бы узнать, почему тот колотил по воротам.

— Очень логично. А вам не пришло в голову, что этот... парень мог напасть на Хобарта?

— Но ведь у Хобарта был усыпляющий пистолет.

— Уотс, вы когда-нибудь участвовали в облаве?

— Нет, сэр. У меня другие обязанности.

— Так вот, один полицейский, участвовавший в облаве прошлым вечером, вернулся с разбитым лицом. А ведь у него тоже был усыпляющий пистолет.

— Да, сэр. Но это же была облава.

Джемс Пиетро вздохнул:

— Благодарю вас, старший сержант. Вы можете идти. Ваш парень должен здесь быть с минуты на минуту.

Уотс направился к двери, не скрывая облегчения.

«Все-таки он выяснил одну очень важную вещь», —

подумал Джезус Пиетро, — хотя и не то, что он собирался выяснить». Возможно, все охранники в Госпитале думали точно так же: что сам по себе пистолет делает их непобедимыми. А почему бы и нет? Охранники Госпиталю никогда не участвовали в облавах в заселенных колонистами районах. И лишь немногие из них видели колонистов, которые не были без сознания. Время от времени Джезус Пиетро устраивал учебные облавы, в которых роль колонистов играли охранники, хотя им, конечно, это не слишком нравилось. Усыпляющие пули были не слишком приятны. Но в таких облавах люди, у которых были пистолеты, всегда побеждали, и весь накопленный охранниками опыт говорил им, что пистолет был королем положения и что человек, у которого пистолет, не должен ничего бояться, кроме другого пистолета.

Что же предпринять? Поменять местами охранников и рейдеров на длительное время, чтобы охранники набрались опыта. Нет, опытные рейдеры никогда не пойдут на это.

Почему он все время беспокоился о Специальной полиции?

Разве Госпиталь когда-либо пытались атаковать? Никогда. Колонистам было никак не пробраться на плато Альфа.

Но Келлеру это удалось.

Он подошел к телефону:

— Дженсен, выясните, кто дежурил на мосту Альфа—Бета прошлой ночью. Разбудите их и пришлите ко мне.

— На это потребуется по крайней мере пятнадцать минут, сэр.

— Хорошо.

Как Келлеру удалось проскользнуть мимо них? На плато Гамма была лишь одна машина, но она была уничтожена. Находился ли в ней пилот? Может быть, у Келлера был шофер? Или... Мог ли колонист догадаться, как пользоваться автопилотом?

— Черт подери, где же Келлер?

Джезус Пиетро принялся шагать по комнате. У него не было никаких причин для беспокойства, и все же он был обеспокоен. Предчувствие? Он не верил в предчувствия. Интерком заговорил голосом секретаря:

— Сэр, вы вызывали двух охранников?

— Охранников с моста?

— Нет, сэр. Внутренняя охрана Госпиталю.

— Нет.

— Благодарю вас. — Раздался щелчок.

Что-то вызвало тревогу прошлой ночью. И это был не кролик. Келлер мог попытаться подобраться к стене. Если внешняя охрана позволила ему ускользнуть, а затем подделала доклад, то им не поздоровится.

— Сэр, эти охранники настаивают на том, что вы вызывали их.

— Черт возьми, я уверен, что не вызывал их, скажите им... одну минутку. Пусть они войдут.

Они вошли. Два больших и сильных человека, которые безуспешно пытались скрыть раздражение от того, что их заставили ждать под маской смирения.

— Когда я вызвал вас?

Ответил более крупный охранник:

— Двадцать минут назад, сэр.

— По-моему, вы должны были привести с собой задержанного.

— Нет, сэр. Мы отвели Хобарта в виварий, положили его спать и сразу же вернулись обратно.

— Так вы не помните, что...

Маленький охранник внезапно побледнел:

— Д-Дейв! Мы должны действительно были п-привести кого-то. Его звали вроде бы Келлер?

Джезус Пиетро изучал их лица в течение целых двадцати секунд. Его собственное лицо было странно неподвижным. Затем он подошел к интеркому:

— Майор Дженсен, включите сигнал: «Побег заключенных».

— Одну минутку, — сказал Мэт.

Они были в последних рядахдвигающихся колонистов. Худ резко остановился:

— Что ты делаешь?

Мэт вернулся обратно в виварий. Один человек лежал на полу лицом вниз. На его голове по-прежнему была маска. Возможно, он подумал, что ему достаточно слезть с лежанки, чтобы оказаться в безопасности. Мэт сорвал маску и дважды сильно ударил его по щекам, и, когда его веки задрожали, Мэт поднял его на ноги и подтолкнул к двери.

Уотсон и Чек закончили нажимать на кнопки и выбежали, задев Худа.

— Ну давай же! — закричал Худ с порога. В его голосе была паника. Но Мэт стоял неподвижно и смотрел на какую-то вещь, лежащую на полу.

Охранник. Они разорвали его на части.

У Мэта возникло впечатление, что он снова находится в банке органов, он был парализован от ужаса.

— Келлер!

Мэт нагнулся, поднял что-то мягкое и мокрое. Выражение его лица было очень странным. Он подошел к двери, поколебался какое-то мгновение, а затем начертил две перекрещивающиеся дуги и три маленькие окружности на ее мерцающей металлической поверхности. Затем он швырнул теплый предмет обратно, повернулся и побежал. Двое мужчин и Лэйни бежали по коридору, пытаясь догнать толпу.

Толпа текла по лестницам, как водопад: плотная масса людей, бегущих и сталкивающихся друг с другом, со стенами и производящих неимоверный шум. Их возглавлял Гарри Кейн. На его лице была обозначена холодная решительность и понимание того, что он лидер. И что он упадет первым, когда они встретятся с вооруженными охранниками. Но к тому времени толпу уже невозможно будет остановить.

Первый вооруженный охранник находился в нескольких ярдах за ближайшим поворотом. Он повернулся и замер пораженный, как будто на его глазах совершалось чудо. Он не двинулся с места, когда толпа достигла его. У кого-то хватило ума забрать у него пистолет. Это был блондин, который сразу же стал протискиваться в первые ряды, размахивая пистолетом и крича, чтобы ему уступили дорогу. Толпа текла вокруг и через неподвижно лежащего полицейского.

Этот коридор был длинным, и по обеим сторонам его тянулись двери. Все двери, казалось, распахнулись одновременно. Человек с пистолетом нажал на курок и стал неторопливо водить им вдоль коридора. Головы, которые выглядывали из дверей, исчезли, а затем послышались звуки падающих тел. Толпа пробивала себе путь через лежащие тела членов Экипажа и людей, находившихся у них на службе. И, конечно, все лежащие оказались сильно покалеченными. Некоторые были даже убиты. Специальная полиция использовала усыпляющее

оружие для того, чтобы тела колонистов доставались им в целости и сохранности. У толпы же не было этого мотива для милосердия.

Теперь толпа растянулась, более быстрые вырвались вперед, а более медлительные отстали. И когда Кейн достиг конца коридора и повернул за угол, вместе с ним было всего лишь шесть человек.

Двое полицейских стояли, лениво прислонившись к стене, держа в руках дымящиеся чашки с кофе, и смотрели в ту сторону, откуда доносился шум. На какое-то мгновение они замерли... затем чашки полетели в сторону, оставляя в воздухе брызги коричневой жидкости, а их пистолеты появились у них в руках, как по мановению волшебной палочки. Гарри Кейн упал как подкошенный, но в последний момент успел заметить, что полицейские падают тоже.

Он лежал как сломанная кукла, голова кружилась, перед глазами стоял туман, а тело было таким же бесчувственным, как тело замороженного и ошипанного цыпленка. Чьи-то ноги грохотали рядом с ним и наступали на него. Сквозь окутывавшее его марево он смутно ощущал удары. Внезапно четыре руки схватили его за руки и за ноги, и он стал двигаться вперед, раскачиваясь и ударяясь о своих спасителей. Гарри Кейн испытал прилив радости. Он всегда очень плохо думал о толпе, но эта толпа вела себя гораздо лучше, чем он ожидал. Сквозь звон в ушах он услышал рев сирены.

Внизу лестницы они догнали толпу, — Лэйни впереди, Мэт и Худ за ней. Мэт выдохнул:

— Не спеши, у меня есть пистолет.

Лэйни поняла его и замедлила движение. Мэт мог прикрывать их с тыла. Если бы они попытались протиснуться в первые ряды, то были бы зажаты в центре толпы и пистолет был бы бесполезен.

Но никто не пытался напасть на них сзади. А впереди раздавался шум, и они проходили мимо изуродованных тел: один полицейский, затем цепочка мужчин и женщин в лабораторных комбинезонах. Мэт почувствовал, что его тошнит. Жестокость мятежников была ужасающей. Такой же ужасающей была и улыбка Худа: неприятная улыбка убийцы, которая делала его умное лицо злым.

Впереди ожидало еще больше неприятных ощущений.

Двое мужчин остановились, чтобы поднять тяжелую расprostертую на полу фигуру, и продолжили бег. Гарри Кейн вышел из игры.

— Надеюсь, что нас кто-нибудь ведет! — закричал Худ.

Резкий звук сирены раздался в коридоре. Звук был такой громкий, что мог бы разбудить Демонов Тумана и изгнать их из бездны. От этого звука дрожал бетон, сотрясалась каждая клеточка человеческого тела. Впереди, едва слышный из-за сирены, послышался звук дребезжащего удара. Железная дверь захлопнулась и разделила толпу на две части. Один человек умер страшной смертью, разрушенный этой дверью. Задняя часть толпы, включающая около дюжины мужчин и женщин, налетела на дверь и откатилась обратно.

Ловушка. Другой конец коридора тоже был блокирован. Но вдоль стен коридора шли ряды дверей. Один мужчина помчался в противоположный конец коридора, быстро вращая головой, чтобы заглянуть во все открытые двери.

— Сюда! — закричал он, размахивая руками. Остальные без слов последовали за ним.

Это была комната отдыха, в которой были четыре широких дивана и несколько кресел. Там было два стола для игры в карты и большой аппарат для приготовления кофе. А также большое окно. Когда Мэт достиг двери, окно уже было выбито и по краям виднелись острые куски стекла. Человек, который нашел эту комнату, воспользовался креслом, чтобы очистить путь.

Раздалось едва слышное гудение, и Мэт почувствовал легкое онемение, как будто в него выстрелили парализующим лучом. Он захлопнул дверь за собой, и это ощущение прекратилось.

Автоматика?

— Бенни! — закричала Лэйни, берясь за один край дивана. Человек у окна выпустил из рук кресло, подбежал к ней и взялся за другой край дивана. Он был одним из тех, кто был с Лэйни на вечеринке. Вдвоем они положили диван на подоконник, накрыв им острые обломки стекла. Колонисты начали выбираться наружу.

Худ заметил шкаф и открыл его. Это было подобно открытию ящика Пандоры. Мэт увидел полдюжины мужчин в белых халатах, которые набросились на Худа. Еще секунда, и они разорвали бы его на клочки. Мэт

воспользовался своим пистолетом. Все упали, в том числе и Худ. Мэт вытащил его, взвалил на плечо и последовал за остальными наружу. Худ оказался гораздо тяжелее, чем можно было подумать.

Мэту пришлось положить его на траву, а затем самому вылезти из окна. В дальнем конце лужайки была видна стена Госпиталя, наклоненная наружу, а по верхнему краю стены тянулись провода, которые были наклонены внутрь. Очень тонкие провода, едва видимые сквозь туман. Мэт поднял Худа, посмотрел вокруг, увидел, что остальные бегут вдоль здания, следуя за высоким мужчиной по имени Бенни. Он двинулся за ними.

Они добрались до одного из углов — в Госпитале, казалось, был миллион углов, — резко остановились и подались назад. Приближаются охранники? Мэт опустил Худа и вытащил свой пистолет.

Рука с пистолетом показалась в разбитом окне. Мэт выстрелил, и человек упал. Но он знал, что там, внутри, должны быть и другие люди. Мэт пригнулся под окном, резко поднялся и выстрелил внутрь. Полдюжины полицейских выстрелили в ответ. Правая сторона тела Мэта и правая рука онемели. Он выронил пистолет, а затем и сам упал на траву. Через мгновение они высунутся из окна. Человек по имени Бенни бежал к нему. Мэт швырнул ему пистолет первого полицейского и взял свой собственный левой рукой.

Полицейские внутри не ожидали появления Бенни. Они пытались выстрелить через подоконник в Мэта, а для этого им надо было высунуться из окна. Через несколько секунд с ними было покончено.

Бенни сказал:

— Прямо за углом находится стоянка машин, но она охраняется.

— Они знают, что мы здесь?

— Думаю, что нет. Слава Демонам Тумана, что сегодня хороший туман. — Бенни усмехнулся над собственным каламбуром.

— Хорошо. Мы можем воспользоваться этими пистолетами. Тебе придется понести Джея. Моя рука не работает.

— Джей — единственный, кто может управлять машиной.

— Я тоже могу, — сказал Мэт.

— Майор Дженсен, включить сигнал «Побег заключенных».

Звук сирены раздался мгновенно, даже прежде, чем Джезус Пиетро мог передумать. На какое-то мгновение он был уверен, абсолютно уверен, что он выставил себя на посмешище. Это могло бы подорвать его авторитет...

Но нет, Келлер должен был освободить заключенных. Келлера здесь не было, значит, Келлер на свободе. И первое, что он сделает, — это освободит остальных Детей Земли. Если бы охранник в виварии задержал его, он сообщил бы об этом, а раз такого сообщения не поступило, значит, Келлеру удалось его замысел.

Ну а что, если Келлер просто спит безмятежным сном в виварии? Чепуха. Почему тогда охранники забыли о нем? Их поведение слишком похоже на то, как вел себя Хобарт прошлой ночью. Здесь не обошлось без какого-то чуда. И это чудо Джезус Пиетро стал ассоциировать с Келлером. Должна же быть какая-то причина этого.

Келлер воспользовался этим чудом, чтобы освободиться.

И все коридоры сейчас забиты яростно орущими мятежниками.

Все было очень плохо. У Специальной полиции были причины, чтобы использовать усыпляющее оружие. У мятежников их не было — ни оружия, ни причин. Они будут убивать всех, кто попадется им на пути.

Стальные двери уже должны были перекрыть коридоры, и должна была начаться вибрация в диапазоне, создающем парализующее излучение. К этому моменту опасность уже миновала — почти наверняка. Если только мятежникам не удалось выбраться из коридоров.

Но какой ущерб они уже успели нанести?

— Идите за мной, — сказал Джезус Пиетро двум охранникам. Он направился к двери. — Держите оружие наготове, — бросил он через плечо.

Охранники вышли из состояния оцепенения и бросились выполнять приказ. У них не было ни малейшего представления о том, что происходит, но Джезус Пиетро был уверен, что они сумеют распознать колониста вовремя, чтобы выстрелить в него. Во всяком случае, они будут достаточно надежной охраной.

Дюжина колонистов. Двое из них парализованы. Семь захваченных пистолетов.

Мэт оставался в укрытии за углом, нехотя выполняя приказ Бенни. С ним были две женщины: Лэйни и женщина средних лет с низким голосом по имени Лидия Хэнкок — и двое пострадавших: Джей Худ и Гарри Кейн.

Мэт с удовольствием бы принял участие в сражении с охранниками, стерегущими машины, но он не мог не подчиняться логике. Поскольку он был единственным, кто мог управлять летающей машиной, он должен был оставаться сзади, пока другие бежали по лужайке, стреляя из пистолетов.

Место стоянки для летающих машин представляло собой большую плоскую поляну, заросшую одним из видов мутированной травы, которую можно было мять, не причиняя ей ущерба. Белые линии пересекали зеленую площадку, обозначая посадочные полосы. Эти белые полосы также были сделаны из травы. Летающие машины были расположены в центре двух посадочных полос. Вокруг них суетились люди, обслуживая их. Они снимали металлические канистры, находящиеся под ограждением. Приблизительно в четырех футах от травы висел туман, рассеивающий солнечные лучи. Он также скрывал очертания мятежников, бежавших по направлению к машинам.

Восставшие были уже на полпути к летающим машинам, когда кто-то со стороны Госпиталя направил на них луч крупного парализатора размером с прожектор. Они тотчас же упали как подкошенные. Механики, суетившиеся вокруг машин, упали тоже. Лишившиеся сознания люди лежали теперь по всему полю, и туман сгустился вокруг них.

Мэт быстро отпрянул назад, как только луч парализатора приблизился к углу. Но даже и при этом он почувствовал онемение в теле, хотя и слабое, но четко напомнившее ему про омертвление правой руки. Он спросил:

— Будем ждать, пока они переведут луч в другую сторону, и потом побегим?

— Я думаю, они нас заметили, — сказала Лэйни.

— Перестань! — резко выкрикнула миссис Хэнкок. Мэт впервые увидел эту женщину всего пятнадцать минут назад, и она уже была в этом разъяренном состоянии. Это была крупная с резкими чертами лица женщина,

готовая яростно отстаивать свою цель. — Они нас не победят, пока не схватят.

— Иногда у меня как-то получается быть невидимым, — сказал Мэт — Если вы готовы рискнуть и если вы все будете находиться как можно ближе ко мне, возможно, это мое свойство поможет нам всем.

— Он спятил с ума от страха, — медленно и невнятно проговорил Худ. Его глаза медленно передвинулись в сторону Мэта. Гарри тоже теперь пришел в себя и недоверчиво смотрел на Мэта, хотя и не мог все еще двигаться.

— Но это правда, Худ. Я не знаю, в чем дело, но это правда. Должно быть, это что-то связанное с психической энергией.

— К-каждый, к-кто в-верит в психическую энергию — сам не-не-нормальный.

— Они отвели луч парализатора, — сказала Лэйни.

— У меня не двигается рука. Ты, Лэйни, и вы, миссис...

— Зови меня Лидия.

— Ты, Лэйни, и ты, Лидия, положите Худа на мое левое плечо, а сами возьмите Гарри. Держитесь как можно ближе ко мне. Не пытайтесь прятаться. Если нас подстрелят, я извинюсь перед вами при первой же возможности.

— Извинитесь лучше сейчас.

— Хорошо, Худ. Я приношу свои извинения на тот случай, если нас всех убьют из-за меня.

— Лад-д-дно.

— Тогда пошли.

ГЛАВА 7

КРОВОТОЧАЩЕЕ СЕРДЦЕ

Когда они увидят это... Джезус Пиетро содрогнулся. Он смотрел, как его охранники отпрянули назад, не будучи в состоянии войти, но и не в силах отвести взгляда. Они не будут больше так надеяться на свои пистолеты, когда увидят это!

У охранника в виварии наверняка был пистолет, но он не успел вытащить его вовремя.

А другого шанса ему не представилось.

То, что от него осталось, было скорее похоже на содержимое всего одной емкости в банке органов.

Хобарт, лежащий около дальней стены, выглядел не лучше. Джезус Пиетро почувствовал укол вины. Он не готовил Хобарту такой участи.

Джезус Пиетро еще раз посмотрел вокруг, и его взгляд остановился на неуклюжем рисунке, выделявшемся темным пятном на фоне блестящей стальной двери.

Это наверняка был какой-то символ. Но символ чего? Символом Детей Земли был круг с заключенным в нем обтекаемым контуром американского континента. Этот же не был похож на него и был совершенно не знаком Джезусу Пиетро. Но он, несомненно, был нарисован человеческой кровью.

Две широкие симметричные дуги. Три маленькие вытянутые фигурки, как будто кружки с хвостиками. Головастики? Какие-нибудь микроорганизмы?

Джезус Пиетро потер глаза ладонями. Позже он спросит заключенных, что это такое, а сейчас лучше не думать об этом.

— Предположим, что они избрали наикратчайший путь к главному выходу, — сказал он громко. Если охранники и были удивлены этой манерой разговаривать с самим собой, их реакция была такой же, как и выработавшаяся за долгие годы реакция майора Дженсена: они промолчали.

— Следуйте за мной, — сказал Джезус Пиетро.

Налево, направо, вниз по лестнице... Вот распростертая фигура полицейского в разорванной на клочки форме. Джезус Пиетро прошел мимо, не замедляя своего целеустремленного движения. Он подошел к первой аварийной стальной двери и воспользовался ультразвуковым свистком. Когда дверь открылась, охранники вздрогнули.

Они увидели изуродованные тела, лежавшие вдоль всего коридора в два ряда. В дальнем конце коридор был перекрыт другой стальной дверью. Это место напоминало банк органов после взрыва. Другое сравнение трудно было подыскать. Самой неприятной была мысль, что все эти люди находились под защитой Джезуса Пиетро. И большинство из них были даже не полицейскими, а гражданскими служащими: докторами и электриками.

Какой это будет жестокий урок для охраны Госпиталя! Джезус Пиетро почувствовал приступ тошноты. Однако судить об этом можно было лишь по необычайной

бледности его лица — единственное, что не поддавалось контролю. Он пошел дальше по коридору с выражением холодного равнодушия. Стальные двери поднимались при его приближении.

Колонисты лежали тесными группами у стальных дверей в каждом конце коридора, как будто, даже находясь без сознания, они пытались выбраться из ловушки. Один из полицейских воспользовался рацией, чтобы вызвать санитаров с носилками.

Джезус Пиетро стоял над поверженными мятежниками.

— Я никогда не испытывал к ним настоящей ненависти раньше, — произнес он.

— К-к-келлер, г-гир-роско...

— Что? — Все внимание Мэта было поглощено машиной. Он пытался лететь, управляя здоровой левой рукой: машина взбрыкивала и дергалась, как испуганный жеребец.

— Г-г-гир-роско ..! — Худ скривился от боли, пытаясь говорить отчетливо.

— Понятно. Что я должен с ним делать?

— Включи его.

Мэт включил гироскоп. Внизу что-то загудело. Машина вздрогнула, затем выровнялась, поднимаясь прямо вверх.

— Ж-жалюзи.

Мэт нажал на кнопку. Машина стала набирать скорость.

— П-п-помоги мне выг-г-глянуть, Лэйни. — Худ сидел на переднем сиденье и был прижат к левому борту машины сидящими рядом с ним Гарри Кейном и Мэтом. Лэйни дотянулась до него с заднего сиденья и руками повернула его голову, чтобы он мог смотреть в окно.

— П-поверни нап-п-право, Мэт.

— Как?

— Вид-дишь к-круг-глуую к-к-кноп-пку?

— Кнопку? Вот эту?

— Д-да, ид-диот!

— Для справки, — сказал Мэт холодно. — Я пролетел на машине от самого подвала в доме Гарри до плато Альфа. Это было впервые в моей жизни. Естественно, я не знаю назначения всех этих приспособлений.

— Так-к, хор-рош-шо. Теп-ерь п-пря-м-мо, п-пока не ск-к-кажу.

Мэт отпустил кнопку. Теперь машина летела самостоятельно.

— Мы направляемся не к коралловым домам, — сказал он.

— Да, — Гарри Кейн говорил медленно, но отчетливо. — Коралловые дома будут первым местом, куда нагрянет Специальная полиция. А я не собираюсь привлекать внимание сотен людей к тому месту, где мы будем находиться.

— Где же это?

— В большом пустующем особняке, принадлежащем Джеффри Юстасу Парлету и его семье.

— А где же все это время будет находиться сам Джеффри Юстас Парлет?

— Он и его семья будут отдыхать и развлекаться в небольшом курортном местечке на Иоте. У нас есть свои контактеры на плато Альфа, Келлер.

— Парлет, а он не...

— Его внук. Миллард Парлет живет вместе с ними, но сегодня он выступает с речью. Он должен как раз начинать. Передающая станция расположена далеко отсюда на холме Ноб. А поскольку хозяева дома отсутствуют, он скорее всего остановится у какого-нибудь своего родственника.

— Это все равно выглядит опасно.

— Уж не тебе говорить об опасности.

Неуклюжий комплимент подействовал на Мэта как шесть порций сухого мартини. Ему все удалось! Он вошел в Госпиталь, освободил заключенных, устроил беспорядки, оставил свой знак и ушел целым и невредимым!

— Мы можем спрятать машину, пока не уляжется шум, — сказал он. — Затем полетим обратно на Гамму...

— И оставим моих людей в виварии? Я не могу так поступить. И, кроме того, там Полли Торнквист.

Полли. Девушка, которая... Да.

— Я не мятежник, Гарри. Операция спасения закончена. Честно говоря, я пришел туда только для того, чтобы попытаться спасти Лэйни. Так что я могу покинуть вас в любой момент.

— Ты думаешь, Кастро оставит тебя в покое, Келлер? Он наверняка знает, что ты был среди заключенных. Он выследит тебя, где бы ты ни прятался. Кроме того, я

не могу оставить тебе машину. Она понадобится для моей операции по спасению колонистов.

На лице Мэта появилась гримаса неудовольствия. Это ведь была его машина, не так ли? Он украл ее самостоятельно. Но это они могут обсудить и позже.

— Почему ты упомянул Полли?

— Она видела приземление капсулы Робота-разведчика. Кастро, очевидно, нашел у нее фотографии. Скорее всего, он будет допрашивать ее, чтобы выяснить, кто еще знает об этом.

— Знает о чем?

— Понятия не имею. Об этом знала только Полли. Но наверняка это что-то очень важное. Так считала Полли, и, как мы видим, так же считает Кастро. Ты сам, кажется, не слышал о приземлении капсулы?

— Нет.

— Они держали это в секрете. Раньше такого никогда не было.

Лэйни сказала:

— Полли вела себя так, будто обнаружила что-то ужасно важное. Она хотела рассказать нам все об этом позавчера вечером, но Кастро помешал ей. А теперь мне вдруг пришло в голову, что, может быть, причина облавы кроется именно в этой капсуле.

— Может быть, Полли уже в банке органов, — предположил Мэт.

— Пока нет, — сказал Гарри. — Во всяком случае, если Кастро нашел пленки. Тогда он сначала попытается заставить ее заговорить. Для этого он использует «лечение громом», а это занимает много времени.

— Лечение громом?

— Неважно.

Важно или нет, Мэту не понравилась эта фраза.

— А как ты собираешься организовать операцию по спасению?

— Пока не знаю.

— П-поворот н-налево, — сказал Худ.

Дома и деревья под ними накренились. Со включенным гироскопом управлять машиной было намного легче. Кроме них, в воздухе больше не было ни одной машины. Может быть, что-то удерживало их на земле?

— Итак, — сказала Лэйни, — ты пришел в Госпиталь, чтобы спасти меня.

— Воспользовавшись украденной машиной, — сказал Мэт. — По пути ненадолго залетел в ядовитый туман.

Большой рот Лэйни выражал полуулыбку, полуухмылку: наполовину радость и наполовину удивление.

— Конечно, я потрясена.

— Естественно.

Миссис Хэнкок произнесла с заднего сиденья:

— Хотела бы я знать, почему они не использовали парализаторы там, на стоянке.

— А ты ведь знал, что так будет, — сказала Лэйни. — Откуда ты знал это, Мэт?

— Хороший вопрос, — сказал Гарри Кейн.

— Понятия не имею, — сказал Мэт.

— Но ты знал, что это сработает?

— Да.

— Откуда?

— Это длинная история. Я, пожалуй, начну с того утра после вечеринки.

— Начни с самой вечеринки, — сказала Лэйни.

— Ничего не пропускаю?

— Ничего. — Лэйни произнесла это слово с особой интонацией. — Я думаю, все может оказаться важным, Мэт.

Мэт пожал плечами, подчинившись с неохотой.

— Хорошо. Я встретил Худа в баре, в первый раз за последние восемь лет...

Джезус Пиетро и майор Дженсен стояли в стороне, наблюдая, как колонистов переносят на носилках в виварий. В другом конце Госпиталя на других носилках переносили тела убитых и раненых в операционные комнаты. Некоторых из них возвратят к жизни, полной здоровья и пользы, у других извлекут неповрежденные органы.

— Что это? — спросил Джезус Пиетро.

— Не знаю, — ответил майор Дженсен. Он отошел от двери, чтобы было удобнее смотреть. — Это напоминает что-то очень знакомое.

— Интересное мнение.

— Полагаю, это нарисовал колонист?

— Вы очень догадливы. Кроме них, в живых никого не осталось.

Майор Дженсен отошел еще дальше и стоял подбоченясь, слегка покачиваясь на носках. Наконец он сказал:

— Это предупреждение, сэр.

— Предупреждение? — Джезус Пиетро свирепо по-

смотрел на своего адъютанта. Затем он снова взглянул на дверь. — Черт возьми! Это действительно предупреждение.

— А внизу похоже на слезы.

— Предупреждение со слезами. Тот, кто нарисовал это, явно был не в своем уме. Предупреждение, предупреждение... Почему Дети Земли оставили нам знак, нарисованный человеческой кровью?

— Кровь. Кровотоочащий... О, я понял. Вот в чем дело, сэр. Это кровотоочащее сердце. Они говорят нам, что они против передачи преступников в банк органов.

— Такой позиции с их стороны и следовало ожидать. — Джек Пьетро еще раз окинул взглядом виварий. Тела Хобарта и охранника уже унесли, но кровавые пятна на полу остались. Он сказал: — Однако их самих нельзя назвать слишком милосердными.

Тридцать тысяч пар глаз были устремлены на информационные экраны.

Четыре передающие камеры стояли вокруг него. Пока что они были отключены, и около них никого не было. Операторы осторожно ходили по комнатам, занимаясь последними приготовлениями, смысла которых Миллард Парлет даже не пытался понять. Через пятнадцать минут эти, сейчас темные, экраны оживут и сосредоточат на себе внимание шестидесяти тысяч глаз.

Миллард Парлет начал просматривать свои записи. Если он решит сделать какие-нибудь изменения, то сейчас самое время.

1. Вступительная часть.

А. Подчеркнуть экстраординарность ситуации.

Б. Упомянуть капсулу Робота-разведчика.

В. Перейти к основной части.

Насколько реальной покажется опасность этим людям? Насколько Миллард Парлет мог вспомнить, последняя чрезвычайная сессия собиралась в двести двадцать девятом году по поводу Великой Чумы, то есть больше ста лет тому назад. Большинство его нынешней аудитории тогда еще и не родилось.

Поэтому необходимо построить вступление так, чтобы привлечь их внимание к сообщению.

2. Вопросы, касающиеся банка органов, — общий аспект.

А. На Земле это считают проблемой. У нас — нет. Поэтому на Земле об этом знают значительно больше.

Б. Любой человек с помощью банка органов может жить до тех пор, пока не износится его центральная нервная система. На это может уйти значительное количество времени, если система кровообращения продолжает работать.

В. Но человек не может брать из банка органов больше, чем туда поступает. Поэтому нужно делать все возможное, чтобы поддерживать необходимый запас.

Г. Единственный возможный метод пополнения запасов банка органов заключается в казни приговоренных преступников. (Сделать на этом акцент; объяснить, почему другие методы непригодны.)

Д. Органы, изъятые из тела преступника, могут спасти десятки жизней. Сейчас нет ни одного серьезного аргумента против высшей меры наказания за любое преступление, потому что все аргументы такого рода исходят из того, что убийство человека не приносит пользы обществу. Поэтому человек, который хочет прожить как можно более длинную и здоровую жизнь, будет требовать смертной казни за любое, даже самое пустяковое нарушение, если запасы в банке органов будут иссякать.

И. Перечислить те виды преступлений, за которые на Земле допускается применение высшей меры: ложное обвинение, уклонение от уплаты подоходного налога, загрязнение окружающей среды, рождение детей без лицензии.

Удивительно, что потребовалось столько времени, чтобы принять эти законы.

Проблема банка органов могла бы начаться еще в тысяча девятисотом году, когда Карл Ландштайнер ввел деление человеческой крови на четыре группы. Или в тысяча девятьсот четырнадцатом году, когда Альберт Хьюстин обнаружил, что нитрат натрия предотвращает свертывание крови. Или в тысяча девятьсот сороковом, когда Ландштайнер и Винер открыли резус-фактор. Хранилища крови легко могли использовать осужденных преступников для пополнения своих запасов, но, как ни странно, этого никто не осознал.

А затем надо вспомнить работу Гамбургера в тысяча девятьсот шестидесятых и семидесятых годах в парижской больнице, где почки пересаживали от донора пациенту, хотя они не были близнецами. А затем, в две тысячи

десятом году, Мостелем и Грановичем была создана останавливающая отторжение органов сыворотка...

Сначала никто не обратил внимания на открывающиеся в связи с этим возможности. Об этом заговорили лишь в середине двадцать первого столетия.

Тогда по всему миру стали возникать банки органов. Свои запасы они пополняли за счет людей, выразивших желание завещать свои тела после смерти для медицинских целей.

Какова же польза от тела человека, умершего от старости? Разве можно рассчитывать на одни только дорожные инциденты? И в две тысячи сорок третьем году в штате Арканзас, где смертная казнь так и не была отменена, банки органов сделались официальным способом свершения приговора.

Это нововведение стало распространяться как пожар... как моральная чума, по меткому замечанию одного из критиков того времени. Миллард Парлет внимательно просмотрел эту часть своей речи, затем вычеркнул всю историческую справку из-за боязни потерять внимание аудитории. Люди, а особенно члены Экипажа, не любят, когда им читают лекции.

Е. Поэтому правительство, которое контролирует банки органов, более могущественно, чем любой существовавший в истории диктатор. Диктаторы могли распоряжаться смертью людей, банки же органов дают правительству возможность распоряжаться и жизнью и смертью.

1) Жизнь. Банки органов могут вылечить практически любую болезнь, и правительство должно решать, какому гражданину оказать эту услугу, исходя из запаса. Приоритеты становятся жизненно важными.

2) Смерть. Ни один гражданин не будет протестовать, если правительство приговорит преступника к смерти, в результате чего гражданин получит возможность продлить свою жизнь.

Это, конечно, ложь. Во все времена существовали альтруисты. Но пусть это останется.

3. Вопросы, связанные с банком органов, — колонии.

А. Аллопластика: наука о вживлении в тело человека инородных материалов в медицинских целях.

Б. Примеры:

1) Вживленные слуховые аппараты.

2) Устройства, регулирующие работу сердца, и искусственное сердце.

3) Пластиковые кровеносные сосуды.

В. Аллопластика применяется на Земле в течение пятисот лет.

Г. В колонизируемых мирах аллопластика не используется. Для этого необходимы высокие технологии.

Д. В каждом колонизируемом мире есть банк органов. Морозильные камеры на космических кораблях специально приспособлены для хранения замороженных органов. Поэтому сами корабли становятся центрами банка органов.

Е. Банки органов, являясь альтернативой аллопластике, не решают всех проблем в колонизируемом мире.

4. Банки органов в их связи с деятельностью существующей власти на Удивительной Горе.

А. Договор об управлении планетой.

Миллард Парлет нахмурился. Какова будет реакция членов Экипажа, когда они узнают правду о Договоре об управлении планетой?

То, чему их учили в школе, в основном было правдой. Договор об управлении планетой — договор, в соответствии с которым Экипаж получал власть над колонистами, действительно существовал с момента посадки «Планка». И колонисты действительно признавали его, все колонисты.

Здесь было и свое рациональное зерно. Экипаж в течение десятилетий брал на себя весь риск и выполнял всю трудную и не всегда приятную работу, чтобы достичь планеты, которая могла быть пригодной для заселения. Колонисты же мирно проспали все эти нелегкие годы в космосе. Поэтому Экипаж имел полное право взять власть в свои руки.

Но многие ли из живших ныне членов Экипажа знают, что те первые колонисты подписали Договор под угрозой оружия? Что восемь из них предпочли умереть, нежели расстаться со своей свободой?

Было ли у Милларда Парлета право рассказать им об этом?

Да, было. Они должны ясно представлять, на чем основана их власть.

Б. Госпиталь:

1) Контроль над электроэнергией.

2) Контроль над средствами информации.

3) Контроль над правосудием: полицией, судами, казнями.

4) Контроль над медициной и банком органов: положительная сторона правосудия.

В. Замена органов для колонистов? Да!

1) Колонисты, находящиеся на хорошем счету, без всякого сомнения, должны иметь возможность медицинского лечения. У них самих не должно быть никаких сомнений по этому поводу.

2) Правосудие обязано иметь положительные моменты.

3) В результате те колонисты, которые могут рассчитывать получить медицинскую помощь, будут поддерживать правительство.

5. Капсула Робота-разведчика.

(Показать фотографии. Пусть осмотрят все своими глазами. Использовать максимальное увеличение для более сильного зрительного воздействия, но сконцентрироваться на описании деталей.)

К этому он может добавить еще кое-что: Миллард Парлет посмотрел на свою правую руку. Она двигалась очень легко. Уже сейчас контраст с не подвергшейся лечению левой рукой был потрясающим.

Это заставит их слушать его внимательно!

6. Опасность, кроющаяся в капсуле.

А. Ее содержимое не может полностью отменить банки органов. В капсуле находятся лишь четыре предмета. Чтобы сделать банки органов ненужными, потребуются сотни и даже тысячи различных предметов.

Б. Но если колонисты узнают об этом, они раздуют эту историю до огромных размеров. Они потребуют, чтобы высшая мера наказания была сейчас же отменена.

Миллард Парлет посмотрел назад и вздрогнул. Спокойно смотреть на содержимое капсулы Робота-разведчика № 143 было невозможно. Сила зрительного воздействия была слишком велика.

Если его выступление станет скучным, он легко сможет снова завладеть их вниманием, показав одну из фотографий.

В. Высшая мера наказания не может быть отменена в любом случае.

1) Стоит лишь снизить суровость наказания, как количество преступлений моментально возрастет. (Привести примеры из земной истории. Жаль, что в истории Удивительной Горы нет собственных.)

2) Каким наказанием заменить высшую меру? На Удивительной Горе нет тюрем. Предупреждения и записи

в личной карточке имеют силу лишь под угрозой банка органов.

7. Выводы.

Насильственным или мирным путем, но власть членов Экипажа закончится, когда колонисты узнают о капсуле Робота-разведчика № 143.

Три минуты до начала. Вопрос о том, чтобы изменить речь, больше не стоит.

Единственный вопрос, который был всегда и остался, это сама речь. Должны ли тридцать тысяч членов Экипажа узнать, что прибыло в капсуле Робота-разведчика № 143? Можно ли заставить их понять всю важность этого события? И сможет ли такое количество людей сохранить это в секрете?

Члены Совета ожесточенно выступали против его речи. И только уверенное руководство Милларда Парлета, его знание причин власти, его авторитет и слабость других членов Совета заставили их дать согласие на эту чрезвычайную меру.

И вот сейчас каждый член Экипажа на плато Альфа и во всех других местах этого мира находился перед информационным экраном. Ни одна машина не летала над плато Альфа; ни один лыжник не бороздил заснеженные склоны северного ледника; озеро, горячие источники и игральные дома на Иоте были пусты.

Одна минута до начала. Слишком поздно отменять выступление.

Смогут ли тридцать тысяч человек сохранить этот секрет?

Ну что ж, следует признать, что, вероятно, не смогут.

— Вон тот большой дом с плоской крышей, — сказал Гарри Кейн.

Мэт наклонил машину вправо. Он продолжал свой рассказ:

— Я подождал, пока охранники уйдут, затем вернулся к виварию. Человек внутри открыл дверь. Я ударил его и забрал у него пистолет. Потом нашел панель с кнопками и начал нажимать их.

— Приземляйся в саду, а не на крышу. Тебе удалось понять, что происходило у них с глазами?

— Нет. — Мэт работал с жалюзи и кнопкой управления, пытаясь зависнуть над садом. Сад был большим и достигал самого края бездны. Это был обычный сад

в стиле, который насчитывал, наверное, тысячу лет: симметричный лабиринт из установленных под прямым углом живых изгородей, окружающих прямоугольные клумбы с цветами всевозможных оттенков. Сам дом тоже состоял из одних прямоугольников и по стилю напоминал увеличенную копию домов девятнадцатого века. С плоской крышей, с ровными стенами, почти без украшений, своими размерами он напоминал мотель, но был таким широким, что казался низким. Было такое ощущение, что дом состоял из отдельных составных частей, которые постепенно пристраивали в течение многих лет. Джеффри Юстас Парлет, по всей видимости, пытался симитировать плохой старинный стиль в надежде получить что-нибудь новое и оригинальное.

Сам Мэт, естественно, видел все совсем иначе. Для него все дома на плато Альфа выглядели одинаково странными.

Он стал сажать машину на полосу травы около края пропасти. Машина приземлилась, подпрыгнула, снова приземлилась. Как только Мэту показалось, что настал подходящий момент, он до конца задвинул все четыре рукоятки, отключая винты. Машина плюхнулась на землю, издав дребезжащий звук. Рукоятки пытались выскочить обратно, и Мэт, придерживая их рукой, с отчаянием посмотрел на Худа.

— Гироскоп, — сказал Худ.

Мэт потянулся своей правой, наполовину парализованной, рукой к щитку управления и отключил гироскоп.

— Тебе нужно немного поучиться летать, — сказал Гарри Кейн, демонстрируя удивительную сдержанность. — Ты закончил свою историю? — Он настаивал, чтобы Мэт рассказал обо всем до конца.

— Я мог забыть некоторые детали.

— Вопросы и ответы мы можем отложить, пока не устроимся. Мэт, Лэйни, Лидия, помогите мне выбраться отсюда и устройте Джея около щитка управления. Джей, ты можешь двигать руками?

— Да. Действие парализаторов постепенно проходит.

Мэт и женщины выбрались из машины. Гарри смог подняться на ноги, и, хотя все его мышцы судорожно дергались и двигался он очень неуверенно, ему все же удавалось держаться прямо. Он отклонил предложенную помощь и стоял, наблюдая за действиями Худа. Худ открыл крышку щитка управления и возился с чем-то внутри.

— Мэт! — Лэйни позвала его через плечо. Она стояла в нескольких дюймах от края пропасти.

— Сейчас же отойди оттуда!

— Нет! Иди сюда!

Мэт подошел. Вместе с ним подошла миссис Хэнкок. Они втроем стояли на краю и смотрели вниз на свои тени.

Солнце светило им в спину, посылая лучи под углом в сорок пять градусов. Туман из водяного пара, который покрывал южную часть плато этим утром, теперь лежал вровень с краем пропасти, у самых их ног. И они смотрели на свои тени — три тени, уходящие в бесконечность, три темных туннеля, становящихся все меньше и уже по мере углубления в легкий туман и теряющихся где-то в размытой дали. Но каждому из них казалось, что только его тень окружена маленькой, яркой и идеально круглой радугой.

Четвертая тень присоединилась к ним, двигаясь медленно и болезненно.

— Неплохой сюжет для фотокамеры, — пробормотал Гарри Кейн.

— Я никогда раньше не видел ничего подобного, — сказал Мэт.

— Я видел один раз, очень давно. Мне показалось, что у меня было видение. Я видел себя как представителя Людей, стоящего на краю мира с радугой вокруг головы. Тем вечером я присоединился к «Детям Земли».

Сзади слышалось негромкое гудение. Мэт повернулся и увидел, что машина движется к нему через газон. Она задержалась на краю, перевалила через него, на какое-то мгновение зависла над туманом, а затем стала опускаться вниз, постепенно исчезая, как погружающийся в воду дельфин.

Гарри повернулся и спросил:

— Автопилот установлен?

Худ стоял на коленях в траве на том месте, где только что была машина.

— Да. Она поднимется в полночь, подождет пятнадцать минут и снова опустится вниз. Это будет повторяться в течение следующих трех дней. Может быть, кто-нибудь поможет мне войти в дом?

Мэт почти нес его через сад. Худ был тяжелым. Хотя его ноги двигались, они отказывались держать его тело. Пока они шли, Худ спросил его, понизив голос:

— Мэт, что это такое ты нарисовал там на двери?

— Кровоточащее сердце.

— Да, но зачем?

— Я сам точно не знаю. Когда я увидел, что они сделали с охранником, я почувствовал, как будто снова оказался в банке органов. Я вспомнил своего дядю Мэта. — Его пальцы непроизвольно сжали руку Худа. — Они забрали его, когда мне было восемь лет. Тогда я не понял зачем. Я должен был оставить какой-то знак, чтобы показать, что я был там, — я, Мэт Келлер, вошел туда один и вышел с целой армией. Я отомстил за дядю Мэта! Я был немного не в себе, Худ. То, что я увидел в банке органов, действует на рассудок любого человека. Я не знал вашего символа, и поэтому мне пришлось придумать свой собственный.

— Совсем неплохой. Я покажу тебе наш позже. Банк органов действительно так плох?

— Ужасен. Но самое страшное — это маленькие сердца и печени. Дети, Джей! Я не знал, что они забирают и детей.

Худ посмотрел на него вопросительно. В этот момент Лидия Хэнкок распахнула перед ними массивную входную дверь, и им пришлось сосредоточиться на преодолении ступенек лестницы.

Джезус Пиетро был взбешен. Он провел некоторое время в своем кабинете, зная, что там он будет наиболее полезен, но почувствовал, что не может долго оставаться в четырех стенах. Теперь он стоял на краю стоянки для машин, наблюдая, как уносят последние жертвы акустического парализатора. На его ремне была укреплена переносная рация, его секретарь мог связаться с ним в любую минуту.

Раньше он никогда не испытывал ненависти к колонистам.

Для Джезуса Пиетро люди разделялись на две категории: Экипаж и колонисты. Для других миров можно применять другие мерки, но другие миры не имели никакого отношения к Удивительной Горе. Члены Экипажа были хозяевами, мудрыми и великодушными, по крайней мере в своем большинстве. Колонистам же было предначертано судьбой служить им.

В обеих группах были, конечно, исключения. Существовали члены Экипажа, которых ни в коем случае нельзя было назвать мудрыми и великодушными, кото-

рые пользовались благами своего мира, но игнорировали всяческую ответственность и обязанности. Встречались также колонисты, которые стремились ниспровергнуть существующий порядок или предпочитали встать на путь преступлений. Когда Джезус Пиетро приходилось иметь дело с членами Экипажа, которые не вызывали у него восхищения, он обращался с ними с уважением, соответствующим их рангу. Колонистов-изменников он отслеживал и наказывал.

Но он не испытывал к ним ненависти, во всяком случае не больше, чем Мэт Келлер ненавидел своих шахтных червей. Изменники были частью его работы, частью его рабочего дня. Они поступали так потому, что были колонистами, и Джезус Пиетро изучал их, так же как занимающийся биологией студент изучает бактерии. Когда его рабочий день заканчивался, его интерес к колонистам сразу же пропадал, если, конечно, не происходило чего-нибудь необычного.

Теперь этому пришел конец. Промчавшаяся по Госпиталю толпа разъяренных мятежников ворвалась из его рабочего дня в его родной дом. Он не был бы более рассержен, если бы они действительно побывали у него дома, круша мебель, убивая слуг, подсыпая яд домашним уборщикам и посыпая травяной ковер солью.

Раздался сигнал вызова. Джезус Пиетро снял рацию с ремня и сказал:

— Кастро слушает.

— Это Дженсен, сэр. Я говорю из вивария.

— Да?

— Мы нашли шестерых мятежников. Зачитать их имена?

Джезус Пиетро посмотрел вокруг себя. Последнего из находившихся здесь колонистов унесли уже десять минут назад. На оставшихся носилках находились лишь пострадавшие из обслуживающего персонала стоянки.

— Они все должны быть там. Вы проверили операционные комнаты? По крайней мере один из них погиб под дверью

— Я проверю, сэр.

Стоянка возвращалась к нормальному функционированию. Мятежники не успели устроить здесь беспорядок, как они это сделали в коридорах и в комнате отдыха электриков. Джезус Пиетро раздумывал, вернуться ли ему в кабинет или проследить путь мятежников из

комнаты отдыха электриков. Внезапно он услышал, как два человека спорят около гаражей. Он направился туда.

— Ты не имел права отправлять Бесси! — кричал один из них. На нем была форма рейдера, сам он был высокий и очень загорелый, прямо образчик для рекламного плаката.

— Вы, проклятые рейдеры, жаль, что эти машины принадлежат вам, — презрительно произнес механик.

Джезус Пиетро улыбнулся, все механики были одинаковы в своем отношении к рейдерам.

— В чем дело? — спросил он.

— Этот идиот не может найти мою машину! Простите, сэр.

— А какая у вас машина, капитан?

— Бесси. Я пользуюсь Бесси уже три года, а сегодня этот идиот отправил ее на обработку леса. А теперь, видите ли, они потеряли ее, сэр! — В его голосе зазвучали грустные нотки.

Холодные голубые глаза Джезуса Пиетро посмотрели на механика:

— Вы потеряли машину?

— Нет, сэр. Я просто не знаю, куда ее поставили.

— Где находятся машины, которые вернулись после обработки леса?

— Вот одна из них. — Механик указал машину на стоянке. — Мы наполовину закончили ее разгрузку, когда эти мерзавцы напали на нас. Между прочим, мы разгружали их обе. — Механик почесал рукой затылок. Встретаться взглядом с Джезусом Пиетро ему явно не хотелось. — С тех пор я другую не видел.

— Не хватает нескольких заключенных. Вы знаете об этом? — Он не стал ждать ответа механика. — Найдите серийный номер Бесси и передайте его вместе с описанием машины моему секретарю. Если найдете саму Бесси, свяжитесь с моим кабинетом. В настоящий момент я обязан предположить, что машина украдена.

Механик повернулся и побежал к офису. Джезус Пиетро воспользовался рацией, чтобы передать указания в отношении украденной машины.

Дженсен снова вышел на связь:

— Один мятежник погиб, сэр. Таким образом, остаются пять пропавших. — Он перечислил их имена.

— Хорошо. Похоже, они воспользовались машиной. Выясните, не видела ли охрана у стены отправляющуюся машину.

— Они бы доложили об этом, сэр.
— У меня нет такой уверенности. Выясните это.
— Сэр, на стоянку было совершено нападение. Охранники были просто обязаны доложить, что пятеро заключенных похищают машину.

— Дженсен, мне кажется, они могли забыть об этом. Вы понимаете меня? — В его голосе чувствовалась сталь. Дженсен отключился без дальнейших возражений.

Джезус Пиетро смотрел на небо, теребя кончики усов. Похищенную машину будет легко обнаружить. Сейчас, в середине выступления Милларда Парлета, в воздухе не было ни одной машины членов Экипажа. Но они, конечно, могли уже приземлиться. А если машина была украдена на виду у охранников, то, очевидно, ее украли призраки.

Это бы великолепно дополнило все другие происшествия, случившиеся в Госпитале.

ГЛАВА 8

ГЛАЗА ПОЛЛИ

Внутри дом Джеффри Юстаса Парлета выглядел совершенно иным. Комнаты были большими и уютными, обставленными неброско и с хорошим вкусом. Комнат было бесчисленное множество. В задней части дома находился стол для игры в пул, небольшой кегельбан и зрительный зал со сценой, на которой сейчас был опущен экран для просмотра кинофильмов. Кухня была размером с гостиную комнату Гарри Кейна. Мэт, Лэйни и Лидия Хэнкок прошли по всему дому, держа пистолеты наготове. Они не встретили ни одного живого существа, за исключением шести пар домашних уборщиков.

Лидии пришлось почти насильно заставить Мэта вернуться в гостиную. Ему хотелось все исследовать. Он никогда раньше не видел таких роскошных спальных комнат. Это были спальни человека, понимающего толк в уюте...

В гостиной комнате, занимающей по высоте два этажа, перед большим декоративным камином, на чьих сделанных под бревна камнях играло искусственное электрическое пламя, пятеро спасшихся буквально попадали на диваны. Гарри Кейн двигался по-прежнему осторожно,

но, казалось, полностью оправился от выстрела, полученного в Госпитале. Худ мог уже нормально разговаривать, но силы к нему еще не вернулись.

Мэт тяжело опустился на диван. Он слегка поерзал, устраиваясь поудобнее, и в конце концов положил ноги на спинку. Ощущать себя в безопасности было очень приятно.

— Маленькие сердца и печени, — произнес Худ.

— Да, — сказал Мэт.

Гарри Кейн издал вопросительное восклицание.

— Я видел их, — сказал Мэт. — Все остальное было достаточно отвратительно, но это было самым ужасным.

Гарри Кейн сидел совершенно прямо:

— В банке органов?

— Да, черт возьми, в банке органов. Вы что — не верите мне? Они находились в специальных емкостях, и выглядели так, будто их делали наспех. Все приборы располагались прямо в жидкости рядом с органами. Стекло было теплым.

— Морозильные емкости не могут быть теплыми, — сказал Худ.

— И Специальная полиция не забирает детей, — добавил Гарри Кейн. — Иначе я бы знал об этом.

Мэт ограничился лишь презрительным взглядом.

— Сердца и печени, — сказал Гарри. — Только это. Больше ничего?

— Больше я ничего не заметил, — ответил Мэт. — Нет, подождите. Там была еще пара емкостей, похожих на эти. Одна была пуста, другая выглядела... по-моему, какой-то грязной.

— Ты долго находился там?

— Достаточно долго, чтобы мой желудок вывернулся наизнанку. Демоны Тумана, я же не занимался расследованием! Я просто искал карту!

— В банке органов?

— Перестаньте, — сказала Лэйни. — Успокойся, Мэт. Не обращай на них внимания.

Миссис Хэнкок была на кухне. Теперь она вернулась с кувшином и пятью бокалами.

— Нашла вот это. Думаю, не будет ничего страшного, если мы здесь немного похозяйничаем?

Остальные успокоили ее на этот счет, и она наполнила бокалы.

Худ сказал:

— Меня больше интересуют твои предполагаемые

способности психологического воздействия. Нигде в литературе я не встречал описания твоего случая. Это, должно быть, что-то новое.

Мэт что-то пробормотал сквозь зубы.

— Я должен тебе сказать, что любой человек, который вообще верит в так называемое парапсихологическое воздействие, думает, что он сам обладает возможностью такого воздействия. — Худ говорил сухим лекторским тоном. — Однако нередко это оказывается выдумкой.

— Тогда как же нам удалось добраться сюда?

— Возможно, мы никогда не узнаем этого. Может быть, у Специальной полиции какие-нибудь новые инструкции? Или тебя просто любят Демоны Тумана, Мэт?

— У меня тоже была такая мысль.

Миссис Хэнкок снова пошла на кухню.

— Когда ты пытался пробраться в Госпиталь, — продолжал Худ, — тебя сразу же заметили. Ты, должно быть, пересек сторожевой луч. Тогда ты не пытался бежать?

— Меня освещали четыре прожектора. Я просто поднялся.

— И тогда они перестали обращать на тебя внимание? Они позволили тебе спокойно уйти?

— Так и было. Пока я шел, я все время оглядывался, ожидая, что из динамика раздастся окрик, но этого не произошло. Тогда я побежал.

— А тот охранник, который провел тебя в Госпиталь. Не произошло ли чего-нибудь, прежде чем он помешался и побежал обратно к воротам?

— В каком смысле?

— Ну, может, что-нибудь со светом?

— Нет.

Худ выглядел разочарованным. Лэйни сказала:

— Люди как будто забывают о тебе.

— Да. Так было всю мою жизнь. В школе учитель никогда не спрашивал меня, если я не знал ответа. Хулиганы никогда не приставали ко мне.

— Мне бы так везло, — сказал Худ.

Лэйни выглядела рассеянно, — она, казалось, обдумывала только что пришедшую ей в голову мысль.

— Глаза, — произнес Гарри Кейн и остановился в задумчивости. Все это время он молча слушал, сидя в типичной позе мыслителя: подбородок опирается на кулак, локоть покоится на колене. — Ты сказал, что с глазами охранников происходило что-то странное.

— Да, только я не знаю, что именно. Мне кажется, раньше я уже встречал подобный взгляд, но не могу вспомнить...

— А тот человек, который выстрелил в тебя, у него было что-нибудь с глазами?

— Нет.

Лэйни вышла из состояния рассеянности и теперь выглядела удивленной.

— Мэт, как ты думаешь, Полли пошла бы к тебе домой?

— Демоны Тумана, при чем здесь это?

— Не выходи из себя, Мэт. У меня есть основания для этого вопроса.

— Даже представить себе не могу...

— Именно поэтому мы и обсуждаем это все вместе.

— Хорошо. Да. Я думал, что она пойдет ко мне домой.

— Затем она внезапно повернулась и ушла.

— Да. Эта мерзавка просто... — Мэт проглотил остаток фразы. Только сейчас, когда ощущение боли, ярости и унижения воспринимались как что-то, оставшееся в прошлом, он по-настоящему осознал, как сильно она его ранила. — Она просто ушла, как будто вспомнила что-то. Что-то более важное, чем я, но не настолько важное, чтобы надо было спешить. Лэйни, может быть, это из-за ее слухового аппарата?

— Радио?... Нет, вряд ли так рано. Гарри, ты говорил Полли по радио что-нибудь такое, что не сообщил остальным?

— Я сказал ей, что назначаю ее выступление в полночь, после того как все разойдутся по домам. Каждый слушал бы выступление с помощью своего личного аппарата. Кроме этого, ничего.

— Значит, у нее не было никаких причин бросать меня, — сказал Мэт. — Я до сих пор не могу понять, зачем нам нужно ворошить это.

— Это все, конечно, странно, — сказал Худ. — Но, по-моему, незачем слишком сильно переживать из-за таких пустяков, ведь ты еще так молод.

Лэйни спросила:

— Тебя это очень обидело?

— Да, черт возьми, очень. Я ненавижу, когда со мной так обращаются — поиграют, как с куклой, а затем бросают.

— Ты не обидел ее чем-нибудь?

— Не представляю, как я мог ее обидеть. Я напился только потом.

— Ты рассказывал мне, что такое уже случилось раньше.

— Каждый раз. Каждый раз до тебя. До той пятницы я был девственником. — Мэт воинственно посмотрел вокруг. Никто ничего не сказал. — Поэтому я не понимаю, зачем нам говорить об этом. И это, черт возьми, совсем не пустяк в моей молодой жизни.

Худ сказал:

— Такое поведение нетипично для Полли. Полли вовсе не ветрена. Я ведь не ошибаюсь, Лэйни?

— Нет. Она очень серьезно относилась к выбору партнера. Она бы не стала заигрывать с человеком, который ей на самом деле не нравился. Интересно...

— Я не думаю, что я обманывал себя, Лэйни.

— Я тоже так не думаю. Ты все время говоришь, что с глазами охранников творилось что-то странное. Может быть, и с глазами Полли тоже было не все в порядке?

— К чему ты клонишь?

— Ты утверждаешь, что каждый раз, когда у тебя налаживаются отношения с какой-нибудь девушкой, она тебя бросает. Почему? Ты достаточно привлекателен. По всей видимости, у тебя нет привычки быть слишком грубым. Во всяком случае ты не был грубым со мной. Вспомни, может быть, с глазами Полли было что-то не так?

— Черт возьми, Лэйни... Глаза.

Что-то изменилось тогда в выражении лица Полли. Она, казалось, прислушивалась к чему-то, что было слышно только ей. Она не смотрела ни на что конкретно; ее глаза смотрели мимо него, сквозь него и казались слепыми...

— Она выглядела какой-то рассеянной. Что еще я могу сказать? Было такое ощущение, как будто она думает о чем-то другом, а затем она повернулась и ушла.

— Эта потеря интереса произошла внезапно? Может быть, она...

— Лэйни, а что думаешь ты сама? Что я отверг ее намеренно? — Мэт вскочил на ноги. Больше вынести этого он не мог; он весь превратился в комок нервов, причем каждый отдельный нерв был так напряжен, что готов был вот-вот порваться. Никто никогда раньше не вторгался до такой степени в его личную жизнь! Он и представить себе не мог, что женщина, с которой он

делил постель и которая доброжелательно выслушивала вырывающиеся из глубины его души тайны, будет потом спокойно и детально обсуждать их на своеобразном консилиуме! Ему казалось, будто его разобрали на кусочки в банке органов и что он, находясь в полном сознании, наблюдает, как группа докторов исследует и прощупывает его внутренности не очень чистыми руками, и слышит их грубые высказывания по поводу его возможной биологической и социальной истории.

И он уже собирался заявить об этом, не стесняясь в выражениях, когда заметил, что никто не смотрит на него.

Никто не смотрел на него.

Лэйни смотрела на искусственный огонь; Худ смотрел на Лэйни; Гарри Кейн сидел в позе мыслителя. Никто из них, казалось, ничего не видел, по крайней мере, в этой комнате. На лице каждого царило выражение полной отрешенности.

— Один вопрос, — сказал Гарри Кейн задумчиво. — Как же, черт возьми, мы собираемся освободить остальных, если нам удалось спастись только вчетвером? — Он взглянул на своих задумавшихся товарищей и снова погрузился в размышления.

Мэт почувствовал, что у него на голове зашевелились волосы. Гарри Кейн смотрел прямо на него, но было совершенно очевидно, что он не видит Мэта Келлера. И его глаза выглядели как-то странно.

Как посетитель в музее восковых фигур, Мэт нагнулся, чтобы заглянуть в глаза Гарри Кейна.

Гарри отпрыгнул, как будто в него выстрелили:

— Откуда, черт возьми, ты взялся? — Он смотрел на Мэта так, будто тот только что свалился с потолка. Затем он сказал: — Ну и ну! У тебя получилось.

В этом не было никакого сомнения. Мэт кивнул:

— Вы все внезапно потеряли ко мне интерес.

— А как насчет наших глаз? — Худ, казалось, сейчас набросится на него, так он был взволнован.

— Что-то было. Я не знаю, что именно. Я как раз нагнулся, когда вдруг, — Мэт пожал плечами, — все кончилось.

Гарри Кейн позволил себе нецензурное выражение!

Худ сказал:

— Внезапно? Я не заметил, чтобы это случилось внезапно.

— А что ты заметил? — спросил Мэт.

— Ну, ничего особенного. Мы разговаривали о глазах... или, может быть, о Полли? Конечно, о Полли. Мэт, тебе было неприятно говорить о ней?

Мэт издал низкий рычащий звук.

— Значит, именно поэтому ты сделал то, что сделал. Тебе хотелось, чтобы тебя оставили в покое.

— Возможно.

Худ довольно потер руки:

— Итак, мы знаем, что у тебя есть какие-то способности и что они находятся под твоим контролем. Вернее, под контролем твоего подсознания. Хорошо! — Худ превратился в профессора, оглядывающего свой не слишком толковый класс. — На какие же вопросы по-прежнему нет ответов?

— Во-первых, какое к этому имеют отношение глаза? Во-вторых, почему охранник в Госпитале смог выстрелить в тебя и доставить в виварий? В-третьих, зачем ты использовал свои способности, чтобы отваживать девушек?

— Демоны Тумана, Худ! Нет никакой видимой причины...

— Келлер!.. — Это прозвучало как приказ. Гарри Кейн снова сидел на кушетке в позе мыслителя, смотря в пространство. — Ты говорил, что Полли выглядела рассеянной. Мы тоже выглядели рассеянными, когда это произошло?

— Когда вы забыли обо мне? Да.

— А сейчас я выгляжу рассеянным?

— Да. Впрочем, одну минутку. — Мэт встал и обошел Гарри, осматривая его со всех сторон. Тот выглядел как человек, глубоко погруженный в свои мысли. Поза мыслителя: подбородок опирается на кулак, локоть покоится на колене; почти хмурое лицо опущено; никаких движений; глаза полуприкрыты.... Полуприкрыты? Но видны совершенно ясно.

— Нет. Сейчас что-то не так.

— Что?

— Твои глаза.

— Опять мы возвращаемся к тому же, — сказал Гарри с раздражением. — Ну что ж, нагнись и посмотри мне в глаза внимательно!

Мэт встал на колени на травяной ковер и заглянул в глаза Гарри. Он никак не мог понять, в чем дело. Здесь явно было что-то не так, но что?.. Он стал вспоминать Полли тем вечером в пятницу, когда они

стояли почти вплотную друг к другу, окруженные шумной толпой, и разговаривали. Время от времени они придвигались еще ближе; почти случайно их руки и плечи слегка соприкасались... он чувствовал, как горячая кровь пульсирует у него в шее... и внезапно...

— Слишком большие, — сказал Мэт. — У тебя слишком большие зрачки. Когда люди полностью теряют интерес к окружающему, их зрачки значительно меньше.

— А какие зрачки были у Полли, — настаивал Худ, — расширенные или суженные?

— Суженные. Очень маленькие. И то же самое было с глазами охранников, тех, что пришли за мной утром. — Он вспомнил, как они были удивлены, когда он стал тянуть защелкнутые вокруг его запястья наручники. Он совершенно их не интересовал: они просто сняли наручники со своих рук. А когда они посмотрели на него...

— В этом все и дело. Поэтому их глаза выглядели такими странными. Зрачки были как крохотные точки.

Худ вздохнул с облегчением.

— Ну, теперь все понятно, — сказал он и поднялся. — Пойду, пожалуй, посмотрю, как там у Лидии дела с обедом.

— Сейчас же вернись обратно, — голос Гарри Кейна звучал тихо и угрожающе. Худ засмеялся.

— Перестань валять дурака, — сказал Гарри Кейн. — Какие бы там способности ни были у Келлера, они нам нужны. Поэтому рассказывай!

«Какие бы там способности ни были у Келлера, они нам нужны». Мэту захотелось протестовать. Ему совсем не улыбалось, чтобы его использовали Дети Земли. Но сейчас он просто не мог прервать Худа.

— Это очень ограниченная форма телепатии, — сказал Джей Худ. — И поскольку она так ограничена, она, вероятно, более зависима, чем другие, более широкие формы. Ее действие направлено на гораздо более конкретную цель. — Он улыбнулся. — Нам даже было бы неплохо назвать это явление как-нибудь по-другому. Слово «телепатия» здесь не совсем подходит.

Трое людей ждали терпеливо, но с напряжением.

— Мозг Мэта, — продолжал Худ, — способен контролировать нервы и мускулы, которые сокращают или расширяют зрачок в глазу другого человека. — И он улыбнулся, ожидая их реакции.

— Ну и что? — спросил Гарри Кейн. — Что это дает?

— Не понимаешь? Впрочем, ничего удивительного.

Это больше по моей части. Вы знаете что-нибудь об исследованиях в области мотивации?

Три головы одновременно качнулись в знак отрицания.

— Эти исследования были запрещены на Земле давным-давно, потому что их результаты использовали для незаконной рекламы. Но ученые все же успели обнаружить некоторые интересные факты. И в частности, о расширении и сужении зрачка глаза.

Быяснилось, что если человеку показать какую-нибудь вещь и одновременно измерить с помощью специальной камеры размер его зрачка, можно с уверенностью сказать, интересует его эта вещь или нет. Вы можете показать ему фотографию, на которой будут изображены несколько знакомых ему политических лидеров, и его зрачки расширятся, когда он увидит лидера, чьи взгляды разделяет. Стоит только побеседовать с ним в течение получаса и убедить его сменить политические взгляды, как его зрачки начнут расширяться при виде другого лидера. Покажите ему фотографии с хорошенькими девушками — и при виде той девушки, которую он назовет самой красивой, у него будут слегка расширены зрачки. Хотя сам он, конечно, этого не понимает. Ему просто кажется, что эта девушка выглядит заинтересованной в нем.

— Интересно, — продолжал Худ с задумчивой улыбкой на лице. Некоторые люди обожают читать лекции, и Худ был как раз таким. — Не в этом ли причина, что во всех дорогих ресторанах всегда царит полумрак? Приходит влюбленная парочка, они смотрят друг на друга через стол, и оба кажутся друг другу более привлекательными. Как вы думаете?

Гарри Кейн сказал:

— По-моему, тебе лучше закончить о Келлере.

— Так об этом он и говорит, — сказала Лэйни. — Не понимаешь? Допустим, Мэт не хочет, чтобы его заметил какой-нибудь человек. Тогда его мозг заставляет сокращаться зрачки этого человека каждый раз, когда тот смотрит на Мэта. И, естественно, этот человек не может заинтересоваться Мэтом.

— Совершенно верно. — Худ поклонился Лэйни. — Мэт берет этот рефлекс и прокручивает его в обратную сторону, получая таким образом условный рефлекс. Я совершенно уверен, что большую роль здесь играет свет. Понимаешь, Мэт? Твои способности не срабатывают, если твоя жертва тебя не видит. Если она слышит тебя

или получает твоё изображение на экране, когда ты пересекаешь сторожевой луч...

— И если я не сконцентрируюсь или не испуган. Именно поэтому охранник и подстрелил меня.

— И все-таки я не до конца понимаю, как это возможно, — сказала Лэйни. — Телепатия — это ведь чтение мыслей, то есть она направлена на мозг, так?

— Точно этого никто не знает. Но не забывай, что зрительный нерв состоит из той же ткани, что и мозг, а не из обычной нервной ткани.

Гарри Кейн встал и потянулся.

— Все остальное не имеет значения. Это лучшее из того, чем когда-либо обладали Дети Земли. Это как шапка-невидимка. Нам осталось лишь обдумать, как её лучше использовать.

Исчезнувшая машина по-прежнему не была найдена. Её не было в гаражах Специальной полиции; поисковый отряд не обнаружил её ни на земле, ни в воздухе. Если какой-нибудь полицейский взял её для своих целей, она была бы видна; если она не была видна, потому что с ней произошла какая-то авария, то пилот уже давно послал бы сигнал бедствия. Очевидно, она действительно была украдена.

Это беспокоило Джезуса Пиетро. Если машина просто украдена, это одно; если же машина украдена вопреки всякой логике, это совсем другое.

Он связывал Келлера с чудесами: с чудом, которое позволило ему выжить, когда его машина упала в ядовитый туман, с чудом, которое подействовало на память Хобарта прошлой ночью. Исходя из этого предположения, он включил сигнал «Побег заключенных». И не ошибся! Коридоры наполняли разъяренные мятежники.

Он связал пропавших заключенных с пропавшей машиной и с чудесами Келлера. Исходя из этого, он предположил, что машина украдена, хотя этого просто не могло быть. И надо же! Машина действительно оказалась украденной.

Затем майор Дженсен связался с ним из вивария. До этого момента никто не заметил, что усыпляющие маски по-прежнему работали. Как же тогда, спрашивается, девяносто восемь заключенных смогли так просто встать и уйти?

Чудеса! С кем же, черт возьми, он сражается? С одним человеком или с несколькими? Был ли Келлер пассажиром или водителем в той машине? Были ли там другие пассажиры? Открыли ли Дети Земли что-то новое, или Келлер это сделал один?

Ему пришла в голову дикая мысль. Мэтью Келлер вернулся из пропасти в лице своего племянника, чтобы покарать своих убийц... Джезус Пиетро презрительно фыркнул.

Он удвоил охрану моста между плато Альфа и Бета. Зная, что мост представляет собой единственный путь, по которому можно покинуть плато, он тем не менее расставил охранников вдоль края скалы. Ни один нормальный колонист не сможет покинуть плато Альфа без машины. (Но может быть, что-то сверхъестественное проскользнет незамеченным мимо охранников?!)

Но ни один беглец не сможет воспользоваться полицейской машиной. Джезус Пиетро распорядился, чтобы все полицейские машины летали парами, а машина беглецов будет одна.

Поскольку Джезус Пиетро не являлся чистокровным членом Экипажа, ему было запрещено слушать речь Милларда Парлета, но он знал, что она уже закончилась. В воздухе снова были машины членов Экипажа. Если беглецы украдут машину члена Экипажа, то тогда у них появится шанс. Тем не менее Госпиталь сразу же известят об украденной машине. (Так ли? Ведь полицейская машина уже была украдена, и ему самому пришлось догадываться об этом.)

Никто и ничто не было найдено в заброшенных коралловых домах. (Но может быть, самого важного просто не заметили?)

Большинство из сбежавших заключенных были возвращены в виварий. (Из которого они раньше ускользнули, даже не побеспокоившись отключить усыпляющие маски.)

Джезус Пиетро не привык иметь дело с призраками. Для этого потребуются совершенно новые приемы. Он решительно принялся разрабатывать их.

Спор начался за обедом.

Обед проходил в необычное время, в три часа. Он был хорошим, просто превосходным. Лидия Хэнкок по-прежнему выглядела как мрачная ведьма, но Мэт

считал, что любой человек, который может готовить, как она, заслуживает снисхождения. Они уже покончили с отбивными из баранины, когда Гарри Кейн вернулся к делу.

— Итак, нас только пятеро, — сказал он. — Что мы можем сделать, чтобы освободить остальных?

— Мы могли бы взорвать насосную станцию, — предложил Худ. Выяснилось, что насосная станция, которая снабжала плато Альфа водой из реки Большой Водопад, была для Экипажа единственным источником воды. Станция находилась у основания скалы, разделяющей плато Альфа и Бета. Дети Земли уже давно установили там мины, чтобы, если понадобится, быстро взорвать станцию. — Это была бы неплохая диверсия.

— Кроме того, это вывело бы из строя их источник энергии, — сказал Мэт, вспомнив, что необходимый для реактора водород извлекается из воды.

— Ну, нет. Энергостанции используют лишь несколько ведер воды в год, Келлер. И к чему нам эта диверсия, Джей? Какие-нибудь другие предложения?

— Мэт. Ему уже удалось вытащить нас однажды. Он сможет сделать это еще раз теперь, когда он знает...

— Ну уж нет. Я не революционер. Я рассказал вам, почему я отправился в Госпиталь, и у меня нет никакого желания возвращаться туда вновь.

Так начался спор.

Со стороны Мэта было сказано мало. Он не собирался возвращаться в Госпиталь. Если бы он только мог, он бы с удовольствием вернулся на плато Гамма и прожил бы свою жизнь там, используя свои способности для защиты. Если ему придется жить где-нибудь в другом месте — даже если ему придется прятаться всю оставшуюся жизнь на плато Альфа, — пусть будет так. Может быть, сейчас его жизнь и не стоит слишком много, но все же она не является настолько дешевой, чтобы ее можно было выбросить просто так.

Он не получил поддержки ни у кого, даже у Лэйни. Со своей стороны, другие выдвигали различные аргументы, которые по диапазону изменялись от воззваний к его патриотизму, милосердию и чувству товарищества до нападок на его личность и угроз нанести ему телесные повреждения. Джей Худ старался больше всех. Можно было подумать, что это он лично изобрел «счастье Мэта Келлера» и что Мэт Келлер украл его. Он, казалось, был

абсолютно убежден, что вправе распоряжаться всей параспсихологической энергией на плато.

В некотором смысле все это было даже смешно. Они умоляли его, они запугивали его, они угрожали ему — и все это без малейшей надежды на успех. Один раз им действительно удалось запугать его, и один раз их высказывания личного плана исчерпали все запасы его терпения. И каждый раз спор резко прекращался, и Мэт оставался наедине со своим раздражением, пока Дети Земли обсуждали всевозможные посторонние темы, и их зрочки превращались в крохотные точки, когда они смотрели на него.

После второго такого эпизода Гарри Кейн понял, что происходит, и велел другим прекратить уговоры. Это мешало им заниматься планами, как он выразился.

— Пойди куда-нибудь, — сказал он Мэту. — Если ты не намерен помогать нам, то, по крайней мере, не слушай наши планы. Какими бы слабыми они ни были, нам вовсе незачем рисковать, доверяя их тебе. Может быть, ты используешь эту информацию, чтобы вернуть себе расположение Кастро.

— Ты неблагодарный сукин сын, — сказал Мэт, — и я требую извинения.

— Хорошо, я извиняюсь. А теперь оставь нас.

Мэт вышел в сад.

Туман снова поднялся, но теперь он выглядел враждебно. Он окрасил небо в серо-стальной цвет, лишил сад его ярких красок и превратил бездну из пушистой плоской равнины в купол, покрывший весь мир. Мэт заметил каменную скамью и сел, подперев голову руками.

Его трясло Умелая словесная атака может привести человека в подобное состояние, может уничтожить его самоуважение и посеять в его душе сомнения, которые не проходят часами, днями, а может быть, остаются навсегда. Существует хорошо продуманная тактика словесного наступления, которое группа людей предпринимает против одного человека. Жертву все время перебивают, не дают ей закончить ни одного предложения. Нападающие говорят практически одновременно, так что жертва не может уловить направление развития их аргументов и, следовательно, не может найти в них слабые места. Она забывает свои собственные контрдоводы, потому что ей не удастся оформить их словами. И тогда единственное, что ей остается, это встать и уйти. Но если ей к тому же указывают на дверь...

Постепенно его растерянность стала перерастать в какой-то болезненный холодный гнев. Неблагодарные!.. Он спас их ничтожные жизни дважды, а как они отплатили ему? Ну что же, ему не нужна их благодарность.

Теперь он знает, в чем заключается его сила. Худ помог ему в этом. И он может воспользоваться своим преимуществом.

Он может стать первым в мире неуловимым вором. Если Специальная полиция не даст ему вернуться к работе в шахте, именно так он и поступит. Безоружный, он сможет грабить магазины при ярком дневном свете. Он сможет незамеченным переходить охраняемые мосты, работать на плато Гамма, пока его будут искать на плато Эта... неплохое место для грабежей, если ему не удастся вернуться к прежней жизни. В этом месте отдыха и развлечений Экипажа должна находиться половина всего состояния планеты.

Ему предстоит долгий путь до моста Альфа—Бета и еще более длинная дорога после него. Машина была бы очень кстати. Он оплатит Детям Земли за все, если заберет их машину, но для этого ему придется дожидаться полуночи. Но хочет ли он сделать это?

Эти воздушные замки немного успокоили его. Дрожь прекратилась, и сейчас он был уже не так зол. Он начинал понимать, что заставляло этих четверых нападать на него так яростно, хотя и не оправдывал их, потому что это нельзя было оправдать. Лэйни, Худ, Гарри Кейн, Лидия — они все были фанатиками, иначе зачем бы им было жертвовать своими жизнями за бесполезную революцию? И, как у всяких фанатиков, у них была лишь одна этическая норма: делать все, что в их силах, чтобы выполнить стоящую перед ними задачу, независимо от того, кому это может повредить.

Он все еще не решил, что будет делать дальше. Одно он знал наверняка: он ни за что не будет вместе с Детями Земли. Для принятия другого решения у него пока была масса времени.

Холодный ветер подул с севера. Туман постепенно сгущался.

Он с сожалением подумал об электрическом камине, оставшемся в доме.

Но ему не хотелось возвращаться в царившую там атмосферу враждебности. Он остался сидеть, сгорбившись под ледяным ветром.

...С чего это вдруг Худу пришло в голову, что он намеренно отталкивает женщин? Может быть, Худ считает его сумасшедшим? Нет, вряд ли. Он бы не преминул упомянуть это в споре. Тогда почему?

Он ведь не оттолкнул Лэйни.

При мысли о Лэйни у него потеплело внутри. Теперь она для него навсегда потеряна; их дороги разойдутся, и в один прекрасный день она закончит свою жизнь в банке органов. Но та ночь в пятницу все же была, и она останется с ним навсегда...

...Глаза Полли. Ее зрачки были наверняка сужены. Так же как зрачки охранника у ворот, как зрачки Гарри, Худа и Лэйни, когда Мэт уставал от их нападков. Почему?

Мэт слегка покусывал нижнюю губу.

А если он сам оттолкнул Полли (не важно почему; ответа все равно не было)? Значит, она не бросала его.

Но ведь Лэйни осталась.

Мэт вскочил на ноги. Им придется объясниться с ним. Он может заставить их, они ведь не знают, что его решение порвать с ними окончательно. Он должен все выяснить до конца.

Он повернулся к дому и увидел летающие машины — три машины в сером небе, которые то исчезали в тумане, то появлялись вновь. Машины снижались.

Мэт стоял совершенно неподвижно. Он даже не был до конца уверен, что машины собираются опуститься здесь, хотя они становились все больше и больше с каждой секундой. Наконец они зависли прямо у него над головой и продолжали снижаться. А он все стоял. Теперь он бы уже не успел скрыться, и ему оставалось только надеяться, что «счастье Мэта Келлера» защитит его. Оно обязательно должно сработать, он был достаточно испуган для этого.

Одна из машин спустилась почти ему на голову. Он был действительно невидим.

Высокий худой человек вышел из машины, что-то быстро включил на щитке управления и отошел в сторону, чтобы не попасть под воздушную струю, пока машина взлетела и вновь приземлилась на крышу дома. Две другие машины принадлежали Специальной полиции. Из одной вылез полицейский и подошел к высокому человеку. Они коротко поговорили. Голос высокого человека был высоким, почти писклявым, и в нем ясно

слышался акцент, характерный для членов Экипажа. Он поблагодарил полицейского за сопровождение. Полицейский вернулся обратно в машину, и обе машины взлетели в туман.

Высокий человек вздохнул и как-то сразу обмяк. Страх Мэта постепенно проходил. Этот член Экипажа не представлял опасности; это был уставший старик, утомленный годами и тяжелой работой. Но каким же дураком был Гарри Кейн, решив, что сюда никто не придет!

Человек направился к дому. Каким бы усталым он ни был, шел он прямо, как полицейский на параде. Мэт тихо выругался и двинулся вслед за ним.

Когда этот старец увидит гостиную, он поймет, что в доме кто-то находится. Тогда он вызовет помощь, если Мэт не помешает ему..

Старик открыл большую деревянную дверь и вошел внутрь. Мэт был прямо у него за спиной.

Он увидел, как человек напрягся.

Старик не пытался кричать. Если у него и был радиотелефон, то он не стал пользоваться им. Он поворачивал голову из стороны в сторону, изучая гостиную с того места, где стоял, рассматривая пустые бокалы, кувшин и включенный электрический камин. Когда он повернулся к Мэту в профиль, лицо его было задумчивым. Не испуганным, не сердитым. Просто задумчивым.

А когда старик улыбнулся, его улыбка была скупой и напряженной. Так улыбается шахматный игрок, когда ясно видит свою победу или поражение, потому что противник мог устроить хитроумную ловушку. Старик улыбался, но мускулы его лица под морщинистой кожей были тверды, как сталь, а руки сжаты в кулаки. Он наклонил голову набок, прислушиваясь.

Затем он резко повернулся в направлении столовой и оказался лицом к лицу с Мэтом.

Мэт спросил:

— Чему это вы улыбаетесь?

Старик моргнул от растерянности и сразу же снова взял себя в руки. Он тихо произнес:

— Вы один из «Детей Земли»?

Мэт отрицательно покачал головой.

Он ожидал увидеть испуг! Но почему такая реакция? Мэт протянул руку.

— Только не делайте никаких опрометчивых поступков, — сказал он. Он обмотал вокруг своей руки цепь

от наручников, превращая ее в более грозное оружие. Старик слегка отпрянул. Даже трое таких, как он, не шли ни в какое сравнение с Мэтом по физической силе.

— Я хочу обыскать вас, — сказал Мэт. — Поднимите руки. Он зашел старику за спину и ощупал его многочисленные карманы. Он нашел несколько объемистых предметов, но радиотелефона не было.

Мэт отошел, обдумывая ситуацию. Ему еще никогда не приходилось никого обыскивать; может быть, этот старик использовал какую-то хитрость, чтобы обмануть его?

— Зачем вам понадобились Дети Земли?

— Я объясню им, когда увижу их. — Мелодичный акцент было нетрудно понимать, хотя сам Мэт ни за что бы не смог воспроизвести его.

— Так не пойдет.

— Произошло очень важное событие. — Старик, казалось, наконец принял нелегкое решение. — Я хочу рассказать им о капсуле Робота-разведчика.

— Хорошо. Идите впереди меня. Сюда.

Они пошли в направлении столовой, Мэт шел замыкающим.

Мэт уже собирался позвать всех, когда дверь внезапно открылась. Из-за нее показалась голова Лидии Хэнкок и пистолет. Ей потребовалась лишь одна секунда, чтобы осознать, что идущий впереди человек не был Мэтом, и тогда она выстрелила.

Мэт успел подхватить падающего старика.

— Глупо, — сказал он. — Он хотел поговорить с вами.

— Он сможет поговорить с нами, когда проснется, — ответила Лидия.

Гарри Кейн осторожно вошел, держа наготове другой пистолет.

— Еще кто-нибудь есть?

— Нет, только он. Его сопровождала полиция, но они улетели. Лучше обыскать его; может быть, у него где-нибудь спрятан передатчик.

— Демоны Тумана! Это же Миллард Парлет!

— О! — Мэт знал это имя, но он не узнал старика. — Мне кажется, вы ему действительно были нужны. Когда он понял, что здесь кто-то есть, он повел себя странно. Он был абсолютно спокоен, пока я не сказал ему, что я не принадлежу к вашей организации. Он сказал, что хочет поговорить о Роботе-разведчике.

Гарри Кейн пробормотал что-то себе под нос.

— Теперь он проснется лишь через несколько часов. Лидия, ты останешься охранять. Я пойду пока приму душ, а затем сменю тебя.

Он пошел вверх по лестнице. Лидия и Худ взяли Милларда Парлета, внесли его в столовую и посадили, прислонив к стене. Старик совершенно обмяк и был похож на марионетку, у которой порвались нити.

— Душ, это просто замечательно, — сказала Лэйни.

Мэт сказал:

— Могу я сначала поговорить с тобой? И с тобой, Худ, тоже.

Они втроем перешли в гостиную. Худ и Лэйни уселись перед камином, но Мэт был слишком взволнован, чтобы сидеть.

— Худ, я должен это знать. Почему ты думаешь, что я использовал свои парапсихологические способности, чтобы отталкивать женщин?

— Ты, вероятно, помнишь, что это была идея Лэйни. Но факты ее безусловно подтверждают. Разве ты сомневаешься, что Полли ушла, потому что ты заставил ее зрочки сузиться?

Конечно, он сомневался в этом. Но ему нечем было подкрепить свои сомнения. Он выжидающе посмотрел на Лэйни.

— Это ведь важно для тебя, правда, Мэт?

— Да.

— Ты помнишь, перед самой облавой ты спросил меня, все ли так нервничают, как ты?

— Ммм... Да, я помню. Ты ответила: «Может быть, не так сильно, но все же нервничают».

— О чем это вы говорите?

— Джей, ты помнишь свой первый... ммм... Ты помнишь, когда ты перестал быть девственником?

Худ откинул голову назад и расхохотался:

— Что за вопрос, Лэйни! Первый раз забыть просто невозможно! Это было...

— Хорошо. Ты тогда нервничал?

Худ стал серьезным:

— До какой-то степени, да. Я так многого не знал и боялся показать себя дураком.

Лэйни кивнула:

— Могу поспорить, что любой человек нервничает в первый раз. В том числе и ты, Мэт. Ты внезапно понимаешь, что сейчас это произойдет, и внутренне весь

сжимаешься. И тогда с глазами твоей девушки начинают происходить странные вещи.

Мэт тихо выпругался. Это было как раз то, чего он больше всего не хотел услышать.

— Но как же насчет нас? Лэйни, почему же я не защищался от тебя?

— Не знаю.

Худ сказал сердито:

— Какая тебе разница? Просто ты не использовал свои способности, и все тут.

— Я должен знать!

Худ пожал плечами и подошел к камину.

— Ты был сильно пьян, — сказала Лэйни, — может быть, поэтому?

— Может быть.

Она не понимала, почему это было так важно для него, но старалась помочь.

— Может быть, потому, что я старше тебя. Может быть, ты решил, что я знаю, что делаю.

— Я ничего не решал. Я был слишком пьян и слишком расстроен для этого.

Она резко повернулась, ее измятое вечернее платье натянулось на ее теле. Затем она замерла.

— Мэт! Я вспомнила! Ведь в комнате было совершенно темно!

Мэт закрыл глаза. Ну конечно, вот в чем было дело. Он ударился о край кровати; ему даже пришлось включить свет, чтобы увидеть Лэйни.

— Вот в чем было дело. Я даже не понимая, что происходит, после того как закрылась дверь. Хорошо-о-о, — он вложил весь запас воздуха в это слово и остался совершенно опустошенным.

Худ сказал:

— Замечательно. Мы тебе больше не нужны?

Худ вышел, даже не оглянувшись. Лэйни, уже подойдя к самой двери, заколебалась. Мэт выглядел просто ужасно, как будто вся энергия покинула его тело.

Она взяла его за руку:

— Что с тобой, Мэт?

— Я оттолкнул ее! Это была не ее вина!

— Полли? — она улыбнулась ему. — Почему это так расстраивает тебя? Мы ведь были вместе той же самой ночью!

— Ох, Лэйни, Лэйни. Она же может сейчас быть в

банке органов! Или в этом... гробу, или как это там называется.

— Ты в этом не виноват. Если бы ты нашел ее в виварии...

— Она бросила меня, как больного домашнего уборщика, а через час ее забрала Специальная полиция! — Его пальцы впились ей в руки, причиняя боль.

— Ты в этом не виноват. — повторила она. — Ты бы спас ее, если бы мог.

— Конечно. — Но он не слушал ее. Он отпустил ее руки. — Я должен отправиться за ней, — сказал он негромко, как бы пробуя эти слова на вкус. — Да. Я должен отправиться за ней.

Он повернулся и пошел к выходу.

ГЛАВА 9

ВОЗВРАЩЕНИЕ

— Сейчас же вернись, идиот!

Мэт остановился на полпути к двери:

— Что? Разве не этого вы все хотели?

— Иди сюда! Как ты собираешься перебраться через стену? Ты же не станешь снова колотить в ворота!

Мэт повернулся. Он был так возбужден, что не мог соображать.

— Кастро будет готов к этому, правда? Он, может быть, не знает точно, что произошло прошлой ночью, но он, конечно, понимает, что случилось что-то странное.

— Нам уж наверняка удалось убедить его в этом! Иди сюда, сядь... Не надо недооценивать его, Мэт. Нам нужно все хорошенько продумать.

— Эта стена. Как мне перебраться через нее? Ох, черт...

— Ты устал. Почему бы нам не подождать, пока спустится Гарри? Тогда мы все спланируем.

— Ну нет. Я не собираюсь принимать помощь Детей Земли. Это дело их совершенно не касается.

— А как насчет меня? Мою помощь ты примешь?

— Конечно, Лэйни.

Она не стала обращать его внимание на отсутствие в этом всякой логики.

— Хорошо, давай начнем с самого начала. Как ты собираешься добраться до Госпиталя?

— Ну, пешком, конечно, далеко. Ммм... машина Парлета. Она на крыше.

— Да, но если Кастро захватит ее, он сразу же поймет, где мы находимся.

— Тогда мне придется дожидаться полуночи и взять другую машину.

— Возможно, это единственный способ. — Лэйни чувствовала себя бодро. Она успела достаточно выспаться в виварии. Единственное, что ей сейчас очень бы не помешало, так это горячий душ. Она выбросила эту мысль из головы. — Может быть, мы сумеем напасть на какой-нибудь дом членов Экипажа и захватить еще одну машину. Тогда мы настроим автопилот в машине Парлета, и она самостоятельно вернется обратно.

— На это уйдет много времени.

— С этим необходимо смириться. Кроме того, отправиться мы можем только после заката.

— Зачем нам дожидаться темноты?

— Она не помешает. Представь, что случится, если туман разойдется, пока мы будем над бездной.

— Ох...

И колонисты, и Экипаж, — все люди, живущие на Плато, — любили смотреть, как солнце садится за край тумана бездны. При этом туман окрашивался в совершенно невероятные цвета, которые никогда не повторялись. В это время посадка у края пропасти стоила в три раза дороже, чем посадка в любом другом месте Плато.

— Внезапно мы окажемся на виду у тысячи членов Экипажа. Может быть, нам не нужно пользоваться бездной вообще. Кастро мог предусмотреть это. Поэтому мы будем в большей безопасности, если туман продержится, но что бы мы ни собирались предпринять, нам придется дожидаться темноты.

Мэт встал и потянулся, чтобы размять мускулы, которые, казалось, завязались узлом.

— Хорошо. Итак, мы добрались до Госпиталя. Как мы попадем внутрь? Лэйни, что такое следящий луч?

Она объяснила ему.

— Да, но я не видел никакого света... Наверное, ультрафиолетовый или инфракрасный. Все равно мне придется преодолеть его.

— Нам.

— Ты не можешь быть невидимой, Лэйни.

— Могу, если стану вплотную к тебе.
— Фу ты!
— Мне все равно придется отправиться с тобой. Ты ведь не умеешь программировать автопилот.

Мэт принялся расхаживать взад-вперед.

— Пока оставим это. Как нам перебраться через стену?

— Не знаю, — сказала Лэйни и остановилась. — Впрочем, есть один путь. Предоставь это мне.

— Расскажи мне.

— Не могу.

Холодный ветер, дующий снаружи, усилился, и теперь он был слышен даже сквозь стены. Лэйни невольно поежилась, хотя электрическое пламя давало достаточно тепла. Туман перед южными окнами становился все темней.

— Нам понадобится оружие, — сказала она.

— Я не хочу брать ваше. У вас ведь только два пистолета, которые мы подобрали, пока бежали к машине.

— Мэт, я знаю больше тебя об Экипаже. Они все занимаются тем или иным видом спорта.

— И что?

— Некоторые из них любят охоту. Давным-давно Земля прислала нам с помощью грузового робота несколько замороженных оплодотворенных яйцеклеток оленей. В Госпитале их искусственно вырастили и расселили у нижней границы ледника к северу отсюда. Там достаточно травы, чтобы они чувствовали себя счастливыми.

— Значит, мы можем найти здесь охотничьи ружья.

— Неплохая мысль. Чем богаче член Экипажа, тем больше охотничьего инвентаря он покупает. Даже если сам он им не пользуется.

Стойка с ружьями находилась в комнате на верхнем этаже. Стены комнаты украшали картины с изображенными на них более или менее дикими животными, там также были головы и копыта оленей. У стойки стояло около полудюжины духовых охотничьих ружей. Они обыскали комнату, и наконец Лэйни нашла ящик, в котором находилось несколько коробочек с прозрачными капсулами, каждая в два дюйма длиной.

— Судя по их внешнему виду, они смогут свалить даже бандерснатча, — сказал Мэт. Сам он видел бандерснатчей только в фильмах, присылаемых с Джинкса, но знал, что они очень большие.

— Такая штука легко свалит лося. Но ружья стреляют

только один раз, потом их надо перезаряжать. Постарайся не забыть об этом.

— Это что — для большего спортивного азарта?

— Думаю, да.

Усыпляющие пистолеты Специальной полиции стреляли длинной очередью маленьких капсул. Попадание одной капсулы вызывало лишь небольшое головокружение. Требовалось по крайней мере полдюжины капсул, чтобы свалить человека.

Мэт закрыл коробочку с большими усыпляющими капсулами и положил ее в карман.

— При попадании такой штуки ощущение, наверное, такое же, как если бы в тебя врезался острый кусок льда, даже если опустить действие снотворного. Как ты думаешь, она может убить человека?

— Не знаю, — сказала Лэйни. Она отобрала два ружья. — Возьмем вот эти.

— Джей!

Худ остановился на полдороге к гостиной, повернулся и пошел в столовую.

Лидия Хэнкок нагнулась над Миллардом Парлетом. Она аккуратно сложила его дряблые руки на коленях.

— Подойди и посмотри на это.

Худ посмотрел на спящего члена Экипажа. Миллард Парлет уже начал приходить в себя. Его глаза были открыты, хотя он, конечно, еще не мог ничего видеть. Худ заметил еще кое-что и нагнулся, чтобы рассмотреть лучше.

Руки старика были разными. Кожа одной была покрыта крапинками от старости. Конечно, кожа не могла быть такой же старой, как сам Миллард Парлет, но он, по всей видимости, давно не заменял ее. От кончиков пальцев до локтя рука казалась какой-то обезличенной и даже показалась Худу искусственной. Частично тому виной было, конечно, его воображение. Худ знал заранее, что Парлет наверняка часто пользовался банком органов в течение своей продолжительной жизни. Было отчетливо видно, что кожа левой руки была сухой, сморщенной и покрытой пятнышками, а ногти на пальцах потрескались и постепенно отламывались.

В то время как кожа правой руки была похожа на кожу ребенка, гладкая и розовая, лишенная всякого загара, почти прозрачная. Пальцы были увенчаны рядами

идеальных ногтей. Уже в школьные годы вряд ли кому удавалось сохранить такие ногти.

— Наш баловень судьбы только что сделал трансплантацию, — сказал Худ.

— Нет. Посмотри сюда. — Лидия указала на запястье Милларда. Запястье Милларда Парлета охватывала неровная полоса меньше дюйма шириной. Она была молочно-белого цвета, совершенно нехарактерного для человеческой кожи.

— И здесь тоже. — Подобное кольцо окружало первый сустав большого пальца Парлета. Кожа над кольцом была сухой, а ноготь потрескался и местами сошел.

— Ты права, Лидия. Но что это? Искусственная рука?

— И, может быть, там, внутри, пистолет. Или передатчик.

— Ну, во всяком случае не передатчик. Сейчас здесь было бы уже полным-полно полиции. — Худ взял правую руку Парлета и пальцами оцупал суставы. Он почувствовал старую кость и мускулы под детской кожей, и суставы, которые скоро будут поражены артритом. — Это настоящая человеческая рука. Но почему же он не заменил ее всю?

— Думаю, ему самому придется рассказать нам об этом.

Худ поднялся. Он чувствовал себя чистым, отдохнувшим и сытым. Если им придется ждать, пока Миллард Парлет заговорит, они выбрали совсем неплохое место для этого.

Лидия спросила:

— А как там дела у Лэйни с Мэтом?

— Не знаю. И даже не собираюсь узнавать.

— Наверное, это немного обидно, Джей. — Лидия засмеялась лающим смехом. — Ты потратил почти половину своей жизни, пытаясь найти кого-нибудь с телепатическими способностями на Плато. А теперь, когда такой человек наконец появился, он не желает иметь с нами дела.

— Я скажу тебе, что меня действительно расстраивает в отношении Мэта Келлера. Я ведь рос вместе с ним. В школе я никогда не обращал на него внимания, за исключением одного раза, когда он действительно вывел меня из себя. — Худ рассеянно потер двумя пальцами шрам на груди. — Он все время находился под самым моим носом. Но все-таки я был прав, не так ли?

Парапсихологические способности существуют, и мы можем использовать их против Госпиталя.

— Можем ли?

— Лэйни обладает даром убеждения. Если уж она не сможет уговорить его, то я и подавно.

— А ты, оказывается, довольно хитер.

— Ну уж не хитрее тебя.

Снова раздался лающий смех:

— Сдаюсь!

— Я так и думала, что это должно быть в подвале, — сказала Лэйни.

На стенах висели различные инструменты. На столе лежали электродрель и ленточная пила. Ящики были полны гвоздей, винтов и гаек...

— Наверное, молодой Парлет часто занимается строительством, — предположил Мэт.

— Все необязательно. Может быть, это просто его хобби. Давай-ка, Мэт, клади сюда свои руки. Вот эта ножовка нам подойдет.

Через двадцать минут он яростно растирал свои запястья. Без наручников его руки, казалось, стали на несколько фунтов легче.

Для Джезуса Пиетро настало нелегкое время ожидания.

Рабочий день уже давно закончился. Из окон его кабинета полоса деревьев казалась темным пятном на фоне более светлого, но быстро темнеющего серого тумана. Он позвонил Наде и сказал, чтобы она не ждала его сегодня. К дежурству в Госпитале приступила ночная смена, усиленная по распоряжению Джезуса Пиетро десятками дополнительных охранников.

Скоро ему придется предупредить их об опасности, которую он ждал. Как раз сейчас он обдумывал, что именно он должен им сказать.

Ему не удастся удивить их известием, что все пятеро сбежавших заключенных по-прежнему находятся где-то на плато Альфа. Они наверняка уже слышали о побеге и, конечно, полностью полагаются на поисковые отряды.

Джезус Пиетро включил свое переговорное устройство:

— Мисс Лоэссен, соедините меня, пожалуйста, со всеми каналами Госпиталя.

— Одну минутку. — Она не всегда называла его «сэр». По своему происхождению мисс Лоэссен была значительно ближе к членам Экипажа, чем Джезус Пиетро. И кроме того, у нее были весьма могущественные заступники. К счастью, она была приятным человеком и хорошим работником. Если бы между ними возникли какие-нибудь разногласия...

— Вы на связи, сэр.

— Говорит начальник полиции, — сказал Джезус Пиетро. — Вы все знаете о человеке, который был задержан прошлой ночью при попытке проникнуть в Госпиталь. Он и несколько других заключенных сбежали сегодня утром. У меня есть сведения, что он производил разведку обороны Госпиталя в преддверии нападения, которое должно произойти сегодня ночью. Где-то между настоящим моментом и рассветом Дети Земли почти наверняка нападут на Госпиталь. Вам всем были розданы карты Госпиталя, на которых отмечено местонахождение автоматических защитных устройств, установленных сегодня. Выучите это наизусть и не попадитесь случайно в какой-нибудь из этих капканов. По моему приказу в них установлены максимальные дозы усыпляющих веществ, так что они могут убить. Повторяю, они могут убить... Мне кажется маловероятным, что мятежники предпримут фронтальную атаку. — Да уж, маловероятно! Джезус Пиетро даже улыбнулся от такой сдержанной оценки. — Вы должны быть готовы к попыткам с их стороны незаметно просочиться в Госпиталь, возможно используя нашу собственную униформу. Поэтому держите свои удостоверения наготове. Если вы увидите кого-то, кто вам незнаком, требуйте удостоверение личности. Сравните этого человека с фотографией. У мятежников не было времени подделывать удостоверения... И последнее: не бойтесь стрелять друг в друга.

Он подождал, пока миссис Лоэссен отсоединит его, а затем связался с энергостанцией:

— Отключите подачу энергии во все районы колонистов до рассвета.

Персонал энергостанции гордился своей работой, которая заключалась в обеспечении бесперебойной подачи электроэнергии. Послышались громкие протесты.

— Выполняйте, — сказал Джезус Пиетро и отключился.

Он еще раз с сожалением подумал о том, что не может раздать своим людям убивающее оружие. Ведь

тогда они будут бояться стрелять друг в друга. Даже хуже того, они будут бояться собственного оружия. Со времен заключения Договора об управлении планетой Специальная полиция никогда не использовала убивающее оружие. Возможно даже, что ядовитые капсулы, которые хранились так долго, потеряли свою эффективность.

Сегодня он пошел вопреки всем традициям, и ему придется дорого заплатить, если ничего не произойдет. Но он знал, что что-то обязательно произойдет. И дело было даже не в том, что это был последний шанс для мятежников освободить своих сообщников из вивария. Он просто ощущал это всем своим нутром. Что-то должно произойти.

Неровная красная полоса отделяла черное небо от черной земли. Она быстро угасла, и внезапно снаружи загорелись огни Госпиталия и залили все пространство вокруг ослепительным белым светом. Кто-то принес Джезусу Пиетро обед, и он съел его в спешке, оставив кофейник, когда поднос унесли.

— Снижайся, — сказала Лэйни.

Мэт кивнул и задвинул регуляторы винтов. Они спускались в направлении не очень крупного дома, который издали был похож на большой плоский стог сена, в боковых частях которого находились окна, а с одной стороны была установлена платформа наподобие крыльца. Около крыльца находился странной формы плавательный бассейн. В окнах горел свет, и вся территория вокруг бассейна тоже была залита светом. Вода в бассейне была подсвечена изнутри. Крыша строения не была рассчитана для парковки, но с другой стороны дома стояли две машины.

— Лично я выбрал бы пустой дом, — прокомментировал Мэт, даже не пытаясь критиковать действия своей спутницы. Он давно уже убедился, что она была экспертом в подобных делах.

— Ну и что тогда? Даже если бы ты нашел машину, где бы ты взял ключи? Я выбрала этот дом, потому что большинство его обитателей сейчас находятся у бассейна и хорошо видны. Вон там, видишь их? Сделай так, чтобы машина зависла, а я пока постараюсь успокоить их.

Они летели на восток над бездной, окруженные непроницаемой пеленой тумана, оставаясь так далеко от

края, что даже звук их винтов не мог достичь уха случайного человека. Наконец в нескольких милях к востоку от дома Парлета они повернули к земле. Ружье лежало на сиденье рядом с Мэтом. В этом ружье была заключена такая сила, что Мэт испытывал ощущение безопасности и неуязвимости.

Лэйни сидела на заднем сиденье, откуда она могла стрелять из обоих окон. Мэт не мог точно сказать, сколько людей находилось у бассейна, но у ружей были телескопические прицелы.

Послышались хлопки — как будто лопались воздушные шары.

— Один, — сказала Лэйни. — Два. А вот и еще один... Три, и все. Хорошо, Мэт, быстро снижайся. Ох! Но не так же быстро.

— Слушай, ты же сама попросила.

Но она уже выскочила и неслась к дому. Мэт последовал за ней, но не так поспешно. Над водой в бассейне поднимался пар, как над большой ванной. Он увидел двух членов Экипажа, лежащих у воды, и третьего — около стеклянной двери в дом, и покраснел, потому что на них не было никакой одежды. Он не знал, что Экипаж устраивает вечеринки с купанием в бассейне голышом. Затем он увидел небольшую лужицу крови около шеи женщины и перестал стесняться. Одежда здесь была ни к чему.

Со стороны бассейна дом по-прежнему был похож на стог сена, но теперь сквозь ворсистые желтые стены проглядывали более привычные конструкции. Внутри дом совершенно не был похож на особняк Джеффри Юстаса Парлета; все стены закруглялись и конической формы декоративный камин располагался в центре гостиной. Но ощущение роскоши было таким же.

Мэт услышал хлопок, как будто лопнул воздушный шарик, и побежал.

Он ворвался в дверь и одновременно услышал второй хлопок. У полированного стола стоял мужчина с телефонной трубкой в руке. Когда Мэт увидел его, он как раз начинал падать: мускулистый средних лет член Экипажа, всю «одежду» которого составляли лишь несколько водяных капель. На его лице было выражение полнейшего ужаса. Он не отрываясь смотрел на Лэйни, прижимая рукой кровавую рану на груди. Пока он падал, выражение ужаса постепенно сходило с его лица, но Мэт успел запомнить его. Само нападение обычно вызывает

страх, но, если на тебя нападают, когда ты не одет, это должно быть во много раз хуже. Отсутствие одежды всегда ассоциируется с незащищенностью.

— Посмотри наверху, — сказала Лэйни. Она перезарядила ружье. — Нужно найти, где они переодевались. Если увидишь чьи-нибудь брюки, поищи в карманах ключи. Торопись, мы не можем здесь долго останавливаться.

Мэт вернулся через несколько минут, неся в руке связку ключей.

— Нашел их в спальне, — сказал он.

— Хорошо. Выбрось их.

— Это шутка?

— Я нашла вот эти. — У нее тоже была связка ключей. — Подумай сам. Одежда наверху наверняка принадлежит хозяину этого дома. Если мы возьмем его машину, Специальная полиция легко сможет проследить наш путь обратно до этого места. Может быть, это и не имеет значения; лично я не представляю, как они смогут проследить нас отсюда до дома Парлета, но все же лучше не рисковать. Поэтому разумнее взять машину одного из гостей. Так что мы воспользуемся этими ключами, а твои нам не нужны.

Они вышли наружу и подошли к машине Парлета. Лэйни открыла приборный щиток и стала колдовать над ним.

— Я не хочу посылать ее обратно, — пробормотала она. — Гарри придется использовать другую машину... Мы просто велим ей подняться на десять миль вверх и все время лететь на юг. Хорошо, пойдем, Мэт.

Ключи подошли к первой же машине. Мэт летел на северо-восток, направляясь к Госпиталю.

У земли туман был не таким густым, но на этой высоте он был абсолютно непроницаем. Они уже летели в течение часа, когда наконец немного левее увидели слабое желтое зарево.

— Это Госпиталь, — сказала Лэйни. Машина повернула влево.

Слабое желтое зарево слева... и яркие белые огни, разрывающие пелену тумана вокруг него.

Мэт бросил машину вниз.

Они тяжело упали на воду и, как только машина выскочила на поверхность, одновременно выпрыгнули наружу через противоположные двери. Вода была невероятно холодная, и, когда Мэт вынырнул, он никак не

мог перевести дыхание. Работающие винты обдали его фонтаном брызг, и он отвернулся, чтобы защитить лицо. Вокруг в панике кричали утки.

Белые огни быстро снижались в их направлении. Мэт спросил:

— Где мы?

— Думаю, в Парке Парлета.

Мэт стоял в воде, которая доходила ему до пояса, держа ружье над головой. Машина, скользя над водой, пересекла пруд, немного задержалась на краю и продолжала двигаться дальше, пока не уткнулась в изгородь. Освещаемый фарами спускающихся машин туман над прудом стал окрашиваться в желтый цвет.

Внезапная мысль пришла в голову Мэту.

— Лэйни, ружье у тебя?

— Да.

— Проверь его.

Он услышал хлопок.

— Хорошо, — сказал он и отбросил свое ружье. Он услышал всплеск.

Машины с горящими фарами опускались вокруг них. Мэт поплыл на звук выстрела Лэйни и в конце концов врезался в нее. Он взял ее за руку и прошептал:

— Стой рядом.

Они побрели к берегу. Он чувствовал, как она дрожит. Вода была очень холодной, но дующий сверху ветер оказался еще холодней.

— Где твоё ружье?

— Я выбросил его. Чтобы остаться в живых, я должен бояться, ведь так? Так вот, я не могу испугаться, когда у меня в руках ружье.

Они выбрались на траву. Со всех сторон на уровне земли их окружали белые огни, слегка затемненные остатками тумана. В воздухе над их головами парили те же белые огни, прожектора заливали территорию парка ярким светом. При таком освещении люди были похожи на бегущие черные силуэты. Позади них на воду опустилась машина, тихо, как лист.

— Соедините меня с начальником, — сказал майор Чейни. Он удобно устроился на заднем сиденье своей машины. Машина парила на высоте в один фут над маленьким прудом в Парке Парлета, поддерживаемая

воздушной подушкой. В таком положении попасть на нее было практически невозможно.

— Сэр?.. Мы захватили похищенную машину... Да, сэр, она наверняка похищена; она приземлилась, пока мы летели, чтобы выяснить, кто это. Спустилась как падающий лифт... Она летела прямо к Госпиталю. Думаю, что сейчас мы находимся в двух милях к юго-западу от вас. По всей видимости, они покинули машину сразу после приземления... Да, сэр, очень профессионально. Машина врезалась в изгородь и осталась на месте, пытаясь двигаться дальше... Оповестительный знак Б-Р-Г-И... Нет, сэр, внутри никого не было, но мы окружили территорию. Им не проскочить... Нет, пока их еще никто не видел. Вероятно, они прячутся среди деревьев, но мы выкурим их оттуда.

На его гладком круглом лице появилось удивленное выражение.

— Да, сэр, — сказал он и отключился. Он собирался руководить поиском по радиотелефону, но все необходимые распоряжения уже были даны. Все пространство вокруг было освещено полицейскими машинами. Район поиска был заблокирован. Когда что-нибудь найдут, ему сообщат.

Но что имел в виду начальник полиции? «Не удивляйтесь, если никого не найдете».

Его глаза сузились. Эта машина лишь приманка, которая летела на автопилоте? Но что тогда?

Другая машина должна пролететь над ними. Эта пустая машина служит лишь для того, чтобы отвлечь внимание, пока другая движется к Госпиталю.

Он включил радиотелефон.

— Карсон? Поднимите свою машину на тысячу футов. Отключите фары и посмотрите, что сможете засечь с помощью инфракрасного локатора. Оставайтесь там, пока не закончится поиск.

И лишь некоторое время спустя он понял, как сильно ошибся.

— Вызываю майора Чейни, — сказал Дони, машина которого находилась на высоте ста футов над Парком Парлета. Сдерживаемое возбуждение, вызванное длительной погоней, сильно изменило его голос.

— Сэр, я обнаружил инфракрасное пятно, которое движется к пруду... Возможно, это два человека; я не

могу как следует разглядеть из-за тумана... В районе западного берега. Теперь они направляются туда, где собралось много людей... Вы их не видите? Но они там, я могу поклясться... Ну хорошо, хорошо, если их там нет, то значит инфракрасный локатор испортился... Хорошо, сэр.

Дони был раздражен, но повиновался полученному приказанию. Он поудобнее устроился в кресле и стал наблюдать за тем, как неясное красное пятно слилось с более крупным пятном, которое, безусловно, было работающим мотором машины. «Все ясно, — подумал он, — это полицейские».

В тот же момент он увидел, что источник более сильного инфракрасного излучения стал удаляться, а позади него остался другой, более маленький, который, однако, был более мощным источником излучения, чем отдельный человек. Это удивило его, и он выглянул из окна, чтобы посмотреть, в чем дело. Да, там действительно было что-то и...

Он вернулся к прибору ночного видения. Источник излучения оставался все еще на месте и не передвигался. По степени излучения можно было предположить, что это были четверо потерявших сознание мужчин. Вдруг от толпы людей, суетившихся около брошенной машины, отделилось пятно, напоминающее по своим размерам человека, и двинулось к тому месту, где находились четверо мужчин. И буквально через секунду все пришло в движение.

Задыхаясь, буквально из последних сил спасая свою жизнь, они выбежали из Парка Парлета на хорошо освещенную дорогу. Лэйни остановилась и без сил повисла у него на руке.

— Ну вот... Мы можем... немного передохнуть.

— Сколько еще... до Госпиталя?

— Около двух... миль.

Где-то позади себя они увидели, как огни полицейских машин постепенно исчезают в пелене тумана. А впереди, в самом дальнем конце освещенной улицы, виднелись огни Госпиталя.

Улица была выложена красным кирпичом, расположенным в форме прямоугольников. Она была очень широкой, и вдоль нее неровной, но приятной для глаза полосой росли каштановые деревья. Уличные фонари

освещали довольно старые дома причудливой формы. Каштановые деревья раскачивались на ветру и сильно скрипели. Ветер постепенно разгонял туман, но он все же проникал сквозь мокрую одежду, пробирая до костей.

— Нам нужно достать другую одежду, — сказал Мэт.

— Я уверена, что мы кого-нибудь встретим. Еще только девять часов.

— Господи, как могли члены Экипажа вынести это? Как они могли плавать в такую погоду?

— Вода была горячей. Возможно, бассейн был с подогревом. Нам бы тоже не помешал горячий душ.

— Нам надо было все-таки забрать ту машину.

— Вряд ли твоя способность исчезать из поля зрения спасла бы нас на этот раз. Ночью они не смогли бы увидеть твое лицо сквозь окно машины. Они бы заметили похищенную машину и накрыли бы ее парализующими лучами, что они наверняка сейчас и делают.

— А почему ты настаивала на том, чтобы раздеть полицейского и забросить его проклятый костюм куда-нибудь подальше?

— Ради Бога, Мэт! Ты что, не доверяешь мне?

— Извини, но я подумал, что кто-нибудь из нас мог бы воспользоваться этой одеждой.

— Так было надо. Они теперь будут искать одного человека, а не двух, и к тому же человека в форме полицейского. А ну-ка, встань впереди меня! Быстро!

На расстоянии нескольких домов от них вдруг появился квадрат света. Мэт поспешно встал перед Лэйни и наклонился, опершись руками о колени так, чтобы она могла использовать его плечо как опору для ружья.

Таким способом они уже избавились от четырех полицейских в Парке Парлета. Способ не подвел их и теперь. В полосе света появилась молодая пара. Они попрощались со своими хозяевами, спустились по лестнице и, слегка сгорбившись, чтобы прикрыться от ветра, двинулись вдоль улицы. Дверь дома закрылась, и квадрат света исчез, а фигуры членов Экипажа превратились в неясные движущиеся тени. Как только они вышли на вымощенную кирпичом улицу, две усыпляющие пули настигли их.

Мэт и Лэйни быстро раздели их и посадили около зеленой ограды сада, чтобы их не нашли до утра.

— Как нам повезло, — сказал Мэт, хотя все еще дрожал от холода, даже несмотря на сухую одежду.

Лэйни уже думала о будущем.

— Мы будем идти под прикрытием домов, — сказала она. — Эти дома отражают инфракрасные лучи и скроют нас от наблюдения. Даже если кто-то из летающей машины заметит нас, ему придется опуститься и удостовериться, что мы не являемся членами Экипажа.

— Ну хорошо, а что будет, когда мы выйдем из-под прикрытия домов?

Лэйни надолго задумалась. Мэт не торопил ее. Наконец она сказала:

— Мэт, я, пожалуй, раскрою тебе один секрет.

Мэт не выказал своего удивления.

— Как только мы проберемся через стену — если, конечно, нам это удастся, — я пойду в виварий. Тебе не надо идти со мной, но я должна.

— Но они же как раз и будут этого ожидать.

— Возможно.

— Лучше не ходи туда. Давай сначала найдем Полли. Мы должны постараться, чтобы нас как можно дольше не обнаружили. Как только твои товарищи попытаются выйти из вивария, если нам удастся им помочь, все двери сразу захлопнутся. А если мы... — Как только он взглянул на Лэйни, то сразу замолк.

Лэйни смотрела прямо перед собой. Ее лицо было жестким и напоминало застывшую маску. Ее голос звучал твердо и бескомпромиссно.

— Я тебя предупредила заранее. Я иду сразу в виварий. Для этого я сюда и пришла. — Она замолчала, а затем поспешно добавила: — Я пришла сюда потому, что здесь находятся почти все члены моей организации, а вовсе не для того, чтобы помогать тебе. Ты мне нужен только для того, чтобы проникнуть внутрь. Иначе я попытаюсь это сделать сама.

— Та-ак, — произнес Мэт. Он хотел еще что-то добавить, но передумал. Он почувствовал, что Лэйни находится в таком состоянии, что готова ударить его. Он помолчал и миролюбиво спросил: — А как же с секретом, который знает Полли?

— Этот секрет известен Милларду Парлету, и он, кажется, готов его раскрыть. Но если он начнет колебаться, Лидия сумеет вытянуть из него все, что он знает.

— Так что же, Полли вам больше не нужна?

— Да, не нужна. Если ты думаешь, что я пришла сюда ради тебя, Мэт, то ты глубоко заблуждаешься. Я не хочу быть грубой, но ты должен понять мою позицию. Иначе ты будешь надеяться, что сможешь уговорить

меня. Ты мне нужен только для прикрытия, чтобы пробраться внутрь. Я уже сказала, как только мы окажемся внутри, я пойду прямо в виварий, а ты можешь делать что хочешь.

В течение некоторого времени они молча шли под руку под прикрытием домов. Со стороны могло показаться, что это прогуливается парочка молодых членов Экипажа, которые оставили свою машину где-то поблизости. Время от времени мимо них проходили другие члены Экипажа. Большинство из них шли быстро, нагнувшись против ветра и не обращая внимания на Мэта и Лэйни. Один раз появилась компания подвыпивших людей, около дюжины мужчин и женщин. Они остановились на расстоянии нескольких домов от Мэта и Лэйни и стали стучать в дверь. Дверь открылась, и они вошли внутрь. Внезапно Мэт почувствовал себя очень одиноким. Он сильнее сжал руку Лэйни, и они снова пошли вперед.

Кирпичная дорожка повернула налево, и они тоже повернули налево. Теперь справа от них не было домов, только деревья, высокие и толстые. Они закрывали от них Госпиталь. Очевидно, на другой стороне находилась защитная полоса.

— Что будем делать дальше?

— Я думаю, — сказала Лэйни, — пойдем вдоль деревьев.

Ей показалось, что он спросит — почему, но он не спросил. Но все же она ему объяснила:

— Дети Земли планировали нападение на Госпиталь в течение десятилетий. Мы ждали подходящего момента, но он так и не наступил. Как один из возможных путей проникнуть в Госпиталь мы рассматривали полосу деревьев. Сам лес наспигован всевозможными хитроумными приспособлениями, так что охранники с этой стороны стены, по всей видимости, вообще не обращают на него внимание.

— Вы так думаете?

— Лично я в этом абсолютно уверена.

— Что ты знаешь вообще о защитных устройствах Госпиталя?

— Ты наткнулся на большинство из них прошлой ночью. Хорошо еще, что ты не стал забираться в лес. Госпиталь окружают два кольца следящих лучей. Ты видел стену, вооруженную охрану и прожекторы на ней.

Кастро, вероятно, увеличил количество охранников сегодня и наверняка заблокировал грузовую дорогу. Обычно они оставляют ее открытой, но замкнуть периметр следящего луча и отключить подачу электричества к воротам достаточно просто.

— А внутри?

— Охранники. Мэт, мы предполагали, что все они плохо подготовлены. Госпиталь никогда не подвергался прямой атаке. Мы превосходим их численно...

— Да уж превосходим, это точно.

— Но нам придется иметь дело с охранниками, которые сами до конца не верят в возможность нападения.

— А как насчет ловушек? Мы же не можем сражаться с механизмами.

— В Госпитале их практически нет, по крайней мере обычно. Конечно, существуют кое-как вещи, которые Кастро может установить в случае опасности. На кораблях может быть все что угодно; мы просто не знаем. Но мы не будем подходить близко к кораблям. Затем еще эти проклятые вибрирующие двери.

Мэт коротко кивнул.

— Эти двери оказались для нас неожиданностью. Нас должны были предупредить о них.

— Кто?

— Не имеет значения. Подожди-ка... Точно. Это то место, которое нам нужно. Мы пойдем здесь.

— Лэйни.

— Да? Здесь в земле есть провода, реагирующие на давление. Поэтому наступай только на корни деревьев.

— Что произошло в пятницу ночью?

Она повернулась, чтобы посмотреть ему в лицо, пытаясь понять, что он имеет в виду. Она сказала:

— Мне показалось, что я была тебе нужна.

Мэт медленно кивнул:

— Тебе показалось правильно.

— Хорошо. Именно для этого я и нужна. В организацию «Дети Земли» входят в основном мужчины. Иногда они впадают в ужасную депрессию. Им ведь приходится заниматься исключительно планированием и редко приходится участвовать в настоящих схватках, причем эти схватки они проигрывают и всегда беспокоятся о том, не делают ли они то, что хочет от них Специальная полиция. Им даже некому похвастаться, кроме как друг перед другом, потому что не все колонисты на нашей

стороне. И тогда я могу заставить их снова чувствовать себя мужчинами.

— Я думаю, что меня самого надо сейчас подбодрить.

— То, что тебе сейчас надо, братишка, так это хорошо испугаться. Просто продолжай думать, что ты испуган, и тогда у тебя все будет в порядке. Мы пойдем здесь.

— Я тут подумал...

— О чем?

— Если бы мы остались там днем, мы бы избежали всех неприятностей.

— Ты пойдешь наконец? И не забывай наступать на корни!

ГЛАВА 10

РУКА ПАРЛЕТА

Мрак покрывал большую часть Удивительной Горы. Но Экипаж не знал об этом. Огни плато Альфа по-прежнему горели ярко. Даже в домах, расположенных вдоль скалы Альфа—Бета, из которых обычно открывался вид через плато Бета на дальние роящиеся городские огни Гаммы и Йоты; сегодня этот вид был скрыт туманом — и кто мог знать, что роящиеся огни потухли?

Районы колонистов были охвачены страхом и яростью, но это не могло затронуть плато Альфа.

Никакой реальной опасности не было. На плато Гамма и Йота не было больниц, где пациенты могли бы умереть в темных операционных. Не было угрозы того, что машины разобьются в темноте. Порча мяса в холодильниках мясных магазинов не вызовет голод, потому что было много фруктовых и ореховых деревьев, злаков и пасущихся животных.

Но страх и ярость возникли. Случилась ли какая-нибудь авария, там, наверху, откуда приходила энергия? Или это была шутка, наказание, эксперимент — сознательный акт Специальной полиции?

В темноте невозможно передвигаться, поэтому большинство людей остались там, где они были, где бы это ни было. Они легли спать где могли; в любом случае для колонистов практически уже приближалось время сна. Но все же они ждали, когда снова дадут свет.

Они не причинят беспокойства, думал Джезус Пиетро. Если этой ночью придет беда, она не придет оттуда, снизу.

Это так же верно, как то, что «Дети Земли» будут атаковать, хотя их было лишь пятеро. Гарри Кейн не оставит большинство своих людей на произвол судьбы. Все, что он сможет сделать, он сделает, несмотря на риск.

А человек, убежавший от майора Чейни, находился в двух милях от Госпиталя и был одет в форму полицейского. А поскольку он сбежал, поскольку он был один, поскольку никто не смог его как следует разглядеть, то это явно был Мэт Келлер.

Пять досье на пятерых беглецов. Гарри Кейн и Джейк Худ: это были старые друзья, самые опасные из Детей Земли. Элейн Мэтсон, Лидия Хэнкок и Мэтью Келлер: эти имена он выучил наизусть за долгие часы после побега. Он мог бы узнать любого из них с расстояния в милю или рассказать им их биографии.

Самое тонкое досье было на Мэга Келлера — две с половиной скучных странички. Горный инженер... вряд ли можно назвать семьянином... несколько любовных романов... никаких свидетельств о том, что он когда-либо вступал в ряды организации «Дети Земли».

Джезус Пиетро был обеспокоен. Дети Земли, если так пойдет дальше, направятся прямо в виварий, чтобы освободить своих сообщников. Но если Мэтью Келлер действовал сам по себе...

Если призрак, объявивший на плато Альфа, был не повстанцем, а имел свои собственные непредсказуемые цели...

Джезус Пиетро нервничал. Последний глоток кофе внезапно приобрел ужасный вкус, и он оттолкнул чашку. С облегчением он заметил, что туман собирался развеяться. Перед ним лежала стопка из пяти досье и шестое — отдельно, пистолет с усыпляющими пулями.

От огней Госпиталя небо было серо-жемчужным. Стена возвышалась над ними исполинской громадой, перерезая светящееся небо острой черной тенью. Они слышали мерные шаги над головой.

Они подползли сюда, следуя точно друг за другом. Они перебрались через полосу следящего луча — сначала Мэт, потом Лэйни, которая преодолевала опасное про-

странство, пока Мэт смотрел вверх на стену и молился, чтобы никто не заметил ее. Пока все было спокойно.

— Мы могли бы пробраться к воротам, — сказал Мэт.

— Но если Кастро отключил электроэнергию, мы не сможем открыть их. Нет, есть лучший путь.

— Покажи.

— Нам придется рискнуть... Посмотри сюда.

— Что это?

— Фитиль. Я не была уверена, что найду его.

— Фитиль?

— Видишь ли, многие полицейские являются колонистами. Нам нужно быть осторожными в выборе тех, с кем мы сближаемся, и мы уже потеряли много хороших людей, которые говорили не с тем, с кем можно, хотя это окупилось сполна, я надеюсь.

— Кто-то установил бомбу для тебя?

— Я так думаю. В Специальной полиции есть только двое из «Детей Земли», и каждый из них или оба могут быть «стукачами». — Она порылась в больших, свободных карманах своего измазанного грязью платья. — У этой чертовки нет в кармане зажигалки. А у тебя, Мэт?

— Сейчас посмотрим. Держи.

Она взяла зажигалку, потом сказала тихо:

— Если они увидят свет, мы пропали. — Она присела над шнуром.

Мэт наклонился над ней, чтобы закрыть свет своим телом. Наклоняясь, он взглянул вверх. Две выпуклости виднелись на прямом черном силуэте стены. Они двигались. Мэт прошептал:

— Стоп! — Желтый огонь вспыхнул под ним, было уже слишком поздно.

Головы исчезли. Лэйни дернула его за руку.

— Бежим! Вдоль стены! — Он последовал за тянувшей его рукой.

— Теперь ложись! — Он упал рядом с ней на живот. Раздался оглушительный взрыв. Кусочки металла свистели вокруг них и легкими щелчками ударялись о стену.

Что-то задело Мэта по уху, и он хлопнул по нему, как при укусе осы.

У него не было времени выругаться. Подчиняясь толчку Лэйни, он вскочил на ноги, и они побежали назад той дорогой, по которой пришли. На стене вразнобой раздавались крики, Мэт взглянул вверх и встретил

взгляд сотни глаз, смотревших вниз. Внезапно все вокруг стало ярким, как в огне.

— Сюда! — Лэйни упала на колени, сжала его руку вокруг своей лодыжки и поползла. Мэт слышал, как усыпляющие пули сыпались у его ног, когда он вползал за ней.

Снаружи отверстие было достаточно широким, чтобы вползти на четвереньках. Взрывная сила, вероятно, была специально рассчитана. Но стена была толстой, и отверстие сужалось внутри. Они выползли на животах, исцарапанные. Здесь тоже было светло, слишком светло, и глаза Мэта сузились. К своему удивлению, они обнаружили ряд ям в грязи вдоль этой стороны стены, и неприятный запах бездымного пороха смешивался с ароматом плодородной влажной свежевырытой земли.

— Бомбы, — сказал он с удивлением. Мины, приведенные в действие взрывом, заготовленные для того, чтобы разорваться под чужаком, упавшим сверху, со стены. — Я польщен, — прошептал он про себя, но это была ложь.

— Заткнись! — Лэйни обернулась, обжигая его взглядом, и в пылающем искусственном свете он увидел, что ее глаза изменились. Она повернулась и побежала. Она была вне досягаемости, прежде чем Мэт успел отреагировать.

Удары ног по земле раздавались вокруг, приближались с максимальной быстротой к отверстию в стене. Они были окружены! Удивительно, что никто не пытался остановить Лэйни. Но он увидел, как кто-то резко остановился, а затем ринулся вслед за ней.

И никто не пытался остановить Мэта. Он был достаточно невидим, но он потерял Лэйни. Без него у нее не было ничего, кроме ружья, а он не знал, как добраться до Полли. Он стоял в растерянности.

Хмурясь, Гарри Кейн рассматривал руки, которые не подходили одна к другой. Он и раньше видел людей после трансплантации, но никогда не видел такого спитого из лоскутов человека, как Миллард Парлет.

Лидия спросила:

— Они не искусственные, правда?

— Нет. Но это и не обычная трансплантация.

— Он должен прийти в себя.

— Я уже в порядке, — сказал Миллард Парлет.

Гарри вздрогнул:

— Вы можете говорить?

— Да. — Голос Парлета был похож на скрип двери, смешанный с мелодичным акцентом, характерным для речи членов Экипажа, но исковерканным эффектом парализатора. Он сказал медленно, старательно выговаривая слова: — Можно стакан воды?

— Лидия, дай ему воды.

— Вот. — Крепкая, коренастая женщина приподняла рукой голову старика и напоила его водой.

Гарри изучал этого человека. Они посадили его у стены в вестибюле, и с того момента он не шевельнулся, — вероятно, не мог двигаться вообще, но мышцы его лица, ранее безвольно расслабленные, теперь отражали мысль.

— Спасибо, — сказал он окрепшим голосом. — Знаете, вам не нужно было стрелять в меня.

— Вам есть что рассказать нам, мистер Парлет?

— Вы Гарри Кейн. Да, мне есть что рассказать вам. А потом мне хотелось бы договориться с вами.

— Я готов договориться, но о чем?

— Вы поймете, когда я закончу. Можно я начну с груза последнего робота? Это будет кое-что из области техники.

— Лидия, позови Джея.

Лидия Хэнкок бесшумно исчезла.

— Я хочу, чтобы он услышал то, что касается техники. Джей — наш гений.

— Джейхок Худ? Он тоже здесь?

— Я вижу, вы много знаете о нас.

— Да, это так. Я изучаю Детей Земли дольше, чем вы живете на этом свете. У Джейхока Худа аналитический ум. Я не возражаю, давайте подождем его.

— Вы изучаете нас, не так ли? Зачем?

— Я постараюсь объяснить это вам, Кейн. На это потребуется время. Ситуация на Удивительной Горе никогда не казалась вам неестественной, хрупкой?

— Хм. Если бы вы пытались изменить ее столь долго, как я, вы бы не думали так.

— Серьезно, Кейн. Наше общество полностью зависит от своей технологии. Измените технологию, и вы измените общество. Более того, вы измените этику.

— Это нелепо. Этика есть этика.

Рука старика конвульсивно сжалась.

— Дайте мне сказать, Кейн.

Гарри Кейн замолчал.

— Возьмите хлопкоочистительную машину, — сказал Миллард Парлет. — Это изобретение сделало экономически целесообразным выращивание хлопка на юге Соединенных Штатов, но не на севере. Оно дало большое количество рабов одной части этой нации, в то время как в другой части общества рабство как раз исчезло. В результате возникла расовая проблема, которая была актуальной в течение длительного времени. Или возьмите феодальные доспехи. Этика рыцарства базировалась на том факте, что вооружение было полной гарантией от поражения. Длинная тяжелая стрела, а позже порох положили конец рыцарству и сделали неизбежной новую этику... Возьмите теперь войну как орудие дипломатии. — Миллард Парлет остановился, чтобы набрать воздуха. Через секунду он продолжал: — Война имела именно это назначение. Затем появились отравляющий газ, осколочные бомбы, термоядерные бомбы и возможность создания расщепляющейся термоядерно-радиокобальтовой бомбы. Каждое изобретение делало войну все менее пригодной для навязывания с ее помощью чьей-либо воли, все более неуправляемо-разрушительной, до тех пор пока национализм сам не стал слишком опасным, чтобы его терпеть, а Объединенные Нации на Земле стали более могущественной организацией, чем какое-либо другое объединение людей... Возьмите заселение Пояса. Чисто технологический прогресс, — это привело к созданию самого процветающего общества, которому потребовалась абсолютно новая этика, в соответствии с которой глупость автоматически сама себя истребляет. — Старик снова остановился, обессиленный.

— Я не историк, — сказал Гарри. — Но мораль есть мораль. Что неэтично здесь и теперь, неэтично везде и всегда.

— Кейн, вы не правы. Этично ли казнить человека за воровство?

— Конечно.

— А знаете ли вы, что когда-то была тщательно разработанная наука о реабилитации преступников? Она была, естественно, отраслью технологии, но это, несомненно, самая крупная ее отрасль. К середине двадцать первого века почти две трети всех преступников могли быть со временем освобождены как исправившиеся.

— Это глупо. Зачем нужно было делать это, когда

банки органов, должно быть, нуждались в пополнении... А, ясно. Тогда еще не было никаких банков органов.

Старик улыбался, показывая отличные новые зубы. Сверкающие зубы и пронизательные серые глаза — настоящий Миллард Парлет на минуту возник на фоне потрескавшейся, сморщенной, похожей на сдувшийся воздушный шарик маски его лица.

Но эти зубы не могли быть его зубами, подумал Гарри. Это уж точно.

— Продолжайте, — сказал он.

— Однажды, довольно давно, я понял, что этическая ситуация на Удивительной Горе очень хрупкая. Она должна измениться когда-то. И, вероятно, это будет скоро, поскольку Земля постоянно присылает нам свои открытия. Я решил быть наготове.

На лестнице послышались шаги. Лидия и Худ ворвались в комнату.

Гарри Кейн представил Худа Милларду Парлету, как будто они уже были союзниками. Худ понял его намек и пожал руку, внутренне содрогнувшись, потому что рука Парлета на ощупь все еще казалась неживой.

— Подержите эту руку, — сказал Миллард Парлет. — Изучите ее.

— Мы уже сделали это.

— Ваше заключение?

— Хотели бы услышать его от вас.

— Очевидно, Земля изобрела генную инженерию специально для использования в медицинских целях. В капсуле робота были четыре новинки вместе с пространственными инструкциями по уходу за ними и по их использованию. Одна из них — что-то вроде грибово-вирусного раствора. Я опустил в него мизинец. Теперь эта дрянь замещает мою кожу.

— Замещает?.. Впрочем, извините, — сказал Худ. Было трудно не прерывать Парлета, его речь была такой раздражающе медленной.

— Да. Сначала она растворяет эпидерму, оставляя лишь живые клетки, находящиеся под ней. Затем каким-то образом стимулирует память ДНК кожи. Возможно, это делает вирусный компонент. Вы, вероятно, знаете, что вирус сам не воспроизводится, он заставляет своего хозяина производить подобный себе вирус, вставляя собственные репродуцирующие цепочки в его клетки.

— У вас, вероятно, постоянный вирус, — сказал Худ.

— Нет. Вирус умирает через короткое время. Любой вирус. Тогда грибок лишается пищи.

— Удивительно! Эта дрянь движется по кольцу, оставляя за собой новую кожу! — Худ задумался... Земля действительно превзошла себя на этот раз. — Но что будет, когда он достигнет ваших глаз?

— Я не знаю. Не было никаких специальных инструкций. Я предложил себя для эксперимента, потому что мне пригодилась бы новая кожа. Предполагается, что эта штука даже избавляет от шрамов. И это действительно так.

— Это прогресс, — сказал Гарри.

— Но вы не знаете, почему это важно. Кейн, я показал вам свою кожу, потому что случилось так, что именно этот эксперимент я проделал над собой. Другие изобретения потрясут вас еще больше. — Парлет опустил голову, чтобы ослабить напряжение в шее.

— Я не знаю, на какой основе родилась вторая новинка, но теперь она выглядит как человеческая печень. В соответствующей среде она будет вести себя как настоящая человеческая печень.

Глаза Гарри в удивлении расширились. Лидия издала свистящий звук изумления. Миллард Парлет добавил:

— Соответствующая среда — это, конечно, среда человеческой печени. Образцы искусственной печени не были испытаны, потому что они не были до конца выращены. Можно ожидать недостатков в их работе вследствие отсутствия нервных соединений...

— Келлер сказал правду. Маленькие сердца и печени! — воскликнул Гарри. — Парлет, была ли третья новинка изобретением, которое заменяет человеческое сердце?

— Да. Практически все мышцы в норме. Реагирует на адреналин учащением, но опять-таки отсутствие нервных...

— И-и-я-а! — Гарри Кейн пустился в пляс. Он схватил Лидию Хэнкок и стал кружить ее по комнате. Худ наблюдал, глупо улыбаясь. Кейн внезапно отпустил Лидию и остановился перед Парлетом. — А что же четвертое?

— Оздоровитель.

— Оздоровитель?

— Да, это своего рода животное, которое живет в симбиозе с кровью человека. Он делает то, что человеческое тело не в состоянии делать для себя. Кейн, мне

часто приходило в голову, что эволюция как процесс оставляет место для улучшений. Эволюция любого человека заканчивается в тот момент, когда он становится слишком старым для поддержания его жизни дольше этого момента. Только инерция. Необходимы глубочайшие знания, чтобы скомпенсир...

— Что он делает, этот оздоровитель?

— Он сражается с болезнью. Он рѣсчищает жировые отложения в венах и артериях. Растворяет тромбы в крови. Он выделяет особое клейкое вещество, укрепляет слабые места в стенках артерий и крупных капилляров, что звучит обнадеживающе для человека моего возраста... И это еще не все. Он действует как своего рода универсальная железа, еще один гипофиз: способствует поддержанию такого же внутреннего баланса, какой человек предположительно имеет в возрасте тридцати лет. Он не производит мужские и женские гормоны, и ему нужно весьма много времени, чтобы избавить человека от излишнего адреналина, но во всем остальном он поддерживает равновесие. По крайней мере, так сказано в инструкции.

Гарри Кейн привстал:

— Итак, с банками органов покончено. Они устарели. Неудивительно, что вы старались сохранить это в тайне.

— Не будьте глупцом.

— Что? — Парлет раскрыл рот, но Гарри не дал ему сказать. — Я говорю вам — с банками органов покончено! Слушайте, Парлет. Кожный грибок заменяет пересадку кожи и делает это превосходно. Новые сердца и печень делают ненужной трансплантацию сердца и печени. А оздоровитель охраняет все остальное от заболеваний! Что еще вам нужно?

— Еще кое-что. Живая почка, например. Либо...

— Вы чересчур многого хотите.

— А как заменить легкое? Легкое, пораженное никотином?

Худ сказал:

— Он прав. Эти четыре подарка, доставленные роботом, — лишь указательный знак. Как восстановить раздавленную ногу, больной глаз, сломанный палец? — Он ходил по комнате небольшими резкими шагами. — Понадобились бы несколько сотен различных достижений генной инженерии, чтобы сделать банки органов действительно ненужными. Но все равно...

— Хорошо, довольно, — сказал Гарри Кейн, и Худ

замолчал. — Парлет, я поторопился. Вы правы. Но я дам вам новую пищу для размышлений. Предположим, каждый колонист на Удивительной Горе знал бы только факты о грузе робота. Не анализ Худа или ваш — только факты. Что тогда?

Парлет улыбнулся. Причин для улыбки не было, но его белые зубы ослепительно сверкнули на свету, и улыбка была искренней:

— Они бы пришли к мысли, что банки органов устарели. Они наверняка предположили бы, что Специальная полиция прекратит свое существование.

— А когда станет ясно, что полиция не собирается прекращать свое существование, они восстанут! Все колонисты на Удивительной Горе! Может ли Госпиталь противостоять этому?

— Вы попали в точку, Кейн. Я склонен думать, что Госпиталь мог бы справиться с любой атакой подобного рода, хотя я не берусь утверждать это. Но я уверен, что мы могли бы потерять половину населения этой планеты в кровавом побоище, независимо от того, чьей победой или поражением оно закончится.

— Значит, и вы уже думали над этим.

Лицо Парлета дернулось. Его руки безвольно затряслись, ноги застучали по полу — воздействие парализатора постепенно отступало.

— Вы считаете меня дураком, Гарри Кейн? Напрасно. Я впервые услышал о грузе транспортного робота шесть месяцев назад, когда он послал нам свое зашифрованное сообщение. В этот момент я понял, что правление Экипажа на Плато обречено.

Лэйни пошла налево, в направлении большого плавного изгиба «Планка», и исчезла, в то время как Мэт стоял, собираясь с силами. Он бросился было за ней, но остановился. Она наверняка знает другой вход, он ни за что не догонит ее, прежде чем она доберется до этого входа. А если последует за ней, то потеряется в лабиринте Госпиталя.

Но он должен был найти ее. Она держала его в неведении так долго, как могла. Вероятно потому, что ждала, когда Кастро доберется до него, и не хотела, чтобы через него ему стало известно что-либо важное. Она молчала о бомбе, пока взрыватель не оказался в ее руке,

молчала о планах проникновения в госпиталь, пока не взялась за их осуществление.

В конце концов она бы сказала ему, как найти Полли. Теперь он потерял их обеих.

Или?..

Он побежал к главному входу, увертываясь от полицейских, пытавшихся пробегать сквозь его тело. Он встретит Лэйни в виварии — если она доберется до него. Но он знал только один путь туда.

Массивные бронзовые двери распахнулись при его приближении. Мэт минуту колебался у подножия широкой лестницы. Просматривающие устройства? В это время три человека в форме пробежали через вход и направились вниз, и Мэт скользнул между ними. Если здесь были просматривающие устройства и за ними наблюдали, его не смогли бы засечь между ними.

Двери закрылись за ним, едва не захлопнув его между створками. Он шепотом выругался и уступил дорогу бегущему полицейскому со свистком во рту. Таким же, как тот ультразвуковой свисток, с помощью которого часовой открывал ворота прошлой ночью. Ему потребуется такой, чтобы выбраться отсюда. Но это потом. Еще не время думать об уходе.

Ноги ужасно болели. Он перешел на быструю ходьбу, стараясь при этом дышать ровно.

Направо, один лестничный пролет наверх, направо, затем налево... ВИВАРИЙ. Он увидел эту дверь в другом конце коридора, остановился и радостно оперся спиной о стену. Он, кажется, опередил Лэйни. Но ужасно устал. Он не чувствовал под собой ног, в голове звенело, хотелось ничего не делать, только дышать. Привкус на губах и во рту напоминал тот раскаленно-металлический вкус тумана бездны, который он ощутил, когда летел вниз менее тридцати шести часов тому назад. Казалось, он бежал целую вечность, и было ощущение, что страх никогда не покинет его. Его кровь слишком долго была под влиянием адреналина. Стена под его спиной казалась мягкой.

Отдыхать было хорошо. Дышать было хорошо. Приятно было находиться в тепле, а стены Госпиталя были теплыми, даже слишком жаркими для утепленного костюма члена Экипажа. Он снимет его, когда станет слишком жарко. Порывшись в карманах, он нашел две горсти неочищенного жареного арахиса.

Капрал Хэлли Фокс повернул за угол и остановился.

Он увидел рабочего, опирающегося о стену, одетого в теплый комбинезон. Краешек уха у рабочего был оторван, и в воротник впиталось пятно крови. Он чистил арахис и ел его, бросая мусор на пол.

Это было необычным, но не слишком.

Хэлли Фокс был представителем третьего поколения в семье, традиционно поставлявшей членов для Специальной полиции. Естественно, и он пошел в полицию. Его рефлексы не были развиты настолько, чтобы он мог стать рейдером, и он был скорее подчиненным, чем лидером. Уже восемь лет он уверенно занимал хорошую должность, которая не требовала большой ответственности.

Но вот... прошлой ночью он поймал колониста, проникнувшего в Госпиталь.

Этим утром был совершен побег из вивария, первый за все время его существования. Капрал Фокс видел кровь в первый раз. Человеческую кровь, не залитую в контейнер банка органов, а беспорядочно разбрызганную по коридору с сознательной убийственной жестокостью.

Вечером шеф полиции предупредил об угрозе атаки на Госпиталь. Практически он велел капралу Фоксу стрелять в своих собственных товарищей! И все приняли это всерьез!

Несколько минут назад за окнами был странный взрыв, и половина часовых оставила посты, чтобы посмотреть, что случилось.

Он не оставил свой пост. Обстановка была достаточно сложной. Он занялся тренировкой, поскольку лишь это вызывало у него чувство уверенности. И когда он увидел рабочего у стены, евшего арахис, он сделал знак приветствия и сказал:

— Сэр!

Мэт поднял глаза и увидел офицера полиции, стоявшего прямо, как доска, и направлявшего короткое дуло пистолета с усыпляющими пулями прямо ему в лоб.

Мэту удалось исчезнуть. Капрал Фокс пошел дальше широкими шагами по коридору мимо двери вивария как ни в чем не бывало. В конце коридора он остановился, обернулся вполоборота и упал.

Мэт остановился, пошатываясь. Встреча с охранником чуть не стоила ему жизни.

Лэйни быстро вынырнула из-за угла. Она увидела Мэта, отпрянула назад, направила на него оружие.

— Стой! Это я!

— О, Мэт. Я думала, что потеряла тебя.

Он двинулся к ней.

— Я видел, как кто-то преследовал тебя. Ты отделалась от него?

— Да. — Она глянула на капитана Фокса. — Они плохо натренированы. В этом все дело.

— Где ты научилась так стрелять?

— Неважно. Пойдем. — Она направилась обратно к виварию.

— Подожди. Как мне найти Полли?

— Совершенно не представляю. Мы никогда не знали, где они проводят «лечение гробом». — Она взялась за ручку двери. Мэт схватил ее за запястье. — Перестань, Мэт, — сказала она. — Я предупредила тебя.

— В двери мина-ловушка.

— Да?

— Я видел, как этот парень обходил ее.

Она нахмурилась, глядя на ручку двери. Потом с усилием оторвала полоску ткани от куртки Мэта. Она привязала ее к ручке и отошла назад, насколько позволяла длина полоски.

Мэт отошел вслед за ней. Он сказал:

— Прежде чем ты сделаешь что-нибудь непоправимое, ты не могла бы мне сказать, где мне найти Полли?

— Клянусь, Мэт, я не знаю. — Она не пыталась скрывать тот факт, что он был сейчас для нее ненужной помехой:

— О'кей, где кабинет Кастро?

— Ты не в своем уме!

— Я фанатик. Как и ты.

Это вызвало у нее усмешку.

— Ты ненормальный, но ладно. Пойдешь назад той дорогой, которой я пришла, повернешь в единственно возможном направлении и поднимешься на один лестничный пролет. Пойдешь по залу, пока не увидишь указатели. Указатели доведут тебя до места. Его кабинет наверху, как раз напротив корпуса «Планка». Но если ты будешь держаться со мной, мы можем найти путь покороче.

— Хорошо, тогда дергай шнур.

Лэйни дернула.

Ручка двери опустилась и щелкнула. Одновременно что-то начало стрелять: с потолка в форме конуса посыпались усыпляющие пули и буквально засыпали площадку, где мог бы стоять тот, кто потянул бы за

ручку. В коридоре завывла сирена: громко, хрипло и до боли знакомо.

Лэйни от неожиданности отпрыгнула назад, ударилась о стену. Дверь приоткрылась на несколько дюймов.

— Туда, — закричала она и нырнула внутрь, Мэт за ней.

Звук усыпляющих пуль затерялся в вое сирены. В комнате Мэт увидел четырех человек, которые стояли прямо напротив двери и целились в них. Они все еще стреляли, когда Лэйни упала.

— Обречены? На самом деле? — Даже для самого Гарри этот вопрос прозвучал глупо. Но он и не ожидал легкой капитуляции. — Сколько Детей Земли там?

— Я не знаю.

— Я не могу сказать вам, — сказал Миллард Парлет. — Меньше четырех сотен. На всей Удивительной Горе менее семисот активных повстанцев. Триста лет вы и ваш род пытаетесь организовать восстание. У вас ничего не выходит.

— Да, мало.

— Вы набираете повстанцев из колонистов, естественно. Ваша беда в том, что большинство колонистов на самом деле не хотят, чтобы Экипаж потерял контроль над Плато. Они счастливы быть такими, какие они есть. Ваши доводы непопулярны. Я уже пытался объяснить почему; позвольте попробовать еще раз. — С видимым усилием он переместил руки так, чтобы сложить их на коленях. Мышцы на его плечах время от времени подергивались. — Не потому, что они думают, что не могли бы справиться лучше Экипажа, если правление перейдет в их руки. Все всегда так думают. Они боятся полиции, да, и они не рискуют своей жизнью ради перемен, притом что полиция обладает всем оружием на Плато и контролирует всю электроэнергию.

— Но не в этом дело. Дело в том, что они по-настоящему не думают, что порядок, установленный Экипажем, неправильный.

— Все зависит от банков органов. С одной стороны, банки органов — это страшная угроза, не только наказание смертью, но и ужасный способ смерти. С другой стороны, банки — это обещание. Любой, кто заслуживает этого и может заплатить, даже колонист, может получить

медицинское лечение в Госпитале. Но без банков органов не было бы лечения. Люди умирали бы.

— Знаете ли вы, что сделали бы ваши повстанцы, если бы могли поставить Экипаж на колени? Некоторые настаивали бы на том, чтобы банки органов были запрещены. Их бы убили или изгнали из общества их собственные товарищи. Большинство сохранило бы банки такими, какие они есть, но использовали бы членов Экипажа для их наполнения!

Его шея стала теперь сильнее, и он поднял голову навстречу внимательным взглядам. Хорошие слушатели. В конце концов ему удалось поймать их на удочку.

— До сих пор, — продолжал он, — вы не могли поднять восстание, потому что не могли убедить достаточно бойцов в том, что ваша цель справедлива. Теперь вы можете. Теперь вы можете убедить колонистов Удивительной Горы, что банки органов являются и должны стать ненужными. Потом подождите немного. Если полиция не распадется, принимайтесь за дело.

Гарри Кейн сказал:

— Это в точности то, о чем я думал, только вы, кажется, опередили меня. Почему вы называли меня глупцом?

— Вы сделали глупое предположение. Вы думали, что я пытался сохранить в секрете груз робота. Как раз наоборот. Сегодня днем я...

— Наконец-то до меня дошло, — сказал Худ. — Вы решили встать на сторону победителей, не так ли, Парлет?

— Вы дурак. Грязный колонистский дурак!

Джей Худ вспыхнул. Он выпрямился, опустив руки по бокам и сжав кулаки. Он был так же зол, как и Парлет. Старик попытался подняться, и каждый мускул его тела задергался. Он сказал:

— Вы так плохо обо мне думаете, что считаете, будто я могу руководствоваться подобными мотивами?

— Перестань, Джей. Парлет, если у вас есть что сказать, говорите. Если мы делаем неверные заключения, пожалуйста, считайте, что вы плохо выражаете свои мысли, и не пытайтесь переносить вину на других.

— Почему бы вам всем не посчитать до бесконечности? — предложила Лидия Хэнкок.

Парлет заговорил медленно и ровно:

— Я пытаюсь предотвратить кровавую бойню. Это вам понятно? Я пытаюсь предотвратить гражданскую

войну, которая погубила бы половину населения этого мира!

— У вас не получится, — сказал Гарри Кейн. — Война приближается.

— Кейн, разве вы, я и ваши друзья не можем разработать новую... конституцию для Удивительной Горы? Ясно, что существовавший до сих пор свод законов не будет действовать дальше.

— Конечно.

— Я сегодня выступал с речью. По-моему, я практически все эти проклятые сутки занимаюсь только разговорами. Днем я созвал чрезвычайную сессию — протащил это решение через Совет. Знаете ли вы, что это значит?

— Да. Это значит, что вы разговаривали с каждым членом Экипажа, живущим на Плато.

— Я рассказал им, что было в капсуле Робота-разведчика № 143. Я показал им все. Сказал о проблеме банков органов и об отношении между этикой и технологией. Я сказал им, что, если тайна капсулы робота когда-либо станет известной колонистам, все колонисты восстанут. Я чертовски хорошо постарался, Кейн, чтобы заставить их души уйти в пятки... Я знал с самого начала, что нельзя хранить эту тайну вечно. Теперь, когда тридцать тысяч людей знают ее, она выйдет наружу еще быстрее, даже если бы нас всех убили сию секунду. Я сделал все это, Кейн, чтобы предупредить их. Напугать. Когда они поймут, что тайны не существует, они могут испугаться и пойти на уступки. Умные пойдут... Я планировал это давно, Кейн. Я даже не знал, что пошлет нам Земля. Это могла быть регенерационная сыворотка или формулы дешевых аллопастных компонентов, даже новая религия. Все что угодно. Но что-то ожидалось, и вот оно доставлено, и, Кейн, мы должны постараться остановить кровопролитие. — Исчезли неровное дыхание Парлета и его неуклюжие попытки заставить губы и язык работать несмотря на последствия воздействия парализатора. Его голос был ровным и живым, поднялся и падал, слегка хриплый, но поразительно искренний. — Мы должны постараться. Возможно, нам удастся найти что-то такое, на что согласятся и Экипаж и колонисты.

Он замолчал, и три головы кивнули почти одновременно.

БЕСЕДА С НАЧАЛЬНИКОМ ПОЛИЦИИ

Он увидел четырех охранников и Лэйни, которая медленно оседала на пол. Он хотел повернуться и убежать, но в этот момент раздался пронзительный звон. На секунду ему показалось, что он находится в середине церковного колокола. Оглушенный, он инстинктивно отскочил в сторону, ибо сообразил, что впереди, в зале, должно быть, действуют лучи акустического парализатора.

— Закрой эту проклятую дверь! — резко прозвучал чей-то голос. Один из охранников поспешно выполнил приказание. Мэт уже начал чувствовать последствия действия парализатора: его колени подгибались, а ноги стали ватными. Он с ненавистью смотрел на своих четырех врагов.

Один из них наклонился над Лэйни:

— С ума сойти, она пробралась сюда совершенно самостоятельно. Но где, черт подери, она достала платье?

— Очевидно, сняла с кого-либо из членов Экипажа.

Другой охранник громко рассмеялся.

— Заткнись, Рик, — грубо оборвал его первый из говоривших. — Давай-ка лучше помоги мне посадить ее на стул.

— У нее охотничье ружье. Хотел бы ты, чтобы тебя подстрелили, как дичь?

— Она явилась как будто специально для того, чтобы попасть в вивариум. А обычно нам самим приходится затаскивать их сюда.

Снова громкий смех.

— Газовая бомба не взорвалась. — Один из охранников пнул ногой металлический каркас. И вдруг из него с шипением пошел газ.

— Маски, скорее!

Каждый из охранников вытащил из кармана что-то, напоминавшее накладной резиновый нос.

— Надо было сделать это раньше. Если нам удастся наполнить всю комнату газом, то любой, кто войдет сюда, мгновенно свалится замертво.

Для Мэта эти слова прозвучали как сигнал. Он задержал дыхание уже с того момента, как услышал шипение выходящего из бомбы газа, а теперь неожиданно подскочил к ближайшему от него охраннику и сдернул

с него маску. Охранник от удивления разинул рот, взглянул прямо на Мэта и вдруг рухнул на пол.

У маски была узкая тесемка, позволявшая закрепить ее вокруг шеи, а сам накладной резиновый нос был смазан по краям клейким веществом, что позволяло маске плотно прилегать к коже вокруг носа. Мэт быстро надел это приспособление и стал дышать через маску. С непривычки дышать через маску было довольно трудно, а ощущать на носу посторонний предмет было неприятно.

— Рик? Ох уж этот мне идиот. Куда же, черт подери, он задевал свою маску?!

— Я уверен, что этот подонок забыл взять ее с собой.

— Пожалуйста, соедините меня с майором Дженсен-ном, — сказал один из охранников в переговорное устройство.

— Сэр, какая-то девчонка пыталась уничтожить ви-варий. Да, колонистка, но в одежде одного из членов Экипажа... Да, сэр, она пришла сюда одна... Сейчас она спит в одном из кресел. Мы подумали, что, поскольку, она пошла на такие ухищрения, чтобы добраться сюда...

Мэт все еще чувствовал себя неуверенно, хотя, очевидно, дверь защитила его от парализующих лучей. Но, может быть, в него попала одна из усыпляющих пуль, а он этого не заметил?

Он нагнулся над Лэйни. Она была без сознания. Естественно, ведь в нее попало несколько усыпляющих пуль, ее легкие наполнились газом, а ритмично пульсирующий электрический ток проходил через ее мозг, заставляя спать.

Он нашел три проводка, идущие от надетого на ее голову шлема, и оборвал их. Теперь Лэйни напоминала бомбу замедленного действия: она вернется к жизни, когда закончится действие снотворных препаратов. И тогда, очевидно, начнется пальба, так как в комнате были вооруженные охранники.

— Да, еще, сэр. В нашем помещении полно газа. Мы думаем, что это неплохо... Нет, сэр, мы не проверяли. Если вы выключите парализаторы, то я посмотрю. — Он повернулся к одному из своих товарищей. — Уотс, проверь-ка, нет ли мертвых тел в зале.

— Но ведь зал в зоне действия парализаторов.

— Их уже отключили. Давай, действуй.

Из кармана упавшего без сознания охранника выглядывала шариковая ручка. Мэт схватил ее и быстро

нарисовал на лбу охранника сердце, из которого на его нос стекали три капли крови.

Охранник по имени Уотс приоткрыл дверь и не почувствовал воздействия парализаторов. Он открыл дверь шире.

— Эй, — крикнул он, выскользнул из двери и подбежал к телу Фокса. — Здесь только охранник без сознания.

— Проверь, точно ли это наш охранник.

Уотс стал ощупывать карманы Фокса. Один раз он обернулся, когда Мэт неслышно проскользнул мимо него, затем продолжил свои поиски.

— Это Элейн Мэтсон, — сказал Джезус Пиетро. — Должно быть, это она. Она точно была одна?

— Если бы с ней кто-нибудь был, он был бы в таком же состоянии. Так что я думаю, что она была одна, сэр.

Это было вполне логично, что, впрочем, едва ли могло служить гарантией истинности, подумал Джезус Пиетро.

— Благодарю вас, майор Дженсен. А как идут дела у поисковых групп?

— Они никого не обнаружили, сэр. Они все еще находятся на плато Альфа. Сообщить вам, как далеко они продвинулись?

— Да. Узнай и позвони мне. — Он повесил трубку и нахмурившись откинулся на спинку кресла.

Мятежники должны находиться где-то на плато Альфа. Не может быть, чтобы они все участвовали в атаке на Госпиталь.

Элейн Мэтсон поймана. Очень хорошо. Вероятно, именно она произвела тот странный взрыв, чтобы замаскировать свое проникновение в Госпиталь. Может быть, она была в форме Специальной полиции? Возможно. Она могла незаметно подкрасться к какой-либо женщине из членов Экипажа и раздобыть себе более подходящую одежду.

Может быть. Может быть.

Он взял досье номер шесть, которое лежало отдельно, недалеко от пистолета. Вот основные сведения о жизни Полли Торнквист:

Родилась двадцать два года тому назад; первенец в семье, не имевшей, насколько известно, связи с организацией «Дети Земли». У ее отца была пересадка глаза из банка органов, после того как он потерял свой

собственный глаз во время рыбной ловли. Вполне добропорядочный колонист. Прекрасный семьянин.

Переведена на плато Дельта в четвертый сектор. Окончила местный университет с прекрасными оценками. Именно там Полли встретила Джея Худа. Джей был ее первой любовью. Хотя это странно. Ведь Худ совсем не красавец. Маленький, тощий, некрасивый на вид — но некоторым девушкам нравятся умные мужчины.

Полли закончила среднюю школу и колледж и стала работать на плато Дельта на электростанции. Любовная связь с Худом, очевидно, вскоре переросла в дружбу. Но в то же время она уже стала членом организации «Дети Земли». Она начала борьбу с властями. Если бы ее отец узнал об этом, он бы выгнал ее из дома. Посмотреть только на решительное выражение его лица... Если бы не это решительное выражение лица, он, пожалуй, был бы похож на Джея Худа.

Все эти сведения были очень полезны. Особенно теперь, когда Полли проходила «лечение гробом» в течение тридцати часов. Если теперь заговорить с ней, то она, несомненно, прислушается к этому единственному средству сенсорного воздействия в ее положении. И поверит в то, что ей скажут. Так же как верили в это другие. Особенно если говорящий сумеет правильно использовать упоминание о некоторых событиях из ее прошлого.

Но сейчас ей придется еще немного подождать. Сначала надо было разобраться с членами организации «Дети Земли». Один уже вернулся, еще четверо должны за ним последовать... Джезус Пиетро протянул руку к чашке с кофе и обнаружил, что кофе уже остыл.

В его голове крутился какой-то неясный вопрос. Он нахмурился и решил отложить обдумывание этого вопроса на потом. А пока он нажал на кнопку переговорного устройства, соединявшего его с комнатой секретаря, и сказал:

— Мисс Лоэссон, пожалуйста, принесите мне еще кофе.

— Сэр, вы уверены, что хотите еще кофе? Мне кажется, что количество выпитого вами сегодня кофе могло бы покрыть вас с головой.

— Я сказал, принесите кофе. И потом... — В его голове снова засверлила эта неотвязная мысль, и он быстро добавил: — Принесите мне досье Мэтью Келлера. То досье, которое находится в картотеке умерших.

Она пришла ровно через минуту, стройная, несколько холодная блондинка, неся в одной руке досье Келлера, а в другой кофейник с кофе. Он тотчас же открыл досье. Мисс Лоэссон посмотрела на него, собираясь что-то спросить, но поняла, что он не будет слушать, и вышла из кабинета.

Мэтью Келлер. Родился... Получил образование... Стал членом организации «Дети Земли» в десятом месяце две тысячи триста восемьдесят четвертого года, уже будучи немолодым. Почему так поздно? И зачем он вообще это сделал? Он стал профессиональным убийцей и вором, работающим по приказу организации. Убивал офицеров Специальной полиции, которые имели неосторожность зайти в район проживания колонистов небольшими группами. Вор? Черт подери! Не мог ли Келлер-старший украсть у полиции эту летающую машину? Ту, на которой Келлер-младший слетел прямо в бездну? Помнится, Келлер-старший был пойман в секторе двадцать восемь на плато Бета в четвертом месяце две тысячи триста девяносто седьмого года; он был обвинен в измене, и его тело было расчленено в банке органов. «О, Джезус Пиетро, ты же кривишь душой сам перед собой. Ведь половина Госпиталя знает, что он при аресте сбежал, достиг края бездны и бросился туда в туман и невыносимый огонь».

Джезус Пиетро выплеснул остатки холодного кофе в корзину для бумаг, налил себе чашечку свежего кофе и отхлебнул немного.

Вдруг краем глаза он заметил, что где-то промелькнула тень человека. Послышался шум. Кто-то находился в его кабинете. Чашка непроизвольно подпрыгнула в его руке и рассекла верхнюю губу. Он быстро поставил чашку на стол и резко обернулся, но никого не увидел.

Он снова начал изучать досье. Мэтью Келлер-старший. Какой дурацкий каприз заставил его попросить принести это досье? Ведь Келлер давно мертв. Смертельно раненный, он все же успел добраться до края бездны, и за какую-то долю секунды до...

— Кастро.

Джезус Пиетро, вздрогнув, поднял голову.

Затем он снова посмотрел на стол. На глаза ему попались доклады о лечении... Не слишком радостные, но и ничего такого, от чего можно было бы прийти в отчаяние. Конечно, многие люди получили ранения во время массового бегства, но ведь некоторые из них могут

быть спасены. К счастью, банки органов были полны. А если понадобится, их можно будет пополнить за счет органов людей, находящихся в виварии. Постепенно, по мере того как у хирургов будет свободное время. Зачем торопиться и делать все сразу?

— Кастро!

Подбородок Джезуса Пиетро дернулся, но он в последний момент сдержал себя и не поднял глаза. Он уже осматривал комнату раньше, не так ли? Был слышен какой-то шум... и кто-то назвал его по имени... а что, черт побери, этот кто-то делал в его личном кабинете без доклада? Его взгляд медленно переместился к краю стола...

У края стола стоял кто-то в одежде, которую обычно носили члены Экипажа.

Но одежда была помятой, грязной и плохо сидела на этом человеке. Пальцы рук, которые лежали на краю стола, были с грязными ногтями. Несомненно, это колонист в одежде члена Экипажа. В кабинете Джезуса Пиетро. Он сумел пройти сюда мимо мисс Лоэссон и оказался здесь без доклада.

— Это вы?

— Да, а где она?

— Вы Мэтью Келлер?

— Да.

— Как вы проникли сюда? — До сих пор ему как-то удавалось сдерживать охватившее его волнение, и он гордился этим.

— Это не ваше дело. Где она?

— Кто?

— Не притворяйтесь. Где Полли?

— Я не могу ответить вам на этот вопрос. И ни на какой другой, — сказал Джезус Пиетро. Он, не отрываясь, смотрел на золотую пряжку на поясе украденного этим человеком костюма.

Где-то на периферии своего поля зрения он увидел, как две большие, не слишком чистые руки тянутся к его правой руке. Его посетитель сильно нажал на руку. Джезус Пиетро запоздало попытался отдернуть ее, но не смог. Он увидел, как человек схватил его средний палец и резко выгнул его назад.

Боль была нестерпимой. Джезус Пиетро открыл рот и хотел было уже умолять...

Когда боль пронзила его руку, он как раз тянулся за досье Полли Торнквист. Теперь он отдернул руку, как

будто получил ожог. Естественный рефлекс. Его средний палец торчал теперь под прямым углом.

— Боже мой, как это было больно!

— Итак, Кастро?

Кастро почувствовал, что кто-то или что-то находится в его кабинете, что-то или кто-то, обладающий силой заставлять людей забывать о нем. Он снова повторил:

— Это ты?

— Совершенно верно. Так где же Полли Торнквист?

— Ты — Мэтью Келлер, и ты пришел за мной.

— Не изображай из себя дурака. Где Полли?

— Это ты был в машине, которая атаковала Госпиталь и затем нырнула прямо в бездну...

— Да.

— Так как же...

— Затнись, Кастро. Немедленно отвечай — где Полли? Она жива?

— От меня ты не получишь никакой информации. Но скажи мне все же, как ты выбрался из бездны.

— Я сумел поднять машину наверх.

— Да нет, я имею в виду в первый раз.

— Кастро, я могу сломать тебе каждый палец по очереди на обеих руках, если ты мне не скажешь, где Полли. Она мертва?

— Ты думаешь, я буду в состоянии говорить с тобой, если ты это сделаешь?

Келлер минуту поколебался. Затем обеими руками вывернул назад еще один палец на правой руке Кастро. Джезус Пиетро вскрикнул от боли и скрюченными пальцами потянулся к глазам...

Он как раз изучал доклады, когда его правую руку пронзила резкая боль. К своему удивлению, он обнаружил, что два пальца вывернуты и неестественно торчат под прямым углом.

Стиснув зубы, чтобы сдержать рвавшийся наружу крик, Джезус Пиетро включил переговорное устройство и сказал:

— Мисс Лоэссон, вызовите мне врача.

— Что случилось?

— Просто вызовите врача... — Краем глаза он уловил какое-то движение. Кто-то находится в его кабинете!

— Да, вы правы, — сказал голос. — Я не могу вырвать у вас признание с помощью пыток.

Какие-то смутные воспоминания промелькнули в

голове Кастро. Они велели ему не поднимать глаз. Он сказал:

— Это ты?

— Опять ты за свое.

— Ты, Мэтью Келлер?

Молчание.

— Ответь мне, черт тебя побери! Как ты выбрался из бездны?

Две руки снова схватили правую руку Джезуса Пиетро. Его лицо исказилось от боли, он схватил пистолет и стал дико озираться, ища цель.

Он поднял глаза только когда вошел доктор...

— Нет смысла делать пересадку пальцев, — сказал доктор. — Они не сломаны, а только вывихнуты.

Он вправил пальцы и наложил на них шину.

— Как, черт возьми, это случилось?

— Я не знаю.

— Вы не знаете? Вы вывихнули два пальца, и вы не можете вспомнить...

— Оставьте меня в покое. Я же сказал вам, что не могу вспомнить, что произошло с моей правой рукой. Но мне кажется, что здесь не обошлось без привидения из преисподней, которое имеет какое-то отношение к Мэтью Келлеру.

Доктор как-то странно посмотрел на него и вышел.

Джезус Пиетро задумчиво посмотрел на свою правую руку, которая была забинтована и висела на перевязи. Так, хорошо. Он искренне не мог вспомнить, что случилось.

Поэтому он продолжал все время думать о Мэтью Келлере.

Но почему он думал о Полли Торнквист?

Наступило уже время для следующей фазы ее лечения. А может быть, он уже просрочил время? Но она же может подождать? Конечно, может, ничего с ней не делается.

Он отпил немного кофе. Слишком холодный. Он вылил кофе назад в кофейник и заново наполнил чашку.

Его рука не слушалась.

Почему он все время думает о Полли Торнквист?

— Стоп! — Он неуклюже поднялся с кресла, ему мешала завязанная рука. — Мисс Лоэссон, — сказал он, наклонившись к переговорному устройству, — вызовите мне двух охранников. Я собираюсь пойти на «Планк».

— Хорошо, сэр.

Он потянулся за пистолетом, лежавшим на столе, и вдруг что-то привлекло его внимание. Это было досье Мэтью Келлера-старшего. Его желтоватая обложка была изуродована неумелым рисунком.

Две полуарки, соединенные вместе и нарисованные черными чернилами. А под ними три маленькие кляксы, напоминавшие перевернутые запятые.

Кровоточащее сердце! Несомненно, этого символа здесь раньше не было.

Джезус Пиетро открыл досье. Он вдруг почувствовал запах пота, который от мгновенного испуга выступил у него на спине и промочил рубашку. Можно было подумать, что он пребывает в страхе уже несколько часов.

Фотографии в досье. Анфас и в профиль. Голубые глаза, светлые волосы, кожа, начинающая морщиться от возраста...

Что-то неопределенное снова шевельнулось в глубине сознания Джезуса Пиетро. И уже через секунду лицо в досье стало казаться более молодым. Выражение лица тоже слегка изменилось, теперь оно казалось более испуганным и вместе с тем более злобным. На воротнике рубашки была видна засохшая кровь, а кусочек мочки уха был оторван.

— Ваши охранники в приемной, сэр.

— Благодарю вас, — сказал Джезус Пиетро.

Он в последний раз взглянул на фотографии Келлера-старшего и закрыл досье. Прежде чем выйти из кабинета, он положил в карман свой пистолет.

— Я хотел бы предупредить Лэйни, — сказал Гарри Кейн. — Ведь это меняет все дело.

— Ты же еще не знаешь, что надо ей сказать. Вот, возьми-ка это. — Миссис Хэнкок подала ему поднос, на котором стоял кувшин с разогретым сидром, а затем достала четыре кружки.

Они сидели на кухне, а Худ и Миллард Парлет были в гостиной. Парлет с помощью Джея Худа с трудом добрался сюда и сразу упал в кресло.

Казалось, пришло время немного переждать.

Ветер завывал за занавешенными окнами. Для четырех заговорщиков, сидевших у камина и потягивающих теплый сидр со специями, эта темная комната казалась надежным пристанищем. Хотя и временным.

— Вы думали об этом плане дольше, чем мы, —

сказал Гарри. — Мы никогда и не мечтали, что сможем найти компромисс с Экипажем. Что вы предлагаете нам?

— Прежде всего амнистию для всех членов организации «Дети Земли», для вас лично и для всех тех, кто все еще находится в виварии. За это мы ничего не потребуем. Просто мы нуждаемся в вашей помощи, ибо как только колонисты потеряют веру в Экипаж, вы станете единственной силой, способной удержать порядок и законность в местах проживания колонистов.

— Но это будет означать резкую перемену вашей политики.

— Сейчас нам нужно обсудить три связанные с этим медицинские проблемы, — сказал Миллард Парлет. — Трансплантацию органов, материалы, доставленные Роботом-разведчиком с Земли, и методы повседневного лечения. Вы уже имеете некоторый доступ к медицинским препаратам, используемым на станциях медицинского контроля. Мы собираемся расширить этот доступ. Я уверен, что мы разрешим вам иметь практически неограниченный доступ к лекарствам, используемым при заболевании сердца, печени и других органов. Мы позволим колонистам приходить в Госпиталь для лечения с помощью новых препаратов, доставленных с Земли. А потом мы построим бункеры для создания новых лекарственных препаратов на плато Гамма, Дельта и Эта.

— Хорошо, а как насчет банков органов?

— Так, — Миллард Парлет обхватил руками свою щедедушнюю грудь и уставился на огонь. — В этом отношении я еще не строил никаких планов, потому что я не знаю, какие технические перемены нас ожидают. А что вы думаете по этому поводу?

— Надо запретить все банки органов, — твердо сказала миссис Хэнкок.

— Выбросить тонны органических трансплантантов? Просто разбросать их по траве?

— Да!

— А вы также сможете отменить и преступления? Ведь банки органов являются единственным способом наказания воров и убийц. Вы же знаете, что на планете Удивительная Гора нет тюрем.

— Так постройте тюрьмы! Вы уже достаточно долго убивали нас!

Парлет с сомнением покачал головой. В их разговор вмешался Гарри Кейн:

— Нет, так дело не пойдет. Послушай, Лидия, я

понимаю твои чувства, но этого нельзя делать. Если мы начнем уничтожать материал для пересадки органов, мы настроим против себя многих жителей планеты. Пойми, мы не можем отменить казнь с помощью расчленения тела на органы, во-первых, потому, что тотчас же возрастет количество преступлений, а во-вторых, потому, что на планете живет достаточно много членов Экипажа, которые, как, скажем, Парлет, нуждаются в трансплантации органов для того, чтобы жить. Если мы сделаем то, о чем ты говоришь, то это будет равносильно объявлению междоусобной войны.

Лидия повернулась к Худу и умоляюще посмотрела на него.

— Я пас, — сказал Худ. — Но я думаю, вы все упускаете одну вещь.

— Какую? — спросил Гарри.

— Я еще не уверен в том, что мне пришло в голову. Поэтому продолжайте пока обсуждать ваши проблемы. А я скажу, когда буду готов.

— Я ничего не понимаю, — сказала Лидия. — Как вы можете так рассуждать! За что же мы боролись? За что же мы умирали? Ведь главным образом за то, чтобы уничтожить банки органов!

— Подождите, миссис Хэнкок, вы кое-что не учитываете, — сказал Парлет мягко. — Дело не в том, что Экипаж или колонисты не согласятся с вами (хотя я уверен, что они не согласятся), дело в том, что лично я не позволю вам уничтожить банки органов.

— Да ну?! — произнесла Лидия с безграничным презрением. — Тогда, боюсь, вам самому придется умереть.

— Я готов. Но ведь именно вы нуждаетесь во мне.

— Вы так думаете? Да чем же вы будете нам полезны? Ведь вы способны только давать советы.

— У меня есть небольшая армия, состоящая более чем из сотни моих прямых потомков. Они все готовились к этому дню в течение долгого времени. Возможно, не все из них последуют за мной, но большинство беспрекословно будет выполнять мои приказы. Все они вооружены.

Лидия вздохнула расстроенная.

— Мы постараемся сделать все, что в наших силах, миссис Хэнкок. Мы не можем полностью уничтожить банки органов, но мы наверняка уничтожим несправедливость.

— Что нам надо сделать в первую очередь, — сказал Гарри, — так это точно установить правила первоочередного использования того, что в настоящее время находится в банках органов. Их должны получать те, кто заболел первым. Я надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду. А между тем, мы займемся составлением нового свода законов, где будет сказано, что любой член Экипажа будет иметь такую же возможность попасть в банк органов, как и любой колонист.

— Не ставьте вопрос так жестко, Кейн. Помните, что мы должны постараться удовлетворить интересы обеих групп.

— Вот еще! — воскликнула Лидия Хэнкок, и было трудно сказать, собиралась ли она при этом заплакать или начать драться.

Кейн, миссис Хэнкок и Парлет сидели за кофейным столиком, наклонившись друг к другу и сжимая в руках кружки с сидром, о котором они в ходе дискуссии совсем позабыли. Худ же сидел немного в стороне и не принимал участия в споре. Казалось, он чего-то ждал.

— Самое главное, — сказал Парлет, — это то, что мы можем сделать всех равными перед законом. Мы вполне можем этого добиться, если не объявим перераспределения собственности. Вы согласны с этим?

— Не совсем.

— Но это же вполне логично. Все будут равны перед судом. Суд будет признавать преступлением только серьезные нарушения закона. Конечно, чем больше у человека собственности, тем меньше вероятности, что он захочет совершить преступление. И это в известной мере будет защищать членов Экипажа и вместе с тем даст некоторый выигрыш колонистам.

— Да, это звучит разумно. Но все же у нас есть еще несколько требований.

— Так выкладывайте их.

— Нам нужны собственные источники электрической энергии.

— Хорошо. Мы будем снабжать вас электроэнергией бесплатно, до тех пор пока не будут построены электростанции на плато Гамма и Дельта. Я думаю, что там можно будет построить гидроэлектростанции на реках Мутная и Большой Водопад.

— Так. Кроме того, мы хотим, чтобы нам был гарантирован свободный доступ к банкам органов.

— Это посложнее. Видите ли, банк органов похож на

любой другой банк. Вы не можете взять из него больше, чем вы в него вкладываете. А у нас получится так, что преступников станет меньше, а количество нуждающихся в пересадке органов увеличится за счет больных колонистов.

Худ стал раскачиваться на задних ножках стула, опершись ногами о край стола. Его глаза были полуприкрыты, и вообще у него был вид человека, погруженного в грезы.

— Тогда надо будет прибегнуть к жребию. А пока надо будет провести дополнительные медицинские исследования, финансируемые членами Экипажа. И нужно ограничить власть Специальной полиции над колонистами. Ибо...

— Но ведь они же полицейские. Их задачей является поддержка ваших же законов.

— Парлет, вам когда-нибудь приходилось быть свидетелем того, как полиция врывается в ваш дом, пробив стенку, и стреляет в вас усыпляющими пулями или сонным газом, а также вытаскивает на свет ваших уборщиков и превращает в сплошное месиво газон перед вашим домом?

— Нет, я же никогда не был бунтовщиком.

— Черт побери, как вы спокойно об этом говорите.

Парлет улыбнулся, и это сделало его лицо похожим на лицо мертвеца.

— Меня никогда не ловили.

— Дело в том, что Специальная полиция может поступить так с любым колонистом. И она это делает время от времени. А хозяину дома, который так пострадал от неожиданного рейда, не приносят даже никаких извинений, в том случае, если у него не найдут никаких доказательств преступления.

— Я совсем не хотел бы ограничивать функции полиции, потому что это привело бы нас к настоящему хаосу. — Парлет сделал большой глоток из кружки с сидром. — Но хорошо, а как же мы это сформулируем? Помнится, что на Земле существовала такая вещь, как ордер на обыск. Это не позволяло полиции входить в дом без достаточных оснований, то есть без доказательств, которые могли бы быть предъявлены судье.

— Неплохо звучит.

— Я могу уточнить некоторые детали в библиотеке.

— И последнее. В настоящее время Специальная

полиция обладает исключительными правами по отношению к узникам. Полицейские ловят их, принимают решение об их виновности и отправляют в Госпиталь на расчленение. Нам следует подумать, как можно разделить эти функции, лишив таким образом полицию ее монопольных прав.

— Я уже думал об этом, Кейн. Мы можем издать закон о том, что ни один человек не может быть казнен, пока комиссия из десяти человек, по крайней мере, не признает, что он виновен. Из них пять колонистов и пять членов Экипажа, если в преступлении участвовали и те и другие. В противном случае, суд будет производиться только пятью людьми, принадлежащими к той же социальной группе, что и преступник. Все судебные процессы должны быть гласными и должны транслироваться по одному из специальных информационных каналов.

— Да, это звучит...

— Я так и знал. — Джей Худ ринулся в дискуссию, с шумом опустив передние ножки стула на пол. — Осознаете ли вы, что все, о чем вы рассуждаете, нанесет ущерб власти Госпиталя?

Парлет нахмурился:

— Возможно. Но какое это имеет значение?

— Вы рассуждаете так, как будто на Удивительной Горе существуют только две группы, претендующие на власть. Но их же три! Вы, мы и Госпиталь. И, между прочим, Парлет, Госпиталь имеет больше всего власти. Вы изучали действия «Детей Земли» Бог знает сколько времени. А сколько времени вы потратили на изучение действий Джексона Пиетро Кастро?

— Я знаю его в течение долгого времени, — задумчиво произнес Миллард Парлет. — Он очень компетентный работник, но мне не известно, как он отнесется к тому, о чем мы говорим.

— Я думаю, Гарри знает это. Гарри, что сказал бы Кастро, если бы мы попытались ограничить функции возглавляемой им полиции?

— Я не понимаю вас, — сказал Миллард Парлет. — Кастро вполне лояльный человек. Он никогда не совершал никаких поступков, которые были бы во вред Экипажу. Может быть, я не очень хорошо знаю его лично, но я точно знаю, что он сам считает себя преданным слугой

Экипажа. Поэтому все, что примет Экипаж, он также примет, не рассуждая.

— Черт возьми, — сказал Гарри Кейн, — Худ, конечно, прав. Я ведь знаю Кастро лучше, чем своего собственного отца. Но я как-то до сих пор не думал об этом.

— Джезус Пиетро Кастро очень хороший, преданный...

— Слуга Экипажа. Да, это так. А теперь подождите минутку. Дайте мне сказать то, что я думаю по этому поводу. Прежде всего я хотел бы знать, какой части Экипажа он особенно предан.

Парлет презрительно фыркнул и потянулся за своей кружкой, но обнаружил, что она пуста.

— Он предан всему Экипажу, а не какой-либо его отдельной части, — сказал Гарри Кейн. — Более того, большую часть законов Экипажа он не любит. Я наверняка знаю, что он уважает вас, Парлет, и еще нескольких человек, соответствующих его идеалам, но его преданность распространяется на весь Экипаж, который он в целом идеализирует. Его представление о людях, которым он служит, сводится к следующему: члены Экипажа не сорят деньгами, вежливы по отношению к низшим по происхождению, умеют с ними хорошо обращаться и все время думают о благе колонистов.

А теперь давайте вернемся к реальности и посмотрим, чего мы хотим добиться в ближайшее время. Во-первых, отменить право Специальной полиции обыскивать наши дома без ордера на обыск. Во-вторых, лишить их права решать, кому из колонистов предоставить возможность трансплантации органов. В-третьих, только мы будем решать и сообщать полиции, кого они могут казнить, а кого нет. Кажется, все. Я ничего не забыл, Джей?

— Электроэнергия. Мы отнимем у Госпиталя монополию на снабжение планетян электроэнергией. Это все. Но эти изменения будут означать, что у полиции останется гораздо меньше обязанностей, и Джезусу Кастро придется значительно сократить свои ряды.

— Так, понятно. Но не думаете ли вы, что все члены Экипажа, живущие на Плато, согласятся с вашей программой?

— Нет, конечно, нет. Однако мы надеемся получить одобрение большинства, а этого уже будет достаточно для принятия политических решений.

— К черту большинство. Хотелось бы знать, чью сторону займет Кастро.

Парлет почесал в затылке и не спеша произнес:

— Я понял вас и считаю, что если вы правильно проанализировали характер Кастро, то, по всей вероятности, он примкнет к крылу консерваторов.

— Именно так он и поступит, можете мне поверить на слово. Он будет на стороне тех, кто ни за что не пойдет на компромисс с колонистами. А за ним пойдет вся полиция, так как он их начальник.

— И в их руках сосредоточено все оружие, — обреченно добавил Худ.

ГЛАВА 12

КОРАБЛЬ КОЛОНИСТОВ

Кровоточащее сердце Мэтью Келлера. Полли Торнквист. Почему Полли Торнквист?

Возможно, она не имеет отношения к случившемуся. Начиная с субботнего вечера она проходила «лечение гробом», подвергалась сенсорной депривации. Почему ему не дает покоя мысль об этой девушке-колонистке? В чем ее власть над ним, заставившая его покинуть свой кабинет в такое время? Подобного влечения он не чувствовал уже...

Он не мог вспомнить.

Охранник, шедший впереди, внезапно остановился, нажал кнопку в стене и отошел в сторону. Это заставило Кастро быстро вернуться к действительности. Они уже дошли до лифта.

Двери раздвинулись, и Джезус Пиетро вошел в кабину, оба охранника последовали за ним.

(Где Полли? Глубоко в мозгу что-то шептало: «Где она?» Подсознательно он все время помнил об этом. «Скажи мне, где Полли?»)

Кровоточащее сердце Мэтью Келлера. Полли Торнквист.

Либо он окончательно потерял голову — и подумать только, из-за колонистки! — либо между Мэтью Келлером и Полли Торнквист была какая-то связь. Но у него не было никаких оснований так думать.

Возможно, девушка могла бы ему все сказать. И если это так, то она непременно обо всем скажет.

Мэт шел за ними по коридору до самого тупика. Когда они остановились, Мэт, сбитый с толку, тоже встал. Идет Кастро к Полли или нет?

Двери раздвинулись, и три его проводника вошли внутрь. Мэт пошел было за ними, но остановился в дверях. Комната была слишком мала. Он бы задел их локти, и его бы подстрелили.

Двери закрылись у него перед носом. Мэт услышал приглушенный, удаляющийся шум работающих машин.

Что это, черт возьми, шлюзовая камера? Но почему здесь?

Он стоял в конце никуда не ведущего коридора, потерявшийся в центре Госпиталя. Начальник и два охранника были по ту сторону двери. Пусть бдительные и вооруженные до зубов, но они были его единственными проводниками. Мэт нажал большую черную кнопку, открывавшую двери. На этот раз двери не сдвинулись с места. Он нажал кнопку еще раз. Опять ничего.

Делал ли он точно то же, что и охранник? Быть может, тот пользовался каким-нибудь ключом или звуковым сигналом?

Мэт оглянулся туда, где коридор делал поворот, и спросил себя, сможет ли он найти дорогу назад к кабинету Кастро. Может быть, и нет. Он снова нажал кнопку.

Приглушенный шум работающих механизмов, еле различимый, но приближающийся.

Наконец двери открылись, и Мэт увидел крошечную комнатку, похожую на коробку и совершенно пустую.

Он вошел, слегка пригнувшись, готовый ко всему. С другой стороны дверей не было. Как же вышли те, другие? Ничего. Ничего, кроме кнопок с надписями «1», «2», «Двери открыты», «Аварийная остановка».

Он стал нажимать их по порядку. Кнопка «1» — никаких изменений. Он нажал на кнопку «2», дальше все произошло мгновенно.

Двери закрылись.

Комната пришла в движение. Он понял это, так как почувствовал вибрацию и странное давление на ступни ног. Он упал на четвереньки, стараясь не закричать.

Давление исчезло, но комната по-прежнему двигалась и тряслась, и по-прежнему слышался пугающий, незнакомый звук работающих механизмов. Мэт стоял на четвереньках, сжавшись в комок. Где-то внизу, в животе, появилось незнакомое ощущение — чувство падения. Коробка содрогнулась и встала.

Двери открылись. Он медленно вышел.

Он находился на высоком узком мостике. Движущаяся коробка находилась на одном конце моста и держалась на четырех вертикальных балках, уходивших вниз, прямо в квадратное отверстие в крыше Госпиталя. С другой стороны моста виднелись такие же балки, но пустые.

Мэт поднимался так высоко только в летающей машине. Внизу простирался сверкающий ослепительными огнями Госпиталь: беспорядочное переплетение комнат и коридоров, растянувшихся на значительное расстояние, внутренние площадки, наклонная стена, зона безопасности, полоса деревьев и грузовая дорога. Прямо перед Мэтом поднимался огромный черный корпус «Планка».

Край моста, на котором стоял Мэт, был расположен как раз перед внешним корпусом древнего корабля. Мост шел поперек кольца передней кромки, а его другой край был прямо над аттиком.

«Планк». Мэт посмотрел вниз, на металлический блок внешнего корпуса, черный и гладкий. По большей части корабль имел цилиндрическую форму; только задняя, хвостовая, часть несколько расширялась, а нос был скошенный, как долото, и наклонялся на тридцать градусов, чтобы закрыть шестидесятилитровую полость между внешним и внутренним корпусами, где располагались внутренние помещения. На полпути вниз, как раз под рядом узких окон, в корпус упиралась крышка Госпиталя.

Что-то загудело у Мэта за спиной. Движущаяся коробка спускалась вниз.

Мэт посмотрел, как она ушла, и потом направился вдоль моста, придерживаясь руками за низкие перила. Спуск коробки вниз мог означать, что кто-то собирается подниматься.

На другом конце моста Мэт поискал черную кнопку в одной из четырех опорных балок. Она была там, и он нажал ее. Затем он посмотрел вниз.

Аттик, пространство, ограниченное внутренним корпусом, был цилиндрической формы и походил на консервную банку без обеих крышек. На корме в нескольких метрах над землей образовывали крест четыре крепежные балки, и там, где они пересекались, торчал громоздкий, заостренный на конце кожух. Внизу, на середине внутреннего корпуса, находились четыре окна. Шлюзовая камера была на том же уровне. Мэт мог видеть ее между

корпусом и движущейся коробкой, которая поднималась к нему.

Мэт почувствовал холодок в груди, когда посмотрел вниз на заостренный кожух между четырьмя балками. Центр тяжести корабля находился прямо над кожухом. Следовательно, это должен быть ядерный двигатель.

Говорили, что «Планк» — опасное место, и не без причины. Корабль, который когда-то нес людей среди звезд, корабль, построенный триста лет назад, не мог не вызывать благоговейного страха. Но в нем была и реальная сила. Его двигатели, должно быть, еще достаточно сильны, чтобы нести его ввысь. Его реактор снабжал энергией все районы колонистов: передающие подстанции, дома, работающие на электроэнергии фабрики, — и если этот реактор когда-нибудь взорвется, то все плато Альфа будет сброшено в бездну.

Где-то в жилом пространстве, между наружным и внутренним корпусом, находились рычаги управления, которые могли взорвать бомбу в кожухе. Начальник полиции тоже был где-то там. Если бы удалось привести его к этим рычагам...

Движущаяся коробка дошла до верха, и Мэт вошел в нее.

Она спускалась долго. «Планк» был высоким. Даже скошенная передняя часть, в которой размещалось снаряжение и оборудование для будущей колонии, было сорока футов высотой. Сам корабль, включая посадочные двигатели, насчитывал сто восемьдесят футов, но внутренний корпус не доходил до земли. Корма и горловина двигателей висели на расстоянии десяти футов от земли, поддерживаемые расширяющимся наподобие юбки выступом внешнего корпуса.

Движущаяся коробка была на этот раз решетчатая. Мэт мог видеть все, пока спускался вниз. Если бы он страдал боязнью высоты, он бы сошел с ума прежде, чем коробка остановилась у шлюзовой камеры.

Шлюз был несколько больше движущейся коробки. Внутри он был из темного металла, и в нем Мэт увидел приборный щиток из розовато-голубого пластика. Мэта уже начало тошнить от всех этих светящихся циферблатов и металлических стен. Ему казалось странным и неприятным такое обилие металла повсюду, а постоянное стремление понять, что показывают все эти стрелки, действовало ему на нервы.

На потолке была какая-то конструкция. Мэт не сразу

понял, что это. Что-то простое и очень знакомое... А! Лестница! Совершенно бесполезная лестница шла по потолку шлюза от двери до стены.

Ну конечно! В космосе, во время полета, наружная дверь представляла собой люк, ведущий в шлюз из помещений корабля. Конечно, потребовалась бы лестница. Мэт ухмыльнулся, пересек шлюзовую камеру и чуть не столкнулся с полицейским.

У него не было времени воспользоваться «счастьем Мэта Келлера». Он нырнул обратно в шлюз. Он услышал, как щелкают усыпляющие пули, словно камешки по металлу. Через минуту полицейский выйдет из-за поворота и выстрелит в него.

Мэт крикнул единственное, что пришло ему в голову:
— Стой! Это я!

Охранник появился в ту же минуту, но он все не стрелял... и не стрелял... и наконец повернулся, пошел прочь с угрюмым видом, бормоча извинения. «Интересно, — подумал Мэт, — за кого он меня принял». Это не имело значения, полицейский уже забыл о нем.

Мэт решил пойти за ним, вместо того чтобы куда-нибудь свернуть. Ему казалось, что если охранник увидит двух человек, причем одного узнает, а на второго не обратит внимания, то он не станет стрелять, как бы ему ни хотелось нажать на курок.

Коридор был узкий и поворачивал влево. Пол и потолок были зеленого цвета. Стена слева — белая, с неприятно яркими лампами; стена справа — черная, шероховатая, резиновая, которая, очевидно, была раньше полом. И, что еще хуже, все двери в коридоре представляли собой люки либо в полу, либо в потолке. Двери в полу были в основном закрыты, и по ним шли широкие мостики. Двери в потолке были в большинстве открыты, и к ним вели лестницы. Все лестницы и мостики выглядели старыми и примитивными, еще времен первых колонистов, и все они были приварены к стенам.

Это выглядело жутко. Все на боку. Идешь словно в невесомости.

В некоторых комнатах наверху Мэт слышал звуки и голоса. Они для него были бессмысленными. Он не видел, что происходит наверху, да и не пытался увидеть. Ему нужен был только голос Кастро.

Если бы он смог притащить начальника полиции к рычагам управления реактором, где бы они ни находились, тогда бы он мог пригрозить, что взорвет «Планк».

Кастро не уступил под угрозой физической боли, но как он отреагирует на угрозу всему плато Альфа?

А ведь Мэту надо освободить лишь одного пленника.

...Это был голос Кастро. Он слышался не с потолка, а снизу, за закрытой дверью. Мэт наклонился и подергал ручку. Заперто.

Постучать? Но вся Специальная полиция сегодня настороже и готова стрелять во что угодно. В таком случае Мэт потеряет сознание и упадет намного раньше, чем стрелок потеряет интерес к нему. И никакой возможности украсть ключ или подобрать подходящий. Но он не может стоять здесь до бесконечности.

Если бы Лэйни была сейчас здесь...

Голос. Полли встрепелась и вся превратилась в слух — только она ничего не почувствовала, она даже не знала, сделала ли хоть одно движение.

Голос. Неопределенно долгое время у нее вообще не было никаких ощущений. Для нее существовали лишь смутные воспоминания и мысленные образы, да еще какое-то время она провела во сне. Кто-то всадил в нее обойму усыпляющих пуль. Она живо помнила эту боль. Но теперь она проснулась. Мозг отказывался служить ей, она не могла сосредоточиться. Она начала сомневаться в реальности своих воспоминаний. Лица друзей расплывались перед ее мысленным взором. Она вцепилась изо всех сил в воспоминания о Джее Худе, с его заостренным лицом ученого, которое легко удержать в памяти. Джей. В течение двух лет они были просто близкими друзьями, но последние два часа она безнадежно любила его, так как ясно могла воссоздать в мозгу лишь его лицо да еще лицо врага, широкое и бесстрастное, с яркими белоснежными усами, лицо, которое она ненавидела. Она слишком сильно старалась сделать образ Джея ярким и четким, чтобы он обрел плоть, выражение, значение. Но лицо стало расплываться. Она попыталась вернуть изображение — оно лишь сильнее расплылось.

Голос. Он владел всем ее вниманием.

— Полли, — говорил голос, — ты должна мне верить.

Она хотела ответить, выразить свою благодарность, попросить его говорить дальше, выпустить ее отсюда. Но она не могла произнести ни звука.

— Я хотел бы освободить тебя, вернуть тебя в мир чувств, ощущений, запахов, — сказал голос. Потом

нежно, с нотками сочувствия и сожаления, он добавил: — Я не могу сделать это прямо сейчас. Есть люди, которые заставляют меня держать тебя здесь.

Внезапно голос стал знакомым, убедительным. Она узнала его.

— Гарри Кейн и Джейхок Худ. Они не дают мне освободить тебя. — Это был голос Кастро. Ей хотелось закричать. — Потому что ты не выполнила задания. Ты должна была разузнать про Робота-разведчика №143. Ты этого не сделала.

«Лжец! Лжец! Я все сделала». Она хотела выкрикнуть ему в лицо правду, всю правду. В то же время она знала, что этого Кастро и добивается. Но она так давно не говорила!

— Ты пытаешься мне что-то сказать? Быть может, я сумею убедить Гарри и Джейхока освободить тебе рот. Ты этого хочешь?

«Я безумно этого хочу, — подумала Полли. — Я бы сказала все, что о тебе думаю». Что-то внутри нее по-прежнему оставалось рассудочным. Сон, это из-за него. Сколько времени она провела здесь? Не годы ведь, даже не несколько дней, ей бы захотелось пить. Если они только не вводили ей воду внутривенно. Но как бы долго она ни лежала здесь, часть времени она спала. Кастро не знал про парализующие пули. Он бы пришел намного раньше.

Где же голос?

Вокруг была тишина. Она чувствовала слабое биение пульса в сонной артерии; но пока она отчаянно прислушивалась, это биение тоже пропало.

Где же Кастро? Оставил ее гнить здесь?

Говори!

Говори со мной!

«Планк» был большой, но жилые помещения занимали меньше половины его объема: три ряда герметизированных камер между грузовыми отсеками наверху и резервуарами топлива и воды и ядерными двигателями — внизу. Требовалось перевезти значительный груз, чтобы основать самостоятельную колонию. Требовалось много топлива для посадки «Планка»; ведь посадить корабль на водородной бомбе, которую представлял собой ядерный двигатель, все равно что поднести зажженный фитиль к пороховой бочке.

Итак, жилая часть корабля была невелика. Но она не

была тесной, так как каюты в кормовой части должны были обеспечить необходимые удобства всего для трех семей.

Комната, в которой сейчас вел допрос Джезус Пиетро, когда-то была гостиной, с диванами, карточным столом, кофейным столиком, маленьким холодильником и экраном для чтения, соединенным с библиотекой корабля. Теперь здесь не было ни столов, ни остальных вещей, давно отпавших от стены. Когда-то это была большая комната, что можно считать роскошью для экипажа звездолета, где ценится каждый свободный метр. Она не могла не быть большой. Любой нормальный человек имеет право выйти из своей квартиры подышать свежим воздухом.

Теперь, лежа на боку, комната просто была высокой. Двери, которые вели в другие помещения, теперь оказались на стенах между полом и потолком. Бывшая дверь в коридор превратилась в люк, а до двери, находившейся прямо под ней и ведущей в чулан для запасных скафандров, можно было добраться только по лестнице. На полу, по форме представлявшем из себя полумесяц, располагались: длинная тяжелая коробка, два сидящих охранника, одно пустое кресло и Джезус Пиетро Кастро, закрывавший мягкий конец переговорной трубки в одном из углов коробки.

— Дадим ей десять минут, чтобы обдумать это, — сказал он, посмотрел на часы и засек время.

Загудел его радиотелефон.

— Я в виварии, — доложил майор Дженсен. — Девушка, естественно, из колонистов. Костюм украден. Мы еще не знаем, где она его взяла, но сомневаюсь, что ответ нас обрадует. Нам пришлось накачать ее лекарствами, она умирала от слишком большой дозы парализующих пуль.

— Никаких признаков того, что она пришла не одна?

— Я этого не говорил, сэр. Есть два момента. Первое, у кресла, в котором она сидела, были оборваны провода. Ее усыпляющий шлем не работал. Она не могла сделать этого сама. Быть может, поэтому один из пленников сегодня проснулся.

— И освободил остальных? Я этому не верю. Мы бы потом заметили эти провода.

— Согласен, сэр. Следовательно, кто-то оборвал провода уже после того, как она села в кресло.

— Может быть. А что второе?

— Когда в виварий пустили газ, у одного из полицейских не было респиратора. Мы нигде не смогли его найти; в его шкафчике пусто, и, когда мы позвонили его жене, она сказала, что он взял его с собой. Полицейский уже очнулся, но понятия ни о чем не имеет...

Какой смысл возиться с этим? Охранники еще не привыкли ни к газу, ни к респираторам.

— У того парня на лбу был знак, сэр. Такой же, как и вот тот на двери, только на этот раз он был нарисован шариковыми чернилами.

— Да?

— Это означает, что в рядах Специальной полиции есть предатель, сэр.

— Почему вы так думаете, майор?

— Знак кровоточащего сердца не принадлежит ни одной из известных революционных организаций. Далее, только полицейский мог оставить этот знак. Никто больше не входил в виварий сегодня вечером.

Джезус Пиетро подавил свое нетерпение.

— Возможно, вы правы, майор. Завтра мы придумаем способ их обнаружить.

Майор Дженсен высказал несколько предположений. Джезус Пиетро все выслушал, сделал необходимые замечания и прекратил разговор, стараясь сделать это как можно быстрее.

Предатель среди полицейских? Джезус Пиетро очень не хотел так думать. Это было возможно, и этим не следовало пренебрегать. Но если станет известно, что сам руководитель подозревает нечто подобное, это повредит моральному настрою членов Специальной полиции больше, чем любое предательство.

В любом случае, не это интересовало Джезуса Пиетро. Никакой предатель-охранник не смог бы расхаживать незамеченным по его кабинету. Кровоточащее сердце — это что-то совсем другое.

Джезус Пиетро вызвал энергоцентр.

— Вы сейчас ничем не заняты? Хорошо. Пусть кто-нибудь принесет нам кофе.

Еще три минуты, и он сможет продолжить допрос.

Джезус Пиетро мерил шагами комнату. Он чуть не потерял равновесие, так как одна рука висела сбоку совершенно неподвижно. Еще одна неприятность. Онемение в искалеченной руке постепенно проходило.

Да, кровоточащее сердце — это что-то очень серьезное. Зловещий знак на двери в виварий. Неизвестно как

сломанные пальцы. Рисунок чернилами, неизвестно откуда появившийся на доске, словно подпись. Подпись.

Интуиция способна а любые фокусы. Интуиция подсказала Джезусу Пиетро, что сегодня что-то должно произойти. И что-то случилось, но что именно? Интуиция или нечто подобное привели его сюда. Конечно, у него не было никакой объяснимой причины для непрерывных мыслей о Полли Торнквист. Может быть, она действительно что-то знает? Или у подсознания были другие причины, чтобы привести его сюда?

Джезус Пиетро ходил взад-вперед по комнате, вдоль полукруглой стены.

Наконец кто-то постучал в дверь над головой. Охранники высвободили оружие и посмотрели вверх. Раздалась возня за дверью, затем дверь отворилась и по лестнице начал медленно спускаться человек. Он спустился спиной с подносом в одной руке. Он даже не пытался закрыть за собой дверь.

Корабль никогда не был удобным местом для работы. Повсюду лестницы. Человеку с подносом, прежде чем он добрался до пола, пришлось спуститься по лестнице, занимающей всю длину когда-то большой и удобной гостиной.

Мэт просунул голову в дверной проем и посмотрел вниз. Там спускался по лестнице человек из энергоцентра, держа в одной руке поднос с кофе. На полу — еще трое мужчин, и один из них Кастро. Когда голова Мэта появилась в дверном проеме, все четыре человека мгновенно взглянули вверх, посмотрели Мэту в глаза, потом снова опустили взгляд.

Мэт начал спускаться, глядя через плечо, чтобы удерживать сразу четыре пары глаз.

— Черт возьми, Худ, помогите мне подняться.

— Парлет, вы ведь не предполагаете...

— Помогите мне подойти к телефону.

— Это было бы самоубийством, — сказал Гарри Кейн. — Что сделает ватага ваших родственников, когда они узнают, что мы держим вас как пленника в вашем собственном доме?

— Я здесь по своей воле. Вы это знаете.

— Но поймут ли они это?

— Моя семья меня поддержит. — Парлет взялся

обеими руками за ручки кресла и, сделав невероятное усилие, поднялся. Но, поднявшись, он был не в состоянии двигаться.

— Они не поймут, что происходит, — сказал Гарри Кейн. — Единственное, что они будут знать наверняка, так это то, что вы один в доме с тремя сбежавшими пленниками.

— Кейн, они бы все равно не поняли, что происходит, даже если бы я говорил с ними два часа. Но они меня поддержат.

Гарри Кейн открыл было рот, но снова закрыл его и весь затрясся. Ему пришлось схватиться руками за стол, чтобы они не дрожали.

— Позвоните им, — сказал он.

— Нет, — сказал Джей Худ.

— Помогите ему, Джей.

— Нет! Если он воспользуется телефоном, чтобы сдать нас, он войдет в историю как величайший мошенник, а с нами будет покончено.

— Брось. — Лидия Хэнкок встала и положила его руки себе на плечи. — Будь благоразумен, Джей. Парлет — это наш единственный шанс. Нам придется довериться ему.

Пора продолжать допрос. Джезус Пиетро подождал, пока энергетик поставит поднос на крышку «гроба» и снова поднимется вверх.

Внезапно Кастро понял, что у него участился пульс. Тело покрылось холодным потом. В покалеченной руке бешено запульсировала кровь. Он обшарил глазами всю комнату в поисках того, чего там не было.

Всего за несколько секунд и по совершенно неизвестной причине комната превратилась в ловушку.

Он услышал какой-то звук, и каждый мускул его тела затрясся. Его глаза ничего не смогли обнаружить. И все же он — бесстрашный и непоколебимый Кастро — гонялся за призраками. Эта комната была ловушкой, ловушкой.

— Я вернусь через минуту, — сказал Джезус Кастро. Он подошел к лестнице, имея вид человека, идущего по важному делу, и начал подниматься.

Один из охранников сказал:

— Но, сэр! А как же пленница?

— Я сейчас вернусь, — повторил начальник, не останавливаясь.

Он пролез сквозь отверстие, протянул руку и закрыл дверь. Тут он остановился.

У него не было никакой конкретной цели. Что-то внутри него потребовало, чтобы он выбрался из комнаты, — какое-то внутреннее чувство, настолько сильное, что он подчинился ему без рассуждения, прямо посреди допроса.

Чего он боялся? Быть может, он должен был услышать от Полли Торнквист нечто крайне неприятное? Или это чувство вины? Очевидно, что он более не испытывал влечения к этой девушке. Безусловно, если бы это было так, он смог бы справиться с собой.

Никто из его подчиненных никогда не видел его таким: согбенные плечи, лицо усталое, в морщинах. Он стоял в коридоре, и ему некуда было идти.

В любом случае, ему надо было вернуться. Полли Торнквист ждала его голос. Она могла знать, а могла и не знать того, что ему нужно.

Можно было видеть, как он собирается с силами. Затем он повернулся лицом к двери и машинально скользнул глазами по матовым лампам в стене. Такая привычка развивалась у всех, кто работал на корабле. На потолке эти лампы давали бы ровно столько света, сколько нужно. На стенах же они резали глаз.

Взгляд Кастро скользнул мимо лампы, за что-то зацепился и вернулся обратно. На матовом колпаке он увидел нарисованный наспех синий знак.

Мэт уже почти спустился с лестницы, когда человек, принесший кофе, начал подниматься вверх.

Мэт мысленно помянул Духов Тумана, но не получил вразумительного ответа. Потом, поскольку человек чуть не столкнулся с ним на лестнице, он кинулся под нее и прыгнул вниз. Он упал на пол, послышался глухой удар. Все, кто находился в комнате, повернули головы в его сторону. Мэт, ступая тихо и осторожно, отошел в угол комнаты и стал ждать.

Он с самого начала знал, что глупо рассчитывать на эту его способность. В какой-то момент он уже не будет в состоянии бояться; надпочечники перестанут вырабатывать адреналин...

Охранники снова перевели взгляд на потолок. Человек

в одежде энергетика вылез и закрыл за собой дверь. Только Кастро продолжал вести себя странно. Он общался глазами комнату, словно искал что-то и не находил. Мэт вздохнул свободнее.

Человек с кофе появился как раз вовремя. Мэт уже собрался уходить и попытаться найти пульт управления прежде чем снова вернуться к Кастро. Кроме того, он обнаружил, что на матовом колпаке лампы в коридоре можно писать чернилами, и как раз ставил знак над дверью, ведущей к Кастро, когда кто-то вышел из-за поворота, неся кофе.

Кастро продолжал вести себя странно. Во время разговора в его кабинете Мэт не переставал бояться Кастро. А сейчас он казался Мэту лишь нервным человеком с забинтованной рукой.

Опасные мысли, подумал Мэт. Продолжай бояться!

Внезапно Кастро стал подниматься по лестнице.

Мэт прикусил нижнюю губу.

Эта погоня уже начинала его смешить! Куда шел начальник на этот раз? И сможет ли Мэт удержать сразу шесть глаз, два вверху и четыре внизу, и при этом подниматься вверх?

Все же он двинулся к лестнице.

— Но, сэр! А как же пленница?

— Я сейчас вернусь.

Мэт вернулся обратно в угол. Пленница?

Гроб. Это слово почти вышло из употребления на Удивительной Горе, где и Экипаж, и колонисты сжигали своих усопших. Но эта коробка у стены была достаточно большой, чтобы там мог поместиться человек.

Ему придется заглянуть внутрь.

Но сначала — охранники.

— Вас вызывает начальник, майор.

— Спасибо, мисс Лоэссон.

— Дженсен, это вы?

— Да, сэр.

— Я нашел еще одно кровоточащее сердце.

— На «Планке»?

— Да. Прямо над комнатой для допросов, на лампе. Теперь я хочу, чтобы вы сделали следующее. Закройте все плюзовые отсеки «Планка», пустите газ, а затем приходите сюда с отрядом охранников. Стреляйте в любого, кого не сможете опознать. Понятно?

— Да, сэр. А если предателем окажется кто-то, кого мы знаем?

— Тут действуйте по обстановке. У меня есть веские основания считать, что это не полицейский, хотя он может быть в форме. Сколько вам потребуется времени?

— Около двадцати минут. Я мог бы воспользоваться машинами вместо лифтов, но это дела не ускорит.

— Хорошо. Берите машины. Сначала закройте шахты лифтов. Я рассчитываю на внезапность.

— Да, сэр.

— Выполняйте.

Охранники проблемы не составляли. Мэт подошел к одному из них сзади, вытащил оружие из кобуры и выстрелил в обоих.

Он держал оружие в руках. Это было приятно. Его уже тошнило от страха, который ему необходимо было испытывать. От этого можно было свихнуться. Если бы он перестал бояться хотя бы на секунду, он бы пропал. Но сейчас, хотя бы ненадолго, он мог перестать прислушиваться к шагам, пытаться смотреть во все стороны сразу. Усыпляющий пистолет был куда лучше его ненадежной и непроверенной психической силы. Оружие в руках было реальностью, холодной и весомой.

«Гроб» был еще больше, чем он казался от двери. Он нашел зажимы, большие и легко открывающиеся. Крышка была тяжелая. Внутренность коробки была покрыта пенопластом с конусообразными выемками для звукоизоляции.

Внутри лежало что-то аккуратно завернутое в мягкую плотную белую ткань. По форме это нечто очень мало напоминало человека, голова же вообще не была похожа на человеческую. Мэт почувствовал, как мурашки побежали у него по коже. Гроб. А существо внутри не двигалось. Если это Полли, то Полли мертва.

Все же он стал разматывать простыню, начав с того, что казалось головой. Он обнаружил наушники, а под ними — человеческие уши. Они были теплыми на ощупь. У Мэта появилась надежда. Он разбинтовал пару карих глаз. Глаза посмотрели на него, а затем моргнули.

Ему уже не приходилось сомневаться. Он нашел Полли, и она жива.

Она была больше похожа на куколку бабочки, чем

на девушку. Под конец она уже сама помогала ему снимать с ног ткань, прокладки и чувствительные датчики. Правда, помощь ее была незначительна. Пальцы не слушались ее. Мускулы рук, ног, лица все время ритмично подрагивали. Когда она пыталась вылезти из гроба, Мэту пришлось ловить ее, и он не удержался на ногах под тяжестью ее тела.

— Спасибо, — сказала она неуверенно. — Спасибо, что вытащил меня оттуда.

— Я для этого и пришел.

— Я тебя помню. — Она встала, опираясь на его руку. Она еще ни разу не улыбнулась. Когда Мэт размотал ей рот, снял зажимы и прослойки, она была похожа на ребенка, ожидающего, что его ударят. Она и теперь выглядела так же. — Ты ведь Мэт, не помню как фамилия?

— Мэт Келлер. Ты можешь теперь стоять сама?

— Где мы? — Она не выпускала его руку.

— В центре Госпиталя. Но у нас есть реальная возможность выбраться, если ты будешь делать то, что я скажу тебе.

— Как ты попал сюда?

— Джей Худ говорит, что я обладаю психической способностью быть невидимым. В состоянии страха я могу сделать так, что люди не увидят меня. На это нам и придется рассчитывать. Эй, с тобой все в порядке?

— Раз ты спрашиваешь, значит, нет.

Она в первый раз улыбнулась — это была лишь тень улыбки, щель между губами, исчезнувшая за долю секунды. Она лучше выглядела без улыбки.

— Да, по тебе не скажешь, что у тебя все в порядке. Иди сюда, садись. — Она держалась за него обеими руками, словно боялась упасть. Он подвел ее к одному из кресел. «Она в шоке», — подумал он.

— Ты лучше ляг на пол. Спокойно. Теперь положи ноги на стул. Что, раздери их Духи Тумана, они с гобой сделали?

— Это долгая история. — Она нахмурилась, и между глаз появилась глубокая, похожая на галочку, морщина. — Но я могу высказать это в двух словах. Они ничего со мной не сделали. Ничего, ничего и ничего. — Она лежала на спине, как ее положил Мэт, ноги на стуле, и смотрела даже не в потолок, а за него, в никуда.

Наконец она сказала

— Как ты попал сюда, Мэт?

— Пришел спасти тебя.

— Ты не «Сын Земли»?

— Нет.

— Может быть, ты стукач? В тот вечер, когда ты приходил, в доме Гарри была облава.

— Это крайне неблагоприятно со стороны человека, оказавшегося в отчаянном положении.

— Извини. — Но ее взгляд оставался подозрительным и настороженным. Она сняла ноги с кресла и уселась на полу. На ней было непривычное одеяние, похожее на спортивный костюм, сшитое из мягкой эластичной ткани. Она нащупала пальцами край простыни, в которую была завернута, и начала теревить его: она его мяла, скручивала, растягивала, опять комкала. — Я ничему не верю. Я даже не уверена, что проснулась. Быть может, я все еще в этой коробке.

— Спокойно, — сказал он и, пытаясь подбодрить, сжал ей плечо. — Это пройдет.

Она схватила его за руку и не отпускала ее, и сделала она это так резко, что он подскочил от неожиданности.

— Ты не знаешь, на что это похоже! Они завернули меня в простыню и запихнули в гроб, и с того момента я все равно что умерла! — Она сжимала его руку, ощупывала его пальцы, ногти, суставы, словно она в жизни не дотрагивалась до человеческой руки. — Я старалась все время вспомнить что-нибудь, но не могла удержать воспоминаний. Это было ужасно, — она остановилась, губы беззвучно шевелились, а из груди вырвалось рыдание. Затем она бросилась на него.

Она сбила Мэта на пол и обвила вокруг него. В ее действиях не было и намека на нежность. Она схватилась за него, как утопающий за соломинку.

— Эй! Пистолет, — сказал Мэт. — Ты выбила у меня оружие.

Она ничего не слышала. Мэт посмотрел на дверь. Она была неподвижна; никаких угрожающих звуков.

— Все хорошо, — сказал он. — Все в порядке. Ты пришла в себя. — Она спрятала лицо у него на груди, но не лежала спокойно. Она обнимала его с силой отчаяния. — Ты пришла в себя. — Он стал массировать ей плечи и шею, пытаясь повторить то, что делала Лэйни позапрошлой ночью.

Он понял теперь, почему она так упорно все трогала

и мяла. Она хотела убедиться, что это не сон. Лежать в том гробу было, по-видимому, хуже, чем он предполагал. Должно быть, она потеряла ощущение реальности, плотности предметов вне этой искусственной могилы. Поэтому она пробегала пальцами по его спине, водила ими вдоль плеч, лопаток и позвоночника. Она словно пыталась почувствовать его каждым миллиметром своей кожи, пальцами, бедрами, всем телом.

Он почувствовал ответное возбуждение. Люки и изогнутые металлические стены, оружие и полицейские перестали что-либо значить. Для него существовала лишь Полли.

— Помоги мне, — глухо сказала она.

Мэт скользнул к ней. Мягкая, тонкая материя комбинезона рвалась, как бумага. Мэт мимоходом удивился, зачем она вообще нужна. Но это тоже не имело значения.

Наконец Полли сказала:

— Все-таки я живая.

Мэт, постепенно выходя из блаженного состояния, спросил:

— Ты это имела в виду под помощью?

— Не знаю, что я имела в виду. Мне просто требовалась помощь. — Она медленно улыбнулась, уже не только ртом, но и глазами. — Предположим, я не это имела в виду. Что тогда?

— Тогда я гнусно соблазнил тебя. — Он немного откинул голову назад, чтобы увидеть ее лицо. Перемена была поразительная. — Я боялся, что ты никогда не придешь в себя.

— Я тоже.

Мэт взглянул на дверь люка, потом потянулся за пистолетом. Блаженство кончилось.

— Ты правда пришел спасти меня?

— Да. — Он не стал говорить про Лэйни, не сейчас. Зачем портить такую минуту?

— Спасибо.

— Не за что. Нам еще надо выбраться отсюда.

— Ты ни о чем не хочешь спросить меня?

Что она, проверяет его? Неужели она и теперь ему не верит? Хотя почему она должна ему верить?

— Нет, — сказал он, — никаких вопросов. Но кое-что я должен тебе сказать.

Ее тело напряглось:

— Мэт, где мы?

— В Госпитале. Глубоко в Госпитале. Но мы можем выбраться отсюда.

Одно быстрое движение, и она выскользнула из-под него и оказалась на ногах.

— В одном из звездолетов! В котором?

— На «Планке». Разве это имеет значение?

Она выхватила пистолет из кобуры второго охранника с такой скоростью, словно за ней гнались.

— Мы можем взорвать ядерный реактор! Госпиталь и весь Экипаж полетят в пропасть! Давай, Мэт, пойдем. В коридоре есть охранники? Сколько?

— Взорвать! Ты сошла с ума?!

— Мы разнесем Госпиталь и почти все плато Альфа. — Она подобрала свой разорванный костюм и снова накинула его на себя. — Мне придется раздеть одного из этих полицейских. И все будет в порядке. Мы победим, Мэт. И одним ударом!

— Победим? Мы же погибнем!

Она стояла, подперев бока руками, и смотрела на него с отвращением. Штаны, которые она сняла с полицейского, были ей невозможно велики. Мэт никогда не видел ничего более жизнеутверждающего.

— Я забыла. Ты не Сын Земли. Хорошо, Мэт, постарайся уйти подальше. Возможно, взрывная волна не дойдет до тебя, хотя я лично в этом сомневаюсь.

— Мне нужна ты. Я проделал этот путь не для того, чтобы ты совершила самоубийство. Ты пойдешь со мной.

Полли надела рубашку охранника, затем торопливо закатала брюки, которые были ей длинны.

— Ты выполнил свою миссию. Не считай меня неблагодарной, Мэт, но наши пути расходятся. У нас разные цели. — Она крепко поцеловала его, затем оттолкнула от себя и прошептала: — Я не могу упустить этот шанс. — Она пошла к лестнице.

Мэт преградил ей дорогу:

— Ты никуда не сможешь добраться без моей помощи. Ты пойдешь со мной, и мы выберемся из Госпиталя — если сумеем.

Тут Полли ударила его.

Она ударила его в солнечное сплетение. Мэт согнулся пополам, пытаясь унять боль, но еще не мог дышать, а только открывал, как рыба, рот. Он почувствовал на горле прикосновение чьих-то пальцев и понял, что Полли заметила респиратор и теперь снимает его.

Он, словно в тумане, увидел, как она взбирается по лестнице. Он услышал, как дверь открылась и через секунду закрылась. Легкие горели огнем. Он попытался вдохнуть, и это причинило ему боль.

Он никогда не умел драться. Благодаря «счастью Мэта Келлера» ему это было не нужно. Однажды он заехал охраннику в челюсть. А куда еще можно ударить человека? Кто бы мог подумать, что девушка способна на такой удар?

Он стал медленно разгибаться и наконец выпрямился. Дышал он часто, и каждый вдох отзывался болью. Когда боль в области сердца немного отпустила, он двинулся вверх по лестнице.

ГЛАВА 13

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ МГНОВЕННО

Полли почти бежала. Респиратор плотно закрывал ее нос. Она держала пистолет прямо перед собой, нацелив его на изгиб коридора впереди. Она была уверена, что враг появится именно отсюда, тогда он окажется как раз под прицелом ее оружия. Конечно же, сзади на нее не смогут напасть, так как она передвигалась слишком быстро.

Полли входила в руководящий состав организации «Дети Земли» и поэтому знала внутреннюю планировку корабля «Планк» почти так же хорошо, как и планировку собственного дома. Да, пульт управления полетами должен был находиться как раз в противоположном конце по отношению к тамбуру воздушного шлюза. Она направлялась туда, читая таблички на дверях, через которые проходила. Оранжерея... Библиотека...

Наконец-то пульт управления. Но дверь закрыта, и нет приставной лестницы.

Полли измерила взглядом расстояние до дверного люка и резко подпрыгнула. Ей удалось ухватиться за ручку двери, которая, к счастью, оказалась незапертой. Но открыть дверь она все же не смогла, ибо для этого надо было бы продвинуться еще выше (дверь открывалась вверх) и высоты ее прыжка не хватило. Она ловко спрыгнула вниз, неслышно коснувшись пола ногами.

Возможно, ей следовало бы направиться в пульт управления двигателями. Но этот отсек был сейчас предназначен для выработки электроэнергии, и там постоянно находились электрики Госпиталя, которые держали под контролем все источники энергии, питавшие дома колонистов. И сейчас там тоже могли быть люди, которые, несомненно, задержали бы ее, если бы она вдруг появилась перед ними.

В кармане униформы охранника она нашла бумажник.

Она подпрыгнула снова, схватилась за ручку двери и с большим трудом сумела просунуть бумажник между краем двери и притолокой, как раз в том месте, где находилась замочная скважина. Только третий прыжок принес ей удачу. На этот раз она резко стукнула ладонью по приоткрытой двери. Дверь подскочила вверх и открылась полностью.

Откуда-то издалека раздался громкий голос: «Какого черта, что там происходит?»

Грудь Полли вздымалась от участвовавшего в напряжении дыхания, но она великолепно владела собой. Подпрыгнув в последний раз, она ухватила за край люка и, подтянувшись, быстро взобралась внутрь. Понеслись чьи-то тяжелые шаги, но, прежде чем человек появился в поле ее зрения, она захлопнула крышку люка.

Перед ней был трап, приделанный к стене. Несомненно, это был тот трап, по которому спустились первые обитатели «Планка» от своих пультов управления, когда они впервые приземлились на этой планете. Теперь Полли воспользовалась этим трапом.

Она втиснулась во второе слева кресло и увидела пульт управления. Часть обшивки была вскрыта, и между двумя клеммами был приварен железный брусок, с помощью которого функции управления полетного отсека блокировались и все управление переносилось в двигательный отсек. Во время полета должны были действовать оба центра управления. Центр двигательного отсека следил за тем, чтобы двигатели регулярно снабжались топливом, а центр полетного отсека следил за направлением движения. Теперь же, когда корабль находился на земле, его двигатель использовался лишь для производства электроэнергии, а пульт управления в том отсеке, где находилась Полли, был отключен.

Она спустилась вниз, чтобы поискать сварочный аппарат в кладовке около двери.

К счастью, она нашла его довольно быстро.

Теперь ей оставалось только надеяться, что ничего не взорвется, когда сварочный аппарат начнет работать. Она включила горелку и начала приваривать дверь к притолоке.

Почти тотчас же она поняла, что шум привлек внимание находившихся поблизости людей. Сквозь плотно запертую дверь до нее доносились неясные возбужденные выкрики. Затем она почувствовала легкое онемение, заработал парализатор. Хотя дверь защищала от прямого воздействия лучей, однако Полли поняла, что долго не выдержит, и тем не менее закончила сварку, прежде чем поднялась наверх.

Теперь она решила разрезать сварочным аппаратом соединительный брусок. Работа двигалась медленно. Полиция, несомненно, настигнет ее, прежде чем она закончит. Но пока еще время было на ее стороне. Чужое время в чужом для нее мире!

Мэт выбрался в коридор, оставив дверь комнаты допросов открытой, и пошел вдоль него. Он шел, скрючившись от боли в груди и пытаясь зажать руками рану. Только сейчас он вспомнил, что забыл взять последний исправный пистолет.

«У меня нет силы внушения, — бормотал он, наслаждаясь звуком собственного голоса. — Либо я лишен этого свойства, либо пытался воздействовать не на ту женщину».

Внезапно из-за поворота появилась мощная фигура человека. Это был Джезус Пиетро Кастро в защитной маске и с анестезирующим пистолетом. Он чуть не налетел на Мэта. Вглядевшись попристальнее, Джезус Пиетро чуть не вскрикнул от удивления: он увидел ненавистное лицо колониста с голубыми глазами, темными волосами, с оторванным краешком уха, с запекшейся на воротнике пиджака кровью.

— Вы согласны, что я победил? — торжествующе сказал Мэт.

Джезус Пиетро поднял пистолет. Счастье Мэта изменило ему.

Тогда ярость и негодование неудержимо нахлынули на Мэта, и он заорал:

— Ну, посмотри на меня, сволочь! Смотри: это я, Мэтью Келлер!

Начальник полиции не выстрелил. Он оторопело смотрел на Мэта.

— Я дважды проник в ваш дурацкий Госпиталь! Я прошел сквозь стены и туман пропасти, я преодолел действие усыпляющего газа и сонных пуль. И все это, чтобы спасти эту проклятую бабу! А когда я ее спас, она ударила меня в живот и заставила согнуться пополам, как увядший цветок. Так продолжай смотреть!

И Кастро продолжал смотреть на него.

Наконец Мэт осознал, что Кастро уже должен был выстрелить, если бы мог.

Кастро вертел головой из стороны в сторону, но его глаза оставались прикованными к Мэту. Медленно, очень медленно он сделал нерешительный шаг вперед.

И вдруг Мэт осознал, что происходит.

— Смотри на меня, — быстро сказал он. — Не отводи глаз.

Начальник полиции был теперь совсем близко, и Мэт протянул руку и отвел дуло пистолета, стараясь при этом удерживать взгляд Кастро.

— Не отводи от меня глаз, — повторил он.

Они стояли, глядя друг другу прямо в глаза. Глаза Кастро казались необычными на фоне топорщащейся газозащитной маски: в них было только два цвета — белый и черный; совершенно белые белки и огромные, расширенные зрачки, практически без радужной оболочки. Его челюсть отвисла и странно контрастировала с седыми, тщательно ухоженными усами. На его лбу выступил пот; видно было, как струйки пота сбегали за воротник. Он смотрел на Мэта как человек, впавший в транс то ли от страха, то ли от почтения, то ли от почти религиозного экстаза.

Расширьте зрачки другого человека, и вы получите состояние психической невидимости. Расширьте их, и вы получите... что? Наваждение?

Черт побери, ему, несомненно, удалось воздействовать на Кастро. Мэт сжал кулак и замахнулся. Но нет, он не может ударить. Это было бы равносильно тому, что обидеть калеку. Впрочем, Кастро действительно был покалечен: одна его рука перевязана.

Из дальней части коридора слышались крики. Они доносились как раз оттуда, куда скрылась Полли.

Начальник полиции сделал еще один шаг вперед.

«Слишком много врагов, — подумал Мэт, — и спереди и сзади». Он выхватил пистолет из рук Кастро, повернулся и побежал назад.

Когда он пробежал через дверь комнаты для процедуры «лечение гробом», он увидел, что Кастро все еще пребывает в состоянии гипноза. Мэт быстро захлопнул дверь и запер ее.

Полли срезала последнюю часть железного прута, и пульт управления ожил. Она быстро оглядела все тумблеры, а затем еще раз внимательно оглядела каждый индикатор.

Приборы показывали, что двигатели мертвы.

Полли присвистнула. Она поняла, что дело было не в неисправности пульта управления. Просто кто-то намеренно отключил подачу электричества в районы расселения колонистов.

Ей не удастся завести моторы отсюда, а добраться до топливного отсека она уже не могла, так как добровольно отрезала себя от внешнего мира, задраив люк двери.

Если бы только это был корабль «Артур Кларк»! Кастро никогда не осмелился бы отключить электроэнергию, питающую дома членов Экипажа. Наверняка ядерные установки «Кларка» до сих пор работают на полную мощность.

«Ну что ж, — подумала она, чувствуя, как в ней растет душевное напряжение. — Должен же быть какой-то способ достичь корабля „Кларк“».

Она соскользнула с кресла и снова спустилась вниз по трапу.

Джезус Пиетро почувствовал, что кто-то трясет его за плечо. Он повернулся и увидел майора Дженсена.

— Что случилось?

— Мы заполнили корабль «Планк» газом. Все, кого не успели предупредить, теперь уже наверняка без сознания, конечно, если они не в задраенном отсеке. Тот, кого мы преследуем, также имеет шанс наглотаться газа.

— Хорошо, — машинально ответил Джезус Пиетро. Он все еще не пришел полностью в себя. Ему хотелось

побыть одному, подумать... Впрочем, нет, он не хотел оставаться в одиночестве.

— Молодцы. Теперь проверьте комнату для «лечения гробом». Возможно, он там.

— Его там не может быть. Если же он там, то это будет означать, что в наших рядах есть предатели. Но кто-то наверняка есть в отсеке пилотирования. Он намертво задраил дверь люка. Хорошо, что мы вовремя отключили ядерные двигатели.

— Постарайтесь выкурить его оттуда. И все же проверьте комнату для «лечения гробом».

Майор Дженсен отправился выполнять поручения. Джек Пьетро задумался, найдет ли он кого-либо в комнате для «лечения гробом». Может ли быть, чтобы призрак Келлера действительно спрятался там, или он растворился по пути? Джек Пьетро не мог ответить на этот вопрос.

Но он был твердо уверен, что видел призрак.

Никогда в жизни он не забудет эти глаза. Эти ослепляющие, парализующие волю глаза! Они будут преследовать его всю жизнь, сколько бы ему ни осталось прожить. Ибо, конечно, призрак не намеревался оставить его в покое.

Зазвонил радиотелефон. Джек Пьетро взял трубку:

— Начальник полиции слушает.

— Сэр, мы получили очень странное сообщение, — произнес голос мисс Лоэссон. — Большое количество машин направляются сюда. Говорят, что Совет обвинил вас в измене.

— Меня? В измене?!

— Да, сэр. — Голос мисс Лоэссон звучал странно. Она говорила официальным тоном и добавляла слово «сэр» к каждой фразе.

— На каком основании?

— Мне выяснить, сэр?

— Да. И отдайте приказ, чтобы машины приземлились за пределами зоны безопасности. Если они не послушаются, пусть их посадят патрульные машины. Это явно Дети Земли.

Он дал отбой и тотчас же подумал: «Но откуда же они взялись? И откуда они взяли машины?»

И еще он подумал: «Неужели опять Келлер?»

Радиотелефон снова заработал.

Голос мисс Лоэссон звучал жалобно и почти сварливо:

— Сэр, машины летят под руководством Милларда Парлета. Он обвиняет вас в измене и пренебрежении своими обязанностями. Он требует, чтобы вы предстали перед судом.

— Он сошел с ума.

Джезус Пиетро постарался сосредоточиться. Все сразу обрушилось на него. Неужели появление призрака Келлера означало начало конца? Нет, никаких мистических символов... Но глаза Келлера...

— Постарайтесь посадить Парлета без осложнений. Так же как и другие машины. Прикажите им перейти на режим автопилота. Заверьте их, что им не причинят зла. Дайте минуту на обдумывание, а затем используйте парализаторы.

— Мне неудобно напоминать вам, сэр, но Миллард Парлет является вашим непосредственным начальником. Вы готовы подчиниться ему?

Джезус Пиетро вспомнил, что мисс Лоэссон — один из членов Экипажа. Может быть, в ней еще и кровь Милларда Парлета? Это вполне вероятно. Он сказал единственное, что мог сказать в этой ситуации: «Нет».

Телефон умолк и отключился не только от коммутатора Госпиталя, но, казалось, и от всего мира.

Он поступил необдуманно, и он знал это. В конце концов, удар в живот, полученный им от Полли, заставил его пожелать смерти. И он вышел в коридор, зная, что его там поймают

Но этого не произошло. Он взял пистолет и направился к лестнице. На этот раз он твердо осознавал, что делает.

Но почему ему вообще надо было войти в эту дверь? Неожиданная мысль заставила его остановиться: вдруг Полли взорвет топливный отсек?

Нет, она не зайдет так далеко, хотя у нее было все необходимое для этого. Пора было подумать о собственном спасении. Он посмотрел на входную дверь и вздрогнул

Спасательный люк. Как только он воспользуется им, кто-нибудь выстрелит. Чтобы его «счастье» сработало, ему надо было первым увидеть врага, а через люк он не мог иметь хорошего обзора.

Однако эта комната была непригодной для того, чтобы

долго выдерживать в ней осаду. В него не трудно было попасть простым выстрелом из анестезирующего пистолета. Если он все же выглянет, прежде чем выстрелит, «счастье» изменит ему, и это может быть сделано также выстрелом из парализатора. Поэтому он, конечно же, не станет выглядывать.

Но ему надо уйти отсюда!

И тут же он вспомнил, что Кастро был в газозащитной маске, а это означало, что Специальная полиция использовала газ. Коридор уже, наверное, заполнился газом.

Да, многое надо было предусмотреть! Мэт выругался про себя и начал обыскивать карманы лежавших без сознания охранников. Один из них зашевелился и попытался задушить Мэта непослушными пальцами. Тогда Мэт снова направил на обоих охранников пистолет и, убедившись, что охранники вновь отключились, продолжал поиски. Но газозащитных масок он так и не нашел.

Мэт посмотрел на дверь, которая находилась прямо над его головой. Может быть, рискнуть? Но если газ заполнил коридор, то дверь — его единственное спасение, потому что она полностью герметична.

Пробраться в какую-нибудь другую комнату? В комнате, где находился Мэт, было еще несколько дверей, которые, очевидно, вели в спальни. Но эти двери расположены на стенах так высоко, что добраться до них без приставных лестниц (лестниц-стремянков) просто невозможно.

А вот около входа, там, где в обычных квартирах находится стенной шкаф для пальто, имелась маленькая дверь, до которой вполне можно добраться.

Но это был не стенной шкаф, конечно, а хранилище, в котором находились два космических костюма.

Однако добраться до этой двери все же нелегко. Мэту удалось с большим трудом дотянуться до ручки двери и повернуть ее. Дверь люка откинулась, и Мэт прыгнул в открывшееся перед ним пустое пространство.

Космические костюмы. Раньше они висели на крюках, а теперь лежали на полу, как человеческие тела. Толстая прорезиненная ткань, металлические воротники с клеммами для шлемов, металлические крепления, поддерживающие ранец на спине, и переговорное устройство, расположенное под подбородком.

Интересно, работает ли кислородный конвертор. Было

бы, конечно, странно, если бы он вдруг заработал. Ведь прошло уже триста лет! Но в накопителе мог быть воздух. Мэт нашел кнопку на пластинке управления, нажал ее и услышал шипение выходящего воздуха.

Итак, воздух в накопителе все еще был, а следовательно, костюм сможет защитить его от газа. А огромный шарообразный шлем позволит иметь хорошее поле обзора. Неужели его «счастье» не покинуло его и на этот раз?!

Когда дверь в коридор открылась, Мэт схватил пистолет и навел его на входное отверстие. Мгновение спустя он увидел у основания лестницы две ноги и выстрелил в них. Человек издал возглас удивления и упал без сознания.

Вслед за этим послышался громкий голос, привыкший отдавать приказания:

— Эй ты! А ну-ка выходи оттуда!

Мэт усмехнулся. Стараясь не производить лишнего шума, он отложил в сторону пистолет и стал надевать космический костюм. У него уже начала кружиться голова.

Да, как он и думал, они применили газ.

Прежде всего он воспользовался кислородным конвертором и, сделав несколько глубоких вдохов, надел костюм полностью.

— У тебя нет никаких шансов на спасение. Выходи, или мы войдем и вытащим тебя оттуда силой.

«Попробуйте», — подумал Мэт. Он полностью приладил шлем и начал регулярное дыхание через конвертор. Головокружение постепенно проходило, но передвигаться в этом костюме ему было очень трудно, так как костюм, по крайней мере, на один размер меньше, чем ему нужно.

Внезапно кто-то начал стрелять через дверь сонными пулями, и вскоре появилось сопящее лицо и рука с пистолетом. Мэт выстрелил прямо в лицо, и человек потерял сознание, но не упал вниз: кто-то невидимый осторожно оттащил его в сторону за лодыжки.

Воздух в костюме стал приобретать резко выраженный металлический привкус. Мэт поморщился. Да, любой другой человек вполне удовлетворился бы тем, что ему уже один раз удалось убежать из Госпиталя. Но «счастливчик» Мэт хотел большего.

Вдали послышались звуки нескольких разрывов. Мэт

подумал: «Что же они еще задумали?» На всякий случай он снова привел пистолет в боевое положение.

Корабль снова стал сотрясаться от отдаленных взрывов. Мэт почувствовал, что его сильно качнуло. С большим трудом он добрался до стены и оперся о нее плечами. Похоже, что этот проклятый корабль вот-вот взорвется, — мелькнула мысль. Он крепко схватил пистолет, который готов был, казалось, взлететь на воздух вместе с кораблем.

Корабль подбросило вверх, и Мэт сильно ударился подбородком о стену. В то же мгновение противоположная стена рухнула. Сквозь образовавшуюся дыру в корабль проник громкий звук, который с каждой минутой нарастал.

— Мы подлетели слишком близко, — сказал Парлет. Худ, который сидел в кресле пилота, ответил:

— Иначе они не услышат наш приказ.

— Ерунда. Просто ты боишься, что тебя назовут трусом, если ты будешь держаться на расстоянии. Я тебе говорю, подай немного назад и предоставь моим людям действовать. Они-то знают, что надо делать. Они достаточно натренированы.

Худ пожал плечами и вдавил рычаг 3-4. Их машина была последней из сорока машин, атакующих Госпиталь. В каждой сидели по два человека из команды Парлета, пилот и стрелок. Эта армада летающих кораблей красиво освещала темное звездное небо красными бортовыми огнями.

Парлет, нависший над радиотелефоном подобно призраку, вдруг прокричал:

— Тише! Я поймал Дейдру Лоэссон. Дейдра, ты слышишь меня? Это очень срочно.

Гарри Кейн, Лидия Хэнкок и Джей Худ молча слушали разговор Парлета с мисс Лоэссон.

Разговор занял не более двух-трех минут. Наконец Парлет повесил трубку и с довольной улыбкой, обнажившей его неестественно белые зубы, откинулся назад:

— Ну, все. Я добился того, чтобы она передала наши обвинения по внутреннему телефону. Теперь Специальная полиция займется выяснением отношений между собой.

— Вам придется попотеть, чтобы найти доказательства, подтверждающие это обвинение.

— Вовсе нет. Когда я заканчивал разговор, я уже мог бы убедить самого Кастро в том, что он виновен в измене, в пренебрежении своими обязанностями и вообще в кровосмешении. Конечно, если... — Он помолчал немного, чтобы произвести наибольшее впечатление. — Конечно, если мы сумеем взять Госпиталь. Если я захвачу Госпиталь, то им уже придется меня послушать. Потому что приказывать буду я! И у меня есть на это законное право. Я возглавлял Госпиталь еще тогда, когда Кастро был размером не более Худа. Впрочем, если бы не я стоял во главе Госпиталя, то все равно кто-нибудь из членов Экипажа. А сейчас власть над Госпиталем в руках Кастро, и это надо прекратить. Нам нужно установить контроль над Госпиталем, прежде чем мы поднимем вопрос о смене правительства на планете Удивительная Гора. А уж если я снова стану во главе Госпиталя, то на этот раз я сумею удержать власть.

— Посмотрите-ка вперед.

— Да, полицейские машины. Но их не много.

— Плотно идут. Боюсь, что это опасно. У нас ведь нет опыта воздушных боев.

— Почему же вы не тренировались друг с другом?

— Мы никогда не думали, что нам придется брать штурмом Госпиталь. Поэтому мы...

— Черт подери, что это такое?

Парлет наклонился вперед, опершись руками о пульт управления. Он смотрел не отрываясь на Госпиталь и ничего не ответил.

Гарри пожал плечами:

— Что бы это значило? Похоже, одна сторона Госпиталя горит.

Парлет, казалось, онемел от ужаса.

И вдруг одна часть Госпиталя отделилась от главного здания и стала медленно удаляться. Оранжевое пламя взметнулось у ее основания.

Миллард Парлет медленно, как во сне, произнес:

— Так это же взлетел корабль «Планк».

Полли устроилась в верхнем кресле слева. Она старалась передвигать рычаги управления очень плавно, но они не слушались и поворачивались рывками. Должно быть, в той цепи, по которой шла команда от кресла

пилота к ядерным двигателям, что-то заржавело за столько лет бездействия и сейчас нехотя поддавалось.

Наконец двигатели нагрелись.

Полли попробовала включить клапаны, регулирующие подачу воды.

Ей смутно помнилось, что давным-давно кто-то принял решение о том, что корабли, на которых сюда прилетели первые посланцы, должны всегда быть готовы к быстрому взлету. Это, очевидно, произошло в те давние времена, когда никто, ни члены Экипажа, ни колонисты, не были уверены, что космическая колония вообще может здесь существовать. Потом об этом решении забыли, но степень готовности к быстрому взлету сохранилась практически без изменения.

С тех давних пор корабли превратились в часть Госпиталя, и их внутреннее устройство теперь представляло собой лабиринт лестниц и аварийных устройств. Банки органов и реанимационные палаты были, правда, вынесены за пределы кораблей, а сами они использовались практически как импровизированные электростанции, если, конечно, не принимать во внимание комнат для допросов и некоторых других секретных помещений.

И все же на кораблях сохранились кладовки с инструментами и шкафы для хранения космических костюмов, хотя двери в них не открывались уже в течение нескольких веков. В топливных баках все еще была вода, а в посадочных двигателях — уран. Вода, к счастью, не испарилась, по крайней мере из тех баков, которые были специально оборудованы для того, чтобы сохранить воду в условиях космического вакуума. И уран...

Полли подала немного воды к разогревшимся двигателям, и корабль взревел. Она закричала от радости. Весь корпус корабля теперь содрогался. Из-за заваренной двери люка раздались приглушенные крики.

Ну уж она сыграет с ними шутку! Хотя главный реактор «Планка» был остановлен, реактор «Артура Кларка» должен был работать на полную мощность. Полли решила, что она поднимется на «Планке» на сколько сможет, а затем бросит его на «Артура Кларка». Взрыв, несомненно, снесет всю верхнюю часть плато Альфа.

— Ну, давай же поднимайся, — прошептала она.

«Планк» медленно оторвался от скалы, поднялся на несколько футов и завис подобно шляпке гигантского гриба. Огромный корабль, казалось, раздумывал, пока-

чиваясь из стороны в сторону. Полли открыла до отказа клапан подачи топлива, но напрасно. Существующий запас воды и урана, очевидно, не мог дать большего.

Полли издала низкий рычащий звук. Корабль уже не мог подняться в воздух. 0,8 g Удивительной Горы стали для него непосильным грузом. Если бы не воздушная подушка, которая образовалась в результате работы посадочных двигателей, он вообще бы не двигался.

Полли быстро потянулась к сиденью справа от нее. Один из переключателей скользнул вниз под ее рукой, и тотчас же, как бы повинуясь ее движению, в задней части «Планка» выдвинулись два стабилизатора, напоминавшие гигантские плавники. Корабль наклонился на одну сторону, подался слегка назад и стал ударяться о здание Госпиталя, сначала совсем несильно, а потом все увеличивая силу удара.

Огонь ревел во всем Госпитале. Он разогрел воду до высочайшей температуры; практически до того предела, когда вода разлагается на кислород и водород и создает взрывоопасную смесь. Подобно смерчу огонь несся по коридорам, преодолевая стены и уничтожая все на своем пути. Он убивал людей, прежде чем они осознали, откуда идет опасность, ибо раскаленный пар выжигал им глаза до того, как они могли увидеть огонь.

Огонь уже охватил треть нижнего этажа.

Для людей, находившихся в Госпитале или поблизости от него, для людей, которые не были знакомы между собой и уже никогда не познакомятся, все произошло буквально мгновенно. Некоторые, правда, пытались куда-нибудь спрятаться, чтобы переждать этот ужас, но огонь не щадил никого.

— Лэйни. Это, должно быть, Лэйни, — сказал Джей Худ. — Она сумела пробиться.

— Элейн Мэтсон?

— Да, она пробилась к «Планку». Это невероятно, но факт!

— У нее, должно быть, великолепное чувство времени. Вы можете себе представить, что произойдет, если она взорвет реактор?

— О Боже! Что же нам делать?

— Будем держаться в воздухе. Теперь нам не удастся выбраться из этой зоны. Мы, конечно, могли бы пробиться, но будем надеяться, что мисс Мэтсон поймет, что колонисты побеждают.

— Появилось еще больше полицейских машин, — сказал Гарри Кейн. — Они заходят справа и слева.

Полли снова дотронулась до рычага, управляющего стабилизаторами. Корабль наклонился в другую сторону и начал медленно удаляться от Госпиталя.

Она не решалась увеличивать крен. Какова, интересно, высота полета? Один фут? Один ярд? Десять? Если край машины заденет землю, корабль перевернется.

Это не входило в планы Полли.

Дверь, находившаяся позади нее, раскалилась докрасна. Полли посмотрела на нее с отчаянием. Повернувшись снова к пульту управления, она хотела попытаться еще раз увеличить скорость, но передумала. Пусть все остается как есть. Она облетит вокруг Госпиталя и затем спланирует на второй корабль.

Она будет налетать на тот корабль, пока один из них не взорвется.

Она так и не заметила, что в одном месте на раскаленной двери появилось сначала белое пятно, а затем огненная дыра.

Корабль бросило вперед, и Мэт ударился головой о дверь стенового шкафа. Он взглянул вперед и увидел, что наружная часть корпуса корабля расползается, как папиросная бумага, а металл испускает как бы агонизирующий крик. Перед ним вдруг появился кабинет Кастро. Эта сцена возникла как в ужасном кошмаре. Это было за пределами разумного. Мэт не мог осознать, что случилось. Он бессильно повторял про себя:

— Сумасшествие! Хватит этого кошмара!

Госпиталь медленно отдалялся. Это было похоже на сон. Его уши онемели, и он ничего не слышал. Бесшумная, непонятная, феерическая история... Но он чувствовал, что корабль возносится вверх.

В шлеме костюма больше не было воздуха. Мэт начал задыхаться. Он схватился за клеммы шлема онемевшими

пальцами, приподнял шлем и с шумом втянул в себя наружный воздух. И тут он вспомнил про газ.

Но воздух был чистым, хотя и горячим. Он, очевидно, проник сюда снаружи, через зияющее отверстие в корпусе корабля. Он вдохнул еще несколько раз, и перед глазами замелькали черные точки.

Корабль взлетал и опускался, и это неровное движение вызывало тошноту, как при качке в море. «Качка в полете», — подумал Мэт и попытался отключиться от неприятного ощущения. Но не смог.

Внезапно он понял, что Полли все же удалось добраться до пульта управления и что именно она поднимала теперь корабль все выше. Трудно было сказать, как высоко они поднялись, но во всяком случае огни Госпиталя исчезли из вида. Они поднимались, а комната, в которой находился Мэт, была с огромной дырой в стене, и у него не было исправного космического костюма.

Через некоторое время комната перестала раскачиваться. Мэт подскочил к лестнице. Костюм мешал ему двигаться, но все же он сумел спуститься вниз, преодолевая сопротивление ранца, который тянул его назад. Когда он наконец оказался внизу, ранец привлек его пристальное внимание.

Если моторы «Планка» все еще работали, то почему же не мог бы работать автономный двигатель, расположенный в ранце на спине?

Он осмотрел контрольную панель на груди космического костюма, которая управлялась простым нажатием на нее кончиками пальцев. Когда он был в шлеме, то не мог рассмотреть эту пластинку. Теперь он обнаружил, что на пластинке были управляющие указатели, показывающие, что в ранце находится несколько реактивных двигателей. Ему нужно использовать только те, которые были расположены в нижней части.

На какой высоте они были сейчас?

Он осторожно нажал две кнопки на нижней части пластинки и сразу почувствовал, как будто что-то взорвалось у него за спиной. Ощущение было такое, что моторы начинают поднимать его вверх. А как же управлять движением? На пластинке был только один рычаг. Наверняка он контролирует движение либо всех моторов сразу, либо всех тех, которые работают в данный момент.

Что еще ему надо было знать? Насколько же он поднялся?

Он сделал еще один глубокий вдох и вышел в открытое пространство через пробоину в стене. Вокруг него была сплошная чернота. Он попытался повернуть рычаг, но тот не двигался, так как был повернут до отказа. Буквально через секунду Мэт вспомнил, что двигатели в ранце были рассчитаны на работу в космосе и поэтому вряд ли смогут удерживать его тело в полете в условиях планетарного притяжения.

Он стал падать вниз.

Двигаясь медленно, чтобы не мешать работать людям с паяльными лампами, майор Дженсен заглянул в дыру, которая образовалась в двери люка, ведущего в кабину пилота.

Рабочие принесли подставку, на которой могли разместиться одновременно два человека. Подставка ходила ходуном, и, когда майор Дженсен взобрался на нее, он вынужден был ухватиться руками за потолок. Через небольшую дыру, прожженную в двери, он увидел черные, как вороново крыло, волосы, свисавшие через спинку кресла, тонкую загорелую руку, безжизненно опустившуюся вниз.

Джезус Пиетро, стоявший внизу, нетерпеливо крикнул:

— Ну, что там, долго еще?

— Еще пару секунд, и все будет готово, — отозвался один из рабочих. — Если только она не заварила всю дверь по периметру.

— Вы знаете, куда мы направляемся? — выкрикнул шеф полиции. — Я-то знаю.

Майор Дженсен посмотрел на него с удивлением. Его речь звучала так странно! И вообще сегодня он выглядел как глубокий старик, больной и неспособный сосредоточиться на том, что происходит. «Да, ему уже надо уходить в отставку, — подумал майор Дженсен с невольным состраданием. — Если только мы переживем сегодняшний день...»

— Я знаю, знаю, — снова повторил Джезус Пиетро и кивнул головой, как будто соглашаясь с самим собой.

— Она заварила дверь и со стороны петель замка, — послышался голос одного из рабочих.

— Так, и сколько же еще ждать?

— Минуты три. Мы будем разрезать шов сразу с двух сторон.

Корабль продолжал двигаться, опираясь на раскаленные газы.

Огонь уже лизал верхушки деревьев, оставляя за собой полосу красного и оранжевого цвета. Он не доставал только лежащие машины, вступившие в бой высоко в небе. Вскоре среди деревьев стали раздаваться взрывы, и вся полоса леса запылала, взметнув языки пламени высоко в небо.

«Планк» уже миновал зону безопасности и теперь двигался к тому месту, где располагались дома и магазины членов Экипажа. Они, конечно, проснулись, ибо невозможно было спать в этом постоянном грохоте. Некоторые оставались дома, а другие выбегали на улицу. Те, кто успел перебраться в подвалы своих домов, остались в живых. Остальные сгорели в огне, который тянулся в виде длинного шлейфа за кораблем «Планк».

Дома, построенные из архитектурного коралла, не горели. Но в них никто и не жил уже лет тридцать.

— Мы закончили работу, сэр.

Эти слова фактически были никому не нужны, ибо рабочие уже отбросили дверь в сторону, воспользовавшись специальными противопожарными рукавицами. Майор Дженсен с трудом протиснулся через люк и поднялся по лестнице, испытывая чувство панического страха.

Пульт управления озадачил его. Зная, что он понимает в управлении корабля не больше, чем другие, он стал лихорадочно искать какой-либо указатель или рычаг, с помощью которого можно было бы изменить направление полета корабля. Не найдя ничего подходящего, Дженсен взглянул наверх, и это была его ошибка.

Отсек управления был довольно большим. Он соединялся с грузовым отсеком и достигал того места, где сходились внутренняя и внешняя части корпуса корабля. И большая часть отсека была прозрачной. Через эту верхнюю прозрачную часть Дженсен и увидел, что творится снаружи.

Он увидел огонь ядерных двигателей внизу корабля. Справа — взорванный коралловый дом, очевидно, последний. А совсем близко по ходу корабля — край пропасти, который все приближался.

Он застыл на месте.

— Мы летим в пропасть, — сказал Джезус Пиетро, который стоял на лестнице, немного ниже Дженсена. Его голос звучал безжизненно. В нем не было ни страха, ни удивления.

Майор Дженсен вскрикнул и закрыл глаза руками.

Джезус Пиетро протиснулся мимо него и сел в кресло слева. Его решение было основано на логических рассуждениях. Если майор Дженсен не нашел нужного пульта управления, значит, он не туда смотрел. А рядом находилось как раз то, что нужно, — другой блок управления, до которого девчонка-колонистка, конечно же, могла дотянуться оттуда, где она сидела. Он увидел рычаги управления стабилизаторами и повернул их.

Корабль слегка подался назад и стал замедлять движение.

Постепенно снижая скорость, он парил над краем пропасти.

Джезус Пиетро наклонился вперед и внимательно наблюдал за направлением движения. «Планк» больше не опирался на воздушную подушку. У Джезуса Пиетро было такое ощущение, какое бывает в быстро опускающемся лифте. Он видел, как край скалы проносится мимо все быстрее и превращается в черную тень. Вскоре стало видно только звездное небо.

А потом и звезды «погасли».

Корабль начал раскаляться. Снаружи тоже было горячо и темно. Старые стены «Планка» трескали все сильнее по мере того, как увеличивалось давление. А Джезус Пиетро смотрел перед собой и, казалось, чего-то ждал.

Он ждал появления Мэтью Келлера.

ГЛАВА 14

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТИ

Он яростно боролся со сном, стараясь избежать ужасных видений, которые приходили ему во сне. Какой жуткий кошмар, это просто невыносимо!

Затем он почувствовал, что кто-то ощупывает его тело.

Агония?! Он собрался с силами и попытался отпрянуть. Хотя он вложил в это движение все оставшиеся у

него силы, его непослушное тело лишь вяло дернулось, но зато у него вырвался жалобный стон. Чья-то холодная рука коснулась его лба, и чей-то голос — неужели голос Лэйни? — произнес:

— Лежи спокойно, Мэт.

Он вспомнил этот голос, когда снова очнулся после длительного забытья. На этот раз он постепенно возвращался к реальности, хотя ему по-прежнему казалось, что его окружают призраки. Он снова подумал: «Опять этот кошмар!» Но то, что казалось ему призрачным, вдруг стало приобретать реальные очертания, слишком реальные для сновидений.

Его правая нога и большая часть правой стороны тела онемели так сильно, что, казалось, напоминали замороженного поросенка. Другие части тела болели, и он ощущал в них сильную пульсацию крови. Он попытался повернуться, чтобы уменьшить боль, но почувствовал, что привязан. Он открыл глаза и увидел, что вокруг него стоят люди.

Вокруг его постели столпились Гарри Кейн, миссис Хэнкок, Лэйни и еще кто-то, кого он не знал. Среди них была высокая женщина с красными руками в белом халате. Ее лицо чем-то напоминало лица членов Экипажа. Мэту она сразу же не понравилась, потому что ему приходилось видеть людей в таком одеянии в банке органов.

— Он пришел в себя, — проговорила женщина в белом халате низким голосом. — Постарайтесь не двигаться, Келлер. Вам наложили гипс. Эти люди хотят с вами поговорить. Если вы почувствуете усталость, дайте мне знать. Я сейчас же удалю их отсюда.

— Кто вы?

Гарри Кейн сделал шаг вперед и, наклонившись к больному, сказал:

— Это твой доктор, Келлер. Как ты себя чувствуешь?

Как он себя чувствует? Всего лишь минуту назад, как ему показалось, он понял, что мотор, находившийся в ранце, не удержит его в воздухе, но было слишком поздно. Он не мог вспомнить, как падал вниз с полуторамильной высоты.

— Я умираю? — спросил он.

— Нет, вы будете жить, — ответила женщина-врач. — Вы даже не останетесь калекой. Очевидно, космический костюм смягчил удар при падении. Вы всего лишь

сломали одну ногу и несколько ребер, но это заживет, если вы будете четко следовать врачебным предписаниям.

— Хорошо, — сказал Мэт. Ему все было безразлично. Может быть, ему дали наркотик? Он наконец-то понял, что лежит в кровати на спине. Его загипсованная нога поднята вверх, а туловище сдавливает легкая гипсовая повязка, которая мешает ему дышать полной грудью.

— Мне что, сделали пересадку органов?

— Сейчас это неважно, Келлер. Постарайтесь ни о чем не думать, и вы скоро поправитесь.

— А что с Полли?

— Нам не удалось найти ее.

— Она находилась в «Планке», и, очевидно, ей удалось добраться до отсека управления полетом.

— О, — воскликнула Лэйни. Она, очевидно, хотела что-то сказать, но передумала.

Гарри сказал:

— «Планк» упал в бездну.

— Да?

— Да, но ты ведь успел освободить ее?

— Я освободил ее, — сказал Мэт. — Но она была фанатичка, как, впрочем, и все вы. Я сделал для нее все что смог.

Комната снова поплыла перед его глазами, он проваливался в забытие, вновь испытывая те ощущения, которые были у него в моменты взлета корабля. Откуда-то издали до него донесся уверенный мелодичный голос женщины — члена Экипажа:

— Свидание окончено. Прошу всех выйти.

Женщина-врач проводила посетителей до двери палаты. Гарри Кейн взял ее под руку и попросил выйти вместе с ними в коридор. Там он спросил:

— Как вы думаете, когда он поправится?

— Отпустите мою руку, мистер Кейн.

Гарри отпустил, но повторил свой вопрос:

— Так когда же?

— Не беспокойтесь. Он не останется инвалидом. Уже через неделю мы наложим ему более легкий гипс для ходьбы. А через месяц уже можно будет сделать определенные выводы.

— А через сколько времени он сможет приступить к работе?

— Если повезет, через два месяца. А почему это вас так интересует, мистер Кейн?

— Это секрет.

Женщина нахмурилась:

— Что бы вы ни планировали для него, вы не должны забывать, что он мой пациент. Он не сможет ничего делать, пока я ему не разрешу.

— Ну хорошо. Только я хотел бы, чтобы вы ничего не говорили ему о пересадке органов. Ему это не понравится.

— Я ему ничего не скажу. Но эти данные записаны в анналах Госпиталя. И с этим ничего нельзя поделать.

Когда она ушла, Лэйни спросила с упрёком:

— Что ты так наседал на нее?

— У меня есть одна мысль относительно Мэта. Я расскажу тебе об этом позднее.

— Не хватит ли с него?

— Нет, — ответил Гарри Кейн. — Я хотел бы, чтобы это было так. Но, к сожалению, наша работа еще не закончена.

Миллард Парлет был почти на грани своих физических и духовных сил. Он пришел в кабинет Джексона Пиетро Кастро вечером в воскресенье, еще до того как была восстановлена наружная стена, и оставался там до сих пор. Сюда ему приносили еду, и он спал в кровати Кастро, если у него было время для сна, что, впрочем, случалось редко. Иногда ему казалось, что его жизнь приближается к тому кризису, наступление которого он предсказывал еще сто лет тому назад.

Корабль «Планк» нанес Госпиталю непоправимый ущерб. Но работы по восстановлению разрушенного все же шли полным ходом. Парлет сам подыскал строительную фирму, которой можно было довериться, и платил им из своих личных сбережений. Когда-нибудь он надеялся провести оплату счетов через Совет, но не сейчас. Между тем рабочие уже заканчивали окраску внешней стены, на месте которой еще в воскресенье зияла огромная дыра.

Сейчас он был обеспокоен тем, что почти половина состава Специальной полиции хотела покинуть ее ряды.

События предыдущей недели оказали разлагающее влияние на моральные устои полицейских. Обвинение главы полиции в измене и насильственное свержение его с этого поста было лишь частью трагедии. Действия

Элейн Мэтсон и Мэтью Келлера, которые буквально начинили Госпиталь бомбами и хитроумными устройствами, тоже сыграли отрицательную роль. Освобождение узников вивария, ожидавших своей очереди на изъятие органов, привело впервые к кровавым столкновениям с полицией прямо на территории Госпиталя. Но самое сильное впечатление на сотрудников Госпиталя, полицейских и всех жителей плато Альфа произвела гибель корабля «Планк». Ведь корабль был важным памятником истории этой планеты.

В связи со всеми этими событиями Специальная полиция утратила ясность цели своих действий. Все наблюдения за теми плато, где жили колонисты, были отменены. Все выявленные ими мятежники теперь свободно разгуливали по Госпиталю, и никто не смел их арестовать. А их отношение к сотрудникам полиции было грубым и презрительным. Распространились слухи, что Миллард Парлет составляет новые законы с целью дальнейшего ограничения власти полиции. Было неприятно осознавать, что в один прекрасный момент эти слухи станут реальностью.

Парлет делал все что мог, чтобы поднять дух своих подопечных. Он лично говорил с каждым, кто подавал в отставку. Некоторых он даже уговорил остаться. По мере того как ряды полиции сокращались, он старался найти новые направления деятельности для тех, кто еще остался под его руководством.

В то же самое время ему приходилось балансировать между четырьмя основными блоками, сосредоточившими власть на плато Альфа.

Главный Совет членов Экипажа в прошлом беспрочно подчинялся Парлету. Он надеялся, что, если ему повезет, он снова заставит их поверить ему и сможет по-прежнему руководить работой Совета. А Экипаж в таком случае поддержит Совет.

Но он опасался, что восстание колонистов и ослабление полиции вызовут у членов Экипажа панику, и тогда Совет не сможет справиться с ними.

Члены организации «Дети Земли» будут слушаться только Гарри Кейна. А Кейн был неуправляем, и уж во всяком случае он совершенно не доверял Милларду Парлету.

Те колонисты, которые не принимали участия в восстании, несомненно, вели себя по-прежнему спокойно,

если бы Гарри Кейн не оказывал на них давления. Однако «Дети Земли», которые знали о том, что привез Робот-разведчик, могли в любую минуту довести колонистов до яростного желания убивать. Теперь вопрос заключался в том, захочет ли Гарри Кейн дожидаться появления Нового Закона.

Четыре группировки, претендующие на власть. Кроме того, полиция. А он, стоявший во главе всего этого, должен был заниматься такой бесконечной массой мелочей, мелких жалоб, раздачей наказаний, переписыванием бумаг, тонкими интригами. Он мог заблудиться в этом лабиринте ничтожных дел и в один прекрасный момент неожиданно для себя узнать, что орущая армия колонистов уже начала штурм Госпиталя.

Удивительно, как он вообще смог привлечь на свою сторону Мэта Келлера.

А Мэт между тем по-прежнему лежал на спине в гипсовой повязке, с поднятой вверх ногой. Ему давали таблетки, которые уменьшали боль, но не снимали ее полностью.

Женщина-врач в белом халате, который явно говорил о ее принадлежности к банку органов, время от времени осматривала его. Во время осмотров Мэту все время казалось, что она считает его потенциальным клиентом для банка органов, причем не лучшего качества. В среду он подслушал, что коллеги называли ее «доктор Беннет». Самому ему никогда не пришло бы в голову спрашивать ее имя, да и она, видимо, не считала нужным представляться.

В ранние утренние часы, когда действие таблеток уже кончалось, или в часы послеобеденного сна ему все еще снились кошмары. Ему снова казалось, что он разбил локтем чей-то нос, и он ощущал ужас и восторг одновременно. Он снова и снова вспоминал, как нашел путь в виварий, как поднял руку и увидел, что по ней струится кровь. Он видел себя в банке органов и, оттого что не мог убежать оттуда, просыпался в холодном поту. Или перед ним проплывала картина нападавших на него полицейских: он держал украденный пистолет и стрелял из него до тех пор, пока рука не сделалась деревянной от ответного выстрела. Когда он пришел в себя, правая рука так и не отошла.

Он думал с тоской о своей семье. Он встречался с Джинни и ее мужем раз в несколько месяцев. Они жили недалеко от главной шахты на плато Гамма. Но мать и отца он не видел уже несколько лет. Как хорошо было бы увидеть их всех!

Даже мысль о шахтных червях вызывала у него ностальгию. Конечно, они были непредсказуемы по сравнению с Худом, Полли или Лэйни... но он, по крайней мере, понимал их.

До сих пор его любознательность не тревожила его. Но в среду вечером она внезапно проснулась в нем.

Почему его лечили в Госпитале? Если они поймали его, то почему до сих пор не расчленили на органы? Каким образом Лэйни и Кейн добились разрешения посетить его?

Он буквально умирал от нетерпения и ждал прихода доктора Беннет, чтобы выяснить все это. Она пришла днем в четверг и, к его удивлению, не проявила желания говорить с ним.

— Я сама не все понимаю, — ответила она на вопрос Мэта. — Я только знаю, что всех мятежников отпустили, и мы теперь не пополняем банки органов. Во главе всего теперь стоит Парлет, и многие из его родственников теперь работают здесь. Подумать только, настоящие члены Экипажа работают в Госпитале!

— Это должно казаться вам странным.

— Да, это просто невероятно. Единственный человек, который, может быть, понимает, что происходит, — это сам Парлет, да и то вряд ли. А как вы думаете?

Мэт мысленно ухватился за этот вопрос:

— Почему вы спрашиваете об этом меня?

— Так ведь это он приказал относиться к вам с максимальным вниманием и даже с нежной заботливостью. У него, должно быть, были для этого основания, ведь так, Кейлер?

— Да, очевидно.

Когда она поняла, что он больше ничего не добавит, она сказала:

— Если у вас есть еще какие-нибудь вопросы, задайте их лучше своим друзьям. Они придут к вам в субботу. Кстати, есть еще одна странная вещь: ваши друзья-колонисты разгуливают по всему Госпиталу, и мы получили указания не трогать их. И, между прочим, среди них есть явные мятежники.

— Я сам один из них.

— Я так и думала.

— После того как моя нога заживет, меня выпустят отсюда?

— Судя по тому, как к вам здесь относятся, я думаю — да. Впрочем, это будет решать Парлет.

Ее отношение к нему все время менялось по ходу разговора: она разговаривала с ним то как с равным, то как с колонистом, то как просто с пациентом.

— А почему бы вам не спросить обо всем этом у ваших друзей в субботу? — добавила она.

В эту же ночь к изголовью его кровати приделали устройство для сна. Он спросил у одного из рабочих:

— А почему этого не сделали раньше? Ведь это лучше, чем давать снотворные таблетки?

— Вы неправильно к этому подходите, — усмехнувшись, ответил ему рабочий. — Большинство пациентов здесь — члены Экипажа. Не думаете же вы, что они захотели бы использовать усыпляющие устройства, принесенные из вивария?

— Они слишком горды для этого, да?

— Я же говорю вам: они члены Экипажа.

На самом деле к изголовью кровати вместе с маской для сна было приделано подслушивающее устройство.

Для Парлета Мэт был частью его рутинной канцелярской работы. Досье Мэта как раз лежало на столе Джезуса Пиетро. Его обложка была покорежена, как и у других документов. Но в целом огонь не уничтожил ничего в кабинете начальника полиции, так как кабинет находился достаточно высоко.

Парлет просматривал все эти досье, скопившиеся за много лет в кабинете начальника полиции. Именно сейчас он понял, что наибольший вред его Новому Закону могло бы нанести уничтожение организации «Дети Земли». Только они могли способствовать проведению Закона в жизнь, ибо имели большое влияние на колонистов. Сами же они не подчинялись никому.

Досье Мэтью Келлера поразило Парлета своей неупорядоченностью. В нем не было даже достоверных данных, подтверждающих принадлежность Келлера к мятежной организации. Но по всей видимости, он все же принадлежал к ней. В записях Кастро был отмечен тот факт, что Келлер освободил узников вивария, а также то, что он был ранен, когда проник в Госпиталь во

второй раз. Должно быть, именно он был одним из виновников гибели «Планка». Он, казалось, был каким-то образом связан с таинственным символом кровотока сердца. Но в таком случае Мэтью Келлер был одним из активных участников заговора.

Об этом говорил и повышенный интерес к нему со стороны Гарри Кейна.

Первым импульсивным желанием Парлета было дать Келлеру умереть от ран. Ведь он причинил столько вреда. Чего стоила одна только потеря библиотеки, находившейся на погибшем корабле! Но позже Парлет понял, что будет гораздо полезнее заручиться доверием Гарри Кейна.

В четверг доктор Беннет сообщила ему, что Келлер ожидает посетителей в субботу. Парлет решил поставить в палату аппарат для прослушивания на всякий случай. Он сделал отметку в своем служебном блокноте о свидании в субботу в полдень и занялся другими делами.

Когда Худ закончил говорить, Мэт улыбнулся и произнес:

— Я же говорил вам, что я видел маленькие сердца и печенки.

Но это не разрушило торжественности их поведения. Все четверо стояли вокруг его кровати с таким сосредоточенным выражением лица, которое бывает у членов жюри в момент объявления приговора.

Когда они впервые пришли к нему, он решил, что их всех захватили для банка органов. Они выглядели такими предельно серьезными и передвигались с такой уверенностью, что казалось, будто они отрепетировали эту сцену заранее.

Сейчас говорил в основном Худ. Гарри Кейн не прерывал его, и даже Лэйни и миссис Хэнкок не вставляли своих комментариев. Речь Худа тоже производила впечатление отрепетированной заранее. Казалось, кто-то ему приказал:

— Ты расскажешь ему обо всем. Но только очень осторожно. А уж потом... — Все, о чем до сих пор рассказывали Мэту, звучало весьма утешительно.

— У вас такой странный вид, как будто есть какие-то плохие новости, — сказал Мэт. — Почему вы такие грустные? Все хорошо. Мы теперь будем жить вечно.

Больше не будет полицейских облав. Никто не будет отправлять нас в банки органов без суда и следствия. Мы даже могли бы начать строить дома из дерева, если бы захотели. Наконец-то наступило наше время.

Молчавший до сих пор Гарри Кейн произнес:

— А что, если Парлет не сдержит своих поспешных обещаний?

До Мэта все еще не доходил смысл слов Гарри Кейна, но он сказал:

— А ты думаешь, он мог бы?

— Давай рассуждать логически, Келлер. Парлет сейчас выполняет функции Кастро. Он начальник Специальной полиции.

— Но ты же этого хотел.

— Да, — ответил Кейн. — Я хочу, чтобы в его руках сосредоточилась вся власть, потому что он единственный человек, который может, если захочет, провести Новый Закон через Совет. Но давайте прикинем, хватит ли у него влияния для этого.

— Парлет, во-первых, управляет Специальной полицией, — Кейн загнул один палец. — Он обучил своих родственников пользоваться оружием, и теперь большая часть оружия на планете находится в их руках. Это во-вторых. В-третьих, он полностью контролирует Совет. Да, Парлет на верном пути, и он вполне может стать первым императором нашего мира!

— Но ты же можешь остановить его. Сколько раз ты говорил, что сможешь поднять против него всех колонистов, если понадобится.

Кейн безнадежно махнул рукой:

— Этого нельзя сейчас сделать. Конечно, угроза восстания всегда будет нависать над ним, особенно после ослабления полиции. Но ни мы, ни Парлет сейчас не заинтересованы в кровопролитии. Так что нам следует найти какой-то другой способ воздействия на него.

Четыре сосредоточенных лица явно ожидали от него ответа. Но что, черт подери, все это значило? Мэт сказал:

— Ну хорошо, раз вы осознали проблему, вы должны найти и ее решение.

— Нам нужен невидимый убийца.

Мэт приподнялся на локте и внимательно посмотрел через гипсовые распорки, поддерживающие его ногу, на Кейна. Нет, Кейн не шутит. Усилие, сделанное Мэтом,

не прошло ему даром, и он в изнеможении снова откинулся на кровать.

Лэйни положила свою ладонь на руку Мэта и просто сказала:

— Мэт, это единственное решение проблемы. И это великолепно придумано. Какое бы влияние ни приобрел Парлет в политике, он никогда не сможет защититься от тебя.

— Ты должен это сделать, или будет гражданская война, — добавил Кейн.

У Мэта перехватило горло, и он с трудом произнес:

— Вы шутите? — В его голосе звучало бесконечное удивление. — Мне кажется, вы сошли с ума. Разве я похож на убийцу? Я никогда никого не убивал и в будущем не собираюсь делать этого.

— Ты весьма успешно применял оружие против своих врагов на прошлой неделе.

— Что?! Я же использовал усыпляющий пистолет или дрался на кулаках. Разве это сделало меня потенциальным убийцей?

— Пойми, — неожиданно вставил Худ. — Мы не хотим, чтобы тебе действительно пришлось его убить. Ты только будешь воплощением угрозы для Парлета — и ничего больше. Ты будешь регулировать баланс сил между Парлетом и «Детьми Земли».

— Я же шахтер, — возразил Мэт, сделав отрицательный жест левой рукой, — движение, которое не вызывало боли в боку. — Шахтер, — повторил он с нажимом. — Я привык тренировать червей, чтобы они находили металлы. Мой хозяин продавал металлы, покупал на вырученные деньги червей и еду для них и платил мне небольшую зарплату. Подождите-ка, а вы сказали Парлету об этой вашей затее?

— Нет, конечно нет. Он не узнает об этом вообще, если ты не согласишься. А если согласишься, то подождем, пока ты выйдешь из Госпиталя.

— Черт подери, надеюсь, что вы поступите разумно. Ведь если Парлет поймет, что я опасен для него, а я все еще совершенно беспомощен... Я предпочитаю быть на плато Дельта, когда вы скажете Парлету об этом. Или лучше даже на Земле!..

— Так ты согласен?

— Нет, Кейн! Я ни за что не соглашусь. Ведь у меня семья. Вдруг Парлет возьмет их в заложники?

— Да, у него есть родители и сестра, — подтвердил Худ. — Родители находятся на Йоте.

— Не беспокойся, — сказала Лэйни с улыбкой. — Мы позаботимся о них, Мэт. Они будут в безопасности. Кейн кивнул:

— Если кто-нибудь тронет хоть один волосок на твоей голове или будет угрожать членам твоей семьи, я объявлю тотальную войну. Я скажу Парлету об этом и заставлю его поверить, что я действительно сделаю так.

Мэт всерьез стал думать, не позвать ли ему доктора Беннет. Это, пожалуй, не поможет. Если даже она выгонит их сейчас, они вернутся позже со своим предложением.

Мэт лежал на спине и не мог сдвинуться даже на три дюйма, чтобы не испытывать боли. Он чувствовал себя как пленный.

— Вы действительно все обдумали до мельчайших деталей. А почему сказали мне об этом только сейчас?

Джей Худ сказал:

— Видишь ли, я хотел присутствовать при этом разговоре. А у меня сегодня первый выходной день.

— Ты снова вернулся в школу, Джей?

— Да, я считаю очень важным преподавать историю в то время, когда мы ее делаем.

Обычно невыразительный голос Худа сейчас звучал торжественно. Он явно чувствовал себя в своей стихии. «Странно, — подумал Мэт, — я никогда не замечал, насколько Худ любит себя своим „я“».

— Вы втянули меня в ваш разговор, — сказал Мэт.

— Извини. Я виноват перед тобой. Но поверь мне, Мэт, я выбрал тебя как возможного исполнителя.

Мэт ничего не ответил, и Худ продолжал:

— Однако уверен, что лучшей кандидатуры нам не найти. Твоя помощь нам очень нужна. Разреши мне объяснить тебе все поподробнее. Ты был на грани смерти, Мэт...

— Хватит, Джей, — резко сказала Лэйни.

— Нет, Лэйни. Он имеет право знать все. Мэт, когда у тебя произошел перелом ребер, у тебя также оказались сильно поврежденными левое легкое и диафрагма. Кейну пришлось поговорить с Парлетом о том, чтобы...

— Замолчи, Джей.

— Ну хорошо, Лэйни. — Худ явно обиделся.

— Мэт, право же, мы не хотели говорить тебе. Тебе ни к чему это знать.

Так, значит, в его теле теперь были куски чужого организма. В его грудной клетке. Частичная пересадка органов.

Мэт сказал:

— Ладно, Лэйни. Что ты советуешь мне сделать?

Лэйни опустила глаза, затем подняла голову и посмотрела прямо ему в глаза:

— Конечно, выбор за тобой, Мэт. Но если не ты, нам не поможет никто. — Она на минутку замолчала, затем заговорила торопливо: — Мэт, прошу тебя, не делай из этого историю. Мы же не просим тебя сейчас же броситься и убить кого-нибудь. Мы даже не будем возражать, если ты вернешься к своим шахтным червям. Ты сможешь работать там всю свою жизнь и будешь получать небольшую дополнительную плату...

— Спасибо.

— ...за то, что будешь всегда наготове. Возможно, Парлет будет вести себя честно. Возможно даже, что он действительно хочет превратить нашу планету в рай. Может быть, все так и будет. Но если... — Она наклонилась вперед в неудобном больничном кресле и так сильно сжала его запястье, что ногти впились в кожу. Она заглядывала ему в глаза. — Но если Парлет окажется слишком властолюбивым, то в этом случае ты должен будешь остановить его. Никто другой не сможет этого сделать.

— Сейчас надо, чтобы вся власть была в его руках, потому что иначе будет гражданская война. Но если понадобится его остановить, ты должен будешь это сделать. Иначе мы назовем тебя трусом.

Мэт попытался отдернуть руку, но от усилия в левой стороне тела возникла сильная боль. Казалось, что кто-то ударил его в бок кованым сапогом.

— Вы фанатики! Все четверо! — крикнул он. Но он все равно был в ловушке...

Лэйни отпустила его руку и откинулась назад. Ее взгляд стал мягким и задумчивым, а зрачки сузились.

Мэт расслабился; каждый задумался о чем-то своем. Джей Худ что-то тихо напевал. Миссис Хэнкок хмурилась. Очевидно, ей пришли в голову невеселые мысли.

Счастье Мэта Келлера снова пришло ему на выручку и предоставило ему несколько свободных минут для окончательного решения.

«Счастье Мэта Келлера». Старая шутка, анекдот с

бородой. Если бы он не использовал свои способности, чтобы «спасти» Полли, может быть, она была бы сейчас жива. Если бы он в свое время не пришел к Джею Худу за разъяснениями, он спокойно заканчивал бы свою жизнь на привычной работе в шахте. Неудивительно, что такая форма «счастья» никогда прежде не встречалась, да и в будущем вряд ли встретится.

Его так называемое «счастье» приносило только вред. Из-за него он оставался девственником до двадцати одного года. Из-за него погибла Полли. Из-за него вот теперь Лэйни относилась к нему не как к мужчине, а как к инструменту для достижения цели. И конечно же, это так называемое «счастье» занесло его на «Планк», на борту которого он не выжил бы, если бы не обладал свойством психологической невидимости. А потом, когда он должен был погибнуть вместе с кораблем, его слепое «счастье» вынесло его за борт, и вот он теперь обречен ходить с чужими легкими в груди.

Человек должен уметь скрывать свои мысли. Даже если ему удастся заставить их уйти усилием воли, они вернутся снова. И будут возвращаться все время. Ведь он, Мэт Келлер, теперь для них лишь инструмент для достижения цели, наемный убийца! Нет, это не для него!

— Миссис Хэнкок, — сказал Мэт.

Все остальные вздрогнули и вышли из оцепенения. Они снова смотрели на него с интересом.

— Миссис Хэнкок, вы хотите что-нибудь сказать мне?

— Пожалуй, нет, — ответила уже немолодая женщина-революционерка, которой следовало бы быть просто замечательной домашней хозяйкой.

— Вы не произнесли ни слова с тех пор, как остальные начали уговаривать меня. Зачем вы пришли сюда?

Она пожала плечами:

— Просто хотела посмотреть, что произойдет. Кстати, Келлер, вы когда-нибудь теряли кого-нибудь, кого вы очень любили?

— Конечно.

— Его забрали в банк органов?

— Это был мой дядя Мэтью.

— Я сделала все, что возможно, чтобы не допустить пересадки органов. Доктор Беннет даже сказала, что вы и без этого могли бы жить, но, конечно, остались бы калекой.

— Это было бы лучше, — сказал Мэт, хотя он и не был уверен, что говорит правду.

— Я считала необходимым уничтожить все банки органов при первой же возможности. Но теперь я вижу, что далеко не все так настроены. Вероятно, никто из них не пережил того, что пережила я, — трагедию расчленения любимого мужа на части для банка органов.

— Договаривайте до конца.

Она снова пожала плечами:

— Я не уверена, что вы так важны для нашего дела, как считает Гарри. И вообще я думаю, что на свете нет ни одного человека, о котором стоило бы так заботиться. Вы спасли нас из Госпиталя, да, это так. Без вас Парлет никогда не пришел бы к нам, это тоже верно. Мы вам благодарны за все это. Но стоило ли разрезать другого человека, чтобы в знак благодарности спасти вас, пересадив вам его органы? Это, безусловно, было бессмысленно и жестоко.

— Вот и еще один человек погиб, а мы все еще не хотим принять решение об уничтожении всех банков органов. Мы просто стараемся так изменить законы, чтобы меньшее количество людей подвергалось расчленению — только те, которые действительно заслужили серьезного наказания. Если бы вы были настоящим мужчиной, вы обязательно помогли бы нам. Я думаю, это единственное, что вы можете сделать в память об этом погибшем ради вашего спасения человеке.

— Это будет чистая благотворительность.

Миссис Хэнкок так резко сжала губы, что можно было подумать, что она захлопнула мышеловку.

— Хорошо, — сказал Мэт. — Я присоединяюсь к вам, но не из благодарности. Позвольте мне привести свои доводы.

— Давай, давай. Мы слушаем тебя, — отозвался Гарри Кейн. Он единственный не выражал никакого удивления по поводу решения Мэта.

— Я теперь не смогу вернуться к своим шахтным червям. Это исключено. Но я не стану наемным убийцей; говорю вам это, чтобы между нами не было недоразумений. Я никогда не совершал убийств, у меня для этого не было повода. Если же мне придется в будущем убить кого бы то ни было, то я хотел бы точно знать, зачем это необходимо... И существует только один путь, чтобы

я наверняка знал об этом. С сегодняшнего дня мы все пятеро становимся руководителями организации «Дети Земли». — Он увидел, что его слова не понравились Гарри Кейну, но решил высказать все до конца. — Я хочу участвовать в принятии всех решений. Я требую, чтобы меня информировали обо всем, что происходит. Что ты скажешь на это, Гарри?

— Говори уж до конца.

У Мэта пересохло во рту. Он понял, что он приобрел в лице Гарри Кейна злейшего врага.

— Ваша организация, — продолжал Мэт, — не должна убивать людей без моего согласия, а я не дам вам согласия, пока не буду убежден, что это совершенно необходимо. Таким образом, чтобы принять такое решение, я должен буду знать все и обо всех. Да, еще одно. Если я когда-нибудь узнаю, что один из вас пытается обмануть меня, я убью его, потому что обман будет означать убийство невинных людей.

— Не слишком ли много ты на себя берешь? Смотри не подавись. — Голос Кейна звучал тихо и ехидно.

— Не беспокойся, — отчетливо произнес Мэт. — Это моя власть, и это моя забота, как я буду со всем этим справляться.

— Твое дело. — Гарри встал. — Ну хорошо, завтра один из нас принесет тебе копию Нового Закона Парлета. Полный текст. Если позднее мы захотим внести исправления, мы дадим тебе знать.

— Я хотел бы знать, что вас не устраивает, прежде чем вы внесете исправления в текст.

Кейн секунду поколебался, затем утвердительно кивнул головой, и они ушли.

Миллард Парлет вздохнул и отключил приемник:

— Убийца-невидимка? Странно было слышать эти слова от такого практичного человека, как Гарри Кейн. Что он имел в виду? В конечном счете Кейн, безусловно, расскажет ему.

Но это, впрочем, не имело значения. Ясно было одно: Кейну можно доверять. И только это действительно было важно. Кейн был заинтересован в деятельности Парлета, и Парлет, конечно же, воспользуется этим, чтобы не дать ему развязать гражданскую войну.

А теперь Миллард Парлет мог заняться текущими

делами. Он знал, что в приемной ждет представитель, которого послала Специальная полиция для того, чтобы он мог вручить Парлету их претензии. Этот человек ждал уже довольно долго и, очевидно, находился не в лучшем настроении.

Парлет наклонился к переговорному устройству и сказал:

— Впустите его, мисс Лоэссон.

— Хорошо, сэр.

— Минутку. А как его зовут?

— Капрал Хэлли Фокс.

— Благодарю вас. А пока, пожалуйста, пошлите запросы официальным лицам на плато Гамма, Дельта и Йота по поводу родословной Мэта Келлера.

— Уже сделано, сэр. Он потомок шахтера,

Черт подери! Как Кастро мог работать с этой женщиной? Парлет улыбнулся. Впрочем, почему бы и нет? Он будет отныне заниматься только политикой и Советом, а Гарри Кейн позаботится обо всем остальном. Убийца-невидимка, похоже, снял с него половину забот.

— Это будет странный альянс, — сказал Гарри Кейн, когда они вышли от Мэта. — У Парлета в руках все оружие планеты, кроме того, которое мы создали в подвалах. У него также все источники электричества, банки органов и большая часть богатства. А что у нас? Только Мэт Келлер.

— Нам повезло, что он у нас есть, — сказала Лэйни.

Мимо прошла рыжеволосая девушка в цветастом платье и быстро скрылась за поворотом коридора, — наверное, кто-то из членов Экипажа, пришедших навестить своего родственника. Они переждали, пока девушка пройдет. Гарри Кейн ухмыльнулся: его позабавило испуганное выражение, появившееся на ее лице, когда она увидела их. Им придется привыкнуть к этому — к присутствию колонистов в святой святых — Госпитале.

Джей Худ сказал:

— Мы его прижали. Или он нас? — Он ударил кулаком по стене, вызвав сильный грохот, который повторился вдали в виде эха. — Вы можете себе представить, что сказали бы историки по этому поводу? Но они, наверное, никогда об этом не узнают.

Мэт лежал на спине и смотрел в потолок.

Он сделал правильный выбор. Он был в этом уверен. Если бы у него была власть, тогда кому-то пришлось бы подчиниться ей.

У него самого не было никакой власти.

Мутация иногда так изменяет организм, что человек не может производить потомства. Единственный способ для Мэта стать отцом заключался в том, чтобы отказаться от своего так называемого «счастья», по крайней мере, в личной жизни. В цивилизованном мире невидимый человек никуда не вхож.

Стукнула дверь, кто-то вошел. Мэт повернул глаза и увидел яркую голубизну платья.

— Простите, — сказала девушка и уже собиралась выйти. Она была высокая, стройная, с темно-рыжими волосами, уложенными в фантастическую прическу. У нее было платье такого фасона, которое никогда раньше не встречалось на плато Дельта, свободное и вместе с тем прилегающее, к тому же оно буквально светилось. Лицо, привлекательное своей необычностью, широкие ноздри и высокие скулы — все это говорило о том, что она типичный представитель Экипажа.

— Подождите минуточку, — окликнул ее Мэт.

Она обернулась с удивлением. Ее удивление было вызвано не тем что Мэт сказал, а тем, как он это сказал — с сильным колониетским акцентом. Когда она обернулась, то распрямила спину, подняла подбородок и приняла сердитый и даже злобный вид. Мэт покраснел.

И прежде чем она успела отвернуться, он твердо взглянул ей в глаза и мысленно приказал: «Смотри на меня!»

Она продолжала смотреть на него и вдруг вся обмякла, а ее лицо приобрело выражение отрешенности и мечтательности.

«Продолжай смотреть мне прямо в глаза, — внушал он. — Я подавляю твою волю. Так? Так! Не отводи взгляда!»

Она сделала нерешительный шаг в его сторону.

Мэт перестал гипнотизировать ее. Она сделала по инерции еще один шаг, и вдруг на ее лице отразился ужас. Она резко повернулась и выбежала из комнаты, преследуемая раскатистым смехом Мэта.

С ним произошла необратимая мутация?

Может быть, и нет.

Корабль инопланетян был похож на елочную игрушку: шар, сплетенный из бесчисленного количества ярких, блестящих лент, которые каким-то чудом нигде не соприкасались между собой. По своей площади и количеству находящихся в нем существ корабль не уступал городу Нью-Йорку. Сами же существа были похожи на черную плетку-девятихвостку с утолщенной ручкой.

Расположенный в нескольких милях вперед и на конце соединительных кабелей ядерный двигатель освещал тусклым светом весь корабль. Сплетенные ленты отбрасывали резкие в безвоздушном пространстве тени, накладывавшиеся друг на друга, и на границах света и тени лежали пассажиры корабля. Они расположились так, что их утолщенные верхние части находились на ярком свете, а их ветвистые хвосты — в тени. Лежа так, они впитывали энергию термоэлектрических полей. Ядерная радиация, излучаемая работающим двигателем корабля, незаметно пропитывала их тела. Это было спокойное, праздное времяпрепровождение.

В полете через межзвездное пространство делать практически было нечего.

Так продолжалось до тех пор, пока курс корабля не пересекла вспышка голубого ядерного пламени, выбросившего в космос заряженные частицы и электромагнитные поля с полнейшей небрежностью.

Через какую-то долю секунды неизвестный объект, совершивший этот выброс, уже не был виден для чувствительных глаз инопланетян. Но не для чутких приборов корабля. Через час инопланетяне точно знали все его параметры: координаты, скорость, массу, тип двигателя. Объект был металлическим, приводился в движение ядерным двигателем и использовал в качестве топлива межзвездный водород. Совсем не примитивное устройство, но...

Построено потенциальными клиентами.

В каждой рукаве Галактики жили инопланетяне. Чтобы перемещаться в своих кораблях, они использовали всевозможные типы двигателей от фотонных парусов до безынерционных двигателей. Но их корабли всегда двигались в Эйнштейновом пространстве. Полеты в гиперпространстве считались вульгарными. Инопланетяне никогда не пользовались гиперпространственным двигателем.

Другие существа, жившие в космосе, думали иначе.

Они не любили медленно тащиться в космосе, наслаждаясь внешними красотами, отдыхая. Всем этим прелестьям они предпочитали скоростные удобства путешествия в черном гиперпространстве. Уже сотни раз представители чужих рас покупали у пролетающих инопланетян секрет гипердвигателя.

Торговый корабль легко развернулся в сторону звезды Порцион и к колонии людей на планете Покоренной, направляясь вслед за Межзвездным Роботом-разведчиком № 144. Инопланетяне не стремились догнать его и продолжали двигаться с обычным ускорением $0,01\text{ g}$.

На двух лучах ядерного пламени промышленная революция приближалась к планете Покоренная.

БЕГ ИНОХОДЦА. *Рассказы*

Бег иноходца	9
Левиафан	25
Синица в руке	37
Волк в машине времени	59
Смерть в камере	78
Безумная толпа	93
Тайна стеклянного кинжала	154

НЕЙТРОННАЯ ЗВЕЗДА. *Рассказы*

Нейтронная звезда	195
Осколок империи	215
В глубине души	236
Древнее оружие	258
Брюхошлеп	313
Этика безумия	356

ПОДАРОК С ЗЕМЛИ. *Роман* 391

Литературно-художественное издание

Перевод с английского

Ларри Нивен
ОСКОЛОК ИМПЕРИИ

Зав. редакцией
Геннадий Белов

Отв. редактор
Светлана Мальшьева

Художник
Андрей Куташов

Художественный редактор
Виктор Меньшиков

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректоры
Алевтина Борисенкова, Ольга Карпеева

Верстка
Светланы Широкой

Подписано к печати с оригинал-макета 10.03.94.
Формат изд. 84×108¹/₃₂. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,6 Тираж 20 000 экз.
Изд. № 352. Заказ № 697.

Издательство «Северо-Запад»
191187, Санкт-Петербург, наб. Кутузова, 6

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии им. Володарского
Лениздата, 191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 57.

Серепо-Занэг®.